X

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 5.

МАЙ 1913.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 5-я.—МАЙ. 1913.

	стран.
I.—НА ПАРОХОДѢ.—Изъ воспоминаній проходящаго.—**М. Горькаго**	5
II.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Г. Вяткина**	26
III.—ДѢТИ.—Очеркъ третій. Марфа, Никишка и Пузанокъ.—**Д. Айзмана**	27
IV.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Бориса Садовского**	58
V.—НА РОДИНѢ. Окончаніе.—Разсказъ.—**Ник. Олигера**	59
VI.—Я и ТЫ.—(Изъ Людвига Якобовскаго).—Стихотвореніе.—**Анатолія Доброхотова**	102
VII.—ИЗЪ ДАМСКИХЪ ПИСЕМЪ. Разсказъ.—**Ек. Лѣтковой**	103
VIII.—ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ МАТЕРИ.—Стихотвореніе.—**Всеволода К.**	131
IX.—ВЪ ГЛУБИНѢ ПРЕИСПОДНЕЙ. — (По замѣткамъ, писаннымъ въ ней самой).—(Продолженіе)—**Н. Морозова**	132
X.—КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА.—**Юлія Гессена**	176
XI.—КЛЯТВА СТЕФАНА ГУЛЛЕРА. — Романъ Голлендера (окончаніе). — Съ нѣмецкаго перев. **З. Журавской**	190
XII.—ХРОНИКА.—ФОРМЫ ОБЩИННАГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЯ ВЪ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.—**В. В. Солдатова**	241
XIII.—ИЗЪ НАУЧНОЙ ЛѢТОПИСИ 1912 ГОДА.—Отбой мендельянцевъ.—(Окончаніе).—**К. Тимирязева**	267
XIV.—ГАРАНТІЯ ПРАВЪ И НОВАЯ ПРАКТИКА.—Проф. **М. Чубинскаго**	283
XV.—ПИСЬМО ИЗЪ АЛЖИРА.—**Діонео**	302
XVI.—«С.-ГОТАРДСКАЯ КАПИТУЛЯЦІЯ».—(Письмо изъ Швейцаріи).—**А. Дивильковскаго**	316
XVII.—БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И АЛБАНСКІЙ ВОПРОСЪ.—**Л. Слонимскаго**	330
XVIII.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Крикливая любовь къ балканскимъ славянамъ и подлинное отношеніе къ «братьямъ-славянамъ» внутри Россіи.—Репрессіи, кары и пресѣченія, примѣняемыя къ украинцамъ и полякамъ.—Уравненіе въ репрессіяхъ всѣхъ народностей.—Гоненія на газеты.—Закрытіе библіотекъ.—Изъ области бодрящихъ фактовъ.—Городскіе выборы и побѣды на нихъ обновленцевъ.—Открытіе въ селахъ средне-учебныхъ заведеній.—Киргизская гимназія.—Давленіе сверху и отпоръ снизу.—**И. Жилкина**	336
XIX.—ПОХОДЪ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ ПРОТИВЪ СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.—**Максима Ковалевскаго**	346
XX.—ПѢСНИ-ПАМФЛЕТЫ XVI ВѢКА.—(Изслѣдованіе С. Шамбинаго. М. 1913).—**Всев. Миллера**	370
XXI.—ПИСЬМА ЧЕХОВА.—**Ч. Вѣтринскаго**	380
XXII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Горе отъ ума», комедія. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Жандровская рукопись. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова.—**А. Фомина.**—Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Под. ред. М. Гершензона. Т. I. — Кн. Одоевскій. Русскія ночи. Подъ ред. С. А. Цвѣткова. — П. Е. Щеголевъ. Историческіе этюды.—**Ч. В—скаго.**—В. А. Бутенко. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи.—**К.**—Е. В. Тарле. Континентальная блокада. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона (съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ). — **К.** — Масонскіе труды И. В. Лопухина. 1) Духовный рыцарь. 2) Нѣкоторыя черты о внутренней церкви. Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка.—**А. Т.** — К. Военскій. Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 г.—**С. Г.**—Д-ръ. Н. А. Вигдорчикъ. Опасность промышленнаго труда. Основы и выводы изъ статистики профессіональнаго травматизма.—**В. Б—а.**—Происхожденіе человѣка. Настольная книга по воспитанію дѣтей.—Bibliotheque de philosophie scientifique. Henri Poincaré. Dernières pensées. **П. Ю.**—Geschichte der Frankfurter Zeitung.—**И. И. Левина.**	393
XXIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Дипломатія и балканскій кризисъ. — Вопросъ о Скутари.—Австро-Венгрія и «честь Европы».—Офиціальное сообщеніе о русской политикѣ.—Источники военныхъ тревогъ въ Европѣ.—Рѣчь германскаго канцлера	411
XXIV.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Упреки обновленцамъ петербургской городской думы.—Трудности, которыхъ не знали стародумцы.—Интерпретація «Россіи».—Октябристскій проектъ устава о печати.—Отвѣтственность издателей.—«День колоса ржи», безчисленные «дни» цвѣтковъ и «день воздушнаго флота». Л. А. Полонскій и М. А. Газенкампфъ †.—**Кузьмина-Караваева**	424
XXV.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ	437
XXVI.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ	441
XXVII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ	445

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

Д2559
49 г

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

МАЙ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1913 г.

(Сорокъ-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА** и **Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА - КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою **1 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній, уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЯТАЯ.—МАЙ.

		стран.
I.	НА ПАРОХОДѢ.—Изъ воспоминаній проходящаго.—**М. Горькаго**	5
II.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Г. Вяткина**	26
III.	ДѢТИ.—Очеркъ третій. Марфа, Никишка и Пузанокъ.—**Д. Айзмана**	27
IV.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Бориса Садовского**	58
V.	НА РОДИНѢ.—Разсказъ. (Окончаніе).—**Ник. Олигера**	59
VI.	Я и ТЫ.—(Изъ дневника Якобовскаго).—Стихотвореніе.—**Анатолія Доброхотова**	102
VII.	ИЗЪ ДАМСКИХЪ ПИСЕМЪ.—Разсказъ.—**Ек. Лѣкковой**	103
VIII.	ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ МАТЕРИ.—Стихотвореніе.—**Всеволода К.**	131
IX.	ВЪ ГЛУБИНѢ ПРЕИСПОДНЕЙ.—(По замѣткамъ, писаннымъ въ ней самой).—(Продолженіе).—Глава IV. «Хоть гирше, да инше!».—**Н. Морозова**	132
X.	КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА.—**Юлія Гессена**	176
XI.	КЛЯТВА СТЕФАНА ГУЛЛЕРА.—Романъ Голлендера (Окончаніе).—Съ нѣмецкаго, перев. **З. Журавской**	190
XII.	ХРОНИКА.—ФОРМЫ ОБЩИННАГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЯ ВЪ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.—**В. В. Солдатова**	241
XIII.	ИЗЪ НАУЧНОЙ ЛѢТОПИСИ 1912 ГОДА.—Отбой мендельянцевъ.—(Окончаніе).—**К. Тимирязева**	267
XIV.	ГАРАНТІЯ ПРАВЪ И НОВАЯ ПРАКТИКА.—Проф. **М. Чубинскаго**	283
XV.	ПИСЬМО ИЗЪ АЛЖИРА.—**Діонео**	302
XVI.	«С.-ГОТАРДСКАЯ КАПИТУЛЯЦІЯ».—(Письмо изъ Швейцаріи).—**А. Дивильковскаго**	316
XVII.	БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И АЛБАНСКІЙ ВОПРОСЪ.—**Л. Слонимскаго**	330
XVIII.	ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Крикливая любовь къ балканскимъ славянамъ и подлинное отношеніе къ «братьямъ-славянамъ» внутри Россіи.—Репрессіи, кары и пресѣченія, примѣняемыя къ украинцамъ и полякамъ.—Уравненіе въ репрессіяхъ всѣхъ народностей.—Гоненія на газеты.—Закрытіе библіотекъ.—Изъ области бодрящихъ фактовъ.—Городскіе выборы и побѣды на нихъ обновленцевъ.—Открытіе въ селахъ средне-учебныхъ заведеній.—Киргизская гимназія.—Давленіе сверху и отпоръ снизу.—**И. Жилкина**	336
XIX.	ПОХОДЪ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ ПРОТИВЪ СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.—**Максима Ковалевскаго**	346

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

стран.

XX. ПѢСНИ-ПАМФЛЕТЫ XVI ВѢКА.—(Изслѣдованіе С. Шамбинаго. М. 1913).—**Всев. Миллера** 370

XXI. ПИСЬМА ЧЕХОВА.—**Ч. Вѣтринскаго** 380

XXII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — «Горе отъ ума», комедія. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Жандровская рукопись. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. — **А. Фомина.** — Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ ред. М. Гершензона. Т. I.—Кн. Одоевскій. Русскія ночи. Подъ ред. С. А. Цвѣткова. — П. Е. Щеголевъ. Историческіе этюды.—**Ч. В—скаго.**—В. А. Бутенко. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи. — **К.** — Е. В. Тарле. Континентальная блокада. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона (съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ).—**К.** Масонскіе труды И. В. Лопухина. 1) Духовный рыцарь. 2) Нѣкоторыя черты о внутренней церкви. Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка.—**А. Т.** — К. Военскій. Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 г. — **С. Г.** — Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. Опасность промышленнаго труда. Основы и выводы изъ статистики профессіональнаго травматизмо. — **В. Б—а.** — Происхожденіе человѣка. Настольная книга по воспитанію дѣтей.—Biblioteque de philosophie scientifique. Henri Poincaré. Dernières pensées. **П. Ю.**—Geschichte der Frankfurter Zeitung.—**И. И. Левина** 393

XXIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Дипломатія и балканскій кризисъ. — Вопросъ о Скутари.—Австро-Венгрія и «честь Европы».—Офиціальное сообщеніе о русской политикѣ. — Источники военныхъ тревогъ въ Европѣ.—Рѣчь германскаго канцлера 411

XXIV. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Упреки обновленцамъ петербургской городской думы. — Трудности, которыхъ не знали стародумцы. — Интерпретація «Россіи».—Октябристскій проектъ устава о печати.—Отвѣтственность издателей.—«День колоса ржи», безчисленные «дни» цвѣтковъ и «день воздушнаго флота». — Л. А. Полонскій и М. А. Газенкампфъ †.—**Кузьмина-Караваева.** 324

XXV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. 435

XXVI. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 439

XXVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 443

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: К. К. Арсеньева — по субботамъ отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

НА ПАРОХОДѢ.

Изъ воспоминаній «проходящаго».

Вода рѣки гладкая, тускло-серебристая, теченіе ея почти неуловимо, она какъ-бы застыла, принакрытая мглою жаркаго дня, и только непрерывное измѣненіе береговъ даетъ понять, какъ легко и спокойно сноситъ рѣка старенькій рыжій пароходъ съ бѣлой каймой на трубѣ, съ неуклюжей баржей на буксирѣ.

Сонно чмокаютъ шлепки плицъ, подъ палубой тяжело возится машина, сипитъ-вздыхаетъ паръ, дребезжитъ какой-то колокольчикъ, глухо ёрзаетъ рулевая цѣпь, но всѣ звуки—не нужны и какъ будто не слышны въ дремотной тишинѣ, застывшей надъ рѣкой.

Лѣто—сухое, и вода—низка; на носу парохода матросъ, похожій на монаха—худощавый, чернобородый, съ погашенными глазами на желтомъ лицѣ,—мѣрно спуская за бортъ пеструю наметку, стонетъ-поетъ печально тающимъ голосомъ:

— Се-ем... се-ем... шесь...

Словно жалуется:

— Сѣемъ, сѣемъ, а ѣсть—нечего...

Пароходъ, не спѣша, поворачиваетъ свой стерляжій носъ то къ одному берегу, то къ другому, баржа рыскаетъ, сѣрый шнуръ буксира натягивается струною, дрожитъ; золотыми и серебряными искрами летятъ отъ него во всѣ стороны брызги воды,—съ капитанскаго мостика кричатъ въ рупоръ толстыя слова:

— Оол... уо...

Подъ носомъ баржи—бѣлый крылатый валъ, разрѣзанный на двое; онъ волнисто бѣжитъ къ берегамъ.

Въ луговой сторонѣ должно быть горятъ торфяники, тамъ, надъ черными лѣсами, нависло опаловое облако, а можетъ его надышали болота.

Съ правой стороны берегъ высокъ, обрывистъ, все голые глинистые скаты, но иногда они разрѣзаны оврагомъ, въ немъ—въ тѣни—прячутся осины и березы.

Тихо, жарко, безлюдно на землѣ; въ мутно-синемъ, выгорѣвшемъ небѣ—раскаленное до-бѣла солнце.

Безъ конца расплылись луга, кое-гдѣ среди нихъ одиноко стоятъ, заснувъ, деревья, звѣздою дневной горитъ надъ ними крестъ сельской колокольни, вскинуты въ небо сѣрыя крылья мельницы, далеко отъ берега видны парчевыя скатерти зрѣющихъ хлѣбовъ. Люди рѣдко видны.

Все вокругъ немного слинявшее, спокойное и трогательно-простое; все такъ близко, понятно и мило душѣ. Смотришь на медленныя, неувѣренныя измѣненія горнаго берега, на неизмѣнную широту луговъ, на зеленые хороводы лѣса,—какъ они подходятъ къ водѣ и, заглянувъ въ зеркало ея, снова тихо уплываютъ въ даль;—смотришь и думаешь, что не можетъ быть на землѣ столь просто и ласково красивыхъ мѣстъ, каковы эти вотъ—тихіе берега великой рѣки.

Уже на прибрежныхъ кустарникахъ виденъ желтый листъ, но все вокругъ улыбается двойственной, задумчивой улыбкой молодухи, для которой пришла пора впервые родить:—и страшитъ ее это, и радуетъ.

Время—далеко за полдень. Пассажиры третьяго класса, изнывая отъ скуки и жары, пьютъ чай, пиво, многіе сидятъ у бортовъ, молча глядя на берега. Дрожитъ палуба, звенитъ посуда въ буфетѣ и все вздыхаетъ усыпительно матросъ:

— Шесь... шесь... съ половина-ай...

Изъ машины вылѣзъ копченый кочегаръ и, развинченно покачиваясь, тяжело шаркая босыми ногами, идетъ мимо каюты боцмана, а боцманъ, свѣтловолосый, бородатый костромичъ, стоя въ двери и насмѣшливо прищуривъ бойкіе глаза, спрашиваетъ:

— Куда торопишься?

— Митьку дразнить.

— И то—дѣло!

Болтая черными руками, кочегаръ пошелъ дальше, боцманъ, неохотно позѣвнувъ, оглянулся. Около спуска въ машину на длинномъ ящикѣ сидитъ маленькій человѣчекъ въ коричневомъ пиджакѣ, въ новомъ тепломъ картузѣ, въ сапогахъ, облѣпленныхъ сѣрыми комьями засохшей грязи.

Отъ скуки, боцману захотѣлось распорядиться, онъ строго окрикнулъ:

— Эй, землякъ!

Тотъ, пугливо и по волчьи,—всѣмъ туловищемъ,—повернулся къ нему.

— Ты чего тутъ сѣлъ? Написано—«осторожно», а ты сѣлъ! Али не грамотенъ?

Пассажиръ всталъ и, оглядывая ящикъ, отозвался.

— Грамотный.

— А сидишь, гдѣ—нельзя!

— Не видать надпись-то.

— И жарко тутъ; изъ машины масляный духъ. Ты откуда?

— Кашинской.

— Давно изъ дома?

— Третья недѣля.

— Дожди у васъ были?

— Не-е. Какіе тутъ дожди!

— А отчего сапоги у тебя эдакъ грязны?

Опустивъ голову, пассажиръ выдвинулъ впередъ одну ногу, потомъ другую, посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Это не мои сапоги.

Боцманъ ухмыльнулся, его свѣтлая борода весело ощетинилась.

— Ты—что, пьющій, что-ли?

Не отвѣтивъ, пассажиръ тихо, короткими шагами, пошелъ на корму. Рукава пиджака опустились ниже кистей его рукъ, стало ясно, что пиджакъ на немъ съ чужого плеча. Глядя, какъ осторожно и неувѣренно онъ шагаетъ, боцманъ нахмурился, закусилъ бороду, подошелъ къ матросу, усердно оттиравшему голой ладонью мѣдь на двери каюты капитана, и не громко сказалъ ему:

— Тутъ ѣдетъ маленькій, въ рыжемъ пиджакѣ, сапоги грязные—видалъ?

— Видалъ, будто.

— Скажи,—поглядывали-бы за нимъ.

— Жуликъ?

— Вродѣ того...

— Ладно...

За столомъ, около рубки перваго класса, толстый человѣкъ, весь въ сѣромъ, одиноко пьетъ пиво. Онъ уже осовѣлъ въ тяжеломъ опьянѣніи, глаза его слѣпо выкатились и, не мигая, смотрятъ въ стѣну. Предъ нимъ на столѣ, въ липкихъ лужахъ копо-

шатся мухи; они ползаютъ по его сѣдоватой бородѣ, по кирпично-красной кожѣ неподвижнаго лица.

Боцманъ сказалъ, подмигнувъ на него:

— Все гаситъ.

— Такое его дѣло,—отозвался, вздохнувъ, рябой, безбровый матросъ.

Пьяный чихнулъ, мухи тучей взвились надъ столомъ; боцманъ поглядѣлъ на нихъ и, тоже вздохнувъ, сказалъ задумчиво:

— Мухами чихаетъ...

* * *

Я облюбовалъ себѣ мѣсто на дровахъ, надъ трюмомъ кочегарни; и, лежа, смотрю какъ темнѣютъ горы, тихо подвигаясь встрѣчу парохода, бросая на воду траурную пелену. Въ лугахъ еще догораетъ вечерняя заря, стволы березъ красны, новая крыша избы у самаго берега точно кумачемъ покрыта, тамъ все плавится въ огнѣ и, теряя очертанія, течетъ широкими ручьями краснаго, оранжеваго, синяго, а на горѣ стоитъ черный ельникъ, и все напряженно приподнято, острое, точеное.

Уже рыбаки зажгли костеръ подъ горою, огонь, играя, освѣщаетъ бѣлый бортъ лодки, темнаго человѣка въ ней, паутину сѣти, повѣшенной на кольяхъ, и бабу въ желтой кофтѣ, присѣвшую у огня. Надъ костромъ и женщиной растопырилось черное вѣтвистое дерево, и видно, какъ трепещутъ золотисто освѣщенныя листья нижнихъ вѣтокъ.

Все такъ же спокойна рѣка, непоколебима тишина земли; подъ тентомъ третьяго класса такъ же душно, какъ было днемъ. Примятый сумракомъ вечера, говоръ пассажировъ слился въ сплошной, по пчелиному гудящій звукъ: невидно и непонятно, кто о чемъ говоритъ, безсвязны слова, но какъ будто всѣ говорятъ объ одномъ, дружески и правдиво. Слышенъ сдержанный смѣхъ молодой женщины, на кормѣ ладятся пѣть, но не могутъ найти пѣсню всѣмъ по душѣ и негромко, безъ сердца спорятъ. Во всѣхъ звукахъ есть что-то вечернее, мирно-печальное, похожее на молитву.

За дровами, близко отъ меня, густой, гудящій голосъ, не спѣша, разсказываетъ:

— Былъ онъ парень-удача, опрятной, гладкой, а послѣ того—зашмился, запаршивѣлъ, въ сучки пошелъ...

Другой голосъ, бодрый и звонкій, восклицаетъ:

— Ага! Не тянись къ барамъ, не пройдетъ даромъ...

— Однако, сказано, рыба ищетъ—гдѣ глубже.

— А дуракъ—что хуже! Онъ тебѣ не родня?

— Братъ родной...

— О? Ну, прости за слово.

— Ничего. Онъ—дуракъ и есть, ежели прямо-то сказать...

Къ отводу подошелъ пассажиръ въ коричневомъ пиджакѣ; держась лѣвою рукой за стойку, онъ шагнулъ на рѣшетку, подъ которой пѣнно кипѣла вода, взбитая колесомъ, и долго стоялъ глядя за бортъ, покачиваясь, напоминая летучую мышь, которая, зацѣпившись однимъ крыломъ за что-то, виситъ въ воздухѣ. Глубоко надвинутый картузъ согнулъ ему уши, и они смѣшно оттопырились.

Вотъ онъ обернулся, всматриваясь въ сумракъ подъ тентомъ парохода и, должно быть, не различая меня въ дровахъ. Мнѣ хорошо видно его лицо—острый носъ, клочья рыжеватой шерсти на щекахъ и подбородкѣ, маленькіе, неясные глаза. Онъ, видимо, прислушивается къ чему-то.

Вдругъ онъ рѣшительно шагнулъ на отводъ, быстро отвязалъ отъ желѣза перилъ швабру, бросилъ ее за бортъ и тотчасъ сталъ отвязывать другую.

— Эй,—окликнулъ я его—это зачѣмъ?

Онъ подпрыгнулъ, завертѣлся и приложилъ руку ко лбу, отыскивая меня глазами, заговорилъ тихонько, быстро, заикаясь:

— К'акое дѣло, а? В'отъ, вѣдь!..

Я подошелъ къ нему удивленный и заинтересованный его озорствомъ.

— За это съ матросовъ взыщутъ...

Поочередно подтягивая вверхъ рукава пиджака, точно собираясь драться, и тихо притопывая ногою по скользкой рѣшеткѣ, онъ бормоталъ:

— Я вижу, отвязалась она, сейчасъ ее стрясетъ въ рѣку, вижу! Хотѣлъ привязать, да и не сумѣлъ, ускользнула изъ рукъ...

— А мнѣ показалось,—смутясь, замѣтилъ я,—что вы ее сами отвязали да сбросили.

— Ну, вотъ,—зачѣмъ же! Чужая вещь... развѣ можно!

Легко и быстро проскользнувъ подъ рукой у меня, онъ пошелъ прочь, все поправляя рукава. Пиджакъ смѣшно укорачивалъ его ноги, и снова бросилось въ глаза, что походка у него какая-то виляющая, тревожная.

Я воротился на свое мѣсто, легъ на дрова и, вдыхая ихъ смолистый запахъ, снова слушаю медленныя рѣчи людей:

— Эхъ, братецъ ты мой!—насмѣшливо и звонко раздается рядомъ, а густой голосъ печально спрашиваетъ:

— Ну?

— Ничего... Спрашивать—просто, отвѣтить—трудно...

— Это—такъ...

Изъ овраговъ на рѣку льется сизая мгла.

* * *

Ночь пришла, и все онѣмѣло, люди заснули, ухо привыкло къ неугомонному шуму машины, къ мѣрному хлопанью колесъ по водѣ и уже не принимаетъ этотъ шумъ. Сквозь него ясно слышенъ храпъ спящихъ, тихіе шаги, чей-то возбужденный шепотъ:

— Говорила я ему, ахъ, говорила: Яша, не надо, не надобно...

Берега исчезли, о нихъ вспоминаешь только по движенію рѣдкихъ огней во тьмѣ, да еще по тому, что тьма надъ ними гуще, чернѣе. Въ рѣкѣ тускло блестятъ звѣзды,—онѣ кажутся неподвижными, а за пароходомъ текутъ золотыя отраженія его огней,—дрожатъ, какъ будто желая оторваться и уплыть во тьму. Парчевая пѣна лижетъ темный бортъ; за кормою, настигая пароходъ, тащится баржа, на носу у нея прищурились два огня, а третій, на мачтѣ, то заслоняетъ звѣзды, то сливается съ огнями берега.

Недалеко отъ меня, на скамьѣ, подъ фонаремъ, крѣпко спитъ дородная женщина, одна рука ея закинута подъ голову, на небольшой узелъ, кофта подъ мышкой лопнула, видно бѣлое тѣло, и обильные волосы косицей высунулись наружу. Лицо у нея большое, чернобровое, полныя щеки оплыли къ ушамъ, растянувъ толстыя губы въ нехорошую, мертвую улыбку.

Я лежу выше ея, поглядываю на нее сверху внизъ и думаю сквозь дрему: ей лѣтъ сорокъ съ лишнимъ, навѣрное она добрая баба, ѣдетъ къ дочери, къ зятю или къ сыну и невѣсткѣ, везетъ имъ подарки и много славнаго, материнскаго въ большомъ сердцѣ.

Что-то вспыхнуло, — точно близко спичку зажгли, я открылъ глаза: — пассажиръ въ чужомъ пиджакѣ стоялъ около женщины, прикрывая рукавомъ горящую спичку, потомъ, осторожно вытянувъ руку, онъ приблизилъ маленькій огонь къ волосамъ подъ мышкой женщины, — я услышалъ тихій трескъ и противный запахъ паленой шерсти.

Вскочивъ, я схватилъ озорника за шиворотъ, встряхнулъ:

— Что ты дѣлаешь?

Чуть слышно, противно хихикая, онъ вертѣлся въ рукѣ у меня и шепталъ:

— Какъ-бы она испугалась, а? Ты—пусти-ко... Ну, чего!..

— Ты съ ума сошелъ, чортъ!

Онъ, часто моргая, заглядывалъ куда-то за спину мнѣ, вертѣлся и шепталъ:

— Да пусти, молъ! Экой... ну, не спится, захотѣлось пошутить,—бѣда-ли? Вонъ она,—спитъ себѣ...

Я оттолкнулъ его, онъ тотчасъ откатился куда-то на короткихъ, точно обрубленныхъ ногахъ, оставивъ меня въ тоскливомъ недоумѣніи:

— Значитъ, я не ошибся, швабру онъ нарочно сбросилъ... Что за человѣкъ?

Въ машинѣ задребезжалъ колокольчикъ.

— Есть тихой!—весело крикнулъ кто-то.

Дико завылъ гудокъ, женщина проснулась, быстро подняла голову, пощупала лѣвой рукою подъ мышкой и, сморщивъ измятое лицо, взглянула на фонарь. Сѣла и, заправляя подъ платокъ сбившіеся волосы, сказала тихонько:

— О, матушка, Пресвятая Богородица...

* * *

Пока пароходъ стоялъ у пристани и чуваши таскали дрова, съ грохотомъ сбрасывая ихъ въ трюмъ кочегарни, а передъ тѣмъ, какъ сбросить, сердито крича странное слово;

— Труш-ша!

Надъ городкомъ, прижатымъ къ горѣ, поднялась ущербленная луна, черная рѣка посвѣтлѣла, ожила, лунный свѣтъ словно вымылъ всю землю теплой водою.

Я ушелъ на корму и сѣлъ тамъ среди какихъ-то ящиковъ, разглядывая городъ, вытянувшійся по берегу. Надъ однимъ его концомъ толстой палкой торчала труба завода, надъ другимъ и въ серединѣ—поднялись двѣ колокольни, одна — съ золотою главой, другая, должно быть, зеленая или синяя; теперь, при лунѣ, она кажется черной и похожа на истертую малярную кисть.

Противъ пристани въ широкое чело двухъ-этажнаго дома воткнутъ фонарь; вздрагивая, горитъ за грязными стеклами безкровный, тусклый огонь и по длинной полосѣ изогнутой вывѣски ползаютъ желтыя крупныя буквы: «Трактиръ съ...», а дальше буквы не видны.

Еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ соннаго города зажжены фонари, пятна мутнаго свѣта стоятъ въ воздухѣ, освѣщая угло-

крышъ, сѣдыя деревья и въ одномъ мѣстѣ окно, нарисованное бѣлой краской на глухой стѣнѣ аспиднаго цвѣта.

Смотрѣть на все это—грустно.

Пароходъ шипитъ, возится и трется о бортъ пристани, скрипитъ дерево, вздыхаетъ вода, кто-то свирѣпо оретъ:

— Спишь, дьяволъ! Кранцы,—кранецъ на корму, чтобъ-те разорвало...

— Пошли, слава Создателю,—говоритъ за ящиками уже знакомый, бодрый голосъ, а другой, тоже знакомый, тяжко бухаетъ:

— Пора!

И спрашиваетъ густо:

— Ну, дакъ какъ-же, малой, поди, кричалъ онъ?

Торопливо и невнятно, причмокивая, заикаясь, кто-то отвѣчаетъ:

— Кричалъ, родимые, кричалъ, не убивайте, помилуйте, Христа ради! Все, кричитъ, вамъ спишу, въ крѣпкія ваши милыя рученьки, дайте грѣха избыть, душеньку отмолить! На богомолье пойду, пропаду на всю жизнь, до конца даже, не увидите, не услышите,—а тутъ дядя Петръ шкворнемъ его по виску, ажно на меня кровью брызнуло, онъ и покатился. А я—бѣжать, прибегъ въ кабакъ-то, стучу-кричу: сестрица родная, убили совсѣмъ батюшку-то, а она изъ окошка вывѣсилась—такъ, говоритъ, ему, волку безпутному, и надо! Охъ, какое время страшное было, ночь эта, до того-ли напугался я—бѣда! Залѣзъ на чердакъ сначала, нѣтъ думаю, найдутъ и прикончатъ, какъ я прямой наслѣдникъ и первый ко всему имуществу; вылѣзъ на крышу, за трубу спрятался, сижу, держусь за нее руками-ногами и онѣмѣлъ со страху.

— Чего-же тебѣ-то было бояться?—перебилъ разсказчика бодрый голосъ.

— Да какъ-же?

— Вѣдь ты съ дядей тоже шелъ противъ отца?

— Въ этакихъ дѣлахъ расчета нѣту; одного убилъ по нуждѣ, а другого и такъ можно, просто...

— Вѣрно,—сказалъ густой голосъ, тяжело и глухо: это вѣрно! А-бы одинъ разъ кровь пролить, на другой она сама поманитъ. Убивать кто началъ—ему все равно за что, хоть за то, что не стой близко...

— Однако, тутъ—ежели онъ правду сказываетъ—за дѣло! Хозяйство зорить нельзя...

— А и убивать самовольно тоже не порядокъ! Для неправильныхъ людей судъ есть...

— Дойди-ко до него! Вонъ малый-то, болѣ года зря въ тюрьмѣ сидѣлъ...

— Какъ-же—зря? Онъ отца въ избу заманивалъ? Ворота заперъ? Полушубокъ на голову накинулъ ему? Самъ это говоритъ... зря!

Снова быстрымъ ручьемъ потекли всхлипывающія, мятыя слова,—я догадался, что разсказываетъ про убійство человѣкъ въ грязныхъ сапогахъ.

— Я себя не оправдываю, я вѣдь и на судѣ все это сказалъ, потому и лишили меня наказанія. Ихъ—дядю съ братомъ—въ каторгу, а меня отпустили, вотъ...

— А зналъ, что они согласились убить отца-то?

— Я думалъ—только постращаютъ. Онъ, батюшка-то, не признавалъ меня за сына, езуитомъ звалъ...

Густой голосъ строго остановилъ его:

— Сказывалъ ты про это!

— Очень многіе люди плакали черезъ него...

— Мало-ли черезъ что люди плачутъ! Эдакъ-то, ежели всѣ причины слезъ нашихъ поубивать, чего съ нами будетъ. Ты пролей слезу, а кровь—не тронь, не твоя! Думаешь—твоя въ тебѣ кровь-то? И въ тебѣ она не твоя, не то что...

— Тутъ, главное, имущество! Жили-жили, наживали, вдругъ—все начало тлѣть, да пропадать. Поневолѣ умъ потеряешь, озлобишься и на отца родного... Однако, надо маленько поспать...

Мимо меня прошелъ высокій человѣкъ въ черномъ чапанѣ и картузѣ съ большимъ козырькомъ.

За ящиками стало тихо, я всталъ и посмотрѣлъ туда: пассажиръ въ коричневомъ пиджакѣ привалился, съежившись, ко грудѣ каната, руки онъ засунулъ въ рукава и, положивъ на колѣни, оперся на нихъ подбородкомъ. Луна смотрѣла прямо въ лицо ему и оно было синеватое, какъ у мертваго. Незамѣтные узкіе глазки спрятались подъ бровями.

Рядомъ съ нимъ, вверхъ грудью, ко мнѣ головой, лежалъ широкоплечій мужикъ въ короткомъ полушубкѣ, въ бѣлыхъ валяныхъ сапогахъ съ мушками. Кудрявая, вся въ кольцахъ сѣрая борода его жестко торчала вверхъ; закинувъ руки подъ голову, онъ смотрѣлъ воловьими глазами въ небо, гдѣ тихо блестѣли рѣдкія звѣзды и таяла луна.

Трубнымъ звукомъ, безуспѣшно стараясь смягчить голосъ, онъ спросилъ:

— Значитъ—дядя-то на баржѣ ѣдетъ?

— Да. И братъ.

— А ты—тутъ? Дѣла!

По синевато-серебряной пѣнной дорогѣ тащилась, взрывая ее, какъ соха, темная арестантская баржа. При лунѣ огни ея поблѣднѣли, корпусъ съ желѣзной клѣткой на палубѣ поднялся выше надъ водою. Съ правой руки плылъ, волнисто изгибаясь, черный мохнатый берегъ.

И все вокругъ—мягкое, текучее, тающее—возбуждало тоскливое чувство неустойчивости, непрочности.

— Куда-же ты ѣдешь?

— Да, вотъ... увидаться съ ними надобно.

— Съ дядей?

— Да.

— По хозяйству, значитъ...

— А какъ-же...

— Я-те, малой, вотъ что скажу: брось все — дядю, хозяйство, все бросай! Иди-ко въ монастырь и живи тамъ, молись... Коли въ кровь попалъ, да еще въ родную,—удались прочь ото всего! Кровь, она опасная, она-те, гляди, опять полонитъ...

— А хозяйство-то какъ? — поднявъ голову, спросилъ парень.

— Толкуй съ тобой! — сердито сказалъ мужикъ, закрывъ глаза.

Рыжеватая шерсть на лицѣ парня зашевелилась, какъ подъ вѣтромъ, онъ крякнулъ, оглянулся и, замѣтивъ меня, зло крикнулъ:

— Ну, чего глядишь? Чего за мной ходишь?

Большой мужикъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на него, на меня и загудѣлъ:

— А ты не ори, варежка!

Я ушелъ на свое мѣсто и легъ спать, думая, что мужикъ вѣрно сказалъ—лицо парня очень похоже на шерстяную, истертую варежку.

* * *

Мнѣ приснилось, будто я крашу колокольню, а огромныя большеглазыя галки, летая вокругъ ея главы, бьютъ меня крыльями, мѣшаютъ работать. Отмахиваясь отъ нихъ, я сорвался, упалъ на землю торчмя головой и тотчасъ проснулся отъ боли,—тошное, тупое ощущеніе слабости и дурноты мѣшало дышать,

предъ глазами колебался, одуряя, разноцвѣтный туманъ, а изъ головы, за ухомъ текла кровь.

Съ трудомъ поднявшись на ноги, пошелъ на отводъ къ водокачкѣ, облилъ голову тяжелой струею холодной воды, крѣпко обвязалъ полотенцемъ и, возвратясь на свое мѣсто, сталъ осматривать его, соображая: какъ это могло случиться со мною?

Спалъ я на палубѣ, около полѣнницы мелкихъ дровъ, приготовленныхъ для кухни; тамъ, гдѣ лежала моя голова валялся березовый кругляшъ. Я поднялъ полѣно, посмотрѣлъ—оно чистое, все въ тонкихъ, шелковыхъ кудряхъ бересты, и эти кудри тихонько шуршатъ. Вѣроятно это полѣно и стрясла на голову мнѣ непрерывная дрожь парохода.

Успокоенный, зная какъ объяснить этотъ непріятный и смѣшной случай, я отправился на корму, гдѣ нѣтъ тяжелыхъ запаховъ и широко видно.

Были тѣ минуты перелома ночи, минуты крайняго напряженія ея предъ началомъ разсвѣта, когда вся земля кажется глубоко и надолго погруженной въ непробудный сонъ, когда полнота тишины возбуждаетъ въ душѣ особенную чуткость, звѣзды странно близки землѣ, а утренняя звѣзда ярка, точно маленькое солнце.

Но уже небо, холодно сѣрѣя, незамѣтно теряетъ ночную мягкость и теплоту; лучи звѣздъ опадаютъ, какъ лепестки цвѣтовъ, луна, доселѣ золотистая, блѣдная, опыляется серебромъ и уходитъ все дальше отъ земли. Вода рѣки неуловимо измѣняетъ свой густой, маслянистый блескъ, въ ней капризно являются на мигъ и тотчасъ исчезаютъ жемчужныя отраженія быстрыхъ измѣненій цвѣта небесъ.

А на востокѣ, надъ черными зубцами еловаго лѣса уже поднята-повисла тонкая, розовая пелена; она разгорается все ярче, и ея слишкомъ нѣжный, сладковатый цвѣтъ пріятно густѣетъ, становится все болѣе смѣлымъ и яркимъ, точно шопотъ робкой молитвы переходитъ въ ликующую пѣснь благодарности. Еще мигъ, и острыя вершины елей вспыхнули краснымъ огнемъ, горятъ, какъ праздничныя свѣчи во храмѣ.

Невидимая рука бросила на воду и влачитъ по ней прозрачную сѣть разноцвѣтнаго шелка; предутренній вѣтеръ покрылъ всю рѣку серебристой чешуей мелкой ряби; глаза устаютъ слѣдить за игрою золота и перламутра, багреца и зеленовато-голубыхъ пятенъ обновленнаго солнцемъ неба.

еромъ раскрылись первые, мечеобразные лучи, концы

ихъ ослѣпительно бѣлы и кажется, что слышишь, какъ съ безграничныхъ высотъ ниспадаетъ на землю густой звонъ серебряныхъ колоколовъ, торжественный звонъ встрѣчу грядущему солнцу,—надъ лѣсомъ уже виденъ красный его край — чаша, полная сока жизни, опрокинута надъ землею и щедро льетъ на нее свою творческую мощь, а съ луговъ въ небо поднимается, точно дымъ кадильный, красноватый паръ. Съ горнаго берега мягко легли на рѣку зеленыя тѣни прибрежныхъ деревьевъ, ртутью блеститъ роса на травѣ, птицы проснулись, бѣлая чайка летитъ надъ водой, плавно шевеля крыльями, бѣлая тѣнь ея скользитъ по цвѣтной водѣ, а солнце уже подъ лѣсомъ и царственной Жаръ-птицей всплываетъ все выше въ зеленовато-голубыя небеса, гдѣ, угасая, серебряная Венера тоже—какъ птица.

По желтой полосѣ прибрежнаго песка бѣгаютъ голенастые кулики; двое рыбаковъ, выбирая снасть, качаются въ лодкѣ на волнѣ парохода; съ берега плывутъ чуть слышные звуки утра—поютъ пѣтухи, басовито мычитъ скотъ, слышны упрямые голоса людей.

Желтые ящики на кормѣ парохода тоже покраснѣли, и красной стала сивая борода большого мужика; распластавъ тяжелое тѣло по палубѣ, онъ спитъ съ открытымъ ртомъ, гулко всхрапывая; брови его удивленно подняты, густые усы шевелятся.

Въ углубленіи, среди ящиковъ, кто-то завозился, вздохнулъ; заглянувъ туда, я встрѣтилъ воспаленный взглядъ узкихъ маленькихъ глазъ, мохнатое лицо-варежка было еще болѣе худо и сѣро, чѣмъ вчера. Человѣку, видимо, холодно; онъ скорчился, воткнулъ подбородокъ между колѣнъ, обнялъ ноги шершавыми руками и тоскливо, затравленно смотритъ снизу вверхъ, прямо въ глаза мнѣ, устало, безжизненно говоря:

— Ну, нашелъ? Ну—бей! Вали... я— тебя, ты—меня... Ну!

Удивленный почти до испуга, я тихонько спросилъ:

— Это ты меня ударилъ?

— А гдѣ свидѣтели? — сипло и негромко крикнулъ онъ, разнявъ руки и вскидывая голову съ оттопыренными ушами, точно раздавленную нахлобученнымъ картузомъ, сунулъ руки въ карманы пиджака и вызывающе повторилъ:

— Свидѣтели есть? Пошелъ къ чорту!

Было въ немъ что-то безпомощное, лягушечье, онъ вызывалъ острое чувство брезгливости. Говорить съ нимъ не хотѣлось и не было желанія отомстить ему за дрянной ударъ. Я молча отвернулся.

А когда, черезъ минуту, снова взглянулъ, онъ сидѣлъ въ прежней позѣ, обнявъ руками колѣна, положивъ на нихъ подбородокъ, и смотрѣлъ мертвымъ взглядомъ красныхъ отъ безсонницы глазъ на баржу, тянувшуюся за пароходомъ, между двухъ широкихъ лентъ вспѣненной воды, игравшей на солнцѣ, какъ ядреная брага.

И праздничное, утреннее веселье, ясный блескъ неба, ласковыя краски береговъ, пѣвучіе звуки юнаго дня, бодрая свѣжесть воздуха, все вокругъ еще болѣе печально оттѣняло больные глаза маленькаго человѣка, ихъ неживой, чуждый всему взглядъ...

* * *

Когда пароходъ отвалилъ отъ Сундыря, человѣкъ этотъ бросился въ воду,—онъ прыгнулъ за бортъ на глазахъ людей и тотчасъ-же всѣ на палубѣ заорали, заметались, толкая другъ друга, жадно пробиваясь къ бортамъ, быстро оглядывая спокойную рѣку, всю отъ берега до берега въ ослѣпительномъ блескѣ.

Прерывисто и набатно гудѣлъ гудокъ, матросы бросали въ воду спасательные круги; точно барабанъ, ухала палуба подъ прыжками и бѣготней людей, испуганно шипѣлъ паръ, истерически кричала какая-то женщина, а на мостикѣ дико оралъ капитанъ:

— Довольно бросать! Обалдѣлъ, подлецъ! Успокаивай публику, чортъ васъ...

Немытый, нечесаный священникъ, придерживая обѣими руками встрепанные волосы, толкалъ всѣхъ толстымъ плечомъ, подставлялъ ноги людямъ и, пугливо тараща глаза, спрашивалъ одно и то же:

— Мужикъ, али баба? А? Мужикъ!

Когда я пробился на корму, человѣкъ былъ уже далеко за кормой баржи,—на широкомъ стеклѣ воды чуть виднѣлась его голова, маленькая, словно муха. Къ ней быстро, какъ водяной жукъ, подплывала рыбачья лодка, качались два гребца—красный и сѣрый; отъ лугового берега спѣшно мчалась еще одна, прыгая на волнѣ веселымъ теленкомъ.

Въ тревожный шумъ на пароходѣ вливался съ рѣки тонкій, рѣжущій сердце крикъ:

— А-а-а...

И въ отвѣтъ ему остроносый, чернобородый мужикъ въ хорошемъ чапанѣ, бормоталъ, причмокивая:

— Кричишь? Ахъ, дурашка... экой несуразной...

Из фонда Московской обл. библиотеки

А мужикъ съ курчавой бородою убѣжденно и крѣпко говорилъ, заглушая всѣ голоса:

— Не-е, совѣсть свое возьметъ! Вы, тамъ, судите, какъ назначено, а совѣсть нельзя погасить. .

Перебивая другъ друга, они стали разсказывать публикѣ тяжелую исторію рыжеватаго парня, а рыбаки уже подняли его изъ воды и, торопливо взмахивая веслами, везли къ пароходу.

— Какъ увидали они,—трубилъ бородатый мужикъ,—что онъ около солдатки этой совсѣмъ завертѣлся...

— А имущество, послѣ отца, недѣленое, смекни!—вставилъ мужикъ въ чапанѣ, и все время, пока бородачъ съ жаромъ разсказывалъ исторію убійства человѣка братомъ, племянникомъ и сыномъ, этотъ опрятный, сухой, солидно одѣтый мужикъ, ухмыляясь, вставлялъ въ густую рѣчь бодрымъ голосомъ безчисленныя острыя слова и поговорки, точно колья въ землю забивалъ, городя плетень.

— Всякаго туда тащитъ, идѣ ѣда слаще.

— Бѣсъ тащитъ! Въ сладкомъ-то—ядъ!

— А ты его не ѣшь, не любишь?

— Чего, его?

— Сладкаго?

— Ну, такъ что? Я не праведникъ!

— Ага! То-то!

— Что,—то-то?

— Ничего! Псу не укоръ, коли цѣпь коротка.

И, носъ къ носу другъ съ другомъ, они начали возбужденно спорить, влагая въ простыя, но неожиданно-ловко соединенныя слова, какія-то только имъ понятныя мысли. Одинъ—тонкій, весь вытянувшійся вверхъ, съ холоднымъ взглядомъ насмѣшливыхъ глазъ на темномъ, костлявомъ лицѣ, говорилъ бойко, звонко и все приподнималъ плечи; другой—широкій и огромный, раньше казавшійся спокойнымъ, увѣреннымъ въ себѣ и все рѣшившимъ, теперь дышалъ тяжело, въ его воловьихъ глазахъ горѣла тревожная злость, на лицѣ выступили красныя пятна, борода ощетинилась.

— Стой! — уже рычалъ онъ, размахивая рукой, вращая мутными зрачками.—Какъ такъ? Али Господь не знаетъ, въ чемъ надо стѣснить людей?

— Господь не при чемъ, коли ты бѣсу служишь...

— Врешь! Кто первый руку поднялъ?

— Каинъ,—ну?

— А кто впервой покаялся?

— Ну,—Адамъ?

— Ага-а!...

— Привезли!

Публика хлынула съ кормы, увлекая за собою спорщиковъ; худой мужикъ опустилъ плечи и плотно запахнулъ чапанъ, бородатый пошелъ за нимъ быкомъ,—наклоняя голову, безпокойно передвигая зимнюю шапку съ уха на ухо.

Тяжело ворочая колесами, пароходъ старался удержаться на теченіи и, слѣдя, чтобъ баржа не навалилась на корму, капитанъ все время оралъ въ рупоръ:

— Лѣв-во клади, рябая морда! Лѣво-о-о!

Рыбачья лодка подобралась къ борту, утопавшаго подняли на палубу, — онъ былъ мягокъ, какъ неполный мѣшокъ, весь сочился водою, шершавое лицо его стало гладко и наивно.

Его положили на крышку багажнаго трюма, но онъ тотчасъ-же сѣлъ, согнулся и, крѣпко приглаживая ладонями мокрые волосы, спросилъ глухо, ни на кого не глядя:

— Картузъ поймали?

Изъ тѣсной кучи людей, окружившей его, кто-то посовѣтовалъ:

— Не про картузъ, а про душу надоть-бы вспомянуть...

Онъ громко икнулъ, обильно, какъ верблюдъ, отрыгнувъ мутную струю воды, посмотрѣлъ на людей усталыми глазами и равнодушно проговорилъ:

— Убрали-бы меня куда-нибудь...

Боцманъ строго сказалъ ему:

— Лягъ!

Парень покорно опрокинулся на спину, заложилъ руки подъ голову и прикрылъ глаза, а боцманъ сталъ вѣжливо уговаривать зрителей:

— Расходитесь, господа публика! Чего тутъ зря глаза пялить? Нисколько даже не забавно... Мужикъ, чего вылупился? Айда, пошелъ прочь!

Люди, не стѣсняясь, сообщали другъ другу:

— Отцеубійца...

— Да что-о вы?

— Такой мозглякъ?

Боцманъ, присѣвъ на корточки, строго допрашивалъ спасеннаго:

— Куда билетъ?

— До Пермы.

— Ну, братъ, теперь и въ Казани слѣзешь? Какъ зовутъ?

— Яковъ.

— А фамилья?

— Башкинъ. Мы-же—Вуколовы.

— Двойная, стало-быть, фамилья...

Бородатый мужикъ съ явнымъ ожесточеніемъ трубилъ во всю грудь:

— Дядю-то и брательника на каторгу осудили, тутъ они и ѣдутъ, на баржѣ, а онъ—вотъ онъ!—ему вышло оправданіе. Ну, однако, это только наличность: какъ ни суди, а убивать нельзя! Совѣсть этого не можетъ поднять, крови, значитъ. Даже и близко быть къ убійству—нельзя...

Все больше собиралось публики, вышли разбуженные пассажиры перваго и второго классовъ, между ними толкался черноусый, розовый помощникъ капитана и, конфузясь чего-то, спрашивалъ:

— Извините, вы не докторъ?

Кто-то, удивленно, высокимъ голосомъ воскликнулъ:

— Я? Никогда!

А кто-то лѣниво спросилъ:

— Зачѣмъ вамъ докторъ? Вѣдь онъ—ничего, кажется, а?

Надъ рѣкою мощно разыгрался веселый, лѣтній день. Было воскресенье, на горѣ заманчиво звонили колокола, луговою стороной около воды шли двѣ пестро одѣтыя бабы и, размахивая платками, звонко кричали что то пароходу.

Парень, закрывъ глаза, лежалъ неподвижно. Теперь, безъ пиджака, плотно облѣпленный мокрою одеждой, онъ сталъ складнѣе, было видно, что грудь у него высокая, тѣло полное, и даже замученное лицо сдѣлалось, какъ будто, красивѣй и круглѣй.

Люди смотрѣли на него жалостно и брезгливо, строго и со страхомъ, но всѣ одинаково безцеремонно, точно это былъ не живой человѣкъ.

Тощій господинъ, въ сѣромъ пальто, разсказывалъ дамѣ съ лиловымъ бантомъ на желтой, соломенной шляпѣ:

— У насъ, въ Рязани, осенью, часовыхъ дѣлъ мастеръ повѣсился на отдушникѣ. Остановилъ всѣ часы въ магазинѣ и повѣсился. Спрашивается: зачѣмъ было останавливать часы?

— Конечно,—ненормальность.

Только чернобровая женщина, спрятавъ руки подъ шалью, разглядывала спасеннаго,стоя бокомъ къ нему, скосивъ глаза, и на сѣровато-синихъ глазахъ ея застыли слезы.

Пришли два матроса, одинъ, наклонясь надъ парнемъ, тронулъ его за плечо:

— Эй, вставай-ко!

Онъ устало поднялся, и его увели куда-то...

* * *

Черезъ нѣкоторое время парень снова явился на палубѣ гладко причесаный, сухой, въ коротенькой, бѣлой куркѣ повара, въ синихъ, нанковыхъ штанахъ матроса. Заложивъ руки за спину, вздернувъ плечи, согнувшись, онъ быстро прошелъ на корму, а вслѣдъ за нимъ туда попозли скучающіе люди—одинъ, три, десять.

Тамъ онъ усѣлся на канатѣ; нѣсколько разъ, по волчьи ворочая шеей, оглянулъ людей и, нахмурясь, подперевъ скулы руками въ рыжей шерсти, уставилъ глаза на баржу.

Люди стояли и сидѣли подъ жаркимъ солнцемъ молча, вожделѣнно разглядывая его, явно желая заговорить и еще не рѣшаясь; пришелъ большой мужикъ, оглядѣлъ всѣхъ и снявъ шапку вытеръ ею потное лицо.

Сѣренькій, красноносый старичекъ съ рѣдкой, ершистой бородкой и слезящимися глазами, откашлялся и заговорилъ первый слащавымъ голосомъ:

— Скажи ты, пожалуйста, какъ-же это случилось...

— Зачѣмъ?—не двигаясь, сердито спросилъ парень.

Старичекъ вынулъ изъ-за пазухи красный платокъ, встряхнулъ его и осторожно приложивъ ко глазамъ, сказалъ сквозь платокъ, спокойнымъ тономъ человѣка, рѣшившаго настоять на своемъ:

— Какъ—зачѣмъ? Случай такой, что всѣ должны...

Бородатый мужикъ вылѣзъ впередъ и загудѣлъ:

— А ты—говори! Легче будя! Грѣхъ надо знать...

И—точно эхо отозвалось—раздался насмѣшливый, бодрящій возгласъ:

— Поймать, да связать...

Чуть приподнявъ брови, парень негромко сказалъ:

— Отстали-бы вы отъ меня...

— Чу-удакъ!

Старичекъ, аккуратно сложивъ платокъ, спряталъ его и поднявъ сухую, точно пѣтушиная нога, руку, усмѣхнулся остренькой, умной усмѣшкой:

— Можетъ, люди не изъ пустого интереса просятъ...

— Плевать мнѣ на людей,—глухо буркнулъ парень, а большой мужикъ, притопнувъ, заревѣлъ:

— Какъ-такъ? А куда отъ нихъ дѣнешься? Куда-о?

Онъ долго и оглушительно кричалъ о людяхъ, о Богѣ и совѣсти, дико выкатывая глаза, взмахивая руками и, разъяряясь все больше, становился страшнымъ.

Публика, тоже возбуждаясь, одобряла его, подкрикивая:

— Вѣрно-о! Во-отъ...

Парень сначала слушалъ молча, неподвижно, потомъ разогнулъ спину, всталъ, спрятавъ руки въ карманы штановъ и, покачивая туловище, началъ оглядывать всѣхъ зло и ярко разгорѣвшимся взглядомъ зеленоватыхъ глазъ. И вдругъ, выпятивъ грудь, закричалъ сипло:

— Куда пойду? Въ разбой пойду! Въ разбойники,—на-те! Ну? Рѣзать буду всѣхъ... ну, вяжите! Сто человѣкъ зарѣжу! Все одно, мнѣ души не жаль,—кончено! Вяжите, ну?

Говорилъ онъ, задыхаясь, плечи у него дрожали, ноги тряслись, сѣрое лицо мучительно исказилось и тоже все трепетало.

Люди угрюмо, обиженно и жутко загудѣли, отступая отъ него, опуская головы и уходя, нѣкоторые стали похожи на парня—озлились такъ же, какъ онъ, и рычали, сверкали глазами. Было ясно, что сейчасъ кто-нибудь ударитъ его.

Но онъ вдругъ весь сталъ мягкій и точно растаялъ на солнцѣ, ноги его подогнулись, онъ рухнулъ на колѣни, наклонивъ голову, какъ подъ топоръ, едва не ударившись лицомъ объ уголъ ящика и, хлопая ладонями по груди, сталъ кричать не своимъ голосомъ, давясь словами:

— Разрѣшите,—какъ-же я? Виноватъ я? Сидѣлъ въ острогѣ, ну, послѣ—судили, сказали—свободенъ...

Онъ схватилъ себя за уши, за щеки и, раскачивая голову, точно пытаясь оторвать ее, бормоталъ:

— Да не свободенъ-же я! Мочи нѣтъ моей, куда пойду? Ни смерть, ни жизнь—ахъ!

— Ага-а?—рявкнулъ большой мужикъ; отъ его крика люди испуганно шарахнулись прочь, нѣсколько человѣкъ поспѣшно ушли, остальные—съ десятокъ—растерянно и угрюмо топтались на одномъ мѣстѣ, невольно сбиваясь въ тѣсную кучу, а парень надорванно говорилъ, болтая головою:

— Уснуть-бы мнѣ лѣтъ на десять! Все пытаю себя, не знаю—виноватъ, али нѣтъ? Ночью, вонъ этого человѣка ударилъ полѣномъ... Иду, спитъ непріятный человѣкъ, дай, думаю, ударю—могу? Ударилъ! Виноватъ, значитъ? А? И обо всемъ думаю—могу, али нѣтъ? Пропалъ я!..

Должно бытъ, окончательно истомившись, онъ перевалился съ колѣнъ на корточки, потомъ легъ на бокъ, схватилъ голову руками и сказалъ послѣднія слова:

— Убили-бы меня сразу...

Было тихо. Всѣ стояли понурившись, молча, всѣ стали какъ-то сѣрѣе, мельче и похожи другъ на друга. Было очень тяжело, какъ-будто въ грудь ударило большимъ и мягкимъ, глыбой сырой, вязкой земли. Потомъ кто-то сказалъ смущенно, негромко и дружески:

— Мы, братъ милой, тебѣ не судьи...

Кто-то тихонько добавилъ:

— Сами, можетъ, не лучше...

— Пожалѣть—можемъ, а судить—нѣтъ! Пожалѣть тебя—это можно! А болѣ ничего..,

Мужикъ въ чапанѣ сказалъ звонко и торжествуя:

— Пусть Господь судитъ, а люди—будетъ! Достаточно осудили дружка дружку...

Еще одинъ человѣкъ отошелъ прочь, говоря кому-то:

— Вотъ и разбери тутъ! А судья—онъ сразу, по книгѣ—виноватъ, не виноватъ...

— А-бы скорѣй мимо прошло...

— Все торопимся, а куда?

— То-то и оно...

Откуда-то выдвинулась чернобровая женщина; спустивъ шаль съ головы на плечи, она заправила тронутые сѣдиною волосы подъ синій, выгорѣвшій платокъ, дѣловито подогнувъ подолъ юбки, сѣла рядомъ съ парнемъ, заслонивъ его отъ людей дородной своею фигурой и, приподнявъ мягкое лицо, сказала ласково, но владычно:

— Уйти-бы вамъ отсюдова...

Ее послушались, побрели прочь; большой мужикъ, уходя, говорилъ:

— Вотъ, на мое и вышло! Совѣсть-то и объявилась...

Но сказалъ онъ эти слова безъ удовольствія, задумчиво и скучно.

Красноносый старичекъ шелъ малой тѣнью сзади его; открывъ табакерку, онъ смотрѣлъ въ нее мокрыми глазами и, не торопясь, сѣялъ по пути свои слова:

— А иной разъ и совѣстью играетъ человѣкъ, онъ, тоже, шельма вѣдь, человѣкъ-отъ! Выставитъ ее, совѣсть, попередъ всѣхъ хитростей своихъ, всѣхъ планчиковъ-затѣекъ, да тѣмъ и попрячетъ ихъ въ дымкѣ словесномъ. Зна-аемъ! Люди заглядятся—

эко, молъ, сколь жарко душа горитъ, а онъ имъ той порой кою руку на сердце, кою—въ карманъ...

Любитель поговорокъ широко распахнулъ чапанъ, спряталъ подъ него руки и бойко пояснилъ:

— Стало быть: вѣрю всякому звѣрю, и лисѣ, и ежу, а шабру погожу...

— Въ этомъ родѣ, почтенный! Ужъ очень исказился народишко...

— Н-да... не стройно растетъ...

— Тѣсно, братцы!—загудѣлъ большой мужикъ.—Некуда расти-то! Тѣсно-же!

— И растемъ оттого въ усъ, да въ бороду, въ сукъ, да въ болону...

Старикъ внимательно оглядѣлъ мужика, согласился:

— Тѣсновато!

Потомъ сунулъ въ носъ щепоть табаку и, остановясь, закинулъ голову въ ожиданіи, когда придетъ время чихнуть. Не дождался и, сильно выдохнувъ ртомъ воздухъ, сказалъ, вновь измѣривъ мужика глазами:

— А на долго ты сдѣланъ, дядя!

Мужикъ спокойно кивнулъ головой:

— Хватитъ еще...

Впереди уже видно Казань, главы церквей и мечетей въ голубомъ небѣ, какъ бутоны странныхъ цвѣтовъ. Сѣрая стѣна Кремля опоясываетъ ихъ. И выше всѣхъ церквей—грустная башня Сумбеки.

Здѣсь мнѣ сходить на берегъ.

Я еще разъ заглянулъ на корму парохода: чернобровая женщина разламывала надъ колѣнями сухую пшеничную лепешку, разламывала и говорила:

— А послѣ—чайку попьемъ. Мнѣ съ тобой—до Чистополя...

Парень притулился къ ней и задумчиво смотрѣлъ на ея большія руки, мягкія, но, видимо, сильныя, привычныя къ простой работѣ.

Онъ бормоталъ:

— Замаяли меня...

— Кто?

— Люди разные. Боюсь я ихъ...

— Ну, чего бояться...

— Такъ-бы всѣхъ и...

Женщина подула на кусокъ лепешки и, протягивая его парню, спокойно сказала:

— А ты полно-ка!.. Вотъ, я-те скажу одну исторію-случай,—али чайку прежде попьемъ, а?

По берегу тянется пестрое, богатое село Услонъ; ярко одѣтыя бабы и дѣвки радужно плывутъ по улицѣ; играетъ на солнцѣ пѣнная вода; жарко, мутно, и все, какъ сонъ...

М. Горькій.

* * *

Потушила свѣчи на рояли,
Подняла усталое лицо
И безшумно, мимо сонной дѣтской,
Блѣдной тѣнью вышла на крыльцо.

Ночь давно. Огни въ домахъ погасли.
Съ поля вѣетъ сыростью ночной.
Садъ и тихъ, и теменъ. Листъ не дрогнетъ
На деревьяхъ... Пахнетъ резедой.

Сѣла на ступеньки и вздохнула:
Хорошо въ полночной тишинѣ
Подъ высокомъ темносинимъ небомъ
Отдохнуть съ мечтой наединѣ!

Было много слезъ... Душа устала,
Какъ цвѣтокъ подъ бурей, замерла...
Но не надо думать о минувшемъ:
Свѣтятъ звѣзды, ночь тиха, тепла,

Манитъ вдаль прохладная аллея:
Хорошо подъ пышною листвой...
Тихо встала и дошла до клумбы,
Сорвала цвѣтокъ, потомъ другой,

И, взглянувъ на небо, улыбнулась..
Ночь ясна и радостно-чиста,
Какъ любовь омытая слезами,
Какъ въ тоскѣ расцвѣтшая мечта.

Г. Вяткинъ.

ДѢТИ.

Очеркъ третій.

Марфа, Никишка и Пузанокъ.

I.

Дарьѣ Трофимовнѣ Агаповой трудно было опредѣлить: довольна она Марфушкой, своей новой прислугой, или недовольна.

Работала Марфа хорошо, дѣловито и тщательно. Ѣла хоть и очень много, но ѣла за то, что попало, чуть ли не картофельную шелуху. Жалованіе получала небольшое, была послушна, предупредительна, аккуратна и никогда не уходила со двора,—даже по воскресеньямъ.

Чего бы еще?

Но не по душѣ была барынѣ чрезмѣрная старательность дѣвочки, излишняя угодливость ея и то выраженіе легкаго, но чуткаго и напряженнаго испуга, которое почти никогда не сходило съ лица Марфы.

— Что-то есть въ ней затаенное,—думала Агапова.

И что бы это затаенное раскрыть, она потихоньку подкрадывалась къ окнамъ кухни и заглядывала туда...

Ничего подозрительнаго нѣтъ.

Дѣвочка работаетъ,—моетъ посуду, крошитъ для супа морковь, наливаетъ въ лампы керосинъ.

При этомъ она протяжно, негромко и какъ-то особенно грустно и задумчиво напѣваетъ свою любимую пѣсенку:

«Кто-жъ напо-о-оитъ,
Кто-жъ нако-о-ормитъ
Божью бѣдну сироту»...

Нѣсколько пристыженная, Дарья Трофимовна вернется назадъ, на веранду своей дачки. Молодая женщина чувствуетъ себя виноватой; она досадуетъ на себя: вѣчно подозрѣваетъ и подозрѣваетъ и, какъ сыщикъ, подсматриваетъ. Гадость какая!..

Слезы готовы выступить у ней на глазахъ... Однако, тутъ же приходитъ и утѣшеніе. Какъ же ей не подозрѣвать и не подсматривать, если всѣ въ одинъ голосъ твердятъ, что довѣрять Марфѣ никакъ нельзя!

II.

Дѣвушка, которая разноситъ по дачамъ булки, увидѣвъ Марфу, многозначительно подмигнула Агаповой и съ выраженіемъ сожалѣнія покачала головой.

— Ай-ай-ай... Неудачная, извините, у васъ прислуга.

— Чѣмъ же?

— Такъ что нехорошее, знаете, у нихъ семейство.

— Да, мнѣ уже говорили.

— Отецъ, извините, пьяница. Мать тоже какая-то была...

— Матери нѣтъ у нея.

— Въ позапрошломъ году утопилась въ пруду... Всѣ дѣти у нихъ воры...

— Неужели воры?

— Такъ прямо все и тащутъ, изъ рукъ хватаютъ. Братишки у нея, прямо, какъ разбойники. А старшая сестра, такъ она, извините, гуляетъ.

— Это сплетни!

— Хорошія сплетни... Спросите, у кого желаете, если не вѣрите... Со студентами, съ гимназистами, и которые на желѣзной дорогѣ служатъ... И уже два раза въ больницѣ была— чисто зараза.

Въ сердцахъ булочница плюнула.

— Пятнадцати лѣтъ нѣту, и такая, извините, потерянная.

Кухня помѣщалась въ отдѣльной хаткѣ, на другомъ концѣ двора, шагахъ въ семидесяти отъ дачки, на верандѣ которой происходилъ этотъ разговоръ. Марфа стояла на порогѣ кухни. Она только что притащила изъ колодца ведро воды. Ведро и свернутая кольцами мокрая веревка были еще у нея въ рукахъ. Дѣвочка стояла, низко опустивъ голову... Она чувствовала, что разговоръ на верандѣ идетъ о ней, и знала, что хорошаго о ней не скажутъ. О ней никто не говорилъ хорошо...

— Да, все это я уже слыхала,—тихо и со вздохомъ произнесла Агапова. Видно, придется таки отправить ее.

Но отправить Марфу она не рѣшалась: найти прислугу было очень трудно. Изъ города на дачу ѣдутъ неохотно. А если поѣхать ужъ согласятся, то требуютъ большого жалованія, капризничаютъ, «командуютъ»... Мѣстныя же дѣвушки, жительницы примыкающей къ дачному поселку деревни, либо уже разобраны, либо сидятъ дома и на службу итти не хотятъ. Находятъ болѣе выгоднымъ для себя собирать въ лѣсу и разносить по дачамъ земляникy и грибы. Прислуги никакъ не найти, прямо мученье!

III.

Когда ушла Авдотья, предшественница Марфы, Агаповы двѣ недѣли оставались безъ прислуги. Дарья Трофимовна сама и стряпала, и посуду мыла, и самоваръ ставила,—замучилась. А воду изъ колодца долженъ былъ тащить собственноручно Юрій Михалычъ, мужъ ея...

Всѣмъ сосѣдямъ, и въ лавочкѣ, и бабамъ, носившимъ на дачи провизію, и даже почтальону и мороженщику жаловалась Дарья Трофимовна и просила найти ей хоть какую-нибудь, хоть самую плохенькую прислугу. Ей всѣ обѣщали, а найти не могли...

И вотъ, однажды вечеромъ, когда супруги Агаповы возились около кухни съ самоваромъ,—жена наливала въ него воду, а Юрій Михалычъ приготовлялъ щепки,—во дворъ нерѣшительно и несмѣло вошла коротенькая, худенькая, черномазая дѣвочка, курносая, съ круглымъ щекастымъ лицомъ, съ круглыми, темными глазами, въ которыхъ были печаль и испугъ.

Длинное, до земли, зеленое платье, съ талійкой и длинными рукавами облекало тощенькую фигурку, а изъ подъ платья виднѣлись пальцы крупной босой ноги. Голова повязана была бѣлымъ платочкомъ. Тяжелая и шарообразная, голова походила на арбузъ.

Съ минуту дѣвочка стояла молча, въ замѣшательствѣ и страхѣ. Солнце уже садилось, и длинная тѣнь дѣвочки протягивалась черезъ весь дворъ и головой касалась частокола.

Набравшись храбрости, дѣвочка вдругъ выпалила:

— Я пришла до васъ служить.

Если бы къ человѣку, занимающемуся извозомъ, пришелъ

кроликъ и заявилъ, что желаетъ, чтобы его запрягли въ телѣгу,—онъ будетъ перевозить кладь,—его заявленіе не могло бы показаться болѣе смѣшнымъ и страннымъ, чѣмъ эти слова коротенькой дѣвочки въ зеленомъ платьѣ.

— Служить?—удивленно протянула Агапова.—Что-жъ ты умѣешь дѣлать?

— Посуду мыть, полы, на базаръ... Самоваръ ставить можу.

Голосъ у дѣвочки былъ странный: хриплый и басистый.

— Да ты поднимешь ли самоваръ?

— Подниму.

— А ну-ка, попробуй.

Дѣвочка подняла самоваръ.

— Легонькой!—радостно вскрикнула она.

И на лицѣ ея, повернутомъ къ Агаповой, легла побѣдная, добрая улыбка.

— Совсѣмъ легонькой... Я же знаю его.

Впослѣдствіи Агаповой стало извѣстно, что на службу у нея Марфа давно «точила зубы». Мѣсто казалось дѣвочкѣ исключительно привлекательнымъ: «дѣтей нѣтъ, самоваръ маленькій, господа добрые и прислугу обучаютъ грамотѣ».

Съ косоглазой Авдотьей, которая ушла двѣ недѣли назадъ, Дарья Трофимовна проходила азбуку. Марфа читать уже умѣла, но писала совсѣмъ худо, и ей очень хотѣлось научиться писать. «Чтобы, когда на базаръ ходить, все записывать, чтобы письмо написать»...

— Сколько тебѣ лѣтъ?—полюбопытствовала Агапова.

— На Покрова будетъ двѣнадцать.

И солгала: не двѣнадцать, а одиннадцать. Сказала же такъ, для солидности и чтобы скорѣе приняли.

— А сколько ты хочешь жалованія?

— Я получала два съ полтиной.

И опять солгала: получала полтора рубля.

— Хорошо. У меня ты будешь получать два рубля. Если хочешь, можешь оставаться.

Дѣвочка взяла изъ рукъ Агапова щепки, изъ рукъ Дарьи Трофимовны самоваръ. Зажгла щепки и бросила въ самоваръ.

Служба началась.

III.

Вся работа исполнялась дѣвочкой аккуратно, точно и тщательно.

Въ квартирѣ былъ порядокъ, въ кухнѣ чистота. Все на мѣстѣ, все вымыто, вычищено. Когда Агапова готовила обѣдъ, Марфа во многомъ помогала. Она работала такъ толково и ловко, что барыня скоро стала оставлять ее одну на кухнѣ. Дѣвочкѣ можно было довѣрить все,—и котлеты, и супъ, и вареники. Котлеты не окажутся пригорѣлыми, супъ не сбѣжитъ, а вареники пролежатъ въ кипяткѣ именно столько, сколько надо, и сварены будутъ какъ разъ въ мѣру.

Пошлютъ Марфу въ мясную, на почту, въ монополькy за денатурированнымъ спиртомъ, не успѣешь оглянуться, она уже бѣжитъ назадъ.

Только еще подумаетъ про себя Дарья Трофимовна: «хорошо бы полить цвѣты»,—а дѣвочка, точно угадавъ ея мысли, уже тащитъ изъ колодца воду. Перегнувъ на правую сторону коротенькое, худенькое тѣльце, вытянувъ горизонтально лѣвую руку, мелкими и частыми шажками бѣжитъ она черезъ песчаный дворъ съ сверкающимъ въ багровыхъ лучахъ заката мокрымъ ведромъ къ цвѣточнымъ клумбамъ...

За всякую работу бралась она охотно и все выполняла очень хорошо.

Была гроза, съ сильнымъ вѣтромъ, съ продолжительнымъ ливнемъ и градомъ. Растрепало соломенную крышу дачи, а со стѣнъ сбило широкіе пласты штукатурки... Марфа, никому ничего не говоря, встала съ зарей, натаскала откуда-то глины, принесла конскаго навоза, приготовила мѣсиво и «зашпаровала» мѣста, гдѣ штукатурка обвалилась.

Потомъ, подбоченясь, съ дѣловымъ и суровымъ видомъ солиднаго, домовитаго хозяина, долго смотрѣла, поднявъ кверху голову, на поврежденную крышу: видимо обдумывала, не сможетъ ли исправить и ее...

Въ присутствіи барыни дѣвочка работала молча, сосредоточенно и пугливо. А когда оставалась одна, басистымъ, низкимъ и хрипловатымъ голосомъ тихонько и протяжно напѣвала—все ту же, единственную свою, неизмѣнную пѣсенку.

Шелъ по улицѣ малютка,
Посинѣлъ и весь дрожалъ,
Кто жъ напо-о-оитъ,
Кто жъ нако-о-ормитъ
Божью бѣдну сироту...

Поетъ, склонившись надъ корытомъ, стираетъ барынины чулки и талійки. Или вырываетъ на цвѣточникѣ сорныя травы.

Или ложкой мѣшаетъ въ кастрюлѣ, которая кипитъ на плитѣ, бурлитъ и вздрагиваетъ.

— Работница она прямо удивительная, особенно для своего возраста,—говорила Агапова:—но... я не знаю... въ ней есть что то затаенное, я не могу быть спокойной и постоянно жду какихъ-нибудь сюрпризовъ.

IV.

Сюрпризовъ, однако, не было, и все шло отлично.

Прибѣгали иногда два мальчугана,—Пузанокъ и Никишка, братья Марфы.

Пузанку было шесть лѣтъ. Никишкѣ шелъ девятый годъ. Пузанокъ былъ бѣлоголовый, щекастый, рыхлый бутузъ, коротконогій и очень брюхатый. Кличку свою получилъ онъ изъ-за огромнаго, какою то невѣдомою болѣзнью раздуваемаго живота. Животъ все растетъ и увеличивается, за два года онъ дошелъ до размѣровъ порядочнаго ушата, и чѣмъ все это можетъ окончиться—неизвѣстно.

Ходитъ мальчикъ ступнями внутрь, тяжело переваливаясь съ ноги на ногу, и на ходу сопитъ и кряхтитъ.

Никишка, въ противоположность брату, отличается легкой стройностью, изяществомъ движеній и гибкимъ проворствомъ. У него очень большіе черные глаза и торчащіе кверху густые, жесткіе темные волосы. На верхней деснѣ у него не хватаетъ четырехъ зубовъ, и нѣтъ у него нижней половины лѣваго уха. Никишка ходилъ какъ-то въ казенный лѣсъ подбирать еловыя шишки, а лѣсники поймали его, выбили ему зубы и оторвали полъ-уха...

Ни въ кухню къ сестрѣ, ни даже во дворъ, мальчики войти не осмѣливаются.

Они приходятъ въ уличку и здѣсь, передъ частоколомъ, бросаются на земь, въ песокъ, и начинаютъ визжать и играть, какъ молодые собачата... Кувыркаются въ пескѣ, катаются, другъ на дружкѣ ѣздятъ, волокутъ одинъ другого за ноги, воютъ, лаютъ и ржутъ.

На дворѣ тепло, песокъ теплый, изъ лѣсу тянетъ теплымъ запахомъ сосны и дубовой коры. Съ дачныхъ верандъ и изъ кухни идутъ совсѣмъ другіе запахи,—жаренаго, варенаго... А съ утра ничего не ѣвшіе мальчики бродятъ межъ дачами, по уличкамъ, по берегу пруда, гдѣ старый чиновникъ Трегубовъ удитъ рыбу, слоняются по базару,—по этому жестокому мучителю базару, гдѣ столько, гдѣ столько есть всякаго съѣстного!..

Они бродятъ и ждутъ: не выкинетъ ли кто кусокъ, не посчастливится ли гдѣ кусокъ стащить...

Вотъ пришли они къ сестрѣ.

Для чего?

Вѣдь Марфа не можетъ позвать на кухню и накормить. Вѣдь даже остатки обѣда, или свой собственный обѣдъ Марфа не имѣетъ права отдать братишкамъ. Ей было поставлено желѣзное условіе: ничего изъ кухни не смѣть отдавать,—ни заплесневѣлой корки, ни кружки воды... Именно въ виду худой славы Марфы и всей ея семьи, Дарья Трофимовна строго-настрого наказала дѣвочкѣ ничего никому не давать изъ съѣстного. Сперва отдашь то, что ненужно, остатки, лишнее, а потомъ, мало по малу, перестанешь отличать лишнее отъ нелишняго, ненужные объѣдки отъ очень нужнаго, и уже половина провизіи перейдетъ чортъ знаетъ куда... Необходимо строго выдерживать принципъ, надо не давать повадки, и нельзя вводить въ соблазнъ.

— Та ей-Богу, барыня!... Та покарай меня Богъ, та чтобъ у меня руки, ноги отсохли, если я хоть что, хоть капелюшечку кому отпамъ!—волнуясь, тараща круглые темные глаза и ударяя себя кулачкомъ въ грудь, клянется Марфа.—Чтобъ у меня лопнули глаза...

— Ахъ, не божись ты такъ, ну тебя совсѣмъ!

— Чтобъ я издохла, если я хоть крошечку...

— Перестань ты божиться,—отмахивается Агапова.—Я и такъ вѣрю.

V.

Дарью Трофимовну дѣйствительно разстраиваетъ эта божба... И очень огорчаетъ ее, что приходится быть такой неумолимой. Марфа ей нравится, и дѣвочку ей жалко. Но строгость необходима въ интересахъ самой же Марфы. Если станетъ Марфа воровать, придется ее прогнать. За первую половину лѣта Марфу прогнали уже съ трехъ мѣстъ,—значитъ, было за что. И уже никто не хотѣлъ ее брать. Здѣсь у нея послѣднее мѣсто. Если удалитъ ее и Агапова,—конецъ! Службы Марфѣ уже не найти, ея будутъ вездѣ бояться...

Все это отлично знаетъ и сама Марфа. Именно поэтому и дорожитъ она такъ службой, именно оттого такъ судорожно цѣпляется за нее и такъ усердно и напряженно старается угодить барынѣ.

Иной разъ, въ воскресенье, Марфѣ такъ захочется побѣгать въ лѣсу съ товарками... или такъ крѣпко спится ей въ иное утро и хочется поспать подольше... Никакъ не раскрыть ей глазъ, и ноетъ все тѣло, уставшее за долгій день работы, и требуетъ отдыха. Но отдыхать нельзя, но баловаться невозможно, и вставать надо сейчасъ... Вставать надо немедленно и немедленно же надо взяться за стирку. Необходима реабилитація. Во что бы то ни стало, надо исправить худую славу... И оттого то и приходитъ въ такое смятеніе Марфа, когда завидитъ въ уличкѣ, за частоколомъ, своихъ братишекъ: это родство скандалитъ ее, мѣшаетъ ей.

Болитъ и кровью обливается сердце Марфы при мысли, что Пузанокъ и Никишка голодны. Какъ счастлива была бы она не ѣсть и сегодня, и завтра, и отдать братишкамъ всю свою ѣду. Но отдать—невозможно: отдать запрещено!..

И вотъ, ѣстъ она вкусный, янтарный супъ съ клецками, и куриное крылышко, и жаренаго карася, и сладкій клубничный кремъ съ ванилью, а тѣ, — Пузанокъ и Никишка, — въ двадцати шагахъ отъ нея, за частоколомъ, лежатъ на сухомъ пескѣ съ пустыми животами, и гложетъ ихъ голодъ...

Кусокъ станетъ поперекъ горла у Марфы, и ужъ не можетъ она ѣсть. Она сидитъ понурая, съ опущенной головой, съ опущенными руками, она тяжко вздыхаетъ и сквозь слезы бормочетъ:

— Вотъ подлючіе... Пришли шибенники!.. Орутъ на пескѣ... Вотъ наказаніе мнѣ Божіе!..

Потомъ она быстро вскочитъ съ лавки, бросится къ частоколу и, прижимаясь къ кольямъ круглыми щеками, выставивъ въ щель свой вздернутый носъ и выпяченныя губы, сдавленнымъ шопотомъ, полнымъ отчаянія и скорби, зашипитъ:

— Уйдите отсюда, Пузанокъ, Никиша!.. Уходите же, проклятые... барыня увидитъ... Чтобъ вы издохли...

Дѣти въ страхѣ сорвутся съ мѣста и убѣгутъ. Дѣти хорошо вышколены и отлично понимаютъ, во-первыхъ, что никакой поживы у сестры быть не можетъ, и во-вторыхъ, что своимъ хожденіемъ на дачу они подрываютъ служебное положеніе Марфы. «Барыня прогонитъ».

Мальчики очень боятся, что сестру прогонятъ. И однако же одолѣть себя не могутъ и на дачу, на песокъ передъ кухней, все таки прибѣгаютъ. Такъ хорошо и сочно пахнетъ изъ кухни, и такіе неслыханно вкусныя блюда проноситъ Марфа на веранду, къ обѣдающимъ господамъ...

Вкусъ этихъ блюдъ дѣтямъ все таки не чуждъ. Потому что ѣду Марфа роднымъ своимъ все таки таскаетъ.

Жалость къ братишкамъ оказывается сильнѣе страха передъ барыней. Никакіе запреты не удержатъ. И ночью, послѣ двѣнадцати, когда Агаповы уснутъ, и когда весь почти поселокъ уже спитъ, и погаснутъ въ немъ всѣ огни, безшумно и поспѣшно прокрадывается къ своимъ Марфа...

VI.

Тайными, ей одной извѣстными ходами, подлѣзая подъ заборы, прыгая черезъ нихъ, протискивая межъ сорванными горбулями свое маленькое, тщедушное тѣльце, доберется она, взволнованная, взъерошенная, до берлоги, гдѣ ютится ея семья, и лихорадочно станетъ выгружать изъ кармановъ и передника то, что оставила отъ своего обѣда и что удалось стащить, — морковку, мясо, пирожокъ, пшенку...

Задыхаясь отъ страха, отъ усталости, она говоритъ:

— Вотъ... вотъ еще!.. И это еще... и это... Сахаръ вотъ, яблоко... Изъ супа кость... бараничья... А это оладьи... Только, папа, нехай же они не приходятъ на кухню, не пускай ихъ!.. Шибенники проклятые, приходятъ... А меня барыня вонъ съ мѣста.

Отецъ Марфы — существо несчастное, больное, окончательно опустившееся, постоянно пьяное.

Онъ тяжело покачивается, сидя на лавкѣ, и время отъ времени сильно вздрагиваетъ. Его мучитъ ознобъ. Скудно освѣщенный дрянной лампочкой, онъ слезящимися глазами, несмѣло смотритъ на дочь.

— Дѣвочка, дочечка моя, — бормочетъ онъ всхлипывая: — горькая ты моя, несчастная...

— «Несчастная, несчастная», только это и знаете... А чѣмъ «несчастная», лучше бы Пузанка въ больницу отвезли.

— Правильно!.. Вѣрно!..—точно обрадовавшись, вскрикиваетъ пьяный.—Горькая ты моя, правильно ты это!.. Я отвезу!.. Я и въ больницу его, я и до доктора, я куда угодно!.. «Обсмотри, докторъ, животъ у хлопчика»... Марфочка, дочка моя, кормилица ты наша...

Маленькій, худой, сморщенный, источенный чахоткой и алкоголемъ, обвѣшанный какими то лохмотьями, вмѣсто одежды, отецъ кажется Марфѣ такимъ жалкимъ и несчастнымъ, что ужъ

не можетъ она сердиться ни за пьянство его, ни за постоянную праздность. Сердце ея сжимается. Большая печаль стоитъ въ ея темныхъ, круглыхъ глазахъ...

«Причесать бы ему голову... Достать бы гдѣ чистую рубаху для него».

— Будетъ вамъ!—говоритъ она своимъ сипловатымъ, баситымъ голосомъ:

— Чего ужъ... Лучше ужъ поѣшьте чего...

Онъ не ѣстъ.

Онъ тихо плачетъ,—мутными, темными слезами пьянаго человѣка. И слезы эти такъ же жгутъ, и такъ же онѣ мучительно-горьки, какъ у трезваго... А руки его сильно трясутся, и трясется жидкая, въ клочья сбитая бороденка...

— Я этого ѣсть не буду,—отодвигаетъ онъ принесенную Марфой ѣду.—Чтобъ мнѣ лопнуть, если я хоть зернышко... Нестоющій я... Развѣ я отецъ? Развѣ я человѣкъ? Да я хуже сволочи!.. Такого человѣка, какъ я, Марфонька, вѣшать надо! Его къ разстрѣлу надлежитъ!

— Да годи жъ вамъ, папа! Пузанка разбудите.

— Пузанокъ, миленькій мой, сыночекъ!..—всплескивая руками, плачетъ пьяный.—Вотъ народилъ я васъ, а самъ я скотъ, хуже всякаго подлеца!.. Ни заботы объ васъ, ни старанія! Куска хлѣба не даю вамъ, подлая моя душа!.. Ты, Марфа, имъ замѣсто матери... А Дунька наша какъ, а?.. Я спрашиваю; Дунька наша какъ, а?..

Пьяный, тщедушный, растрепанный, съ обнаженной грудью, съ трясущейся головенкой, онъ стучитъ кулакомъ объ столъ и горящими, чахоточными глазами смотритъ на Марфу. Въ голосѣ его и страхъ, и мольба, и боль... Но долго боли этой не жить: убогое деревенское кладбище такъ недалеко отсюда,—саженяхъ въ пятидесяти, на косогорѣ. И скоро, очень скоро,—должно быть къ началу осени,—отнесутъ туда этого человѣка. Успокоится оскорбленное сердце и погаснетъ неизбывная боль его.

— Гуляетъ Дунька, а!—стонетъ пьяный.—Шлендрой стала, а!.. А кто виноватъ, какъ не я?.. Я родитель. Я обязанъ... Если Дунька гуляетъ, то меня надлежитъ къ разстрѣлу... Да!.. И больше ничего!.. Вывести меня къ забору и очень просто: двѣнадцать пуль мнѣ... Да!..

Ночь.

Милая, темная, лѣтняя ночь.

И невидимыя облака, и голубыя звѣзды межъ ними, и лѣсные ароматы, и шелковый шорохъ камыша у пруда подъ кладбищемъ, и млѣющій лепетъ спящихъ ивъ...

Бѣднымъ свѣтомъ плохенькой лампочки тускло освѣщены стѣны и открытое окно, а за окномъ тоненькая вѣточка орѣшника... Вѣтка тихо качается,—кому то невидимому она даетъ ласковое согласіе на что-то, на доброе...

А дальше, за орѣшникомъ, чернота.

Чернота кроткая, нѣжная, любящая. Чернота, принесшая сладость покоя всѣмъ уставшимъ сердцамъ, всѣмъ опечаленнымъ душамъ...

И только здѣсь, въ мрачной берлогѣ, одно сердце остается неуспокоеннымъ. Раздавленный жизнью, больной и нетрезвый человѣкъ съ потревоженной совѣстью горестно бьется, его глаза горятъ жуткимъ пламенемъ и, какъ въ предсмертной тоскѣ, онъ мечется и всхлипываетъ, и сквозь всхлипываніе бормочетъ:

— Дуня... Дунечка... Если ты такая... Дунечка, меня надлежитъ къ забору... Двѣнадцать пуль мнѣ въ сердце, и шабашъ!

Тѣло его, изсохшее, кривое, трясется и трепещетъ. Слезы бѣгутъ по скуламъ, по впадинамъ щекъ и текутъ въ сѣдоватой жиденькой бородкѣ... Громко дышатъ спящіе на полу Пузанокъ и Никишка. Никишка лежитъ раскинувъ руки, лицомъ кверху. Ротъ его раскрытъ, и видно, что у него не хватаетъ четырехъ зубовъ... Пузанокъ прижался щекой къ плечу брата, и на запыленной стѣнѣ вырисовывается тѣнь его живота, огромная, полукруглая, то поднимающаяся, то опускающаяся... Освѣщенная вѣточка орѣшника за окномъ все качается,—ласково подтверждаетъ свое согласіе... Изъ черной дали доносится мягкій, трепетный баритонъ... Оборвется... Вспыхнетъ вновь... Задрожитъ горячей мучительной страстью... и растаетъ опять...

Поетъ кто-то, кто любитъ.

Да. Такъ поетъ только тотъ, кто любитъ.

VII.

— Ну, прощайте!—насупившись, говоритъ Марфа.

Топая крупными босыми ступнями, она выходитъ во дворъ. Какая темь!

Прежней, только ей одной извѣстной дорогой, протискивая свое худое тѣльце межъ раздвинутыхъ досокъ забора, прыгая

черезъ заборы и подлѣзая подъ нихъ, дѣвочка пробирается въ свою кухню, на дачу...

Темно. Тепло. Шопотъ, шорохи, замирающіе отдаленные или очень близкіе голоса... Порою сдержанный смѣхъ раздастся, шелестъ, какъ будто и поцѣлуи... Въ пруду подъ косогоромъ должно быть купаются. Объ этомъ говоритъ тающій плескъ воды и тихое фырканье... Вода мѣрно хлюпаетъ; мягко встревоженная, она подкатывается медленными широкими полукругами къ илистому берегу и тихо ласкаетъ его, и тихо колеблетъ осоку... Кричатъ лягушки...

Воздухъ тепелъ. Песокъ подъ ногами теплый. Заборъ, когда возьмешься за него рукой, готовясь перепрыгнуть, дышитъ теплomъ, какъ живой. И облако наверху,—если бы только удалось до него дотронуться,—навѣрное тоже оказалось бы теплымъ... И какъ всюду пахнетъ!

«Медомъ пахнетъ, и какъ будто разрѣзаннымъ кавуномъ»...

Это отъ пруда.

Марфа давно замѣтила, что по ночамъ, и если долго не было дождя, прудъ начинаетъ пахнуть, какъ очень спѣлый разрѣзанный арбузъ...

— Вотъ хорошо!—думаетъ дѣвочка.

Она останавливается, вздыхаетъ, зажмуриваетъ глаза и тянетъ носомъ воздухъ.

И тутъ вдругъ откуда то, изъ подъ высокаго, стараго тополя, вмѣстѣ съ лепетомъ невидимыхъ листьевъ, доносится взволнованный голосъ:

— Да, Дунечка!.. Да я-жъ тебѣ за то какіе духи подарилъ...

— Духи то духи, духи то одно дѣло, а вы, Вася, рубля мнѣ дайте.

Потомъ слышится поцѣлуй.

Шорохъ. Возня. Шуршаніе... Еще поцѣлуи...

Марфа бросилась бѣжать.

И потомъ она долго не могла уснуть,—хоть спать и очень хотѣлось,—и все думала о томъ, что случилось, думала о сестрѣ...

Пахнетъ отъ Дуни, дѣйствительно, необычайно. Еще она и въ хату не зашла, еще по другую сторону забора у калитки стоитъ, а уже слышно, какъ пахнетъ. И зонтикъ у нея красный. Красный съ бѣлымъ кружевомъ,—ахъ, какой зонтикъ!...

Значитъ, теперь Дунька уже съ Васей?

Раньше у нея Никодимъ Павлычъ былъ, чиновникъ съ почты, а потомъ Гаврюковъ... А послѣ она до генерала ходила, до Шебеки... Теперь—Вася появился. Какой же это Вася?...

Вася—семинаристъ, или Вася Солнцевъ, художникъ, который съ Бухтѣтевской дачи?.. А можетъ быть это Василій Иванычъ, у котораго желтая косоворотка, а усы бритые?.. Нѣтъ, съ этимъ Дунька не пойдетъ онъ: такой некрасивый и хромой чортъ, на лѣвую ногу шкандыбаетъ...

— Рубъ—двадцать!.. Рубъ—двадцать!—шопотомъ и въ тактъ хромающему проскандировала Марфа, дѣлая сильное удареніе на словѣ «рубъ» и отчетливо представляя себѣ, какъ, хромая, наваливается на лѣвую ногу Василій Ивановичъ въ желтой косовороткѣ...

...А можетъ быть это совсѣмъ новый, другой какой нибудь Вася,—думала дальше Марфа, уже лежа у себя на лавкѣ, въ кухнѣ.—Вѣдь Дунька подлая! Она гадость. Она со всякимъ пойдетъ. Кто заплатитъ ей, съ тѣмъ она и пойдетъ... Дунька гуляетъ. А которая гуляетъ, та уже ни на что не смотритъ, ей все равно, какой будетъ Вася...

И отчего это называется «гуляетъ»?

Гуляютъ въ лѣсу. Гуляютъ въ паркѣ. Гуляются въ куклы,—и это все очень пріятно и весело. А то, что шляется Дунька и пьетъ водку—развѣ это такъ пріятно, чтобы называть это гуляньемъ?

Ну, конечно, у Дуньки красный зонтикъ. А духи!.. А чулки у ней были разъ такіе, что прямо какъ у царицы,—шелковые, голубые, и съ рѣшеточкой, какъ кружево, и тѣло насквозь видать... Ну, да за то какъ же всѣ ругаютъ Дуньку!.. Самыя гадкія слова говорятъ ей,—и даже папа тоже... И пьяная бываетъ Дунька,—вотъ ужъ страшно смотрѣть! И когда она пьяная, то сама говоритъ всѣ гадкія слова... Бьютъ Дуньку... Сколько разъ лицо въ синякахъ... Здорово такъ колотятъ, не дай Богъ!

Притащится домой пьяная и такъ начинаетъ стонать, что ажъ заплачешь сама. Подъ печенку ее побили, и подъ душу,—все чисто отобьютъ, а она стонетъ и ругается... А тверезая сдѣлается—плачетъ... Ни слова не говоритъ, ничего не ѣстъ, не пьетъ, закроетъ лицо руками, или лицомъ въ подушку, и такъ заплачетъ—Боже мой!..

Стыдно ей, прячется; не улицей, а все позади заборчиковъ ходитъ, чтобы не видѣли ее. А какъ же не стыдно, когда всѣ кричатъ ей «зараза»? Что жъ, и правда вѣдь, что зараза... Когда два раза въ больницу, въ самое заразное отдѣленіе сажали, гдѣ, говорятъ, самая гадость,—какъ же не зараза?..

Марфа, охваченная невольнымъ чувствомъ гадливости, морщится, а сердце у нея дрожитъ отъ жалости и состраданія...

VIII.

Гулять, — думаетъ она: — А что это такое означаетъ — гулять?

Гу-лять...

Гу-л-ять...

— Гу-лять, — задумчиво шепчетъ дѣвочка, уставившись безпокойными глазами въ темноту.—Гу-лять... Дунька гу-л-я-етъ...

Темные, смутные, странные образы проходятъ въ воображеніи Марфы... Что то недоброе, нечистое, грубо волнуетъ ее, дразнитъ, томитъ... Ей становится жутко, ей почему то противно, и она чего то боится ..

Она спитъ одна въ кухнѣ, близко нѣтъ живой души, а ей начинаетъ казаться, что кто-то здѣсь потихоньку бродитъ, и кто-то гадкій, опасный царапаетъ дверь...

— Кого надо?.. Кого надо?.. Здѣсь нѣту никого! — въ страхѣ, скороговоркой кричитъ дѣвочка.—Здѣсь нѣту никого...

Старой юбкой, которую дали ей для укрыванія, она накрываетъ голову и вся трепещетъ, и вся холодѣетъ...

— Здѣсь нѣту никого, не трогайте меня, не трогайте!..

И начинаетъ ей казаться, что черезъ окно лѣзетъ въ кухню Вася, и что это очень хорошо, если придетъ сюда Вася... Вася подаритъ ей духи... Онъ подаритъ ей и красный зонтикъ съ кружевомъ... Вотъ, въ магазинѣ Дукельскаго — она видѣла — продаются куклы, которыя говорятъ, «папа, мама», и такъ красиво закрываютъ глазки. Вотъ бы такую куклу! Чудо... И колясочку бы для куклы... И можно маленькое фортепьяно, — фортепьяно тоже продается у Дукельскаго... Маленькое, маленькое, совсѣмъ малюсенькое, — вотъ такое! — можно въ духовкѣ спрятать.

Если гулять, то можно все это имѣть.

Дунька — дура. Она пьянствуетъ, всѣ деньги тратитъ на водку, и отъ того у нея ничего нѣтъ. А Марфа, если бы гуляла, пьянствовать не стала бы. Марфа водку терпѣть не можетъ. Она пьянствовать не стала бы а на деньги накупила бы, вотъ сколько вещей!.. Для Пузанка сразу двѣ рубашки бы, купила, одну голубенькую, а другую изъ шелковаго батиста, чтобы вышитыя крестикомъ... И полсапожки бы ему со скрипомъ... И можно бы Пузанка повести къ доктору, животъ ему снять...

— А гулять вѣрно пріятно,—приходитъ вдругъ въ голову Марфѣ.

И хоть въ кухнѣ темно, и хоть никого въ кухнѣ нѣтъ, дѣвочка зажмуриваетъ глаза и руками закрываетъ себѣ лицо: неожиданная мысль эта кажется ей нечистой и мерзкой, и дѣвочкѣ дѣлается стыдно.

— Когда гуляютъ, то много цѣлуются,—думаетъ она, не смотря на чувство стыда.

Вотъ, когда служила она у Стремоуховыхъ, то кадетъ Коленька обнялъ ее за сарайчикомъ и сталъ цѣловать. Марфа вырвалась и убѣжала. Ей было такъ страшно. Но ей и пріятно было, ахъ, какъ пріятно!.. Онъ такой хорошенькій, кадетъ Коля. И у него есть такое, вродѣ портъ-сигара, носитъ въ карманѣ, а если надавить, то зажигается фонарикъ. Это электричество... Вотъ здорово!..

И есть, кромѣ того, маленькіе ножнички. Коля даже подарилъ эти ножнички Марфѣ. А потомъ, когда она отказалась прійти къ нему въ погребъ, онъ взялъ ихъ обратно... А она крѣпко плакала, — такъ жалко было возвращать ножнички... Но въ погребъ прійти она все таки отказалась. Гадость это—ходить въ погребъ... Ай-ай-ай, какая гадость!.. А все таки, когда цѣловалъ Коля, было пріятно. Даже теперь пріятно вспомнить, какъ Коля обнималъ... Стыдно, стыдно, Боже мой, какъ стыдно!.. А пріятно... А когда гуляютъ, то обнимаются много, цѣлую ночь...

— Ахъ я гадкая! — не своимъ голосомъ закричала вдругъ Марфа, срываясь съ лавки.—Про что это я думаю, подлая такая!.. Хуже Дуньки я, поскуда такая, чтобъ я издохла, проклятая, чтобъ я пропала!..

Она громко, съ отчаяніемъ, плачетъ. Она бьетъ себя кулакомъ въ грудь, рветъ на головѣ волосы и осыпаетъ себя всѣми тѣми страшными ругательствами, которыми встрѣчаютъ ея сестру Дуньку сосѣди, когда она пьяная возвращается домой...

Съ гадливостью и страхомъ произносила она эти не совсѣмъ понятныя ей слова. Растерянная, одинокая, вся раздавленная стыдомъ и отвращеніемъ къ себѣ, она тяжело металась въ душной черноте безмолвной кухни, и слезы отчаянія, слезы ужаса быстро катились по ея круглымъ щекамъ...

Она плакала долго, судорожно, захлебываясь.

Потомъ, уже совершенно измученная и истерзанная, она стала постепенно затихать.

И когда на блѣдное, тусклое небо скользнули первые лучи разсвѣта и подъ теплой золотистостью ихъ снова улыбнулась земля, дѣвочка лежала пластомъ и душилъ ее черный кошмаръ. На груди у нея сидѣль отецъ и маленькій Пузанокъ съ тяжелымъ

брюхомъ, и пьяная Дунька... А изъ пріоткрытаго и на бокъ скосившагося рта Марфы вырывались бредовыя слова:

— Меня надлежитъ къ растрѣлу... Въ сердце мнѣ... въ сердце, двѣнадцать пуль...

IX.

Никогда еще ни одна служанка не удовлетворяла Агапову въ такой мѣрѣ, въ какой удовлетворяла ее Марфа. Никогда еще ни одна прислуга не работала такъ много, усердно и старательно, какъ работала эта одиннадцатилѣтняя дѣвочка. Агапова очень дорожила ею и просто въ смятеніе приходила отъ мысли, что та почему либо уйдетъ. И именно потому, что она боялась потерять такую хорошую прислугу, она, порою, начинала ее муштровать и принималась читать ей мораль.

Вѣдь какая будетъ бѣда, если Марфа проворуется!

Проворуется—придется прогнать... И вотъ, чтобы прогнать не пришлось, Агапова стала прибѣгать къ предохранительнымъ мѣрамъ.

— Видишь ли, Марфа,—начинаетъ она, взбивая въ мискѣ яичные бѣлки.—На свѣтѣ нѣтъ ничего гаже воровства.

Отъ такого вступленія дѣвочку мгновенно передернетъ. Она съежится, побагровѣетъ, а глаза ея пріобрѣтутъ выраженіе боски и страданія. Марфа отлично понимаетъ, въ чей огородъ тросаетъ барыня камни. Значеніе всѣхъ этихъ намековъ для нея вполнѣ ясно... Руки Марфы сразу опустятся, голова поникнетъ. Мѣдная кастрюлька, которую дѣвочка чиститъ красноватой мазью и толченнымъ кирпичемъ, вывалится изъ рукъ и съ тихимъ звяканіемъ ударится объ полъ... Такъ сдѣлается Марфѣ стыдно, такъ неловко!..

Агапова отъ своихъ разсужденій и сама испытываетъ неловкость и непріятное стѣсненіе, но ее воодушевляетъ мысль, что поученія ея важны,—важны прежде всего для самой Марфы,— и она, превозмогая себя, продолжаетъ:

— Всѣ пороки дурны, Марфа, но хуже всего на свѣтѣ воровство... Вора всѣ презираютъ, всѣ ненавидятъ и преслѣдуютъ...

— Я, барыня, не дай Богъ!.. Боже меня сохрани,—восклицаетъ Марфа, не зная, куда дѣваться отъ стыда.

— Глупенькая, да я жъ не о тебѣ, я это такъ только, для примѣра... Вилкой неудобно взбивать бѣлки, надо будетъ купить

такую машинку... Воръ — ужъ можешь быть спокойна — воръ никогда не найдетъ хорошаго мѣста. Кто станетъ держать вора?

«Нехорошо это все, что я говорю, — думаетъ про себя Агапова:—ей-Богу, это лишнее... И дѣвочка страдаетъ»...

Тѣмъ не менѣе, Дарья Трофимовна продолжаетъ.

— Воръ всегда жестоко поплатится за свои дѣла. Думаешь, вору кража въ пользу? Да никогда.

— Барыня, чтобъ у меня лопнули глаза! — страстно восклицаетъ дѣвочка. — Чтобъ у меня руки-ноги отсохли, если я хоть что!.. Мнѣ и папа мой всегда говоритъ: тебѣ, говоритъ, если чего хочется покушать, ты лучше попроси, а сама никогда ничего не бери.

Агапова искоса смотритъ на дѣвочку: та сидитъ на полу, горестно съежившись, и лицо у нея взволнованное, блѣдное... Агапова же дама крупная, плечистая, съ сильнымъ бюстомъ, и голосъ у нея хоть и добрый, ласковый, но очень громкій, и его слышно даже на улицу... Черненькая Марфа, въ сравненіи съ массивной Агаповой, кажется какой то кочкой. И приходитъ въ голову: еслибы Агапова, по близорукости своей, не замѣтила Марфы и на ходу зацѣпила ее ногой,—такъ бы и разсыпалась въ пыль эта кочка, не стало бы ея совсѣмъ...

Въ наивныхъ, свѣтлосѣрыхъ глазахъ Агаповой видна доброта и свѣтится состраданіе и даже нѣжность къ дѣвочкѣ. Стараясь придать своему голосу какъ можно больше мягкости, она продолжаетъ:

— Конечно, лучше попросить... Все, что угодно, проси... Потому что, если воръ...

Марья Трофимовна перестаетъ взбивать бѣлки и, отодвинувъ отъ себя миску, вперяетъ глаза въ дѣвочку.

— Видишь-ли... если воръ попадется... Вотъ, напримѣръ, былъ, знаешь, такой случай: дѣвочка одна служила, вродѣ какъ ты. И вдругъ кража. У барыни пропало кольцо. Туда-сюда, — нѣту! Искали, искали, все въ домѣ перерыли, нѣту кольца, и кончено! Заявили въ полицію. А ужъ отъ полиціи, сама знаешь, ничего не скроется. Въ полиціи они хитрые. И нашли кольцо у дѣвочки. Украла, значитъ.

Марфа слушаетъ барыню,—и лицо у нея какъ будто даже худѣетъ... Слезы подступаютъ у ней къ глазамъ, подбородокъ вздрагиваетъ... Она поднимаетъ выпавшую изъ рукъ кастрюлю, принимается натирать ее суконкой, но руки опускаются опять...

— Ну и что же, ты думаешь, было послѣ этого?—про-

должаетъ Агапова:—Во-первыхъ, сейчасъ же дѣвочку вонъ съ мѣста,—прогнали...

— Барыня,—глотая слюну, вскрикиваетъ Марфа. — Барыня, я—не дай Богъ!.. Накарай меня Богъ!.. Лучше пусть у меня руки-ноги чтобы отсохли... Меня у Стремоуховыхъ прогнали черезъ баранину, а я ничего не украла.

— Черезъ баранину?

Марфа опять глотаетъ слюну. Въ тяжкомъ смущеніи она поворачиваетъ свою кастрюлю то туда, то сюда... Нѣкоторое время она не въ состояніи говорить.

Потомъ, поднявъ къ барынѣ измурзанное слезами и кирпичной пылью лицо, она начинаетъ объяснять.

— На Вознесенье... Какой же большой праздникъ... Гостей сколько, а я въ помощницахъ... Кухарка оретъ, оретъ, а куда что—не разберешь. Блюдо такое вотъ было, здоровячее, какъ ночевки, а баранины тоже, и картошка, и налистнички по-краковски, бо полячка была кухарка, а бѣготня съ самаго съ разсвѣту, тупъ-тупъ, тупъ-тупъ, туда поспѣть, сюда поспѣть, то подай, это сдѣлай—до того я, барыня, заморилась, не дай Богъ, ажъ въ кишкахъ трусится, ей Богу, иттить не могу, а съ утра праздникъ, и я безъ ничего, и чаю не поспѣла, бо гостей же сколько, и все надо, чтобы поспѣть... Я такая была голодная, подумайте же, барыня, сами, а блюдо я несу къ столу, здоровячее оно, вотъ такое вотъ, какъ ночевки, и все баранина, да духовитая, то мнѣ это прямо въ носъ такъ пахнетъ, а сама я жъ голодная, а блюдо тяжелое, то я и споткнулась...

— Ну и что жъ?

— И уронила его.

— Блюдо?

— А то какъ же... Уронила, и баранину всю... Все чисто на земь.

— На полъ?

— А извѣстно на полъ... А тамъ можетъ пятнадцать фунтовъ, праздникъ же какой, подумайте сами. И гостей много... Офицеровъ однихъ сколько... Армянка одна была, въ атласномъ платьѣ... И я все до чиста на земь, на паркетъ... Черезъ паркетъ и прогнали меня.

Насупившись, Марфа начинаетъ вяло тереть свою кастрюльку мазью.

— Черезъ баранину,—добавляетъ она глухо.—Черезъ это...

— Что за чепуху ты разсказываешь!

— А чтобъ я когда что украла,—да чтобъ мнѣ лучше сей-

часъ на мѣстѣ провалиться. Чтобъ мнѣ никогда отца - братьевъ не видать!

— Проваливаться, Марфа, никто не проваливается, но въ острогъ попадаютъ.

— «Какую я гадость говорю»,—думаетъ Агапова;—«не надо этого»...

И все таки продолжаетъ:

— И очень даже попадаютъ. Сначала въ острогъ, въ предварительное заключеніе, потомъ судятъ, и въ арестантскія роты... Вотъ ту дѣвочку, что колечко украла,—ее въ исправительный пріютъ отдали. А знаешь: исправительный пріютъ—это похуже всякаго острога... это какъ каторжныя работы...

... «Ну, напугала я ее здорово», — думаетъ потомъ Агапова: — «даже поблѣднѣла она. Теперь и захочетъ украсть, побоится».

И внутренно Дарья Трофимовна добродушно смѣется,—и надъ наивностью дѣвочки, повѣрившей всей этой смѣшной чепухѣ съ арестантскими ротами, и надъ своей нелѣпой выдумкой и запугиваніями.

Марфа же ничего не говоритъ. Сидитъ понурившись, и взглядъ у нея угрюмый, тяжелый...

Дарья Трофимовна изъ кухни уходитъ, а дѣвочка сидитъ долго, не двигаясь и ничего не дѣлая...

И уже до самаго вечера она ничего не говоритъ и не ѣстъ.

Когда стемнѣетъ, она выйдетъ въ пустынную уличку, сядетъ на песокъ, гдѣ днемъ барахтались голодные Пузанокъ и Никишка, и, поднявъ лицо къ звѣздамъ, тихимъ, сиплымъ, басистымъ голоскомъ тягуче и уныло запоетъ, — все ту же, неизмѣнную, единственную пѣсенку свою:

Кто жъ нако-о-ормитъ,
Кто жъ напо-о-оитъ,
Божью бѣдну сироту...

X.

Установилась атмосфера крайне непріятной напряженности.

Агапова не переставала, не могла перестать подозрѣвать и опасаться. Марфа не могла доказать, что воровать не собирается.

Агапова каждый день ожидала кражъ, и каждый день ей казалось, что вотъ исчезъ одинъ предметъ, или другой,—брошка,

носовой платокъ, эмалированная сковородка, щипцы для сахара, жилетка Юрія Михалыча.

Она въ тревогѣ и раздраженная бросалась искать, поднимала шумъ, возню, начинала ахать, угрожать, начинала говорить о полиціи... Вещь найдется,—и Дарья Трофимовна ходитъ, хоть и сконфуженная, но все же разозленная и придирчивая, и виноватой во всемъ оказывается, все таки, Марфа...

Воруютъ всѣ прислуги, конечно. Но у взрослой хоть есть паспортъ. У Марфы же паспорта нѣтъ, и что съ нея возьмешь.

Еще если бы привели Марфу родители, или родственники, вообще кто нибудь изъ взрослыхъ,—тѣ бы и отвѣчали. Но вѣдь на службу Марфа явилась сама, сама себя предложила, и Агапова даже не знаетъ, гдѣ живетъ ея отецъ. Въ случаѣ чего, неизвѣстно даже толкомъ, кому пожаловаться. Не въ полицію же въ самомъ дѣлѣ обращаться.

Украдетъ дѣвчонка все, что захочетъ, взломаетъ всѣ ящики въ комодѣ, все почиститъ и уйдетъ. Ищи потомъ вѣтра въ полѣ. Ахъ, лучше бы прогнать ее, и подальше было бы отъ грѣха!..

Прогнать нельзя было.

Дѣвочку продолжали держать. Но отношенія къ ней становились все болѣе враждебными и строгими. Марфа это видѣла, чувствовала и отъ этого горько страдала.

Теперь барыня уже не давала ей тетрадокъ, не писала въ тетрадкахъ карандашомъ буквы, которыя Марфа должна обводить чернилами. Дружбѣ конецъ! Настала жесткая пора глухой непрерывной вражды, худо скрытаго презрѣнія, худо скрытой ненависти... Разговоры были короткіе,—и что за разговоры! Сухое приказаніе, либо колючій намекъ да напоминаніе насчетъ того, что за кражу сажаютъ въ арестанскія роты.

— Главное: не надо брать примѣра въ семьѣ, — учила Дарья Трофимовна.—Если отецъ твой тащитъ, пусть тащитъ, но ты у него не учись.

Марфа вспыхивала, потомъ блѣднѣла и, подавляя слезы, съ божбой и клятвами объясняла, что отецъ ея — Боже сохрани!—никогда ничего и нигдѣ не таскалъ. Онъ не воръ. Онъ только выпиваетъ, но это оттого, что онъ больной; чахотка у него, идетъ кровь горломъ. Что же касается до Никишки, то онъ дѣйствительно взломалъ недавно въ погребѣ дверь и укралъ горшокъ съ борщомъ и компотъ. Но за это «папа нашъ такъ шпандорилъ его поясомъ, такъ шпандорилъ, ой Боже мой, всю чисто шкуру съ него содралъ»...

Марфа признавалась, что и еще нѣсколько кражъ совер-

шилъ Никишка,—и Агапова съ удивленіемъ и про себя смѣясь, отмѣчала, что кражи были всегда странно однородныя: все только съѣстное кралъ мальчикъ, съѣстное и съѣстное.

Въ разговорахъ Марфы о воровствѣ тоже было странное: предметомъ кражи, въ мысляхъ дѣвочки, всегда служила исключительно ѣда...

Марфѣ—и должно быть и ея брату—видимо вовсе не приходило въ голову, что если украсть и другое—платье, напримѣръ, или деньги—то можно потомъ это украденное обратить въ съѣстное. Въ дѣтской наивности своей и простотѣ дѣвочка этого какъ то совсѣмъ не соображала.

Такая прямолинейность и простодушіе Марфы забавляли Агапову, смѣшили, нѣсколько и примиряли... Крупная, тяжеловѣсная, добродушная, сѣроглазая барыня съ смѣшливой ласковостью смотрѣла на дѣвочку, когда та, горячась и волнуясь, говорила про кражу селедки или оставшагося въ горшкѣ борща...

«Вотъ чудачка»,—думала Агапова.

И все таки, когда пропалъ однажды шелковый шарфъ, почти совсѣмъ новый и довольно дорогой, особенно цѣнный еще тѣмъ, что привезенъ онъ былъ въ подарокъ съ Капри, Дарья Трофимовна сразу пришла въ такую ярость, что безъ всякихъ разсужденій выгнала Марфу вонъ.

— Духу твоего чтобъ здѣсь не было!

Дѣвочка плакала и клялась страшными клятвами, что шарфа не брала Агапова не успокаивалась—вонъ и вонъ... И только тому удивлялась она, что до сихъ поръ могла терпѣть въ своемъ домѣ такую воровку, такую завѣдомую, всей деревнѣ извѣстную воровку...

Да и вообще, какъ можно было держать Марфу, когда отецъ ея пьяница и воръ, а сестра проститутка! Зараза, мерзкая араза.

Агапова въ бѣшенствѣ вышвырнула изъ кухни узелокъ съ вещами Марфы. Въ узелкѣ было праздничное зеленое платье съ талійкой и длинными руками.

Марфа стояла подлѣ сарая, лицомъ къ стѣнѣ, ковыряла пальцемъ стѣну—и не плакала. Тяжело и горько было у нея на сердцѣ, — такъ тяжело, что снова стали проходить мысли, что чѣмъ такъ мучиться, то ужъ лучше гулять, по Дунькиному... Вчера, когда она съ кошелкой возвращалась съ базара и проходила по тропинкѣ у пруда, сѣденькій чиновникъ Трегубовъ, удившій рыбу, угостилъ ее шоколадомъ и сказалъ, что подаритъ ей ленту и серебряный крестикъ, если она вечеромъ придетъ

«подъ семь дубовъ». Дунька бы пошла... А Марфа не пойдетъ. И чтобъ онъ лучше издохъ, этотъ Трегубовъ!.. Чтобъ его, проклятаго, холера и чума задавили, вотъ что!..

— Марфушка,—раздался вдругъ за спиной дѣвочки взволнованный голосъ Агаповой:—признавайся, Марфушка, ты подкинула шарфъ?

Въ рукахъ Дарьи Трофимовны развѣвался тотъ самый, шелковый съ яркими разноцвѣтными поперечными полосами капрійскій шарфъ, изъ-за исчезновенія котораго Марфу прогнали съ мѣста.

— Шарфъ оказался въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ... Говори правду, Марфушка, я ничего тебѣ не сдѣлаю, я только хочу знать: ты подкинула?

Марфа обратила свои круглые, темные глаза къ барынѣ...

Столько было въ глазахъ ребенка печали и муки, столько нѣмой и горестной беззащитности, что Дарья Трофимовна не выдержала и попятилась.

Никишка же и Пузанокъ, притаившіеся въ это время на улицѣ, за частоколомъ, съ недоумѣніемъ и страхомъ, озадаченно, поглядывали то на барыню, то на сестру...

— Развѣ... не ты... не ты подкинула?—сконфуженно спрашивала Агапова.

И отлично знала, что спрашиваетъ вздоръ: кабинетъ былъ запертъ на ключъ съ самаго утра, ключъ хранился у уѣхавшаго въ городъ Юрія Михалыча, и какъ же могла бы проникнуть Марфа въ кабинетъ?

Дѣвочка ничего не отвѣтила барынѣ.

Переполненное страданіемъ, поруганное сердце ея вдругъ остановилось. Что то похожее на хриплое стариковское кряхтѣніе вырвалось изъ ея горла. И какъ умирающій, поблѣднѣвъ, Марфа вдругъ странно покачнулась и тяжело присѣла на песокъ.

Узелокъ съ зеленымъ платьемъ лежалъ тутъ же у ногъ дѣвочки.

А потомъ было прежнее: Марфа подавала обѣдъ, убирала посуду, приготовляла постель, стирала барынины носовые платки... Барыня призналась, что обидѣла дѣвочку напрасно, и въ возмѣщеніе за обиду угостила ее шоколадомъ.

Проходившій же въ сумерки по уличкѣ сѣдой чиновникъ Трегубовъ тоже предлагалъ ей шоколадъ и уговаривалъ пойти «подъ семь дубовъ».

XI.

Черезъ четыре дня, на Успеніе, случилось слѣдующее.

Въ паркѣ, подъ управленіемъ фребеличекъ, было устроено гулянье для дѣтей,—съ шествіями, съ конкурсомъ декламаціи, съ раздачей призовъ. Агаповы пошли посмотрѣть ребятишекъ, Марфу же съ запиской послали въ Малютинку, къ Давыдовымъ, пригласить и тѣхъ пріѣхать на гулянье.

Оттого, когда Пузанокъ съ Никишкой подошли къ дачѣ Агаповыхъ и стали выдѣлывать на пескѣ свои обычныя штуки—кувыркались, прыгали и по жеребячьи ржали—всѣ ихъ старанія остались безъ оцѣнки: никто мальчугашекъ не видѣлъ.

— Всѣ усли,— объявилъ огорченный Пузанокъ:—и Малфы нѣту.

Всѣ ушли? Что же, бываетъ полезно и когда всѣ уйдутъ.

Всѣ ушли.

Никишка пытливо осмотрѣлъ дверь кухни: на двери замокъ...

Мальчикъ посмотрѣлъ на погребъ,—солидный замокъ виситъ и тамъ...

— Черти голодранскіе!—нахмурившись проворчалъ онъ.—Все заперли, арестанты подлючіе.

— Подлючіе,—согласился и Пузанокъ.

А потомъ Пузанокъ сказалъ еще такъ:

— Малфа на базалѣ, а господа тозе усли... Далеко усли..

Сказалъ какъ то особенно значительно, и точно для какого то наущенія, точно съ вызовомъ...

Онъ положилъ ручонки на свое огромное брюхо и выжидательно уставился на брата... Оправдай, молъ, свою репутацію, если ты храбрый. Мямлить нечего!

Со вчерашняго вечера дѣти были голодны. Сюда они прибѣжали въ надеждѣ, что Дарья Трофимовна позоветъ на веранду и дастъ поѣсть. Случалось уже нѣсколько разъ, что Агапова угощала ихъ. Сегодня же большой праздникъ, и барыня угоститъ непремѣнно... Но вотъ—неудача! Барыни нѣтъ дома...

Кромѣ голода, мальчиковъ мучила еще жажда, какая то совсѣмъ особенная жажда,—острая, жгучая, ядовитая. Часъ назадъ оба брата забрались на огородъ Никифора Храпака, выковыряли на грядкахъ кучу редисокъ и тутъ же поспѣшно съѣли ихъ. Молодая, нѣжная, не слишкомъ еще ѣдкая, редиска показалась имъ оченъ вкусной, и они съѣли ея очень много. Голода редиска почти не утолила, а жажду и изжогу вызвала нестерпимую...

Уже сосали потомъ мальчики стебель осоки, которую нарѣзали на пруду, уже пили съ жадностью и въ большомъ количествѣ изъ пруда зеленоватую, затхлую воду, — не помогло: изжога не унималась, и слюна во рту была противная, клейкая, густая, съ запахомъ гари. Ѣсть ребятамъ теперь хотѣлось такъ сильно, что дрожали у нихъ руки, и темнѣло въ глазахъ.

— Барыня посла на дѣтскій плазднивъ...—опять точно науськивая на что-то, проговорилъ Пузанокъ.—А Малфу послала на базалъ.

Совершенно вѣрно! Барыня пошла въ паркъ на дѣтскій праздникъ, а Марфу послала съ порученіемъ.

И на дачѣ никого нѣтъ...

На дачѣ рѣшительно никого нѣтъ...

Сдѣлать нужное заключеніе изъ этихъ обстоятельствъ было для Никишки тѣмъ легче, что тайныя идеи Пузанка были и его идеями...

Заключеніе и было сдѣлано...

Пріоткрывъ ротъ, показывая свою лишенную зубовъ верхнюю десну, Никишка подмигнулъ чернымъ глазомъ брату и легонько толкнулъ его въ животъ... Пузанокъ, серьезный и весьма сообразительный, въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ надобности уже не видѣлъ.

Колыхаясь и тяжело переваливаясь съ ноги на ногу, онъ вышелъ на средину улички, поглядѣлъ впередъ, поглядѣлъ назадъ... и подалъ брату сигналъ рученкой...

Потомъ онъ тихонько и протяжно заржалъ...

— Нема никого,—сдавленнымъ шопотомъ прошипѣлъ онъ: валяй, сколѣича.

Послѣ этого Никишка, сильно изогнувшись и скорчившись, почти сравнявшись съ землей, поползъ вдоль частокола къ верандѣ...

XII.

Широкимъ взглядомъ человѣка, знающаго свое дѣло во всѣхъ тонкостяхъ, мальчикъ сразу охватилъ все, что находилось на верандѣ: вотъ столъ, два плетеныхъ кресла, большая лейка, а на столѣ книжки, ножницы, новенькая никкелевая чернильница... Все негодное. Съѣстного нѣтъ...

Никишка шагнулъ впередъ, толкнулъ дверь—заперта... Никишка нагнулся, посмотрѣлъ подъ столъ,—ага, ящикъ!.. Но въ ящикѣ оказались только старыя газеты и шары для кро-

кета... Никишка поднялъ голову кверху: надъ дверью — полка, на полкѣ большой безменъ и кастрюля...

«Ага, кастрюля»!

Ну, здѣсь, пожалуй, найдется и что нибудь путное.

Никишка поспѣшно поставилъ на столъ кресло, въ одно мгновеніе взвился на это кресло и протянулъ руки къ кастрюлѣ. Совсѣмъ легкая! пуста...

— Не видать никого, Микиска,—доносилось съ улицы шипѣнье Пузанка:—Бели все, бели побольсе.

— О, черти голомозые!—съ ненавистью проговорилъ Никишка.—Все сами сожрали.

Совсѣмъ и не подумавъ о томъ, что если захватить кастрюлю и безменъ и отнести къ Левонихѣ—перекупщицѣ, то та дастъ, пожалуй, цѣлый двугривенный,—а только страшно огорченный отсутствіемъ съѣстного, Никишка соскочилъ на полъ и отъ злости ударилъ ногой въ плетеное кресло съ такимъ ожесточеніемъ, что если бы нога не была столь исхудалой и слабой, тростниковое сидѣнье кресла навѣрное оказалось бы пробитымъ.

— Слопали... Ну, такъ я въ погребъ!—сказалъ себѣ мальчикъ.

Полный нетерпѣнія, обиды и злости, мучимый голодомъ и жаждою, уже безъ всякихъ предосторожностей,—не пригибаясь къ землѣ, не ползя вдоль забора, а прямо по тропинкѣ поперекъ двора помчался онъ къ погребу,—небольшому, конусообразному, соломой крытому строеньицу, возвышавшемуся неподалеку отъ кухни.

— Ишь какой замокъ!.. Чѣмъ бы его?..

Онъ яростно, но безъ надежды, дернулъ тяжелый замокъ. И противъ всякаго ожиданія замокъ вмѣстѣ съ пробоемъ выскочилъ изъ двери и остался въ рукахъ удивленнаго мальчика... Дверь погреба была старенькая, дряблая, изъ гнилыхъ досокъ, пробой въ проржавѣвшемъ рыхломъ деревѣ сидѣлъ непрочно, какъ въ дряхлой деснѣ старухи сидитъ разсыпающійся пенекъ. Особенныхъ сокровищъ въ погребѣ не держали и оттого не было прочныхъ запоровъ.

— Ага... Вотъ онъ какъ!.. Ну валяй...

Никишка вскочилъ въ погребъ...

Темно...

Прохладно...

Запахъ цвѣли...

Подъ ногами солома... Ослѣпительно яркій лучъ прорывается черезъ щелку въ соломѣ конусообразной крыши и трепетно горитъ въ темнотѣ... Пошаривъ руками, Никишка нащупалъ что-то... Котелъ?... Кувшинъ!..

Крѣпко сжавъ обѣими руками глиняное горло кувшина, Никишка бросился къ двери и вонъ изъ погреба... Выбрался наверхъ... И здѣсь, опять припадая къ землѣ, какъ раньше, торопливо поползъ вдоль частокола... Но теперь ползъ уже въ другомъ направленіи, къ калиткѣ, выходившей въ лѣсъ...

— Что то часто повадились сюда эти хлопчики,—говорила себѣ на сосѣдней дачѣ кухарка Агафья, дѣлая надъ глазами щитокъ изъ ладони и слѣдя взоромъ за уползавшимъ Никишкой.—Какъ бы этотъ беззубый тутъ гамака не сцапалъ.

Очутившись за калиткой, межъ соснами, Никишка громко и съ какими то особенными трелями засвисталъ.

Свистъ, если говорить по совѣсти, не былъ уже такъ необходимъ: не лишенный мудраго опыта, Пузанокъ и безъ свиста зналъ, что надо ему дѣлать. Но хорошіе лѣсные разбойники всегда свистятъ. И со свистомъ оно выходитъ куда приличнѣе. Именно поэтому Пузанокъ и въ свою очередь попытался свиснуть. Къ сожалѣнію, свистъ у него не вышелъ; скорѣе было похоже, что́ мальчикъ дуетъ на блюдце съ горячимъ чаемъ... Чтобы вознаградить себя за эту неудачу, Пузанокъ громко заоралъ по пѣтушиному. Это вышло очень даже хорошо. Ходившій неподалеку, въ травѣ, у забора, огненнаго цвѣта пѣтухъ отъ неожиданности шарахнулся было въ сторону; потомъ, однако, онъ остановился, оглянулся на страннаго коллегу и весьма одобрительно поздравилъ его: ку-ка-ре-ку!

— А ты дулакъ,—отвѣтилъ ему Пузанокъ.

Отъ удовольствія онъ шлепнулъ себя обѣими рученками по животу. Затѣмъ, со всей быстротой, какая только была доступна его изуродованному больнымъ и тяжелымъ брюхомъ тѣлу, онъ понесся къ брату въ лѣсъ. Клочья рваныхъ штанишекъ живо болтались на его тощихъ ножонкахъ, какъ языки. Межъ клочьями розово свѣтлѣло обнаженное дѣтское тѣло. Ступни, вывернутыя внутрь, едва не зацѣплялись одна за другую.

XIII.

Кто знаетъ, что такое ряженка?

Кто знаетъ, что это за наслажденіе, что это за плѣнительное, сверхъестественное наслажденіе: въ пустой, измученный голодомъ, опаленный ѣдкимъ сокомъ редиски желудокъ, льется изъ кувшина прохладная, атласистая, кисловатая, вкусомъ похожая на сметану, но несравненно болѣе нѣжная, чѣмъ сметана,

гладкая, густая масса, душистая и жирная... О, какъ хорошо!.. О, какая свѣтлая, лучезарная радость!..

Глаза закатываются, закрываются отъ счастья, и захватываетъ дыханіе.

Зубы въ ряженкѣ. Щеки въ ряженкѣ. Носы и пальцы смочены, облиты бѣлой ряженкой. А главное; животы полны,—такъ радостно полны они, такъ туго набиты... И такъ невыразимо пріятно и сладко послѣ столькихъ часовъ и дней голодухи и тоскливой пустоты въ брюхѣ ощущать звѣриное чувство отягченности и распиранія, когда кажется, что животъ влѣзъ и вдавился въ грудь, и въ горло, и въ спину... Сытость, полная, прочная, какъ будто вѣчная,—такая, что вотъ и остается еще на днѣ кувшина ряженка, а ужъ ну ее всю къ чорту, и не жалко ее вонъ изъ кувшина на землю!..

— Ты сытъ?—отечески заботливо спрашиваетъ Пузанка Никишка.

Тотъ вытираетъ ладонью ротъ и носъ и удовлетвореннымъ голосомъ говоритъ:

— Сытай...

Никишка съ важностью вытягиваетъ ноги.

— Здорово, а?

— Здолово,—шепчетъ Пузанокъ, котораго отъ сытости, отъ тяжести въ брюхѣ, начинаетъ клонить ко сну.

— А ты думалъ какъ!—хвастливо продолжаетъ старшій братъ:—ты думалъ, когда замокъ, то я испугался? Дулю!

Онъ лихо засвисталъ,—какъ настоящій лѣсной разбойникъ.

— Начхать мнѣ!.. Я теперь всякій замокъ умѣю... Я такое слово знаю. Ты не знаешь слова, Пузанокъ?

— Не знаю,—все болѣе и болѣе соловѣя, говоритъ мальчикъ.

Въ больномъ брюхѣ его, отъ чрезмѣрнаго количества проглоченной ряженки и изъ-за слишкомъ быстраго перехода отъ жестокаго голода къ распирающей сытости начинаются колотья и урчанье. Мальчика уже и тошнитъ слегка, онъ весь покрывается потомъ, качается, а вѣки его тяжелѣютъ и безсильно падаютъ внизъ...

— Ты, Пузо, ничего не знаешь. А я вотъ знаю,—увлекаясь вретъ Никишка:—я такое слово знаю, что какой угодно замокъ и сейчасъ онъ тррр... въ песочекъ разсыпался! Вотъ оно я какой... Я, братъ, не только ряженку тебѣ, я тебѣ еще и супу съ картошкой, и макароны, и шоколаду,—все что угодно!..

— А валенья?

— Цѣлую банку!—съ полной вѣрой и сверкая черными

глазами, говоритъ Никишка.—Какого хочешь варенья, вишневаго, грушеваго, яблочнаго, оберкосоваго...

— И Дунькѣ дасъ?—уже совсѣмъ засыпая лепечетъ Пузанокъ.

— А то какъ же... И Дунькѣ дамъ, и тебѣ дамъ... Гаврюшкѣ Косогузу тоже дамъ. И прачкиному Филькѣ... Всѣмъ... Я, братъ, теперь—годи! кончено! Я слово знаю... Теперь я всѣ замки долой.

Животы полны... А солнце грѣетъ. А сосны пахнутъ. А желтые цвѣтики вокругъ искрятся. Желтые, голубые, алые,— всѣ они сіяютъ и горятъ. А на вѣткѣ сосны сидитъ бѣлка и дружелюбно ухмыляется.

— Ты сыта?—спрашиваетъ ее Никишка и смѣется.— Хочешь ряженки? Я, братъ, здорово сытъ, вонъ оно, какъ наѣлся!

Бѣлка живо машетъ хвостомъ и отвѣчаетъ, что ничего, недурно позавтракала и она, сытехонька.

— Давай, побѣгаемъ,—предлагаетъ она.—И влѣземъ на самую верхушку сосны и посмотримъ оттуда: можетъ быть и дѣтскій праздникъ увидимъ.

— Нѣтъ, ужъ это ты брось,—сонно отвѣчаетъ Никишка.— Праздникъ хоть и для дѣтей, но для другихъ дѣтей, не для такихъ, какъ я. А мой праздникъ здѣсь, гдѣ я такъ сытно поѣлъ. И ужъ я лучше полежу... Я, бѣлка, теперь слово знаю, я теперь всякій замокъ долой... Я и супъ съ картошкой могу и какого угодно варенья... А на дѣтскій праздникъ зачѣмъ?.. Очень я плотно наѣлся, видишь ли. Мнѣ теперь съ мѣста и сдвинуться трудно. Мнѣ на солнышкѣ полежать любо...

И вотъ лежитъ онъ въ сладкой истомѣ, обвѣянный теплымъ смолистымъ запахомъ сосны и шопотомъ золотистыхъ и алыхъ цвѣточковъ. И слышится ему музыка... Музыка ли? Оркестръ это?.. Тамъ, въ паркѣ, гдѣ барышни устроили для дѣтей праздникъ?.. Можетъ быть, да.

А можетъ быть это только сопитъ наѣвшійся и отъ сытости и счастья разомлѣвшій Пузанокъ.

Не разберешь, не поймешь...

Да, да, это сопитъ и храпитъ Пузанокъ!

А Никишка тоже сейчасъ захрапитъ.

По всему тѣлу его разливается милая, радостная усталость. Онъ замираетъ, онъ точно погружается во что-то свѣтлое и безконечно ласковое. А солнце гонится за нимъ золотыми лучами своими и такъ хорошо согрѣваетъ его, а земля такая горячая,

а цвѣты, и травы, и сосны такъ удивительно пахнутъ, а бѣлка на соснѣ такая смѣшная и добренькая, и такъ звонко играетъ на праздникѣ милая музыка... Вотъ только, если бы не нужно было ломать замки!.. Потому что страшно это, — ахъ, какъ страшно, когда ломаешь замки... Весь дрожишь и обливаешься потомъ... и бѣгутъ на тебя лѣсники, злые такіе, огромные, и они выбиваютъ зубы, они отрываютъ кусокъ уха, а кровь по лицу такъ и течетъ, такъ и течетъ. Нѣтъ, нѣтъ, не нужно ломать замки, не нужно въ чужой погребъ, никогда не нужно лазить въ чужой погребъ!..

Никишка не пойдетъ больше воровать. Вотъ, здѣсь будетъ Никишка. Здѣсь ему такъ хорошо.

Никишкѣ хорошо... Никишка сытъ... Никишка засыпаетъ...

Ротъ мальчика раскрытъ. Видна верхняя десна съ выбитыми зубами. На распаренномъ, красномъ лицѣ разлито выраженіе блаженства.

И спитъ рядомъ съ братомъ шестилѣтній Пузанокъ.

Большое брюхо мальчика торчитъ бугромъ, надъ травами, среди которыхъ алѣютъ и золотятся крохотные цвѣточки. Брюхо смотритъ вверхъ, на небо, а небо смотритъ на брюхо.

XIV.

Къ вечеру собралась гроза.

Небо сдѣлалось суровымъ, чернобурымъ. Холодный вѣтеръ,— точно было теперь не лѣто, а стояла глухая осень,—злымъ колдуномъ носился надъ лѣсомъ, и испуганные имъ сосны и дубы гнули свои вѣтви и стволы. Но, сгибаясь, они громко выражали свое недовольство, угрожающе волновались и немолчно твердили, что конечная побѣда все таки останется за ними: буря пройдетъ, вѣтеръ исчезнетъ, а сосны и дубы, какъ жили здѣсь десятилѣтія и вѣка, могучіе и сильные, такъ на мѣстѣ и останутся, и жить будутъ еще долго, долго... Вѣтеръ же бушевалъ и куражился, и нагло кричалъ, что это еще неизвѣстно: можетъ быть, не такъ уже долго останутся въ живыхъ эти деревья. Можетъ быть, онъ въ эту же ночь обломаетъ ихъ вѣтви и сучья, а если захочетъ разойтись посильнѣе, то и съ корнями станетъ вырывать старыя деревья и, какъ спички, нашвыряетъ ихъ одно на другое, или разбросаетъ по сторонамъ, на размокшую землю...

Уже прошелъ небольшой дождь.

Въ уличкахъ верхній слой песку намокъ и потемнѣлъ. Но

тамъ, гдѣ прошелъ человѣкъ, или проѣхала телѣга, и первый покровъ песку былъ взрыхленъ, слѣды оставались свѣтлые, почти бѣлые. Заборы же, частоколы, стѣны и крыши дачъ почернѣли; и такъ сиротливо, уныло, и по кладбищенски пусто было въ уличкахъ, и такъ холодно и жутко было на полянахъ!

Съ маленькимъ узелкомъ въ правой рукѣ, съ ботинками въ лѣвой, Марфа выходила изъ калитки въ уличку. Въ узелкѣ было праздничное зеленое платье, съ талійкой и длинными рукавами... Марфа уходила отъ Агаповыхъ. Не выдержавъ, Дарья Трофимовна дала ей расчетъ.

Повадились на дачу эти вороватые братишки Марфы, унесли ряженку,—съ сосѣдской дачи кухарка Агафья разсказала подробно, какъ совершали свой грабежъ Пузанокъ и Никишка,—Богъ съ ними!

Сегодня украли ряженку, завтра украдутъ подушку или часы Юрія Михалыча. Мальчишка, говорятъ, не впервые воруетъ, гдѣ то на кражѣ у него и полъ-уха оторвали... Сегодня пришли только мальчугане, завтра визитомъ обрадуетъ и пьяница-папаша,—Богъ съ ними!

И эта сестра Марфы, Дунька, больная разными болѣзнями... Еще передастъ болѣзнь Марфѣ, а Марфа перезаразитъ всѣхъ,—Богъ съ ней!

Конечно, жалко дѣвочку; здѣсь жилось ей, если не какъ у Христа за пазухой, то все таки не очень худо. Теперь куда она пойдетъ? Кто ее приметъ?.. Очень, очень жалко дѣвочку... Но держать ее только потому, что никто другой держать ея не захочетъ,—это тоже не слишкомъ умно.

Богъ съ ней, пусть идетъ...

Подчиняясь смутному чувству жалости и состраданія къ дѣвочкѣ, Агапова вышла все таки за калитку, въ уличку... Въ глубинѣ, въ синеватомъ сумракѣ, противъ вѣтра, среди намокшихъ заборовъ, понурившись, медленно плетется коротенькая фигурка Марфы... Въ правой рукѣ узелокъ. Въ лѣвой ботинки. Голова опущена... Дѣвочка идетъ медленно, медленно, точно тяжело больная, точно идетъ она къ большому несчастью.

И подумала Агапова, что вѣдь и въ самомъ дѣлѣ къ большому несчастью идетъ теперь Марфа. Вотъ этой глухой и темной, и пустой уличкой, межъ черными частоколами, идетъ она къ пороку, къ паденію, къ арестантскимъ ротамъ, которыми все пугали ее, къ злой и преждевременной смерти...

И сильно заныло сердце у Дарьи Трофимовны.

Такъ стало ей тяжело и неспокойно въ этотъ темный хо-

лодный и сумрачный вечеръ, такою почувствовала она себя вдругъ виноватой передъ Марфой, что на большихъ выпуклыхъ свѣтло-сѣрыхъ глазахъ ея навернулись слезы, ей захотѣлось крикнуть, позвать дѣвочку обратно, сказать ей что нибудь мягкое, ласковое, материнское,—такое, чего дѣвочка обычно не слышитъ и никогда не услышитъ.

— Марфа... Марфуша... вернись...

Но слышенъ былъ только широкій слитный гулъ бури въ лѣсу, да отдѣльный горестный стонъ ближайшихъ къ дачкѣ сосенъ... И по прежнему медленно,—медленно и тяжело,—ступала во мракѣ понурая дѣтская фигурка, удаляясь и удаляясь.

Агапова стояла безмолвная, нерѣшительная, печальная... Можетъ быть еще позоветъ?

Гудитъ и реветъ буря. Чернѣй становится небо. Рѣзче горятъ на немъ молніи. Вотъ, вотъ хлынетъ ливень. Какими буйными потоками зальетъ онъ сейчасъ лѣсъ и поля. Спаси, Господь, беззащитныхъ дѣтей, одиноко бредущихъ средь бури.

Д. Айзманъ.

* * *

Въ расцвѣтѣ чистыхъ первыхъ дней
Я сердце жадно расточалъ
И всѣмъ дарилъ, кого встрѣчалъ,
Сокровища души моей.

Я думалъ: щедростью до дна
Моя душа истощена
И не осталось больше въ ней
Ни нѣжныхъ перловъ, ни камней.

Но только свой послѣдній кладъ
Я захотѣлъ тебѣ отдать,
Гляжу: душа полна опять,
Опять я щедръ, опять богатъ.

Нѣтъ, вдохновенной глубины
Не исчерпала грудь моя:
Мои сокровища полны,
И множитъ ихъ любовь твоя.

Борисъ Садовской.

НА РОДИНѢ.

(Разсказъ).

(Окончаніе) [1]).

VI.

— Ужъ что ты мнѣ ни говори, а я очень хорошо знаю, что всѣ эти забастовки были отъ звѣзды. Пришла такая планета и все помутила. Вродѣ отравы. Бываютъ звѣзды къ чумному мору, бываютъ къ войнѣ, а эта была къ забастовкамъ. Да вотъ и до сей поры у народа все еще смущеніе въ головахъ: не вся отрава вывѣтрилась. А ты—человѣкъ ученый. Тебѣ нельзя отъ какой-нибудь звѣзды зависѣть. Будешь уважать, пока молодъ, свое начальство, такъ и самъ скоро въ начальники попадешь. У васъ тоже даютъ вѣдь чины-то?

У матушки на кухнѣ теленокъ только-что слизалъ полквашни тѣста и матушка, огорченная, пришла къ сыну въ комнату отвести душу,—поговорить о политикѣ. Рындинъ дѣлалъ видъ, что очень занятъ своими собственными мыслями, почесывалъ лобъ вставочкой и шумно переворачивалъ листы диссертаціи, но старушка никакъ не могла угомониться и не уходила. Пробесѣдовала бы еще долго, если бы не вспомнила случайно, что не поставила еще въ печку, на вольный духъ, крынку съ молокомъ для варенца.

— Стара становлюсь,—то одно, то другое забуду. Намедни еще хотѣла сказать тебѣ что-то, а нынѣ изъ головы вонъ. И чтобы это такое было?

Уже стоя на порогѣ, подперла рукой подбородокъ и завела глаза къ потолку.

— Насчетъ сорочки порванной—такъ нѣтъ, я уже и латочку положила. Письмо третьеводняшнее тоже передала сей-

[1]) См. апрѣль, стр. 84.

часъ же... Придется тебѣ, Семочка, мать въ богадѣльню опредѣлять да няню тамъ къ ней приставить...

— Ну, послѣ вспомните.

— Анъ погоди. Знаю. До тебя есть прикосновеніе. Чтой-то мнѣ говорили послѣ вечерни, будто ты уже съ лохматаго шлюхой спутался? Люди говорятъ—собственными глазами видали.

— Что видали-то?

— Да ужъ все, будто бы, какъ полагается. Мнѣ въ моемъ положеніи и повторить неприлично.

— Опять вы, мамаша, сплетни переносите? Что это, въ самомъ дѣлѣ, за пакость такая...

— Молодъ ты еще такія слова говорить... А слухомъ — земля полнится. Я вѣдь никакъ-нибудь, а тебя жалѣючи... Думаешь, къ добру связался? Да какъ тебѣ не противно и глядѣть-то на такую. Она, чай, вся ужъ захватана: живого мѣста нѣту. Ты не какой-нибудь. Чинъ получишь и долженъ будешь жениться на благородной барышнѣ. А тутъ смотри, грѣха не оберешься.

— Уйдите, лучше, мамаша. Вы видите—я занятъ. А гадостей вашихъ я все-равно слушать не буду.

Ушла, совсѣмъ обиженная. Рындинъ сердито посмотрѣлъ ей вслѣдъ, поморщился, когда громко хлопнула дверь и бросилъ вставочку.

Вотъ—городъ проклятый. Еще и не случилось ничего, а ужъ шушукаются по темнымъ угламъ, подсматриваютъ, шпіонятъ. Кто-нибудь не полѣниться, конечно, сочинить по адресу статистика анонимное письмо.

Стало тоскливо и немного жутко,—какъ будто шелъ надъ зыбкой трясиной, которая вотъ-вотъ засосетъ и поглотитъ. Развѣ уѣхать?

Но уѣхать—это значитъ навсегда разстаться съ Глафирой,—и какъ разъ въ то время, когда будущее такъ много обѣщаетъ и столько радостныхъ возможностей угадывается въ неясныхъ намекахъ.

Рындинъ всталъ, прошелся взадъ и впередъ по комнаткѣ, глубоко засунувъ руки въ карманы старой тужурки. Старался думать о себѣ самомъ, какъ о комъ-то третьемъ, нуждающемся въ помощи и совѣтѣ.

Любитъ онъ или не любитъ?

Если любовь — это то безотчетное, но непобѣдимое стремленіе, та жажда, умѣрить которую можетъ только одинъ единственный источникъ — тогда, конечно, любитъ. Вотъ и сейчасъ,

стоитъ только перестать слѣдить за собой, закрыть глаза—и встаетъ все тотъ же образъ, отчетливый, и раздражающій, и охватывающій все тѣло тоскливымъ и сладкимъ томленіемъ.

Но если любовь — это преклоненіе передъ новымъ божествомъ, проникновеніе чужой мыслью и чужой радостью,—тогда все обстоитъ сложнѣе и тогда, можетъ быть, настоящей любви нѣтъ. Потому что онъ не обманывается и не ставитъ Глафиру выше, чѣмъ она того заслуживаетъ. И какъ-то даже совсѣмъ мало занимаетъ вопросъ, — откуда она пришла, прежде чѣмъ встала на его пути, и куда уйдетъ потомъ.

Сказалъ вслухъ по привычкѣ, выработавшейся литературной работой:

— Любовь—это высшее проявленіе эгоизма. Ясно. Но такъ какъ она, обычно, проявляется почти въ равной силѣ съ обѣихъ сторонъ, то въ результатѣ получается нѣчто подобное крайнему и возвышенному альтруизму. Желаніе счастья самому себѣ, благодаря принципу взаимности, превращается въ безграничный источникъ счастья для другого.

Это вышло немножко сухо и запутанно, и слегка похоже на отрывокъ изъ диссертаціи,—но удовлетворило Рындина именно своей объективной сухостью. И, повторивъ всю тираду еще разъ, чтобы лучше запомнить цѣпь разсужденій, онъ успокоился и рѣшилъ, что самый главный вопросъ ликвидированъ.

А практически дѣло обстояло такъ: никто, разумѣется, не можетъ требовать, чтобы онъ, Рындинъ, считалъ долгомъ своей чести сдержать обѣщаніе, явно вынужденное, и притомъ еще данное въ полушутливой формѣ. Если Гриневичъ останется въ дуракахъ — тѣмъ хуже для него. И потомъ: Графира, кажется, совсѣмъ не способна увлекаться такъ слѣпо, какъ это представляется ея мужу. Скорѣе всего, онъ смотритъ на зарождающіяся отношенія, какъ на обыкновенный мимолетный романъ, не первый по счету и не создающій никакихъ обязательствъ ни для одной изъ сторонъ. Придетъ время, онъ уѣдетъ — и все кончится. Нѣсколько нѣжныхъ и очень интимныхъ писемъ—и только. И если даже дѣло развернется глубже, чѣмъ представляется теперь,—все же обманутымъ мужьямъ не на что жаловаться.

Что-то непріятно зашевелилось въ душѣ, кольнуло, какъ иголка.

Но вѣдь это же—обманъ. Другое дѣло, если бы можно было дѣйствовать честно и открыто. Но украсть любовь — развѣ это не все равно, что вытащить чужой кошелекъ? Не приходило на умъ никакого аргумента, опровергающаго это сравненіе, и

Рындинъ просто постарался забыть о немъ, подавить свѣжимъ и близкимъ образомъ той, которая привлекла и обѣщала радость.

Сбросилъ засаленную тужурку, переодѣлся въ новый костюмъ, нынѣшней весной заказанный въ Петербургѣ. Костюмъ былъ изъ дешевой русской ткани, но сшитъ прилично и по модѣ, съ раструбами ниже таліи и съ крупными перламутровыми пуговицами на низкомъ жилетѣ.

Галстуховъ маловато: всего четыре, и два изъ нихъ совсѣмъ поношенные и уже абсолютно негодные къ употребленію. Рындинъ выбралъ самый свѣжій, внимательно осмотрѣлъ его, укоризненно покачивая головой. Положительно, слишкомъ уже мало онъ заботился до сихъ поръ о своемъ туалетѣ. Вотъ это маленькое пятнышко можно было бы свести бензиномъ, но за этой услугой придется обращаться къ матушкѣ,—а матушка уже надоѣла и, кромѣ того, сердится.

Скрѣпя сердце, такъ и повязалъ галстухъ нечищенный,—съ пятнышкомъ.

Если пойти сейчасъ къ Гриневичамъ, то можно застать Глафиру одну, потому что статистикъ еще не вернулся со службы: Глафира кончаетъ работу часа на два раньше.

А вотъ, все-таки не пойду. Просто прогуляюсь по Большой и вернусь домой. Если только никого не встрѣчу изъ знакомыхъ.

Небо—бѣлое и солнце—холодное, едва грѣетъ землю лѣнивыми, безучастными лучами. Не то спитъ, не то умираетъ.

А городокъ—явно спитъ. По всей большой улицѣ уныло тарахтитъ, купаясь въ пыли, одна единственная пролетка. На соборной площади, у чьей-то безвѣстной могилки съ почернѣвшимъ каменнымъ крестомъ, спятъ двое нищихъ: слѣпой старикъ и поводырь мальчишка съ коричневыми отъ загара и грязи ногами. Встрѣтить кого-нибудь знакомаго—очень трудно.

Рындинъ шелъ по косому досчатому тротуару, старательно минуя широкія щели и слишкомъ подгнившія доски. Постукивалъ тростью и, отъ нечего дѣлать, напѣвалъ подъ носъ что-то такое тоскливое и безцвѣтное, какъ заброшенный городокъ въ послѣобѣденный часъ.

Дошелъ почти до конца улицы и тогда только сообразилъ, что это слишкомъ скучно: шагать по прогнившимъ доскамъ, отмахиваясь отъ негостепріимныхъ собакъ.

Свернулъ въ знакомый переулокъ.

— Зайду только на одну минуту. Кстати, и время такое, что выслѣдить некому. Зайду.

Привыкъ уже и къ звонку, который уже не звонилъ, а только

шуршалъ по стѣнѣ длинной ржавой проволокой, и потому, позвонивъ, терпѣливо ждалъ на деревянномъ, съ точеными столбиками, и объѣденной березкой, крылечкѣ. Сегодня не открывали что-то слишкомъ ужъ долго. Сосѣдская собака раза два принималась лаять, потомъ смѣнила гнѣвъ на милость, подошла осторожно, обнюхала и завиляла, совсѣмъ успокоенная, прямымъ, какъ палка, хвостомъ.

— Ну-ну! — неодобрительно сказалъ Рындинъ и отодвинулся.—Замараешь.

Потомъ въ коридорчикѣ, по ту сторону запертой двери, застучали мелкіе шаги, веселый молодой смѣхъ проскользнулъ въ щель. Брякнула первобытная деревянная въ двухъ желѣзныхъ скобахъ задвижка.

— Ахъ... Здравствуйте!

Въ распахнувшихся дверяхъ, какъ въ рамѣ, обрисовалось внезапно вспыхнувшее лицо Наташи. И за нею, полускрытая тѣнью, слегка улыбалась всегда спокойная Глафира.

— Не ждали? А я, вотъ, пошелъ прогуляться и завернулъ на минуту.

И, поздоровавшись съ хозяйкой, Рындинъ невольно опять повернулся къ Наташѣ. Поразила его какая-то особенная, торжествующая свѣжесть, исходившая, какъ лучи отъ солнца, отъ смѣющагося, смущеннаго лица, отъ всего тѣла, дѣвическаго, стройнаго, какъ тростинка. Голубыми заманчивыми искорками блестѣли добрые выпуклые глаза.

— Вотъ кстати, Семенъ Саввичъ... Я какъ разъ спрашивала у Глафиры Антоновны... У васъ нѣтъ ли книжекъ по исторіи сѣверо-американской борьбы за независимость? Мнѣ это нужно для характеристики Лафайета, вы понимаете...

Рындинъ сдѣлалъ серьезное лицо, даже слегка нахмурилъ брови.

— Кажется, что-то найдется въ этомъ родѣ. Я посмотрю.

— И скоро?

— Да когда хотите. Хоть сегодня же.

— Нѣтъ, сегодня я занята. А завтра можно будетъ, да?

— Что же, можно и завтра.—И не безъ радости придумалъ: — Если я найду книжку, такъ занесу ее къ Глафирѣ Антоновнѣ, и она вамъ передастъ.

И, почти съ неохотой разставаясь съ тѣмъ ощущеніемъ свѣжести, которымъ дарила Наташа, переступилъ черезъ порогъ, чтобы приблизиться къ Глафирѣ.

— Простите, не помѣшаю? Я не надолго.

— Вы знаете, что я всегда вамъ рада.

Наташа, все еще рдѣя отъ смущенія, уже прощалась. Глафира крѣпко, по-мужски, поцѣловала дѣвушку въ губы и притворила дверь.

— Ну, проходите же, профессоръ. Что это вы сегодня такой... блестящій?

— Развѣ?

Рындинъ неловко одернулъ развѣвавшіяся колоколомъ полы новаго пиджака. И какъ-то сразу скисъ, завялъ, потому что вдругъ показался смѣшнымъ новый костюмъ и потому еще, что въ голосѣ Глафиры явно звучала насмѣшка.

Въ темной прихожей съ намѣренной медлительностью приглаживалъ волосы и ставилъ въ уголокъ палку. Хотѣлось вернуть прежнее спокойствіе или, по крайней мѣрѣ, уничтожить внѣшніе слѣды обиженной растерянности. Такъ же неторопливо вошелъ въ большую комнату съ накрытымъ клеенкой обѣденнымъ столомъ.

— Садитесь, профессоръ!—указала Глафира на свой любимый диванчикъ. Сама сѣла поодаль, взяла въ руки какую-то вышивку.—А я, признаться, не ждала васъ сегодня. Думала, что мораль, пожалуй, восторжествуетъ...

— И уже вздыхали съ облегченіемъ?

— Нѣтъ, простите. А впрочемъ, если хотите знать правду: вздохнула, но не съ облегченіемъ... Только, пожалуйста, не возгордитесь. Ваши личныя качества играютъ здѣсь довольно второстепенную роль.

— Вотъ какъ!—Рындинъ недовольно шевельнулся на диванчикѣ.—Стало быть, при вашей любви къ пословицамъ, можно толковать такъ: на безрыбьи и ракъ рыба, на безптичьи и ворона соловей?

— Немножко рѣзко, но... не такъ далеко отъ правды. Вы обижаетесь?

Насмѣхалась явно, а сама смотрѣла ласково и особенныя, совсѣмъ чувственныя, грудныя ноты проскальзывали въ голосѣ. Рындинъ подумалъ,—не разсердиться ли не на шутку,—но не отважился, примиренный этими нотками.

— Повѣрьте, что я очень далекъ отъ какого-бы то ни было самообольщенія. И, кромѣ того, видите ли, я имѣю нѣкоторую претензію считать себя ученымъ изслѣдователемъ. И у меня успѣла выработаться привычка: воспринимая какое-либо внѣшнее явленіе, немедленно производить анализъ.

— Слѣдовательно, и ваша покорная слуга, въ качествѣ такого явленія...

— Непремѣнно. Хотя надо сознаться, что есть области воспріятія, гдѣ анализъ мало дѣйствителенъ. И вы какъ разъ находитесь въ этой области.

Послѣполуденное бѣлое солнце широкой полосой пробиралось въ открытое окно. Ярко и ровно освѣщало разложенную на колѣняхъ Глафиры пеструю вышивку; тонкое, въ обтяжку, лѣтнее платье; наклоненную надъ работой крупную красивую голову. Темные волосы въ полосѣ свѣта дѣлались почти золотыми, и легкій румянецъ пробивался сквозь смуглую кожу. Рындинъ смотрѣлъ, любуясь,—и быстро уходило въ даль воспоминаній другое, только что видѣнное, лицо, съ персиковымъ пушкомъ на невинно зардѣвшихся щекахъ и съ выпуклыми кроткими глазами.

Вѣдь все уже ясно, хотя и не высказано словами. Можетъ быть—слишкомъ поспѣшно. Можетъ быть, слѣдовало бы еще повременить, дать чувству окрѣпнуть и развиться богаче. Но что, если это промедленіе только повредитъ, только излишне оттянетъ желанную развязку?

— Области воспріятія... Я не люблю, когда говорятъ по ученому. Это хорошо только въ книжкахъ. Въ какой же именно области воспріятія я нахожусь, примѣняясь къ вашему почтенному, аналитическому, профессорскому мозгу?

— Къ сожалѣнію или къ счастью—но въ области, которая не управляется разсудкомъ.

— И это область...

— Область чувства, если хотите знать такъ точно.

— Можетъ быть, я должна принять это какъ объясненіе въ любви?

— Мнѣ кажется, это не должно васъ удивлять.

— Вы вспоминаете о маленькомъ... событіи? Но вѣдь это было въ лѣсу, и тогда вами руководилъ какой-то особенный богъ, взятый напрокатъ изъ греческаго учебника. Я могла думать, что его вліяніе не распространяется на нашу скромную квартиру.

Слѣдовало бы попрежнему сохранять внѣшнее спокойствіе и, главное, не вести себя какимъ-то желторотымъ мальчишкой. Нужно показать, что онъ уже испытанъ въ сердечныхъ бояхъ. Но такъ мало власти имѣлъ сегодня разсудокъ,—и Рындинъ чувствовалъ, что губы у него начинаютъ дрожать, а щеки блѣднѣютъ. Можетъ быть, слѣдовало подождать еще день—другой?

Глафира Антоновна аккуратно сложила вышивку, бросила ее вмѣстѣ съ мотками разноцвѣтныхъ шелковъ въ плетеную рабочую корзинку...

— Такъ-то, профессоръ...

— Что—такъ-то?—переспросилъ Рындинъ, слегка пораженный этимъ замѣчаніемъ, которое показалось ему нѣсколько вульгарнымъ и совсѣмъ не соотвѣтствующимъ моменту.

Она ничего не отвѣтила, но продолжала смотрѣть на гостя какъ-то загадочно и слегка вызывающе. Тогда Рындину ничего не оставалось дѣлать, какъ только привстать съ диванчика, взять руку Глафиры и поцѣловать ее. Отъ руки пахло дешевенькимъ одеколономъ, но это уже не расхолаживало. И, такъ какъ Глафира Антоновна не сопротивлялась, а даже улыбнулась въ отвѣтъ на этотъ поцѣлуй ласково и какъ будто одобряя, Рындинъ безвольно поплылъ по подхватившей его волнѣ, совсѣмъ неожиданно обнялъ Глафиру и поцѣловалъ ее прямо въ губы. Это вышло почти такъ же, какъ въ лѣсу, на срубленномъ мшистомъ бревнѣ,—но на этотъ разъ Глафира молча и покорно отвѣтила на поцѣлуй.

— Будетъ вамъ. Недоставало еще, чтобы мы совсѣмъ сошли съ ума. Сейчасъ вернется Гриневичъ.

Рындинъ провелъ ладонью по лбу, отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ Глафиры и, остановившись у окна, посмотрѣлъ на унылую улицу.

Вотъ и кончено. Совсѣмъ просто и быстро, даже слишкомъ быстро, если измѣрять общепринятымъ масштабомъ. Если бы такъ складывались всѣ романы, то, пожалуй, романисты остались бы безъ заработка.

Остерегаясь возвращаться къ Глафирѣ, чтобы опять не потерять сознанія въ пьяной волнѣ, Рындинъ заговорилъ, продолжая смотрѣть въ окно:

— Мы должны увидѣться наединѣ, совсѣмъ наединѣ, вы понимаете? Если бы вы знали, какъ я люблю васъ...

— Гдѣ же мы можемъ увидѣться? Городъ—какъ стеклянная клѣтка. Будьте разсудительнѣе, профессоръ.

— Какъ хотите, а я не могу иначе. Ко мнѣ, конечно, вы не можете прійти. Можно придумать что-нибудь.

— Но подождите же немножко, родной. Мы обсудимъ вмѣстѣ, что-нибудь придумаемъ.

— Я не могу ждать. Мнѣ кажется, я умру, если буду ждать слишкомъ долго.

Не выдержавъ, опять подошелъ къ Глафирѣ, обнялъ ее заглядывалъ въ глаза съ молящей тоской.

— Любишь, да? А если любишь—не будешь томить. Вѣдь это же пытка—любить и встрѣчаться только на людяхъ. Почти обладать тобою—и не смѣть поцѣловать даже твою руку. Вотъ, не уйду сейчасъ, пока не пообѣщаешь мнѣ, пока не поклянешься...

— Да перестаньте же... Гриневичъ...

— А, не все ли равно... Ну, хочешь, я сейчасъ скажу ему все и сегодня же мы съ собой уѣдемъ отсюда? Развѣ мы виноваты...

Сказалъ—и даже сквозь туманъ страсти вдругъ прорвалась, какъ лучъ, тревожная мысль: не лишнее ли? Если согласится—то сейчасъ, конечно, это будетъ хорошо. Но потомъ...

Глафира сама разсѣяла эту тревогу.

— Не будьте такимъ... наивнымъ. Гриневичъ ничего не долженъ знать. До поры до времени, по крайней мѣрѣ... И если вы, дѣйствительно, меня любите—вы дадите мнѣ слово, что будете осторожны. Я—не героиня. И я не хочу рисковать, Богъ знаетъ чѣмъ, ради цѣли, еще слишкомъ... неясной...

— Гдѣ и когда? Скажите—и я буду молчать. Даже не взгляну на васъ при постороннихъ. И буду разговаривать, если придется, только о погодѣ. Но скажите...

— Но если я не знаю...—Задумалась, сведя въ одну темную дугу густыя брови. Потомъ сказала нерѣшительно, и какъ будто, сожалѣя о чемъ-то:—Я не знаю даже, хорошо ли, что такъ случилось... Играть съ огнемъ, можетъ быть, весело,—но иногда можно обжечься. А я не выношу никакой боли.

— Но послушайте, Глафира... Я не совсѣмъ понимаю... Если это только игра...

Его мужское самолюбіе опять было затронуто. И онъ продолжалъ, волнуясь все сильнѣе:

— Для любви нѣтъ предѣловъ во времени. Она можетъ назрѣвать годами, но можетъ и вспыхнуть внезапно, какъ ночной факелъ. Мы знаемъ другъ друга еще очень недолго, но я тебя люблю. Вѣдь ты же видишь, какъ я тебя люблю. А между тѣмъ, ты говоришь о какой-то игрѣ.

Глафира посмотрѣла на него пристально и задумчиво, но немножко сверху внизъ,—какъ старшій на младшаго. И, уклоняясь отъ прямого отвѣта, продолжала, какъ будто, прерванную мысль:

— Родной мой, развѣ я сама не хотѣла бы тоже провести съ вами наединѣ нѣсколько часовъ, нѣсколько минутъ даже. Но

поймите, что это очень трудно, почти невозможно. Если бы мы были въ большомъ городѣ...

— Если бы мы были въ большомъ городѣ, я и самъ нашелъ бы, что дѣлать. Но вы живете здѣсь уже давно, лучше моего знаете мѣстныя условія...

— И болѣе опытна въ устраиваніи свиданій? Такъ? Благодарю васъ... Я думала до сихъ поръ, что кого любятъ, того не оскорбляютъ такъ грубо.

— Но я и не думалъ...

Такъ трудно было оправдаться, объяснить необдуманно сорвавшуюся обидную фразу достаточно убѣдительными словами,— и на помощь опять пришли поцѣлуи. И потомъ, возбужденная, со влажными и блестящими глазами, Глафира зашептала ему на ухо, какъ будто стѣны могли подслушать:

— Ты — нехорошій, но я не могу на тебя сердиться... Потомъ ты самъ увидишь, что иногда былъ неправъ, очень неправъ... Ты знаешь старое кладбище, за городомъ? Тамъ, въ самомъ дальнемъ углу, есть чей-то огромный памятникъ съ двумя жестяными ангелами. Будь тамъ завтра въ шесть... нѣтъ, въ семь часовъ. А затѣмъ мы придумаемъ что-нибудь лучшее. Хорошо?

— Конечно, хорошо. Если ты такъ говоришь...

— Теперь уходи.

Мелькомъ взглянула въ окно и съ досадой прикусила губу.

— Вотъ видишь,—уже опоздалъ. Идетъ Гриневичъ.

Это было непріятно,—и даже сердце какъ-то нехорошо сжалось,—не отъ робости, конечно, а отъ какого-то другого, еще мало знакомаго чувства.

Нужно подготовиться къ неизбѣжной встрѣчѣ. Сутуловатая, взлохмаченная фигура статистика мелькнула за окномъ. Зашуршала ржавая проволока. Глафира достала изъ сумочки маленькую коробочку съ пудрой и быстро уничтожила на лицѣ слѣды недавнихъ горячихъ поцѣлуевъ. У Рындина вдругъ сдѣлался узокъ воротникъ. Онъ старательно оттягивалъ его пальцами и даже слегка пыхтѣлъ отъ напряженія.

— Придите же въ себя... Откройте дверь!—шептала Глафира.—Или, лучше, пойдемте вмѣстѣ...

Почти насильно протолкнула его впередъ, въ прихожую. Рындинъ съ трудомъ перевелъ дыханіе.

«Да что я, въ самомъ дѣлѣ? Не трусить же»...

Пріосанился и даже выпятилъ грудь колесомъ, но руки, всетаки, дрожали.

— Что ты запоздалъ такъ?— говорила, встрѣчая статистика,

Глафира, въ то время, какъ Рындинъ старательно возился съ деревянной задвижкой, старательно отводя глаза всторону отъ Гриневича.—А тебя поджидаетъ Семенъ Савичъ,—опять хочетъ увлечь на ловлю...

— Ага, очень пріятно...—Гриневичъ сдвинулъ очки съ переносья и посмотрѣлъ на гостя поверхъ стеколъ.—Давно ждете?

— Н... нѣтъ. Такъ себѣ, не особенно. Такъ ѣдемте, значитъ?

— Очень радъ бы, но сегодня никакъ не могу. Срочную вѣдомость надо подготовить для управы... И работа-то самая собачья, а ничего не подѣлаешь... Вотъ, развѣ завтра? Да что вы шляпу то въ рукахъ держите? Развѣ уходите уже?

— Завтра нельзя!—испуганно возразилъ было Рындинъ, и прикусилъ языкъ, потому-что Глафира, изъ-за спины мужа, укоризненно покачала головой.—То есть, не то, что нельзя, а, знаете, такъ... Тоже дѣла кое какія...

— Ага!—опять каркнулъ статистикъ и опять посмотрѣлъ поверхъ стеколъ.—Такъ когда же? Я, кромѣ сегодняшняго вечера, всю недѣлю свободенъ. Послѣзавтра развѣ?

— Вотъ и отлично,—послѣзавтра. Такъ пока, значитъ, будьте здоровы. Мнѣ нужно еще на почту зайти. И такъ уже опоздалъ, кажется... До свиданія, Глафира Антоновна.

— Оставались бы закусить немножко... Почта не убѣжитъ.

Но Рындинъ отказался отъ закуски и, попрежнему отводя глаза отъ статистика, пожалъ ему руку и однимъ прыжкомъ спрыгнулъ съ крылечка. Гриневичъ сказалъ еще разъ «Ага»»! и тихонько засвистѣлъ, но очень спокойно и аккуратно повѣсилъ на гвоздикъ шляпу, сунулъ въ уголъ трость и, потирая ладонь объ ладонь, какъ будто на улицѣ была уже суровая зима, прошелъ въ столовую.

— Ужасно таки ѣсть хочется. Что у насъ сегодня на обѣдъ, Глашенька? Какъ будто морковнымъ пирогомъ пахнетъ. А водочка есть?

Ожидалъ, должно быть, обычнаго отвѣта,—что водку можно пить въ кабакѣ, а не дома, но Глафира сказала только:

— Посмотри въ буфетѣ, на нижней полкѣ. Кажется, еще осталось отъ прошлаго раза.

Гриневичъ посмотрѣлъ и нашелъ почти непочатую полубутылку, но, когда отвернулся отъ Глафиры, губы у него вдругъ конвульсивно задергались и на вискѣ вспухла синяя жилка.

VII.

Если и говорятъ, что въ суткахъ всегда бываетъ двадцать четыре часа, то это, должно быть, только для того, чтобы не производить путаницы въ святцахъ. Рындинъ всю ночь проворочался въ постели, тщетно пытаясь забыться въ дремотѣ,—а къ утру такъ ожесточились блохи, что въ пять часовъ утра онъ былъ уже на ногахъ, умытый и одѣтый, и даже сидѣлъ уже у столика съ диссертаціей. Работа какъ разъ подошла совсѣмъ легкая, почти механическая, и въ ней Рындинъ надѣялся найти то, чего не далъ упрямо убѣгавшій сонъ.

Эта безсонная ночь только еще сильнѣе распалила желаніе. Грезилось смугло порозовѣвшее лицо съ влажными, блестящими глазами, и высокая волнующаяся грудь, и жаркія губы, поцѣлуй которыхъ похожъ на укусъ, мучительно пріятный. И отъ всего этого темнѣло въ глазахъ и дрожь пробѣгала по спинѣ.

А ждать еще такъ долго. Сейчасъ—шестой. Еще не взошло солнце, хотя при свѣтѣ зари уже свободно можно читать мелкую рукопись. Остается ждать почти четырнадцать часовъ. И минувшая ночь, когда вспомнишь—какъ вѣчность. Гдѣ же тутъ короткихъ двадцать четыре часа?

И потомъ, что это за мѣсто для перваго, самаго значительнаго и радостнаго свиданія—заброшенное кладбище? Объятія по сосѣдству съ какими то жестяными ангелами? Впрочемъ, Глафира, конечно, не хочетъ рисковать. А обыватели на старое кладбище не ходятъ, особенно по вечерамъ: побаиваются привидѣній. Никто не виноватъ, что въ этомъ захолустьѣ нѣтъ даже приличныхъ отдѣльныхъ кабинетовъ. И, конечно, лучше цѣловаться на кладбищѣ, чѣмъ въ какой-нибудь заплеванной комнаткѣ съ исцарапаннымъ зеркаломъ и убого-уродливой мебелью.

Въ томительно длящемся ожиданіи было, однако же, и свое наслажденіе,—какъ во всемъ, что связано съ любовью. И Рындинъ слегка жалѣлъ, что до сихъ поръ такъ мало обращалъ вниманія на женщинъ. Считалъ ихъ, почему-то, чѣмъ-то недосягаемымъ, предоставлялъ поле борьбы за любовь другимъ, болѣе ловкимъ и опытнымъ товарищамъ. А между тѣмъ, стоило только захотѣть посильнѣе...

Вспомнилъ свой первый и, пока, единственный романъ,—совсѣмъ ординарный и удивительно скучный.

Былъ онъ тогда еще только на второмъ курсѣ и лѣтомъ,

черезъ знакомаго профессора, устроился на кондиціи въ помѣщичью семью. Готовилъ въ первый классъ гимназіи рахитичнаго, слюняваго мальчишку. У мальчишки былъ, конечно, отецъ,—заплывшій жиромъ, провонявшій навозомъ и водкой сельскій хозяинъ. По утрамъ онъ пропадалъ на поляхъ и покосахъ, послѣ ранняго обѣда до шести часовъ вечера спалъ, а потомъ, выспавшись и выпивъ квасу, уѣзжалъ по сосѣдямъ играть въ карты. Жена помѣщика была женщина подъ сорокъ, рыхлая и лѣнивая. Все въ ней было обыкновенно до скуки,—и такъ же обыкновенно завязался романъ. Сначала засиживались, въ отсутствіи хозяина, дольше, чѣмъ слѣдовало, за вечернимъ чаемъ. При лунѣ гуляли по саду, мало говорили и много вздыхали: студентъ—отъ смущенія и скуки, а помѣщица—отъ плохо скрытаго страстнаго томленія. Потомъ, этакъ недѣли черезъ полторы послѣ перваго знакомства, хозяйка зашла къ Рындину въ комнату за книжкой. Сказала, что кружится голова и грузно опустилась на кровать. Попросила ослабить шнуровку. Осенью разстались безъ сожалѣнія, пресыщенные другъ другомъ,—и на томъ дѣло кончилось.

Думая о Глафирѣ, Рындинъ невольно вспоминалъ и помѣщицу, ея бѣлое и дряблое тѣло, мокрыя губы, грубыя до цинизма ласки—и брезгливо поводилъ плечами.

— Какъ это я могъ только? Чортъ знаетъ что...

И, въ сравненіи съ прежней грязью, эта теперешняя любовь представлялась возвышенной и чистой.

Когда мать позвала завтракать, Рындинъ со вздохомъ облегченія отправился въ столовую. Ѣлъ много и медленно, хотя совсѣмъ не былъ голоденъ. Просто пріятно было хотя чѣмъ-нибудь занять время. Ласково разговаривалъ со старухой о ея хозяйственныхъ дѣлахъ и даже пообѣщалъ достать средство отъ куринаго поноса.

Мать вспомнила, что недалеко уже и до конца лѣта. Взгрустнула, чуть не расплакалась.

— Въ другой разъ ужъ не приведетъ Господь увидѣться... И глаза закроетъ, какъ помру, чужой человѣкъ. Толькъ ужъ въ Питеръ твой ни за что не поѣду. Гдѣ вѣкъ свѣковала, тамъ и въ могилу лягу... Только бы вотъ до женитьбы твоей удалось дотянуть... А то сердце никакъ не успокоится.

— А если я и не собираюсь совсѣмъ жениться, мамаша?

— Грѣхъ. Отъ холостого человѣка недаромъ козломъ пахнетъ. Извѣстно, какъ онъ живетъ-то... Если еще по обѣту, въ честномъ иноческомъ житіи, такъ возможно, говорятъ, и чистоту

соблюсти, а на міру — одна скверность. А потомъ — холостые привычны въ грязномъ бѣльѣ ходить. Вотъ у насъ тутъ жилъ отставной поручикъ Верховодовъ, такъ тотъ по три мѣсяца, бывало, сорочки не мѣнялъ. Все потому, что присмотру нѣту. Вотъ и опускается человѣкъ. Тоже и насчетъ болѣзни. Жена-то все получше больничной сидѣлки.

— Ну, а если не полюблю никого?

— Какъ это не полюбить? Найдешь подходящую благородную дѣвицу,—вотъ и полюбишь. Если бы ты у меня еще какой заморенышъ былъ... А то вѣдь хотя бы и для графини какой, такъ впору.

— Это вы, маменька, изъ родительскаго пристрастія.

— А коли изъ пристрастія, такъ зачѣмъ это вертихвостки разныя стали безперечь подъ окнами бѣгать? Грибы, что ли, искать ходятъ? Особливо одна бѣлесенькая, съ косами. Идетъ, а сама глазъ съ оконъ не сводитъ. Стало быть—приворожилъ. Оно хоть и дрянь, а всетаки дѣвица. Дѣвичье-то сердце у всѣхъ одинаковое.

«А вѣдь это не иначе, какъ Наташа!»—сообразилъ Рындинъ и, прикрываясь салфеткой, самодовольно усмѣхнулся. Юный и свѣжій образъ дѣвушки какъ-то все время уживался въ его душѣ независимо отъ всего прочаго. И теперь даже близость предстоящаго свиданія не разсѣяла нѣжнаго чувства, вызваннаго воспоминаніемъ о Наташѣ. Подумалъ, вставая изъ за стола и стряхивая съ тужурки хлѣбныя крошки:

«Ну, что же? Можетъ быть, съ Глафирой—только временное увлеченіе, а то—серьезно и надолго. Тѣмъ болѣе, что будемъ, конечно, встрѣчаться въ Петербургѣ...»

Выглянулъ изъ окна. По небу кое-гдѣ ползали сѣроватыя облака. Того и гляди; будетъ дождь. И какъ это онъ не подумалъ до сихъ поръ, что капризъ погоды можетъ все испортить?

Обезпокоенный, надѣлъ шляпу и вышелъ на улицу, сердито помахивая палкой,—словно грозилъ кому-то. Съ кудахтаніемъ бросилась изъ подъ ногъ хохлатая курица,—матушкина любимица,—и сама матушка отозвалась съ кухоннаго крылечка:

— Экій косолапый какой! задавилъ было квочку-то...

— Безъ васъ еще не было печали! — тихонько сказалъ Рындынъ и опять поднялъ глаза кверху, къ лѣнивымъ сѣрымъ облакамъ. Высоко, между облаками и землею, кружились стаей, какъ мошки надъ болотомъ, острокрылыя ласточки. Играя, то камнемъ падали внизъ, то взвивались кверху крутой спиралью.

Кажется, есть примѣта: если ласточки летаютъ высоко—къ хорошей погодѣ. Можетъ быть, поднимется вѣтерокъ и разгонитъ тучи.

Рындинъ медленно пошелъ къ лѣсу, добрался до опушки и присѣлъ на первый попавшійся березовый пенекъ у самой дороги. Трава здѣсь была объѣдена и вытоптана скотомъ, и непріятно пахло гніющимъ навозомъ, но лѣнь было переправляться за рѣку, къ монастырскому бору. Вотъ, просидитъ здѣсь часа полтора, ничего не дѣлая и стараясь ни о чемъ не думать. Потомъ перейдетъ вотъ туда, подальше, гдѣ тѣсной кучкой растутъ пугливыя осины. И тамъ тоже посидитъ и ни о чемъ не будетъ думать, пока не настанетъ время обѣдать. А отъ обѣда не такъ уже далеко и до семи часовъ вечера,—тѣмъ болѣе, что на кладбище лучше отправиться пораньше.

Прямо напротивъ, продолжая дорогу, видна была изъ конца въ конецъ вся городская улица. Пестрѣли кое гдѣ по бокамъ дороги линялыя вывѣски: первая—пивная, желтая съ краснымъ. Потомъ — скромная, но солидная, словно чиновничій мундиръ, темнозеленая съ золотомъ, принадлежащая казенной винной лавкѣ, а рядомъ съ нею—бѣлесая, съ черными кривыми буквами, бакалейная торговля. За полчаса времени, пока сидѣлъ Рындинъ, два человѣка зашли въ пивную и съ десятокъ прохожихъ мимолетно заглянули въ казенную лавку. И когда они исчезали, улица совсѣмъ пустѣла. Оживлялъ ее тогда одинъ только лавочникъ, изрѣдка выглядывавшій на улицу въ тщетномъ и уныломъ ожиданіи покупателей.

«Года черезъ два, навѣрное, поѣду въ Америку!..» — размышлялъ Рындинъ.—«Новые люди, новые горивонты... Но вотъ, какой-то французскій писатель всю жизнь мыкался по свѣту, а когда состарился и не осталось больше для него на землѣ ни одного незнакомаго уголка, вдругъ разочаровался и рѣшилъ, что лучше было бы для него всю жизнь просидѣть на одномъ мѣстѣ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ лучше».

Въ это время въ самомъ дальнемъ концѣ улицы замаячило, приближаясь, какое-то красочное пятно. Должно быть, еще одинъ пьяный парень пробирается къ чиновной вывѣскѣ.

Нѣтъ, — женщина. Свѣтится огонькомъ свѣтлая кофточка и раздуваетъ поднимающійся вѣтерокъ короткую черную юбку. Женщина идетъ быстрыми мелкими шажками,—торопится. Миновала уже пивную, мелькнула мимо вицмундирной вывѣски. Можетъ быть, въ бакалейную лавку?

Ну, конечно. У бѣлесой вывѣски пестрое пятнышко исчезло

«Такъ вотъ, французскій писатель... Какой писатель? Не запомнишь ихъ всѣхъ, такую уйму теперь переводятъ... Можетъ быть, совсѣмъ и не французскій даже, а испанецъ какой-нибудь...»

Опять оборвалась нить мыслей, потому что женщина въ короткой черной юбкѣ уже вышла изъ лавочки и направилась въ сторону Рындина, къ лѣсу. И теперь въ ея фигурѣ можно было уже уловить что-то знакомое. Совсѣмъ недавно видѣлъ уже гдѣ-то и эту юбку, и свѣтлую кофточку, и быструю торопливую походку. Солнце выглянуло изъ-за сѣраго облака и сразу охватило голову женщины золотымъ вѣнцомъ свѣтлыхъ волосъ, выбившихся изъ подъ соломенной шляпки. Наташа! И какъ не догадался раньше... То-то мамаша сегодня болтала...

Если остаться такъ, на виду,—пожалуй, сконфузится и повернетъ назадъ. Рындинъ вскочилъ съ пенька и, воровато пригибаясь, забѣжалъ за жидкій объѣденный кустарникъ. Пусть сначала пройдетъ мимо.

Ждалъ, затаивъ дыханіе. И радовался и тому, что будетъ теперь, чѣмъ наполнить время, и просто нежданному случаю увидѣть дѣвушку и услышать ея милый голосокъ.

Треснула подъ легкой ногой сухая вѣтка. Наташа прошла совсѣмъ близко, чуть не задѣла рукавомъ. Въ лѣвой рукѣ—неизмѣнная толстая тетрадь литографированныхъ лекцій, а въ правой—только что купленная въ лавочкѣ и уже закушенная плитка шоколада. Идетъ все такъ же быстро, торопится.

— Здравствуйте, Наташа!

— Ахъ, кто это?

Плитка упала прямо на пыльную дорогу. И такъ загорѣлись щеки, что, должно быть, было жарко и больно нѣжной, съ персиковымъ пушкомъ, кожѣ. Рындинъ поднялъ плитку, потомъ нойналъ руку дѣвушки, которая замерла послѣ испуганнаго движенія, слегка поцѣловалъ самые кончики пальцевъ.

— Гуляете, Наташа?

— Нѣтъ, я... Какъ вы испугали меня... Я думала, что никого нѣтъ въ лѣсу, и вдругъ... Я, собственно, не гуляю. Тутъ, въ лѣсу, тихо,—а дома, у сестры, дѣти кричатъ, мѣшаютъ... Такъ я сюда каждый день и хожу заниматься.

— Каждый день?

— Да, почти... Конечно, если погода хорошая. Тамъ подальше, за лужайкой, есть такая удобная кривая береза, — совсѣмъ, какъ кресло. Я сижу и читаю.

Пошли рядомъ. Рындинъ бережно несъ запыленную плитку,

а дѣвушка прикрывала грудь, какъ щитомъ, тетрадкою лекцій. Смотрѣла на своего спутника немножко лукаво.

— А я живу совсѣмъ близко, вы знаете? Какъ разъ послѣдній домъ у опушки. И окно моей комнаты прямо въ лѣсъ смотритъ.

— Я не знала... То есть, только насчетъ окна не знала, а такъ—знала, конечно... У васъ мать—старушка такая, всегда въ церковь ходитъ, да?

— Она богомольная. Я то вѣдь ученый и, стало быть, безбожникъ. Вотъ ей за двоихъ и приходится молиться.

— Я, когда была въ шестомъ классѣ, такъ очень много молилась, а потомъ бросила, потому-что сдѣлалась сознательной и поняла, что все это направлено къ выгодѣ господствующихъ классовъ. У насъ очень трудно заниматься саморазвитіемъ, потому я такъ и запоздала. Вотъ еще революція помогла, а то такъ совсѣмъ было плохо. И я сама, напримѣръ, вѣрила, какъ дикарь, всякимъ баснямъ.

— Такъ значитъ, бросили молиться?

— Ну, конечно же.

— Вотъ и напрасно.

— Почему это?

— Да такъ ужъ... Вамъ идетъ молитва. И глаза у васъ чистые, какъ у молодой монахини. Или у святой Цециліи.

— Она, кажется, была слѣпая,—святая Цецилія...

— Ну, все равно. Другая какая-нибудь... Я помню, видѣлъ на картинѣ. Очень красиво. И вы очень похожи.

Наташа примолкла, какъ будто слегка обидѣлась. Изучаетъ исторію, пишетъ рефератъ о Лафайетѣ, какъ о представителѣ буржуазнаго умѣреннаго либерализма, а онъ—со святой Цециліей. И всякому извѣстно, что Цецилія была слѣпая и играла на органѣ.

Рындину было все равно,—сердится или нѣтъ. Зналъ, что это—только такъ, на минуту. А на самомъ дѣлѣ безумно рада, что встрѣтились. Даже забыла о шоколадѣ.

— Дадите мнѣ кусочекъ?

— Понятно... Только самую крайнюю дольку отломите и бросьте. Она пыльная.

— А мы обдуемъ. Зачѣмъ добру пропадать? И потомъ — тутъ какъ разъ наши зубы отпечатались... Вотъ, когда пріѣдете въ Петербургъ, такъ я угощу васъ миньономъ отъ Крафта. Любите миньонъ?

— Очень. Только сюда несвѣжій привозятъ,—съ плѣсенью. Да что же вы дѣлаете? Я кусала прямо отъ этого конца...

— Потому онъ такъ мнѣ и нравится. А гдѣ же ваша береза, Наташа?

— Близко уже... Видите—бѣлѣется...

Еще бы не знать эту березу. Онъ и самъ, мальчикомъ, уходилъ сюда читать Жюля-Верна. И въ тѣ давнія времена корявый стволъ обладалъ еще утраченнымъ теперь даромъ перевоплощаться: былъ и судномъ капитана Гаттераса, и подводнымъ чудищемъ капитана Немо, и воздушнымъ кораблемъ Робура-побѣдителя. Всѣ эти грезы какъ будто вобрала въ себя толстая шершавая кора. И подъ сѣнью старыхъ склонившихся вѣтвей повѣяло тихими и немножко грустными воспоминаніями.

— Я хорошо помню это дерево, Наташа.

Разсказалъ, въ чемъ дѣло, слегка волнуясь и уже не стараясь выставлять себя передъ дѣвушкой снисходительно ласковымъ профессоромъ. Наташа слушала внимательно и въ глазахъ у нея загорѣлись отвѣтные задумчивые огоньки.

— Какъ это странно... Полюбили одну и ту же березу... Или и въ самомъ дѣлѣ такъ уже тѣсно въ нашемъ городкѣ?

Наташа удивленно подняла брови.

— Почему же тѣсно? Нигдѣ не будетъ тѣсно, если умѣть, какъ жить. Мнѣ кажется, что если бы меня сейчасъ заперли въ тюрьму, такъ мнѣ и тамъ не было бы скучно. А береза—такъ это просто судьба.

— Въ судьбу то, стало быть, вы еще вѣрите?

— Не совсѣмъ... но все же... надо же какъ-нибудь объяснить...

Сѣли рядомъ на склонившемся надъ самой землею кривомъ стволѣ. Чтобы было удобнѣе, Рындинъ протянулъ руку за спину Наташи, почти обнялъ. Наташа даже не замѣтила,—или просто приняла это, какъ дружескую услугу. Заставила Рындина разсказать подробнѣе о своей прежней ребячьей жизни, многое переспрашивала, словно усиленно вдумывалась или старалась запомнить. Потомъ сказала, довѣрчиво глядя прямо въ глаза Рындину:

— А я и теперь могу еще такъ мечтать,—забывая, правда это или только сказка. И такъ хорошо. Жизнь иногда бываетъ скучная, особенно когда у сестры флюсъ или папа напьется, а въ мечтѣ всегда все только хорошее и такое пестрое. Видите—бабочка летитъ. Вотъ и мечта такая же. И мнѣ очень жаль, если это пройдетъ потомъ... Вотъ я думаю, что художники, поэты,—они всю жизнь могутъ такъ мечтать. И потомъ даютъ намъ тѣнь своей мечты. Да?

— Должно быть, Наташа. Вы, вообще, въ этихъ дѣлахъ понимаете больше, чѣмъ я самъ.

— А стихи вы писали когда-нибудь?

— Ну, кто же не писалъ стиховъ? Каждый помощникъ провизора. Только это что же... Дрянь, пустяки...

— А не помните вы что нибудь... изъ написаннаго.

Рындинъ покосился на литографированную тетрадку.

— А исторія ваша какъ же?

— Что тамъ исторія... Успѣю. Вѣдь это не урокъ, который нужно обязательно выучить.

— Да я уже перезабылъ все. Право же, забылъ. И стихи смѣшные. Подъ Надсона жарилъ. Лучше давайте, просто такъ посидимъ, Наташа. Вы говорите что нибудь, а я буду слушать. Такъ хорошо, когда вы говорите. И шоколаду дайте мнѣ еще кусочекъ.

Наташа сама положила ему въ ротъ продолговатый обломокъ. Пухлая тетрадь скатилась на землю и вѣтеръ трепалъ зачитанные листы.

Такъ просидѣли еще долго, изрѣдка переговариваясь о навѣвавшемъ грусть прошломъ и о радостномъ будущемъ. А больше сидѣли молча, смотрѣли другъ на друга и улыбались.

Наташа вспомнила первая:

— Пора обѣдать!

И въ самомъ дѣлѣ, солнце уже перебиралось къ западу.

Вмѣстѣ подбирали, ползая подъ деревомъ, разбросанные листки. Шутя отбирали другъ у друга добычу, безотчетно наслаждаясь случайными прикосновеніями.

— Вы мнѣ обѣщали книжку о Соединенныхъ Штатахъ... Помните, Семенъ Саввичъ?

— Вотъ и простите... Не искалъ еще... Но завтра—обязательно. Будете здѣсь завтра?

Наташа вдругъ сдѣлала строгое лицо, оправила запылившуюся юбку.

— Завтра? Не знаю. Всетаки, нужно же заниматься... Вы мѣшать не будете? А то я лучше ужъ дома. Хотя у сестры грудной и такъ кричитъ, такъ кричитъ...

— Зачѣмъ же мѣшать? Я только передамъ книжку и уйду.

— Правда?

— Хотите, честное слово дамъ?

— Ну, честнымъ словомъ нельзя шутить.

Подумала еще немного, потомъ съ рѣшительнымъ видомъ тряхнула головой.

— Хорошо. Буду ждать у березы. Все равно, буду ждать. И посмотрѣла такъ, какъ будто извинялась за свою слабость.

VIII.

Деревянныя створки каменныхъ кладбищенскихъ воротъ, сложенныхъ на крѣпкомъ старинномъ цементѣ, давно прогнили и повалились. Сквозь трухлыя доски проросли лопухи, репейникъ и сочная лебеда. Рындинъ, проходя ворота, зацѣпился ногою за какую-то желѣзную скобу и больно зашибъ колѣно. И, потирая ушибленное мѣсто, подумалъ суевѣрно, что это— не къ добру.

А на кладбищѣ было хорошо. Желтыми закатными лучами золотило зелень прояснившееся къ вечеру солнце. На мшистыхъ надгробныхъ плитахъ съ полустертыми неуклюжими надписями ложились расплывчатые свѣтлые блики и фіолетовыя тѣни. Еще уцѣлѣвшія стекла давно заколоченной церкви свѣтились ярко, словно тамъ, внутри, за толстыми вѣковыми стѣнами шла торжественная служба и пылало всѣми огнями огромное паникадило подъ низкимъ сводомъ.

Большинство могилъ уже сравнялось съ землей, почти исчезло, превратившись въ заросшіе тучной травой и кустарникомъ бугорки. Только поближе къ церкви тѣсно столпились каменныя плиты и покривившіеся памятники съ вывороченными крестами и треснувшими колоннами. Зеленая ящерица прижалась, какъ вытесанная изъ камня, къ стѣнкѣ одного памятника, проводила Рындина внимательнымъ, неподвижнымъ взглядомъ: удивлялась, зачѣмъ вторгается человѣкъ въ ея царство.

Чѣмъ дальше вглубь кладбища, тѣмъ гуще разрослись деревья и тѣснѣе становилась едва намѣченная дорожка. Сырое безмолвіе таилось въ тѣни, обдавая пришельца легкимъ и почти пріятнымъ запахомъ тлѣнія. Въ этой тѣни росли какіе-то странные, не полевые, цвѣты, съ нѣжными полупрозрачными лепестками, словно осужденные на вѣчное прозябаніе души умершихъ дѣвственницъ. И толстый слой старыхъ листьевъ глоталъ шумъ шаговъ, какъ толстый плюшевый коверъ у порога умирающаго.

Рындинъ шелъ медленно, чтобы припомнить мѣстность и найти вѣрную дорогу къ купеческому памятнику съ жестяными ангелами. Было это, онъ вспоминалъ, гдѣ-то далеко, у самаго голаго пустыря, отведеннаго для братскихъ могилъ во время давней

чумы. Въ густой чащѣ кладбищенской рощи легко было заблудиться и проплутать понапрасну до самаго прихода Глафиры.

У сгнившаго, съ оторванной перекладиной, креста, тропинка раздвоилась. Рындинъ остановился, вглядываясь. Какъ будто, нужно было свернуть налѣво.

— Ну, неудачу... Если попаду вѣрно—значитъ, все будетъ хорошо...

И, послѣ маленькаго колебанія, пошелъ направо.

Въ сторону отъ тропинки метнулось что-то большое, сѣрое. Рындинъ вздрогнулъ и невольно схватился рукой за сердце. Долго не могъ перевести дыханія, хотя и зналъ уже, что это — просто заяцъ, совершающій изъ этого укромнаго убѣжища разбойничьи набѣги на пригородную капусту.

Впереди чаща посвѣтлѣла и обильнѣе прорывались золотыя копья заходящаго солнца. Потомъ, за глубокимъ рвомъ, окружавшимъ все кладбище, выступила неровная, каменистая степь, кое-гдѣ расчерченная полосами пашенъ. Сложенные въ кучу по краямъ вспаханныхъ полей валуны бѣлѣли рѣзко, выдѣляясь, какъ маленькіе курганы изъ костей. Словно и тамъ, въ степи, тоже было огромное кладбище, въ невѣдомыя времена схоронившее невѣдомый народъ.

Рындинъ оглянулся по сторонамъ. Желаннаго памятника нигдѣ не было видно. По направленію тѣней понялъ, что ошибся, и что надо было идти налѣво.

Сдѣлалось скучно. Вотъ, такъ бывало и въ дѣтствѣ: когда очень долго ждалъ чего-нибудь, надѣясь на большую, выдающуюся радость, то всегда въ результатѣ получались одна печаль и разочарованіе. Неужели и теперь?

Вспомнилъ влажные глаза Глафиры, ея нервный шопотъ, обѣщающій свиданіе—и насмѣшливо улыбнулся самому себѣ.

— Увидимъ!

Пошелъ по осыпавшемуся валу, надъ темнымъ рвомъ, помахивалъ тростью и даже засвисталъ весело. По степи побѣжала его тѣнь, длинная, ломающаяся на буграхъ и рытвинахъ.

Къ дальнему углу кладбища вплотную примыкалъ окопанный такимъ же рвомъ неправильный четырехугольникъ. Это и были чумныя могилы. Почему-то ничего, кромѣ чахлой полыни, не росло на этомъ пустырѣ, словно зараза, наполнившая братскія могилы, на вѣчныя времена обезплодила почву своимъ ядомъ. Сюда, на «чумку», гимназисты когда-то ходили на пари, чтобы доказать, что не боятся привидѣній. Ходили, но не дошли: вернулись съ полдороги, охваченные непобѣдимымъ и позорнымъ страхомъ.

— А теперь прохожу мимо ради любви. Хотя ради любви, можетъ быть, и тогда дошелъ бы... Вотъ скоро уже и памятникъ....

Когда то,—еще на памяти отца протодьякона,—жилъ въ городѣ купецъ, лѣсопромышленникъ и владѣлецъ соляныхъ промысловъ. Нрава былъ крутого: говорили, что трехъ женъ, одну за другой, заколотилъ на смерть. А будучи уже семидесяти лѣтъ отъ роду, добился какъ-то архипастырскаго благословенія жениться и на четвертой,—молоденькой дѣвушкѣ, почти подросткѣ. Ослабѣлъ ли купецъ отъ старости, или характеръ у подростка выдался очень ужъ твердый, но только на этотъ разъ роли перемѣнились. Молодая жена забрала въ свои руки весь домъ, завела новые порядки, а бѣдный старикъ увидѣлъ себя разбитымъ и посрамленнымъ и отъ обиды запилъ горькую. Пьяненькій ходилъ по знакомымъ,—бывалъ, между прочимъ, и у отца протодьякона,—и жаловался на судьбу. Сначала, всетаки, надѣялся, что молодая не устоитъ и смирится, — но, не дождавшись, махнулъ рукой на все мірское, довѣрилъ всѣ торговыя дѣла старшему прикащику, котораго, кстати, особо отличала и жена, и принялся заботиться о душѣ. Еще при жизни воздвигъ себѣ и этотъ самый памятникъ, по собственнымъ планамъ и проектамъ.

Памятникъ вышелъ немножко несуразный. Постройка, вродѣ часовни, низенькая, приземистая, крѣпко вросшая въ землю. На часовнѣ — пузатый, луковицей, куполъ, украшенный вызолоченными звѣздами. Подъ крестомъ, на яблокѣ, помѣстилась поверженная двурогая луна. Между двумя толстыми колоннами вдѣлана была желѣзная рѣшетчатая дверь, — и сквозь прутья рѣшетки, въ густомъ затхломъ сумракѣ, можно было разсмотрѣть на днѣ облицованной ямы огромный дубовый, изъ одного ствола выдолбленный, гробъ. Два вырѣзанныхъ изъ жести и ярко раскрашенныхъ архангела съ длинными трубами охраняли рѣшетчатый входъ. И висѣлъ на желѣзной двери огромный, полупудовый, словно съ хлѣбнаго амбара, замокъ.

Рындинъ подошелъ къ памятнику, заглянулъ за рѣшетку. Тамъ, внутри, теперь уже почти ничего нельзя было разсмотрѣть. Смутно мерещилась только продолговатая гробовая крышка. У одного архангела труба погнулась, перержавѣла на сгибѣ и отъ налетавшаго по временамъ вѣтра тихо поскрипывала. Старикъ, говорятъ, нарочно сдѣлалъ себѣ склепъ совсѣмъ открытый, потому-что боялся, что его похоронятъ живымъ, но четвертая жена и тутъ осилила. Разсказывали, что въ дубовый

гробъ она вставила другой, желѣзный, и наглухо завинтила его четырехвершковыми болтами.

И терпѣливо сторожили двойную гробовую крышку длинноликие, размалеванные архангелы.

Рындинъ посмотрѣлъ на часы и недовольно покачалъ головой. Уже пять минутъ восьмого. Что, если Глафира была уже здѣсь, пока онъ блуждалъ по кладбищу, — и вернулась домой, обиженная его опозданіемъ. Да нѣтъ, женщины сами всегда опаздываютъ.

На обнаженной землѣ передъ склепомъ не было женскихъ слѣдовъ. У Глафиры—французскіе каблуки, высокіе. Оставляютъ ясно замѣтную полукругрую ямку.

Можетъ быть, задержалъ Гриневичъ?

Едва успѣла придти на мысль эта догадка, какъ что-то зашуршало въ кустахъ. Слышно было, какъ гнутся, уступая, и торопливо распрямляются упругія вѣтви. Рындинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу. Да, это она. Теперь все будетъ хорошо. Ожиданіе кончилось.

Глафира, тяжело дыша, остановилась на площадкѣ передъ склепомъ. Кончикомъ языка провела по губамъ. Волосы у нея растрепались и длинный клокъ разорванной ткани висѣлъ на юбкѣ.

— Наконецъ то... Радость моя!

Отстранилась нетерпѣливо отъ его объятій.

— Да подождите же... Черезъ все кладбище бѣжала бѣгомъ, падала... Дайте вздохнуть...

— Что нибудь случилось? Да? Почему у тебя такой разстроенный видъ?

Осторожно снялъ сухую вѣточку, запутавшуюся въ Глафириныхъ волосахъ. Снимая, почувствовалъ, что рука дрожитъ, — и самъ не зналъ, отчего: отъ долго подавлявшейся страсти или только потому, что невольно передалось тревожное волненіе Глафиры. А Глафира не торопилась съ отвѣтомъ и, почти не обращая вниманія на Рындина, все время оглядывалась на ту заросшую дорожку, по которой только что бѣжала. Рындинъ переспросилъ, слегка раздраженный и обиженный этой неожиданной холодностью:

— Да что же случилось, наконецъ?

— Случилось... Ахъ, Боже мой! Дайте же мнѣ прійти въ себя... Если вы сами ничѣмъ не рискуете...

— Но, Глафира... Вѣдь вы сами выбрали это кладбище... И, въ сущности, не все ли равно...

— Кто-то слѣдилъ за мной, вы понимаете? Гнался... И мнѣ

кажется, что еще съ самаго города. Сначала шелъ такъ далеко, что я не обращала вниманія, пряталась въ переулкахъ... А потомъ все ближе и ближе. Мнѣ кажется, что онъ сейчасъ будетъ здѣсь... Вы ничего не слышите?

Рындинъ прислушался. Изрѣдка собачій лай доносился изъ города. Едва слышно шелестѣли листья. И все кругомъ было такъ спокойно, почти мертво.

— Я ничего не слышу. Ты просто немножко разнервничалась. И это такъ понятно... А какъ тяжело мнѣ было ждать, родная. Вотъ только теперь, наконецъ...

Привлекъ ее къ себѣ, цѣловалъ смѣло и страстно. Глафира откинула назадъ голову, не сопротивлялась, но и не отвѣчала на поцѣлуи. И въ глазахъ не было манящаго влажнаго блеска. Мысли ея ушли, должно быть куда-то далеко,—и Рындинъ тщетно пытался разбудить дремлющую страсть.

— Но что же съ тобой, Глафира? Можно подумать, что ты уже не любишь меня больше.—И вдругъ, догадываясь, спросилъ испуганно:—А что Гриневичъ? Какъ онъ велъ себя, когда я ушелъ?

Глафира сдѣлала презрительную гримасу. Углы губъ опустились книзу и отъ этого лицо сразу постарѣло и сдѣлалось некрасивымъ.

— Гриневичъ... Я дала ему денегъ и отправила въ кабакъ. Теперь онъ уже рѣшаетъ, вѣроятно, міровые вопросы. Совсѣмъ не въ томъ дѣло... Просто, когда уже здѣсь, на клабищѣ, я услышала за собой чьи-то шаги, мнѣ вдругъ представилось такъ ясно, до ужаса ясно, что это—какой-нибудъ бродяга, огромный, сильный, и что онъ обязательно меня догонитъ. Потомъ броситъ въ бурьянъ, забьетъ ротъ землей. Теперь я не понимаю, какъ мнѣ могла придти въ голову мысль о кладбищѣ.

— Но вѣдь теперь все это уже миновало, Глафира... Неужели ты думаешь, что я не смогъ бы защитить тебя?

— Ахъ, да опять не то... Ну, я не знаю, какъ растолковать вамъ... Однимъ словомъ—подождите. Не цѣлуйте меня больше. Пока я не забуду... Боже мой, какіе вы всѣ одинаковые... Какъ звѣри.

Рындинъ отошелъ поближе къ памятнику, вынулъ папиросу, старательно размялъ ее пальцами и неторопливо закурилъ. Пламя спички на мгновеніе освѣтило внутренность склепа.

Да, нужно немножко переждать. У женщинъ, и особенно у очень страстныхъ, иногда бываютъ нелѣпые капризы, съ которыми необходимо мириться. Хотя, въ концѣ концовъ, все это

становится довольно скучнымъ. Вѣдь и она тоже должна понять, что онъ совсѣмъ измученъ.

Прошло минуты три, длинныхъ и напряженныхъ. Попрежнему едва слышно шелестѣли листья, но сквозь этотъ шелестъ почудился Рындину какой-то новый звукъ,—близкій и загадочный. Какъ будто скрипнула подошва по каменной плитѣ. Глафира встрепенулась.

— Вотъ... Теперь слышали?

— Мало ли что это можетъ быть. Я, когда шелъ сюда, такъ зайца встрѣтилъ.

Говорилъ, успокаивая, а у самого сердце давно уже билось все тревожнѣе и тревожнѣе.

Здѣсь, въ рощѣ, даже длительныя сѣверныя сумерки казались совсѣмъ темными. Тѣни ложились слишкомъ густо, принимали почти осязаемыя формы. И даже простое, обыденное, надѣвало загадочную маску. Стараясь казаться совсѣмъ спокойнымъ, Рындинъ вернулся къ Глафирѣ, опять обнялъ ее, на этотъ разъ ласково и осторожно, какъ ребенка.

— Время уходитъ, Глафира... Время уходитъ, а мы растрачиваемъ минуты, какъ будто въ нашемъ распоряженіи цѣлая вѣчность. Прогони же свои дурныя мысли... Здѣсь только мы одни. Намъ никто не можетъ помѣшать. И кто посмѣлъ бы намъ помѣшать, если ты меня любишь?

Но слова были не ласковы, а только вкрадчивы и слегка льстивы. Должно быть, Глафира почувствовала это, потому-что опять опустила углы губъ въ презрительной гримасѣ.

— Кажется, вы пытаетесь меня утѣшать? Простите, но до сихъ поръ я полагалась только на себя. Я не привыкла къ поддержкамъ. И не думайте о себѣ больше, чѣмъ слѣдуетъ, если не хотите быть смѣшнымъ.

— Какъ это понять, Глафира?

— Какъ хотите... Но согласитесь, что это довольно романтично: профессоръ, являющійся на кладбище для... любовныхъ утѣхъ... А вѣдь вы не любитель романтики, какъ вы сами мнѣ говорили. И въ своемъ рабочемъ кабинетѣ вы, навѣрное, имѣете болѣе мужественный видъ. Видите ли, я почему-то не вполнѣ увѣрена, что вы могли бы меня защитить отъ нападенія какого-нибудь бродяги.

Рындинъ покраснѣлъ отъ злой обиды, но не отступилъ,— даже обнялъ еще крѣпче, такъ что Глафира слегка вскрикнула отъ боли. Ему казалось, что теперь нужно сдѣлать что-нибудь особенное, чтобы вернуть себѣ довѣріе пришедшей на свиданіе

женщины. Заставить ее, во что бы то ни стало, подчиниться его волѣ, сломить неожиданое сопротивленіе.

— Говори, говори,—я не сержусь. Я не могу на тебя сердиться. И всетаки—мы здѣсь одни. Насъ никто не увидитъ. Вѣдь ты любишь меня, да?

— Я пришла испуганная... Можетъ быть, только случайно ушла отъ самаго ужаснаго. А вы думали только о своемъ желаніи. Вы могли бы успокоить меня однимъ взглядомъ, однимъ звукомъ вашего голоса, но вы не сдѣлали этого. Конечно, я пришла къ вамъ. Вы можете уже смотрѣть на меня, какъ на свою собственность... Но, всетаки, вы могли бы... Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы вы были не такой, какъ всѣ.

Что-то порвалось,—и порвалось безвозвратно, и Рындинъ понималъ, что теперь уже почти невозможно возстановить порванную нить. Но съ упрямой настойчивостью все еще хотѣлъ надѣяться.

— Успокойся же... Ты говоришь такія жестокія слова... Можно подумать, что ты ненавидишь меня. А вѣдь это же неправда.

Глафира ничего не отвѣтила, и ея молчаніе Рындинъ принялъ за первый предвѣстникъ примиренія. И забылъ о стерегущихъ архангелахъ, которые выдѣлялись теперь рѣзкими черными силуэтами на бѣлой стѣнѣ склепа. Колебанія и обида—все отступило передъ однимъ, все подавляющимъ, чувствомъ. И въ вихрѣ этого чувства багровыми становились тѣни и жегъ огнемъ вечерній воздухъ.

— Моя любовь, мое счастье, да?

Глафира крѣпко прижала къ груди скрещенныя руки.

— Только не теперь, ради Бога. Когда хотите, но только не теперь. Я не могу. Не сердитесь. Вѣдь я сама не знала, что не смогу.

Потомъ, стиснувъ зубы, молча и упорно сопротивлялась ласкамъ Рындина, и онъ, наконецъ оставилъ ее, чувствуя, что становится грубъ и почти отвратителенъ. Сказалъ дрожащимъ отъ злобы и страсти голосомъ:

— Да, конечно, вы не виноваты. Вы совсѣмъ не любите меня. Вы лгали.

— Проводите меня... до воротъ!—тихо попросила Глафира.—Я боюсь.

Онъ съ преувеличенной вѣжливостью предложилъ руку. Когда шли по дорожкѣ, свободной рукой отстранялъ вѣтви, которыя могли задѣть его спутницу. И упрямо молчалъ.

Миновали церковь, лавируя между надгробными плитами, полускрытыми въ высокомъ бурьянѣ. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до воротъ, Глафира остановилась, обняла Рындина за шею, поцѣловала крѣпко.

— Прости, милый... Ты ждалъ. Подожди еще немного. Если хочешь, я просто приду къ тебѣ, когда твоей старушки не будетъ дома. Пусть въ городѣ сплетничаютъ, все равно. А сегодня я такъ испугалась и ты... ты не пожалѣлъ меня. Вотъ опять... Видишь?

Разстроенное воображеніе подсказывало что-то вродѣ человѣческой фигуры, плотно прижавшейся къ сѣрому стволу тополя.

— Кто тамъ?—окликнулъ Рындинъ.—Что нужно?

Смутно мелькнуло что-то. Тѣнь исчезла.

— Теперь вѣришь?—торопливо шептала Глафира, увлекая Рындина за ворота.—Идемъ скорѣе, скорѣе...

Онъ охотно подчинился. Кладбище воскресило въ немъ давно забытое ощущеніе таинственнаго, необъяснимаго ужаса. Былъ очень доволенъ, что въ темнотѣ Глафира не можетъ хорошо разсмотрѣть его поблѣднѣвшее лицо. Правда, онъ выслушалъ отъ нея уже достоточно обидныхъ словъ, но все-таки лучше, чтобы, разставаясь, она не считала его трусомъ. Можетъ быть, въ слѣдующій разъ...

— Я приду къ тебѣ!—отвѣчая на его мысль, сказала Глафира.—Ты назначишь время, и я приду. И ты перестанешь жалѣть, что сегодня мы разстались такъ скоро. До свиданія же, милый профессоръ. Ты не сердишься, нѣтъ?

Разстались у начала городскихъ построекъ. Рындинъ свернулъ на залегавшій за огородами пустырь, чтобы добраться домой обходнымъ путемъ, минуя улицы. Кладбищенскій страхъ все еще висѣлъ надъ головой, заставлялъ вздрагивать и оглядываться. И, какъ на кладбищѣ, чудились странные шорохи, и раза два за жидкимъ огороднымъ плетнемъ почудилось что-то, похожее на человѣка.

Рындинъ поднялъ съ земли тяжелый гранитный осколокъ и съ яростнымъ усиліемъ швырнулъ его въ темноту, туда, гдѣ померещился кто-то невѣдомый.

— Вотъ тебѣ... Получай!

IX.

Въ матушкиномъ домѣ было, какъ всегда: тѣсно, чистенько и пахло съѣстнымъ. Гулко гудѣли мухи, тучей кружились надъ миской со свѣжимъ вареньемъ, прикрытой бѣлой кисейкой. Юлка, съ ногъ до головы вымазанная пепломъ и гущей, чистила на кухонномъ крылечкѣ самоваръ.

Рындинъ погулялъ по двору, подразнилъ сердитаго сѣраго гусака, почесалъ за ушами окривѣвшую старую кошку. Только что позавтракалъ,—какъ всегда, сытно и прѣсно. Работа опять не спорилась. Тонкій налетъ желтоватой пыли успѣлъ уже лечь на недописанную страницу диссертаціи.

Идти въ лѣсъ, къ кривой березѣ, было еще рано. Рындинъ остановился у крылечка, критически посмотрѣлъ на измазанную Юлку. У Юлки брови—какъ у Глафиры, только немного пожиже.

— Тьфу, чортъ! Скука...

Сегодня—будни, да еще постный день, но мать почему-то съ ранняго утра ходитъ по праздничному. Надѣла черное шелковое платье, блестящее и слежавшееся по складкамъ, какъ будто сработанное изъ кровельнаго желѣза, и парадный чепчикъ съ лиловыми лентами.

— Ужъ ты прости, Семочка, если сегодня съ обѣдомъ запоздаемъ немного...

— Какой тамъ обѣдъ... Я и такъ до завтрашняго дня наѣлся. А что?

— Къ имянинницѣ я сегодня. Улита Серафимовна, казначейша, ангела празднуетъ. А мы съ нею споконъ вѣка подруги. На одной и той же Красной горкѣ и замужъ выходили... Нельзя не пойти: смертная будетъ обида...

— Да ступайте себѣ... Держу я васъ, что-ли?

— А тебя что за муха укусила? Ходишь, какъ не прикаянный.

— Ничего я. Не приставайте вы, пожалуйста. И безъ васъ тошно.

— У, ощерился... Чистый гусакъ!

На дворѣ дѣлать было рѣшительно нечего. Рындинъ ушелъ къ себѣ въ комнату, распахнулъ пошире створки квадратнаго окошка. За окномъ—все тотъ-же кочковатый, кое-гдѣ поросшій объѣденнымъ тальникомъ, пустырь, а подальше—лѣсокъ, тотъ самый, гдѣ растетъ кривая береза. Отсюда можно будетъ уви-

дѣть, когда пройдетъ Наташа. И какъ это онъ не замѣтилъ до вчерашняго дня этихъ ежедневныхъ прогулокъ?

Ясно: потому что думалъ о Глафирѣ.

При воспоминаніи о вчерашнемъ вечерѣ весь съежился, какъ отъ холода.

— Даже противно... Просто кошмаръ какой-то...

Одинъ день нужно пропустить, а завтра можно уже будетъ пойти къ Гриневичамъ. На сегодня, впрочемъ, назначена рыбная ловля. И, кстати можно будетъ выяснить, не подозрѣваетъ-ли чего-нибудь самъ статистикъ. Захватитъ съ собой бутылку водки. Тогда все откроется.

Глафира опять обѣщала,—и, кажется, на этотъ разъ уже не обманетъ. Но почему теперь не такъ уже властно, какъ вчера, влекутъ къ себѣ влажные глаза?

Заглянула въ комнатку мать.

— Ухожу я. Ты дома будешь, или какъ? Если уйдешь, такъ я ключи отъ сахару лучше съ собой возьму. Юлка воруетъ: такая сладкоѣда. Или дома просидишь? Что-то давно ужъ не работалъ-то...

— Не знаю. Какъ случится.

Отвѣтилъ, не поворачивая головы. Надоѣло все. И мать надоѣла. Такая привязчивая старуха.

Мать беззвучно пожевала губами, ушла. Слышно было, какъ по пути долго распекала Юлку,—чтобы сорвать на комъ-нибудь обиду.

Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не стóитъ никуда идти. Глафира—зрѣлый человѣкъ, который самъ можетъ отвѣчать за свои поступки... А Наташа... Не хватало еще, чтобы нажить себѣ какихъ-нибудь хлопотъ въ этой дырѣ.

На этихъ дняхъ обязательно надо закончить работу. И тогда, пожалуй, можно будетъ уже двинуться въ столицу. Вѣдь успѣлъ уже отдохнуть и растолстѣлъ даже: новые брюки едва сходятся. А если Глафира огорчится этимъ раннимъ отъѣздомъ — пусть пеняетъ на себя. Вѣдь онъ, все-таки, не мальчишка какой-нибудь, чтобы водить его за носъ.

— Да, лучше уѣхать. Вѣдь нужно еще подумать и о статистикѣ. Глафира относится къ нему слишкомъ пренебрежительно. А онъ не настолько глупъ, чтобы тоже, при случаѣ, не надѣлать хлопотъ и непріятностей.

А вотъ уже и Наташа. Забѣлѣлась у лѣсной опушки свѣтлая кофточка. Идетъ медленно, оглядывается по сторонамъ. Значитъ,—ждетъ.

«Вотъ и хорошо! сейчасъ пойду и скажу ей, что на-дняхъ уѣзжаю. Она, конечно, сейчасъ-же передастъ Глафирѣ. Очень хорошо».

Подождалъ, пока свѣтлая кофточка скрылась за деревьями. Потомъ набралъ папиросъ, почистилъ шляпу. Во время вчерашней вечерней прогулки на нее насѣла пыль и паутина.

На кухонномъ крылечкѣ, сидя рядомъ съ недочищеннымъ самоваромъ, плакала Юлка.

— Ты что? Обидѣлъ тебя кто-нибудь?

— Хозяйка заругала.

— Экая ты... Ну, возьми вотъ гривенникъ на конфекты. Да сахару воруй побольше: слаще жизнь будетъ. Бери.

Взяла и улыбнулась сквозь слезы, благодарно и лукаво. Натянула на грязныя колѣни короткую юбченку: должно быть, хотя и безсознательно, но уже чувствовала себя женщиной.

Скорѣе мимо пропахнувшаго скотомъ пустыря, мимо первыхъ, жидкихъ деревьевъ лѣсной опушки. Впереди уже замелькало что-то свѣтлое: стволъ березы или Наташина кофточка.

Ну вотъ, и не Глафира, и, конечно, не будетъ ничего, кромѣ ребяческихъ шутокъ,—а почему-же сладко заныло сердце?

Наташа, болтая ногами, покачивалась на березѣ, жевала зеленый листокъ. Должно быть, сегодня мелочи не хватило на шоколадъ.

— Вотъ и я, Наташа... Ждали?

Созналась откровенно:

— Ждала, конечно. Да вѣдь тутъ хорошо ждать. Не скучно.

— Правда? Счастливая вы. А на меня что-то тоска напала сегодня.

— Это я знаю,—почему. Вы уже привыкли къ большой жизни, а тутъ люди все маленькіе и совсѣмъ не интересные, въ родѣ меня.

— А вы таки кокетничать умѣете? Знаете: униженіе паче гордости...

— Какое же униженіе? Я не унижаюсь. А только развѣ я большая? Теперь еще привыкла, а первое время васъ боялась просто... Все мнѣ казалось, что съ вами обязательно нужно одни только умныя слова говорить. Ну, умныхъ словъ у меня пока еще совсѣмъ мало. Да и тѣ, которыя есть, — не свои, а изъ книжекъ, которыя вы давно уже перечитали. Вы куда сядете? На старое мѣсто? А я повыше. Вотъ тутъ, у развилинки. Совсѣмъ, какъ кресло.

Рындинъ посмотрѣлъ вверхъ, гдѣ вырѣзывались на свѣтломъ

небѣ сердцевидные, съ мелкими зазубринками, листья. И вспомнилъ:

— Прежде я лазилъ туда до самой верхушки... Видите,— вонъ до той сухой вѣтки. Только тогда она была еще не сухая. Оттуда весь городъ видно... Просторъ.

Наташа прикинула на взглядъ расположеніе вѣтокъ и дѣловито рѣшила:

— Не такъ ужъ трудно. Я бы тоже смогла, пожалуй... Вотъ только юбка мѣшаетъ. А знаете, гдѣ я очень хотѣла бы побывать? Ну, Европа — это само собою. Парижъ посмотрѣть, Лондонъ. Тамъ все такое большое, но уже такое извѣстное: Вестминстерское аббатство, Эйфелева башня, бульваръ Санъ-Мишель со студентами и Гайдъ-Паркъ, гдѣ безработные спятъ... Но больше всего я хотѣла бы поѣхать еще куда-нибудь, гдѣ горы высокія и совсѣмъ дикія. И подняться на какую-нибудь снѣжную вершину, на которой никогда еще не бывалъ человѣкъ...

Рындинъ усмѣхнулся.

— Экая вы... стремительная. А на аэропланѣ не хотите полетѣть?

— Конечно, полетѣла бы. И даже интереснѣе, что еще не усовершенствовано и есть опасность. Летѣть стремглавъ, такъ что въ ушахъ свиститъ и душа замираетъ! Ухъ!.. Я на масляной всегда ходила на рѣку, на большую гору: на салазкахъ кататься... Только уже въ прошломъ году сестра не пустила: сказала, что неприлично.

— Вотъ видите,—какъ нехорошо, что вы уже выросли... Многихъ удовольствій лишились: ни по деревьямъ лазить, ни съ горъ кататься... Пожалуй, скоро уже и шоколадомъ будете лакомиться только украдкой.

Наташа задумчиво приложила палецъ къ губамъ. Потомъ покачала головой.

— Ну, не скажите... Сейчасъ, всетаки, интереснѣе жить.— Замялась и заговорила медленнѣе, подбирая слова.—Вотъ, я давно уже хотѣла васъ спросить... Это, конечно, неудобно, но всетаки... Видите, я еще очень мало читала, но, что касается политическихъ воззрѣній, мое міросозерцаніе уже достаточно опредѣлилось. Вотъ я и хотѣла васъ спросить... Въ той вашей статьѣ, которую я читала недавно, какъ-то не совсѣмъ понятно...

— Какъ экономистъ, я примыкаю къ марксистской школѣ!— степенно объяснилъ Рындинъ.—Конечно, съ извѣстными поправками и ограниченіями, внесенными современной наукой...

— Значитъ, всетаки можно считать, что мы въ одной партіи...

Даже если вы и не принимаете активнаго участія... Теперь у насъ въ партіи расколы и неурядицы, но я, всетаки, обязательно буду работать... И вотъ, если вы мнѣ поможете на первыхъ порахъ... Вы понимаете, хотя бы въ теоріи...

Рындинъ слегка нахмурился, но сейчасъ же заставилъ себя улыбнуться и отвѣтилъ привѣтливо:

— Ну, конечно же... Какъ вы могли сомнѣваться, Наташа? Я даже могу сдѣлать немножко больше... На первыхъ порахъ къ вамъ присмотрятся и, если только въ вашемъ характерѣ есть данныя для серьезной и отвѣтственной работы, вы, конечно, очень быстро пойдете впередъ. Я, со своей стороны, окажу содѣйствіе...

Отъ какой-бы то ни было революціонной работы Рындинъ всегда былъ очень далекъ, если не считать мелкихъ студенческихъ безпорядковъ и радикальныхъ рѣчей на земляческихъ собраніяхъ. Но чувствовалъ, что сознаніе въ своемъ политическомъ безличіи безнадежно уронитъ его въ глазахъ дѣвушки. Лучше поддержать иллюзію. А тамъ, въ столицѣ, она сама поумнѣетъ. Въ случаѣ необходимости, можно будетъ исподволь отсовѣтовать, отговорить.

Осторожно поймалъ нѣжную руку Наташи, небрежно лежавшую на грубомъ стволѣ. Ладонь была еще совсѣмъ дѣтскаго склада, а ногти, слегка обкусаные, не блистали полировкой. И это понравилась Рындину, потому что у Глафиры ногти—гладкіе, блестящіе и изумительно аккуратные, какъ неживые.

Разсказалъ, слегка поглаживая маленькую руку:

— Я постоянно живу на Петербургской, недалеко отъ Васильевскаго. Тамъ тихо и комнаты не особенно дороги. Постарайтесь поселиться поблизости, чтобы мы могли почаще видѣться. Хотите, я вамъ заранѣе подыщу комнату?

— Спасибо... Только почему бы намъ не уѣхать отсюда всѣмъ вмѣстѣ? И, можетъ быть, Хамъ еще не захочетъ на Петербургской. Его патріархъ въ какое-то общежитіе тянетъ.

— Ну, Ной отсталъ уже лѣтъ на двадцать. Какой онъ совѣтчикъ? А Хама мы убѣдимъ. Онъ покладистый.

Нужно ли сказать о своемъ скоромъ отъѣздѣ? Сейчасъ что-то совсѣмъ не такъ уже хочется разставаться съ роднымъ городкомъ, какъ всего какой-нибудь часъ тому назадъ. Но все равно, лучше сказать. Это—политика.

— Дѣло въ томъ, что я едва ли дождусь вашего отъѣзда, Наташа... Если земля не провалится, думаю выбраться отсюда не позже начала будущей недѣли.

Глаза у Наташи широко открылись. И губы запрыгали отъ огорченія.

— Такъ скоро? Но почему же вы раньше ничего не говорили? Такъ скоро?

Рындинъ принялъ видъ слегка таинственный.

— Нельзя иначе, Наташа. Дѣла. Я и самъ не могъ предвидѣть...

Дѣвушка отвернулась, одинъ за другимъ отрывала отъ вѣтки сочные листья, мяла ихъ и бросала на землю. И во всемъ, въ изгибѣ шеи, и въ приподнявшихся плечахъ, и въ нервной работѣ пальцевъ откровенно сквозило огорченіе.

Нужно утѣшить.

— Другъ мой, вѣдь мы совсѣмъ не надолго разстанемся. Вотъ, листья еще зеленые, но скоро уже начнутъ желтѣть. Осень близко. А тамъ, въ Петербургѣ — какъ хорошо мы заживемъ, какъ разъ тогда, когда здѣсь будетъ снѣжная пустыня... Начнемъ ходить вмѣстѣ въ театры, на лекціи, на собранія... Я васъ сейчасъ же познакомлю кое съ кѣмъ, — съ писателями, съ артистами... Только поселитесь поближе. Вѣдь мы будемъ видѣться каждый день, да? И тамъ никто не слѣдитъ за чужой жизнью, не сплетничаетъ. Никто не помѣшаетъ намъ жить такъ, какъ хочется...

Послѣдній измятый листокъ упалъ на землю. Наташа повернулась такъ быстро, что Рындинъ долженъ былъ ее поддержать. Пытливо и въ то же время радостно заглянула ему въ глаза.

— А вы не забудете меня въ Петербургѣ? Это ничего, что я такая... маленькая?

— Конечно, не забуду.

— Ну, вотъ и лжете.

Вамъ и Іуда не могъ бы солгать, Наташа. Да и зачѣмъ? Развѣ вы не чувствуете, какъ мнѣ хорошо съ вами?

— Я думала, что это только я сама... что мнѣ... Ахъ, да что я?

Даже слезы выступили на рѣсницахъ отъ внезапнаго стыда.

— Другъ вы мой хорошій... Только вотъ этотъ одинъ грѣхъ и есть за вами: слишкомъ мало вы цѣните самое себя... А для меня уже каждый пальчикъ вашъ дорогъ—дороже всякой политической экономіи и дурацкихъ диссертацій.

Перебиралъ эти пальчики, время отъ времени прижимая ихъ къ губамъ. Дѣвушка улыбалась счастливо и смущенно, потомъ вдругъ спрыгнула съ кривого ствола, крѣпко сжавъ губы,

какъ будто для этого движенія ей нужно было разорвать какую-то невидимую сѣть.

— Нехорошій вы... Ну, тамъ, въ Петербургѣ, увидимъ,— правда или неправда. А вотъ, что вы и теперь уже не исполняете обѣщаній,—такъ это дурно. Гдѣ же книжка?

Старалась говорить шутливо и даже насмѣшливо, но все еще дрожалъ голосъ и блестѣли на рѣсницахъ не высохшія слезинки.

— Книжка? Простите великодушно... Какъ-то не идутъ на умъ книжки, когда о васъ думаешь. Впрочемъ, это очень даже поправимо. Вѣдь все равно, вамъ идти домой мимо нашего домика. Вы зайдете ко мнѣ и возьмете.

— Къ вамъ?—Задумалась, словно рѣшала въ умѣ сложную задачу.—Нѣтъ, къ вамъ нельзя. Сестра узнаетъ и поднимеетъ цѣлую исторію.

— Полноте... Во первыхъ — нечего поднимать исторій, потому что вы только зайдете на одну минуту и возьмете книжку, а во вторыхъ—сестра и не узнаетъ. Вы—какъ одинъ мой знакомый, который моей мамаши боится. Но на этотъ счетъ сейчасъ тоже спокойно: мамаша ушла на имянины.

Наташа упрямо покачала головой.

— Все равно. Не пойду. Нельзя.

И замѣтно было, что это—не простое упрямство, а что-то другое, болѣе сложное, противъ чего пока еще безполезно и даже опасно бороться.

Золотое солнце грѣло задумчиво и нѣжно, ласкало растрепавшіеся волосы Наташи. Рындинъ стоялъ, любуясь. Не сразу вспомнилъ, что нужно же отвѣтить.

— Какъ хотите, другъ мой. Я не могу настаивать. Но вѣдь мы можемъ сдѣлать такъ, что мѣстная нравственность будетъ спать спокойно. Вы подойдете къ окну, которое выходитъ на пустырь, а я передамъ вамъ книжку... Но вы, кажется, уже уходите?

— Да, да. Не удерживайте меня сейчасъ. Лучше завтра. А сейчасъ такъ хорошо—и мнѣ хочется унести съ собой это хорошее.

— Еще немного... Минуту!

Посмотрѣла укоризненно,—и такъ ясно, словно вслухъ, сказала одними глазами:

— Неужели ты не понимаешь? Мнѣ хорошо. Я люблю. Дай же мнѣ помечтать объ этой любви.

Пошли рука объ руку,—и Рындинъ дѣлалъ маленькіе

шажки, нарочно задерживая свою спутницу. Наташа не поднимала головы, смотрѣла на дорогу, у самыхъ своихъ ногъ, и улыбалась. Сама собою рождалась эта свѣтлая улыбка,—непобѣдимая.

Шли очень долго, хотя не длинна была дорога. У опушки, когда уже открывалась впереди пустая улица города, остановились.

— Никогда еще не была въ Петербургѣ. И вообще ничего не видѣла, кромѣ нашего городка. Хорошенько подумаешь—и дѣлается страшно... Все равно, какъ одной идти темной ночью по незнакомой дорогѣ.

— Одной—да... А если со спутникомъ? Съ вѣрнымъ спутникомъ, который будетъ беречь и хранить? — спросилъ Рындинъ и вѣрилъ сейчасъ, что могъ бы быть для нея вѣрнымъ спутникомъ и стражемъ.—Развѣ нехорошо было-бы всю жизнь идти вмѣстѣ, какъ сейчасъ?

— Хорошо!

Сорвалось съ губъ слово,—хотѣла остановить его и не успѣла. Но не краснѣла больше. Онъ понимаетъ—и онъ хорошій.

X.

Такъ и не вошла Наташа въ маленькій, съ квадратными окнами, домикъ. Остановилась за угломъ, такъ, чтобы не видно было съ улицы.

На кухонномъ крылечкѣ Рындинъ опять нашелъ Юлку съ самоваромъ, но самоваръ былъ уже ярко вычищенъ и блестѣлъ, какъ солнце, а Юлка сдѣлалась еще грязнѣе. Когда Рындинъ проходилъ мимо, дѣвочка таинственно подняла брови.

— А тамъ гость у васъ. Дожидается. Я было не пускала, да онъ сказалъ, что обязательно подождетъ, пока вернетесь. Сердитый такой. И виномъ дышитъ.

— Гость?—удивленно переспросилъ Рындинъ.—Давно ли?

— Какъ вы ушедши, такъ въ скорости. Управскій, никакъ. Вотъ, что рыбу ловилъ съ вами...

— Ага!

И, не разспрашивая больше, Рындинъ шагнулъ черезъ высокій, отъ времени выбитый дугою, порогъ. Время было служебное и, если пришелъ Гриневичъ, то, значитъ, случилось что-нибудь особенное. Впрочемъ, Юлка говоритъ: «водкой дышитъ». Скорѣе всего, просто не проспался послѣ вчерашняго пьянства

и теперь бродитъ по знакомымъ, отыскивая, гдѣ можно опохмелиться. Хорошо, что матушка на имянинахъ.

Усмѣхнулся, живо представивъ себѣ картину встрѣчи лохматаго и старухи,—и съ этой усмѣшкой на лицѣ такъ и вошелъ въ свою комнату. Но то, что увидѣлъ тамъ, было странно и неожиданно—и улыбка искривилась въ удивленную и испуганную гримасу.

Гриневичъ, пьяный и грязный, сидѣлъ на корточкахъ передъ отверзтымъ жерломъ русской печи и, обнявъ руками колѣни, внимательно и весело смотрѣлъ на огонь, который торопливыми дымными языками лизалъ уже почти испепелившуюся груду какихъ-то бумагъ. Блѣдные отблески пламени таяли въ дневномъ свѣтѣ и были тревожны, какъ похоронные огни. Плясали пестрыя тѣни на сосредоточенномъ лицѣ статистика.

Должно быть, онъ очень былъ увлеченъ своимъ страннымъ занятіемъ, потому что не сразу замѣтилъ появленіе Рындина. Только когда тотъ, сердясь и недоумѣвая, окликнулъ его по имени, поднялъ голову, потомъ неторопливо поднялся. Пестрыя тѣни сбѣжали съ лица, и оно сразу посѣрѣло, обрюзгло, сдѣлалось обыденнымъ и не жуткимъ. И обыденно прозвучалъ хрипловатый голосъ:

— Вернулись? Ну, теперь все равно. Уже кончено.

— Я, собственно, очень радъ... — путался Рындинъ —И очень жалѣю, что заставилъ васъ ждать.. Къ сожалѣнію, вы не предупредили...

— Зачѣмъ же я сталъ бы предупреждать?—разсудительно отозвался статистикъ.—Привело бы только къ лишнимъ осложненіямъ. Я—потихоньку. Я вѣдь не рыцарь, чтобы въ открытомъ бою сражаться. Думалъ покончить со своимъ дѣломъ и уйти, анъ вы уже и вернулись.

Рындинъ замѣтилъ, что статистикъ не совсѣмъ твердо держится на ногахъ, но это обстоятельство почему-то только еще усугубило его собственное смущеніе. Искоса поглядывая на печку, въ которой дотлѣвали и свертывались въ рыхлыя сѣрыя трубочки бумажные листы, онъ суетливо пододвинулъ стулъ неожиданному гостю.

— Пожалуйста...

Помнилъ, что дѣвушка стоитъ за окномъ и ждетъ, но сейчасъ было не до Наташи. Сначала нужно выяснить причину того загадочнаго, что притаилось въ статистикѣ, какъ устрица въ своей грязной раковинѣ.

Гриневичъ положилъ руку на спинку стула,—совсѣмъ такъ,

какъ будто готовился употребить его въ качествѣ наступательнаго оружія. Вытеръ объ пиджакъ испачканные пальцы другой руки. На свѣтломъ, уже сильно запятнанномъ, пиджакѣ протянулись новыя темныя полосы.

— Не надо вамъ было сейчасъ возвращаться. Осложняетъ.

— Какъ?—не понялъ Рындинъ.

— Осложняетъ, говорю. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ... Въ состояніи аффекта, такъ сказать... Совсѣмъ даже нежелательныя послѣдствія.

Слишкомъ ровно и разсудительно звучалъ хрипловатый голосъ,—совсѣмъ такъ, какъ у какого-нибудь маніака, доказывающаго врачу свои неоспоримыя права на престолъ Поднебесной имперіи. Это обстоятельство навело Рындина на догадку, которая показалась ему въ первый моментъ основательной и все объясняющей:

«Допился до безумія. Бѣлая горячка или что-нибудь въ этомъ родѣ».

Даже рѣшилъ сострадательно: нужно будетъ предложить свои услуги Глафирѣ, на случай, если придется везти больного въ лѣчебницу, или вообще, обезопасить его для постороннихъ.

Успокоившись на этой догадкѣ, Рындинъ мягко, но настойчиво отобралъ у Гриневича только-то придвинутый стулъ, укрѣпился между гостемъ и дверью, покрѣпче опираясь на пятки, и тогда только заговорилъ:

— Будетъ вамъ шутить, Спиридонъ Григорьевичъ. Вы хорошо знаете, какъ я радъ васъ видѣть во всякое время.

Это ласковое обращеніе, повидимому, очень мало тронуло статистика. Онъ сочно плюнулъ на блестящую половицу, растеръ плевокъ ногою и сообщилъ, въ видѣ комментарія къ этому невѣжливому поступку:

— Разговоры—ничто. Важны одни факты. Еще Писаревъ сказалъ: слова и иллюзіи гибнутъ... и такъ далѣе...

— Перейдемъ къ фактамъ!—съ прежней любезностью согласился Рындинъ. — Можетъ быть, мы выпьемъ съ вами по рюмочкѣ, Спиридонъ Григорьевичъ? Только у меня здѣсь, конечно, неудобно.

— Очень вамъ благодаренъ, но только я уже выпилъ. Для храбрости и для развязности чувствъ. Мнѣ вчера полагалось напиться, а я взялъ, да и отложилъ до сегодня. Потому-что иначе могъ бы я сегодня только плакать и цѣловать прекрасныя ножки. Хотя эти ножки и по могилкамъ ходили, а всетаки цѣловалъ бы.

Что-то колючее и холодное побѣжало, какъ будто, по всему тѣлу Рындина. Откуда онъ знаетъ? Впрочемъ, все равно,—догадался самъ или донесли досужіе сплетники. Вспомнилась неясная тѣнь тамъ, на кладбищѣ. И вдругъ тѣсно и душно сдѣлалось въ маленькой комнаткѣ. Потомъ, послѣ краткой волны неразсуждающаго, пассивнаго испуга, Рындинъ отступилъ шагъ назадъ, поднялъ руки, ожидая грубаго нападенія. Скользнулъ взглядомъ по комнатѣ, высматривая, нѣтъ ли чего-нибудь, что оказалось бы опаснымъ въ рукахъ пьянаго статистика,—и сразу забывъ обо всемъ остальномъ, остановился на своемъ рабочемъ столикѣ. Столикъ былъ пустъ. Только на самомъ краю лежалъ толстый томъ англійскаго статистическаго ежегодника да уныло поблескивала на своемъ обычномъ мѣстѣ стеклянная чернильница. И также безнадежно, ужасающе пусто было то мѣсто на печкѣ, гдѣ хранились подготовленные для диссертаціи матеріалы и выписки. Послѣдній дымный языкъ мелькнулъ въ жерлѣ печи и погасъ. По грудѣ пепла побѣжали въ разныя стороны бойкія красныя змѣйки.

— Вы... вы...

Слова останавливались въ сдавленномъ горлѣ. За окномъ показалось испуганное лицо Наташи.

— Знаешь, что ты надѣлалъ, пьяная гадина?

— Разумѣется. Сами когда-то изволили мнѣ объяснить. Три года работы. И все—на смарку. Начинайте сызнова, голубчикъ. Обидно это вамъ, я понимаю. Но вѣдь и мнѣ тоже обидно. Вамъ—три года, а мнѣ—вся жизнь. Слова гибнутъ, а факты остаются. Вы, вотъ, вчера съ моей Глафирой цѣловались на кладбищѣ, а я выслѣдилъ. Это—фактъ... А диссертація была написана и сгорѣла. Теперь одинъ пепелъ, иллюзія. Вотъ и разсчитывайте. Мы здѣсь, господинъ столичный профессоръ, вродѣ троглодитовъ. И логика у насъ простая. Теперь вамъ въ нашемъ городѣ дѣлать больше нечего. Британскихъ музеевъ здѣсь не имѣется... Стало быть, вы благополучно уѣдете во свояси, а Глафира моя при мнѣ и останется, и цѣловаться ей будетъ не съ кѣмъ. Я съ вами думалъ договориться по честному, а вы не захотѣли. Такъ наплевать же мнѣ на ваши три года.

Заранѣе увѣренный, что надѣется на невозможное, Рындинъ направился къ кучкѣ сѣраго пепла съ красными змѣйками, разгребъ его прямо голыми руками, не чувствуя боли отъ ожоговъ. Ничего... Только въ самой глубинѣ сохранилось нѣсколько зажелтѣвшихъ разрозненныхъ листковъ,—жалкая память о потерянномъ трудѣ.

Хотѣлось плакать, и бить кулаками въ стѣну, и избить этого пьянаго, грязнаго человѣка, который стоялъ, слегка покачиваясь, у опустѣвшаго столика, и издѣвался. Не зная, чѣмъ уязвить больнѣе, схватилъ статистика за плечи, встряхивалъ его такъ, что слетѣло съ горбатаго носа пенснэ и кричалъ:

— Гадина ты, гнусная тварь!.. А жена твоя—шлюха, слышишь? Она сама вѣшалась мнѣ на шею. Помнишь, бродила по водѣ голыми ногами, показывала свои прелести? Помнишь? И тебя она, все равно, ненавидитъ и будетъ измѣнять тебѣ съ кѣмъ попало, съ первымъ подвернувшимся гимназистомъ, съ вашимъ управскимъ писаремъ, съ солдатомъ... Понялъ?

Полузадушенный Гриневичъ не могъ говорить. Онъ только моталъ головой, ловилъ ртомъ воздухъ и часто моргалъ. Но онъ не раскаивался, Рындинъ чувствовалъ, что онъ не раскаивался. И его безсмысленное торжество доводило Рындина до неистоваго бѣшенства.

Привлеченная шумомъ, какъ мышенокъ, выглядывала изъ-за двери испачканная Юлка. А за окномъ плакала и ломала руки Наташа, и повторяла, страстно желая, чтобы все это оказалось сномъ:

— Боже мой, да что же это? Боже мой, зачѣмъ?

Вотъ, вѣдь только что была кривая береза, и солнце, и зеленые, пахнущіе вкусной горечью, листья. А здѣсь—что-то темное, страшное и уродливое,—и человѣкъ, выкрикивающій вспѣнившимися губами гадкія слова, совсѣмъ не похожъ на того, который только-что говорилъ тамъ, у березы.

Можетъ быть, пьяному и обезсиленному Гриневичу пришлось бы, въ концѣ концовъ, совсѣмъ плохо, если бы до слуха Рындина не достигла, наконецъ, недоумѣвающая и скорбная жалоба Наташи. Пришла, какъ изъ другого міра, чистаго и свѣжаго. И свѣтлымъ лучемъ ударила въ ослѣпленные глаза. Рындинъ оттолкнулъ статистика, который тяжело рухнулъ грудью на столъ. Пошелъ къ окну, оправляя растегнувшуюся тужурку.

— Зачѣмъ вы здѣсь, Наташа?

Совсѣмъ неподготовленная къ этому вопросу, дѣвушка жалобно сложила руки.

— Вѣдь вы же сами... за книжкой...

Рындинъ кусалъ губы, тщетно стараясь удержать въ покоѣ правую бровь, которая прыгала болѣзненно. И, по мѣрѣ того, какъ на лицѣ Наташи растерянная жалоба смѣнялась негодованіемъ, чувствовалъ все опредѣленнѣе, что погибла не только диссертація. Вотъ, только-что была красивая, искрящаяся мечта—и тоже исчезла.

Опираясь руками о низкій подоконникъ, Наташа приблизила къ Рындину измѣнившееся лицо.

— Какъ же вы смѣли... какъ вы смѣли такъ говорить со мной сегодня, если этотъ человѣкъ... И почему же вы не сказали ему, что онъ лжетъ?

— Но, конечно же, все это ложь, Наташа. Онъ пьянъ. И онъ погубилъ весь мой трудъ, трехлѣтній трудъ.

— Почему же вы, все-таки, не сказали ему самому, что онъ лжетъ?.. Почему, вмѣсто этого, вы сами говорили ему гадкія слова? Я не виновата, что все слышала. И мнѣ васъ не жалко, ничуть не жалко, потому что вы цѣловались съ другой, а потомъ приходили ко мнѣ. Обманывали. Помогите же ему встать. Онъ ушибся.

— Аа!..—сжавъ ладонями виски, Рындинъ закачался изъ стороны въ сторону. Все перемѣшалось: Глафира, Наташа, потерянный трудъ, разбитая мечта. И только съ новой силой вспыхнуло недавнее желаніе,—поскорѣе уѣхать, вырваться изъ омута, таящаго въ своей тинистой глубинѣ нежданныя бѣды. Бѣжать, куда попало, только бы вырваться.

Размазывая животомъ чернила, статистикъ оторвался отъ стола, шарилъ руками по полу, отыскивая потерянное пенснэ. Вмѣсто стеколъ подобралъ только нѣсколько острыхъ осколковъ, сплющенную каблукомъ оправу. Теперь, сдѣлавъ свое злое дѣло, былъ такъ безпомощенъ и жалокъ, что острымъ сочувствіемъ наполнилось оскорбленное сердце дѣвушки. Наташа позвала, всѣмъ туловищемъ перегнувшись черезъ подоконникъ и стараясь не смотрѣть на Рындина:

— Спиридонъ Григорьевичъ, пойдемте. Уходите отсюда... Я провожу васъ.

Ея присутствіе, повидимому, нисколько не удивляло Гриневича. Какъ будто такъ и слѣдовало, чтобы эта дѣвушка сдѣлалась свидѣтельницей факта. Статистикъ поднесъ близко къ глазамъ сплющенную оправу.

— Какъ же я теперь? Ничего не вижу. А только вамъ, Наташенька, нельзя сейчасъ идти со мной по улицѣ. Видите,— какой я. Ужъ я какъ нибудь самъ доберусь.

— Я въ сторонкѣ пойду. Не могу же я васъ сейчасъ оставить.

Сжавъ кулаки, Рындинъ вплотную подступилъ къ Гриневичу.

— Подождите... Мы не разсчитались еще!

— Вы не смѣете!—вступилась Наташа, и было въ ея

голосѣ что-то такое, что сразу охладило Рындина. Онъ криво усмѣхнулся по адресу дѣвушки.

— Успокойтесь. Рукъ марать не буду... Хотя вамъ-то, собственно, нечего соваться не въ свое дѣло... А этого господина я просто передамъ въ руки полиціи. Тутъ вамъ, все-таки, не Клондайкъ какой-нибудь, гдѣ можно безнаказанно разбойничать... Юлка! Сейчасъ же бѣги въ участокъ, слышишь?

— Безполезно, дорогой мой! — вздохнулъ статистикъ.— Полномочія нашей полиціи очень обширны, но божескими атрибутами она все же не обладаетъ. А диссертація ваша—не фениксъ. Сама собою изъ пепла не воскреснетъ.

Юлка, полумертвая отъ страха, пряталась за дверью. И не рѣшалась сдвинуться съ мѣста. Вдругъ да въ ея отсутствіе и произойдетъ что нибудь самое интересное?

Впрочемъ, эта надежда на новое жуткое развлеченіе сейчасъ же исчезла. Рындинъ, окончательно обезсиленный послѣдней вспышкой ярости, опустился мѣшкомъ на стулъ, у залитаго чернилами столика, уронилъ голову на руки и заплакалъ. Статистикъ неуклюже, бокомъ, выбрался изъ комнаты, прошелъ мимо прижавшейся къ стѣнѣ Юлки. Наташа на нѣсколько мгновеній задержалась еще у окна, хотѣла было что-то сказать, но вдругъ молча исчезла.

— Звѣри... Дикари...—захлебываясь, бормоталъ Рындинъ и плакалъ. И, глядя на него, ревмя заревѣла за дверью Юлка,— благо, глаза у нея, по мнѣнію хозяйки, выросли на мокромъ мѣстѣ.

11.

Утромъ рано, на разсвѣтѣ, Рындинъ, успокоившійся, но полубольной и совсѣмъ разбитый, затягивалъ ремни у отощавшаго чемодана.

У воротъ домика стоялъ уже заблаговременно заказанный извощикъ, отъ нечего дѣлать постегивалъ кнутикомъ переднее колесо телѣжки и звучно сплевывалъ сквозь стиснутые зубы.

Старушка, охая отъ головной боли и неожиданнаго огорченія, укладывала въ корзиночку наскоро изготовленные дорожные припасы. О томъ, что именно такое вчера случилось, старушка имѣла довольно смутное представленіе. Сынъ глядѣлъ такими глазами, что къ нему подступиться не хватало духу, а Юлка разсказывала нѣчто несуразное и даже совсѣмъ невоз-

можное. Понятно было только, что у сына съ лохматымъ вышла преогромная ссора, что въ этой ссорѣ принимала участіе какая-то дѣвица, и что сынъ, во всякомъ случаѣ, не вышелъ побѣдителемъ.

Отъ огорченія валились изъ рукъ скороспѣлые, прѣснаго тѣста, пирожки.

Рындинъ вышелъ изъ своей комнатки застегнутый на всѣ пуговицы, съ сумкой черезъ плечо. Мелькомъ взглянулъ на мать, подошелъ, къ окну и забарабанилъ пальцами по радужному отъ старости стеклу. Потомъ сказалъ, продолжая разглядывать поросшую травой улицу:

— Скоро вы управитесь? Мнѣ пора ѣхать. Еще опоздаю на поѣздъ изъ-за вашихъ пирожковъ.

— Да по мнѣ хоть сейчасъ поѣзжай! Господи Владыко... Мать въ могилу смотритъ, а онъ... Вотъ, накажетъ еще тебя Богородица, Семенъ.

На прощаніе, передъ долгой, а можетъ быть, и вѣчной разлукой, хотѣлось приласкать сына, отдать ему всю свою старческую теплую любовь, но сынъ самъ не шелъ навстрѣчу, смотрѣлъ, почти, какъ на врага, словно и она виновата въ томъ, что онъ пережилъ какую-то непріятность. А пріѣхалъ сюда такой хорошій, веселый и ласковый. Кто бы могъ думать, что все такъ кончится.

— Говорила я, Семенъ: не доведутъ тебя до добра эти лохмачи, да распутныя бабы. Вотъ теперь...

— Оставьте, мамаша.

Наконецъ, увязана корзиночка,—и все нетерпѣливѣе поплевываетъ у воротъ извощикъ. Старушка вытерла объ фартукъ замасленныя руки.

— Ну, Семочка... Хотя ты въ Бога и не вѣришь, а все старые обычаи соблюдать надо. Ихъ тоже не дураки придумали... Присядемъ передъ дорогой... Да смотри, вдоль половицы угадай. Юлка, ты чего тутъ толчешься? Садись.

Рындинъ покорно опустился на первое попавшееся кресло. Старушка сѣла въ уголокъ дивана и сейчасъ же приложила къ глазамъ платокъ. Примостилась у двери и Юлка.

— Ну, благослови, Богородице... Смотри же, Семочка, какъ тебѣ о моей кончинѣ отпишутъ, такъ сейчасъ же въ Лаврѣ заупокойную отслужи. Ужъ не пожалѣй денегъ-то,—чтобы съ пѣвчими. Все-таки вѣдь тебѣ кое-что послѣ меня и останется... Да съ поѣзда на ходу не выскакивай. Неравно, гдѣ оступишься...

Рындинъ поцѣловалъ холодную сморщенную щеку. Ничего

не сказалъ,—только поморщился, сгоняя непрошенную слезу.

— Семочка ты мой... Такъ хорошо гостилъ все—и вдругъ... И какъ ужъ это ты, право... А, можетъ, останешься еще? Отложишь?

— Вы не понимаете, мамаша. И не говорите лучше... Не нужно.

На крылечкѣ старуха пошатнулась, оперлась о плечо Юлки. Горькимъ туманомъ застилались старые хлопотливые глаза.

— Охъ, Юлка, Юлка... Не увижу больше. Чуетъ сердце, что не увижу. А ты что нюни-то распускаешь, дряннуха? Кастрюли-то, поди, такъ и остались со вчерашняго дня не мыты?

По дорогѣ къ вокзалу приходилось миновать квартиру Гриневичей. На крайнемъ окнѣ попрежнему висѣла, вмѣсто занавѣски, старая газета. Изъ-за нея, навѣрное, выглядываетъ Глафира. Рындинъ закусилъ губу и отвернулся.

А впрочемъ—развѣ она виновата?

И никто не виноватъ, что такъ блѣдно небо, и такъ унылы жидкіе солнечные лучи, и такъ скучна предстоящая работа. Просто все на землѣ безсмысленно и нелѣпо,—и нелѣпѣе всего, можетъ быть, то, что называютъ любовью.

Расхлябанная телѣжка подпрыгнула на выбоинѣ. Рындинъ больно ударился объ окованную желѣзомъ грядку и съ чувствомъ выругался:

— Тоже—родина... Чортъ бы ее побралъ совсѣмъ!

Николай Олигеръ.

Я и ТЫ.

(изъ Людвига Якобовскаго).

Тебя влечетъ небесная мечта,
Мелодія молитвъ и храма колоннады;
Меня манитъ земная красота,
Во мнѣ—душа умолкнувшей Эллады.
Ты робко молишься предъ блѣднымъ алтаремъ
И шлешь свои мольбы невѣдомой святынѣ...
Блаженно я стою съ безтрепетнымъ челомъ,
Смотрю въ лицо, какъ другъ, возвышенной богинѣ—
Она зовется жизнь... на струнахъ звучныхъ лиръ
Ее воспѣлъ хвалой античный гордый міръ.

Анатолій Доброхотовъ.

ИЗЪ ДАМСКИХЪ ПИСЕМЪ.

Петербургъ.
28 Апрѣля.

Дорогая Ирина!

Ты будешь поражена этимъ письмомъ. Я развожусь съ П. С. Да, развожусь... Я знаю: — ты скажешь, что уже много разъ слышала отъ меня это. И никогда не вѣрила. Теперь повѣришь. Если бы ты была при нашемъ послѣднемъ объясненіи—ты согласилась бы, что примиреніе немыслимо. Сколько было сказано съ обѣихъ сторонъ жестокаго, ненужнаго, обиднаго! Я, какъ всегда, горячилась, кричала, плакала. Онъ, холодно и съ обычной ироніей, говорилъ оскорбительныя пошлости! Да! да! Пошлости! Иначе я не могу назвать его намеки и подозрѣнія... Онъ, «врагъ пошлости», позволилъ себѣ... Да ты сама знаешь, что способенъ онъ сказать, какъ только замѣтитъ малѣйшее посягательство на его свободу.

Вчера онъ уѣхалъ за границу. Передъ отъѣздомъ пытался «поговорить» со мною спокойно. Кончилось рѣшеніемъ съ осени начать разводъ. Изъ того, что онъ два раза въ разговорѣ упомянулъ твое имя, — я рѣшила, что онъ все таки хочетъ изъ Маріенбада проѣхать туда, гдѣ будемъ мы съ тобою—какъ въ прошлые года—и надѣется, что ты примиришь насъ.

Но это немыслимо и ненужно. Сейчасъ я такъ разстроена, что ничего не могу рѣшить. Знаю одно: за границу я не поѣду!

Пожалѣй, милая моя Ирина, твоего бѣднаго друга.

Ксенію К.

Петербургъ
29 Апрѣля.

Дорогая Ирина!

Вчера я писала тебѣ такая разстроенная, что забыла извиниться передъ тобою: я же уговорила тебя ѣхать со мною за границу, а сама не ѣду. Я вижу твое огорченное лицо, твои громадные глаза и надутыя губы. А какъ же наша встрѣча за границей, наши милыя прогулки, tennis, ожиданіе пріѣзда П. С.? Помнишь, какъ мы убирали ему комнату цвѣтами, когда ждали его? А наше чтеніе? А споры потомъ?! Положимъ — спорила съ нимъ только я; ты всегда была на его сторонѣ...

Ты точно предчувствовала:—не хотѣла уѣзжать раньше меня. А я такъ привыкла каждое лѣто проводить съ тобою, сначала на водахъ, затѣмъ въ одномъ изъ красивѣйшихъ уголковъ Европы, что теперь совсѣмъ растерялась,—не знаю какъ устроиться, гдѣ? Хочется закопаться глубоко-глубоко, уйдти отъ моей ненужной, пустой любви, отъ постоянныхъ супружескихъ сценъ... Я устала! Ужасно устала, дорогая Ирина.

К.

Петербургъ.
6 Мая.

Спасибо за твое доброе, ласковое письмо, Ирина. Я знала, что ты пожалѣешь меня; знала также, что не повѣришь въ непреклонность рѣшенія... Оно совершенно опредѣленно: дальнѣйшая жизнь съ П. С. для меня немыслима. Я охотно шла на его стремленіе устроить жизнь по новому. Мы меньше всего походили на «супруговъ». Онъ не позволялъ мнѣ называть его *мужъ*, меня никогда не называлъ *женою*, онъ никогда не спрашивалъ меня, куда я иду, гдѣ я была, и самъ не допускалъ распросовъ. А я охотно разсказывала бы ему все, всѣ мелочи, всѣ думы мои, лишь бы не мучиться незнаніемъ: куда онъ уѣзжаетъ, кого видитъ, что дѣлаетъ. Вѣдь я ничего не знала. Только подозрѣвала, что у него есть «привязанность на сторонѣ»...

Ты пишешь, что онъ меня «безумно» любитъ. Иногда—да. И вдругъ сдѣлается чужой... Вотъ теперь—уѣхалъ, и я почувствовала освобожденіе. Только бы мнѣ его не видѣть и не слышать... Онъ и самъ говоритъ, что любовь — гипнозъ. Довольно этой муки! И для меня, и для него. И пожалуйста, Ирина, не пытайся примирять насъ.

Лѣто я рѣшила провести въ деревнѣ, въ К—ской губерніи, въ такой глуши, гдѣ даже паровозъ кажется чудомъ.

Ты помнишь, конечно, мою тетку—Елену Борисовну Бармину? Это — двоюродная сестра моей матери. Она безвыѣздно живетъ въ деревнѣ и только весной пріѣзжаетъ въ Петербургъ:— ея сынъ держитъ переходные экзамены въ гимназіи. Она давно звала меня погостить къ ней, но мнѣ всегда казалось немыслимымъ промѣнять красоту, комфортъ, изящество нашей жизни за границей на русскую деревню съ ея некультурностью, грязью, грубостью.

Вчера же я сама попросила тетю Елену взять меня съ собою. Она посмотрѣла на меня серьезно и точно все поняла.

— Поѣдемъ,—сказала она. Только если ты думаешь найти въ деревнѣ бальзамъ для души — ты ошибаешься. Впрочемъ— если сумѣешь уйти отъ себя, деревня поможетъ тебѣ.

Я не поняла, въ какомъ смыслѣ она сказала «уйти отъ себя»; въ моемъ: — это уйдти отъ моей мучительной любви, забыть, отдохнуть. Вѣдь вся зима была сплошнымъ страданіемъ; онъ уѣзжалъ куда-то на цѣлые дни; когда заставалъ меня въ слезахъ—сердился, говорилъ, что это пошло и опять уѣзжалъ... А потомъ—раскаяніе, упреки, что я не понимаю его!

Теперь—все это кончено. Докторъ одобряетъ мое рѣшеніе ѣхать въ деревню, находитъ даже, что это полезнѣе заграничной поѣздки, такъ какъ мнѣ прежде всего нуженъ покой. Онъ даже спросилъ тетю Елену:

— У васъ тамъ тихо?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Ну, знаете, вообще...

Елена разсмѣялась.

Ѣдемъ мы, какъ только Лева кончитъ экзамены. А пока напиши мнѣ сюда. Минутами я безумно тоскую.

К.

Петербургъ
13 Мая.

Ты сочувствуешь моей «добровольной ссылкѣ», дорогая Ирина, и даже находишь для меня слова утѣшенія. Но все твое письмо пронизано недовѣріемъ. Ты не вѣришь, что я, съ моими «духовными запросами», могу ужиться среди папуасовъ... А главное, ты не вѣришь, что я могу разстаться навсегда съ П. С. «Такъ было много разъ», пишешь ты. Да. Я не буду

увѣрять тебя, что такъ не было. Уже до женитьбы—мы говорили о возможности развода. А черезъ мѣсяца полтора—два послѣ свадьбы почти совсѣмъ рѣшили развестись. Я видѣла, что намъ никогда не сжиться. Первый годъ былъ хуже всего. Мы ссорились каждый день. Онъ охранялъ свою холостую свободу и боролся съ буржуазнымъ укладомъ, я обижалась, сердилась, ревновала... Видѣла, что онъ любитъ меня, и не вѣрила. Скучала и отъ скуки капризничала. Онъ бѣжалъ изъ дому. Отъ тебя нечего скрывать; ты сама видѣла нашу жизнь, и меня удивляетъ, что ты не вѣришь въ безповоротность моего рѣшенія... Ты должна понять, что и для меня, и для него такъ будетъ лучше.

И довольно объ этомъ. Я рѣшила не только не говорить,—даже не думать о П. С. Поѣздка въ деревню очень радуетъ меня. Новыя впечатлѣнія, новые люди, своеобразная, простая жизнь—все это заставитъ меня забыть и, можетъ быть... простить. И я очень благодарна тетѣ Еленѣ, что она беретъ меня съ собою. Но и она предупреждаетъ меня, что мнѣ будетъ скучно въ ея глуши: сосѣдей никакихъ, развлеченій никакихъ; вся семья: Елена, ея тринадцатилѣтній Лева и учитель... Но я искренно увѣряю ее, что очень рада ѣхать, и прочла ей то мѣсто твоего письма, гдѣ ты, успокоивая меня (этого я не прочла ей), описываешь прелесть русской барской усадьбы: «старинный домъ, пропитанный тѣмъ особымъ запахомъ, который сейчасъ же говоритъ о барской обстановкѣ, о старой библіотекѣ въ кожаныхъ переплетахъ, о фамильныхъ портретахъ, рукодѣльныхъ столикахъ съ неоконченнымъ вышиваніемъ.» Елена разсмѣялась.

— Въ моемъ Веселомъ Бору ты ничего этого не найдешь... Никакой пищи твоимъ утонченнымъ вкусамъ и аристократическимъ запросамъ... Домъ большой, но самый простой... Мать выстроила его въ 70-хъ годахъ, когда купила имѣніе. Мебель выписала изъ Москвы, изъ перваго попавшагося магазина... Библіотека хорошая, но... тоже начиная съ 70-хъ годовъ всѣ журналы, русскіе классики... Все, что мать получала за зиму въ Петербургѣ, она отправляла въ Боръ... Очень много моихъ французскихъ книгъ... Но и они теперь ужъ устарѣли, пожалуй.

А потомъ прибавила:

— Твоя Ирина говоритъ о деревнѣ такъ, потому что вѣроятно ужъ очень ей надоѣли заграничные курорты съ неизбѣжными встрѣчами съ безцвѣтными людьми, съ долгой ѣдой за безконечными table d'hote'ами и праздно-уходящими днями...

Какъ она вѣрно сказала: «праздно-уходящими днями». По-

мнишь, когда мы подводили итоги,—оказывалось, что цѣлыя недѣли уходили «такъ»... Мы не могли даже опредѣлить «какъ». Утромъ—вода, прогулка; потомъ—долгая ѣда, ненужные разговоры со случайными, ненужными людьми (помнишь каждый день: «Avez vous bien dormi, madame?)», отдыхъ, опять ѣда, прогулка и спать... «Идеалъ жизни праздныхъ, пустыхъ людей», сказала Елена.

И точно испугалась, что я обижусь, прибавила:

— Я не про тебя и не про Ирину... больные могутъ такъ существовать; имѣютъ оправданіе...

Мнѣ не хотѣлось лгать передъ нею, я разсмѣялась и сказала:

— Мы съ Ириной не больны... Т. е., если хочешь больны—желаніемъ похудѣть...

Она добродушно улыбнулась и сказала:

— Современный психозъ!

Сегодня у меня была Лили, со своей моськой. Она ничего не знаетъ о нашемъ разрывѣ съ П. С. Конечно, прежде всего,—весенній вопросъ:

— Вы куда на лѣто?

— Въ деревню.

— Куда?!

— Въ деревню... Въ К—скую губернію.

Если бы ты видѣла ее! Она такъ испугалась, точно я въ самомъ дѣлѣ сказала, что ѣду къ папуасамъ... А потомъ прибавила,—тономъ утѣшенія:

— *Зато* много земляники... Кушайте больше земляники.

Почему-то всѣ при упоминаніи о деревнѣ говорятъ о земляникѣ... И ты написала мнѣ о ней!..

Твоя К.

Петербургъ
20 Мая.

Нѣтъ, нѣтъ, моя дорогая! Не могу я его видѣть. Напиши ему, чтобы онъ и не пытался видѣться со мной. Пока—я не могла бы съ нимъ говорить безъ банальныхъ фразъ... Упреки, ревнивыя подозрѣнія... Боюсь вульгарности больше всего на свѣтѣ...

Ты поймешь меня!

К.

Веселый Боръ
28 Мая.

Наконецъ я могу отвѣтить на твое длинное, но не убѣдительное письмо, моя дорогая Ирина. Я получила его передъ

отъѣздомъ изъ Петербурга и сгоряча чуть не написала глупости. Ты такъ горячо защищаешь П. С., что мнѣ показалось... Ну, не буду, не буду... Пусть онъ пріѣзжаетъ къ тебѣ въ Бавено... Меня это не касается. Отсюда я уже нѣсколько разъ бралась за перо, чтобы написать тебѣ, да не хотѣлось опять начинать все сначала. Я здѣсь чувствую себя такъ далеко отъ всего этого... Мнѣ кажется, что я заѣхала въ такую даль, что меня никто и не найдетъ. И все тяжкое въ моей жизни—начиная съ разрыва съ П. С.—ушло куда-то отъ меня. Не будемъ пока говорить о немъ. Мнѣ просто хочется разсказывать тебѣ обо всемъ, что я видѣла въ послѣдніе дни...

Сборы... Оказалось, что собраться въ деревню, не такъ то легко, какъ заграницу. Надо было обо всемъ подумать,—здѣсь ничего достать нельзя. Ну, можешь ли ты догадаться, что передъ отъѣздомъ нужно запастись нѣсколькими лорнетами?.. Потеряешь стекло и сиди безъ лорнета. Здѣсь даже въ ближайшемъ городѣ нѣтъ оптика! Елена смѣется надъ моею наивностью и поддразниваетъ меня моимъ удивленіемъ, что нигдѣ въ деревняхъ нѣтъ не только оптическихъ магазиновъ, но даже булочныхъ... Это ей кажется особенно смѣшнымъ. И я, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ деревнѣ, уже чувствую, какъ я комична со своимъ петербургскимъ знаніемъ деревни. И мнѣ хочется каяться. Ты будешь моимъ духовникомъ, потому что ты лучше, чѣмъ кто либо, поймешь меня. Поймешь тоже, что мнѣ хочется уйти отъ себя, отъ своихъ заботъ о себѣ самой, отъ своихъ печалей, даже отъ моей несчастной влюбленности (не любви, а кажется именно влюбленности)...

Съ чего начать? Съ отъѣзда изъ Петербурга? Все то-же и тѣ-же: Маня, Анна Эдуардовна, княжна съ моськой, Павликъ, Сергѣй Дмитріевичъ... Однимъ словомъ всѣ друзья. Всѣ точно удивлены, что я не поѣхала заграницу, но всѣ молчатъ... Шутки, наши словечки и намеки. Тетя Елена ничего не понимала и была «не въ тонѣ». Кто-то сказалъ: «Деревня лѣтомъ рай»!

— Не рай, а тяжкій трудъ,—сказала тетя.

А я не понимала,—шутила она или говорила серьезно.

Ѣхали мы почти сутки. Наконецъ и «наша» станція. Слава Богу! Пріѣхали!

Станція маленькая и совершенно пустая, точно, кромѣ насъ, никто въ ней никогда не нуждался. Только какая-то баба спала на платформѣ, подложивъ мѣшокъ подъ голову, да молодой человѣкъ — не то рабочій, не то студентъ— сидѣлъ на скамьѣ и

равнодушно-лѣниво смотрѣлъ на уходившій поѣздъ. Все кругомъ было сѣрое, пыльное, вялое, лишнее...

Вышли изъ вагона. Подбѣжалъ носильщикъ и съ необыкновенной радостью набросился на наши вещи:

— Елена Борисовна! Здравствуйте, матушка - барыня! Заждались васъ... Лошади вторые сутки ждутъ на станціи. Я смотрѣлъ васъ съ курьерскимъ!

Онъ суетился вокругъ вещей и все время говорилъ что-то...

— Какіе экипажи поданы? спросила тетя Елена.

— Тарантасъ да телѣжка... Иванъ на рессорныхъ побоялся: дороги, говоритъ, во́ какъ размыло... Мосты поснесло... Страсть, гытъ, что дѣлается; особливо въ лѣсахъ...

Елена добродушно шутила съ нимъ и сразу попала въ его тонъ. Она говорила, какъ всегда, не измѣняя ни интонацій, ни голоса... А я ничего не понимала.

— Не знаешь—подъ Пировымъ гать настлана?

— Расплылась вся...

— Пролѣземъ ли?

— Надо продираться... Чего ужъ теперь?

Кучеръ Иванъ продолжалъ тотъ же самый разговоръ.

— Вода больно сильна... Совсѣмъ замокли...

Оказалось здѣсь, какъ и у насъ въ Петербургѣ, все время лили дожди. Но развѣ мы въ городѣ замѣчаемъ ихъ? А здѣсь они точно перевернули все вверхъ дномъ...

Тетя Елена поражаетъ меня своимъ добродушіемъ. Ее нисколько не вывело изъ себя, что тарантасъ, поданный ей, былъ весь въ грязи и съ оторванной подножкой. Она только спросила:

— Это что-же?

— Вода!—тоже спокойно отвѣтилъ Иванъ. На корягу напоролся... Удача: только подножку отодрало...

— Дѣйствительно, удача! сказала улыбаясь Елена.

— Тетка Анисья совсѣмъ было утопла... Лошадь завязила, телѣгу засосало... Еле-еле сама выдралась... Кабы не Топоринскіе ребята—лошади не вытащить-бы... Баба!.. Одна!.. И сама то чуть не утопла...

Елена посмотрѣла на меня и точно прочитала мои мысли.

— Начинаются деревенскія впечатлѣнія, добродушно сказала она.

Я не выдержала.

— Я не понимаю: какъ ты можетъ такъ къ этому относиться?

— То есть—какъ?

— Спокойно, добродушно... Точно такъ и должно быть.

— Не должно, а есть... И если ты поживешь въ деревнѣ съ моéй—ты такъ же будешь относиться...

— Недѣлями ждутъ пріѣзда барыни въ деревню и не могутъ въ чистомъ, неободранномъ экипажѣ встрѣтить... Вспомни, въ Германіи..

Елена торопливо перебила меня:

— Ксенія! Ты здѣсь забудь о Германіи, прочно забудь... Здѣсь непримѣнимы никакія европейскія мѣрки... И надо «принять» это, пока...

— Пока?

— Да!! Здѣсь на каждомъ шагу свое, и ты со своими европейскими параллелями только измучаешься...

Черезъ минуту, она опять заговорила, но уже спокойнѣе:

— Грязный экипажъ? Сколько я боролась хотя бы съ этимъ! Ты слышала—носильщикъ сказалъ, что онъ (Елена кивнула на кучера) два дня меня ждалъ на станціи... Кажется, имѣлъ время вымыть экипажъ... А не вымылъ...

— И ты промолчала! «Приняла»?

— Да! Приняла! Потому что знаю психологію мужика и знаю, что онъ мнѣ отвѣтитъ...

И вдругъ громко спросила:

— Иванъ! Два дня ты ждалъ на станціи... Почему же не вымылъ тарантасъ?

— Потому:—не стóитъ! Версты не проѣдемъ — сызнова обляпаемся... Одно времяпрепровожденіе...

Елена посмотрѣла на меня.

— Слышишь? И знаешь—это «не стóитъ» ты встрѣтишь на каждомъ шагу... И это одинъ изъ страшныхъ тормозовъ въ русской жизни...

Я вспомнила П. С. Его безпощадное отношеніе къ религіи, къ церкви и сказала:

— Можетъ быть, корень зла въ религіи? Жизнь—переходная ступень, только бы добраться до вѣчности... Не стоитъ совершенствовать ее, не стоитъ бороться... *Тамъ* воздастся за все...

— Нѣтъ! Это не въ религіи... Возьми сектантовъ; загробная жизнь имѣетъ для нихъ не меньшее значеніе, религіозность ихъ, ихъ Богъ еще ближе къ ихъ жизни, къ дому... И это ничему не мѣшаетъ... Ты увидишь, мы проѣдемъ черезъ ихъ деревню: чисто, зажиточно... Нѣтъ! Тутъ что-то другое: невытравимое...

Дорога отъ станціи версты двѣ-три вымощена. Но какъ вымощена?! Громадными, неровными булыжниками. Трясло насъ страшно. Когда мы свернули на узкую, мягкую дорогу—мнѣ уже это показалось чуть не счастьемъ.

— Какъ хорошо, мягко! не могла не замѣтить я.

Елена улыбнулась своей милой, кроткой улыбкой и сказала:

— Подожди хвалить...

Иванъ, все время сидѣвшій въ полъ оборота, точно для того, чтобы слушать барыню, подхватилъ.

— Это точно... Хвалить надо погодить!.. Это что?! Ишь какъ размыло!

Передъ нами дѣйствительно оказалась лужа—не лужа, а громадное пятно изъ жидкой грязи, оно взяло всю ширину дороги. Иванъ круто свернулъ направо и пустилъ лошадей поперекъ канавы, отдѣлявшей дорогу отъ поля. Тарантасъ ухнулъ внизъ, и выскочилъ на валъ. Наши ноги подскочили вверхъ, а головы закинулись назадъ. Все это произошло въ нѣсколько секундъ.

— Зачѣмъ же ты съ дороги съѣхалъ? спросила Елена. Увязнемъ здѣсь.

— А дорогой и вовсе невозможно... Мостъ снесло... Въ яму слетимъ.

— Того не доставало!

Мы поѣхали по какой-то шоколадной гущѣ. Иванъ подозрительно вглядывался въ даль, оборачивался назадъ, точно въ первый разъ очутился въ такомъ положеніи. И все время говорилъ себѣ подъ носъ.

— Ишь какъ размыло! Вотъ и хлебай тутъ... Ну ты! Фальшивая!

Елена, уже не обращая вниманія на дорогу, начала разсказывать мнѣ что-то. И только, когда насъ обдало цѣлымъ дождемъ холодныхъ брызгъ, она спросила:

— Это что же?

— У Топоринскаго мельника плотину прорвало... Все кругомъ и затопило... Прежде тутъ ручья и не замѣтишь бывало... Былъ мостъ только для разливовъ...

— Конечно, былъ мостъ! А гдѣ же онъ?

— Унесло, знать...

И онъ опять сталъ безпомощно озираться по сторонамъ. Вдругъ откуда-то сзади послышался голосъ:

— Правѣе забирай! Правѣе.

Иванъ, не колеблясь, повернулъ вправо; лошади зашлепали по водѣ, изъ подъ которой проглядывала трава. Очевидно, мы ѣхали лугомъ; не было никакого намека на дорогу. Налѣво блестѣла широкая гладь не то рѣки, не то озера. Мнѣ казалось что мы ѣхали безконечно вдоль ея, и будемъ ѣхать вѣчно. Вдругъ Иванъ повернулся и спросилъ:

— Барыня! Попробовать развѣ здѣсь переѣхать? А?

— Чудакъ!—сказала Елена. Не тебѣ меня спрашивать! Чего же ты такъ долго искалъ?

— Полагалъ, слѣдъ чей увижу...

— Какой же на водѣ слѣдъ? Бери налѣво... Неужели ручья не переѣдешъ?

— И очень просто!.. Вонъ тетка Анисья... Кабы не Топоринскіе ребята...

— Здѣсь, вѣроятно, мелко, замѣтила я. Трава изъ воды видна.

— Это осока! безнадежно замѣтилъ Иванъ. Можетъ и до сажени высоты быть...

Но вдругъ, точно что-то вспомнилъ и рѣшился на послѣднее средство, круто повернулъ налѣво, хватилъ кнутомъ по лѣвой пристяжной, потомъ по правой и закричалъ не своимъ голосомъ:

— Ну! Ну! Ну! Тащи! Тащи!

Лошади не ожидали этого, рванулись и, не задумываясь, бросились въ воду. Насъ опять обдало холодными брызгами. Одну минуту я буквально ничего не видѣла, кромѣ воды; въ ушахъ трещало отъ криковъ Ивана.

Лошади рванули и вынесли насъ почти на отвѣсный берегъ и опять наши ноги подскочили выше головы.

— Слава Тебѣ Господи! проговорилъ Иванъ.

Но сейчасъ же прибавилъ:

— Никакъ хомутина лопнула!! Ахъ ты напасть какая!!.

Онъ всталъ, оглядѣлъ хомутъ, досталъ изъ подъ подушки на козлахъ веревку и долго связывалъ и обвязывалъ что-то. И все говорилъ про себя:

— Ну и вода! Лѣтось какъ сухо было... Пахать-сѣять—ноги изломать надо было... А сегодня: поди-жъ ты!..

Меня злило его бормотаніе, а Елена спокойно улыбалась.

Двинулись дальше.

Въ лѣсу, въ одномъ мѣстѣ, я рѣшила выйти изъ экипажа, да, по петербургской привычкѣ, была безъ калошъ и должна была остаться. Дорога шла гигантскими ступенями и колеса

тарантаса не скатывались, а скакали съ одного уступа на другой. Тутъ и Елена не выдержала:

— Чертъ знаетъ что такое!

— Здѣсь всегда такъ? спросила я.

— Нѣтъ... Въ засуху отлично. Только тогда плачемъ, что урожая не будетъ... Въ нынѣшнемъ году весна была дѣйствительно исключительно мокрая.

Иванъ услыхалъ понятныя ему слова, обернулся къ намъ и заговорилъ.

— Залило, какъ-есть! И день льетъ, и ночь льетъ! У мельника все поснесло! Плачетъ! Да ничего не подѣлаешь! Съ Богомъ не поспоришь!

Онъ такъ увлекся разговоромъ, что и не видѣлъ, куда влѣзли лошади; когда замѣтилъ—было уже поздно: правые колеса стояли на высокомъ косогорѣ, а лѣвыя на одну секунду повисли въ воздухѣ и разомъ ткнулись въ канаву...

Когда я открыла глаза—я лежала недалеко отъ экипажа, а тетя—перелетѣвшая черезъ меня—стояла возлѣ меня и едва удерживалась отъ смѣха. Она подняла меня, обчистила и, наконецъ, сказала:

— Иванъ! Такъ нельзя! Нужно выбирать...

Иванъ сконфуженно молчалъ, и только, когда влѣзъ на козлы, замѣтилъ точно самому себѣ:

— «Выбирать»! Много выбирать—женатому не бывать!..

Въѣхали въ какую-то деревню. Избы въ два ряда, раздѣленные широкой улицей. Теперь это была сплошная грязь, жидкая, вонючая... Я начинала впадать въ уныніе, и меня раздражало равнодушіе Елены. Еще немного, и я расплакалась бы. Но за этой деревней верстахъ въ двухъ оказался Веселый Боръ.

Здѣсь я сразу успокоилась.

Чисто, красиво, уютно. И я ожила. Моя комната выходитъ въ цвѣтникъ. Сирень еще не отцвѣла и напоминаетъ мнѣ прогулки въ Петергофѣ... Ольгинъ островъ, весь закутанный въ бѣлую сирень... Бѣлая ночь, красивыя рѣчи П. С., его чарующій голосъ, его волнующій, упорный взглядъ.

Нѣтъ! Не надо! Не надо!

Прости, что я такъ долго остановилась на описаніи моего путешествія. Но я ничего подобнаго никогда не испытывала. А можетъ быть, это излишняя впечатлительность? Оно представляется мнѣ какимъ-то объясненіемъ чего-то... Вся русская деревенская жизнь точно связана вотъ съ такой дорогой, съ та-

кимъ Иваномъ, съ его философіей «не стóить»... Впрочемъ, я еще не разобралась... Многое совсѣмъ непонятно мнѣ.

А теперь---спать! За садомъ, по ту сторону рѣки, въ рощѣ, свищутъ соловьи. Какъ стараются! И никто ихъ не слушаетъ. Все кругомъ спитъ.

И я здѣсь ложусь по заграничному:—въ десять.

Жду отъ тебя письма и цѣлую.

К.

В. Боръ.
12 іюня.

Вчера я получила отъ него письмо, моя дорогая Ирина. Красивое, но странное... Точно пишетъ не мужъ наканунѣ развода, а влюбленный юноша... Я готова кричать, рыдать, а онъ рисуется тоскою и непонятостью... Когда я читала—я ненавидѣла его. Все въ немъ возмущало меня. Онъ—такъ же какъ ты—презираетъ деревню и считаетъ себя жителемъ другой планеты. Ты спрашиваешь: «что здѣсь непонятно мнѣ?» Все. Вы съ П. С. рѣшили, что мужикъ грубъ, лѣнивъ, плутъ, и вамъ все понятно. И я еще такъ недавно думала, какъ вы. А теперь все мнѣ кажется гораздо сложнѣе и глубже. И я страдаю, что мнѣ никогда не понять... Не понять того, *чѣмъ* живутъ эти милліоны людей, такихъ далекихъ намъ, но своихъ... Какъ тебѣ объяснить это? Не поймешь или испугаешься. Вонъ П. С. уже испугался... Умоляетъ меня пріѣхать къ нему «на высокую гору, безъ людей, безъ житейской пошлости, гдѣ ничто не будетъ ему мѣшать любоваться ржавыми волнами моихъ волосъ, больнымъ рисункомъ моихъ рукъ»... Пока же ѣдетъ въ Маріенбадъ... похудѣть. Его міропониманіе требуетъ удлиненныхъ линій, провалившихся щекъ, большихъ глазъ... А самъ онъ все полнѣетъ, глаза заплываютъ, а румянецъ доводитъ его до отчаянія.

Я такъ обрадовалась, когда увидѣла его почеркъ! Не буду лгать: я давно ждала его и горевала, что и его рѣшеніе непреклонно...

Принесли почту. Я издали уже увидала длинныя узкія буквы на конвертѣ, и у меня въ глазахъ потемнѣло... Прочла и... пожалѣла, что распечатала письмо. Лучше бы спрятать и думать, что тамъ что-то... настоящее.

Но довольно. Не буду; больше не буду говорить о немъ...

Ты спрашиваешь, что можетъ быть загодочнаго и непонятнаго въ русской деревнѣ, «такой примитивной и убогой». Еще

мѣсяцъ тому назадъ, я сама задала бы этотъ вопросъ. Когда я ѣхала сюда, мнѣ казалось, что я отлично знаю русскій народъ и умѣю говорить съ мужикомъ... О выручкѣ, о дороговизнѣ сѣна, о цѣнѣ на овесъ... Все то, о чемъ всѣ мы говоримъ съ извощиками. И вдругъ здѣсь — не знаю, не умѣю говорить, не понимаю ни психики, ни языка, стою передъ нимъ чужая, ненужная... Вчера Елена позволила мнѣ помогать ей при пріемѣ больныхъ.

Баба, самая обыкновенная, такъ всѣмъ намъ знакомая баба... Показываетъ на ногу и шепчетъ Еленѣ, кивая на меня:

— Замужняя?

— Да... Не бойся! Говори...

— Наслано на меня... Измаяли «они»...

Елена укоризненно качаетъ головой.

— Вѣрно, барыня, вѣрно... Это «они», «лихіе»... Какъ начнутъ вертѣть! Вотъ вертютъ... Вотъ вертютъ... Потомъ угунетъ... Опамятуюсь... А больше не въ сутерпъ... Выгони ты ихъ, родимая! Какъ ты нашей-то бабочкѣ помогла... И коло меня похлопочи...

Елена безмолвно подала мнѣ какой-то порошокъ и велѣла развести въ бутылкѣ чистой воды. Когда я принесла ее, — баба сидѣла съ разутой ногой, а Елена приготовляла все для согрѣвающаго компресса: полотно, клеенку, фланель... Она привычнымъ движеніемъ промыла бабѣ отвратительную, сѣрую рану и положила компрессъ, я едва-едва выдержала...

Баба съ умиленіемъ смотрѣла, какъ барыня внимательно и осторожно возилась съ ея ногой, и все время шептала непонятныя для меня слова:

— У Кузьминской дьячихи въ плечо отрыгнуло... Чего не дѣлала? Коровьимъ обкладывала... Водосвятіемъ смачивала... Къ бабкѣ за сорокъ верстъ отговариваться ѣздила... Въ концѣ концовъ выпотрошили плечо-то...

Потомъ вдругъ заплакала и стала причитать:

— А тутъ сѣнокосъ... Мужикъ нешто разбираетъ? Выходи съ косою... Поспѣвай за міромъ... Я замѣчаю въ себѣ ужъ давно, что прытко больна, а сказать-то не смѣю... Немощую, да немощую, а молчу... Похлопочи, барыня, не въ сутерпъ болѣ...

Елена пять разъ повторила, какъ она должна дома мѣнять компрессъ, дала съ собою борной воды, чистаго полотна и приказала придти черезъ недѣлю.

— Какая гадость! воскликнула я, когда баба ушла.

— Да, непріятно, просто отвѣтила Елена.

— А ты возишься...

— Что же дѣлать? Докторъ—далеко. Да отчего же не помочь, если такъ легко помочь... Они каждый нарывъ считаютъ напущенной порчей... Думаютъ, что это «лихіе» какіе-то забираются въ кровь... Боятся даже называть «ихъ», а при дѣвушкахъ говорить о нихъ — раздражать «ихъ». Ты слышала, какъ осторожно она говорила? Точно открывала какую-то позорную тайну.

Другая баба жаловалась, что «неспособна животомъ».

— Подкатится сюда, словно пирогъ, скажи! И яды пріятной нѣтъ.

А дальше я ничего не поняла.

Елена какъ-то сказала мнѣ:

— Нельзя знать patois всей Россіи... Что ни губернія—то свои слова. Вонъ у Тургенева къ «Запискамъ охотника» приложенъ цѣлый словарь Орловскихъ словъ. Кто у васъ въ Петербургѣ пойметъ что такое «сугибель»? А въ нашей губерніи своихъ словъ, кажется, еще больше, чѣмъ въ Орловской... Привыкнешь—все поймешь...

Нѣтъ! Я никогда не привыкну. Этотъ чужой языкъ дѣлаетъ мнѣ чужой и эту бабу, страдающую отъ «лихихъ», и мужиковъ, которые вчера приходили просить Елену отдать имъ «угоду», и дѣтей съ ихъ непонятными словами. Онъ ставитъ какую-то стѣну между мною и ими. Какъ у тебя или у П. С. мнѣ понятны и близки всѣ извилины души и изъ одного слова ясна вся психологія—такъ здѣсь мнѣ все чужое... Напримѣръ—пѣсни!! Соберутся молодые, сильные, полные жизни люди и тянутъ унылую, безконечную пѣсню... Ходятъ кругомъ, взявшись за руки, и тянутъ, и тянутъ и кажется нѣтъ конца ихъ безнадежной грусти... Поютъ: «Прибѣжали въ избу дѣти, второпяхъ зовутъ отца: Тятя! тятя! наши сѣти притащили мертвеца»... и выдѣлываютъ какія то фигуры, встрѣчаются, кружатся... Лица каменныя... Ничего не прочесть въ нихъ... Тебѣ и П. С. это понятно?..

А дѣти?! Вся жизнь якобы направлена къ продолженію рода, всѣ лишенія претерпѣваются ради дѣтей. Только и слышно:

— Кабы не ребятишки, стали бы мы эдакъ?

— Только бы дѣтей на ноги поставить...

А рядомъ съ этимъ—полное равнодушіе къ ребенку... Даже больше: часто дѣти обуза, «связа»... Такъ страшно слышать, когда говорятъ: «Прибралъ бы Господь! Освободилъ-бы меня»... Помнишь, какъ Мери сходила съума, когда у нея умерла Бэбочка?.. А здѣсь—смерть ребенка счастье!

И такія противорѣчія—кругомъ: просторъ, громадное небо,

безконечное поле,—у человѣка тѣсно, разойгись негдѣ. Солнце слѣпитъ глаза. У человѣка темно, сѣро... Воздухъ такой ясный, душистый—пей его; у человѣка въ жильѣ дышать нечѣмъ, вонь, грязь... Поютъ птицы, шепчутся насѣкомыя, воздухъ звенитъ отъ жизни и счастья... Деревня охаетъ, стонетъ, ругается...

Такое же противорѣчіе и во мнѣ самой: хочется любить, и презираю; хочется понять, сговориться... Не умѣю... Иногда, готова на жертву... Не вижу ради чего? ради кого?

К.

Веселый Боръ.
24 іюня.

Дорогая Ирина!

Если бы не наша давняя дружба,—я разсердилась бы на тебя за твое письмо. Елена видѣла, какъ я была взволнована и огорчена, когда прочитала его, и—какъ всегда внимательная и ласковая—спросила:

— Что-нибудь непріятное?

Я прочитала нѣсколько твоихъ строкъ. Елена спокойно сказала:

— Вотъ отчего я въ петербургскомъ такъ называемомъ «обществѣ» никогда не говорю о деревнѣ. Знаю, что даже въ хорошихъ людяхъ встрѣчу снисходительную насмѣшку, въ лучшемъ случаѣ непониманіе... А твоя Ирина откровенно въ ужасъ пришла...

Она добродушно разсмѣялась и прибавила:

— И не думай, что только ты, или Ирина, окончившія гимназію барыни не знаете деревню... Нѣтъ... Я встрѣчала учителей, адвокатовъ, докторовъ, которые разсуждали точно также... Всю жизнь не выѣзжали дальше Парголова и мужика видѣли только на козлахъ, одѣтаго въ синій кафтанъ и условную, безобразную шляпу... Деревню знаютъ или баре, или спеціальная интеллигенція... И надо принять разъ навсегда: русская столица и русская деревня—двѣ разныя планеты!

Дѣйствительно, разныя! Мнѣ никогда въ голову не приходило, до чего разныя! Вотъ двѣ женщины: ты и Абрамиха!.. Ну, что общаго? Ни въ одеждѣ, ни въ языкѣ, ни въ жизни, ни въ чемъ... Вчера я встрѣтила ее—Абрамиху; она шла за телѣгой съ навозомъ, въ громадныхъ мужскихъ сапогахъ, въ рваной юбкѣ до колѣнъ, съ вилами на плечѣ... И вспомнила тебя, утонченную, изящную, съ твоими исканіями и презрѣ-

ніемъ... Или П. С. и какой-нибудь дядя Сипатъ... Опять я о немъ! Не надо!

Кстати хочется разсказать тебѣ про этого Сипата. Пришелъ онъ какъ-то къ Еленѣ поговорить о покосѣ. Я тихо спросила:

— Что это за имя Сипатъ?

Елена отвѣтила:

— Сосипатръ, вѣроятно...

Мужикъ услышалъ и точно обидѣлся:

— Нѣтъ, Сипатъ я...

— Да такого святого нѣтъ...

— Это намъ неизвѣстно, только я Сипатъ...

Елена разсмѣялась. А когда мужикъ ушелъ, сказала мнѣ:

— Прошлаго года у насъ тутъ изъ-за такого вольнаго отношенія къ имени переполохъ вышелъ. Въ сосѣдней деревнѣ умеръ старикъ. Одинокій. Звали его Илюшкой... И я знала его за Илью Миронова... А послѣ смерти, какъ дошло дѣло до наслѣдства онъ, по бумагамъ, оказался Константиномъ... Наслѣдники ко мнѣ... Научи, какъ быть. Я послала за священникомъ. Онъ отвѣтилъ, что съ тѣхъ поръ какъ въ приходѣ—зналъ покойнаго, какъ Илью... И каждый годъ послѣ исповѣди его записывалъ Ильей Мироновымъ... Кто произвелъ его изъ Константина въ Илью, не знаетъ... А въ метрикахъ справляться, когда знаешь человѣка,—не приходило въ голову...

Опять я тебѣ надоѣдаю съ деревенскими впечатлѣніями; забыла твои насмѣшки надъ моимъ «увлеченіемъ» деревней... Нѣтъ! Я, къ сожалѣнію, не могу увлечься ею... Пишу тебѣ подъ впечатлѣніемъ минуты и всю правду. Какъ всегда и во всемъ. И чувствую, что у насъ шансы не равны; ты точно что-то скрываешь отъ меня... Напримѣръ, ты пишешь, что П. С. *говорилъ* съ тобою обо мнѣ... Развѣ онъ въ Киссингенѣ? Ты ничего не упоминаешь объ этомъ... Впрочемъ, мнѣ все равно.

Ты просишь меня писать о себѣ, говоришь, что для тебя я «сама по себѣ» интереснѣе «десятковъ миллионовъ дикарей»... Но что мнѣ писать о себѣ? Похудѣла ли? Не знаю! Не взвѣшиваюсь, какъ ты и П. С. Загорѣла? Кажется, но меня это уже не волнуетъ. Ты пишешь, что П. С. боится, что я потеряю «рѣдкій даръ боговъ, овалъ ногтей, который не создастъ никакой manicure въ мірѣ»... Успокой его; деревня не вліяетъ на мои привычки и я по прежнему астикирую ногти, и они блестятъ не меньше, чѣмъ у него... Только писать объ этомъ скучно.

Читаю очень много; почти все то, что П. С. далъ мнѣ на

лѣто,—уже прочтено (времени свободнаго здѣсь такъ много, никто не мѣшаетъ!). Признаюсь: многое показалось ненужнымъ кривляніемъ. Но я преодолѣла. Можетъ быть, и не по одной привычкѣ, а по какой то обязанности быть au courant всего новаго. Ты скажешь: для словесныхъ упражненій въ кружкѣ П. С.— Не знаю... Много я передумала здѣсь объ этомъ, и въ концѣ концовъ... Впрочемъ, не все ли тебѣ равно?

Твоя К.

Веселый Боръ.
12 Іюля.

Нѣтъ, дорогая моя. Я не сержусь на тебя. Мнѣ просто не писалось. Я не могла найти тона. Не могу солгать тебѣ: меня огорчило, что ты ничего не написала мнѣ о томъ, что П. С. былъ у тебя, хотя бы и проѣздомъ. Не думай, что я ревную... Нѣтъ. Въ этомъ отношеніи—все кончено, и тѣ фразы твоего письма, гдѣ ты приводишь мнѣ его тоску по нашимъ чуднымъ вечерамъ («смѣна лазури ночнымъ бездоннымъ куполомъ съ далекими звѣздами»...), меня оставили холодной... Не знаю, почему... Хочется совсѣмъ другого, искренняго, непосредственнаго... Не вѣрю я ему. Вотъ почему, можетъ быть, ты и права, что я бѣжала отъ него, отъ себя. Не бойся; деревней я не увлекусь, опять таки потому, что ничего не понимаю... Когда Елена, волнуясь, говоритъ мнѣ о среднемъ количествѣ надѣльной и купчей земли на душу—я дѣлаю оживленное лицо и стараюсь слушать ее... Но не слышу; т. е. слышу, но дальше ушей это не идетъ, не волнуетъ, даже не интересуетъ... И такъ иногда сдѣлается скучно, скучно жить...

«Ils se virent, s'aimèrent, se le dirent, se le jurèrent», начинаетъ онъ свое письмо... Все написано въ третьемъ лицѣ, испещрено цитатами и кончается призывомъ: «въ бѣлизнѣ снѣжныхъ вершинъ, въ нѣмой тишинѣ, подъ просторомъ синихъ небесъ— забыть то, что люди зовутъ жизнью: скорбь, уродство, нищету, убожество умственное»... Во мнѣ всколыхнулось желаніе сейчасъ же летѣть... Но дальше было сказано: «все то, чѣмъ вы теперь окружены: «неспособныя животомъ» бабы, добродѣтельныя до ужаса дамы и т. д.» Я поняла, что ты ему показываешь мои письма, и, можетъ быть, вы вмѣстѣ смѣетесь надъ моимъ увлеченіемъ деревней и... ничего не отвѣтила ему.

Не могу дописать этого письма. Мысль бьется безпокойно и трепетно, желанія расплываются, все жду чего-то. А кругомъ идетъ своя жизнь, бодрая, простая, но тяжкая.

Ирина! Дорогая моя! Напиши мнѣ всю правду о себѣ.

К.

Веселый Боръ.
22 Іюля.

Опять, моя милая Ирина! Опять я вижу ее и вѣрю ей. Прости за подозрѣнія. Я такъ много видѣла хитростей и ненужной лжи, что готова была заподозрѣть и тебя, моего лучшаго друга. Вѣдь сколько разъ, послѣ самыхъ искреннихъ увѣреній, что дороже меня нѣтъ никого на свѣтѣ,—П. С. ѣхалъ къ другой женщинѣ, и я только случайно узнавала объ этотъ. А ты—такая красавица, и онъ не можетъ не знать, что ты восхищаешься имъ. Я первая ему передавала это...

А вѣдь и тебѣ знакомо чувство ревности, значитъ ты можешь понять и простить меня. Ты пишешь, что ревнуешь меня къ тетѣ Еленѣ!! Я обрадовалась. Ревнуешь—значитъ любишь. Но въ данномъ случаѣ ревности не можетъ быть. Я очень привязалась къ Еленѣ, почти преклоняюсь передъ ней; да, преклоняюсь. Какъ-то, на дняхъ, въ тихій кроткій вечеръ, она разсказала мнѣ всю свою жизнь. Я знала, что она бросила мужа—красавца, уѣхала съ Львовымъ за границу, а потомъ жила много лѣтъ безвыѣздно въ деревнѣ... Вотъ все, что я знала. Только факты. Меня даже не интересовало, что было за этими фактами: мало-ли женъ кругомъ насъ побросали мужей, а мужья женъ! И только теперь я увидѣла, какая страшная работа совѣсти пережита Еленой. Вѣдь она любила Львова, когда уѣхала отъ него... Моя мать, двоюродная сестра Елены—помню—возмущалась ея нелѣпой «выходкой», и у насъ въ семьѣ она такъ и осталась чудихой... А теперь, сидя на ступенькѣ террасы, у ея ногъ я слушала ее и въ первый разъ увидала ее.

Она услыхала отъ любимаго человѣка насмѣшливый упрекъ:

«Если бы я видѣлъ не на словахъ, а на дѣлѣ твои альтруистическія стремленія—я бы не смѣялся надъ тобою»...

Она сейчасъ же уѣхала отъ него изъ Италіи, и оставила ему письмо, гдѣ говорила, что ѣдетъ въ Россію, чтобы найти примиреніе слова съ дѣломъ, примиреніе со своей совѣстью. И уѣхала.

— Не раскаивалась? Осторожно спросила я ее.

Елена долго смотрѣла наверхъ, въ далекое, холодное небо съ серебряными звѣздами и, наконецъ, опять заговорила:

— Нѣтъ! Ни минуты! Тосковала—да! Плакала, ждала... Все ждала: пріѣдетъ Дмитрій, вернется счастье. Онъ тоже ждалъ, что я пріѣду, не вѣрилъ мнѣ... Писалъ красивыя письма о своихъ страданіяхъ, о своихъ слезахъ, о своей мечтѣ—вернуть меня... И только когда я сообщила ему, что у меня родился ребенокъ, онъ написалъ не о себѣ... И сейчасъ же выѣхалъ изъ Рима. Это были, конечно, самые счастливые дни моей жизни. Безумно счастливые! Не думай, что во мнѣ говорила радость побѣды... Нѣтъ! Я увидала, что онъ «повѣрилъ мнѣ»... А главное—Лева! Теперь насъ соединялъ еще больше сынъ. И я ждала! Считала часы, когда онъ пріѣдетъ...

Елена замолчала. Я не смѣла разспрашивать; въ ея молчаніи чуялось что то страшное.

— Онъ оступился, выходя изъ вагона во Флоренціи... Хотѣлъ между поѣздами, передъ отъѣздомъ изъ Италіи, еще разъ взглянуть на своихъ любимцевъ въ Uffizzi... Торопился... Попалъ ногою между подножкой и платформой. А поѣздъ еще не остановился... Пришлось сдѣлать операцію... Не знаю подробностей... Умеръ одинъ, въ госпиталѣ. Совсѣмъ одинъ! Дали знать черезъ консула роднымъ. Никто не пріѣхалъ... Я узнала чуть не черезъ мѣсяцъ... Знаешь—какъ всегда въ такихъ случаяхъ: самые близкіе становятся самыми дальними...

Она проговорила все это такъ просто, что мнѣ стало жутко. Именно отъ этой простоты—жутко. Воображаю насъ съ тобою на ея мѣстѣ!

И вдругъ я поняла ее, поняла всю: и ея трепетную любовь къ сыну, и ея служеніе деревнѣ (служеніе,—другого слова я не могу найти), и снѣжно-сѣдыя пряди волосъ, которыя мнѣ всегда такъ нравились у нея.

Только, пожалуйста, не повторяй, что она рисуется. Нисколько. Въ каждой изъ насъ гораздо больше рисовки, чѣмъ въ ней. Ни пошлой морали, ни строгихъ требованій къ другимъ, ни осужденія—ничего. Живетъ такъ, какъ считаетъ долгомъ (она говоритъ «лучшимъ») жить *сама*. Никому, ничего не навязываетъ... Не желаетъ никого учить... Когда послѣ одного твоего письма, я рѣшила не возвращаться въ Петербургъ,—я совсѣмъ растерялась: что дѣлать? Гдѣ, какъ жить? Елена сейчасъ-же чуетъ, когда она нужна кому нибудь.

— Опять затосковала? спросила она.

Я чуть не разсказала ей про мои сомнѣнія и невольно спросила ее: какъ надо жить, чтобы не мучиться, не тосковать, не терять день за днемъ, годъ за годомъ...

— Готовое платье всегда неудобно, сказала она.

— Что это значитъ?

— Каждый долженъ кроить свое счастье по собственной мѣркѣ. Создай себѣ *свою* жизнь... Сознай, куда тебя тянетъ, и иди.

Она подошла ко мнѣ и такъ тепло, такъ хорошо поцѣловала меня въ голову, что мнѣ показалось:—она понимаетъ, что мучаетъ меня.

— Одно скажу: не давай себя, а главное своей души отлить въ общую форму утвержденнаго «обществомъ» образца... Ихъ отливаютъ тысячами: главное требованіе ея, чтобы жить, думать, быть—«какъ всѣ»...

Мнѣ вспомнился П. С. Онъ говоритъ тоже самое, но другими словами, а самъ живетъ, какъ всѣ. И кончитъ тѣмъ, что женится на другой и, «какъ всѣ», устроитъ собственное гнѣздышко.

Пожалуйста, не думай, что я сержусь на П. С. и потому говорю такъ. Нѣтъ. Я стала какъ-то удивительно объективно относиться къ нему. И злюсь на него меньше, чѣмъ когда вижу его. При тебѣ же у насъ была сцена изъ за вопроса о семьѣ... Помнишь—онъ сказалъ, что «счастливый» бракъ—патентъ на буржуазную ограниченность, тупоуміе и бѣдность натуры. Я возразила ему:

— Для тѣхъ, кто отъ любимой женщины ждетъ только моментовъ, кто вмѣсто любви ищетъ только наслажденія.

Онъ засмѣялся и почтительно-нѣжно поцѣловалъ мою руку.

Посмотри, дорогая Ирина, какъ онъ все осложняетъ, какъ запутываетъ все кругомъ себя. Онъ любитъ меня (иначе зачѣмъ бы ему жениться на мнѣ—безприданницѣ?), а мучаетъ ревностью; онъ ищетъ моего общества, но принциціально никуда не ѣздитъ со мною, у него свои знакомства, у меня—свои... Онъ страшно боится, чтобы его не приняли за вѣрнаго мужа—добраго буржуа, и на такія мелочи тратитъ свои силы... А я не живу, а мучаюсь, сержусь, подозрѣваю, не сплю, дошла до неврастеніи. Только здѣсь я поняла, какъ устала душевно и физически отъ какихъ-то жизненныхъ пустяковъ, на которые уходитъ жизнь!.. И теперь—бываютъ дни, когда я сознаю, что какъ-то ничего уже не хочу, не могу ничего добиваться и чувствую лишь

одно: устала! Желаю остаться здѣсь какъ можно дольше, можетъ быть навсегда.

К.

В. Боръ.
1 августа.

Опять я вижу за твоей рукой—скептическую усмѣшку П. С. и его цитаты... Почему въ твоемъ письмѣ появились и «мирный шумъ дубравъ», и «тишина полей», и «праздность вольная—подруга размышленья»?.. А главное этотъ тонъ снисходительной насмѣшки. Это на тебя не похоже, Ирина. Напиши мнѣ сейчасъ только отвѣтъ на такой мой вопросъ: *гдѣ* П. С.? Если вы вмѣстѣ, въ Гомбургѣ—напиши, *почему* ты скрываешь это отъ меня.

Ты понимаешь, *какъ* мнѣ важно это знать.

К.

В. Боръ.
8 августа.

Не обижайся, мой дорогой другъ. Пойми меня. Да! Я не скрываю. Я бѣжала сюда отъ моей ненужной любви. Я ухватилась за приглашеніе Елены, чтобы перемѣнить впечатлѣнія, забыть. Но малѣйшее подозрѣніе такъ мучаетъ меня, что я вижу: —не прикажешь себѣ забыть и отъ себя не убѣжишь.

Ты оскорблена подозрѣніемъ моимъ. Ты только «утѣшаешь» обиженнаго. Хочу вѣрить, буду вѣрить, пока...

Нѣтъ, я не могу здѣсь остаться навсегда. И ты права, что не вѣришь мнѣ, когда я говорю такъ. Елена разсмѣялась, когда я сказала ей это.

— Развѣ можно существовать безъ воздуха? спросила она. А твой воздухъ...

Она не договорила и добродушно расхохоталась. Я, конечно, не могла внутренно не согласиться съ нею. Съ каждымъ днемъ, проведеннымъ здѣсь, я все больше и больше убѣждаюсь, до чего мы всѣ чужіе деревнѣ, и до чего она чужда, даже враждебна намъ.

Елена можетъ жить здѣсь, она вѣритъ во что-то, она любитъ мужиковъ, а главное, умѣетъ ихъ прощать... А я не умѣю. Меня раздражаетъ, что они врутъ, что они хотятъ одурачить барыню, и ни на секунду не забываютъ о своей выгодѣ. Вѣдь

это гадость. Вчера напримѣръ пришелъ мужикъ, вызвалъ Елену на крыльцо.

— Я къ вашей милости, барыня.

— Что скажешь, Савелій.

— Дозвольте мнѣ, кругъ вашего овса... Обочины значитъ... обкосить... Сѣнца у меня не хватаетъ на зиму.

— Обкоси! Только кругомъ! На межахъ не коси! Межи узкія, уже размаха косы.

— Какъ не уже?! Конечно уже! Рази можно?! Ну, спасибо!

И ушелъ. А сегодня приходитъ Иванъ и докладываетъ, что Савелій выкосилъ всѣ межи и захватилъ овесъ... Елена тихо сказала:

— Я поговорю съ нимъ.

И только! Я вскипѣла, стала бранить деревню, а она спокойно возразила мнѣ:—я тебѣ приведу тысячи такихъ же примѣровъ изъ городской жизни.

И сейчасъ же стала говорить съ бабами, пришедшими къ ней на счетъ «отрубовъ... Тебя это не интересуетъ? Меня тоже. Я и до сихъ поръ не могу разобраться, какая разница между «отрубиться» и «выйти на хуторъ», хотя чуть не каждый день слышу разговоры объ этомъ.

Уже на слѣдующій день по нашемъ пріѣздѣ, къ Еленѣ пришла вся деревня — мужики и бабы—и я въ первый разъ тутъ услышала объ отрубахъ (конечно, ничего не поняла).

— Ужъ мы тебя ждали, барыня, вотъ ждали! сказалъ вышедшій впередъ старикъ. Не дай въ обиду!

— Въ чемъ дѣло? спросила Елена.

— Къ Королевскимъ землемѣръ пріѣхалъ... Никакъ къ намъ подбирается,.. Кому сто, а кому и полтораста на выстройку даютъ. Въ Королевѣ три двора ужъ откололись... А намъ никакъ невозможно... У Королевскихъ такой надѣлъ, а у насъ эдакой... Они споконъ вѣку казенные были, а мы барскіе... Насъ не сравнять...

— Да развѣ васъ трогаютъ?

— Сейчасъ, вишь, на сходкѣ разговоръ былъ... Послѣдній годъ, значитъ, такъ живемъ, по старому... А ужъ съ зимняго Миколы пойдетъ по новому... Синодъ, вишь, требуетъ... А намъ никакъ невозможно...

Елена говорила съ ними такъ горячо, точно дѣло шло объ ея личномъ счастьѣ. Она съ полъ-слова понимала мужиковъ и, волнуясь вмѣстѣ съ ними, находила нужныя имъ слова.

И на другой, и на слѣдующіе дни приходили крестьяне все съ тѣми же разговорами.

Каждый пріѣздъ земскаго въ волость пугаетъ ихъ, и они идутъ къ Еленѣ:

— Отхлопочи, барыня!

— Поусердствуй! Не дай въ обиду!

— Вонъ у меня обои сыновья выдѣлены... Снохи не ужились, ругались, ругались, ну и отдѣлились... Намъ душу, имъ по полъ-души... Какъ тутъ сообразиться?

— Чего ужъ тутъ? На полъ-душѣ нешто возможно?!

— И колодезь вырой, и угоду предоставь... И ночное... Все таки и коровенка, и лошадка—все обзаведеніе...

— Одно слово зарѣзъ...

Сегодня опять пришли бабы.

— У Королевскаго-то отрубника корова было удавилась! Пра-аво! На веревкѣ паслась, за ракиту привязана... И нянька была къ ней приставлена: сирота престарѣлая, живетъ у него изъ милости... Она пригрѣлась на солнышкѣ-то, возьми, да усни! А корова-то вертѣлась, вертѣлась кругъ ракиты да и затянулась... Еще бы одинъ секунтъ—и духъ вонъ!.. Какъ же тутъ быть?

Елена понимаетъ, о чемъ ихъ печаль, и съ необычайнымъ терпѣніемъ повторяетъ имъ то, что говоритъ и мужикамъ: твердо держаться міра, а насильно ихъ никто отрубать не станетъ.

Бабы вѣрятъ, но все таки повторяютъ свое.

— Какъ же тутъ быть-то? Отъ бездорожья помрешь... Вонъ Королево постановило на сходѣ — не давать проѣзду по своей землѣ... Все кругомъ пораспахали, позасѣяли—ни проходу, ни проѣзду... Вотъ-те и помѣщики!..

Вдругъ одна баба ни съ того, ни съ сего говоритъ:

— Вонъ дядя Матвѣй на сходкѣ сказывалъ: соломенку и малое дитё сломить можетъ, а подикось — сломай снопъ!.. Напляшешься!

Елена пользуется этимъ, чтобы просто и понятно объяснить бабамъ:—держаться крѣпко міра!

И какъ ей не надоѣстъ?

Ты видишь меня среди этого? Мнѣ также все равно: отруба, община, хутора — какъ и тебѣ, какъ и всѣмъ намъ въ Петербургѣ.

Елена было пробовала убѣждать меня:

— Вѣдь дѣло идетъ о 90 процентахъ населенія Россіи... Ты только прими это къ сердцу...

Именно къ сердцу-то это и не доходитъ... «Мнѣ все

равно». Вотъ что ужасно, и вотъ почему я не имѣю «права» жить въ деревнѣ, какъ говоритъ Елена. Сначала я обижалась, когда она говорила такъ. Но сама съ собою, или въ письмахъ къ тебѣ — не могу не сознаться: да! Я не имѣю права жить здѣсь. Оставаться дачницей стыдно, скучно. Слиться съ деревней не могу.

Вѣдь это ужасно, дорогая моя Ирина. Ужасно! Быть такой чуждой у себя, дома. И не въ томъ ужасъ, что я—Ксенія Николаевна Кременская, петербургская дама, разведенная жена оберъ-секретаря Сената—такая чуждая своей родинѣ. И этотъ оберъ-секретарь, и ты, и твой мужъ, и всѣ, всѣ кругомъ насъ — всѣ такіе же чужіе, непонимающіе, нелюбящіе, невѣрящіе. Именно невѣрящіе. Я убѣдилась, что надо вѣрить. Вотъ какъ Елена. Она вѣритъ! Не идеализируетъ мужика, не подлаживается къ нему, вѣритъ... И живетъ такъ, какъ считаетъ нужнымъ жить. Устаетъ, волнуется и чего-то добивается... Добилась, напримѣръ, что о знахаркахъ въ этой мѣстности и заикнуться не смѣютъ. А еще, не очень давно, всѣ болѣзни—особенно дѣтей—лѣчили знахарствомъ... Отъ «грызи»—ставили горшокъ съ мышью на животъ, чтобы выгрызла грызь!.. Отъ «собачьей старости»—привязывали ребенка и щенка къ деревянной лопатѣ, всовывали въ протопленную печь и перегоняли болѣзнь изъ ребенка въ собаку!.. «Какой ужасъ!», воскликнулъ бы брезгливо П. С.

И дѣйствительно—ужасъ! Хочется сейчасъ же бѣжать куда-нибудь отъ этого мрака, отъ этого уродства.

— И бѣги, милая!—ласково сказала мнѣ тетя Елена послѣ одного изъ нашихъ разговоровъ. — Очевидно, тебѣ не понять...

Это было по поводу сходки. Я знаю, когда въ деревнѣ бьютъ въ чугунную доску — значитъ созывается сходка, и меня всегда интересуетъ, по какому случаю: набѣжала, напримѣръ, туча, нужно собирать въ копны — копнить — мірское сѣно... И черезъ десять минутъ вся деревня съ граблями бѣжитъ на сѣнокосъ. Никто и не подумаетъ ослушаться!

На-дняхъ мы съ Еленой сидѣли на террасѣ, я работала, она читала мнѣ Данте (ея любимая книга).

Съ деревни донесся стукъ въ доску.

— По какому случаю?—спросила я.

— Вѣроятно, сѣно свозить съ луговъ.

А деревенская дѣвочка, стоявшая тутъ же съ лукошкомъ земляники, поправила:

— Нѣтъ! Хотятъ завтра праздникъ дѣлать.

— Какой праздникъ? Завтра нѣтъ праздника.

— Вишь: Боголюбивую носить будутъ по деревнямъ... Нашимъ работать и не хотца...

Я только взглянула на Елену. Она поняла.

Когда дѣвочка ушла, я сказала:

— Развѣ это не возмутительно? Сѣно будетъ лежать на лугахъ, могутъ начаться дожди, а они праздникъ дѣлаютъ... И никто не будетъ работать?

— Если сходка рѣшитъ—никто не будетъ!

— Какое рабство! И добровольное... Хуже всѣхъ видовъ рабства! Безсмысленно!

Елена горячо заговорила:

— Безсмысленно для тебя! Потому что *ты* не видишь смысла въ этомъ складѣ жизни, а главное, не чувствуешь того «разума», который управляетъ ею... Все равно какъ тебѣ не виденъ, не понятенъ разумъ улья...

— Тамъ, у пчелъ, хоть яркое, непреклонное стремленіе къ улучшенію вида... И все: личная свобода, личное счастье приносится въ жертву этому... А здѣсь?! И этого не видно!

— У пчелъ не одно стремленіе къ улучшенію вида... У нихъ своя строгая, высшая мораль.

— Пчелиная мораль намъ не указъ. Тамъ личность приносится въ жертву обществу... Человѣкъ же долженъ стремиться къ личной свободѣ, личнымъ правамъ, личному счастью...

— А вспомни исторію: по мѣрѣ того, какъ совершенствуются формы общественности — личная жизнь должна ограничиваться. Посмотри эволюцію въ томъ же пчелиномъ царствѣ... Первобытное существованіе какого-нибудь прозописа, одинокого бѣдняка, переходитъ въ небольшую семью ежегодно погибающаго шмеля. Шмели—наши людоѣды. У нихъ еще нѣтъ понятія ни объ общественныхъ обязанностяхъ, ни о самопожертвованіи. Ихъ работницы признаютъ любовь, а уже пчела-работница даетъ обѣтъ цѣломудрія — высшую жертву для всякаго живого существа... Ты не хочешь пойти со мной на пчельникъ... А это очень интересно и поучительно!

— Я боюсь!

— Чего?

— Боюсь, что пчела ужалитъ.

Елена разсмѣялась.

— Городскіе жители думаютъ, что каждая пчела существуетъ на свѣтѣ для того, чтобы ихъ жалить. Да она только защищается или мститъ. Пчела слишкомъ умна и разсчетлива,

чтобы тратить свои силы даромъ... Это все ваши городскіе предразсудки... Такъ и относительно крестьянской жизни...

— Мнѣ никогда не понять!

— Если не поймешь — жизнь въ деревнѣ будетъ сплошнымъ страданіемъ. Въ лучшемъ случаѣ прозябаніемъ. А надо жить, Ксенія. Надо жить... И бѣги отсюда!

Бѣжать? Куда? Зачѣмъ? Не знаю... Гимназія, курсы, нелѣпое замужество, пустая любовь... И вдругъ какое-то душевное банкротство. Чужая! Я это чувствую здѣсь на просторѣ, въ тиши, вдали отъ всего, что такъ или иначе напоминаетъ жизнь въ Петербургѣ. Чужая всему, что не любовь... Оборвалась эта нелѣпая ниточка, и я ничѣмъ, ни къ чему не привязана.

Я искренно хотѣла понять, полюбить деревню... Не умѣю. Сознаю, что пришла сюда безъ всякой подготовки... Что мы слышали и въ гимназіи, и на курсахъ о ней?

Нѣтъ! Я не уѣду отсюда. Я еще поборюсь съ собою.

К.

В. Боръ.
14 августа.

Сегодня мнѣ особенно грустно. Я видѣла во снѣ П. С. и такъ ясно, какъ никогда нельзя вызвать памятью. Мнѣ бросились въ глаза его длинные, длинные пальцы съ блестящими ногтями и его убѣждающій жестъ; я слышала его ласковый голосъ... Проснулась... И ничего! Проходятъ дни, проходитъ жизнь...

Елена нездорова, простудилась. Отъ тоски, я вызвалась замѣнить ее, когда къ ней пришла больная баба.

— Что скажешь?—спросила я, подражая Еленѣ.

— Да вотъ къ Еленѣ Борисовнѣ...

— Она больна! Скажи мнѣ, я помогу...

Баба обрадовалась и заговорила быстро, быстро:

— Помоги, милая! Богъ тебѣ поможетъ... Голова съ плечъ свалилась, глаза бы не глядѣли...

«Пирамидонъ» рѣшила я, думая, что имѣю дѣло съ головной болью. А баба продолжала:

— Што-ни-што пила... И наговаривали... Ничего пользы нѣтъ... Колосовище заплетали... А сноха возьми да и покажи... Они и взбунтовались... Что-жъ ты думаешь: я на крикъ кричала... Вѣдь надо въ самый жаръ, въ печку, чтобы никто не видалъ...

Она ласково смотрѣла на меня, ожидая исцѣленія. А я не понимала ни слова.

— У тебя голова болитъ?—наконецъ, спросила я.

— Зачѣмъ голова?! Сердце у меня болитъ... Вотъ подкатится сюда (она показала подъ ложечку). Чисто внутренность отрывается...

— У тебя болѣзнь сердца?

— И очень просто!

— Давно?

— Да не очень, штобы давно... Съ навозницы... Погоняла взадъ назадъ, распотѣлась... Кваску холоднаго набузовалась, вотъ и бѣдствую... Отъ ѣды совсѣмъ отбило... А у насъ два тягла! Надо управить? Какъ ты думаешь?

Я чуть не расплакалась, и пошла къ Еленѣ. Та научила меня, какъ дать бабѣ касторки и отвѣсить по пяти гранъ салолу.

Давая ей лекарство, я сказала:

— Елена Борисовна говоритъ, что ты простудила желудокъ... Здѣсь не сердце, а желудокъ...

— И очень просто! — опять отвѣтила баба, ласково поблагодарила меня и ушла.

Я осталась на крыльцѣ, не смѣя идти къ Еленѣ съ тѣмъ, что у меня было на сердцѣ.

И вдругъ такъ захотѣлось красоты, счастья, любви. Да, любви, дорогая Ирина! Что́бы тамъ ни было: унизительныя мученія ревности, подозрѣнія, сдѣлки съ самолюбіемъ,—кажется,—все возьму безропотно. Знаю: опять начнется ложь, жажда убѣдиться въ обманѣ (зачѣмъ?!), ночи безъ сна, споры и упреки... Но это будетъ жизнь! А здѣсь? Я преклоняюсь передъ Еленой, а иногда меня злитъ она. И тѣмъ больше злитъ, что я не вижу въ ней ни рисовки, ни самодовольства...

— Мнѣ просто «не все равно», что дѣлается кругомъ... Вотъ разница съ тобою и со всѣми, тебѣ подобными... Вамъ «все равно»! Въ этомъ ужасъ вашей жизни.

И дѣйствительно. Сейчасъ, напримѣръ,—насколько я вижу—идетъ какая-то громадная перестройка Россіи. Что-то старое ломается, трещитъ, готово рухнуть... Милліоны рукъ цѣпляются за что-то. Волнуются, хлопочутъ, а я стою, слушаю и мнѣ «все равно». Это ужасно, Ирина.

Сегодня я написала П. С. Намъ надо увидаться, хотя бы для того, чтобы выяснить вопросъ о разводѣ.

К.

Иногда, мнѣ вдругъ такъ жаль теплыхъ вечеровъ, уплывающихъ одинъ за другимъ безъ радости, чудныхъ солнечныхъ дней безъ счастья, жаль невозвратимо уходящей молодости, жаль себя...

Веселый Боръ.
22 августа.

Сейчасъ получила изъ Villa d'Este письмо отъ П. С. Отвѣтъ на мое. Онъ признался, что ты пересылала ему всѣ мои письма и онъ тебѣ отвѣчалъ на нихъ!.. А я-то ревновала! Да! Должна выговорить это противное слово. Когда П. С. ухаживалъ за кѣмъ-то вдали, кого я не знала — это меня злило, оскорбляло и отдаляло отъ него. Такъ было этой весной. Наконецъ я не выдержала, произошла грубая сцена, рѣшили разстаться навсегда, и я уѣхала въ деревню. Онъ писалъ мнѣ горячія письма, я не отвѣчала и все время чувствовала, что ты и онъ что-то скрываете отъ меня... что между вами есть какая-то нить... Сегодня все выяснилось... Ты поймешь, Ирина, какъ я счастлива! Какъ я чувствую себя виноватой передъ тобой. Прости, моя дорогая! Прости! Не могу писать отъ счастья. К.

Веселый Боръ.
28 августа.

Дорогая моя Ирина!

Сегодня я уѣзжаю отсюда. Уѣзжаю съ чувствомъ вины передъ кѣмъ-то, съ чувствомъ стыда... И не за себя только, а за многихъ такихъ же чужихъ, ненужныхъ своей родинѣ, какъ я... Ненужныхъ, лишнихъ, равнодушныхъ, съ девизомъ «все равно!».

Уѣзжаю я въ Villa d'Este. Достаточно было П. С. написать мнѣ только одну строчку, но искреннюю и простую: «Мнѣ нѣтъ жизни безъ тебя! Пріѣзжай!» — И я ѣду.

Я не знала, какъ объявить объ этомъ тетѣ Еленѣ. Она первая заговорила и опять повторила:

— Надо жить, Ксенія!

Я знаю, гдѣ я найду мою жизнь...

А счастье?

Ксенія.

Ек. Лѣткова.

ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ МАТЕРИ.

Волнистыя тѣни змѣились
При блескѣ луны голубой...
Волшебныя сказки мнѣ снились,
Я въ даль уносился душой...

Я думалъ о дѣтствѣ далекомъ,
О сладко-счастливыхъ мечтахъ,
О взорѣ бездонно-глубокомъ,
Что снился когда-то мнѣ въ снахъ.

Но сны улетѣли далеко,
Исчезли въ лазури небесъ...
Тоскую въ тиши одиноко,
Что нѣтъ и не будетъ чудесъ...

Вся жизнь прожита такъ безцѣльно,—
Нѣтъ счастья, лазоревыхъ грезъ...
Всѣ дни промелькнули похмельно,—
Нѣтъ прежнихъ цѣлительныхъ слезъ..

Всеволодъ К.

ВЪ ГЛУБИНѢ ПРЕИСПОДНЕЙ.

(По замѣткамъ, писаннымъ въ ней самой).

(Продолженіе) [1]).

ГЛАВА IV.

«Разбушевались стихіи, словно хотятъ сдѣлать то, чего не могутъ сдѣлать люди. Дверь моей тюрьмы рвется, желѣзные запоры стучатъ и гремятъ, буря завываетъ въ трубу и свиститъ у прутьевъ желѣзной рѣшетки моего окна, врываясь ко мнѣ порывами въ темную камеру. Могучій голосъ стихійной природы звучитъ, какъ труба... И каждая фибра моей души рвется на встрѣчу ея призыву и хочется броситься отсюда на широкій просторъ полей, взлетѣть высоко въ міръ грозовыхъ тучъ, виться и кружиться вмѣстѣ съ ними, разогнать дремотный покой на родной землѣ и пробудить ее къ новой, лучшей жизни!

«Еще вчера вершина отрога Яйлу, видная съ моего дворика, была весь день покрыта, какъ скатертью, бѣлымъ облакомъ. Оно непрерывно выдѣлялось на ней изъ влажнаго воздуха, не оставалось на своемъ мѣстѣ, не смотря на сильный вѣтеръ, мчавшійся черезъ гору съ сѣвера, къ Черному морю. Гигантскіе хлопья этой скатерти тянулись къ намъ все время, какъ уродливые драконы, гидры и замки, но они таяли раньше, чѣмъ доходили до моего зенита».

Такъ записано на одномъ изъ моихъ листковъ бумаги.

Ксана въ этотъ день пришла вся встревоженная.

---

[1]) См. апрѣль, стр. 213.

— Можешь себѣ представить, тебя хотятъ везти въ Двинскую крѣпость не одного, а по этапу, съ уголовными!

— Ну, такъ чтоже, и очень хорошо—отвѣчаю.—Мнѣ еще ни разу не приходилось путешествовать такимъ способомъ. Вотъ удобный случай пополнить свое образованіе!

— Ты вѣрно воображаешь,—разсердилась Ксана,—что тебя поведутъ пѣшкомъ по деревнямъ! Ничего подобнаго! Я все уже, все распросила. Тебя сначала повезутъ въ Севастополь, въ трюмѣ корабля, въ грязи и вони, съ насѣкомыми, еще заразятъ отъ сосѣдей какой нибудь болѣзнью. Потомъ тебя будутъ перевозить въ уголовныя пересыльныя тюрьмы, одна темнѣе и грязнѣе другой, и будешь по недѣлямъ жить въ нихъ, въ разныхъ городахъ, пока соберутъ партію до новой тюрьмы, и повезутъ тебя вездѣ въ арестантскомъ вагонѣ съ кучей народа. Ты пересидишь въ десяткахъ тюремъ и доберешься до Двинска уже весь измученный, можетъ быть, не раньше какъ черезъ три мѣсяца. Все это я навѣрное узнала. Я не могу вынести мысли объ этомъ новомъ издѣвательствѣ!—окончила она, наконецъ, со слезами въ голосѣ.

Это было 23 іюня, вечеромъ и этотъ день у меня въ замѣткахъ отмѣченъ первой ссорой съ Ксаной.

— «Ей непремѣнно хочется,—писалъ я,—чтобъ я ѣхалъ отсюда «чисто», особнякомъ, везя своего сторожа на свой счетъ, а мнѣ хочется поѣхать непремѣнно по грязному этапу, чтобы воспользоваться случаемъ сдѣлать рядъ интересныхъ наблюденій надъ современнымъ состояніемъ этого дѣла. Ея идеалъ—художественная красота, мой идеалъ—простота во всемъ внѣшнемъ, какъ наивысшая степень той же красоты. Который изъ нихъ лучше?—Придется уступить ей и теперь, пусть хлопочетъ, хотя я и не вѣрю, чтобъ вышло что-нибудь изъ ея хлопотъ».

Пришелъ Ш. и далъ мнѣ драгоцѣнныя указанія для дороги по этапу, какъ человѣкъ уже испытавшій такой способъ путешествія по Россіи, при своей административной ссылкѣ.

— Прежде всего, сдайте теперь же Ксеніи Алексѣевнѣ все, что у васъ есть рукописнаго. Этапный конвой не возьметъ ни одного рукописнаго листка, все будетъ тутъ же изорвано въ клочки при вашемъ первомъ пріемѣ и брошено на землю тамъ же, гдѣ вы стоите.

— Ну, а если я буду просить, чтобы мои письма и бумаги отправили ко мнѣ на мѣсто назначенія?

— Ничего не сдѣлаютъ. Скажутъ, что уже поздно, надо отправляться. Они, какъ огня, боятся всего рукописнаго, да и печатныхъ книгъ никакихъ не возьмутъ. Если ихъ и не изо-

рвутъ, то оставятъ на тюремномъ дворѣ, гдѣ васъ будутъ принимать.

— А обыскивать будутъ?—спросила Ксана, еще считавшая обыскъ, по неопытности, за личное оскорбленіе.

— Обязательно! При каждой перемѣнѣ конвойныхъ осмотрятъ всѣ карманы и все тѣло переглядятъ.

— А чемоданъ его кто понесетъ?

— Что вы! Никакого чемодана не полагается. Купите прежде всего мѣшокъ, который онъ могъ бы нести въ своихъ рукахъ, положите туда лишь самое необходимое. Непремѣнно большую подушку и одѣяло, пару простынь и пару бѣлья, жестяной чайникъ съ кружкой и простую ложку, и главное, чаю, сахару и какихъ-нибудь не портящихся съѣстныхъ припасовъ, потому что путь дальній, протянется нѣсколько недѣль, а конвойные не берутъ ни для кого денегъ,—болѣе одного рубля.

— Да какъ-же онъ съ однимъ рублемъ поѣдетъ за тысячи верстъ, черезъ всю Россію?

— Таковы инструкціи высшаго начальства послѣднихъ лѣтъ. Тысячи интеллигентныхъ людей каждый годъ отправляются такимъ образомъ по политическимъ дѣламъ за тысячи верстъ и, конечно, приходятъ на мѣсто измученные. И что бы вы ни говорили—этапные конвойные не уступятъ. Даже часы заблаговременно возьмите себѣ, ихъ тоже не возьмутъ.

Ксанѣ стало казаться, что самъ адъ раскрываетъ свою пасть, чтобы проглотить меня, что я не выживу, на этомъ пути.

— А меня пустятъ ли ѣхать съ нимъ?

— Ни въ какомъ случаѣ! Арестантскій вагонъ будетъ охраняться часовыми. На станціяхъ никому не позволятъ даже взглянуть въ окошко. Но если вы будете справляться въ пересыльныхъ тюрьмахъ о временахъ ухода этаповъ и васъ не обманутъ, то вы всегда можете поѣхать въ обычномъ вагонѣ того же товаро-пассажирскаго поѣзда, въ которомъ повезутъ его, и по дорогѣ, на станціяхъ, передавать ему съѣстное черезъ конвойныхъ. Если будете давать имъ при этомъ по двугривенному, то на всякой малой станціи, если нѣтъ по близости жандарма, они даже позволятъ вамъ обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами.

— Конечно, я не отстану отъ него ни на одинъ шагъ,—говорила Ксана,—и буду имъ давать сколько угодно, только бы позволяли видѣться!

Вся она была олицетворенное самопожертвованіе, ни на минуту она не думала о своихъ собственныхъ неудобствахъ, а только о томъ, чтобы мнѣ было легче! Когда я вспоминаю теперь,

какъ она болѣла за меня душой въ то время и какъ волновались и остальные мои друзья,—меня совсѣмъ подавляетъ чувство безсилія правдиво выразить имъ свою признательность или, съ фотографической точностью, описать ихъ заботливость обо мнѣ. Свои собственныя настроенія я сокращенно записывалъ въ Ялтѣ на лоскуткахъ бумаги и потому могу возстановить ихъ совершенно точно, но они не записывали ничего изъ того, что переживали. Они даже не говорили вслухъ объ этомъ. Если-бы я писалъ романъ—я создалъ бы психическія настроенія и душевную борьбу всѣхъ дѣйствующихъ лицъ правдоподобно, руководясь тѣмъ, что переживалъ я самъ при подобныхъ обстоятельствахъ, или слышалъ въ разсказахъ знакомыхъ, или что читалъ въ воспоминаніяхъ другихъ людей и въ произведеніяхъ великихъ писателей. Но здѣсь я пишу не романъ. Здѣсь я не могу навязывать другимъ ничего такого, что они сами не уполномочили меня сказать.

Вотъ почему (а не изъ эгоизма) я и говорю здѣсь главнымъ образомъ о своихъ переживаніяхъ, въ надеждѣ, что они будутъ не безынтересны читателю, въ виду исключительности обстановки, въ которой они происходили. Правда, и о себѣ приходится писать не детально, а какъ дѣлаютъ новые художники,—крупными мазками. Но какъ на картинѣ изъ этихъ грубыхъ, и часто неправильныхъ вблизи мазковъ складываются поразительно похожіе портреты, такъ и въ этихъ моихъ очеркахъ мнѣ хотѣлось бы достигнуть общаго сходства съ дѣйствительностью, несмотря на неизбѣжное несовершенство и даже неполную точность въ описаніи деталей.

Вѣдь у меня не было фонографа, чтобъ записывать каждое произнесенное слово и запечатлѣть каждую промелькнувшую мысль. Я излагаю ихъ здѣсь по мелкимъ замѣткамъ, набросаннымъ мною въ тѣ дни, а нерѣдко даже и въ ночи. Во многомъ онѣ были кратки, одно слово часто замѣняло въ нихъ цѣлую страницу. Болѣе подробно я писать въ тѣ дни не могъ, такъ какъ прежде всего имѣлъ въ виду мытарства по тюрьмамъ, при которыхъ легче было сохранить, или передать при свиданіи Ксанѣ, мелкіе лоскутки, чѣмъ большіе тетради. Вотъ почему мой разсказъ и не имѣетъ здѣсь формы дневника, хотя въ каждой своей картинѣ и опирается на мои ежедневныя замѣтки, какъ на свою основную канву.

Въ описываемый теперь день, въ моихъ замѣткахъ было сказано:

«Скептически настроенное воображеніе рисуетъ мнѣ картину отправки по этапамъ тайно отъ Ксаны. Перспектива проѣхать

двѣ тысячи верстъ съ однимъ рублемъ въ карманѣ на пропитаніе и прожить на эти средства да на казенныя десять копѣекъ въ день болѣе мѣсяца, заставляетъ меня сильно бояться за свое здоровье; мѣсяцъ ежедневныхъ голодовокъ непремѣнно испортитъ мнѣ пищевареніе и съ этой порчей придется сидѣть въ очень не гигіеническихъ условіяхъ еще одиннадцать мѣсяцевъ въ окончательномъ мѣстѣ заключенія... Здѣсь рискъ не вынести опыта во много разъ сильнѣе, чѣмъ упасть съ аэроплана при сотнѣ полетовъ. Но особенно больно мнѣ за Ксану. Мнѣ все представляется, какъ она будетъ метаться одна по различнымъ незнакомымъ ей городамъ и искать меня по тюрьмамъ. Отъ нея будутъ, пожалуй, скрывать мое мѣстопребываніе или просто не будутъ ей отвѣчать, а я не буду въ состояніи даже увѣдомить ее, кому и куда меня сдалъ предыдущій этапъ. Рѣшилъ завтра же поговорить съ нею, чтобъ она не слѣдовала за мной, а прямо ѣхала бы въ Петербургъ. Тогда я по крайней мѣрѣ зналъ бы, куда могу во всякое время написать ей о себѣ.

Но на слѣдующій день, какъ я ни уговаривалъ ее, она и слушать не хотѣла объ этомъ. Она непремѣнно хотѣла сопровождать меня.

Наступило 26 іюня, одиннадцатый день моего пребыванія въ Ялтинской тюрьмѣ. Въ этотъ день, въ шесть съ половиной часовъ утра, когда я еще лежалъ въ постели, въ дверь сосѣдней камеры уголовныхъ вдругъ ворвались дежурные съ такимъ страшнымъ громомъ и топотомъ, какъ еще никогда ранѣе. Крики: «вставай! вставай! стройсь! равняйсь!» раздались, казалось, съ небывалымъ бѣшенствомъ.

— «Выноси кровать! Скорѣй! Скорѣй! Чего смотришь!— доносилось до меня черезъ дверь.

— Вѣрно ждутъ сегодня начальство!—подумалъ я.

— Ужъ не меня ли хотятъ снаряжать въ дорогу?

Я закутался съ головой въ одѣяло и остался лежать, какъ будто ничего не слышу.

— Здраю желаемъ! — раздалось изъ общей арестантской.

Кто то говорилъ въ ней съ минуту, потомъ загремѣли запоры, кто-то подошелъ и заглянулъ въ дверное окно моей камеры, и затѣмъ ушелъ, не заходя.

Эти ежедневныя утреннія тревоги и крики дежурныхъ на заключенныхъ все болѣе и болѣе стали раздражать меня. Мнѣ вспомнился Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости, гдѣ со мною дѣлали тоже. Франтоватый «старшій», приторно любезный со мною и дико грубый съ административно-высылаемыми

простыми людьми, какъ мущинами, такъ и женщинами, началъ дѣлаться мнѣ невыносимо противенъ. Плачъ и истерики женщинъ, молодыхъ и старыхъ, приводимыхъ сюда чуть не каждый день, для административной высылки, по причинѣ отсутствія опредѣленныхъ занятій или видовъ на жительство, угнетающе дѣйствовали на меня.

«Когда же, наконецъ, увезутъ меня на постоянное мѣсто заключенія? Когда получу возможность заниматься? Даже просто хочется куда-нибудь переѣхать. Гірше та иньше!—говорятъ малороссы. Самое тяжелое—это однообразіе, монотонность».

— Черезъ два дня, въ субботу, тебя непремѣнно отправятъ по этапу въ Севастополь!—съ тревогой сказала мнѣ прибѣжавшая въ тотъ день Ксана, какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли.—На заявленіе о твоей болѣзни и объ отсрочкѣ заключенія судебная палата все не отвѣчаетъ. Я очень просила исправника еще тебя оставить, но говорятъ, что и безъ того мы здѣсь уже почти двѣ недѣли и болѣе держать тебя они не согласны. Теперь необходимо дѣйствовать. Я уже отправила телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ, съ просьбой разрѣшить тебѣ ѣхать на свой счетъ. Тоже телеграфировала и симферопольскому прокурору. Всѣ телеграммы съ оплаченнымъ отвѣтомъ.

Надо было приготовляться.

Я тутъ же сдалъ ей для сохраненія всѣ свои тетради и замѣтки. А когда она, пославъ телеграмму, снова пришла на слѣдующій день, я приготовилъ для сдачи ей и свой чемоданъ съ бѣльемъ и книгами, оставивъ при себѣ, какъ говорилъ Ш., только подушку, чайникъ, полотенце и одну перемѣну бѣлья. Ихъ я уложилъ въ черный мѣшокъ съ двумя рукавами, имѣвшійся у меня для перемѣны, во тьмѣ, фотографическихъ пластинокъ кодака. Ксана принесла мнѣ булокъ, сухарей, два фунта сахару, фунтъ чаю, фунтъ копченой колбасы, чтобъ можно было подольше сохранить ее въ жаркіе лѣтніе дни. Она была возбуждена и радостна! Ея телеграммы и хлопоты о моемъ отдѣльномъ переводѣ увѣнчались успѣхомъ!

— Завтра, въ семь часовъ утра тебя повезутъ въ Севастополь подъ *тайнымъ* арестомъ на томъ же пароходѣ, на которомъ поѣдетъ и этапъ, но тебя повезутъ отдѣльно отъ него, на твой счетъ, вмѣстѣ со мной, среди публики, съ такимъ видомъ, какъ будто мы ѣдемъ сами по себѣ.

— Гдѣ тебѣ это сказали?

— Здѣсь въ канцеляріи. Управляющій губерніей, въ отвѣтъ на мою телеграмму, телеграфировалъ имъ объ этомъ.

Это было совсѣмъ неожиданно. Путешествіе подъ тайнымъ арестомъ! Это что то занимательное! Конечно, меня возили много разъ тайно, и въ отдѣльныхъ купе, въ закрытыхъ каретахъ, тщательно скрывая, какъ ворованную вещь, но тайнаго ареста я еще не испытывалъ!.. Становилось даже любопытно.

— Ну, а дальше Севастополя?

— Дальше ничего неизвѣстно. Распоряженіе замѣстителя Симферопольскаго губернатора дано только до Севастополя. Тамъ, вѣрно, мы будемъ уже ждать отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ на мою вторую телеграмму.

Итакъ, наступила, наконецъ, перемѣна въ моей однообразной жизни! Что-то сулитъ мнѣ будущее? —думалось мнѣ.

Я не могъ не признать, что все высшее начальство въ Ялтѣ держало себя по отношенію ко мнѣ безукоризненно вѣжливо и не стѣсняло меня ни въ чемъ. Пересланныя мнѣ почтамтомъ письма изъ Гурзуфа передавались мнѣ не распечатанными. Ксана могла приходить ко мнѣ, когда ей угодно, и сидѣть со мною безъ всякаго надзора, сколько хотѣла. Тоже и остальные знакомые. Книги для чтенія передавались мнѣ ими изъ рукъ въ руки. Съ этой стороны, я не могъ ни на что пожаловаться...

Но эта темная камера, въ которой у меня разболѣлись глаза послѣ первыхъ же двухъ-трехъ попытокъ чтенія, эти грубые крики унтеръ-офицеровъ на уголовныхъ, и это сознаніе, что только мигни имъ начальство, они сторицею сдѣлаютъ тоже и со мной, какъ уже напрактиковавшіеся на другихъ! Если даже я теперь и могу быть увѣреннымъ—думалъ я—въ своей безопасности отъ оскорбленій, то все же я не могу равнодушно слышать, какъ каждое утро грубо кричатъ на моихъ товарищей по невзгодѣ, большинство которыхъ высылается лишь по причинѣ неимѣнія опредѣленныхъ занятій! Нѣтъ, это дѣлаетъ мое положеніе даже, пожалуй, тяжелѣе и, мнѣ, выходя на прогулку, стыдно видѣть, какъ они смотрятъ на меня изъ оконъ своей камеры... Кромѣ того тяготило меня въ Ялтинской тюрьмѣ и сознаніе временности своего пребыванія, скораго увоза куда-то въ неизвѣстную далъ, гдѣ вновь придется свыкаться и сживаться съ какимъ-то невѣдомымъ начальствомъ, съ невѣдомыми и, вѣрно, очень тяжелыми условіями. Вотъ почему ощущеніе, что я провожу здѣсь послѣднюю ночь радостно дѣйствовало на меня.

— Опять увижу просторъ полей, море, волны, утесы— думалось мнѣ... Будемъ смотрѣть на нихъ вмѣстѣ съ Ксаной (только не опоздала бы она!) и жить настоящимъ, оставивъ будущему дню самому о себѣ заботиться!

И Вега, и Атаиръ были видны мнѣ съ тюремнаго дворика въ этотъ послѣдній вечеръ, и Юпитеръ сіялъ близъ краснаго Актареса въ созвѣздіи Скорпіона, съ которымъ я простился теперь надолго, зная, что его мнѣ уже не видно будетъ въ сѣверныхъ странахъ, куда меня повезутъ. Въ послѣдній разъ бесѣдовалъ я въ этотъ вечеръ — объ астрономіи и о жизни на чуждыхъ свѣтилахъ—со своимъ оригинальнымъ товарищемъ по заключенію. Онъ по прежнему заботился объ окружавшихъ насъ пересыльныхъ, писалъ имъ прошенія и вообще помогалъ имъ чѣмъ могъ даже и матеріально, хотя самъ, очевидно, не имѣлъ никакихъ средствъ.

Въ шесть часовъ утра я былъ уже на ногахъ, и вышелъ заблаговременно на дворикъ тюрьмы, чтобы посмотрѣть, какъ собираютъ этапъ. Тамъ уже былъ нарядъ конвойныхъ солдатъ, человѣкъ восемь, или около того. Ихъ старшій распрашивалъ у каждаго выводимаго къ нему званіе, имя, отчество и мѣсто жительства, свѣрялъ это съ имѣющимися у него бумагами, затѣмъ двое конвойныхъ отводили его къ стѣнѣ и, заставивъ снять куртку, гладили ладонями по всему тѣлу. Они отбирали все и выбрасывали каждый лоскутокъ бумаги, тутъ же у стѣны, разорвавъ его въ клочки. Вотъ вытащили у одного десятокъ папиросъ въ носкѣ и тоже изорвали и бросили.

— Что вы, что вы! Я только что сейчасъ купилъ на дорогу!—протестовалъ онъ.—Мнѣ здѣшніе сказали, что папиросы можно!"

— Если выбросили — значитъ нельзя!—рѣзко замѣтилъ ему конвойный. Обиженный, повидимому, мастеровой, среднихъ лѣтъ, жалостно посмотрѣлъ на клочья папиросъ подъ своими ногами, и, покачавъ головой, пошелъ, куда его направили.

Вся партія, наконецъ, была уведена, окруженная конвойными, съ обязательнымъ: «Стройсь, равняйсь!» Вотъ ворота захлопнулись за нею, и я подошелъ къ мѣсту обыска. Тамъ, на асфальтовомъ полу дворика, лежали обрывки какихъ-то деревенскихъ писемъ, клочекъ газеты и старый ременный поясъ.

— Почему выбросили и этотъ поясъ?—подумалось мнѣ.—Значитъ и поясовъ нельзя имѣть съ собою при этапной пересылкѣ?—спросилъ я моего «праваго» товарища по заключенію, тоже вставшаго въ этотъ день ранѣе обыкновеннаго, чтобъ проводить меня

— Все зависитъ отъ настроенія духа старшаго конвойнаго—отвѣчалъ онъ.—Я много разъ уже присутствовалъ на такихъ этапныхъ пріемахъ. Солдаты страшно грубѣютъ и звѣрѣютъ отъ

постояннаго обращенія съ людьми, какъ съ товаромъ. У меня не разъ сердце надрывалось при видѣ, какъ по временамъ рыдаютъ и убиваются женщины, а они только смѣются да вышучиваютъ, все равно какъ и наши интенданты,—прибавилъ онъ, кивнувъ головой на проходившаго по двору нашего франтоватаго старшаго.

У воротъ двора раздался громкій, властный звонокъ.

— За вами,—сказалъ онъ мнѣ.—Желаю вамъ всего, всего хорошаго! Напишите мнѣ о томъ, какъ васъ довезутъ до мѣста, я очень безпокоюсь о васъ.

Онъ неожиданно обнялъ и поцѣловалъ меня три раза.

Это было страшно трогательно. Различные по своимъ научнымъ, общественнымъ, религіознымъ и политическимъ идеаламъ, мы оказались съ нимъ одинаковыми по основному желанію добра людямъ и хорошими товарищами въ неволѣ. И теперь мнѣ здѣсь, въ другомъ, далекомъ мѣстѣ заключенія, хочется вспомнить о немъ добрымъ словомъ и пожелать, чтобъ та же самая искренность, которая заставила его когда-то присоединиться къ союзу русскаго народа, а изъ него перейти къ ультраправой «Грозѣ», понемногу привела его къ выводу, что это идеалы далекаго прошлаго, уже непригодные къ современной стадіи умственнаго и гражданскаго развитія цивилизованнаго человѣка, и что надо искать новыхъ, болѣе совершенныхъ.

На нашъ дворъ вошелъ пожилой околодочный надзиратель и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Я присланъ сопровождать васъ до Севастополя. Вы готовы?

— Да,—отвѣтилъ я.

— А гдѣ же ваши вещи?

— Со мной остались лишь немногія. Остальныя привезетъ на пароходъ жена.

Онъ велѣлъ одному изъ сторожей взять все, что у меня было въ рукахъ, и отнести въ экипажъ стоящаго у воротъ извозчика. Я еще разъ простился съ моимъ товарищемъ по заключенію, которому приходилось досиживать свой послѣдній мѣсяцъ вновь въ полномъ одиночествѣ, и мнѣ стало его очень жалко. Въ послѣдній разъ взглянулъ я на свѣтло-сѣрый коробковидный дворикъ Ялтинской тюрьмы, по которому привыкъ уже ходить, какъ маятникъ, взадъ и впередъ каждый день, со щемящей тоской въ душѣ, безъ всякаго занятія, нерѣдко безъ всякихъ мыслей, съ пустотой въ умѣ и въ душѣ, и съ единственнымъ чувствомъ ожиданія прихода Ксаны или кого-либо изъ друзей.

Въ послѣдній разъ я взглянулъ на вершину Яйлы и на ея обрывистый, лѣсистый и каменистый склонъ, ярко освѣщенный лучами утренняго солнца, и желѣзныя ворота Ялтинской тюрьмы закрылись за мной навсегда, со всѣмъ маленькимъ, печальнымъ міркомъ, живущимъ своей внутренней, недоступной постороннему взгляду, жизнью.

Передо мною вновь была шумная улица города, съ проѣзжающими экипажами, съ торговцами, стоящими у своихъ лавочекъ, съ прохожими всякихъ общественныхъ состояній, такъ ясно обозначенныхъ у женщинъ относительной дороговизной или бѣдностью костюмовъ, а у мужчинъ болѣе медленной или болѣе спѣшной походкой и степенью выхоленности наружныхъ частей тѣла.

Эта новая жизнь въ одно мгновеніе охватила меня своими разнообразными впечатлѣніями, и то, что осталось за моей спиной на тюремномъ дворикѣ, вдругъ стало мнѣ казаться какъ будто потонувшимъ, погрузившимся въ какой то прозрачный, невидимый, но все заслоняющій туманъ. Воспоминаніе о только что минувшемъ вдругъ нырнуло куда то въ глубину души, какъ будто сновидѣнье, стремительно исчезающее изъ сознанія въ минуту пробужденія.

Да, было ясно, что въ двѣ недѣли заточенія я еще не успѣлъ отвыкнуть отъ шести лѣтъ моей послѣдней жизни на свободѣ! Иначе уличная жизнь города не заглушила бы во мнѣ такъ сразу только что пережитаго, этихъ мучительно-длинныхъ дней хожденія и постояннаго поглядыванія на часы, стрѣлка которыхъ казалась неподвижно стоящей на мѣстѣ, тогда какъ субъективно я чувствовалъ, что прошло уже не менѣе получаса съ того времени, какъ я послѣдній разъ смотрѣлъ на часы.

Теперь время снова пошло для меня по прежнему, и я почти не замѣтилъ, какъ мы проѣхали нѣсколько улицъ и появились на набережной. Вотъ снова и темно-синяя даль слегка волнующагося Чернаго моря, вотъ и знакомая по прежнимъ пріѣздамъ ялтинская набережная. Мы входимъ на палубу морского парохода. Мой околодочный уходитъ въ отдаленный конецъ и садится за трубой съ видомъ, какъ будто ему нѣтъ никакого дѣла до меня. А вдали, по Ялтинской набережной уже ѣдетъ ко мнѣ и Ксана на извозчикѣ, съ чемоданомъ, въ своей большой бѣлой шляпѣ, украшенной широкой черной каемкой и цвѣтами. Она выскочила изъ экипажа и радостно бѣжитъ ко мнѣ навстрѣчу, мы обнимаемся, цѣлуемся, садимся на скамью на палубѣ. Съ ней пріѣхали провожать меня изъ Артека всѣ

друзья. Мы всѣ разсѣлись кучкой на скамьяхъ палубы, вспоминаемъ проведенные вмѣстѣ дни, строимъ планы будущаго, когда я отсижу свой срокъ и мы снова увидимся. А на сердцѣ у насъ всѣхъ, несмотря на эту внѣшнюю радостность, какая-то смутная тревога. Мы ея искусно заглушаемъ, чтобы ободрять другъ друга, но нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ она и выплыветъ у того или другого наружу, и нить разговора часто прерывается.

Раздался третій гудокъ. Надо разставаться. Мы крѣпко обнялись. Мои друзья сошли на набережную, вода съ шумомъ забурлила у кормы подъ начавшимъ свое вращеніе винтомъ, и пароходъ едва замѣтно сталъ повертываться въ море. Прощай Ялта! Прощай, первая станція моего новаго труднаго пути! Защелкалъ кодакъ, которымъ М. Б. снималъ меня съ Ксаной на пароходѣ... Мы медленно стали удаляться, махая другъ другу платками и шляпами, пока не изчезли изъ глазъ другъ друга.

И вотъ, больше ихъ не видно...

Направо, доколѣ хватаетъ глазъ, протянулось волнующееся Черное море, налѣво — живописные гористые пейзажи южнаго берега Крыма, а вдали, какъ груда бѣлыхъ камней на берегу, виднѣлась еще оставленная Ялта. Какъ странно! Мнѣ даже и въ голову не пришло разыскать въ ней то бѣлое зданіе, въ которомъ я только что провелъ пятнадцать мучительно длинныхъ дней! Я вспоминалъ нашъ прежній пріѣздъ въ нее съ Ксаной изъ Севастополя на автомобилѣ, ожиданіе на набережной парохода, который долженъ былъ отвезти насъ въ Артекъ. Искалъ взглядомъ кофейную, гдѣ мы съ Ксаной пили чай, молъ, на которомъ мы съ нею гуляли... И вдругъ, какъ будто чѣмъ-то вспугнутая мысль унеслась въ мое ближайшее зловѣщее будущее, какъ бы сплошь закрытое нависнувшей надъ нимъ грозовой тучей и мнѣ захотѣлось сказать:

— Прощай, Ялта! Прощай, первая станція моего новаго труднаго пути!

ГЛАВА V.

Тихо вздрагивая, шелъ пароходъ по темно-синимъ прозрачнымъ волнамъ Чернаго моря. Мы съ Ксаной стояли на самой кормѣ, все время держась за руку, и смотрѣли въ даль. Въ этотъ

мигъ кажущейся свободы намъ не хотѣлось думать ни о прошломъ, ни о будущемъ, хотѣлось цѣликомъ отдаться настоящему, которое хоть и не на долго, но было наше и казалось пока хорошо и свѣтло. Лучи утренняго солнца, поднимавшагося надъ моремъ, разсыпались, съ одной стороны, по его волнамъ широкой полосой золотыхъ брызгъ, тянувшихся отъ насъ до самаго горизонта, а съ другой стороны, падая на гористый берегъ, придавали его деревьямъ и склонамъ самыя яркія краски. По временамъ, падая на окна какого-нибудь дома на берегу, они заставляли ихъ стекла свѣтиться для насъ яркими звѣздочками. Какъ будто снопы свѣта вырывались къ намъ то изъ одного, то изъ другого отдаленнаго бѣлаго домика, а иногда и изъ нѣсколькихъ сразу. Мы узнавали каждое мѣстечко, въ которомъ бывали раньше. Вотъ Алушта, съ ея лабиринтомъ камней, вотъ Симеизъ, съ его живописными скалами — Монахомъ и Дивой, а вдали виднѣется и обсерваторія, которую мы посѣтили всего мѣсяцъ тому назадъ.

— Помнишь, Ксана, какъ мы взлѣзали на Диву?

— Да, помню!—отвѣчаетъ она задумчиво.

И намъ живо представилась узкая тропинка, вьющаяся въ высотѣ по отвѣснымъ обрывамъ Дивы. Она была, на дѣлѣ, совершенно безопасна, такъ какъ со стороны обрыва вдоль нея шла толстая желѣзная проволока на стержняхъ, крѣпко вставленныхъ въ скалу и дѣлающихъ случайное паденіе невозможнымъ. Но эта ограда на взглядъ была такая непрочная, что для людей, боящихся смотрѣть внизъ съ высоты, она казалась не представляющей большой защиты, особенно, когда вдоль обрыва дуетъ сильный, порывистый вѣтеръ, какъ бы грозящій сорвать васъ и бросить внизъ.

Мнѣ вспомнилось, какъ Ксана долго не рѣшалась подниматься на вершину этой скалы, о которой предыдущія трусихи насказали ей ужасовъ, но мнѣ все-таки удалось уговорить ее и ея подругу, еще болѣе боязливую, сдѣлать опытъ. Подгоняя обѣихъ сзади, и не давая имъ возможности вернуться, я заставилъ ихъ добраться до вершины, а спускаться имъ пришлось уже поневолѣ, какъ это ни казалось имъ страшно! Но вотъ и Дива, и стоящій передъ нею огромный, грозящій паденіемъ каменный столбъ, Монахъ, мало по-малу исчезли изъ нашего поля зрѣнія.

— Видишь, Байдарскія ворота?

Развѣ это они? Совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія ихъ видъ съ моря! А какая красота, когда смотришь съ нихъ на море! —съ грустью прибавила она.

И вновь мнѣ представилась дивная картина, открывшаяся передъ нами, когда мы съ Ксаной, вдругъ стремглавъ влетѣли на автомобилѣ изъ лабиринта узкихъ долинъ внутренности Крыма въ эту живописную арку, на самый край гигантскаго обрыва горъ, какъ будто для того, чтобы прямо броситься съ нихъ, изъ подоблачной высоты, въ волнующееся у подножья обрывъ лазурное море. Это было такъ неожиданно, такъ волшебно-эффектно, что тотъ, кто хоть разъ въѣхалъ съ размаху въ Байдарскія Ворота, не забудетъ ихъ до конца своей жизни. Это воспоминаніе казалось намъ уже не реальностью въ нашей жизни, а изъ царства сказки.

Тихо передвигались передъ нами картины, и снова уходили въ прошлое. Вдали показалась башня маяка и, обогнувъ мысъ, нашъ пароходъ круто повернулъ къ сѣверу. Быстро измѣнились виды природы. Взамѣнъ высокихъ горъ и крутыхъ склоновъ затянулся широкій степной просторъ, и глазъ, не встрѣчая препятствій, проникалъ далеко до самаго горизонта и со стороны моря, и со стороны суши... И этотъ ландшафтъ показался мнѣ еще милѣе!

Здравствуйте, родныя картины! Здравствуйте, отлогіе холмы и равнины! Вы болѣе говорите моему сердцу, чѣмъ тѣсныя долины гористыхъ странъ. Вы словно символъ свободы и равенства! По вамъ я иду и бѣгу, куда хочу, и вы вездѣ привѣтливо предоставляете мѣсто моей ногѣ, ваша нѣжная зелень нѣжно ласкается къ моимъ колѣнамъ. Она не рветъ мнѣ платья, не царапаетъ кожи, какъ тѣсные, колючіе кустарники южныхъ странъ и горныхъ склоновъ, гдѣ только на вершинѣ чувствуешь приливъ горделиваго восторга надъ хаосомъ ниже лежащихъ горъ и долинъ! Эти низкіе, слоистые берега западнаго края Крыма теперь напомнили мнѣ Волгу. Такъ и потянуло къ ней, въ родной уголокъ средней Россіи, гдѣ оттѣнки вечерняго неба такъ нѣжны, какъ нигдѣ, а зо́ри такъ пышны и такъ долго горятъ самыми яркими, золотыми, пурпуровыми и янтарными цвѣтами.

— Да, и мнѣ теперь очень хотѣлось бы къ намъ въ деревню,—сказала Ксана, въ отвѣтъ на мои мысли.

Вдали показался Севастополь, со стоящими передъ нимъ на рейдѣ темными и бѣлыми торговыми судами и сѣрыми броненосцами. Пароходъ началъ причаливать къ пристани и грозное невѣдомое, передъ которымъ мы стояли, все еще держа другъ друга за руку, какъ на нашихъ деревенскихъ прогулкахъ, вновь распростерло свой безпокойный, черный покровъ надъ нашей

душой. Я въ послѣдній разъ взглянулъ на море, на которомъ солнце все еще раскидывало милліоны искрящихся блестковъ, и на синее небо и сказалъ имъ мысленно: прости!

Увижу ли я тебя когда нибудь еще, безпокойное Черное море? Перенесу ли я то, что мнѣ предстоитъ теперь перенести, или моя новая надбавка заточенія меня сломитъ, какъ одинъ лишній ударъ тяжелымъ молотомъ разбиваетъ прочно державшійся до того времени камень?

Мы вызвали носильщиковъ, взять наши чемоданы. Ксана хотѣла ѣхать со мной, куда меня ни повезутъ и оставаться вмѣстѣ, пока есть хоть малѣйшая возможность.

— Отнесите мои вещи на пристань, въ складъ на сохраненіе!—сказала она носильщику. Онъ взялъ, мы послѣдовали за нимъ, и здѣсь вновь произошло странное обстоятельство, обратившее на себя мое вниманіе. Какъ меня, такъ, въ особенности, и Ксану трудно было потерять къ толпѣ изъ виду, благодаря ея широкой бѣлой шляпѣ съ черными полями, особенно смотря сверху, съ палубы. И однако же это случилось! Сопровождавшій насъ околодочный не послѣдовалъ за нами, какъ бы оттѣсненный толпою, которая, впрочемъ, почти вся уже прошла. Мы съ Ксаной явились въ складъ и сдали вещи подъ расписку, а его все не было съ нами. Я вышелъ изъ дверей и вдругъ вижу, какъ онъ уже идетъ по направленію къ городу. Если бы я промедлилъ хоть двѣ минуты, онъ исчезъ бы совсѣмъ.

— Я здѣсь!—крикнулъ я ему, махая шляпой, а онъ спокойно повернулся и подошелъ ко мнѣ со словами.

— Совсѣмъ потерялъ васъ изъ виду въ толпѣ.

Мы трое сѣли на извозчика, и онъ приказалъ ему ѣхать въ полицейское управленіе. Тамъ мы нашли за пустой передней только одного невысокаго, молодого околодочнаго надзирателя съ черными усиками, очень разговорчиваго и очевидно еще недавно находящагося въ своей должности. Высокая женщина, которая оказалась его женой, пришедшей къ нему на дежурство обѣдать вмѣстѣ, сидѣла за сосѣднимъ столомъ. Узнавъ, что я арестованный, а Ксана моя жена, онъ расписался въ моемъ пріемѣ и нашъ «тайный конвоиръ», получивъ отъ меня полагавшуюся сумму денегъ за дорогу, любезно раскланялся съ нами и ушелъ.

Раздался звонокъ въ телефонъ.

— Общая полиція, надзиратель Хоржевскій [1]) —молодецки

---

[1]) Фамиліи я измѣнилъ.

крикнулъ принявшій меня полицейскій въ телефонную трубочку. Отвѣта не было слышно.

— Слушаю-съ! Слушаю-съ! господинъ полицеймейстеръ!— нѣсколько разъ повторялъ онъ при своемъ разговорѣ.

Повѣсивъ трубку, онъ снялъ другую, и повертѣвъ нѣсколько разъ какую то звенящую ручку, крикнулъ еще болѣе молодецки.

— Военно-морской судъ!—и вслѣдъ за тѣмъ: кто тутъ?— Сторожъ?—Полицеймейстеръ спрашиваетъ, вынесенъ ли уже приговоръ по дѣлу матросовъ?

Я понялъ, что дѣло шло о судѣ надъ нижними чинами черноморскаго флота, обвиняемыми въ тайномъ обществѣ, о томъ самомъ судѣ, который въ этотъ вечеръ, какъ я узналъ позднѣе, вынесъ пятерымъ изъ нихъ смертный приговоръ, приведеный потомъ въ исполненіе.

Отвѣта не было слышно, но я узналъ его тотчасъ же, такъ какъ, повертѣвъ снова прежнюю ручку, онъ сказалъ:

— Военный судъ засѣдаетъ при закрытыхъ дверяхъ и ничего еще неизвѣстно, господинъ полицеймейстеръ!

Сказавъ затѣмъ еще нѣсколько разъ: «Слушаю-съ!» и затѣмъ: «Немедленно сообщу, какъ только вынесутъ приговоръ, господинъ полицеймейстеръ!»—онъ снова повѣсилъ трубку и обратился ко мнѣ.

— За что васъ?

— За стихи.

— На сколько?

— На годъ.

— За стихи на годъ! — сказалъ онъ, пожавъ плечами. — Совершенно не могу понять! Что это у насъ за порядки! Слова нельзя сказать въ печати, чтобъ не посадили! Только и читаешь: то тотъ, то другой писатель сидитъ!

— Вотъ и до меня добрались!—отвѣчаю,—да и посадили совсѣмъ по пустякамъ.

— А вы, вѣрно, еще не обѣдали?—воскликнулъ онъ.—Я сейчасъ же могу распорядиться, чтобъ принесли вамъ обоимъ изъ центральной гостинницы! Обѣдъ хорошій и недорогой? Мы съ женой, когда я дежурю, сами беремъ оттуда! Вамъ придется ждать здѣсь не менѣе четырехъ часовъ, пока не придетъ правитель канцеляріи, которому васъ должны представить!

Ксана тотчасъ же выразила согласіе. Хоржевскій оказался чрезвычайно разговорчивымъ. Онъ болталъ безъ конца, разсказалъ намъ нѣсколько случаевъ изъ своей жизни и насъ распросилъ обо всемъ. Въ промежутки приходили арестованные и горо-

довые съ докладами. Потомъ пришла одна плачущая молодая дѣвушка, только что вышедшая изъ больницы, которой онъ далъ рекомендацію въ какое-то филантропическое учрежденіе и сказалъ, что ее накормятъ и пріищутъ мѣсто.

— Убѣжала отъ родныхъ изъ деревни, — объяснилъ онъ намъ, когда она ушла,—а въ городѣ не могла найти мѣста. На послѣднія восемнадцать копѣекъ купила нашатырнаго спирта и выпила—едва отходили въ больницѣ! Теперь вотъ направляю ее въ здѣшнее филантропическое общество... Знаете,—прибавилъ онъ, какъ бы оправдываясь,—въ полиціи, можно дѣлать много хорошаго!

Я не отвѣчалъ. Для меня было ясно, что онъ по натурѣ добродушенъ и еще недавно въ полиціи. «Надолго ли хватитъ у тебя этого добродушія?»—говорилъ я ему мысленно.—«Пройдутъ года три и ты будешь такъ же безучастенъ къ чужому горю, какъ и твои старшіе собратія».

Начало темнѣть, зажглись электрическія лампочки. Въ сосѣднихъ комнатахъ началось движеніе, и меня вызвали къ начальнику канцеляріи. Ксана все время не отходила отъ меня. Какъ бы готовая защищать меня отъ всякихъ нападеній и оскорбленій, она послѣдовала за мною. Сухой, высокій, сѣдоватый чиновникъ спросилъ мое имя и фамилію и сказалъ:

— Мы уже нѣсколько дней предупреждены о вашемъ пріѣздѣ. Мы должны отправить васъ въ здѣшнюю тюрьму, а затѣмъ этапомъ, но особо отъ другихъ, въ Двинскую тюрьму.

— Но онъ назначенъ не въ Двинскую тюрьму, а въ Двинскую крѣпость!—протестовала Ксана.—Это двѣ вещи совершенно разныя, въ крѣпости военное начальство, комнаты свѣтлыя и просторныя, а въ Двинской тюрьмѣ темно и плохо.

— Это насъ не касается, у насъ въ бумагѣ сказано: въ тюрьму.

— Но нельзя ли его оставить здѣсь до рѣшенія этого вопроса? Я телеграфировала нашему хорошему знакомому, члену Государственнаго Совѣта, который хлопоталъ о переводѣ его въ Двинскую крѣпость. Очевидно, при передачѣ по инстанціямъ смѣшали крѣпость съ Двинской городской тюрьмой.

Это смѣшеніе было очень для меня непріятно, но оно не удивило меня. Зная какъ у насъ въ бюрократіи все дѣлается чисто-механически, безъ вдумчиваго отношенія къ совершающемуся, я уже давно опасался, что, привыкнувъ къ выраженію «посадить въ тюрьму», наши чиновники сочтутъ ошибкой слово «крѣпость» и постараются исправить его по своему, а я, въ результатѣ,

попаду изъ огня да въ полымя! Такъ,—думалось мнѣ—очевидно, и случилось!.. Симферопольскій прокуроръ, въ сопровождающей меня бумагѣ, дѣйствительно направилъ меня въ Двинскую тюрьму! Ясно, что принимавшій меня теперь сухой чиновникъ не могъ ничего сдѣлать для меня, да и не хотѣлъ вмѣшиваться, чтобъ не попасть, съ одной стороны, на замѣчаніе начальства, а съ другой—въ газеты. Ему хотѣлось только поскорѣе отдѣлаться отъ меня, какъ отъ очень неудобной для него, благодаря газетному ко мнѣ интересу, посылки.

Но Ксана не могла и не хотѣла съ этимъ мириться. Она волновалась, спорила, настаивала... Все это меня очень трогало, хотя я и чувствовалъ безполезность ея разговора. Если дѣло поправится по дорогѣ,—подумалъ я,—то единственно благодаря ея послѣднимъ телеграммамъ изъ Ялты. Я еще тогда указалъ Ксанѣ на возможность путаницы, и она, испугавшись, тотчасъ же послала въ Петербургъ двѣ обширныя телеграммы, прося не смѣшать Двинскую крѣпость съ Двинской тюрьмой, совсѣмъ другимъ учрежденіемъ.

Чиновникъ, пригласивъ насъ присѣсть у стѣны, принялся выдавать жалованье городовымъ, а мы съ Ксаной стали совѣтоваться, какъ намъ быть.

— Если имъ удастся засадить тебя вмѣсто крѣпости въ тюрьму, то до самаго октября, когда съѣдутся члены Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, тебя нельзя будетъ оттуда вырвать. Но я все-таки поѣду въ Петербургъ хлопотать.

— Конечно, а если въ Двинской крѣпости комендантъ не приметъ, то хлопочи въ Мологу.

Мологская городская тюрьма была теперь моей мечтой. Конечно, крѣпость—думалъ я—звучитъ какъ-то возвышеннѣе, сидѣть въ ней романтичнѣе, особенно, если попасть, вдобавокъ, въ какую-либо морскую, гдѣ за окномъ вѣчно бушуютъ и пѣнятся волны. Но развѣ меньше поэзіи на берегу нашей широкой Волги, развѣ меньше красоты видѣть сквозь тюремную рѣшетку весенній разливъ, широкую даль полей за нимъ?

«Кругомъ все та же даль и ширь,
Все тотъ же виденъ монастырь,
На берегу, среди песковъ».

Я зналъ, что поэзія была бы обезпечена мнѣ тамъ, хотя бѣлое зданіе, куда меня посадили бы въ родной Мологѣ и носитъ не поэтическое названіе «уѣзднаго острога». Въ окнахъ его верхняго этажа, за бѣлой каменной оградой, я уже не разъ

видалъ, проходя по улицѣ, политическихъ узниковъ изъ мѣстной молодежи. Такъ будутъ видѣть и меня, думалось мнѣ. А смотрѣть придутъ многіе. Не говоря уже о томъ, что вся интеллигенція этого города, близъ котораго я родился, была мнѣ лично знакома, тамъ теперь живутъ и три изъ моихъ сестеръ, въ домахъ которыхъ можетъ поселиться въ каникулярное время Ксана. Тамъ у сестеръ есть и рояли, на которыхъ она можетъ играть, когда угодно, а потомъ приходить ко мнѣ, въ любое время. Тамъ, въ маленькой тюрьмѣ, личность заключеннаго не исчезаетъ для начальства, онъ для него не простой нумеръ, какъ въ современныхъ большихъ центральныхъ тюрьмахъ. И мнѣ тамъ, несомнѣнно, было бы свободнѣе и удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ...

Но Ксана боялась, и, можетъ быть, не безъ причины, что въ Мологѣ кромѣ глазъ тюремнаго, незначительнаго по чину, начальства, на меня будутъ устремлены также и глаза мѣстнаго жандармскаго офицера, и глаза всѣхъ мѣстныхъ мракобѣсовъ, которые постараются сдѣлать мое заключеніе невыносимымъ.

— Они до того запугаютъ смотрителя,—говорила она—что онъ будетъ дрожать отъ страха всякій разъ, какъ придется отпирать двери твоей камеры, и, чего добраго, въ концѣ концовъ, набьютъ на твое окно, какъ въ нѣкоторыхъ нашихъ большихъ тюрьмахъ, желѣзный колпакъ, чтобы никто не могъ тебя видѣть снаружи.

Ксанѣ и хотѣлось прежде всего для меня Двинской крѣпости, гдѣ, по ея предположеніямъ, комендантъ, какъ крупный военный генералъ, долженъ быть менѣе запуганъ доносами усердствующихъ.

— Теперь вопросъ о Мологѣ—прибавила она—отпадалъ самъ собой, и оставалось только желать, чтобы мои телеграммы въ Петербургъ, такъ удачно посланныя на всякій случай, принесли свое дѣйствіе и парализовали ужасное распоряженіе симферопольскаго прокурора.

Отпустивъ своихъ городовыхъ, сухой чиновникъ сказалъ мнѣ.

— Я составлю бумагу о временномъ помѣщеніи васъ въ здѣшнюю тюрьму. Подождите, пока я пишу, тамъ же, гдѣ вы ждали раньше.

Мы вышли въ комнату, гдѣ по прежнему сидѣлъ надзиратель Хоржевскій подъ своими телефонами.

— А!—привѣтствовалъ онъ насъ. Наконецъ-то отпустили! Куда же васъ?

— Временно въ здѣшнюю тюрьму.

— Тамъ вамъ будетъ очень, очень хорошо!—радостно воскликнулъ онъ.—Смотритель—прелестнѣйшій человѣкъ! Бывшій офицеръ! Я самъ васъ отвезу туда и отрекомендую, чтобъ оказали вамъ особенное вниманіе! А если меня не пустятъ, то передайте ему поклонъ отъ надзирателя Хоржевскаго—тогда ужъ онъ будетъ знать!

И дѣйствительно, его не пустили.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ другой толстый околодочный, нахальнаго вида, съ бумагой въ рукахъ и спросилъ Хоржевскаго:

— Кого я долженъ отвезти?

— Вотъ ихъ!—отвѣтилъ тотъ, показывая на меня, и прибавилъ съ грустной миной.—Такъ и не удалось!

— Извощикъ долженъ быть на вашъ счетъ!—задравъ носъ вверхъ, сказалъ мнѣ нахальный околодочный.—Пойдемте! Онъ уже нанятъ.

Мы съ Ксаной взяли свои вещи и собрались итти и садиться.

— Но *васъ*,—обратился онъ къ Ксанѣ—я не могу взять въ экипажъ! Мнѣ порученъ только *одинъ* арестованный, а вы не подъ арестомъ!

— Но мнѣ всегда позволяли ѣхать съ нимъ по улицамъ. Вѣдь извощикъ нашъ и, конечно, трехмѣстный, какъ всѣ здѣшніе.

— Мнѣ все равно, сколько у него мѣстъ! Васъ я не возьму!

— Но я здѣсь въ первый разъ, я не знаю даже, куда итти, гдѣ тюрьма, а теперь уже ночь—и въ голосѣ Ксаны послышалось плохо сдерживаемое рыданіе.

— До этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла!—отвѣчалъ онъ, задравъ носъ еще выше.—Идемте!—сказалъ онъ мнѣ.

Одинъ мигъ я оставался въ нерѣшительности. Отказаться идти безъ Ксаны и быть выведеннымъ силой—думалось мнѣ—значило бы совершенно подорвать и безъ того страшно натянутые ея нервы и вызвать кризисъ, который проявился бы у нея безсильнымъ отчаяньемъ и слезами. Уйти такъ, подчинившись нахалу и оставивъ ее въ этомъ положеніи, было унизительно для моей гордости.

Хоржевскій вывелъ меня изъ этого невыносимаго положенія.

— Вы,—сказалъ онъ ей,—поѣзжайте вслѣдъ за ними на другомъ извощикѣ. Они стоятъ всегда направо, за одинъ кварталъ отсюда.

— Да, Ксана, такъ лучше—сказалъ я, и мы вышли.

На пустынной длинной улицѣ была полная ночь. Рѣдкіе

фонари, расположенные на далекихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, освѣщали ее тутъ и тамъ свѣтлыми пятнами, а въ промежуткахъ былъ мракъ.

— Иди впередъ, Ксана! а то отстанешь и не догонишь!— сказалъ я. Она пошла быстро направо, какъ ей сказалъ Хоржевскій, чтобъ отыскать извощика раньше, чѣмъ мы ее обгонимъ, и мнѣ казалось, что ея колѣни подгибаются. Я былъ въ состояніи такого тупого отчаянія, что въ головѣ не вязалась и пара мыслей, какъ будто меня только что ударили полѣномъ по головѣ. Только внутренній инстинктъ говорилъ мнѣ: дѣлай видъ, что ты нисколько не удивленъ этимъ, что ты и не ожидалъ отъ нихъ ничего другого. Такое поведеніе будетъ самое непріятное для твоихъ враговъ, желающихъ убѣдиться, что сдѣлали тебѣ больно... Но внутренній инстинктъ подсказывалъ одно, а непосредственное чувство совсѣмъ другое, и оно побуждало меня броситься изъ пролетки и бѣжать къ Ксанѣ, хотя бы это и кончилось потомъ скверно для обоихъ.

Однако, я сидѣлъ въ своей пролеткѣ, какъ скованный невѣдомой внѣшней силой и смотрѣлъ на удаляющуюся Ксану.— Удастся ли ей найти извощика?—спрашивалъ я себя. Впереди все было пустынно. Вотъ мы, направившись по другой половинѣ почти совершенно темной улицы, обогнали Ксану. Я обернулся назадъ и кивнулъ ей головой, но она, казалось, не видѣла меня во тьмѣ. Вотъ мы оставили ее далеко за собой и, наконецъ, она исчезла во мракѣ изъ поля моего зрѣнія, одинокая, брошенная ночью на темной, пустынной улицѣ чужого города, безъ единаго знакомаго, безъ вещей, сложенныхъ нами въ складѣ на пристани.

— И никому до нея нѣтъ дѣла на всѣхъ этихъ улицахъ,— думалось мнѣ.

Было ясно, что насъ обманули. Никакихъ признаковъ извощиковъ не оказалось на всемъ далекомъ разстояніи отъ канцеляріи полицеймейстера, гдѣ мы просидѣли весь день, до самой тюрьмы, находящейся, повидимому, гдѣ-то на окраинѣ города; во тьмѣ и въ состояніи тупого отчаянья за Ксану, въ какомъ я ѣхалъ, я не могъ слѣдить за расположеніемъ улицъ. Помню только, что мы поднимались на какіе-то холмы и опускались съ нихъ. Я все время сидѣлъ демонстративно отвернувъ лицо отъ моего спутника, какъ будто разсматривая дома на моей сторонѣ. Почувствовавъ, очевидно, неловкость полнаго молчанія, или по какимъ другимъ причинамъ, онъ, наконецъ, обратился ко мнѣ

съ вопросомъ, обнаруживавшимъ, что ему ничего не извѣстно обо мнѣ.

— Вы здѣшній?

— Изъ Петербурга! — сухо отвѣтилъ я, продолжая разсматривать темныя крыши почти невидимыхъ домовъ на моей сторонѣ.

Онъ понялъ, что не получитъ отъ меня ничего, кромѣ такихъ односложныхъ отвѣтовъ, и болѣе не пытался завязывать разговоръ. Нашъ извощикъ остановился передъ высокими темными воротами большого зданія, напомнившаго мнѣ входъ въ средневѣковую крѣпость. Привезшій меня околодочный вышелъ изъ экипажа и дернулъ за звонокъ. Въ маленькомъ сквозномъ треугольникѣ, вырѣзанномъ въ воротахъ, показался человѣческій глазъ, напомнившій мнѣ «Всевидящее око», какъ оно рисовалось на старинныхъ иконахъ.

— Привезли арестованнаго,—сказалъ оку околодочный.

Око исчезло, послышался грохотъ желѣзныхъ запоровъ, и я съ моимъ спутникомъ былъ впущенъ на небольшой внутренній дворикъ, окруженный высокими зданіями и съ внутреннимъ входомъ на правой сторонѣ, черезъ который меня и ввели въ тюремную пріемную. Тамъ сидѣлъ какой-то чиновникъ, обмѣнявшійся нѣсколькими словами съ моимъ околодочнымъ и тотчасъ же ушедшій въ сосѣднюю длинную комнату, пригласивъ меня посидѣть здѣсь на скамейкѣ.

ГЛАВА VI.

Поговоривъ тамъ о чемъ-то вполголоса съ высокимъ пожилымъ человѣкомъ въ военномъ мундирѣ, онъ вышелъ снова. Высокій военный обратился ко мнѣ.

— Мы уже давно васъ ждали, по газетамъ, и даже камера для васъ готова. Кромѣ того, уже давно къ намъ пришли бумаги о препровожденіи васъ въ Двинскъ. Вы у насъ будете недолго, только до перваго этапа!

Околодочный сталъ прощаться съ нимъ, а я нарочно пошелъ рыться въ своихъ вещахъ, чтобъ избѣжать раскланиваній, и онъ ушелъ безъ нихъ.

— Васъ должны по правиламъ обыскать передъ входомъ въ камеру. Вонъ тамъ, въ передней, потрудитесь.

Но мнѣ нельзя было уходить, не предупредивъ его о приходѣ Ксаны.

— Къ вамъ, черезъ полчаса вѣроятно, явится моя жена, которую этотъ околодочный не хотѣлъ впустить въ одинъ экипажъ со мной, хотя мы ранѣе всю дорогу ѣхали вмѣстѣ. Такъ, пожалуйста, успокойте ее относительно меня!

— Хорошо. Но свиданья я вамъ сегодня дать не могу, а только завтра утромъ.

— Тогда скажите ей, когда надо прійти, а то она осталась одна въ незнакомомъ городѣ, и даже безъ вещей, брошенныхъ ею на пристани.

Онъ обѣщалъ все сдѣлать и ушелъ.

Въ передней меня попросили снять верхнюю одежду и сапоги, прощупали въ нихъ складки, вывернули карманы, а затѣмъ своими руками огладили черезъ бѣлье все мое тѣло. Какъ это напомнило мнѣ старинныя времена въ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостяхъ, гдѣ такая процедура продѣлывалась надо мной еженедѣльно!

Моя новая темница имѣла внушительный видъ большой центральной тюрьмы. Меня ввели въ ея срединную комнату, затѣмъ черезъ рѣшеточную дверь въ недлинный коридоръ, съ идущими вдоль него въ два этажа балкончиками. Вдоль нихъ шли глубокія ниши, закрытыя съ внутренней стороны тяжелыми, окованными желѣзомъ дверьми, и напоминающія, какъ и въ другихъ тюрьмахъ того же самаго, излюбленнаго нашимъ тюремнымъ вѣдомствомъ, типа, входъ въ гробницу. Поднявшись на первый балкончикъ, тюремщики повели меня по нему въ самую дальнюю изъ этихъ гробницъ, налѣво. Въ ней стояла койка, съ большимъ мѣшкомъ, набитымъ соломой, вмѣсто постели, и съ другимъ, маленькимъ мѣшкомъ, вмѣсто подушки.

Мнѣ разрѣшили принести съ собой мою простыню, одѣяло, подушку и черный фотографическій мѣшокъ, уже обысканный внизу, съ чаемъ, сахаромъ, колбасой и фруктами, которыя заботливо положила мнѣ Ксана еще на пароходѣ, вмѣсто прежде-находившихся въ немъ фотографическихъ принадлежностей. Но ѣсть мнѣ не хотѣлось.

— Гдѣ ты, Ксана бѣдняжка?—спрашивалъ я самъ себя.

Она мнѣ представлялась теперь одинокой и безпріютной на улицѣ. Я зналъ, что извощиковъ нигдѣ по пути не было, да и прохожихъ ни одного я не видѣлъ всю дорогу въ этихъ окраинныхъ улицахъ.

— Не найти ей дорогу сюда въ эту ночь—думалось мнѣ,—да и ноги ея не выдержатъ...

Мнѣ вспомнилось, какъ у нея подкашивались колѣна, когда я смотрѣлъ на нее въ послѣдній разъ, и мнѣ стало представляться, что она не выдержитъ и разрыдается гдѣ-нибудь, сѣвъ на тротуарѣ, что хулиганы вырвутъ у нея вязаный мѣшечекъ, въ которомъ она несла всѣ наши деньги, и даже билетъ на полученіе ея багажа. Ни въ одной порядочной гостинницѣ не примутъ ее въ такое позднее время безъ вещей и паспорта, оставленныхъ на пристани въ складѣ.

Порывы ненависти, уже не мечтательно благодушные, а мстительные и жестокіе, начали охватывать меня, какъ и въ былые годы.

Я чувствовалъ, что въ этомъ зданіи мнѣ даже не потрудятся сказать, что она здѣсь была и ее успокоили, что ее просто не пустятъ даже на дворъ, если она будетъ такъ безумна, чтобъ упорствовать и идти стучаться въ ворота моей темницы, передъ ихъ трехугольнымъ «Всевидящимъ окомъ». Потому и мнѣ было ихъ не жалко: пусть гибнутъ всѣ!

На столѣ въ углу тускло горѣла керосиновая лампочка, противъ двери высоко находилось рѣшетчатое окно, въ которомъ боковыя части были открыты, и въ него смотрѣло, покрытое сплошными тучами, небо.

Я поднялся посмотрѣть въ него и увидѣлъ внизу небольшой дворикъ, освѣщенный одинокимъ фонаремъ. Ни одной души на немъ не было, только прямо подъ окнами раздавались чьи-то шаги—вѣрно, часового. Желѣзные запоры снаружи моей толстой, окованной желѣзомъ двери вдругъ загромыхали сзади меня, она тяжело повернулась на своихъ петляхъ, и коридорный дежурный вошелъ въ сопровожденіи арестанта съ бритой головой, который поставилъ мнѣ на полъ ведро, покрытое крышкой.

— Когда надо будетъ завтра умываться, позвоните!—сказалъ мнѣ его провожатый.—Онъ указалъ на желѣзный гвоздь въ стѣнѣ, который надо было надавить, чтобъ отскочилъ молотокъ снаружи.

— А въ которомъ часу у васъ встаютъ?—спросилъ я.

— Въ семь часовъ обходитъ контроль. Къ этому времени надо уже одѣться, и при его входѣ встать у постели, или противъ нея посрединѣ камеры, бокомъ къ двери.

И онъ показалъ мнѣ, какъ это нужно сдѣлать. Всталъ бокомъ къ двери и опустилъ руки по швамъ.

— Опять эта безсмысленная, направленная на простое раз-

драженіе муштровка!—подумалось мнѣ. — Ну, не все ли имъ равно, если я встану къ начальству даже и лицомъ впередъ? Ну, да чортъ съ ними, все равно пробуду у нихъ недолго! Еслибъ тутъ сидѣть весь годъ, какъ хотѣли меня устроить, то это было бы совсѣмъ невыносимо, да я и ослѣпъ бы отъ недостатка свѣта изъ этого крошечнаго окна и отъ вѣчной темноты внизу подъ ногами. Я обратилъ вниманіе на полъ. Какъ и въ коридорѣ, онъ былъ черный, асфальтовый, по общему образцу нашихъ одиночныхъ тюремъ этого рода. Было видно, что камеру тщательно очищали передъ моимъ пріѣздомъ, очевидно, спеціально для меня, и потому полъ въ ней, какъ и въ коридорахъ, напоминалъ своимъ цвѣтомъ плохо вычищенный сапогъ. Все какъ въ Домѣ предварительнаго заключенія въ Петербургѣ, все какъ въ Шлиссельбургѣ...

Давно знакомая атмосфера одиночнаго заточенія стала снова обволакивать мой мозгъ. И когда я легъ на свой соломенный мѣшокъ, слишкомъ короткій, чтобъ на немъ умѣстились мои, свѣсившіеся за предѣлы койки, ноги, и мало-по-малу задремалъ, знакомыя, тяжелыя сновидѣнія, мучившія меня каждую ночь въ Шлиссельбургской и Петропавловской крѣпостяхъ—снова возвратились ко мнѣ. Мнѣ снилось (и я отмѣтилъ утромъ этотъ сонъ кончикомъ оставшагося у меня въ мѣшкѣ карандаша на внутренней сторонѣ бумажной обертки моего чаю), что въ нашемъ флигелѣ, въ Боркѣ, съ грохотомъ провалился полъ въ сѣняхъ, какъ только я, входя, поставилъ на него ногу. Я успѣлъ отскочить на порогъ внѣшняго крыльца, а передо мною, вмѣсто пола, оказалась зіяющая яма... И я зналъ, что подъ этой ямой, на днѣ которой лежали теперь обломки пола, было еще три такихъ ямы, каждая со своимъ поломъ, поддерживаемымъ надъ нижними посредствомъ четырехъ подгнившихъ бревенъ.

Если бы и эти нижніе полы рухнули, получился бы бездонно глубокій колодезь, чрезвычайно опасный, — думалось мнѣ... Ксана была во внутреннихъ комнатахъ, каждую минуту могла выйти и, отворивъ внутреннюю дверь, сразу упасть въ яму. Надо было сейчасъ же къ ней проникнуть, перепрыгнувъ уголъ этого провала въ сѣняхъ и уцѣпившись надъ ямой за ручку закрытой двери, ведущей къ Ксанѣ. Я уже собирался это сдѣлать, какъ вдругъ вспомнилъ, что есть обходный путь съ другой стороны флигеля, если отпереть тамъ всегда запертую дверь... Надо — думалъ я — наглухо забить обѣ двери, и наружную, и внутреннюю, ведущую въ этотъ провалъ и входить всегда съ противоположной стороны флигеля...

Звучные шаги смѣняющагося караула подъ окномъ пробудили меня—и сонъ этотъ показался мнѣ какъ будто слабымъ эхомъ двухъ, часто видѣнныхъ мною въ Шлиссельбургѣ страшныхъ сновидѣній, часто повторявшихся у меня тамъ и всегда оставлявшихъ въ головѣ давящую свинцовую тяжесть. Мнѣ тогда снилось, что подъ большимъ домомъ въ нашемъ паркѣ есть огромный провалъ въ глубокую яму, служащую входомъ въ бездонный лабиринтъ, до конца котораго никто никогда не достигалъ, такъ какъ тамъ жилъ какой-то сверхъестественный спрутъ, подстерегавшій и хватавшій своими щупальцами всякаго, кто туда входилъ, а по временамъ хваталъ и утаскивалъ даже и просто приближающагося къ этой ямѣ. Всѣ смѣльчаки, желавшіе когда-либо изслѣдовать ее, были увлекаемы въ нее, какъ магнитомъ, и съ криками нечеловѣческаго ужаса и боли падали все ниже и ниже въ бездну, гдѣ поджидало ихъ чудовище и, наконецъ, навсегда умолкали въ ней. Не возвратился ни одинъ. И вотъ, мнѣ необходимо было во что-бы то ни стало проникнуть въ эту яму, когда чудовище спитъ, и навсегда засыпать ее. Я тихо подползалъ къ ея краю, заглядывалъ, проникалъ внутрь, въ первыя развѣтвленія лабиринта, затѣмъ вдругъ, заглянувъ за изгибъ одного изъ узкихъ его ходовъ, встрѣчался тамъ съ огненнымъ кровавымъ глазомъ чудовища, устремленнымъ прямо на меня, среди его сложенныхъ плавниковъ или крыльевъ, напоминавшихъ крылья гигантской летучей мыши. И въ ужасѣ просыпался.

Второй сонъ такого же кошмарнаго рода была «кровавая топь» въ углу нашего Шлиссельбургскаго двора, гдѣ мы гуляли. Это было бездонное, вязкое болото, скрытое поверхностной травкой, съ кровью, вмѣсто подпочвенной воды... Оно, какъ мнѣ было хорошо извѣстно, засасывало съ непреодолимой силой всякаго, чья нога случайно ступала на него,—а мнѣ, кружась въ насильственной прогулкѣ по дворику темницы, постоянно надо было проходить мимо него, не зная, гдѣ кончается твердый дернъ и гдѣ начинается топь. Только въ самой серединѣ видно было его окошко, т. е. поверхностный выходъ. Ужасъ охватывалъ меня при одномъ его видѣ. И вотъ, какимъ-то страннымъ образомъ, но не представлявшимъ для меня ничего удивительнаго во снѣ—это болото оказывалось уже въ открытомъ полѣ; на немъ повсюду были вертлявыя, гнувшіяся подъ ногами кочки, и я стоялъ посреди него, желая выбраться. Я прыгалъ съ кочки на кочку, кровь изъ промежутковъ между ними разбрызгивалась и пятнала мнѣ платье, лицо и руки... По временамъ мнѣ приходилось перескакивать черезъ

глубокія канавы съ текущей въ нихъ человѣческой кровью, попасть въ которыя—значило бы утонуть въ крови. А вдали виднѣлась проѣзжая дорога съ изгородью, отдѣлявшей ее отъ болота, до которой мнѣ, во что бы то ни стало, нужно было добраться. И по временамъ я дѣйствительно добирался, весь измученный, до нея, а по временамъ просыпался съ сильнымъ припадкомъ сердцебіенія еще по срединѣ дороги.

Я безсиленъ описать здѣсь, какъ страшны были эти сны. Читатель самъ знаетъ, что часто, проснувшись, совсѣмъ не понимаешь, отчего то или иное обстоятельство сновидѣнія казалось необычно ужаснымъ.

— Если я буду заключенъ въ подобной большой центральной тюрьмѣ,—думалось мнѣ,—всѣ ночи будутъ полны для меня такими сновидѣніями. И они измучатъ меня болѣе, чѣмъ сама дѣйствительность.

Я потеръ, какъ дѣлалъ это всегда, шею и затылокъ, чтобы усилить въ нихъ кровообращеніе.

— Гдѣ ты, Ксана?—сказалъ я непроизвольно, какъ я часто дѣлалъ, когда она отсутствовала. Я сразу вспомнилъ, что ея положеніе теперь, ночью, на улицѣ, можетъ быть, еще хуже моего.

Слабое мерцаніе утра засвѣтилось въ окнѣ; постепенно наступалъ новый день. Дверь загремѣла и отворилась. Ко мнѣ на минуту вошелъ тюремщикъ съ бритымъ арестантомъ, чтобы унести принесенное на ночь ведро.

И вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ ихъ ухода, въ концѣ коридора, раздалось хоровое пѣніе: «Спаси, Господи, люди Твоя»...

Это было уже совсѣмъ неожиданно для меня! Ни въ одной изъ прежнихъ тюремъ не было ничего подобнаго.

— Очевидно— сообразилъ я—здѣсь заставляютъ арестантовъ пѣть православную кантату, какъ утреннюю молитву. Но всѣхъ ли заставляютъ, или только въ общихъ камерахъ?

Отвѣта мнѣ, конечно, не было. Вдали загремѣлъ запоръ, отворилась чья-то дверь и одиночный голосъ крикнулъ:

— Здраю желаю!

Затѣмъ начали по очереди отворяться другія двери, приближаясь ко мнѣ, и каждый разъ раздавалось тоже самое громкое восклицаніе.

— Кто это обходитъ? Будутъ ли учить этому военному привѣтствію и меня?—возникъ у меня вопросъ, и я началъ спѣшно одѣваться, чтобы не застали меня въ постели и не нагрубили. Не смотря на указанія коридорнаго, я почему-то не

всталъ во фронтъ противъ постели, а у нея самой, смотря въ отворяющуюся дверь. Вошелъ высокій, рябой вахмистръ и, обратившись ко мнѣ съ легкимъ поклономъ, вѣжливо сказалъ, улыбаясь:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!— отвѣчалъ ему, также улыбаясь, и я.

— Ну, что вамъ, ничего было здѣсь?—спросилъ онъ, показывая на мой соломенный мѣшокъ.—Здѣсь другихъ постелей нѣтъ.

— Ничего! Приходилось и хуже! Я очень невзыскателенъ.

— Никакихъ жалобъ или заявленій нѣтъ?

— Никакихъ.

Онъ такъ же вѣжливо раскланялся и удалился.

«Значитъ здѣсь дѣлаютъ какія-то различія между заключенными»—подумалъ я.

Въ моей камерѣ не было ни умывальника, ни другихъ учрежденій. Я нажалъ желѣзный гвоздь въ стѣнѣ у двери, что-то стукнуло снаружи и опустилось, а черезъ нѣсколько минутъ загремѣли мои запоры, и коридорный сторожъ отворилъ дверь.

— Гдѣ здѣсь умываются?

— Пожалуйте напротивъ.

Онъ повелъ меня кругомъ коридора въ такую же камеру, какъ моя, но побольше. Тамъ была кухонная плита съ котломъ внутри и двумя мѣдными кранами для кипятка, а у второй стѣны торчалъ кранъ для умыванія и все прочее. Онъ притворилъ слегка за мной дверь и ушелъ, не запирая. Я умылся и возвратился къ себѣ. На моемъ столѣ лежалъ уже кусокъ чернаго хлѣба, а мой чайникъ былъ наполненъ кипяткомъ.

Я заварилъ чаю и выпилъ кружку, съ булкой и колбасой, изъ запаса сдѣланнаго для меня Ксаной. Я пилъ и ѣлъ насильно, потому что никакого аппетита у меня не было, какъ и всегда при нервномъ возбужденіи. А теперь мысль о Ксанѣ не давала мнѣ покоя.

— Пожалуйте на прогулку!—сказалъ мнѣ коридорный, отворяя дверь.—Вамъ назначено полчаса.

Я вышелъ въ сопровожденіе другого, разводящаго сторожа на тюремный дворъ, а изъ него, черезъ арку, прошелъ на другой, почти квадратный, въ срединѣ котораго росло большое дерево. Дорожка для прогулки представляла собой кругъ значительной величины около этого дерева. Внутри были цвѣты и овощи, а снаружи, вплоть до окружающихъ зданій—свекла и картофель, посаженныя, очевидно, заключеными. Одинъ изъ нихъ, бри-

тый, какъ и всѣ, кого я здѣсь видѣлъ, въ бѣлыхъ холщевыхъ пантолонахъ и курткѣ, копалъ уже созрѣвшій картофель и клалъ его въ корзину, а далѣе ходилъ часовой съ ружьемъ. За ними стояло длинное зданіе, съ высокими, какъ двери, рѣшетчатыми окнами.

— Очевидно, лазаретъ,—подумалъ я.—Вѣдь вотъ строятъ же для больныхъ большія окна, значитъ, понимаютъ пользу свѣта для здоровья. А пока не заболѣлъ человѣкъ заставляютъ его портить себѣ легкія и глаза въ полутемныхъ камерахъ, у которыхъ нарочно сдѣланы крошечныя окна надъ самымъ потолкомъ.

Я началъ кружиться по своей дорожкѣ подъ жгучими лучами солнца.

Прошло двадцать минутъ.

— Прогулка кончена!—сказалъ мнѣ приведшій меня разводящій, глядя на свои часы.

Я взглянулъ на свои (они были въ кожаномъ браслетикѣ на моей рукѣ, что очень удобно, въ особенности при полетахъ на аэропланѣ, да и вообще лучше, чѣмъ въ карманѣ).

Онъ нѣсколько смутился, замѣтивъ только тутъ, что у меня часы не отобраны.

— Немножко меньше получаса,—сказалъ онъ. Но теперь праздникъ и надо торопиться къ службѣ...

Однако я уже давно зналъ манеру разводящихъ сокращать прогулку заключенныхъ, чтобы самимъ было больше свободнаго времени, и ничего ему не отвѣтилъ.

И вотъ вновь началось для меня длинное безконечное хожденіе по камерѣ изъ угла въ уголъ, четыре шага взадъ и четыре впередъ съ крутымъ поворотомъ на каблукѣ и съ тѣмъ же неотвязнымъ вопросомъ, гдѣ и какъ провела ночь Ксана, брошенная ночью грубымъ околодочнымъ на произволъ судьбы въ этомъ незнакомомъ намъ городѣ. И вновь стрѣлка часовъ, на которыя я постоянно поглядывалъ, казалась мнѣ стоящей на одномъ мѣстѣ, такъ что я послѣ каждаго взгляда прикладывалъ циферблатъ къ уху, чтобъ убѣдиться, что часы еще идутъ. Наконецъ, въ десять часовъ утра вошелъ ко мнѣ вновь коридорный со словами:

— Пожалуйте на свиданье!

Я такъ и подпрыгнулъ отъ радости на своемъ мѣстѣ, и почти бѣгомъ бросился въ коридоръ и дальше въ пріемную... Только рѣшетчатыя двери, преграждавшія мнѣ дорогу, дали провожающему возможность догнать меня.

Тамъ, въ пріемной была Ксана! Мы бросились обнимать

другъ друга, не обращая вниманія на стоявшаго въ отдаленіи высокаго начальника тюрьмы и его молодого помощника.

— Гдѣ ты провела ночь?

— Сначала бѣжала за тобой, бѣжала долго, но никакого извощика не было. Потомъ сбилась съ пути и никто не могъ мнѣ указать, гдѣ тюрьма, куда тебя повезли. Я поняла, что до утра меня все равно къ тебѣ не пустятъ и подумала, что лучше всего раздобыть наши вещи, и пошла по направленію къ пристани, но тамъ контора была уже заперта. Я явилась въ ближайшую гостиницу и, сказавъ, что не нашла въ городѣ знакомыхъ, къ которымъ пріѣхала, просила ихъ дать мнѣ комнату, а за вещами на пристани послать мальчика. Моя багажная квитанція подѣйствовала на нихъ; меня отвели въ номеръ, а мальчику удалось найти и сторожа на пристани, который выдалъ ему багажъ.

— Вотъ умница!—восклицалъ я, удивляясь ея находчивости.—Мнѣ, навѣрно, и въ голову не пришло бы сейчасъ же предъявить свой багажный билетъ, и меня, чего добраго, не впустили бы никуда!

На душѣ сразу стало легко.

— Я вамъ предоставлю свиданье здѣсь,—сказалъ подошедшей къ намъ смотритель,—а мой помощникъ долженъ присутствовать, по правиламъ.

Онъ собрался уходить, вѣжливо поклонившись Ксанѣ и мнѣ.

— Такъ вы уже давно ждали меня?—спросилъ я его.

— Да! И даже получили уже два письма для васъ, благодаря газетамъ, судя по которымъ вы должны были пріѣхать къ намъ нѣсколько дней назадъ. Одно обыкновенное, а другое ругательное.

— Ругательное? Кто же меня ругаетъ и за что?

— Не васъ тамъ ругаютъ, а насъ. Письмо адресовано къ вамъ и заключаетъ сначала ободренія вамъ, а потомъ пишущій начинаетъ ругать насъ и вашихъ судей на нѣсколькихъ страницахъ, и подписано: Аминь.

Мы съ Ксаной улыбнулись.

— Я оба пошлю прокурору,—продолжалъ онъ,—который разрѣшаетъ здѣсь переписку, но онъ, навѣрное, пропуститъ только первое, а не второе.

Ксана стала просить, чтобъ ей позволили зайти ко мнѣ и вечеромъ—принести мнѣ фруктовъ.

— Это можно. Фрукты полезны, и я ихъ допускаю охотно.

— А прогулку нельзя ему увеличить?

— У насъ на дворѣ соблюдается очередь, а вмѣстѣ съ другими я не могу пустить. Но, впрочемъ,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—когда захочется, скажите. Я распоряжусь, чтобы васъ пускали на передній дворъ, гдѣ мой садикъ.

Это было необычайно любезно. Онъ ушелъ, предоставивъ насъ своему помощнику, который сначала тоже ушелъ, а потомъ возвратился.

— Неужели вы сидѣли двадцать лѣтъ?—спросилъ онъ меня.

— Двадцать восемь; теперь вотъ назначили мнѣ двадцать девятый, вѣрно, хотятъ постепенно довести до тридцати.

— За что же? Я читалъ въ газетахъ, что за стихи. Неужели за такой пустякъ на цѣлый годъ?

Пришлось согласиться, что да.

— Я изъ нижнихъ чиновъ,—сказалъ онъ,—и потому здѣшнее мѣсто является однимъ изъ немногихъ, доступныхъ для меня, хотя оно и непривлекательно.

Онъ снова оставилъ насъ однихъ. Видно было, что онъ добродушенъ, интеллигентнѣе большинства своихъ сослуживцевъ и принимаетъ искреннее участіе въ Ксанѣ, мытарства которой онъ узналъ. Въ нашу комнату стали входить посѣтители другихъ заключенныхъ, которые въ дальномъ концѣ разговаривали съ ними черезъ двойныя рѣшетки, становясь въ маленькіе шкафики, не затворяющіеся сзади. Черезъ четверть часа ихъ пригласили удалиться и въ шкафики вошли новые посѣтители.

Какъ тяжело такого рода свиданіе!

— Чему обязаны мы—сказала Ксана,—что насъ поставили въ такое привилегированное положеніе?

— Только тому,—отвѣтилъ я ей,—что обо мнѣ пишутъ газеты, и что еще ранѣе моего пріѣзда какой-то Аминь прислалъ имъ ругательное письмо.

— Милый, славный Аминь!—сказалъ я мысленно, самъ себѣ.—Будь ты благословенъ! И вы всѣ остальные, милые, добрые Амини, пишите самовластнымъ бюрократамъ то, чего они заслуживаютъ, и пусть они по количеству ежегодно получаемыхъ писемъ высчитываютъ, собравшись, кто изъ нихъ популярнѣе и долженъ быть произведенъ въ слѣдующій высшій чинъ!

— Очень прошу васъ поторопиться окончаніемъ свиданія!—сказалъ, снова подходя къ намъ, молодой помощникъ смотрителя.—Я ужъ на свой страхъ прибавилъ вамъ.

Дѣйствительно, вмѣсто указаннаго намъ смотрителемъ получаса, мы съ Ксаной разговаривали почти часъ.

— Вечеромъ можно будетъ снова,—прибавилъ онъ.

Мы попрощались и Ксана обѣщала принести ягодъ въ пополненіе обѣда, который я заказалъ себѣ въ тюремной кухнѣ. Извнѣ обѣдъ нельзя было получать.

Но не прошло и часа послѣ моего возвращенія въ камеру, какъ помощникъ смотрителя пришелъ ко мнѣ.

— Собирайте ваши вещи. Конвой уже ждетъ, чтобъ вести васъ на пароходъ.

Я такъ и привскочилъ.

— Но какъ же,—говорю,—вѣдь моя жена ничего не знаетъ и останется здѣсь ждать моего отъѣзда.

— Можетъ быть, я буду въ состояніи предупредить ее?

— Но я не знаю даже въ какой гостиницѣ она остановилась! Притомъ же, она, навѣрно, ушла ходить по городу и покупать для меня фрукты и ягоды.

— Увѣряю васъ, что я совершенно ничего не зналъ о томъ, что васъ отправятъ такъ экстренно! Я васъ знаю давно, по вашимъ статьямъ въ «Вѣстникѣ Знанія», который я читаю, и по газетамъ, еще со времени вашего выпуска изъ Шлиссельбурга! Это распоряженіе этапнаго начальника.

Я видѣлъ, что онъ говорилъ правду, и подавивъ свое внутреннее волненіе по поводу новаго тяжелаго испытанія, ждущаго Ксану, собралъ свои вещи и пошелъ въ пріемную.

Тамъ все произошло такъ, какъ предсказывалъ мнѣ въ Ялтѣ Ш. Прежде всего конвойный старшій попросилъ меня раздѣться и, протеревъ каждый шовъ моего платья и огладивъ руками черезъ бѣлье все мое тѣло, какъ при пріемѣ сюда, началъ особенно усердно и долго прощупывать пятки моихъ сапоговъ, очевидно, предполагая тамъ спрятанныя для побѣга деньги. Мнѣ, добровольно пошедшему на это новое испытаніе за свободу слова, стало смѣшно при видѣ его безпокойства.

Повидимому, эти пятки страшно его безпокоили, но, не найдя въ нихъ ничего, онъ, наконецъ, со вздохомъ, поставилъ предо мною башмаки. Мои часы и очки, вмѣстѣ съ карандашемъ и пачкой почтовой бумаги, были отложены въ сторону.

— Этого,—сказалъ онъ—мы не возьмемъ.

— Какъ? даже очковъ? Но безъ нихъ у меня сейчасъ же разболятся глаза и придется дѣлать заявленіе доктору.

— По нашимъ новымъ правиламъ очковъ мы не беремъ иначе какъ при бумагѣ доктора о томъ, что они необходимы для зрѣнія.

— Но вѣдь никто же изъ отправляемыхъ не знаетъ, что надо запастись докторскимъ удостовѣреніемъ!

— Потому почти всѣхъ мы и возимъ безъ очковъ. Все это мы оставимъ здѣсь, въ тюрьмѣ, и изъ нея перешлютъ вамъ, если пожелаете, на мѣсто назначенія.

— Но я даже не знаю, посадятъ ли меня въ Двинскую крѣпость или въ Двинскую тюрьму!

— Можетъ быть,—вмѣшался молодой помощникъ смотрителя,—вы довѣрите мнѣ все это для передачи вашей женѣ?

— Съ удовольствіемъ, все! Но очки мнѣ необходимы.

— Можетъ быть, достаточно будетъ, если смотритель тюрьмы напишетъ разрѣшеніе на очки, вмѣсто доктора, котораго теперь нѣтъ?—спросилъ онъ конвойнаго.

— Это можно!—сказалъ смотритель, только что вошедшій съ кошелькомъ, отобраннымъ у меня при пріемѣ.—Я вамъ могу—обратился онъ ко мнѣ—кромѣ очковъ, выдать только мелочь изъ кошелька—восемьдесятъ восемь копеекъ, а остальные сорокъ семь рублей вамъ будутъ пересланы мною потомъ по назначенію, вмѣстѣ съ вашимъ чемоданомъ и всѣми отобранными вещами. Васъ повезутъ на пароходѣ сначала въ Одессу, гдѣ перемѣнятъ конвой, а затѣмъ, по другимъ этапамъ, въ Витебскъ, въ распоряженіе губернатора. Такъ сказано въ бумагѣ.

— Но почему же окольнымъ путемъ, моремъ черезъ Одессу, а не прямо по желѣзной дорогѣ?

— Можетъ быть боятся сочувственныхъ встрѣчъ на станціяхъ,—улыбнувшись, сказалъ онъ.—Вѣдь о вашемъ отправленіи въ Двинскъ уже напечатано въ сегодняшнихъ газетахъ.

Итакъ, мнѣ предстояло ѣхать болѣе двухъ тысячъ верстъ окружными путями съ 88 копейками на пропитаніе, не считая 10 копеекъ суточныхъ! Больше двухъ бутербродовъ въ день не купишь въ дорогѣ на такія деньги!

А затѣмъ предстоятъ остановки въ губернскихъ тюрьмахъ по недѣлямъ, въ ожиданіи сбора попутныхъ этаповъ. Я уже чувствовалъ у себя подъ ложечкой будущій мучительный, многодневный голодъ, который я испыталъ когда-то при первомъ заключеніи и потомъ, въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Если бы этихъ предварительныхъ опытовъ не было, я чувствовалъ бы себя въ тысячу разъ легче, но я уже два раза успѣлъ узнать, что значитъ умирать отъ голода, и мнѣ казалось, что третьяго такого испытанія уже никто не можетъ выдержать. Мнѣ начинало казаться, что прежній адъ снова разверзаетъ передо мною свою пасть, чтобъ ужъ окончательно проглотить меня. Наступаетъ для меня вѣчная разлука съ Ксаной, съ наукой, съ природой, съ полетами по воздуху...

Какъ горькая иронія вспомнилось мнѣ, что именно здѣсь, въ Севастополѣ, находится теперь авіаторъ Ефимовъ, съ которымъ я встрѣтился мѣсяцъ тому назадъ и условился летѣть вмѣстѣ на его новомъ моноплапѣ черезъ всю Россію, отъ Чернаго до Балтійскаго моря И вотъ, вмѣсто полета по воздуху, судьба и начальство уже приготовляли мнѣ путешествіе по простымъ этапамъ, и какъ разъ по тому же самому направленію! Вмѣсто панорамъ городовъ и деревень, рѣкъ и озеръ съ высоты птичьяго полета—мнѣ приготовленъ осмотръ всѣхъ русскихъ тюремъ между Чернымъ и Балтійскимъ моремъ—можетъ быть для того, чтобы я успѣлъ описать ихъ ужасы до своей смерти!

Пять конвойныхъ съ саблями на-голо окружили меня и, по командѣ, повели по улицамъ Севастополя къ пристани. Я шелъ между ними съ эмалированнымъ жестянымъ чайникомъ въ одной рукѣ и съ чернымъ мѣшкомъ въ другой, гдѣ были положены мыло, полотенце, запасная рубашка, булка, фунтъ копченой колбасы, фунтъ чаю и три фунта сахару. Мы шли по срединѣ улицъ. Случайные прохожіе безучастно,—какъ казалось мнѣ,—посматривали на меня съ тротуаровъ, и проходили мимо. Никого знакомаго не встрѣтилось на всемъ этомъ длинномъ пути...

Какой контрастъ,—думалось мнѣ,—начинающейся теперь части моего пути съ только что минувшей частью! Раньше сопровождавшіе меня одинокіе стражники и околодочные нарочно уходили отъ меня по временамъ, оставляя одного и какъ бы говоря: «да убѣги же ты, наконецъ, избавь насъ отъ непріятности»!.. а теперь полная перемѣна фронта. «Знаемъ мы, что ты каждую минуту только и думаешь, чтобы сбѣжать, но это, братъ, тебѣ не удастся!» И мнѣ казалось, что все это дѣлается умышленно, что въ началѣ моего ареста властямъ очень хотѣлось, чтобъ я убѣжалъ, и этимъ выставилъ себя непослѣдовательнымъ трусомъ, предложившимъ, чтобъ его судили вмѣсто другого, а затѣмъ сбѣжавшимъ отъ неблагопріятнаго приговора. А затѣмъ, когда я не исполнилъ ожидаемаго,—думалось мнѣ—они рѣшили поступать со мною такъ, какъ будто бы я только и думалъ о побѣгѣ.

Передо мной показалось снова Черное море, пристань, большой закопченый пароходъ, но меня не повели туда, а отвели немного направо, къ какому-то помѣщенію передъ набережной, въ родѣ таможни, и предложили сѣсть у нея на скамейку. Тамъ, на небольшой площадкѣ спали нѣсколько солдатъ и одинъ караулилъ ихъ ружья, сложенныя въ козла. Старшій

моего конвоя сходилъ на пароходъ за билетами и возвратился. Минуты за минутами потянулись для меня въ томительномъ ожиданіи, подъ жгучимъ солнцемъ, такъ какъ оказалось, что пароходъ пойдетъ только черезъ три часа, а меня хотѣли отвести отсюда на него только передъ самымъ отправленіемъ. Я молча смотрѣлъ на проѣзжающихъ мимо насъ пассажировъ и вдругъ увидѣлъ на одномъ извозчикѣ, мчавшемся особенно быстро, широкую бѣлую съ чернымъ каймой шляпку Ксаны.

— Ксана—крикнулъ я ей, чувствуя, что никакіе штыки и грубости не удержали бы меня отъ этого.

— Нельзя! нельзя разговаривать!—строго замѣтилъ мнѣ конвойный.

Ксана быстро остановила извощика.

— Я все знаю!—крикнула она мнѣ издали.—Сейчасъ свезу чемоданъ и возьму себѣ билетъ. Мы поѣдемъ вмѣстѣ!

И она подъѣхала къ пароходу. Казалось, все стало сразу свѣтло. Кто ей сказалъ? Или, случайно, она сама заѣхала въ тюрьму, чтобы передать мнѣ фрукты и узнала, что меня уже увезли?

— Можно будетъ ей видѣться со мной?— сказалъ я конвойному.—Мы не останемся въ долгу. И вамъ, и мнѣ будетъ лучше, потому что всѣ деньги у нея,—прибавилъ я съ удареніемъ.

— До отхода, пока стоятъ жандармы и смотритъ разное начальство, никакъ нельзя. А потомъ, когда отъѣдемъ, можно.

Черезъ нѣсколько минутъ Ксана снова проѣхала мимо насъ.

— Я опять въ гостиницу—крикнула она мнѣ.—Въ торопяхъ забыла одинъ изъ чемодановъ. Еще долго до отхода!

Она исчезла. Конвойные, посидѣвъ еще немного, повели меня на пароходъ, гдѣ около самаго носа корабля мы спустились подъ палубу по лѣсенкѣ, приведшей меня къ некрытому, четыреугольному, широкому колодцу. Онъ былъ окруженъ рѣшеткой, а между нимъ и бортомъ парохода, по краямъ палубы, находились два этажа наръ. Это и было этапное помѣщеніе для обычныхъ пересыльныхъ, гдѣ они спятъ вмѣстѣ, въ повалку. Но меня не посадили на нары, а обвели кругомъ всего колодца и ввели въ небольшую каюту, съ маленькимъ круглымъ окномъ, смотрящимъ на море, съ умывальникомъ въ углу и двумя койками у поперечныхъ стѣнъ.

— Это машинистъ уступилъ вамъ свою каюту! — сказалъ мнѣ старшій конвойный.—Здѣсь вамъ будетъ удобно.

Онъ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился снова.

— А супруга ваша уже здѣсь и говорила, чтобы пустили

къ вамъ. Я обѣщалъ, какъ только пароходъ отойдетъ отъ пристани. — Онъ былъ въ очень благодушномъ настроеніи. — Очевидно, получилъ рубль — подумалъ я.

Пошутивъ немного съ своими конвойными, чтобы успокоить ихъ подозрительность, я началъ смотрѣть въ окошечко на волнующееся море. Теперь, когда я былъ спокоенъ за Ксану, я вновь получилъ способность любоваться природой. Вдали надъ рейдомъ склонялось безоблачное небо, подернутое сѣроватой мглою жаркаго южнаго дня. Легкій вѣтерокъ рябилъ поверхность сѣро-синеватыхъ водъ, на которой неподвижно поднимались въ нѣкоторомъ отдаленіи сѣрыя громады броненосцевъ.

Кто знаетъ, когда я поплыву еще разъ по твоимъ волнамъ, Черное море?!. И поплыву ли когда нибудь?!

Въ моей памяти встало другое, болѣе близкое мнѣ Балтійское море, и какъ не похоже казалось оно на это!

Вотъ почти растаяли снѣга въ окрестностяхъ Петербурга, обнаружилась промерзшая земля, и я, въ восторгѣ, собираюсь въ необыкновенное путешествіе. Дядя моей племянницы Ниночки предлагаетъ мнѣ пробиться съ нимъ сквозь льды, оковывавшіе ещеполовину Финскаго залива на ледоколѣ «Ермакъ», находившемся тогда въ его вѣдомствѣ.

Какъ было не согласиться! Мы отправляемся въ Кронштадтъ, поднимаемся на огромное, неуклюжее судно съ двумя толстѣйшими дымовыми трубами. Капитанъ и команда встрѣчаютъ насъ, какъ дорогихъ гостей и, проведя въ каютъ-компанію, съ любопытствомъ разспрашиваютъ меня о моемъ, тогда еще недавнемъ, заключеніи въ Шлиссельбургѣ. Звенятъ стаканы на обѣденномъ столѣ, бутылки со всевозможными винами. Но мнѣ хочется иного, хочется скорѣе вверхъ на палубу, на капитанскій мостикъ, откуда виденъ весь ледяной просторъ, по которому мы теперь идемъ, пробивая грудью своего корабля широкую полосу свободнаго пути.

И вотъ, наконецъ, я тамъ... Съ грохотомъ ломается подъ нами на куски бѣлое безбрежное ледяное поле. Какъ молніи, зигзагами, мчатся по нему во всѣ стороны впереди насъ отъ носа корабля извилистыя трещины, предвѣстницы немедленнаго разрушенія ледяной брони, оковавшей море. Скребутъ и перевертываются тяжелыя толстыя льдины у бортовъ корабля, отбрасываются назадъ къ мощнымъ винтамъ, крошащимъ ихъ, какъ стекло, въ мелкіе обломки...

Все далѣе и далѣе, весь дрожа и подпрыгивая, несется среди льдовъ огромный корабль-ледоколъ, оставляя за собой

длинный каналъ свободной воды. Вотъ поперекъ его пути, какъ огромный валъ, лежитъ ледяной то́росъ, т. е. валъ, начало которому дала осенняя трещина въ ледяномъ полѣ, съ краями, надвинувшимися одинъ на другой и смерзшимися снова. Носъ нашего корабля врѣзывается въ нее, но не въ силахъ пробить преграды.

— Задній ходъ! — раздается команда, но корабль не подается назадъ.

Какъ клинъ онъ врѣзался въ ледяную толщу, не выпускающую его изъ своихъ тисковъ.

— Раскачивай!—раздается новый приказъ, и посредствомъ воды, переливаемой машинами изъ одной части трюма въ другую, корабль начинаетъ переваливаться то на одинъ, то на другой бокъ. Вотъ онъ освободился, наконецъ, изъ ледяныхъ тисковъ, подчиняется своимъ винтамъ и идетъ назадъ по сдѣланному имъ ранѣе проходу.

— Впередъ!—раздается новая команда, и послушный великанъ вновь бросается на торосъ и, разбивъ его съ размаху на сотни обломковъ, проходитъ поперекъ и продолжаетъ далѣе свой вседробящій путь.

Миновали бѣлыя ледяныя поля; показались области болѣе протаявшихъ льдовъ. Вотъ, какъ черный бархатъ подъ яркими лучами весенняго солнца, показались «игольчатые льды»—ледяныя поля, разрыхленныя просачивающеюся внизъ водою на тѣсно-сплоченные пучки вертикально стоящихъ ледяныхъ иглъ. Горе тому, кто на нихъ ступитъ!—иглы скользнутъ внизъ подъ его ногою и онъ немедленно провалится подъ ледъ. Вотъ «блинчатые льды» — прежнія ледяныя поля, разбитыя осенними бурями на обточившіяся тутъ же другъ о друга овальныя льдины, скрѣпленныя позднѣйшими промежуточными льдами, другого цвѣта и строенія. Вотъ огромныя проталины во льдахъ, полныя голубой, чистой весенней воды; вотъ неглубокія верхнія воды, разлившіяся, какъ кружево, надъ льдами, съ ихъ болѣе блѣднымъ цвѣтомъ и мелкой рябью. Все ниже и ниже опускается солнце надъ горизонтомъ, все блѣднѣе и блѣднѣе становятся оттѣнки неба и все ярче и ниже полоса свѣта, тянущаяся къ нему по проталинамъ и льдамъ до самаго горизонта.

Настоящій весенній полярный пейзажъ!

Нигдѣ не видно береговъ, все льды и льды кругомъ, куда ни хватитъ глазъ. Вотъ зашло солнце и узкая огненная полоска, появившаяся вдоль горизонта на его мѣстѣ, стала разгораться широкимъ кровавымъ пожаромъ по всему западному краю неба.

А въ отвѣтъ ей засвѣтилось разноцвѣтными отливами, то алымъ, то зеленымъ, то золотисто-желтымъ, все кружево весеннихъ водъ надъ ледяными полями. Потомъ и оно постепенно погасло; засвѣтился въ голубизнѣ неба блѣдной точкой Арктуръ, а льды, казалось, вновь слились вмѣстѣ...

Было ли это по закону контраста окружавшаго меня въ Севастополѣ южнаго зноя и сѣвернаго холода во время путешествія на ледоколѣ, или по причинѣ контраста моей тогдашней свободы среди окованнаго льдомъ моря и теперешней неволи среди свободно плещущихъ волнъ, или громады стоящихъ вдали броненосцевъ напомнили мнѣ объ «Ермакѣ»,—но всѣ картины путешествія на немъ ярко пронеслись въ моемъ умѣ, когда я прильнулъ жаднымъ взглядомъ къ круглому окошечку своей каюты. Мнѣ вспомнилась и ночь стоянки «Ермака» въ ледяныхъ поляхъ, когда я проснулся одинъ въ его каютѣ съ такимъ же маленькимъ круглымъ окошечкомъ какъ здѣсь, и, укутанный въ одѣяло, слушалъ въ глубокой тьмѣ, какъ за нѣсколько вершковъ отъ моей головы края ледяныхъ полей скребли, какъ желѣзные когти демоновъ, о наружную поверхность слегка раскачавшагося отъ вѣтра корабля. Вспомнился и нашъ обратный приходъ въ освободившееся отъ льда устье Невы при самомъ солнечномъ восходѣ, когда кронштадтскіе форты всплывали передъ нами одинъ за другимъ изъ полупрозрачнаго розоваго тумана, какъ волшебные замки сказочнаго міра, и снова тонули въ немъ.

Какое счастье, что мысль, утомленная тяжелыми впечатлѣніями и тоской настоящаго или грядущаго горя, благодаря какой-то безсознательной психической реакціи, имѣетъ склонность уноситься къ картинамъ и грезамъ прошлаго, совершенно обратнымъ настоящему моменту, и на мгновеніе позабываетъ о грозномъ предстоящемъ!

Не знаю, долго ли я такъ стоялъ. Корабль началъ понемногу сниматься съ якоря. На палубѣ надо мной забѣгали, завозились. Съ трескомъ завертѣлся блокъ поднявшагося каната, вода зажурчала у борта и Севастопольскій рейдъ началъ понемногу уходить изъ моего круглаго поля зрѣнія. Почти въ то же время Ксана вбѣжала въ мою каюту и бросилась мнѣ на шею.

— Знаешь!—говорила она.—Если я узнала о твоемъ отъѣздѣ, то только благодаря любезности того молодого помощника смотрителя. Онъ слышалъ, какъ я говорила тебѣ, что моя гостиница недалеко отъ пристани, и потому сейчасъ же послѣ твоего увода онъ попросилъ разрѣшенія отвезти мнѣ отобранныя у тебя вещи и деньги, и поѣхалъ съ ними прямо ко мнѣ.

— Какое счастье, что онъ тебя засталъ!

— Да! Только потому, что я рѣшила до ухода къ тебѣ написать нѣсколько открытокъ знакомымъ, а то иначе я пошла бы за фруктами. Я такъ была испугана, что пароходъ уйдетъ безъ меня, что позабыла его даже поблагодарить. Надо будетъ послать ему съ дороги открытку. Я бросилась упаковывать чемоданы, не подождала даже счета за проведенную въ гостинницѣ ночь, сунула имъ прямо пять рублей и помчалась на пристань, забывъ одинъ изъ чемодановъ, за которымъ и пришлось возвращаться, когда мнѣ сказали, что до отхода еще болѣе часу.

Конвойные ушли въ сосѣднюю каюту, служившую какъ бы большой передней къ нашей крошечной, и начали свои собственные разговоры. На завтракъ Ксанѣ пришлось уйти въ общую столовую, но черезъ полчаса она возвратилась ко мнѣ съ фруктами.

Обѣдали мы уже вмѣстѣ, благодаря любезности капитана, который заходилъ ко мнѣ обмѣняться нѣсколькими словами, и даже собрался было напиться съ нами чаю, но потомъ, не придя, откровенно признался Ксанѣ:

— Побоялся, какъ бы меня не прогнали за это со службы!

— Итакъ, я вновь сталъ страшенъ!—подумалъ я.—Что же? Вѣдь теперь коронный судъ вновь выбилъ изъ моей головы всю астрономію, физику и математику, которымъ я предавался шесть лѣтъ, и наполнилъ ее однимъ зложелательствомъ къ содержащему такіе суды общественному строю!...

— Только все это ужасно тяжело! —сказала Ксана, которой я сообщилъ свою мысль.—Если они и далѣе такъ будутъ продолжать, то совсѣмъ замучатъ и тебя, и меня.

— Если гдѣ-нибудь меня успѣютъ увезти раньше, чѣмъ ты узнаешь, то поѣзжай прямо въ Витебскъ, не разыскивая меня по попутнымъ этапамъ. Все равно не разыщешь, а только потеряешь время и окончательно разстроишь себѣ нервы.

— Нѣтъ, я поѣду туда, куда, мнѣ скажутъ, увезли тебя!

— Но вѣдь если меня повезутъ не такъ, какъ тебѣ скажутъ, то я не буду въ состояніи даже адресовать тебѣ открытку съ извѣщеніемъ, гдѣ я нахожусь, я не буду знать твоего адреса. А въ Витебскъ меня уже назначили. Въ бумагѣ, которую показалъ мнѣ старшій конвойный, сказано: «пересылается этапомъ, но особо отъ другихъ арестантовъ, въ распоряженіе витебскаго губернатора, на предметъ помѣщенія въ Двинскую тюрьму». Тамъ тебѣ и надо быть заблаговременно, чтобы объяснить губернатору, что дѣло идетъ не о городской тюрьмѣ, а о крѣпости.

Это на нее нѣсколько подѣйствовало.

— Тамъ будетъ видно; можетъ быть, я тебя и не потеряю. Я буду справляться о тебѣ въ тюрьмахъ по нѣскольку разъ въ день.

— А если потеряешь, то прямо останавливайся въ Витебскѣ у А. А. (знакомой намъ дамы), и всѣ открытки съ дороги я буду адресовать туда.

Наступила ночь. Измученная до сильной головной боли безсонницами и всякими неожиданными тревогами, похудѣвшая Ксана ушла къ себѣ въ каюту, а я вновь началъ глядѣть въ окно. Въ дни большихъ тревогъ или усиленной затраты нервной и физической энергіи, мнѣ никогда не хочется ни ѣсть, ни спать, хотя бы такое состояніе и продолжалось нѣсколько сутокъ.

Черное море было темно, какъ уголь. Невидимыя волны съ плескомъ били снаружи о бортъ нашего корабля, вдоль котораго продолжали журчать водяныя струйки, перемежаемыя ритмическимъ вздрагиваніемъ всего корпуса, при каждомъ ударѣ поршней его машины. По небу почти сплошь неслись черныя клочковатыя тучи, среди которыхъ впереди, у самаго края видимаго мнѣ пространства, на нѣсколько минутъ показался яркій Юпитеръ, да чуть мелькнулъ около него красный Антаресъ. Потомъ, на мигъ, прямо передо мною показался блѣдный Атаиръ—и вновь все небо заволоклось тучами.

Я легъ на свою койку и погрузился въ мечты, которыхъ теперь совсѣмъ не могу припомнить, такъ какъ утромъ не сдѣлалъ о нихъ меморативныхъ замѣтокъ на обложкѣ своего фунта чаю, чтобъ не обратить на нее вниманія конвойныхъ.

А они, распивъ предварительно скляночку водки, всю ночь рѣзались другъ съ другомъ въ карты, на деньги, въ сосѣдней комнатѣ, и этимъ напомнили мнѣ какой-то романъ Вальтеръ-Скотта, гдѣ сторожа захваченнаго героя поступали точно также, и этимъ дали возможность одной прекрасной миссъ проникнуть къ нему и содѣйствовать его освобожденію.

На самомъ разсвѣтѣ я всталъ со своей койки. Ночныя черныя тучи уже ушли съ неба и только кое-гдѣ виднѣлись вмѣсто нихъ алыя полосы и мазки. Я долго смотрѣлъ на море, въ этой розовой мглѣ напомнившее мнѣ утро на «Ермакѣ», и снова легъ на койку. Потомъ Ксана пришла сидѣть со мною; мы пили вмѣстѣ чай, смотрѣли въ окошечко на безбрежное волнующееся море и на бѣлые гребешки пѣны, тутъ и тамъ срывающіеся съ волнъ. Трогательны были эти послѣдніе привѣты моря передъ долгой

разлукой и мракомъ, ожидающими меня въ близящемся концѣ этого послѣдняго пути вдвоемъ съ Ксаной.

Конвойные зашевелились, стали надѣвать свое оружіе, подтягиваться. Мы подъѣзжали къ одесской набережной.

Обо мнѣ не было послано сюда никакихъ предварительныхъ свѣдѣній, и потому здѣсь со мной и Ксаной поступили по общимъ правиламъ. Насъ разъединили,— меня повезли въ тюрьму, не позволивъ ей сопровождать меня. Я подъѣхалъ къ тяжелымъ желѣзнымъ воротамъ, и тутъ, къ своему удивленію, увидѣлъ взволнованную, плачущую Ксану, что-то горячо говорящую чиновнику.

Вдругъ она обернулась и, увидѣвъ меня, крикнула:

— Да вотъ же онъ!—и бросилась ко мнѣ.

— Нельзя! Нельзя подходить къ арестованному!—крикнулъ офицеръ.

— Да это же мой мужъ!

— Да, она моя жена!—прибавилъ я.

— Не наше дѣло! Проходите съ нимъ въ ворота!—крикнулъ онъ ведущимъ меня конвойнымъ.

Это были тѣ же самые конвойные, которые всю дорогу везли насъ вмѣстѣ. Но здѣсь, въ присутствіи начальства, они совершенно перемѣнились.

— Проходите! Проходите!—строго говорили они мнѣ, отслоняя руками отъ Ксаны.

Я прошелъ въ ворота.

Желѣзная дверь захлопнулась за мною, и я вошелъ въ небольшой дворъ, а изъ него въ пріемную комнату тюрьмы. Я остановился у окна, безцѣльно смотря въ него нѣсколько минутъ.

Никого не было кругомъ, кромѣ моихъ конвойныхъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ къ намъ тотъ же чиновникъ. Получивъ бумагу обо мнѣ отъ старшаго конвойнаго, онъ далъ ему расписку въ полученіи меня.

— Долго я здѣсь буду?

— Когда соберутъ этапъ въ Кіевъ. Никакъ ни меньше недѣли.

— Можно здѣсь получать свою пищу?

— Можно заказывать обѣды на здѣшней кухнѣ.

— А отъ жены, при свиданіи, можно получать съѣстное?

— Можно, кромѣ фруктовъ и сладкаго, которыхъ здѣсь не допускаютъ.

Маленькая камера-особнякъ, изолированная отъ всѣхъ другихъ, съ рѣшетчатымъ окномъ вверху, находилась передо

мною. Я вошелъ, и желѣзная дверь захлопнулась за мною. Я посмотрѣлъ въ окно. За нимъ былъ большой четыреугольный дворъ съ круглой дорожкой для прогулокъ около большого огорода. Никто не гулялъ по ней. Нѣсколько деревьевъ росли въ разныхъ мѣстахъ, а кругомъ повсюду были высокія стѣны и зданія, напоминающія старинную крѣпость. Какъ тихо было все кругомъ! Солнце, смотрѣвшее съ неба на меня черезъ окно, страшно палило съ подернутаго дымкой неба, а вдали собиралась гроза.

Четыре шага впередъ... четыре назадъ... рѣзкій поворотъ на каблукѣ... и такъ далѣе, и такъ далѣе въ продолженіе часа, двухъ, трехъ, четырехъ, пяти и сколько ихъ далѣе, неизвѣстно! Въ промежутки я поднимался на кончикахъ пальцевъ и выглядывалъ на дворикъ. Вотъ раздался звонъ колокольчика, и на него по два и по три вмѣстѣ тихо вышли заключенные. Всѣ они были съ бритыми головами, въ бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ и куртках, въ такихъ же бѣлыхъ шапочкахъ, по покрою напоминающихъ фески. Платье на всѣхъ сидѣло мѣшками, сшитое по одной мѣркѣ, или во всякомъ случаѣ не болѣе чѣмъ по двумъ-тремъ мѣркамъ разной величины. Они пошли безъ интереса, безъ оживленія, по два и по три вмѣстѣ, а иногда и по одному, на круглой дорожкѣ, вяло обмѣниваясь тихими словами. Ни вправо, ни влѣво они не смотрѣли, имъ было все давно извѣстно, и я мысленно проникъ въ ихъ души, въ тупую тяжесть въ ихъ умахъ отъ этого вѣчнаго однообразія, отъ вѣчной встрѣчи съ тѣми же самыми товарищами, о которыхъ имъ было все давно извѣстно. Неужели и я самъ представлялъ двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ такую же вялую бѣлую фигуру на шлиссельбургскомъ тюремномъ дворикѣ! Да, вѣрно! И картина эта вызвала рядъ тяжелыхъ воспоминаній о прошломъ, о товарищахъ.

Мнѣ вспомнились въ этотъ моментъ угольныя копи въ Донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ, гдѣ я пробылъ глубоко подъ землей нѣсколько часовъ. Огромный желѣзный блокъ въ крытомъ темномъ сараѣ, въ который мы только что вошли съ яркаго солнечнаго дня, казалось мнѣ, вновь съ грохотомъ вертится передо мною, приводимый въ движеніе паровой машиной... Онъ выволакиваетъ изъ глубокаго, какъ будто бездоннаго, чернаго колодца прямо передъ собою длинный толстый канатъ изъ витыхъ стальныхъ проволокъ. Вотъ показался его конецъ, съ деревянной бадьей, наполненной большими кусками каменнаго угля, и въ мигъ вращеніе остановилось. Желѣзный крюкъ подхватываетъ бадью и опрокидываетъ ея содержаніе въ телѣжку, которая увозитъ его по рельсамъ въ сторону для разборки по сортамъ, а блокъ

начинаетъ быстро вращаться въ другую сторону и вновь со страшной скоростью опускаетъ бадью въ колодезь. Это была самая глубокая шахта всего Донецкаго каменноугольнаго бассейна.

— Хотите спуститься?—спрашиваетъ меня Н. Е.

— Непремѣнно!

И вотъ, переодѣтый въ парусиновый штейгерскій костюмъ и фуражку, получерные отъ угольной пыли, я хватаюсь за отвѣтвленія каната и вскакиваю въ темное дно угленосной бадьи. Молодой симпатичный штейгеръ, непремѣнно желающій сопровождать меня, вскакиваетъ вмѣстѣ со мною. Онъ даетъ сигналъ къ спуску, и мы стремительно начинаемъ падать въ яму. Быстро, какъ шпалы подъ окномъ вагона, мчатся вверхъ мимо насъ въ полутьмѣ черные края колодца... Вотъ мракъ становится все чернѣй и чернѣй. Дневной свѣтъ сверху, изъ отверстія колодца, становится все менѣе и менѣе яснымъ, онъ обращается въ едва замѣтную далекую точку надъ головой. Она виднѣется тамъ, какъ одинокая звѣздочка, свѣтящая сквозь туманъ съ высокаго неба въ абсолютно-черномъ мракѣ осенней ненастной ночи... А кругомъ уже ничего не видно, и только гулъ все раскручивающагося каната, да вѣтеръ, врывающійся снизу, показываютъ, что мы по прежнему стремительно летимъ внизъ. Вотъ прошла минута, прошла другая... Внизу, подъ ногами показывается тусклая, красноватая точка, она разрастается въ пятно... Края нашего колодца слегка освѣщаются слабымъ свѣтомъ и кажутся кружащимися около насъ. Это раскручивается нашъ канатъ, и мы сами вертимся.

— Успѣютъ ли остановить спускъ раньше, чѣмъ мы ударимся о дно?—мелькаетъ мысль, но я сейчасъ же успокаиваю себя: вѣдь это все у нихъ уже давно приспособлено!

И какъ бы въ отвѣтъ, бадья наша плавно становится на почву и, повернувшись раза три вокругъ своей оси, останавливается неподвижно въ черной подземной пещерѣ, съ грудами каменнаго угля и съ коридоромъ, идущимъ куда-то далеко въ сторону. Нѣсколько замазанныхъ углемъ полураздѣтыхъ людей окружаютъ насъ въ жаркой, влажной, какъ въ банѣ, атмосферѣ и добродушно здороваются съ нами.

Въ рукахъ у насъ рудничные фонари. Мы идемъ съ ними во мракѣ по длинному угольному коридору. Я разсматриваю отпечатки давно исчезнувшихъ съ земной поверхности растеній на обнажившихся отъ подпорокъ мѣстахъ, поднося къ нимъ мой фонарикъ.

— Не бываетъ случаевъ обрыва канатовъ и паденія бадьи внизъ?—спрашиваю я.

— Къ сожалѣнію, случается!—отвѣчаетъ штейгеръ, но очень рѣдко. Конечно, тогда нельзя остаться въ живыхъ.

— А канатъ всегда раскручивается?

— Да, и это у многихъ вначалѣ вызываетъ головокруженіе. Недавно одинъ новичокъ, спустившись, тутъ же упалъ въ обморокъ отъ страха.

Но вотъ мысль моя мгновенно переноситъ меня въ другое подземное мѣсто, въ лабиринтъ коридоровъ сосѣдняго, почти выработаннаго угольнаго рудника, въ который вслѣдъ за этимъ я снова спустился съ Н. Е., и блуждалъ съ нимъ по цѣлому лабиринту подземныхъ черныхъ коридоровъ болѣе двухъ часовъ, прежде чѣмъ успѣлъ обойти часть ихъ. Ручьи мутной, теплой, подземной воды текутъ то по одной, то по другой ихъ сторонѣ, сбѣгая куда-то внизъ, еще глубже подъ землю. Мы то опускаемся по ихъ склону еще болѣе въ глубину земли, то взлѣзаемъ какъ на крышу, намъ не хватаетъ воздуха, хотя онъ и накачивается постоянно сверху насосами. Черезъ каждыя десять минутъ мы садимся въ изнеможеніи отдохнуть на куски каменнаго угля. Я уже давно потерялъ направленіе и полагаюсь только на опытность моихъ спутниковъ. Вотъ мы пришли въ большую залу—машинное отдѣленіе, гдѣ грохочутъ динамо-машины, таща къ себѣ изъ ближайшихъ коридоровъ проволочные канаты, съ телѣжками угля, потому что его пластъ, какъ крыша, опускается въ глубину и человѣческими руками невозможно двинуть такіе вагончики. Вотъ мы пришли въ подземную конюшню, съ нѣсколькими стойлами, вырытыми въ угольномъ пластѣ. И изъ каждаго стойла, когда мы проходили мимо, поворачивалась и печально смотрѣла на насъ черная лошадиная фигура. Здѣсь всѣ онѣ были черны отъ покрывавшей ихъ угольной пыли.

— Долго живутъ онѣ здѣсь?—спрашиваю я.

— Иногда года три. Всѣ умираютъ отъ чахотки.

— Ихъ не поднимаютъ потомъ вверхъ?

— Нѣтъ! Онѣ слѣпнутъ, попавъ снова на дневной свѣтъ!—отвѣчаетъ мнѣ штейгеръ.—Поэтому, разъ опустивъ, ихъ не поднимаютъ уже до самой смерти.

Мнѣ стало страшно жалко этихъ обреченныхъ животныхъ.

— А люди?—спрашиваю.

— Люди здѣсь работаютъ черезъ день, по нѣскольку часовъ. Остальное время они свободны. Кромѣ того, рѣдко кто живетъ у насъ цѣлый годъ: почти всѣ, заработавъ денегъ, уѣзжаютъ потомъ на время въ деревню, на родину.

Черные, какъ негры, мы поднялись вновь въ бадьѣ по канату

на земную поверхность. И надъ нею уже была ночь, но только чудная, вешняя украинская ночь, съ милліонами яркихъ звѣздъ, смотрѣвшихъ на насъ отовсюду съ черно-синяго купола небесъ. Какъ не похожа была она на ту подземную, изъ которой мы только что вышли! Какъ чистъ и нѣженъ былъ воздухъ, какъ хорошъ доносившійся до насъ вмѣстѣ съ тихимъ вѣтеркомъ запахъ травъ и душистыхъ цвѣтовъ...

Н. Морозовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА.

Положеніе евреевъ въ Россіи всегда было исключительнымъ, такъ какъ къ общимъ условіямъ, вліяющимъ на народную жизнь, въ отношеніи евреевъ, присоединяется религіозная нетерпимость. Религіозный моментъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе начиная съ эпохи реакціи, наступившей во вторую половину царствованія Александра I и продолжавшейся непрерывно нѣсколько десятилѣтій. Ограничительное законодательство стало развиваться съ чрезвычайной быстротой. Домогательства отдѣльныхъ общественныхъ группъ, направленныя противъ элементарныхъ правъ еврейскаго населенія, охотно удовлетворялись. Ограниченія въ правѣ передвиженія и въ занятіяхъ привели къ тому, что значительная часть еврейскаго населенія была ввергнута въ глубокую нищету, повлекшую за собою и нравственное вырожденіе. Всѣ тяжелыя стороны еврейскаго безправія исчезали для того, кто принималъ христіанство, и это внушало еврейскому населенію увѣренность, что ограничительное законодательство преслѣдуетъ миссіонерскія цѣли. Дѣйствительно, рекрутская повинность, примѣнявшаяся къ евреямъ въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, требовала отъ евреевъ-солдатъ, особливо же отъ малолѣтнихъ рекрутъ, героическихъ усилій, если они хотѣли остаться вѣрными религіи отцовъ. Съ другой стороны, опасаясь религіознаго воздѣйствія евреевъ на христіанъ, правительство устанавливало въ отношеніи евреевъ различныя стѣснительныя мѣры, съ цѣлью оградить христіанъ отъ близкаго соприкосновенія съ ними. А надъ всѣмъ этимъ широко распахнула свои мрачныя крылья легенда, будто евреямъ нужна для ритуала христіанская кровь.

При этихъ условіяхъ евреи не могли выйти изъ узкихъ предѣловъ религіозно-національной жизни, формы которой сто-

лѣтіями были выработаны въ Польшѣ; слѣпая преданность наслѣдію вѣковаго прошлаго, поддерживаемая неблагопріятными условіями внѣшней жизни, охраняла еврейскій общественный строй отъ вліянія извнѣ; внутренній бытъ, воспитаніе юношества,—все покоилось на началахъ, освященныхъ въ народномъ сознаніи сѣдой стариной, не отвѣчавшихъ потребностямъ времени; въ кругъ школьныхъ занятій входили лишь богословскія науки, но не свѣтскія. Господствовавшій надъ еврейской жизнью кагалъ, власть котораго поддерживало само правительство, ибо онъ являлся отвѣтственнымъ за сдачу рекрутъ и за поступленіе податей, держалъ народную массу вдали отъ просвѣщенія, такъ какъ въ ея невѣжествѣ и безправіи кагалъ черпалъ свою силу. Не многимъ удавалось пріобщиться къ европейскому образованію. Распространителями культуры среди русскихъ евреевъ являлись заграничные единовѣрцы, выросшіе на родинѣ въ иныхъ условіяхъ. Нищета и извѣстная одичалость еврейскаго населенія вызывались густою сѣтью правовыхъ ограниченій и разлитой кругомъ религіозной нетерпимостью. Но правительство приписывало это печальное состояніе «фанатизму» евреевъ и уклоненію ихъ отъ производительнаго труда. Было рѣшено (въ 1840 г.) новыми понудительными мѣрами парализовать «уклоненіе евреевъ отъ соединенія съ гражданскимъ обществомъ» и привлечь ихъ къ производительнымъ занятіямъ. Эта задача была возложена на извѣстнаго дѣятеля по крестьянскому вопросу, министра государственныхъ имуществъ графа Киселева, назначеннаго предсѣдателемъ еврейскаго комитета, составленнаго изъ нѣсколькихъ министровъ. Чтобы кратко охарактеризовать Киселева, какъ государственнаго дѣятеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать представленіе о томъ, въ какой атмосферѣ онъ впервые встрѣтился съ еврейскимъ вопросомъ, достаточно сказать, что еще въ 1816 г., будучи флигель-адъютантомъ, Киселевъ представилъ Александру I записку «о постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи», первыя слова которой гласили: «гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія».

Едва ли не первымъ документомъ по еврейскому вопросу, съ которымъ Киселеву пришлось познакомиться, было представленіе одного изъ генералъ-губернаторовъ, проектировавшаго: раздѣлить евреевъ на разряды, нѣкоторыхъ оставить на мѣстахъ при прежнихъ занятіяхъ, остальныхъ же евреевъ, т. е. главную часть народной массы, обратить въ военно-рабочія роты и поселить на казенныхъ земляхъ. Киселевъ рѣшительно отвергалъ подобныя мѣры, но, вынужденный подчиниться указаніямъ свыше,

онъ долженъ былъ повести традиціонную политику: помощью принудительныхъ мѣръ «обезвредить евреевъ», т. е. уничтожить «еврейскій фанатизмъ» и заставить евреевъ обратиться къ производительнымъ занятіямъ. Не касаясь школьной реформы, отчасти поддержанной прогрессивными еврейскими элементами, необходимо остановиться на томъ средствѣ, къ которому прибѣгли, чтобы склонить евреевъ къ производительному труду; предполагалось, раздѣливъ евреевъ на полезныхъ, т. е. купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, и безполезныхъ, т. е. всѣхъ остальныхъ, подвергнуть послѣднихъ новымъ правовымъ ограниченіямъ и усиленной—въ тройномъ размѣрѣ—рекрутской повинности.

Цѣль «разбора» не была по душѣ ни Киселеву, ни его комитету; они возлагали свои надежды на просвѣтительную реформу. Но имп. Николай особенно настаивалъ на указанной мѣрѣ. Комитетъ отвелъ ей послѣднее мѣсто въ программѣ своихъ дѣйствій; государь велѣлъ перенести ее на ближайшую очередь.

При этомъ было объявлено, что въ отношеніи усиленной рекрутчины «Его Величество изволитъ находить тройное число недостаточнымъ и полагаетъ возможнымъ взимать рекрутъ впятеро противъ обыкновеннаго набора».

Однако, нашелся государственный дѣятель, съ мужественной искренностью высказавшій правительству свое мнѣніе. Это былъ графъ (впослѣдствіе свѣтлѣйшій князь) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ, которому было предложено представить свои соображенія о намѣченныхъ мѣрахъ.

Узнавъ въ Петербургѣ отъ Киселева, какое направленіе вообще дано политикѣ по еврейскому вопросу, онъ поспѣшилъ (въ 1843 г.) прислать изъ Лондона (гдѣ отдыхалъ) министру внут. дѣлъ записку, для представленія государю. «Сообразивъ все, что я знаю о евреяхъ какъ по 20-ти лѣтнему управленію краемъ, въ которомъ пребываніе оныхъ допущено, такъ и потому, что во время прежней моей службы мнѣ случалось неоднократно и проходить, и квартировать въ западныхъ губерніяхъ,—писалъ Воронцовъ,—я изложилъ со всею откровенностью, по долгу службы и присяги». Считая необходимымъ высказаться противъ плана, выработаннаго въ Петербургѣ, онъ не безъ тревоги отсылалъ свою записку. «Не мнѣ судить, ошибаюсь ли я, или нѣтъ, въ понятіи моемъ по сему дѣлу. Его Имп. Величеству извѣстно, что я столь же откровенно представляю свои мнѣнія, когда оныя отъ меня требуютъ, какъ послѣ того усердно и безпрекословно исполняю все, что уже рѣшено и мнѣ предписано исполнить... Я всегда откровенно говорю то, что у меня лежитъ на сердцѣ».

Прежде всего Воронцовъ заявилъ, что называть нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ безполезными «круто и несправедливо». Нельзя не удивляться, что въ эту категорію включенъ, между прочимъ, многочисленный классъ мелкихъ торговцевъ и посредниковъ; ихъ занятіе «оклеветано», а между тѣмъ они полезны для сельской промышленности и торговли. Указавъ далѣе, что къ числу безполезныхъ отнесены 80% еврейскаго населенія, Воронцовъ писалъ, что мѣра «разбора», обрушившись на нищую массу, лишенную возможности взяться за изученіе ремеслъ или земледѣльческихъ занятій, разоритъ народъ; «она и жестока» и въ государственномъ отношеніи, такъ какъ уничтожитъ тысячи рукъ, помогающихъ торговой промышленности и не замѣнимыхъ другими; съ другой стороны, «плачъ и вопль столь огромнаго числа несчастныхъ, которыхъ постигнутъ печальныя дѣйствія сей мѣры, будутъ служить порицаніемъ и у насъ, и за предѣлами Россіи, правительства нашего»... Благоразуміе и человѣколюбіе заставляютъ обратиться къ другому средству, менѣе стѣснительному и опасному.

Хотя Воронцовъ обязанъ былъ представить отзывъ лишь по поводу намѣченныхъ мѣръ, онъ пошелъ дальше и смѣло высказался относительно общей политики по еврейскому вопросу. Онъ заявилъ, что нужно отказаться отъ новыхъ репрессій; и безъ того въ послѣднее время предприняты разныя стѣснительныя мѣры, а между тѣмъ цѣль, къ которой правительство стремится, можетъ быть достигнута путемъ распространенія среди евреевъ просвѣщенія,—«довольно было бы и всего полезнѣе заняться теперь учрежденіемъ училищъ»...

Голосъ Воронцова не былъ услышанъ. Въ 1846 г. еврейское населеніе было оповѣщено, что кто не войдетъ въ одну изъ привилегированныхъ группъ, тотъ подвергнется новымъ ограниченіямъ «для обузданія тунеядства». Въ это время въ Петербургъ прибылъ изъ Лондона извѣстный филантропъ сэръ Моисей Монтефіоре со спеціальной цѣлью—хлопотать объ облегченіи участи единовѣрцевъ. Снабженный письмомъ королевы Викторіи, Монтефіоре былъ весьма любезно принятъ государемъ. Указавъ Монтефіоре на то, что правительство стремится къ улучшенію быта евреевъ, Николай Павловичъ предложилъ ему посѣтить губерніи съ еврейскимъ населеніемъ, чтобы ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и побудить еврейскія общества пойти на встрѣчу намѣреніямъ правительства. При этомъ государь поручилъ нѣкоторымъ министрамъ, въ томъ числѣ и

Киселеву, посѣтить Монтефіоре и дать ему необходимыя свѣдѣнія.

Монтефіоре совершилъ задуманную поѣздку, а по возвращеніи въ Лондонъ прислалъ Киселеву, по его предложенію, записку о положеніи евреевъ въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ для представленія государю.

Обласканный царемъ, радушно встрѣченный высшими администраторами, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи, Монтефіоре не забылъ о своемъ долгѣ предъ своимъ народомъ. Въ чрезвычайно тактичной формѣ, соблюдая крайнюю осторожность въ выраженіяхъ, Монтефіоре заявилъ, что ограничительное законодательство не можетъ привести къ той цѣли, которую правительство себѣ намѣтило; что стѣснительные законы лишаютъ евреевъ возможности нормально развивать свою экономическую дѣятельность и повергаютъ еврейскую массу въ бѣдственное положеніе. «Нѣтъ, не безпомощный еврейскій народъ долженъ добиваться человѣческихъ правъ, какъ награды за «доброе поведеніе», а надо, чтобы правительственная власть предоставила евреямъ права, безъ которыхъ народъ не въ силахъ достигнуть должной нравственной и экономической высоты.

Шестилѣтняя дѣятельность еврейскаго комитета не удовлетворяла его предсѣдателя. Комитетъ внесъ значительныя преобразованія въ жизнь евреевъ, но ничего не сдѣлалъ для улучшенія условій ихъ существованія. Нищета и отчаяніе еврейскаго населенія вопили о необходимости подать ему реальную помощь, а не бороться съ его традиціоннымъ бытомъ. Киселевъ это сознавалъ, но нуженъ былъ исключительный случай, чтобы подвергнуть критикѣ ту программу дѣйствій, которой онъ офиціально слѣдовалъ въ качествѣ предсѣдателя еврейскаго комитета. Киселевъ былъ достаточно силенъ, чтобы бороться съ отдѣльными крайними мѣрами, но не въ его власти было дать новое направленіе общей политикѣ. И все-же, обязанный представить государю свое мнѣніе по поводу записки Монтефіоре, Киселевъ рѣшилъ откровенно высказаться.—Правовыя ограниченія—заявилъ онъ во всеподданѣйшемъ докладѣ—«произошли частью изъ необходимости принятія противъ евреевъ мѣръ предупредительности, но *большею частью* или по видамъ частныхъ интересовъ мѣстныхъ жителей, или по понятіямъ прежняго времени противу евреевъ, а нѣкоторыя безъ всякихъ видимыхъ основаній». Приведя далѣе нѣсколько примѣровъ тому, какъ несообразности въ законодательствѣ лишаютъ евреевъ возможности пользоваться предоставленными имъ правами, Киселевъ

писалъ: «Евреи, нетерпимые въ губерніяхъ Великороссійскихъ и стѣсненные на мѣстахъ постоянной своей осѣдлости, по необходимости должны были обратиться къ разнымъ недозволеннымъ средствамъ существованія и вызвать противъ себя новыя ограниченія. Это состояніе евреевъ представляетъ повтореніе всего того, что было съ ними во всей Европѣ, доколѣ правительства не измѣнили прежней системы и *мѣрами улучшенія* не содѣлали ихъ постепенно полезными членами государства... Необходимо пересмотрѣть всѣ прежнія ограниченія и предоставить евреямъ, въ предѣлахъ нынѣшней ихъ осѣдлости, права, торговли, ремесленной премышленности и земледѣлія въ равной, по возможности, степени съ коренными жителями»; это тѣмъ необходимѣе, что евреямъ угрожаетъ мѣра «разбора», которая только тогда можетъ быть справедливой, «когда устранены будутъ всѣ дѣйствующія нынѣ для евреевъ препятствія въ занятіи полезнымъ трудомъ».

Такимъ образомъ, Киселевъ засвидѣтельствовалъ, что именно ограничительными законами евреи доведены до бѣдственнаго состоянія, и, высказавшись за необходимость пересмотрѣть законодательство о евреяхъ, онъ тѣмъ самымъ осудилъ дѣятельность своего комитета.

Государь принялъ весьма благосклонно записку Монтефіоре, призналъ правильными нѣкоторыя его указанія, но рѣшительно отказался направить по новому пути политику по еврейскому вопросу. Кисилевъ долженъ былъ и впредь слѣдовать старой системѣ. Въ ближайшіе годы, правда, были смягчены нѣкоторыя стѣсненія въ отношеніи отдѣльныхъ немноголюдныхъ группъ еврейскаго народа, но, на ряду съ этимъ, ограничительное законодательство продолжало развиваться. А вмѣстѣ съ тѣмъ безпрерывно возростала еврейская нищета. Мѣра «разбора» и усиленная рекрутская повинность должны были, по мысли правительства, искоренить это зло и слить евреевъ въ гражданской жизни съ окружающимъ населеніемъ. Но «разборъ» никакъ не удавалось осуществить, а усиленная рекрутская повинность, падавшая не только на «безполезныхъ», но вообще на всѣхъ евреевъ, привела къ противоположному результату. Мѣстные администраторы это сознавали. Но только тогда, когда на престолъ вступилъ Александръ II-ой, еврейскій комитетъ поставилъ на очередь вопросъ объ усиленной рекрутчинѣ. Оказалось, что изъ-за нея въ семьяхъ почти не оставалось работниковъ; еврейскія общества раззорились, и недоимки на нихъ чрезвычайно возросли. Съ другой стороны, рекрутчина не привела къ «сбли-

женію», такъ какъ убыль людей, отъ нея проистекавшая, пополнялась въ еврейской массѣ естественнымъ приростомъ, а евреи-солдаты, не смотря на выгоды, которыя обѣщалъ переходъ въ христіанство, не отступали массами отъ вѣры отцевъ.

Рѣшившись откровенно высказаться предъ новымъ государемъ противъ усиленной рекрутчины, Киселевъ «счелъ долгомъ обратить вниманіе и на другія воспослѣдовавшія разновременно, по разнымъ частнымъ случаямъ, новыя для евреевъ ограниченія, которыя, отдѣляя ихъ отъ коренныхъ жителей, тѣмъ самымъ отдѣляютъ ихъ отъ предположеннаго сліянія». Когда же государь согласился на отмѣну усиленной рекрутчины и вообще одобрилъ приведенныя соображенія, Киселевъ представилъ (1856 г.) государю докладъ, въ которомъ повторилъ то, что высказалъ почти десятью годами раньше Николаю Павловичу. Въ виду «несообразностей въ постановленіяхъ», касающихся различныхъ сторонъ еврейской жизни, Киселевъ признавалъ «справедливымъ пересмотрѣть всѣ существующія постановленія о евреяхъ для соглашенія ихъ съ общими видами сліянія сего народа съ кореннымъ населеніемъ, поколику нравственное состояніе евреевъ можетъ сіе дозволить». Докладъ Киселева былъ Высочайше одобренъ. Однако Киселеву не довелось осуществить реформу: онъ вскорѣ занялъ постъ посла въ Парижѣ.

Киселевъ не имѣлъ въ виду сразу отмѣнить всѣ ограниченія, тяготѣвшія надъ евреями; но чрезвычайно важно было уже то, что, по его иниціативѣ, правительство отказалось отъ политики послѣднихъ десятилѣтій и вступило на путь облегченія правового положенія евреевъ.

Защиту идеи о немедленной эмансипаціи евреевъ принялъ на себя новороссійскій генералъ-губернаторъ, графъ А. Г. Строгановъ. Воспользовавшись тѣмъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, связавшій свое имя съ дѣломъ освобожденія крестьянъ, предложилъ мѣстнымъ властямъ представить свои соображенія о «разборѣ», гр. Строгановъ познакомилъ его (1858 г.) съ общимъ своимъ взглядомъ по еврейскому вопросу. Отмѣтивъ, что еврейскій народъ, при всей преданности правительству, не измѣняетъ религіи, не смотря на гоненія, что онъ не можетъ «натурализоваться» съ другими племенами, какія бы ограниченія ни были примѣнены, Строгановъ доказывалъ, что «чѣмъ болѣе ограничены права евреевъ, тѣмъ линія раздѣленія естественно становится болѣе замѣтною». Примѣръ западной Европы, гдѣ евреи, получивъ равноправіе, «тотчасъ становились полезными членами общества наравнѣ съ другими гражданами», необходимо

принять во вниманіе при обсужденіи тѣхъ мѣръ, которыя должны привести къ сліянію евреевъ съ коренными жителями Россіи. «Что касается меня—заявилъ Строгановъ,—то, говоря со всей откровенностью, я считаю самою успѣшною мѣрою для достиженія упомянутой цѣли правительства уравненіе евреевъ во всѣхъ правахъ съ другими подданными податнаго сословія... Сравненіе ихъ въ гражданскихъ правахъ съ туземцами не только соотвѣтствовало бы законамъ справедливости, но принесло бы пользу народной нашей промышленности и тѣмъ самымъ, нѣтъ сомнѣнія, весьма много способствовало бы даже ослабленію религіознаго фанатизма евреевъ».

Записка гр. Строганова была принята Ланскимъ съ полнымъ сочувствіемъ. Въ докладѣ, представленномъ въ еврейскій комитетъ, Ланской не только высказался за отмѣну «разбора», но и за полное уравненіе евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ. Еврейскій комитетъ, согласившись на упраздненіе «разбора», остался при взглядѣ, что уравненіе евреевъ въ правахъ должно совершаться «постепенно, по мѣрѣ распространенія между ними истиннаго просвѣщенія, измѣненія ихъ внутренней жизни и обращенія ихъ дѣятельности на полезныя занятія».

Эта формулировка дала вскорѣ возможность затормозить дѣло эмансипаціи евреевъ.

Чрезвычайно тяжелое правовое положеніе выпало на долю евреевъ, проживавшихъ въ Царствѣ Польскомъ. Такія стѣсненія, какія чинились въ Царствѣ Польскомъ, не были извѣстны въ чертѣ осѣдлости. Вообще, евреи не почитались гражданами. Они были совершенно устранены отъ участія въ общественномъ самоуправленіи; имъ были недоступны свободныя профессіи; они не могли владѣть недвижимой собственностью; были установлены спеціальные сборы съ евреевъ въ пользу государства. Но наиболѣе тяжкими являлись законы о жительствѣ. Подвергаясь изгнанію изъ уѣздныхъ поселеній, евреи не пользовались правомъ свободнаго передвиженія по городамъ. Только въ 246-ти городахъ евреи не встрѣчали никакихъ ограниченіи; въ 31-омъ городѣ существовали особые кварталы, внѣ которыхъ могли проживать лишь привилегированные евреи, отвѣчавшіе извѣстнымъ матеріальнымъ или культурнымъ требованіямъ; въ 90-ста городахъ евреи или вовсе не могли жить, или только въ нѣкоторыхъ частяхъ; право не допускать евреевъ основывалось на старинныхъ привилегіяхъ «de non tolerandis judaeis»; въ 111-ти городахъ, лежащихъ

въ пограничной полосѣ, препятствовали водворенію евреевъ изъ внутреннихъ мѣстностей.

Императоръ Николай I соглашался на отмѣну всѣхъ этихъ ограниченій, на уравненіе евреевъ Царства Польскаго въ правахъ съ имперскими евреями, но варшавское правительство не принимало соотвѣтственныхъ мѣръ. Когда Монтефіоре представилъ государю записку о положеніи евреевъ въ Царствѣ Польскомъ, министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго Тымовскій, признавъ общій взглядъ Монтефіоре по этому вопросу правильнымъ, предложилъ издать спеціальный указъ о дарованіи евреямъ гражданскихъ правъ (съ тѣми ограниченіями, которыя будутъ признаны необходимыми), такъ какъ «до сего никогда еще правительство Царства положительно не выразило, что почитаетъ евреевъ гражданами Царства, какъ это имѣло мѣсто въ Имперіи». Вообще,—заявилъ Тымовскій, — польское законодательство о евреяхъ, «ежели только можно назвать его законодательствомъ, есть не что иное, какъ смѣсь старинныхъ средневѣковыхъ австрійскихъ фискальныхъ постановленій и прусскихъ, изданныхъ въ 1798-омъ г.,— изъ всѣхъ этихъ источниковъ извлечены одни только стѣсненія для евреевъ, не взирая ни на обстоятельства, въ которыхъ постановленія тѣ изданы, ни на то, что каждое правительство основывалось на совершенно различныхъ между собою видахъ». Этотъ докладъ вызвалъ новую Высочайшую резолюцію о желательности отмѣнить указанныя ограниченія. Но все же въ ближайшіе годы положеніе евреевъ въ Царствѣ Польскомъ не измѣнилось.

Императоръ Александръ II также обращалъ вниманіе на исключительныя правовыя ограниченія евреевъ въ Царствѣ Польскомъ, но переписка между петербургскими и варшавскими властями не подвигала дѣла, такъ какъ расширеніе правъ евреевъ Царства Польскаго не находило въ краѣ сочувствія. Въ 1861 г. на аренѣ государственной дѣятельности появился маркизъ Вѣлепольскій. Уже при первыхъ переговорахъ съ намѣстникомъ объ общихъ реформахъ въ Царствѣ Польскомъ Вѣлепольскій остановился на ограничительныхъ законахъ о евреяхъ. О необходимости уравнять евреевъ съ прочимъ населеніемъ края Вѣлепольскій заявилъ и тогда, когда сталъ членомъ варшавскаго правительства, занявъ постъ директора коммиссіи народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданія, а вскорѣ юстиціи. Прежде всего Вѣлепольскій провелъ законъ 1861 г., предоставившій евреямъ доступъ въ городскіе совѣты, благодаря чему, пріобщенные къ государственно-общественной дѣятельности, евреи стали въ ряды граж-

данъ. Затѣмъ Вѣлепольскій выработалъ проектъ, охватывавшій различныя стороны еврейской жизни. Въ частности онъ потребовалъ полной отмѣны стѣсненій въ жительствѣ и передвиженіи. «Ограниченіе еврейскаго населенія»,—гласила объяснительная записка къ законопроекту,—«въ средствахъ къ заработкамъ при обременительности податей и сборовъ влечетъ за собою нищету среди евреевъ и побуждаетъ ихъ къ обходу законовъ, къ обману; законы о жительствѣ ставятъ евреевъ въ зависимость отъ чиновниковъ и распространяютъ взяточничество среди послѣднихъ. Запреты были созданы тогда, когда каждое сословіе и даже классъ обывателей имѣли свои привилегіи. Жизнь произнесла свой приговоръ—во многихъ городахъ, которые пользуются правомъ de non tolerandis judaeis, евреи фактически составляютъ болѣе одной трети населенія».

Законопроектъ Вѣлепольскаго встревожилъ главнаго директора внутреннихъ дѣлъ; завязавшаяся борьба нашла отзвукъ въ государственномъ совѣтѣ (въ Варшавѣ), но большинство совѣта стало на сторону Вѣлепольскаго. Дальнѣйшее разсмотрѣніе вопроса было перенесено въ Петербургъ. Вѣлепольскій, достигшій въ тѣ дни наибольшаго вліянія, лично выступилъ въ Петербургѣ въ защиту законопроекта предъ русскимъ правительствомъ, и въ результатѣ законъ 1862 г. упразднилъ рядъ правовыхъ стѣсненій, съ тѣмъ, чтобы въ соотвѣтственномъ направленіи варшавское правительство пересмотрѣло и другія ограничительныя постановленія.

Вскорѣ евреи Царства Польскаго получили тѣ права, которыми пользовались евреи имперіи въ чертѣ осѣдлости.

Въ «эпоху великихъ реформъ» общее отношеніе правительства къ евреямъ пріобрѣло болѣе мягкій характеръ; но эти годы, оставившіе по себѣ столь богатыя воспоминанія въ русскомъ народѣ, мало отразились на судьбѣ еврейской массы. Облегченіе испытали лишь нѣкоторыя, сравнительно немноголюдныя группы. Законъ о жительствѣ, не смотря на многократныя представленія мѣстныхъ и центральныхъ властей о гибельныхъ послѣдствіяхъ этихъ стѣсненій не только для евреевъ, но и всего края, составляющаго черту ихъ осѣдлости, остался въ силѣ для широкихъ круговъ еврейскаго народа. Когда же въ общемъ политическомъ настроеніи наступила реакція, еврейскій вопросъ тотчасъ былъ поставленъ на очередь.

Въ 1870 г. была образована «Комиссія по устройству быта

евреевъ». Здѣсь столкнулись реакціонныя и прогрессивныя силы. Представленный въ комиссію докладъ по основному вопросу еврейской жизни—объ ограниченіяхъ въ правѣ передвиженія—вызвалъ разногласіе. Докладъ принялъ во вниманіе одни только «интересы кореннаго русскаго и инородческаго населенія, находящіеся въ противорѣчіи съ интересами евреевъ»; между тѣмъ большинство членовъ комиссіи склонялось къ мысли о необходимости уравненія евреевъ въ правахъ съ прочими жителями. Членъ комиссіи Н. А. Неклюдовъ, извѣстный криминалистъ, въ то время состоявшій старшимъ юрисконсультомъ министерства юстиціи, а впослѣдствіи занявшій постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, представилъ въ комиссію, въ противовѣсъ упомянутому докладу, обширную записку въ пользу гражданскаго равенства евреевъ [1]). Исходя изъ соображенія, что отличіе еврейскаго вопроса отъ другихъ соціальныхъ вопросовъ, какъ, напр., освобожденіе крестьянъ, заключается въ томъ, что онъ возникъ и развился не на почвѣ матеріальныхъ и экономическихъ отношеній, а на почвѣ чисто нравственной, Неклюдовъ находилъ, что при разрѣшеніи вопроса о евреяхъ слѣдуетъ принимать во вниманіе лишь требованія нравственности: «эмансипаціею евреевъ не нарушаются нисколько права прочихъ подданныхъ Имперіи, не наносится ущерба ничьимъ матеріальнымъ интересамъ; вслѣдствіе этого предоставленіе евреямъ общихъ гражданскихъ правъ не можетъ вызвать ни малѣйшаго потрясенія въ государственномъ строѣ Имперіи и является простымъ актомъ справедливости». Противники эмансипаціи евреевъ въ Россіи не признаютъ достаточно убѣдительнымъ примѣръ европейскихъ государствъ на томъ основаніи, что въ зап. Европѣ сравнительная малочисленность еврейскаго населенія дѣлаетъ равноправность его менѣе опасною. По мнѣнію Неклюдова, «этотъ доводъ едва ли не слѣдуетъ понимать въ обратномъ смыслѣ, такъ какъ очевидно, что стѣсненіе гражданской свободы и ограниченіе личныхъ правъ, будучи примѣнены къ немногочисленному классу населенія, не могутъ имѣть тѣхъ вредныхъ для государства послѣдствій, которыя обусловливаются безправностью цѣлаго народа». Указавъ далѣе, на Высочайшую волю, чтобы отмѣна ограниченій послѣдовала съ извѣстной постепенностью, Неклюдовъ подчеркнулъ, что это условіе «не можетъ быть, конечно, понимаемо въ томъ смыслѣ, что предстоящая реформа

1). См. „Записку Н. А. Неклюдова“ В. Д. Карпова „О равноправіи евреевъ“ (СПБ. 1907).

еврейскаго быта должна ограничиться лишь улучшеніемъ положенія нѣкотораго и, притомъ, по возможности незначительнаго числа евреевъ; реформа гражданскаго быта евреевъ должна заключаться въ постепенномъ уничтоженіи группъ и категорій ограничительныхъ законовъ относительно *всего* еврейскаго народа вообще, а отнюдь не въ созданіи льготъ и привилегій для отдѣльныхъ личностей этого населенія».

Съ этой точки зрѣнія Неклюдовъ разсмотрѣлъ въ подробности и вопросъ объ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ о жительствѣ евреевъ, признавъ ее необходимой не только для самихъ евреевъ, но и, въ гораздо большей мѣрѣ, для нееврейскаго населенія Западнаго края, и тѣхъ мѣстностей внутренней Россіи, которыя нуждаются въ оживленіи торговой и промышленной дѣятельности. «Разсудокъ не допускаетъ такихъ соображеній, которыя оправдывали бы постановленіе многомилліоннаго населенія еврейскаго въ тѣ же самыя рамки, въ которыя законъ ставитъ уголовнаго преступника, и тѣмъ болѣе въ рамки худшія, въ которыхъ находится оно нынѣ, будучи вѣчно прикрѣплено къ извѣстному мѣсту».

Выразивъ мнѣніе большинства членовъ комиссіи, докладъ Неклюдова привелъ къ тому, что дѣятельность ея была прекращена (1880 г.).

Реакціонное настроеніе семидесятыхъ годовъ усилилось и восторжествовало въ слѣдующее десятилѣтіе. Общія условія быстро отразились на еврейскомъ вопросѣ. Антиеврейскіе безпорядки 1881 г. явились, по объясненію министра внутр. дѣлъ гр. Игнатьева, результатомъ правительственной дѣятельности, клонившейся къ облегченію правоваго положенія евреевъ. Надо пойти вспять. Эту идею съ исключительною прямотою выдвинулъ малочисленный комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутр. дѣлъ Готовцева; онъ звалъ «къ старинѣ, къ тому времени, когда разныя новшества еще не проникли ни въ чужеземное, ни въ наше законодательство»; надо отказаться отъ этихъ новшествъ въ воззрѣніяхъ и «строго придерживаться выработанныхъ всей предшедшей исторіей государства началъ, выраженныхъ въ стародавнемъ законѣ, по которому евреи считаются инородцами». Въ связи съ этимъ была выработана обширная программа. Проходя обычнымъ законодательнымъ порядкомъ, осуществленіе ея потребовало бы много времени, а между тѣмъ явилось желаніе возможно скорѣе «наглядно показать сельскому населенію, что правительство заботится объ огражденіи его отъ эксплоатаціи евреевъ». Комитетъ

разбилъ намѣченныя мѣры на двѣ групы: однѣ подлежали немедленному исполненію, внѣ общаго законодательнаго порядка, другія предполагалось провести установленнымъ путемъ.

Опасаясь, повидимому, встрѣтить оппозицію, гр. Игнатьевъ, внеся свой проектъ на разсмотрѣніе Комитета министровъ, пытался убѣдить его предсѣдателя Рейтерна [1]), что предлагаемыя спѣшныя мѣры,—главнымъ образомъ выселеніе евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей,—не являются по существу новыми, а потому нѣтъ необходимости предварительно ознакомить съ ними подлежащихъ министровъ. Однако, гр. Игнатьеву пришлось разослать свой проектъ министрамъ, и его опасенія сбылись. Не смотря на то, что общее настроеніе въ правительственныхъ сферахъ было неблагопріятно для евреевъ, три министра выступили какъ противъ намѣренія Игнатьева провести ограничительный законъ не обычнымъ путемъ, такъ и противъ суровыхъ мѣръ, ухудшающихъ положеніе людей, которые и безъ того бѣдствуютъ «въ полномъ смыслѣ этого слова». Особенно рѣшительно высказался министръ финансовъ Бунге. «Неоднократно,—заявилъ онъ,—противъ евреевъ предписывались самыя крутыя мѣры, и тѣмъ не менѣе мѣры эти впослѣдствіи отмѣнялись, что происходило, безъ сомнѣнія, не отъ слабости правительства, а по причинамъ, оправдывавшимся высшими государственными соображеніями... Многія изъ установленныхъ ограниченій были отмѣняемы, такъ какъ практика указывала, что эти ограниченія даютъ только поводъ къ злоупотребленіямъ низшихъ властей, не принося существенной пользы государству».

Въ виду указанія гр. Игнатьева на то, что непринятіе законодательныхъ мѣръ противъ евреевъ можетъ вызвать въ ближайшемъ будущемъ погромы, Комитетъ министровъ ввелъ нѣкоторыя ограничительныя постановленія, но въ сравненіи съ планомъ Игнатьева онѣ могли казаться мягкими. Съ цѣлью парализовать дѣятельность комитета Готовцева, мечтавшаго создать новое обширное ограничительное законодательство, Комитетъ министровъ выразилъ пожеланіе, чтобы пересмотръ законовъ о евреяхъ былъ предоставленъ особой высшей комиссіи подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго государемъ.

По Высочайшему повелѣнію предсѣдателемъ этой «Высшей комиссіи» былъ назначенъ гр. К. И. Паленъ. Комиссія работала (1883—88 г.г.) при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ усло-

1) Н. К. Бунге еще въ 60-хъ годахъ указывалъ на необходимость уничтожить для широкихъ круговъ еврейскаго населенія ограничительныя законы о жительствѣ.

віяхъ, въ атмосферѣ антисемитизма, и тѣмъ не менѣе, въ лицѣ большинства членовъ и предсѣдателя, она не подпала вліяніямъ извнѣ и сказала слово, прозвучавшее протестомъ противъ политики нетерпимости. Комиссія гр. Палена отвергла анти-государственную точку зрѣнія, установленную комитетомъ Готовцева; по ея мнѣнію, и законъ страны, и чувство справедливости, и наука государственнаго права поучаютъ, что всѣ подданные находятся подъ общимъ покровительствомъ законовъ, имѣютъ одинаковыя гражданскія права. Когда населеніе нарушаетъ долгъ присяги, правительство, подавивъ даже вооруженное возстаніе, налагаетъ на него временно нѣкоторыя ограниченія. Но сила этой кары не можетъ итти въ сравненіе съ ограниченіями, установленными для евреевъ. Если въ силу своего исключительнаго положенія, вызваннаго ограничительными законами, евреи и не выполняютъ государственныхъ обязанностей въ равной мѣрѣ съ другими подданными, то все же нельзя «лишать еврея тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется его бытіе, его равноправіе, какъ подданнаго, его свобода, какъ гражданина». Исторія русскаго законодательства о евреяхъ, представляющаго рядъ смягченій, не смотря на то, что оно слагалось, большей частью, подъ вліяніемъ самаго суроваго взгляда на евреевъ, «учитъ насъ, что существуетъ, лишь одинъ исходъ и одинъ путь—правда, медленный и постепенный», это—путь освободительный и объединяющій евреевъ со всѣмъ населеніемъ подъ сѣнью однихъ и тѣхъ же законовъ. Обо всемъ этомъ свидѣтельствуетъ не теорія или доктрина, но живая, столѣтняя практика. «Конечная цѣль законодательства о евреяхъ, такимъ образомъ не что иное, какъ его упраздненіе, вызванное требованіемъ жизни, ходомъ просвѣщенія и образованіемъ народныхъ массъ».

Увы, мнѣнія комиссіи, не будучи использованы, были сданы въ архивъ, и въ ближайшіе затѣмъ годы были изданы постановленія, сковавшія духовную и экономическую жизнь евреевъ.

Юлій Гессенъ.

КЛЯТВА СТЕФАНА ГУЛЛЕРА.

Романъ Феликса Голлендера.

(Окончаніе) [1]).

Стефану снился чудный сонъ. Во снѣ онъ стоялъ на собственной землѣ и поднималъ голштинскій флагъ на крышѣ собственнаго дома. Во снѣ онъ ѣхалъ съ Гаизою далеко за море. Во снѣ онъ слышалъ свой собственный радостно захлебывающійся смѣхъ, и все бремя жизни свалилось съ плечъ его.

Онъ привлекъ къ себѣ Гаизу и, въ то время, какъ взоръ его, словно прикованный, не отрывался отъ родного берега, онъ изъ глубины сердца своего черпалъ слова, которыя многіе-многіе годы лежали тамъ скрытыми.

Теперь эти слова снова звучали въ его ушахъ, и такая сила была въ нихъ, что они должны были проникнуть въ самую глубину и ея сердца.

— Видишь ли, маленькая Гаиза?—такъ, приблизительно, говорилъ Стефанъ Гуллеръ,—теперь все старое горе свалилось съ плечъ моихъ — теперь я снова вернулся въ землю моихъ отцовъ—а мое и отца моего темное прошлое лежитъ на днѣ морскомъ—на днѣ родного нашего моря,—лежитъ недвижно и ужъ никакая волна не выброситъ его опять на поверхность.

— И нѣтъ во мнѣ теперь никакихъ страховъ. Наше это широкое море! И домъ этотъ, и поля вокругъ—наши! Что же можетъ быть лучшаго на свѣтѣ, какъ дожить до сѣдинъ въ довольствѣ и почетѣ, вырастить въ страхѣ Божіемъ дѣтей, безъ тревоги и страха, открыто и радостно, смотрѣть въ глаза

---

[1]) См. апрѣль, стр. 264.

каждому человѣку, наслаждаясь вечернимъ покоемъ и спокойно дожидаясь, пока смерть постучится въ дверь и незамѣтно унесетъ тебя, чтобъ дать молодымъ больше простора. Ахъ, милая Гаиза! Сколько лѣтъ я мечталъ объ этомъ и вотъ, наконецъ, мои мечты стали дѣйствительностью. Нашъ этотъ праздничный вечеръ, а мы еще молоды сердцемъ и молоды тѣломъ.

Такъ говорилъ Стефанъ Гуллеръ, но, когда, нѣсколько часовъ спустя, онъ пошелъ на фабрику, игра фантазіи смѣнилась сѣрой дѣйствительностью.

И, вмѣсто голштинскаго флага, онъ увидѣлъ передъ собою датскій, который, какъ знаетъ всякій ребенокъ—заклятый врагъ нѣмецкаго.

Директоръ пригласилъ его въ свой кабинетъ и молча подалъ ему депешу, полученную изъ Копенгагена.

Прочитавъ ее, Стефанъ понурилъ голову и тихо, словно про себя, выговорилъ: Нехорошо... нехорошо...

Директоръ серьезно кивнулъ головой и, по обыкновенію своему, коротко и ясно, безъ обиняковъ, объявилъ:

— Вамъ придется сегодня же уложить чемоданъ и съ ночнымъ поѣздомъ выѣхать въ Данію. Вы—единственный человѣкъ, который знаетъ всѣ наши дѣла и которому я съ чистой совѣстью могу дать полномочіе. Посмотрите почту и затѣмъ сейчасъ же поѣзжайте домой—готовиться къ отъѣзду; передъ отъѣздомъ мы еще поговоримъ.

Разговоръ былъ оконченъ, и Стефанъ, растерянный, снова стоялъ передъ своей конторкой.

Ясно было одно: надо ѣхать. Но, когда онъ осозналъ это, у него промелькнуло въ головѣ: какъ отнесется къ этому Гаиза? И опять онъ едва слышно пробормоталъ себѣ подъ носъ: Нехорошо... нехорошо.

И, наскоро просмотрѣвъ почту, поѣхалъ прямо домой.

Пока онъ ѣхалъ, у него съ каждой минутой становилось тревожнѣе на душѣ, какъ будто онъ совершилъ по отношенію къ женѣ какую-то тяжкую несправедливость, которой уже нельзя будетъ поправить.

Неподалеку отъ дома онъ остановилъ экипажъ и пошелъ пѣшкомъ, пугливо оглядываясь. Можетъ быть, она стоитъ у окна и видитъ, что онъ идетъ.

Онъ вынулъ часы. Стрѣлки показывали половину одиннадцатаго.

— Съ добрымъ утромъ, г. Гуллеръ! Вы еще не на

фабрикѣ?—услыхалъ онъ хорошо знакомый голосъ и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ увидалъ протянутую ему руку Спинетти.

Хотя онъ отчетливо разслышалъ слова и отчетливо видѣлъ студента, стоявшаго передъ нимъ, Гуллеръ одну секунду помедлилъ, прежде чѣмъ взять протянутую ему руку.

Но затѣмъ вложилъ въ нее свою руку и, улыбаясь, сказалъ:

— Странно, что я опять встрѣчаю васъ, какъ разъ теперь. Со вчерашняго дня до сегодняшняго многое измѣнилось. Скажу короче, потому что мнѣ очень некогда: я сегодня ночью уѣзжаю въ Данію.

— Что-о!—вскрикнулъ студентъ, но тотчасъ же овладѣлъ собою и скороговоркой продолжалъ:

— Tiens... Tiens...—по дѣламъ, конечно—ну, разумѣется, по дѣламъ... Счастливой дороги, г. Гуллеръ!

— Спасибо, г. Спинетти.

— И, пожалуйста, мой привѣтъ вашей супругѣ—она, разумѣется, ѣдетъ вмѣстѣ съ вами?

— Боже избави! Мнѣ придется проѣхать черезъ всю Данію и дальше, въ Норвегію, останавливаясь въ каждомъ городѣ самое большее два-три часа. Такая гонка, вѣдь, страшно утомительна—зачѣмъ же мучить ее? Да и старика не на кого оставить. Нѣтъ, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Ну еще разъ прошайте. A propos,—можетъ быть, вы зайдете когда-нибудь развлечь ее музыкой, а то вѣдь она будетъ скучать. Но только съ ней надо быть осторожнымъ, м[illegible]ый г. Спинетти,—прибавилъ онъ нѣсколько неувѣренно и смущенно—не то она заупрямится и запретъ и рояль, и дверь на задвижку.

— Попробуемъ, г. Гуллеръ, попробуемъ. Молодыя женщины иногда... Иногда съ ними трудно справиться. Честь имѣю кланяться, г. Гуллеръ!

И онъ широкимъ жестомъ приподнялъ мягкую сѣрую шляпу.

— Чудной какой! —подумалъ Стефанъ, нерѣшительно входя въ сѣни и, тяжело шагая, поднялся по лѣстницѣ.

Онъ отперъ дверь и прислушался. Все было тихо. Даже жутко, что такъ тихо. Домъ словно вымеръ, и самъ онъ ступалъ осторожно, словно боясь нарушить этотъ покой смерти.

Ну да, разумѣется, онъ зналъ, гдѣ найти Гаизу. Онъ медленно вышелъ на *лоджію* и, дѣйствительно, засталъ тамъ Гаизу, сидѣвшую среди цвѣтовъ. Увидавъ мужа, словно изъ-подъ земли выросшаго передъ нею, она слегка вскрикнула, вскочила съ мѣста, и сразу почуявъ недоброе, кинулась къ нему съ тревожнымъ вопросомъ.

— Ради Бога, Стефанъ, говори, что случилось?

— Успокойся, дѣтка, успокойся! Что же могло случиться такого ужаснаго?

Онъ заботливо усадилъ ее снова въ кресло, самъ сѣлъ съ нею рядомъ и взялъ ее за руку.

— Ничего ужаснаго не случилось, маленькая Гаиза. Сейчасъ ты узнаешь, почему я сегодня вернулся такъ рано. Дѣло въ томъ, что мнѣ придется уѣхать на нѣсколько дней, и ты сейчасъ же уложи мои...

Она такъ вдругъ измѣнилась въ лицѣ, что онъ не докончилъ.

Ея алыя, какъ вишня, губы побѣлѣли, глаза какъ-то растерянно воззрились на него, расширились и погасли; лицо покрылось смертной блѣдностью.

— Гаиза, дѣтка моя, что съ тобою?

Онъ тревожно и любовно прижалъ ее къ себѣ.

Это разсѣяло оцѣпенѣніе. Молодая женщина уронила руки вдоль тѣла и заплакала тихимъ, надрывающимъ душу плачемъ.

Потомъ обвила руками его шею и жалобно взмолилась:

— Стефанъ, милый Стефанъ! не уѣзжай отъ меня, не огорчай меня такъ!

Онъ ласково сталъ уговаривать ее. Вѣдь онъ уѣзжаетъ всего на нѣсколько дней. Что же можетъ съ ней приключиться? Папа, вѣдь, останется съ нею; онъ окружитъ ее вдвойнѣ любовью и заботами, потомъ, когда они опять будутъ вмѣстѣ, она сама будетъ смѣяться надъ своими страхами.

Но всѣ эти слова онъ какъ будто бросалъ на вѣтеръ. Чѣмъ больше онъ убѣждалъ ее, тѣмъ тревожнѣе, нервнѣе и возбужденнѣе она становилась.

— Да неужели же ты совсѣмъ, ни капельки не любишь меня?—вскричала она въ отчаяніи, соскальзывая на полъ и обнимая его колѣна.—Вѣдь, ты же слышишь, я молю тебя: не уѣзжай! Не могу я теперь отпустить тебя! Ты не знаешь, что ты со мной дѣлаешь!

— Милая... милая!—бормоталъ онъ потрясенный,—не огорчай *ты* меня! Вѣдь я же не могу! Я обязанъ! Еслибъ отъ меня зависѣло, я бы остался...

Она вдругъ выпрямилась.

— Ты правда любишь меня, послѣ Бога и Іисуса Христа, больше всѣхъ любишь меня?—спросила она торжественнымъ тономъ и глаза ея сверкали какимъ-то неземнымъ свѣтомъ.

— Гаиза,—отвѣтилъ онъ, смущенный и испуганный странностью ея поведенія,—какъ же можно предлагать такіе вопросы?

Какъ могу я серьезно отвѣчать на нихъ? Это чувствуется или не чувствуется. Что значитъ въ такихъ случаяхъ: да или нѣтъ?

— Хорошо, я чувствую. И потому еще разъ заклинаю тебя твоей любовью ко мнѣ—всѣмъ, что для тебя свято—не уѣзжай отъ меня! Не оставляй меня теперь одну! Дорогой мой, хорошій, не дай мнѣ погибнуть!—ты слышишь?—я погибаю. Скажи: *да*,— и я не забуду тебѣ этого до послѣдняго вздоха.

Лицо ея, обращенное къ мужу, приняло теперь выраженіе напряженнаго страха и ожиданія.

Онъ чувствовалъ, какая тоска въ ея душѣ, и въ то же время смутно сознавалъ, что она что-то скрываетъ отъ него—что у нея какая-то тяжесть на душѣ, горе, которое грызетъ ее, выбиваетъ изъ колеи...

И съ глубокой грустью сказалъ ей:

— Почему ты не имѣешь довѣрія ко мнѣ? Почему не скажешь прямо, что у тебя на сердцѣ? Зачѣмъ ты прячешься отъ меня?—Скажи одно слово—вѣдь имѣю же я право желать, чтобъ ты была со мною откровенна—и я помогу тебѣ. Пусть такъ мнѣ Богъ помогаетъ, какъ я хотѣлъ бы помочь тебѣ.

Растерянная, слабая улыбка скользнула по ея страдальческому лицу, и она печально покачала головой.

— Ахъ, Стефанъ!—Какъ ты мнѣ близокъ и какъ далекъ, если ты не хочешь и не можешь понять, что творится въ моей душѣ. А слова—она вдругъ засмѣялась—что пользы въ словахъ?

— Все загадки,—подумалъ онъ, и лицо его омрачилось.

Нѣкоторое время оба сидѣли молча, избѣгая смотрѣть другъ на друга.

Затѣмъ Стефанъ поднялъ глаза и увидалъ, что Гаиза сидитъ на полу, недвижная, вся съежившись, точно надломленная, и глубокая жалость къ ней наполнила его сердце.

На цыпочкахъ, словно боясь потревожить ее и единымъ звукомъ, онъ подошелъ къ ней вплотную, положилъ руку на ея искрящіеся блестящіе волосы и тихонько коснулся ихъ губами.

— Маленькая Гаиза, я сейчасъ сажусь на извозчика и ѣду къ директору. Буду просить его, чтобъ онъ вмѣсто меня послалъ кого-нибудь.

Она сразу всѣмъ корпусомъ повернулась къ нему.

Смиренный, скорбный, невыразимый взглядъ впился въ его глаза... Гаиза бросилась къ нему на шею и заплакала, но уже иными, радостными слезами.

— Ну, будетъ... будетъ!..—выговорилъ онъ, съ трудомъ ворочая языкомъ, и вырываясь изъ ея объятій.

Перескакивая черезъ двѣ ступеньки, онъ сбѣжалъ съ лѣстницы, прыгнулъ въ первый попавшійся экипажъ и помчался на фабрику, все время подгоняя кучера.

Какая-то торопливость овладѣла имъ, совершенно не свойственная его характеру. И онъ зналъ, что не успокоится, пока не устроитъ этого дѣла. И лишь съ трудомъ овладѣвъ собой, онъ вошелъ въ кабинетъ директора.

Тотъ изумленно поднялъ голову, склоненную надъ книгами.

— Скоро же вы все устроили, любезный Гуллеръ. Присаживайтесь!

— Спасибо, г. докторъ, благодарствуйте —пожалуйста, удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ. Вчера вы были такъ добры, что предлагали мнѣ, въ случаѣ чего, свой совѣтъ и помощь. Не думалъ я вчера, что мнѣ сегодня же придется воспользоваться этимъ предложеніемъ и обратиться къ вамъ за помощью. Скажу въ двухъ словахъ, г. директоръ: прошу васъ очень—увольте меня отъ этой поѣздки—пошлите вмѣсто меня кого-нибудь другого. Нельзя мнѣ сейчасъ уѣхать...—изъ-за жены нельзя,—застѣнчиво пояснилъ онъ.

Лицо директора омрачилось.

— Ваша жена захворала, г. Гуллеръ?

— Физически она пока здорова.

— Можетъ, вы ждете прибавленія семейства?

Стефанъ Гуллеръ густо покраснѣлъ.

— Нѣтъ, и это не то...— ему очень трудно было говорить и онъ тянулъ слова, внутренно дивясь, что его заставляютъ говорить о такихъ интимныхъ вещахъ.—Мнѣ не хотѣлось вчера говорить, но у меня, дѣйствительно, не легко на душѣ. Съ моей женой творится что-то неладное, г. директоръ; она дѣйствительно больна, не физически, а морально. Она тоскуетъ, мучается. Она теперь *не можетъ* обойтись безъ меня одна. Одна мысль о моемъ отъѣздѣ приводитъ ее въ отчаяніе. Теперь вы знаете все, г. директоръ. Больше я ничего не могу сказать вамъ.

— Гмъ, гмъ,—сдѣлалъ директоръ, и Стефану показалось, что онъ смѣрилъ его какимъ то страннымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ.

Молчаніе тянулось безконечно.

— Любезный Гуллеръ,—началъ, наконецъ, директоръ.— Оставимъ фразы, мнѣ незачѣмъ васъ увѣрять, что ваши слова произвели на меня впечатлѣніе. Я хотѣлъ бы помочь вамъ—и не могу. И, сколько я ни думаю, не вижу выхода. Я не знаю никого, кого бы я могъ послать въ Данію вмѣсто васъ; я самъ

не въ состояніи замѣнить васъ. Кто же, кромѣ васъ, такъ знаетъ положеніе? Вы сами вели все это дѣло. Вамъ лучше всѣхъ извѣстно, что дѣло это не пустяшное. Постарайтесь вернуться какъ можно скорѣе. И кромѣ того, скажу вамъ — не смѣю, конечно, вмѣшиваться въ ваши семейныя дѣла,—но все таки скажу, что такимъ настроеніямъ не слѣдуетъ давать воли. Они приходятъ и уходятъ, а, если дѣйствительно что-нибудь случилось-бы—Данія, вѣдь, не на томъ свѣтѣ. Укажите мнѣ иной выходъ, и я охотно... Послушайте,—перебилъ онъ себя,—а что, еслибъ вы просто на просто взяли съ собой вашу жену? Вѣдь, это бы все разрѣшило.

— Благодарю васъ, г. директоръ. Мнѣ тоже это приходило въ голову, но, по многимъ причинамъ, это неудобно.

— Если вы боитесь лишнихъ расходовъ...

Гуллеръ жестомъ отклонилъ продолженіе.

— Вы очень добры, но это не самое главное. Я вижу, что требовалъ невозможнаго и прошу извиненія.

— Ну вотъ, теперь вы разсердились на меня и уѣдете съ непріятнымъ чувствомъ въ душѣ, внутренно считая меня во всемъ виноватымъ; а на самомъ дѣлѣ обстоятельства сильнѣе меня. Мнѣ очень жаль.

— Вы ошибаетесь, г. докторъ. Я нисколько не сержусь на васъ. Я только страдаю отъ этого гнета внѣшнихъ обстоятельствъ и, можетъ быть, потому внутренно возмущаюсь противъ нихъ, что смутно чувствую, что личныя, интимныя дѣла важнѣе всякихъ другихъ; и еще потому, что у меня нѣтъ энергіи настоять на своемъ.

— Ахъ, Гуллеръ, все это фантазіи. Вы же сами говорите, что это у васъ «смутное» чувство. Что же это было бы, еслибъ мы всегда на первый планъ выдвигали наше убогое «я»?

— Если наше «я» убогое, пусть оно и остается на заднемъ планѣ, но это не разрѣшаетъ вопроса: есть-ли у человѣка иное подлинное богатство, кромѣ его »я». Ну, теперь я прощусь съ вами, г. директоръ, иначе я, при самомъ искреннемъ желаніи, пожалуй, не успѣю до вечера устроить всѣ свои дѣла.

— Прощайте, Гуллеръ. Недѣльки черезъ двѣ вы вернетесь и сами будете смѣяться надъ своими заботами и тревогами.

Они обмѣнялись рукопожатіемъ.

Затворивъ за собою дверь, Стефанъ глубоко вздохнулъ, пригладилъ волосы, упавшіе на лобъ, и скривилъ губы.—Нехорошо... нехорошо... ничего не выходитъ,—бормоталъ онъ про себя.

Но потомъ съ силой выпрямился, словно рѣшивъ положить конецъ безплодному копанію въ собственной душѣ, и, высоко неся голову, пошелъ домой.

— Не отпускаютъ меня, Гаиза. Я просилъ очень, повѣрь мнѣ. Надо покориться неизбѣжному.

— Да, Стефанъ,—сказала она и губы ея страдальчески дрогнули.—Я такъ и думала, что не удастся.

— Есть еще одна возможность,—сказалъ онъ, глубоко тронутый ея унынiемъ и ея безмолвнымъ горемъ.—Поѣзжайте со мною вы оба: ты и папаша, хотя это, конечно, будетъ не увеселительная поѣздка, а очень даже невеселая.

— Спасибо, Стефанъ, это не годится. Старикъ не выдержитъ, а оставить его такъ надолго я не рѣшусь. Ни одной минуты я не была бы спокойна. Да это у меня и прошло уже. Какъ нибудь справлюсь. И, когда ты вернешься, я опять буду умницей, совсѣмъ умницей.

Она попыталась улыбнуться, но это не удалось ей.

— Пойду укладывать твои вещи, милый,—сказала она и, тяжело ступая, почти волоча ноги, вышла изъ комнаты.

Стефанъ поморщился, словно проглотивъ что-то очень горькое, и при этомъ у него мелькнула въ головѣ мысль, что до отъѣзда ему надо во что бы то ни стало еще разъ повидаться съ Іоганнесомъ фонъ деръ Эвигкейтъ.

— Ахъ, это ты, папа,—обернулся онъ къ каммервиртуозу, который только что вошелъ въ комнату, собираясь краснорѣчиво выразить свое изумленіе по поводу этого неожиданнаго отъѣзда.—Потерпи немного. Мнѣ надо еще съѣздить кой-куда; къ обѣду я вернусь.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ поспѣшно вышелъ.

Іоганнесъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нежданнаго гостя; философъ вылѣзъ изъ своего темнаго угла и привѣтствовалъ его безмолвнымъ наклоненіемъ сѣдой головы.

— Я пришелъ проститься съ вами. Я уѣзжаю. Сегодня же вечеромъ. Въ Данію. Если что-нибудь случится...—онъ запнулся, безпомощно озираясь, какъ напуганный ребенокъ—дѣло въ томъ, Іоганнесъ, что мнѣ страшно за нашу малютку. Она такая странная стала, скрытная; все о чемъ-то плачетъ, чего-то боится; воображаетъ, будто ей предстоитъ несчастье; и меня заразила своими страхами. Я хочу сказать,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—что, еслибы со мной что-нибудь случилось, еслибъ я не вернулся домой, поддержите ее и о томъ же попросите отъ моего имени мастера; скажите ему, что у меня не

было времени проститься съ нимъ. Онъ пойметъ. Ну вотъ, я собственно за этимъ и пришелъ къ вамъ.

Іоганнесъ фонъ-деръ Эвигкейтъ положилъ узкія, тонкія руки на плечи Стефана.

— Братъ,—началъ онъ,—я хотѣлъ бы благословить тебя—по своему благославить—и вернуть тебѣ радостную безпечность. Что ты тревожишься о своемъ жалкомъ смертномъ удѣлѣ? Оставь свои страхи и надежды! Тѣсто, изъ котораго ты выпеченъ, будетъ всходить, пока въ немъ есть жизненная закваска, и опадетъ, когда путь твой придетъ къ концу.

— Братъ, дѣло не въ этомъ. Твое земное—и горе и радость—проходящи, но есть въ тебѣ нѣчто такое, что сильнѣе и жизни, и смерти. Назови это искрой Божіей—назови это своей душой—духомъ—совѣстью. И никому ты этого не можешь передать, еслибъ даже ты дожилъ до глубокой старости Мафусаила. Оно останется при тебѣ—это самое существенное въ тебѣ и ты умрешь съ этимъ, не передавъ этого ни женѣ, ни ребенку, ни другу.

Потому что это непередаваемое—и есть въ каждомъ человѣкѣ его прирожденное таинственное достояніе. И, когда ты оставишь позади себя своей земной удѣлъ, искра вновь сольется съ вѣчнымъ пламенемъ—и вновь воскреснетъ въ тебѣ, когда ты воскреснешь, чтобы начать сызнова дѣло очищенія.

Братъ, не терзай себя заботой; будь веселъ, братъ мой, будь радостенъ. Искра Божья честно работаетъ, угасая и разгораясь снова, пока все тѣлесное не спадетъ съ тебя, какъ скорлупа, и ты самъ не станешь огнемъ—духомъ—Богомъ—пламеннымъ—твердымъ—и чистымъ. А теперь поѣзжай, братъ мой. Господь съ тобою.

Такъ сказалъ Іоганнесъ.—И вечеромъ въ тотъ же день Стефанъ уѣхалъ въ Данію.

— Что же это такое?—говорилъ каммервиртуозъ, дѣлая сердитое лицо—когда же ты, наконецъ, перестанешь сидѣть въ четырехъ стѣнахъ? Ты совершенно не бываешь на воздухѣ. Похоронные марши—самая скверная музыка. А когда вернется Стефанъ, мнѣ же достанется. Воображаю, какъ онъ будетъ браниться!

— Милый, дорогой папа, не мучь меня!

Старикъ разводилъ руками.

— Съ каждымъ днемъ ты становишься все болѣе и болѣе похожей на нее и лицомъ, и характеромъ,—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ,—а когда наморщишь лобъ—такъ точно она живая

станетъ передо мной—она бывало тоже какъ разъ такое лицо дѣлала, когда что-нибудь было не по ней.

— Папа, ты очень былъ счастливъ съ нею?

Г. Мессенджеръ усмѣхнулся.

— Дѣтка, что за вопросъ?

Широкимъ жестомъ онъ провелъ по своимъ бѣлымъ, какъ пухъ, волосамъ.

— Еслибъ я не встрѣтилъ на своемъ жизненномъ пути ея и Бюлова, жизнь моя была бы очень убогая.—И тебя, конечно, душечка моя,—и тебя тоже,—поспѣшилъ онъ поправиться.—Я тебя не забываю: ты—третья въ нашемъ союзѣ; ты послѣдняя въ нашемъ родѣ; ты закроешь мнѣ глаза, когда я умру.

— А никогда у васъ не было, папочка, такихъ настроеній, когда вы—ну, какъ бы это выразиться?—внутренно расходились, когда между тобою и ею..?

— Не спрашивай,—перебилъ ее отецъ и глаза его стали печальными.—Не надо спрашивать, дѣтка. Мертвые пусть покоятся въ мирѣ. На могилахъ ихъ цвѣтутъ цвѣты; подъ могильнымъ холмомъ они обрѣли покой.

Онъ заложилъ руки за спину и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Видишь ли, малютка,—началъ онъ затѣмъ, останавливаясь передъ дочерью,—это такой щекотливый вопросъ, о которомъ нельзя такъ говорить, что называется, съ бухты-барахты. Не забывай, что мать твоя была артистическая натура. Этимъ все сказано. Она была не изъ простого тѣста, маленькая Гаиза. Такіе утонченныя организаціи никогда не бываютъ спокойны внутренно, онъ вибрируютъ, волнуются; обыкновенный человѣкъ смотритъ на нихъ, точно въ гладкую, прозрачную воду, а на днѣ—Господь одинъ вѣдаетъ, что у нихъ творится тамъ, на днѣ.

Гаиза съ изумленіемъ посмотрѣла на отца и замолчала.

— Я уйду ненадолго: у меня табакъ весь вышелъ. Надо пойти купить себѣ свѣжей травки.

Онъ небрежно кивнулъ головой дочери и, прежде чѣмъ она опомнилась, исчезъ за дверью, выскользнулъ, какъ тѣнь.

Медленно сгущались сумерки.

Гаиза замечталась и сомкнула вѣки.

Время и пространство изчезали, снова всплывали, сливались въ одно. Кругомъ была тишина. А Стефанъ такъ далеко—такъ далеко.

Она хотѣла думать только о немъ. Какъ она въ первый разъ увидала его въ окно, когда онъ переходилъ черезъ дворъ, какъ они потомъ поздно вечеромъ молча шли по улицѣ, какъ билось ея сердце тревогой и блаженствомъ—какъ онъ потомъ ускользнулъ отъ нея, а она нашла его и пришла къ нему, вотъ такъ-же, въ сумерки, въ его новую комнату—чтобъ больше ужъ не отпускать его, удержать при себѣ на всю жизнь.

Потомъ ей вспомнился ребенокъ,—ея бѣдное родившееся мертвымъ дитя—и все ея тѣло содрогнулось отъ мучительнаго, беззвучнаго плача; и такъ жутко ей стало, когда она начала думать о томъ времени, когда Стефанъ былъ, какъ помѣшанный, избѣгалъ ея, отталкивалъ отъ себя ея тѣло и душу—когда по всему дому ихъ бродилъ призракъ Фридриха Гуллера, доводя ее до отчаянія.

Она схватилась за голову. Ей такъ безумно хотѣлось прижаться къ Стефану, сказать ему:

— Обними меня, милый, и держи меня крѣпче! Не уходи отъ меня, иначе я могу оступиться, каждымъ біеніемъ сердца—каждой мыслью своей я принадлежу тебѣ, только тебѣ. Но есть другой, который стучится въ мою дверь, настаиваетъ, травитъ, тѣснитъ меня, подстерегаетъ—у меня уже не хватаетъ дыханія—помоги мнѣ, держи меня—не закрывай глазъ—отгони его отъ меня—спаси меня—спаси меня—спаси меня!

А Стефанъ былъ далеко. И она сидѣла, какъ запертая въ клѣтку птичка на жердочкѣ, не шевелясь, съ затуманеннымъ, обращеннымъ внутрь взоромъ, гоня отъ себя прочь тотъ другой образъ, котораго она не хотѣла видѣть—не должна была видѣть—и все же видѣла.

Все больше сгущались сумерки, сливая въ одну массу предметы, которые уже трудно было различать въ этой тьмѣ; вечернія тѣни окутали, словно густымъ вуалемъ, ея маленькую фигурку, и въ этой тьмѣ только слабо бѣлѣло ея блѣдное личико.

Глубокое безмолвіе, мертвая тишина стояли кругомъ. И вдругъ, среди этой мертвой тишины, раздались звуки скрипки. Гдѣ-то въ темномъ углу стоялъ Спинетти и игралъ, а Гаиза сидѣла и слушала и не могла пошевелиться, и волны звуковъ вливались въ ея уши, и холодными струйками просачивались ей прямо въ сердце.

Тамъ, въ темнотѣ, стоялъ онъ, въ своемъ клѣтчатомъ, свѣтломъ, широкомъ костюмѣ, который казался небрежно накинутымъ на тонкое стройное тѣло и въ то же время придавалъ такую особенную утонченную элегантность всей его фигурѣ.

— Ахъ, какъ хорошо мечтать... не думать... не чувствовать... не терзаться... раствориться, потонуть въ чувствѣ... забыть себя... Бога... весь міръ.

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

Сердце ея сжалось.

Она сложила руки на груди.

Глаза ея расширились.

Страхъ сковалъ ея члены.

А сумерки все сгущались.

Нѣтъ, это не въ мечтахъ ей привидѣлся Джіакомо Спинетти. Это смерть стоитъ тамъ у печки и играетъ ей отходную.

— Папа... папа!—жалобно вскрикнула она, силясь стряхнуть съ себя страшный кошмаръ, давившій ей грудь.

Звуки мгновенно оборвались, и медленно сердце молодой женщины замерло; казалось вотъ-вотъ оно перестанетъ биться... Неслышно скользя по паркету, со скрипкой подъ мышкой, Смерть подошла къ ней—заговорила. И что же?—это была не Смерть—голосъ у нея былъ человѣческій—передъ нею стоялъ не кто иной, какъ студентъ Джіакомо Спинетти, живой, во плоти.

— Это вы? — вскрикнула она съ облегченіемъ и, совершенно забывшись, вся дрожа, прибавила:—Ради Бога, какъ вы попали сюда?

— Сквозь замочную скважину, милая барынька,—сквозь замочную скважину.

Она поднялась и повернула выключатель; комната сразу наполнилась яркимъ свѣтомъ.

Только теперь Гаиза убѣдилась, что это не сонъ, а дѣйствительность и что на самомъ дѣлѣ возлѣ нея Спинетти.

Слегка покраснѣвъ и стоя передъ нимъ на вытяжку, она растерянно пролепетала, потупивъ глаза:

— Я бы все таки хотѣла знать, какъ вы проникли сюда?

Студентъ засмѣялся.

— Я случайно встрѣтился съ вашимъ батюшкой. Онъ просилъ меня зайти къ вамъ поиграть — далъ мнѣ ключъ отъ входной двери—я вошелъ и сдѣлалъ, какъ мнѣ было велѣно. Всеподданнѣйше прошу прощенія, если я испугалъ мою госпожу. Можно мнѣ остаться?—спросилъ онъ съ застѣнчивой улыбкой, удивительно красившей его лицо, сразу снимая съ него оттѣнокъ злобы и горечи.

— Зачѣмъ вы преслѣдуете меня? Почему вы не оставите меня въ покоѣ? Что я вамъ сдѣлала?

Лицо его снова омрачилось. Руки вяло упали вдоль тѣла,

которое сразу согнулось и сгорбилось. Ему какъ будто холодно было въ этомъ просторномъ свѣтломъ костюмѣ.

— Знаете ли вы,—выговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія, слегка выпрямляя станъ,—чѣмъ это кончится? Вѣдь вы меня окончательно погубите.

— *Я— васъ*?

— Ну, разумѣется, вы; кто же другой? Зачѣмъ *вы* меня мучите? Зачѣмъ вы лжете себѣ самой и мнѣ? Знаете ли вы, это—преступленіе противъ тѣла и противъ духа?

— Если вы сейчасъ же не замолчите, я буду кричать, звать на помощь.

— Въ домѣ никого нѣтъ. Вашъ батюшка сидитъ въ кафе и читаетъ вечернюю газету, а служанка ушла за покупками.

Гаиза нервно разсмѣялась.

— Однако, вамъ все извѣстно, что происходитъ въ моемъ домѣ.

— Все—до капли, милая барынька. День и ночь я тружусь только надъ этимъ. Къ тому же, мнѣ съ двухъ сторонъ поручено заботиться о васъ. Вашъ супругъ и вашъ...

— Оставьте въ покоѣ моего мужа!—перебила она его.— А теперь, прошу васъ: уходите—я устала — слышите, я хочу быть одна.

— Не гоните меня! — попросилъ онъ и лицо его вдругъ стало испуганнымъ и смиреннымъ.—Вы меня, словно нищаго, гоните,—грустно прибавилъ онъ.

— Или вора, — отвѣтила она, вся дрожа, — который въ темнотѣ прокрадывается въ домъ—когда хозяина нѣтъ дома.

Онъ смотрѣлъ ей прямо въ лицо широко раскрытыми блестящими глазами.

— Зачѣмъ уста ваши бранятъ меня, когда сердце ваше рвется ко мнѣ?

— Это неправда,—крикнула она.

— Это правда,—возразилъ онъ,—и даже обидно, что вы не хотите посмотрѣть въ глаза этой правдѣ.

Она стиснула зубы и въ глазахъ ея засвѣтилась тоска. Но тотчасъ же совладала съ собой, выпрямилась и, придавъ лицу своему холодное, жесткое выраженіе, ледянымъ тономъ возразила:

— Вы ошибаетесь! Вы даже не подозрѣваете, до какой степени вы заблуждаетесь. Я не знаю человѣка, который былъ бы для меня презрѣннѣе васъ.

— Спасибо, спасибо!

Онъ не сводилъ съ нея глазъ, впиваясь взоромъ въ ея

душу—стараясь вынудить ее сознаться. Потомъ гордо закинулъ голову.

— Вы избрали плохой способъ борьбы. И когда-нибудь вамъ станетъ стыдно за эти слова. Можетъ быть, даже сегодня же ночью, когда вы будете лежать въ постели безъ сна!

— Достаточно! Я не хочу васъ больше слушать!

— Вы должны! Я еще не кончилъ, милая барынька. Когда нибудь ночью вы придете ко мнѣ въ мою убогую каморку, нагая, ничѣмъ не прикрытая—не смотрите на меня съ такимъ ужасомъ: я не то хотѣлъ сказать, что вы думаете—придете ко мнѣ и сами будете, какъ нищая, молить моей любви — и я оттолкну васъ—не для того, чтобъ отомстить вамъ: Богъ свидѣтель, во мнѣ нѣтъ желанія мстить вамъ — нѣтъ, но потому что тогда во мнѣ уже погаснетъ, умретъ то, что вы сами, умышленно, убиваете.

Блѣдная, какъ смерть, она стиснула руки такъ, что ногти впились въ нѣжную кожу.

— Прикажете апплодировать, крикнуть: браво. Я и не знала, что вы такой блестящій ораторъ. А теперь, еще разъ прощайте, г. Спинетти!—я изнемогаю отъ усталости. Извиняюсь...

Онъ заступилъ ей дорогу.

— Не уходите — не уходите отъ меня такъ! Подождите еще двѣ минуты—я больше не скажу ни слова.

Онъ схватилъ скрипку и вдругъ заигралъ... Спутавшаяся прядь янтарныхъ волосъ упала ему на лобъ.

Молодая женщина хотѣла не смотрѣть на него и не могла отвести глазъ. Лицо его точно свѣтилось серебристымъ огонькомъ, стройная шея казалась высѣченной изъ мрамора, съ тонкою сѣтью голубоватыхъ жилокъ; темные глаза горѣли и сверкали, и жгли ее, какъ огнемъ.

Онъ игралъ, не отнимая смычка; рука его, казалось, никогда не устанетъ. И, чѣмъ больше онъ игралъ, тѣмъ свѣтлѣй и прозрачнѣе становилось его лицо, и тѣмъ больше волновало это Гаизу. Все тѣлесное казалось умерло, отлетѣло— ни огорченія, ни похоти не было больше въ этомъ лицѣ — было только выраженіе одухотворенности и силы необычайной.

Гаиза чувствовала, какъ въ ней постепенно замирало сопротивленіе, какъ его загадочное умѣніе растворяться въ звукахъ, отметая все земное, пріобрѣтало надъ ней мучительную власть; какъ тѣло ея становилось усталымъ, томнымъ и безвольнымъ, полнымъ сладкаго трепета.

Музыка оборвалась—въ дверяхъ стоялъ Мессенджеръ.

— Вотъ дьявольская музыка!—воскликнулъ онъ, прерывая молчаніе. — Я стоялъ въ дверяхъ и шевельнуться не смѣлъ. Чортъ васъ знаетъ, какъ вы играете!.. Но что съ вами? Какое у васъ странное лицо... Да ты посмотри на него, Гаиза — онъ весь посинѣлъ.

Скрипачъ засмѣялся отрывистымъ, хриплымъ, вымученнымъ смѣхомъ.

— Не безпокойтесь, г. каммервиртуозъ. У меня руку свело. Это пустяки—сейчасъ пройдетъ.

Онъ отвернулся и сталъ укладывать скрипку въ футляръ.

— Tiens... Tiens... однако, уже поздно... пора уходить... честь имѣю кланяться, г. каммервиртуозъ... a rivedersi, милая барынька... a rivedersi.

И, прежде чѣмъ отецъ и дочь успѣли опомниться, его уже не было въ комнатѣ.

— Сатана въ немъ сидитъ,—проворчалъ старикъ.

— И Богъ, и Сатана, — возразила Гаиза, какъ заколдованная, прислушиваясь къ его шагамъ, замиравшимъ вдали.

Въ ушахъ ея еще звучала его игра.

— Чортова соната Тартини—дѣтская забава въ сравненіи съ этимъ, — продолжалъ Мессенджеръ, — у него техника, какъ у Паганини—начни онъ играть эту штуку въ концертахъ, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ милліонеромъ. Такого виртуоза я еще не слыхалъ. Ослѣпительно блестящая техника! Разумѣется, и это кое-что—я не отрицаю. Бюловъ заинтересовался бы имъ—несомнѣнно...

Громкій звонокъ прервалъ потокъ его рѣчей.

Отецъ и дочь насторожились.

— Телеграмма отъ Стефана,—блѣднѣя выговорила Гаиза.— Я знаю напередъ: съ нимъ случилось недоброе.

Старикъ хотѣлъ пойти отворить.

Она не пустила его.

— Останься со мной, горничная сама отворитъ.

Она цѣплялась за отца, словно боясь хоть на минуту остаться одна.

Словно въ рамкѣ, въ дверяхъ обрисовалась фигура студента со скрипкой подъ мышкой.

— Трудящійся достоинъ пропитанія, и скрипачъ проситъ, чтобъ его накормили. Я вдругъ почувствовалъ, что здорово проголодался, а въ моемъ кошелькѣ—ни гроша...

При этихъ словахъ онъ разсмѣялся тихимъ мальчишескимъ смѣхомъ, показывая бѣлые зубы.

— Превосходно!— сказалъ каммервиртуозъ. — Блестящая мысль! Положите вашу скрипку и присаживайтесь, милѣйшій.

— Не знаю, какъ барынька,—выговорилъ онъ нерѣшительно,—пуститъ ли она къ столу нищаго.

— Голодный будетъ накормленъ, — вздрагивающимъ голосомъ выговорила Гаиза и вышла изъ комнаты.

— Поѣзжайте въ Америку—вы кучу денегъ заработаете,— восторженно говорилъ старикъ Мессенджеръ. — Сначала пусть здѣшнія газеты ославятъ васъ феноменомъ, геніемъ, а затѣмъ поѣзжайте за море. У васъ въ рукахъ волшебная палочка. Взмахнете ею—и у васъ будутъ сады, дворцы, и женщины будутъ падать въ ваши объятія. Я вижу, что я не умѣлъ цѣнить васъ. Я охотно сознаю свои ошибки. Бетховена вы все таки не будете играть, но, что по васъ весь свѣтъ будетъ съума сходить, это такъ-же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Мессенджеромъ.

— Tiens... Tiens... Вы серьезно думаете?

Насмѣшливая улыбка искривила его губы.

— Женщина, которую я люблю, противится мнѣ; только ради нея одной я могъ бы соблазниться выступить передъ толпой. Мнѣ противно даже подумать объ этомъ. Odi profanum vulgus et arceo, — говоритъ поэтъ. А по нѣмецки это значитъ: подальше отъ всякой сволочи... Брррр—какая гадость—выступать передъ толпой.

— Что подѣлаешь? Каждому артисту приходится въ концѣ концовъ проституировать себя передъ толпой. Вѣдь толпа не доросла до того, чтобъ оцѣнить его искусство.

— Вы ошибаетесь, г. каммервиртуозъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ добиться сочувствія ближняго. Надо только умѣть найти подходящаго человѣка. Къ тому же, даю вамъ слово, во всю мою жизнь—дай Богъ, чтобъ она была краткой—я уже никогда не буду такъ играть, какъ полчаса тому назадъ. Это удается только однажды.

Старикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Почему же это удалось вамъ именно сегодня вечеромъ?

Студентъ прищурилъ глаза, заслонилъ ихъ рукой, словно отъ солнца, какъ-то странно посмотрѣлъ на старика и отвѣтилъ:

— Я хотѣлъ разбудить ея голосъ. У барыньки чудесный голосъ—его только надо разбудить.

Старикъ засмѣялся, польщенный въ своемъ отцовскомъ тщеславіи, но все же сдѣлалъ жестъ, словно отклоняя похвалу.

— Голосъ славный, чистый, какъ колокольчикъ, красивый— все, что хотите. Но только комнатный—для сцены не годится,

не хватитъ. Боже мой, вѣдь я все перепробовалъ! Она музыкальна до кончика ногтей. Но чего-то не хватаетъ. Вотъ мать ея—такъ та, дѣйствительно, была пѣвица. Послушали бы вы ее! А у Ганзы точно горло стиснуто — нѣтъ полнаго звука. Мать, бывало, когда запоетъ, такъ это просто какое-то откровеніе.

— Я разбужу этотъ голосъ, г. Мессенджеръ. У меня есть тайная власть разбудить этотъ голосъ...

Этотъ до наглости самоувѣренный тонъ невольно дѣйствовалъ на старика.

Онъ посмотрѣлъ на студента и недовѣрчиво, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ надеждой.

— У васъ, должно быть, итальянская метода—вѣдь ваша родина—страна del canto?

Спинетти только коварно улыбался.

— Пожалуйте ужинать. Ужинъ на столѣ, а барыня проситъ ихъ извинить; онѣ устали и легли.

— Чортъ побери!—воскликнулъ студентъ, не сдержавъ досады.

И старикъ Мессенджеръ былъ тоже недоволенъ.

— Огорчаетъ меня малютка,—выговорилъ онъ удрученно.— Она совсѣмъ какъ-то выбилась изъ колеи. Ну что-же, ничего не подѣлаешь, придется намъ ужинать вдвоемъ. Идемте, почтеннѣйшій.

И онъ засѣменилъ впереди.

Студентъ повернулся къ горничной.

— Нельзя-ли мнѣ гдѣ нибудь вымыть руки?

— Пожалуйте сюда, я васъ провожу.

Въ коридорѣ Спинетти остановился.—Вотъ вамъ талеръ,—это были его послѣднія деньги,—ступайте сейчасъ же къ барынѣ и передайте ей, что мнѣ необходимо сказать ей нѣчто важное—совершенно неотложное—и очень-очень важное, отъ чего многое зависитъ—пусть она непремѣнно выйдетъ, хоть на минутку. Поняли?

Дѣвушка кивнула головой.

— Такъ повторите, что надо сказать.

— Нѣтъ, не такъ,—сердито прервалъ онъ ее.—Вы должны сказать что мнѣ *необходимо*, слышите, *необходимо* видѣть ее, что отъ этого *все* зависитъ—что я настоятельно прошу ее выйти на минутку, потому что дѣло у меня неотложное. Поняли? Ну теперь ступайте.

Онъ вернулся въ столовую. Старикъ уже принялся за ѣду.

— Ну, присаживайтесь и кушайте на здоровье!

— Благодарствуйте! У меня уже прошелъ аппетитъ. Я еще погожу немного.

Старикъ кивнулъ головой. Студентъ сидѣлъ молча; сердце его колотилось; въ груди была такая сила желанія, что, казалось, она вотъ-вотъ разорвется.

И вдругъ, вошла Гаиза; она накинула на плечи легкій свѣтлозеленый газовый шарфъ, спускавшійся до колѣнъ. Глаза ея сіяли какъ-то загадочно, тонкія ноздри вздрагивали.

Спинетти поднялся и низко склонился передъ нею.

Лицо у него было свѣтлое и полное смиренія; ни тѣни торжества не было въ немъ.

Каммервиртуозъ вскочилъ съ мѣста.

— Вотъ это ловко! Это ты отлично сдѣлала, что пришла, а то нашъ гость сидитъ и ничего не ѣстъ!—Можешь себѣ представить: онъ утверждаетъ, что онъ могъ бы развить твой голосъ, что у него безошибочный методъ. Ты слышишь, Гаиза?

— Да папа,—отвѣтила она, кротко глядя на Спинетти.

— Онъ колдунъ,—продолжалъ разболтавшійся старикъ—но, если онъ сдѣлаетъ мнѣ *этотъ* фокусъ, я, старикъ, стану передъ нимъ на колѣни. Ха-ха-ха—ей Богу, стану. Только вы не откладывайте этого въ долгій ящикъ, сударь мой. Принимайтесь сейчасъ же за уроки. Я хотѣлъ бы еще увидать передъ смертью, какъ моя дѣвочка покоритъ весь свѣтъ. Разъ я уже былъ наканунѣ этого,—съ грустью прибавилъ онъ—но не дождался.

— Послѣ ужина вы намъ споете?—сказалъ студентъ.

Она едва замѣтно кивнула головой и продолжала сидѣть, сложивъ руки, и не дотрогиваясь до ѣды.

Старикъ Мессенджеръ усѣлся за рояль и Гаиза спѣла «Колыбельную» Моцарта своимъ маленькимъ голоскомъ, какъ всегда, трогательнымъ и нѣжнымъ.

Когда она кончила, Мессенджеръ злобно покосился на студента.

— Ну что, вы все еще остаетесь при своемъ мнѣніи или, можетъ быть, передумали?—допытывался онъ и на щекахъ его выступили красныя пятна.

— Само собой, г. Мессенджеръ. Никакой ошибки съ моей стороны быть не можетъ. Надо только, чтобъ барынька имѣла довѣріе ко мнѣ и безусловно подчинялась моимъ указаніямъ.

— Будьте спокойны, это будетъ. Ну-съ, а теперь спокойной ночи! Мнѣ пора въ постель. Старики должны жить размѣренной жизнью и соблюдать порядокъ. Ты ужъ постарайся, Гаиза. А завтра мнѣ разскажешь. У него, и правда, въ рукахъ

волшебная палочка—кто знаетъ... Спокойной ночи, г. Спинетти, желаю вамъ полнаго успѣха.

Онъ послалъ ему привѣтъ рукой, поцѣловалъ Гаизу въ лобъ и вышелъ.

— Сядьте. Вотъ сюда.

Студентъ молча повиновался. И Гаиза сѣла напротивъ.

— Что вы дурачите папу, въ этомъ ужъ вы отчитывайтесь сами передъ собою. Вы видите, я пришла. Я пришла,—повторила она еще разъ,—чтобы сказать вамъ кое-что. Я давеча сказала вамъ, что презираю васъ.—Она посмотрѣла на него большими грустными глазами и провела рукой по горячему лбу.—Я прошу прощенія за это. Презирать васъ я не могу: въ васъ есть нѣчто, передъ чѣмъ я преклоняюсь—что я люблю,—продолжала она, тяжело дыша.—А теперь, прошу васъ, слышите, *прошу васъ*:—имѣйте немного состраданія ко мнѣ, не преслѣдуйте меня больше.

Она смотрѣла въ его недвижное затуманенное лицо и медленно продолжала говорить—и была въ ея чертахъ какая то несказанная мягкость, доброта, самоотверженность, которыя и мучили, и трогали его. Но онъ не подалъ виду; ни разу не дрогнули его красиво очерченныя губы; черты его словно застыли.

— Дѣло въ томъ,—начала она снова, трогательнымъ жестомъ прижимая къ сердцу свою бѣлую ручку,—что я *люблю* своего мужа—люблю его больше всего на свѣтѣ—да, *больше всего на свѣтѣ*. Ради Христа, не улыбайтесь: это чистѣйшая правда. И если ваша злая—да злая—ваша,—она мучительно искала слова,—ваша всепокоряющая воля вырветъ меня съ корнемъ изъ моей теперешней жизни, вся моя жизнь будетъ разбита. Пожалуйста, *пожалуйста*, дайте мнѣ высказаться. Дѣло не во мнѣ—что я?—но, если вы этого человѣка, котораго жизнь съ самаго дѣтства была несказанною мукой—вы даже не знаете, *какою* мукой, Джіакомо,—въ первый разъ она назвала его по имени,—если вы *его* погубите—а, вѣдь, этимъ кончится—этимъ *должно* кончиться—тогда, другъ мой, мы съ вами совершимъ такое преступленіе, котораго Богъ не проститъ.

Ея блѣдное, прозрачное личико слегка заалѣлось румянцемъ; она встала и подошла къ нему вплотную.

— А тамъ,—сказала она скорбно—тамъ, за стѣною, спитъ старикъ, которому осталось жить уже не много лѣтъ—не убивайте его.—И, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ былинка на вѣтру, она закончила:

— Простимся теперь и не приходите больше никогда, и я до послѣдняго вздоха буду молиться за васъ.

Въ ея глазахъ была такая мольба, какъ будто отъ его отвѣта зависѣла ея жизнь и все ея счастье.

Онъ тоже поднялся и сердито тряхнулъ головой, такъ что волосы упали ему на лобъ.

— Я не могу; это выше моихъ силъ,—отвѣтилъ онъ коротко и жестко.

Потомъ улыбнулся своею особенной странной и печальной улыбкой и прибавилъ:

— Я долженъ разбудить вашъ голосъ. Я обѣщалъ это вашему батюшкѣ. Потому что въ васъ есть звукъ, который скованъ и рвется на волю, и освободить его не можетъ никто, кромѣ меня—только *я одинъ* могу это сдѣлать, я одинъ въ цѣломъ мірѣ. Спокойной ночи, прекрасная дама.

Онъ низко склонился передъ нею и, высоко неся голову, вышелъ изъ комнаты.

Съ ужасомъ смотрѣла она ему вслѣдъ. Потомъ, вся согнувшись, опустилась въ кресло въ безысходной мукѣ, для которой у нея не было слезъ...

Долго-долго сидѣла она такъ въ тупой безысходной тоскѣ. Словно что-то сломалось въ ней. Ея послѣдняя попытка сопротивленія разбилась о непреклонную волю этого человѣка. Надменно покачавъ головой, онъ перешагнулъ черезъ ея горе.

А она черезъ него перешагнуть не могла, хоть и сказала ему чистую правду о своей любви къ мужу. Онъ угадывалъ ея душу, читалъ въ ней, и это покоряло ее... И когда онъ съ несокрушимой серьезностью утверждалъ, что онъ можетъ разбудить въ ней голосъ, до сихъ поръ молчавшій, освободить скованный звукъ, который рвется наружу — это было потому, что онъ заглянулъ въ самые тайники ея души и угадалъ то, чего не видѣли, не постигали другіе... И все же, она не разлюбила Стефана. Ея сердце—ея чистое, пылкое сердце—осталось вѣрнымъ своей первой любви.

Что же это за мучительное раздвоеніе? Или она лжетъ самой себѣ? Обманываетъ себя призраками, чувствуя, что иначе не устоитъ?

Лучше утопиться, чѣмъ бросить Стефана — просто такъ, войти въ воду и итти, пока она не сомкнется надъ головой. И въ то же время—въ то же время она чувствовала надъ

собой власть другого, котораго не трогали ея мольбы, который остался непреклоннымъ и ждалъ ея паденія, какъ будто это было его право, дарованное ему самимъ Богомъ—нѣтъ не Богомъ, причемъ тутъ Богъ?—а дьяволомъ.

Горькая усмѣшка блуждала на ея устахъ. Нѣтъ, тутъ что-то не такъ. Еслибъ она и тѣломъ, и душой рвалась къ Стефану, развѣ мыслимо, чтобъ третій могъ стать между ними? Развѣ чистая женщина, когда она любитъ, можетъ отъ одного переходить къ другому и обнимать обоихъ съ одинаковой любовью? Такъ поступаютъ только порочныя женщины, развращенныя, у которыхъ и тѣло, и душа покорствуютъ каждой прихоти.

Передъ мысленнымъ взоромъ ея встали оба: высокій, грузный человѣкъ съ лицомъ, словно выкованнымъ изъ желѣза, на которомъ наложили свою печать и жизнь, и судьба, врѣзавшіяся въ душу его безусловной правдивостью, глубокимъ горемъ и вѣрностью непоколебимою—и другой, съ тонкимъ и гибкимъ тѣломъ, съ озлобленнымъ, суровымъ и въ то же время жаждущимъ счастья лицомъ, которое такъ необычайно красила застѣнчивая улыбка.

Къ тому первому, тяжелому, медлительному и въ чувствахъ, и въ словахъ, она сама, забывъ дѣвичій стыдъ, пришла когда-то въ его комнату и, заглянувъ ему въ глаза, сказало смѣло: «Вотъ, я здѣсь—пришла и больше не уйду». А тотъ, другой, котораго она боялась и избѣгала, тянулся къ ней, жегъ ее своимъ огнемъ, и его темный и въ то же время блистающій взоръ, словно огненными языками, впивался въ ея бѣдную мятежную душу.

Она упала на колѣни.

— Матерь Божія, помоги мнѣ!—умилосердись надо мною, Пречистая,—Преблагословенная, взываю къ тебѣ: сними съ моей души это бремя—или же возьми меня къ себѣ—только избавь меня отъ этой муки... Я уже по шею въ водѣ—я погибаю... Марія, поддержи меня... поддержи меня.

Неужели ни одинъ лучъ милосердія и благодати не упадетъ въ это бѣдное, измученное сердце?

Молодая женщина поднялась съ колѣнъ... Остается только одно: закрыть глаза и не проснуться; убѣжать отъ себя самой—уйти незапятнанной, Да, это такъ: выходъ одинъ. Она вздохнула съ облегченіемъ; глаза ея засіяли влажнымъ блескомъ. Лучше умереть, но пребыть вѣрной до гроба...

Снова ночь окутала ее непроницаемой тьмой. И вдругъ, она увидѣла Стефана, молча склонившагося надъ нею, не сводя съ нея пристальнаго, полнаго ужаса взора; затѣмъ увидала, какъ

онъ открываетъ ящикъ письменнаго стола, вынимаетъ блестящій шестиствольный револьверъ — запираетъ дверь на задвижку и молча, не дрогнувъ, спускаетъ курокъ.

И вотъ, конецъ пѣсни — вотъ къ чему привелъ Стефана Гуллера бракъ съ Гаизою Мессенджеръ!

Въ этотъ финалъ врывались плачущіе звуки скрипки, тихонько рыдавшіе:

— Вотъ видишь, маленькая Гаиза, ты таки сдѣлала по своему и всѣмъ намъ разбила жизнь—всѣмъ троимъ...

На стулѣ сидѣлъ, скорчившись, парализованный ужасомъ отецъ и не могъ шевельнуть ни рукой, ни ногой. Руки его безсильно повисли, какъ плети, глаза смотрѣли безсмысленно.

Потомъ, вошелъ Іоганнесъ,—тотъ самый Іоганнесъ, который на ея свадьбѣ говорилъ о золотѣ вина, о золотѣ солнечныхъ лучей и о золотѣ любви—и, любовно поглядывая на философа, который приковылялъ вслѣдъ за нимъ, пояснилъ:

— Слабость человѣческая. Законъ ритма. Такъ и должно было случиться... Теперь устроимъ тризну по нимъ и будемъ ждать ихъ воскресенія...

Нѣтъ, нѣтъ, не надо умирать... Надо жить... и ждать—и быть вѣрной.

Откуда-то издали донесся нѣжный, сладкій голосъ... Это Марія склонилась надъ ней, Пречистая, Преблагословенная.

И голосъ говорилъ ей:

— Пойди къ нему навстрѣчу. Будь бодрой, будь радостной. Скоро онъ будетъ съ тобой.

И она сразу затихла и успокоилась, такъ какъ уже знала, что ей надо дѣлать.

Завтра, чуть свѣтъ, она уѣдетъ—навстрѣчу Стефану. И, когда онъ обниметъ ее, она отведетъ его руки и скажетъ:

— Я люблю тебя и принадлежу тебѣ—тебѣ одному, но въ моемъ сердцѣ расцвѣло иное чувство, которое не должно остаться скрытымъ отъ тебя. Посмотри на него добрыми глазами и тогда оно отцвѣтетъ безъ боли. Помоги мнѣ, мой любимый,—поддержи меня.

— Папа,—сказала она на другое утро,—я хочу поѣхать навстрѣчу Стефану. Черезъ два дня онъ уже повернетъ обратно, а черезъ три дня мы оба вернемся домой. Папа, отпусти меня. Мнѣ нужно уѣхать—я здѣсь задыхаюсь.

Старикъ раскрылъ глаза отъ удивленія.

— Зря ты это выдумала,—сказалъ онъ, подумавъ.—А что, если вы ночью разминетесь съ нимъ—если онъ пріѣдетъ сюда и найдетъ гнѣздо пустымъ—ты думаешь, онъ будетъ доволенъ?

— Милый папочка!—испуганно взмолилась она,—не мучь меня и не отговаривай. Стефану я пошлю телеграмму—онъ будетъ знать, гдѣ я. Мнѣ надо—*надо* уѣхать. Слышишь, папа.

— Гмъ. Если надо, такъ не о чемъ и говорить.—Старикъ пожалъ плечами и отвернулся.

— Папа! милый папа, не сердись на меня!

— Я не могу сердиться на тебя, дитя. Поѣзжай и возвращайся успокоенной. Я тревожусь за тебя,—прибавилъ онъ озабоченно, и по угламъ его носа легли глубокія складки.

Гаиза поспѣшила ускользнуть изъ комнаты, мгновенно уложила вещи и кликнула служанку:

— Мари, приведите скорѣй извощика—закрытый экипажъ. Вы слышите: непремѣнно, закрытый. Я ѣду встрѣчать барина. Черезъ три дня я вернусь. А вы пока хорошенько присматривайте за папочкой. Берегите его. Обѣщаете беречь? Ну, спасибо, Мари.

Только усѣвшись въ закрытый экипажъ, Гаиза вздохнула свободнѣе. И все таки не смѣла выглянуть въ окно. Какой-то смутный страхъ удерживалъ ее.

У Штеттинскаго вокзала она остановила извощика, быстро выпрыгнула и поспѣшно подошла къ кассѣ, возлѣ которой стояло много народу, дожидавшагося очереди. Съ бьющимся сердцемъ, не оглядываясь по сторонамъ, она ждала.

Наконецъ, очередь дошла до нея.

— Въ Варнемюнде,—нерѣшительно сказала она.

Кассиръ посмотрѣлъ на нее.

— Втораго класса—или третьяго?

— Третьяго.—Она торопливо взяла билетъ, вышла на платформу и сейчасъ же сѣла въ вагонъ.

Ну вотъ—теперь она въ безопасности.—Нѣтъ, еще нѣтъ—только когда тронется поѣздъ. Она ждала, заставляя себя быть терпѣливой.

А! Наконецъ-то! Рѣзкій свистокъ локомотива рѣзнулъ ее по уху—поѣздъ пришелъ въ движеніе—колеса мѣрно застучали...

— Слава Тебѣ, Господи! — прошептала Гаиза, чувствуя, что она ушла отъ своей судьбы.

И передъ нею, какъ живое, встало лицо Стефана, полное

глубокаго довѣрія къ ней и глубокой серьезности, а образъ другого распался—поблекъ—исчезъ.

И на сердцѣ у нея стало спокойно и радостно. Теперь она была увѣрена, что опасность миновала.

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Чѣмъ дальше она ѣхала, тѣмъ покойнѣе становилось у нея на душѣ и наконецъ она погрузилась въ какое-то блаженное забытье, въ которомъ потонуло все пережитое за послѣдніе дни, ушло куда-то далеко, далеко назадъ и лишь слабо мерцало въ воспоминаніи.

И когда кондукторъ громко крикнулъ: «Вернемюнде—выходить!» она очнулась, изумленно протирая глаза, не вѣря, что она уже пріѣхала.

Она вышла изъ купэ съ кожанымъ саквояжемъ въ рукахъ и пошла вслѣдъ за толпой, хлынувшей изъ дверей вокзала. Вездѣ были небольшія домики, чистенькія, нарядныя виллы, роскошные отели. При видѣ этой массы чужихъ лицъ молодой женщинѣ вдругъ стало жутко. Но, когда она дошла до берега и передъ нею раскинулось море, тихое и гладкое, какъ зеркало, она сразу успокоилась. Надъ моремъ носились бѣлыя чайки... Растроганная, умиленная, Гаиза тихонько молилась безъ словъ. Въ эту минуту она была такъ далека отъ людей...

Но неожиданно надъ самымъ ухомъ ея раздался незнакомый мужской голосъ. Какой-то верзила въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ стоялъ передъ нею и спрашивалъ съ берлинскимъ акцентомъ:

— Вы, навѣрное, съ берлинскимъ поѣздомъ изволили пріѣхать, сударыня.

Она поспѣшила убѣжать отъ него—и съ набережной, обратно къ вокзалу.

Какія-то расфранченныя барышни ходили мимо нея; молодые люди бросали ей вызывающіе взгляды, но она не замѣчала ихъ. Она только видѣла передъ собою массу людей и ей казалось, что всѣ эти люди гонятся за нею.

Только убѣжавъ отъ толпы и свернувъ въ какой-то глухой переулокъ, она остановилась, чтобы передохнуть.

Но и тутъ передъ нею мгновенно выросъ старикъ посыльный съ щетинистой сѣдой бородой и бѣлыми кустистыми бровями. Это было какъ разъ то, что ей нужно.—На мигъ ей показалось, какъ будто позади старика стоитъ еще кто-то другой—но, должно быть, только показалось, такъ какъ этотъ другой тотчасъ же скрылся.

И она обратилась къ посыльному:

— Я не могу здѣсь оставаться. Пожалуйста, укажите мнѣ какое нибудь тихое мѣстечко поблизости, гдѣ не такъ много людей и домовъ.

Старикъ посмотрѣлъ на нее, подумалъ и отвѣтилъ:

— Тогда поѣзжайте въ Ніенхагенъ—это три четверти часа отсюда. Ежели поторопитесь, то еще поспѣете на пароходъ, отходящій въ Хейлигендаммъ. А вотъ захочетъ ли капитанъ высадить васъ—это другой вопросъ, потому что тамъ собственно пристани нѣтъ.

— Скажите, пожалуйста, а гдѣ стоитъ пароходъ? Послѣднія слова она пропустила мимо ушей.

— Сейчасъ, за вокзаломъ.

— Спасибо.

— Идите все направо, барышня—все направо,—кричалъ ей вслѣдъ старикъ.

Она пошла направо и скрылась за угломъ.

И, какъ только она скрылась, къ посыльному подошелъ какой-то господинъ и коротко, властно освѣдомился:

— Куда пошла дама, которая только что говорила съ вами?

— Куда же ей итти!—на пароходъ,—проворчалъ старикъ и повернулся спиной къ вопрошавшему.

Господинъ приподнялъ шляпу, ускорилъ шагъ—и еще успѣлъ захватить пароходъ; только-что передъ нимъ на палубу взошла Гаиза. Господинъ, не обращая на нее вниманія, прошелъ мимо нея—прямо въ каюту.

Она же взошла на мостикъ, на которомъ стоялъ у руля капитанъ.

— Можете вы спустить меня въ Ніенхагенѣ?—застѣнчиво попросила она.

— Попробуемъ, барынька, попробуемъ. Ежели лодочникъ съ берега услышитъ сигналъ—тогда дѣло въ шляпѣ.

Онъ привѣтливо кивнулъ ей головою.

Въ глазахъ молодой женщины стояли слезы. Она готова была громко разрыдаться, сама не зная, почему.

Спокойно, безъ качки, оставляя за кормой широкіе, расходящіеся круги, скользилъ пароходъ по гладкому, словно недвижному морю. На безоблачномъ небѣ, лишь по краямъ окаймленномъ бѣлою дымкой, ярко свѣтило солнце. Скоро въ виду показалась узенькая полоска берега—капитанъ сказалъ, что это уже Ніенхагенъ. Тотчасъ же на пароходѣ подняли флагъ, дали сигналъ и, словно по командѣ, всѣ пассажиры направили свои бинокли на берегъ.

Дѣйствительно, перевозчикъ на берегу услыхалъ и уже отвязывалъ лодку.

Все произошло очень быстро. Нѣсколько минутъ спустя лодка уже причалила къ пароходу, и одинъ изъ матросовъ помогъ Гаизѣ спуститься по лѣстницѣ. Лодочникъ снизу протянулъ ей руку—одинъ прыжокъ—и она была уже въ лодкѣ. Тотчасъ, вслѣдъ за нею, прыгнулъ въ лодку другой пассажиръ, такъ что лодка закачалась и не сразу могла отчалить.

Этотъ другой, съ легкимъ поклономъ, занялъ мѣсто напротивъ нея.

Она взглянула на него—широко раскрыла глаза, словно увидавъ привидѣніе—блѣдныя, безкровныя губы ея раздвинулись; она какъ будто хотѣла крикнуть, но не крикнула, а только всѣмъ корпусомъ перегнулась черезъ бортъ...

Но въ то же мгновеніе Джіакомо Спинетти схватилъ ее за руку и дернулъ назадъ...

Она закрыла глаза и потеряла сознаніе.

Лодочникъ съ недоумѣніемъ и испугомъ смотрѣлъ на студента.

— Ради Бога, гребите скорѣе къ берегу,—хриплымъ голосомъ выговорилъ тотъ—и машинально прибавилъ, въ видѣ поясненія:—Ей уже на пароходѣ было плохо...

Лодочникъ налегъ на весла и черезъ четверть часа лодка была у берега.

— А ну-ка, помоги барину!—крикнулъ лодочникъ долговязому парню, который, по знаку его, втащилъ лодку на берегъ.

Но студентъ самъ на рукахъ снесъ Гаизу на берегъ. Она показалась ему легкой, какъ перышко.

— Развѣ здѣсь нѣтъ пристани, или хотя бы мѣстечка, гдѣ отдохнуть?—сердито спросилъ онъ.

Парень молча указалъ ему на скамью неподалеку.

Студентъ осторожно опустилъ безчувственную на скамью.

— Коньяку достаньте!—приказалъ онъ, наклоняясь надъ Гаизой и разстегивая ей жакетъ и блузку.

— Въ купальномъ заведеніи есть—сейчасъ принесу.

Лодочникъ побѣжалъ—и черезъ минуту вернулся съ бутылкой и стаканомъ.

Студентъ влилъ нѣсколько капель въ ротъ молодой женщинѣ и натеръ ей виски.

Она раскрыла глаза и растерянно посмотрѣла на него, словно не понимая. Потомъ молча кивнула головкой—покорно, безвольно—жестомъ, полнымъ безнадежности, отъ котораго у него дрогнуло сердце.

— Гдѣ здѣсь можно остановиться?—обратился онъ къ перевозчику.

Тотъ указалъ рукою наверхъ.

— Тамъ, за лугомъ, дома—надо подняться по лѣстницѣ.

— Идемъ?—выговорилъ онъ тихо, и, не дожидаясь ея отвѣта, снова взялъ ее на руки и понесъ по лѣстницѣ, такъ какъ берегъ былъ низкій и укрѣпленъ земляным валомъ.

— Обнимите меня за шею—держитесь крѣпче.

Она снова кивнула головкой и послушно сдѣлала, какъ ей было велѣно.

Наконецъ, они добрались до верхней площадки. Направо передъ ними раскинулась веселая березовая роща, въ которой мѣстами росли буки; налѣво — широкій зеленый коверъ — лугъ, спускавшійся къ самому морю.

На окраинѣ луга стояли недвижно, длинными рядами, въ несчетномъ множествѣ коровы: бѣлыя, бурыя, черныя, бѣлыя съ черными пятнами. У самаго откоса стояли онѣ, близко одна отъ другой и своими большими глупыми глазами смотрѣли на море, такое близкое, что стоило имъ шагнуть впередъ или перегнуться немного, чтобы полетѣть въ воду.

И вдругъ, Гаизѣ показалось, что тупые глаза всѣхъ этихъ несчастныхъ животныхъ смотрятъ на нее съ нѣмымъ печальнымъ вопросомъ. Въ то время, какъ студентъ, крѣпко прижимая ее къ себѣ, несъ ее дальше, она не отрываясь смотрѣла на это множество животныхъ, которыя не шевелились и не трогались съ мѣста, словно образовавъ живую стѣну, словно они хотѣли своимъ печальнымъ, задумчивымъ взоромъ проникнуть въ море до самого дна.

Дойдя до перваго дома съ бѣлымъ опрятнымъ фасадомъ, Спинетти осторожно спустилъ Гаизу на землю.

Тощая женщина съ суровымъ лицомъ вышла изъ двери и на вопросъ: «Можно ли здѣсь остановиться на короткое время?» молча кивнула головой.

Гаиза присѣла на скамейку у дверей въ то время, какъ студентъ съ хозяйкой пошли смотрѣть комнату.

Руки молодой женщины безсильно лежали на колѣняхъ. Она чувствовала, что нѣтъ въ ней больше и тѣни воли, сопротивленія—думать она ни о чемъ не могла—была совсѣмъ разбита—и сидѣла покорная, смиренная, въ ожиданіи, что будетъ дальше. Только сердце ея казалось, готово было выскочить и въ вискахъ все время равномѣрно стучало: тикъ-такъ, тикъ-такъ.

Если-бы теперь кто-нибудь подошелъ и сказалъ ей:

«Пора, маленькая Гаиза, пойди и положи твою голову съ блестящими волосами на плаху»—она и на это кивнула бы головой и молча, съ пустыми глазами, пошла бы на зовъ.

Хозяйка приготовила для нихъ ужинъ на верандѣ. Круглый столъ былъ покрытъ скатертью съ краснымъ узоромъ и на немъ стоялъ горячій дымящійся кофе, кувшинъ съ молокомъ, масло, медъ и черный ржаной хлѣбъ; все это выглядѣло весьма аппетитно.

— Скушайте что-нибудь,—настойчиво просилъ онъ, гладя ея руку.

И она послушно, машинально жевала что-то, запивая маленькими глотками изъ большой полной чашки.

Все это казалось ему совершенно необъяснимымъ. Что такое съ ней происходитъ?—что творится въ ея душѣ? Тайна человѣческаго сердца не раскрывалась ему; онъ не умѣлъ заглянуть въ его темныя бездны. Онъ только чувствовалъ боль этого сердца и говорилъ, понизивъ голосъ,—никакой суровости теперь ужъ не было въ его чертахъ, и голосъ звучалъ нерѣшительно и мягко.

— Я зналъ, что вы хотите убѣжать отъ меня. Я почувствовалъ это—кровь подсказала—какъ только вышелъ изъ дверей вашего дома. Всю ночь я сторожилъ и слѣдовалъ за вами по пятамъ—я не могъ иначе. У своей хозяйки я отобралъ послѣдніе гроши,—прибавилъ онъ и улыбнулся.

И въ этой улыбкѣ, хоть и мимолетной, было что-то сверкающее, подобное молніи.

Онъ смотрѣлъ ей прямо въ лицо, ожидая отвѣта, но она молчала, зябко поводя худенькими плечиками; губы ея были такъ плотно сжаты, что ихъ совсѣмъ не было видно—отъ нихъ осталась одна только узенькая полоска.

На что она смотритъ?—на море, на которомъ весело шмыгаютъ рыбачьи челны и скользятъ стройныя лодки съ красно-бурыми парусами, на свѣтлый нарядный пароходъ, который только-что прошелъ мимо, подобный маленькому пловучему дворцу, или же не можетъ оторвать взора отъ большихъ неподвижныхъ коровъ, которыя длиннымъ рядомъ все еще стоятъ тамъ на лугу, въ глубокомъ безмолвіи, и смотрятъ на необозримую водную гладь?..

— Слушайте, милая барынька,—началъ онъ вдругъ почти грубо—попробуйте-ка вы задержать дыханіе—приложите всю вашу энергію. Вы видите сами—нельзя этого сдѣлать. Вотъ

такъ и я задохнулся бы, еслибы не поѣхалъ вслѣдъ за вами. Нѣтъ свободы—нѣтъ разума—нѣтъ совѣсти—все это жалкій обманъ, ложь и враки. Есть только инстинкты—и кто не слѣдуетъ своимъ инстинктамъ, тотъ жалкое существо, глупецъ... злодѣй... низкая душа... тотъ грѣшитъ и противъ плоти, и противъ духа... потому что плоть и духъ—одно—здѣсь нельзя провести границы—здѣсь...—онъ вдругъ оборвалъ на полусловѣ: лицо его исказилось, все тѣло затряслось какъ въ ознобѣ, на губахъ выступила бѣлая пѣна.

Гаиза испуганно вскрикнула. Она уже дважды видѣла его въ такомъ состояніи... Послѣ Мейстерзингеровъ, когда они зашли въ ресторанъ поужинать—и вчера вечеромъ.

Все ея оцѣпененіе сразу исчезло. Въ порывѣ жалости она бросилась къ нему, ища его руки. И, какъ въ первый разъ, какъ вчера, черезъ нѣсколько секундъ онъ уже овладѣлъ собой.

— Не пугайтесь,—выговорилъ онъ едва слышно. И страшнымъ усиліемъ воли принудилъ себя улыбнуться.

Эта неземная, не отъ міра сего, улыбка, которая, какъ ясно вдругъ почувствовала Гаиза, была сверхъ его силъ, рѣзнула ее по сердцу. И она вдругъ поняла его сверхчеловѣческую любовь, поняла, что она должна покориться ему, хотя бы отъ этого сама она разбилась на тысячу кусковъ.

— Ну, полно, полно,—выговорила она застѣнчиво и дрожа прижалась къ нему и поцѣловала его чистымъ поцѣлуемъ.

— Ты... ты...—пролепеталъ онъ и схватилъ ее на руки.

Въ ту же ночь они уѣхали домой.

Гаиза настояла на этомъ. Она не въ состояніи была оставаться здѣсь. Въ сумерки они сѣли на поѣздъ, пришедшій изъ Даніи.

Въ пустомъ, слабо освѣщенномъ купэ они были одни. Они избѣгали смотрѣть другъ на друга, и каждый боялся, какъ бы другой не заглянулъ въ его душу.

Но среди безмолвія студентъ вдругъ выговорилъ почти шепотомъ, и лицо его исказилось мучительной болью:

— Слушай... я чувствую... я знаю, что ты... не любишь меня.

Она опустила голову, но тотчасъ же подняла ее, посмотрѣла на него большими чужими, умирающими глазами и отвѣтила съ глубокой искренностью:

— Я люблю Стефана Гуллера

Не распаковывай мѣховъ, которые ты привезъ съ дальняго сѣвера, Стефанъ Гуллеръ. Пусть ихъ ѣстъ на здоровье моль! Не развертывай датскаго шелка—пусть онъ пылится и трескается. А фарфоръ, купленный тобою въ Копенгагенѣ, выброс изъ окна вагона, чтобъ онъ разбился въ куски, а вслѣдъ за нимъ и чемоданъ со всѣми прочими подарками.

Когда ты уѣзжалъ изъ дому, Стефанъ Гуллеръ, воображеніе рисовало тебѣ свой собственный клочекъ земли и тебя самого хозяиномъ въ своей усадьбѣ: а возвращаешься ты бездомнымъ жалкимъ бѣднякомъ—домъ твой сгорѣлъ и никто не встрѣтитъ тебя съ раскрытыми объятіями, никто не засмѣется отъ радости, увидя тебя; не выростетъ на мѣстѣ пожарища ни новой травки, ни новыхъ надеждъ; вокругъ могильная тишина—и самъ ты бѣднѣй послѣдняго нищаго.

— Вотъ какъ это было,—такъ, и не иначе,—закончила она смиренно, приложивъ руку къ сердцу.

Но, встрѣтивъ его недвижный пристальный взоръ, вскрикнула съ отчаяніемъ:

— Не смотри на меня такъ!—сжалься надо мною. Не отталкивай меня.

Лицо его словно окаменѣло. Ни одного слова не вырвалось изъ крѣпко стиснутыхъ губъ.

Она схватила его за плечо.

— Вспомни! ты топталъ меня ногами, перешагнулъ черезъ мое живое тѣло—а я цѣплялась за тебя—ты думалъ только о мертвомъ и забывалъ о живой—я же снесла это... Ты не смѣешь... не смѣешь покинуть меня—хотя бы я и въ десять разъ больше была виновата передъ тобой.

Онъ снялъ ея руки со своихъ плечъ и направился къ двери. Она заступила ему дорогу.

— Не уходи отъ меня такъ—не дѣлай этого!—слышишь?.. Не дай мнѣ упасть окончательно, и я не забуду этого до самой смерти.

Лицо его оставалось недвижнымъ.

На нее вдругъ напалъ жгучій страхъ.

И когда вошелъ старикъ Мессенджеръ, она кинулась къ нему съ жалобнымъ крикомъ:

— Папа, онъ уходитъ отъ насъ!—уста его сомкнуты—глаза слѣпы—уши глухи. Онъ не отвѣчаетъ, не видитъ, не слышитъ меня.

И она, рыдая, кинулась на грудь старику.

Тотъ растерянно посмотрѣлъ на Стефана; сбившіеся сѣдые волосы упали ему на лобъ; дрожащія узкія руки, руки музыканта, гладили темные волосы дочери.

Стефанъ Гуллеръ прошелъ мимо нихъ.

Она смотрѣла ему вслѣдъ... ноги ея подкашивались... отецъ едва успѣлъ поддержать ее...

У дверей спальни она остановилась.

Прислушалась, затаивъ дыханіе.

Легкій стонъ...

Звонъ ключа, повернутаго въ замкѣ...

Стукъ задвижки...

Гаиза упала на полъ.

Но старикъ Мессенджеръ, напрягая послѣднія силы, поднялъ ее, и отвелъ въ свою комнату, уложилъ въ постель, укуталъ одѣяломъ—она вся дрожала, точно въ ознобѣ—и тихонько вышелъ.

Въ гостиной онъ долго шагалъ изъ угла въ уголъ, скрестивъ руки на груди. Голова его горѣла, лицо было все красное. На лбу вздулись синія жилы.

Шагалъ большими рѣшительными шагами, что-то ворча себѣ подъ носъ—порой прерывая ворчаніе отрывистымъ хриплымъ смѣхомъ—словно разгнѣванный и встревоженный полководецъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сударь мой—какъ вамъ будетъ угодно!—восклицалъ онъ сердито—Мессенджеры еще ни за кѣмъ не бѣгали, никому еще не вѣшались на шею. Какъ постелешь, такъ и уснешь. Сами пожалѣете, сударь мой, да поздно будетъ. Она чиста, какъ золото. Чортъ побери! надо было раньше думать. Вы должны были знать, что она—артистическая натура. Это вамъ, сударь, не ариѳметическая задача—не часы, которые можно заводить и останавливать, когда угодно... да что вы себѣ воображаете, волкъ васъ заѣшь?!

Вы хотите сдѣлать несчастной мою дѣвочку... мою маленькую Гаизу?—а я вамъ говорю: она хорошая и не можетъ быть дурной. И черезъ какую бы грязь она ни прошла, она вернулась къ вамъ чистой. Я готовъ присягнуть въ томъ.—Взгляните на мои сѣдины. Хотите я вамъ разскажу, что я пережилъ однажды—какъ вся моя жизнь рушилась...

Нѣтъ, я ничего не скажу. Я буду молчать, пока Богъ не призоветъ меня къ себѣ. Я буду молчать.

Старикъ сѣлъ на табуретъ передъ роялемъ, закрылъ руками блѣдное, какъ смерть, лицо и горько застоналъ.

Ни слова никому не сказалъ Стефанъ Гуллеръ — только

взялъ подъ мышку ручной саквояжъ и, крадучись, ушелъ изъ дому. На улицѣ онъ пугливо оглядѣлся вокругъ, словно преступникъ, за которымъ слѣдятъ, и махнулъ рукой извозчику.

Улица Принцессы, № 61... тамъ есть такой небольшой отель,—выговорилъ онъ беззвучно и сѣлъ въ экипажъ.

Пока извозчикъ везъ его, онъ сидѣлъ весь съежившись. У него какъ будто отнялись ноги, потухли глаза. Голова была тяжелая и все время клонилась на бокъ.

Только разъ онъ очнулся отъ этого забытья и тихонько выговорилъ:

— Ну, теперь мнѣ конецъ...

И кивнулъ головой. И во взглядѣ его, обращенномъ внутрь, была только растерянность и полное отсутствіе желаній.

Все случилось такъ, какъ оно и должно было случиться.

Клятвопреступника настигла Божья кара.

Сперва мать явилась откуда-то изъ мрака, словно страшный призракъ, физически и морально загрязненная, погибшая сама и губящая другихъ, и съ нею воскресли мрачныя тѣни прошлаго... Потомъ ребенокъ его умеръ во чревѣ матери... А теперь и жена отшатнулась отъ него, какъ отъ прокаженнаго... жена, за которую онъ поручился бы своей головой.

— Поручился бы?—Онъ вдругъ захохоталъ. Онъ на то и рожденъ, чтобы вѣчно клясться и нарушать клятвы.

Фридрихъ Гуллеръ, отецъ, тяжелой рукой давилъ ему голову и спрашивалъ:

— Мальчикъ мой, зачѣмъ ты такъ обидѣлъ меня? Это Божій судъ надъ тобой. Съ Богомъ шутить нельзя. Ты помнишь, какъ въ свой предсмертный часъ, когда ты былъ еще совсѣмъ маленькимъ мальчуганомъ, я, прощаясь съ тобою, взялъ съ тебя клятву нерушимую?—ты помнишь, какъ ты вложилъ свою ручонку въ мою и поклялся мнѣ?—зачѣмъ ты не сдержалъ клятвы?

А Стефанъ Гуллеръ, сынъ, только моталъ головой и тупо повторялъ:

— Я помню—помню. У тебя былъ флейтистъ—у меня скрипачъ—видно, Гуллерамъ музыканты не ко двору...

Подходила Гаиза съ разстроеннымъ блѣднымъ лицомъ. Но Стефанъ гнѣвно отворачивался отъ нея.

— Не смотри на меня—не трогай меня! За моей спиной, не успѣлъ я уѣхать изъ дому, ты обманула меня и теперь еще хочешь, чтобъ я все это понялъ и простилъ. Кто это смѣется?.. Кто тамъ смѣется? Гаиза!.. маленькая Гаиза... Зачѣмъ ты такъ меня обидѣла?

— Божья воля, Стефанъ Гуллеръ, Божья воля. Все случилось такъ, какъ оно должно было случиться... Мышей ловятъ на сало... птичекъ на клей... рыбъ на червяковъ... а флейты и скрипки приманка для женщинъ...

Онъ высунулъ голову изъ окна.

— Поѣзжайте сперва въ полицейское управленіе.

— Ладно,—откликнулся извозчикъ.

Въ полицейскомъ управленіи онъ узналъ адресъ Джіакомо Спинетти.

Онъ судорожно сжималъ въ рукѣ листокъ, на которомъ полицейскій чиновникъ записалъ ему улицу и № дома и все время перечитывалъ, стараясь запомнить: *Шлюттерштрассе 7, домикъ въ саду, у Конрада.*

Извозчикъ подозрительно косился на страннаго ѣздока, стоявшаго передъ подъѣздомъ краснаго зданія полиціи, не отрывая глазъ отъ какой-то бѣлой бумажки.

— Ну что же, скоро вы поѣдете дальше?

Стефанъ Гуллеръ вздрогнулъ.

— Да, да, надо ѣхать дальше.—И онъ сунулъ листокъ въ карманъ.

Но, усѣвшись снова въ экипажъ, поспѣшно опять вынулъ его и снова уставился на него пустыми, мутными глазами, какъ будто этотъ листокъ придавалъ послѣдній смыслъ его существованію.

И бумажка, лежавшая на его широкой ладони, казалась ему пудовой тяжестью.

— Это цѣна крови,—пробормоталъ онъ разсѣянно, и лицо его выразило непреклонную рѣшимость.

Фридрихъ Гуллеръ, отецъ,—и флейтистъ Борелья...

Стефанъ Гуллеръ, сынъ—и скрипачъ Спинетти.

Онъ какъ-то странно усмѣхнулся.

Передъ отелемъ въ улицѣ Принцессы экипажъ остановился; но ѣздокъ не трогался съ мѣста.

Кучеръ соскочилъ съ козелъ и отворилъ дверцу.

— Эгэ, да вы никакъ тутъ задремали?—выговорилъ онъ съ нескрываемой насмѣшкой, безцеремонно вглядываясь въ лицо страннаго барина, словно считая себя обязаннымъ на всякій случай запомнить его черты.

Стефанъ Гуллеръ молча вышелъ, взялъ свой саквояжикъ и далъ кучеру пять марокъ. Тотъ хотѣлъ было дать сдачи, но онъ махнулъ рукою.

— Что-то онъ задумалъ недоброе,—говорилъ себѣ кучеръ,

медленно отъѣзжая.—На всякій случай надо будетъ запомнить: улица Принцессы, № 61...

Его ввели въ убогую комнату. Конторщикъ принесъ ему книгу для записи.

Поколебавшись немного, онъ медленно написалъ:

— Стефанъ Рейзефертигъ, каменотесъ изъ Гузума.

Оставшись одинъ, онъ повторилъ: Рейзефертигъ—готовый въ путь. Мой путь ужъ оконченъ...

Облокотившись локтями на столъ, онъ обхватилъ ладонями голову и снова уставился на бѣлый листокъ, лежавшій передъ нимъ.

— Гмъ... гмъ... Tiens... tiens... кажется, такъ онъ говорилъ... посмотримъ... посмотримъ... Мальчикъ мой, мы еще встрѣтимся съ тобою... Да, отецъ, теперь и я пришелъ къ тому же, къ чему и ты.

Съ улицы доносился шумъ, грохотъ колесъ, щелканіе кнута. Онъ не слышалъ.

Сумерки окутали его чернымъ плащемъ.

Какіе-то старики входили въ двери.

Все съ типичными голштинскими лицами, все похожіе другъ на друга.

И отецъ былъ между ними.

Они обступили его.

— Это все Гуллеры,—думалъ онъ,—все Гуллеры... вѣрные до послѣдняго вздоха; они принимаютъ тебя къ себѣ...

Онъ хотѣлъ встать и присоединиться къ нимъ, но они вдругъ исчезли.

— Отецъ, у меня сердце болитъ!—вскричалъ онъ съ тоскою.

Никто не откликнулся. Кругомъ была тишина... И вдругъ, среди этой тишины, раздались протяжные тоскливые звуки, какъ будто кто-то по другую сторону улицы игралъ на гармоникѣ.

Онъ поднялъ голову и прислушался.

И увидѣлъ маленькую Гаизу, босую, въ одной только тоненькой бѣлой рубашечкѣ; на рукахъ у нея былъ ребенокъ, совсѣмъ голенькій. Съ тоскою глядя на него, она подходила все ближе.

— Прочь, прочь отъ меня!—вырвался у него дикій крикъ.

Онъ вскочилъ, нашупалъ въ темнотѣ свою шляпу и, какъ сумасшедшій, сбѣжалъ съ лѣстницы.

Сколько времени онъ бѣжалъ, онъ потомъ не могъ опредѣлить. Почему-то онъ очутился на Герлицкомъ вокзалѣ, потомъ

свернулъ въ боковую улицу и остановился передъ низкимъ пузатымъ одноэтажнымъ домомъ подъ вывѣской: «Зеленый Вѣнокъ».

Кабачекъ былъ освѣщенъ всего лишь двумя газовыми рожками въ желѣзныхъ бра.

Стефанъ заказалъ шведскій пуншъ покрѣпче и присѣлъ къ столику, деревянная доска котораго сверкала чистотой, какъ и начисто вымытый полъ. Кромѣ Стефана, въ комнатѣ былъ только еще какой-то горбатый маленькій человѣчекъ въ старомодномъ низкомъ порыжѣломъ цилиндрѣ, сдвинутомъ на затылокъ.

Человѣчекъ этотъ сидѣлъ въ углу и не смотрѣлъ на Стефана.

Высокая дородная кельнерша съ широкими бедрыми и карими глазами, добрыми и серьезными, принесла большую каменную кружку съ горячимъ напиткомъ и налила ему въ круглый стаканъ.

Стефанъ не взглянулъ на нее и стаканъ оставилъ нетронутымъ.

Дѣвушка отошла обратно къ стойкѣ и стала смотрѣть на него.

Такого страдальческаго лица она никогда въ жизни еще не видала.

Какая тяжесть на душѣ у этого высокаго сильнаго человѣка? О чемъ онъ такъ задумался?

Дѣвушка тихонько подошла къ нему и сѣла съ нимъ рядомъ.

Глубокая жалость къ нему была въ ея сердцѣ. Быть можетъ, въ своихъ одинокихъ дѣвичьихъ грезахъ она именно такъ представляла себѣ человѣка, котораго она хотѣла бы обнять...

Она осторожно потянула его за рукавъ, но, когда заглянула въ это мертвое лицо съ погасшими глазами, вся затряслась отъ страха.

— Сударь,—выговорила она робко,—у васъ большое горе?

И внутреннее чутье подсказало ей, что это горе безнадежное, неисцѣлимое.

— Пейте, сударь,—снова робко начала она,—грогъ горячій; онъ согрѣетъ и тѣло, и кровь.

Онъ загадочно посмотрѣлъ на нее, думая про себя:

— Если я выпью этотъ стаканъ, это будетъ начало моего послѣдняго пути—помоги мнѣ Боже! Аминь.

Дѣвушка положила руку на его руку.

— Сударь, не думайте о такихъ страшныхъ вещахъ... Будьте сильнымъ. Стряхните съ себя это горе.

— Я стряхну.

Она приняла руку.

И много лѣтъ спустя разсказывала потомъ своимъ близкимъ, что въ эту минуту она увидала передъ собою воочію образъ смерти съ ея непоколебимою волей, съ ея скорбной и ласковой серьезностью, съ ея великой рѣшимостью.

И не нашла больше словъ утѣшенія для страннаго гостя.

Какъ только Стефанъ Гуллеръ отвѣтилъ ей: «Я стряхну»,—маленькій человѣчекъ въ длинномъ, засаленномъ черномъ сюртукѣ и старомодномъ рыжемъ цилиндрѣ, сдвинутомъ на затылокъ, вылѣзъ изъ своего угла, подошелъ къ его столику, и раздвинувъ ноги уставился на Стефана.

Это былъ уже старый человѣкъ съ морщинистымъ, увядшимъ лицомъ, съ рѣдкими сѣдыми волосами на головѣ и жиденькими усами, концы которыхъ уныло свѣшивались книзу:

— Ей Богу,—выговорилъ онъ, приставляя ладонь къ глазамъ, какъ бы для того, чтобы лучше вглядѣться,—накажи меня Боже—провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ—вы сынъ Фридриха Тиллера—вы похожи на него, какъ двѣ капли воды.

Стефанъ Гуллеръ съ трудомъ поднялся и стукнулъ кулакомъ по столу.—Кто этотъ человѣкъ, осмѣливающійся раскапывать могилы и вытаскивать оттуда его мертвецовъ?

И вдругъ, словно художникъ, соскоблившій съ стараго полотна годами налипшую грязь и узнающій обнаружившуюся передъ нимъ картину, онъ припомнилъ,

— Неужели—неужели вы...

— Ну да, это я—Клэрекъ—вашъ бывшій агентъ и режиссеръ,—перебилъ тотъ, хватая его за руку. И, приглядѣвшись къ нему, испуганно вскрикнулъ:—Царь небесный, что съ вами такое? Вы скверно выглядите, г. Тиллеръ. У васъ такой взглядъ—совсѣмъ какъ у вашего покойнаго папаши.

Онъ запнулся и продолжалъ униженнымъ тономъ:

— Разрѣшите мнѣ присѣсть, г. Тиллеръ. Вѣдь мы же съ вами старые знакомые.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ присѣлъ къ столу.

Кельнерша молча отошла.

При видѣ шведскаго пунша въ стаканѣ, Клэрека бросило въ дрожь.

И у сына было какъ разъ такое же измученное, страдальческое лицо, какъ и у отца. Быть можетъ, и онъ переживаетъ тоже.

Клэрекъ провелъ рукой по своимъ увядшимъ щекамъ и вздохнулъ.

Потомъ инстинктивнымъ жестомъ взялъ стаканъ съ горячимъ напиткомъ и выговорилъ едва слышно.

— Не пейте этого, это нездорово.—И, самъ испугавшись собственныхъ словъ, наклонилъ стаканъ и вылилъ его содержимое на полъ.

И, едва слышно хихикнувъ, крикнулъ по направленію къ буфету.

— Мамзельхенъ, подотрите—тутъ стаканъ опрокинулся.

Стефанъ Гуллеръ наклонилъ голову такъ низко, что подбородокъ его лежалъ на груди.

— Вы были съ моимъ отцомъ незадолго до...—спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Клэрекъ отмахнулся отъ него рукой.

— Ради Бога, не надо! Это было началомъ всѣхъ моихъ напастей. Вы только взгляните на меня, г. Тиллеръ junior. Вы видите, что со мной сдѣлалось?

Его тонкія губы горько и насмѣшливо улыбались.

— Я теперь сталъ разносчикомъ. Вонъ тамъ въ углу стоитъ мой черный коробъ, который я ношу на плечахъ, и кромѣ того я торгую еще сигарами въ маленькихъ кабачкахъ. И вотъ каковъ конецъ фирмы «Клэрекъ и Граффъ»! Вѣдь вы же помните, какъ называлась наша фирма—а? что? Извините, что я заговорилъ о своихъ дѣлахъ.—Неожиданно онъ ласково погладилъ руку Стефана Гуллера.—Вашъ отецъ былъ человѣкъ—таки настоящій человѣкъ—что ужъ тутъ говорить.

Стефанъ удивленно посмотрѣлъ на него, и этотъ маленькій человѣчекъ съ грустнымъ увядшимъ лицомъ, съ мѣшками подъ глазами, лишенными рѣсницъ, показался ему древнимъ, какъ Вѣчный Жидъ, который на своихъ костлявыхъ плечахъ и согбенной спинѣ несетъ всю тяжесть судьбы своего народа.

— Ахъ, Клэрекъ,—вырвалось у него,—говорить теперь вообще безполезно.

— Вы думаете?

Онъ опять, прищурившись, посмотрѣлъ на Стефана и придвинулся еще ближе.

И вдругъ разговорился, началъ шутить.

— Г. Тиллеръ junior, а вы помните человѣка съ тарелками?—какъ онѣ у него прыгали, скакали, плясали, вертѣлись, какъ сумасшедшія. Прямо какіе-то магнетическіе пальцы были у этого человѣка. А жену его помните?—такая толстуха, старая, вся намазанная, въ коротенькой красной юбкѣ; стоитъ себѣ на сценѣ и посылаетъ публикѣ воздушные поцѣлуи и раскланивается

на вызовы, какъ будто это она работала, а не ея мужъ. Онъ теперь сталъ знаменитостью, этотъ малый—кучу денегъ зарабатываетъ на континентѣ—кучу денегъ! А кто открылъ его?—Клэрекъ. А что такое Клэрекъ?—бѣдный разносчикъ, который не знаетъ, что онъ будетъ завтра кушать. А что такое вы?.. Вы несчастный человѣкъ—я ужъ по лицу вижу—несчастный человѣкъ, который самъ бѣжитъ къ своей погибели. И еслибъ меня теперь спросили, хочу ли—вотъ, я, неудачникъ, который уже одной ногой стоитъ въ могилѣ—хочу ли я помѣняться съ вами? я бы поднялъ кверху обѣ руки и отвѣтилъ бы: «Сохрани меня Боже!—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, и трижды нѣтъ». Г. Гуллеръ, вы меня давеча спрашивали: былъ ли я *тогда* съ вашимъ отцомъ. Такъ я таки былъ съ нимъ. И, какъ правда то, что я стою на этомъ мѣстѣ, такъ правда и то, что я его убѣждалъ и уговаривалъ до того, что у меня во рту пересохло. Изъ-за бабы, говорилъ я ему, вы хотите отправить себя ко всѣмъ чертямъ?..

И что же? Развѣ онъ послушалъ меня? съ нимъ можно было разговаривать? Онъ таки уперся, какъ быкъ, на своемъ...

Вотъ и вы, г. Тиллеръ, стоите теперь на той же зарубкѣ. Сохрани васъ Боже и пошли вамъ больше счастья, чѣмъ вашему покойному папашѣ,—чтобы...

— Спасибо, Клэрекъ.—Стефанъ всталъ и положилъ свои большія тяжелыя руки на плечи старика.—Вотъ вамъ сто марокъ—мнѣ денегъ не нужно—покутите сегодня немного. Вы правду сказали: я стою на той же зарубкѣ, что и мой покойный отецъ. Доброй ночи, г. Клэрекъ.

И, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ отвѣтить, Стефанъ Гуллеръ уже исчезъ во мракѣ.

Сколько времени онъ такъ блуждалъ, по какимъ улицамъ и переулкамъ, въ какіе кабаки заходилъ и подолгу стоялъ у дверей, пристально вглядываясь въ трезвыхъ и пьяныхъ, словно силясь проникнуть въ ихъ мысли и дознаться, не можетъ ли который нибудь изъ нихъ помочь ему въ его бѣдѣ?

Тусклый сѣрый разсвѣтъ засталъ его стоящимъ у стѣны большого безцвѣтнаго четырехугольнаго зданія. Огромный городъ только начиналъ просыпаться и потягиваться со сна. Всюду было одиноко, пустынно. На улицахъ ни звука, ни души. Первые блѣдные лучи разсвѣта упали на измученное, усталое отъ безсонной ночи лицо, придавая ему фіолетовый оттѣнокъ, съ жестокой отчетливостью подчеркивающій каждую морщинку, каждую

складку. Словно вымершая, тянулась передъ нимъ улица—та самая улица, по которой днемъ непрерывно лился живой потокъ, и бѣдные люди, куда-то вѣчно спѣшащіе, бѣжали, запыхавшись, какъ звѣри, за которыми гонятся охотники—та самая улица, мостовая которой дрожала и гудѣла отъ грохота колесъ тяжело нагруженныхъ фургоновъ, отъ топота лошадиныхъ копытъ и пыхтѣнія тяжелыхъ автомобилей, отъ непрестаннаго движенія электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, извозчичьихъ и собственныхъ экипажей, почтовыхъ каретъ и пестро раскрашенныхъ чудовищъ, въ которыхъ, какъ сельди въ бочкѣ, были биткомъ набиты мужчины и женщины. Эта улица, днемъ непрерывно работающая, какъ машина, питающаяся человѣческой кровью и нервами—съ домами, за освѣщенными окнами которыхъ дудили, свистали, пѣли, танцовали, трудились, мучались, цѣловались, любили и ненавидѣли другъ друга — рождались и умирали — обнимались, замирая отъ восторга, или же лежали рядомъ, ненавидя другъ друга, скованные звенящею неразрывною цѣпью — эта самая улица лежала теперь передъ нимъ, какъ гигантскій гробъ, въ которомъ была погребена шумная жизнь столицы—какъ широко раскинутый, синѣющій въ лучахъ разсвѣта погребальный покровъ, окутавшій угасшее бытіе человѣка.

И вдругъ, ему представилось, что земля начинаетъ дрожать, дома шевелятся, наклоняются все ниже, ниже, и вотъ рухнули, и вотъ, уже засыпаны землею — только онъ одинъ пощаженъ, уцѣлѣлъ—одинъ въ цѣломъ мірѣ—оторванный отъ жизни—отъ міра—одушевленнаго и неодушевленнаго—одинъ на грудѣ развалинъ—единственный живой человѣкъ въ этомъ царствѣ смерти.

И ужасъ охватилъ его, одинокаго — оторваннаго отъ всего живого... Дрожь пробѣжала по бѣдному обнаженному тѣлу, и ему показалось, что вся физическая боль—вся боль душевная вдругъ сразу свалилась съ него, какъ чешуя. Кто-то вѣялъ на него ледянымъ дыханіемъ, отъ котораго у него стыло все внутри. Теперь онъ былъ свободенъ. Все погасло въ немъ и вокругъ него. Все отмерло. Онъ сталъ живымъ мертвецомъ.

И теперь онъ созналъ: душевная боль—не что иное, какъ самообманъ, бредовая идея. Потребность человѣка въ человѣкѣ—недостатокъ силы и безпомощность. Размноженіе, стремленіе къ общественной жизни — не что иное, какъ признаніе въ своемъ убожествѣ. Любовь—живое слово, прикрывающее собой недостатокъ энергіи и позорное отсутствіе свободы.

— Гмъ... но если такъ—если всѣ большія слова о душѣ человѣка сводятся въ концѣ концовъ къ жалкой формулѣ свя-

занности, отсутствія свободы воли, къ животной любви, то вѣдь тогда весь трагизмъ, всѣ чары жизни развѣяны — остается только пестрая, смѣшная игра, въ которую дерзкіе фокусники, плуты и авантюристы умышленно силятся внести сверхчувственную идею. Открой же глаза, Стефанъ Гуллеръ: занавѣсъ поднятъ, и ты видишь всѣ пружины человѣческой комедіи; ты сталъ ясновидящимъ—ни стѣны, ни тьма—не помѣха твоему взору, и слухъ твой улавливаетъ тончайшія колебанія, едва внятные звуки.

— Ахъ, Господи!.. ахъ, Господи,—бормоталъ онъ, отирая потъ со лба.—Что же осталось теперь отъ Божьяго міра?—все рухнуло, все опрокинуто, безсмысленно развѣяно по вѣтру—одна минута уничтожила все, что созидалось вѣками.

Убитый, раздавленный, онъ размышлялъ о томъ, что же можетъ онъ спасти изъ этого краха для человѣчества, которое будетъ жить послѣ него.

Онъ застоналъ. Ему вспомнилась одна фраза изъ исторіи математики Кантора — потомъ машинально пробормоталъ: «на вершинахъ царитъ покой...»

Кровь приливала волнами къ его впалымъ блѣднымъ щекамъ...

Ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ—нѣтъ прочнаго владѣнія—и нѣтъ на свѣтѣ болѣе жалкаго существа, чѣмъ человѣкъ — даже и тотъ, кто думаетъ, что онъ стоитъ на твердой землѣ, въ дѣйствительности плыветъ на жалкомъ обломкѣ разбитаго корабля—и спасаетъ отъ общаго кораблекрушенія только обломки... жалкіе черепки, жалобно звенящіе, когда пытаешься прочесть, что на нихъ написано... Какъ только у человѣка отняты мосты и костыли, онъ становится совершенно безсильнымъ...

Среди мертвой тишины до него неожиданно донеслось сдержанное хихиканіе, постепенно разросшееся въ оглушительный хохотъ, словно вырывавшійся изъ нѣсколькихъ тысячъ глотокъ. Выдѣлялись отдѣльные голоса, кричавшіе: «Ахъ, ты, бѣдный дурачекъ во Христѣ! ты мечталъ и возлагалъ свои упованія на человѣка, а человѣчество—безплодная пустыня; ты разсчитывалъ найти въ немъ разумъ и свободу, когда достаточно было укуса блохи въ спину, чтобы привести тебя къ сознанію своего убожества... Математика и чистое мышленіе — пестрый мыльный пузырь... музыка, танцы, стихи, звуки, слова—все это лишь формы выраженія душевной болѣзни, которою споконъ вѣковъ больно все человѣчество.

Что такое похоти, страсти... жажда счастья... жажда приключеній... жажда познанія, искусства?

Все—вздорныя идеи, порожденныя пустыми мозгами.

Вся эта игра, которая зовется человѣческой жизнью, безумна, безсмысленна.

Снова ему представился отецъ, Фридрихъ Гуллеръ — какъ онъ, передъ тѣмъ, какъ уйти къ своимъ предкамъ, къ другимъ Гуллерамъ, прижалъ его къ своей могучей груди и взялъ съ него клятву, — клятву, которую онъ нарушилъ, — а рядомъ съ отцомъ стояла мать, какою онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ,— намазанная, жалкая и смѣшная, съ испуганнымъ лицомъ, съ потухшими глазами безъ блеска, смотрѣвшими съ этого пустого лица, словно потускнѣвшія стеклянныя бусы.

И изъ-за этой-то женщины отецъ задушилъ флейтиста и самъ наложилъ на себя руки...

Изъ-за этой женщины вся его юность прошла такъ тоскливо и безотрадно, окутанная мракомъ и унынiемъ...

Изъ-за этой женщины онъ всю жизнь чувствовалъ на рукахъ и на ногахъ пудовыя гири.

Если всѣ дѣйствія и поступки Фридриха Гуллера были лишь результатомъ обмана чувствъ, вытекли изъ тупости, несвободы и бредовыхъ представленій, тогда, значитъ, и преступленіе его отца, и его самоубійство были только лишнимъ вкладомъ въ комедію, въ исторію болѣзни человѣчества. И онъ, обезьяна самого себя,—потому что въ немъ, вѣдь, сидитъ отецъ— долженъ впасть въ то же безуміе — пойти той же дорогой — такъ написано въ книгѣ его судьбы.

И, какъ ребенкомъ онъ висѣлъ въ воздухѣ, слабыми дѣтскими ручонками цѣпляясь за бамбуковые шесты, такъ и теперь онъ висѣлъ между небомъ и землею, только теперь уже у него не было никакой точки опоры—ни отца, ни матери, ни жены, ни ребенка — ни хотя бы жалкаго бамбуковаго шеста, за который можно было бы уцѣпиться...

Пляши, Марга Террекъ... кивайте головами, желтые лакированные китайцы... и ты, жонглеръ, швыряй живѣе тарелками... вы—и я... всѣ мы—лишь мимолетная тѣнь... слабый отсвѣтъ этого пестраго міра, въ круговоротъ котораго мы брошены безъ нашего вѣдома—помимо нашей воли..

Было три четверти седьмого. Медленно переступалъ онъ со ступеньки на ступеньку, на каждомъ шагу останавливаясь, чтобы вдуматься глубже.

Добравшись до верхней площадки, помедлилъ еще немного— глубоко вздохнулъ—и дернулъ за колокольчикъ.

Разъ... два... три... четыре... пять... шесть,—считалъ онъ, и въ эти нѣсколько секундъ передъ нимъ съ быстротой молніи пронеслись всѣ фазы его жизни, какъ будто солидный, осмотрительный купецъ Стефанъ Гуллеръ хотѣлъ еще разъ провѣрить всѣ статьи передъ тѣмъ, какъ свести счеты и подвести послѣдній итогъ.

Дверь отворила женщина лѣтъ за тридцать, рослая, съ тяжелой бѣлокурой косой и темными глазами.

— Здѣсь живетъ студентъ Джіакомо Спинетти?

— Здѣсь.

— Такъ я пойду къ нему—мнѣ нужно поговорить съ нимъ.

Женщина сдвинула брови.

— Сейчасъ еще очень рано, онъ спитъ, зайдите попозже. Ему надо выспаться.

— Скажите, что къ нему пришелъ Стефанъ Гуллеръ. Меня онъ приметъ, хотя бы и пѣтухи еще не пѣли,—выговорилъ онъ властнымъ тономъ.

— Это *вы—тотъ самый*?..

У женщины вырвалось это почти съ ненавистью. Она выпрямилась во весь ростъ.

— Идите себѣ, куда знаете. Оставьте въ покоѣ моего барина.

Стефанъ Гуллеръ громко засмѣялся.

— И эта тоже,—подумалъ онъ и испытующе взглянулъ на нее.

Женщина вся вспыхнула жаркимъ румянцемъ и сдѣлала такое движеніе, какъ будто хотѣла захлопнуть дверь, но Гуллеръ только покачалъ головой и, отстранивъ ее рукой, точно какой-нибудь неодушевленный предметъ, перешагнулъ черезъ порогъ. И, какъ будто зная заранѣе каждый уголокъ въ этомъ домѣ, направился прямо къ двери, которая вела въ комнату Джіакомо Спинетти.

Студентъ лежалъ въ постели, но не спалъ; глаза его были открыты.

— А! это вы изволили пожаловать?—выговорилъ онъ съ язвительной насмѣшкой, слегка приподнимаясь на подушкахъ.—Васъ здѣсь ждали.—И, протягивая руку къ коричневымъ шелковымъ носкамъ, висѣвшимъ на спинкѣ стула, у кровати, онъ прибавилъ,—пожалуйста, отвернитесь на минутку. Я сейчасъ одѣнусь и буду къ вашимъ услугамъ.

— Хорошо, мнѣ спѣшить некуда,—сказалъ Гуллеръ, отходя къ двери.

Студентъ выскользнулъ изъ кровати прямо въ мягкіе коричневые башмаки, доходившіе ему до щиколки, и накинулъ на себя длинный бѣлый балахонъ, легшій красивыми складками вокругъ стройнаго тѣла.

— Я къ вашимъ услугамъ. Не желаете ли сѣсть, г. Гуллеръ?

И, такъ какъ Стефанъ не тронулся съ мѣста, онъ самъ усѣлся и скрестилъ руки на груди. Долгое время они молча испытующе смотрѣли другъ на друга, словно прикидывая и мѣряясь силой, какъ два борца—оба рослые, гибкіе, темноглазые.

— Ну-съ, что же дальше?—спросилъ, наконецъ, студентъ.

Стефанъ Гуллеръ подошелъ къ нему вплотную и повторилъ: что же дальше? — И при этомъ сунулъ правую руку въ карманъ. Лицо у него было блѣдное, холодное, словно изъ камня изваянное.

Съ минуту онъ соображалъ, не запереть ли дверь на задвижку.

— Нѣтъ надобности,—пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ. Тотъ, кто сидитъ передъ нимъ, мужчина. Когда онъ предъявитъ ему квитанцію, лежащую у него въ карманѣ, онъ, глазомъ не моргнувъ, расплатится по счету своею кровью.

— Зачѣмъ вы украли у меня жену?—выговорилъ онъ, тяжело ворочая языкомъ и чувствуя, какъ жилы на шеѣ у него наливаются кровью.

Студентъ поднялся, все также со скрещенными на груди руками.

— Укралъ? Сударь, этотъ упрекъ не заслуженъ; его я отвергаю. Успокойтесь, я ничего не отрицаю. Развѣ можно украсть то, что никому не принадлежитъ. А развѣ что нибудь принадлежитъ намъ?

И, улыбаясь, словно про себя, онъ прибавилъ:

— Волна, набѣгающая на берегъ—атомъ бѣлой пѣны—и этимъ мы владѣемъ прочнѣе, чѣмъ тѣмъ, что почитаемъ нашимъ.

Гуллеръ вздрогнулъ. Его словно кнутомъ ударили по головѣ. Какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ проникнуть въ самые тайники его мыслей?—вѣдь онъ высказываетъ то, къ чему онъ самъ только-что пришелъ въ конечномъ итогѣ.

— Идея владѣнія, собственности—да, вѣдь, это и есть бредовая идея, съ которой начинается болѣзнь,—ледянымъ тономъ продолжалъ студентъ.—Медицинѣ слѣдовало бы окрестить эту болѣзнь маніей владѣнія.

Онъ вдругъ измѣнился въ лицѣ, какъ будто сзади ему нанесли тяжелый ударъ, и неожиданно склонился почти до земли передъ Стефаномъ Гуллеромъ.

— Впрочемъ, *эта* дама, дѣйствительно, принадлежитъ *вамъ*, сударь—она принадлежитъ вамъ, потому что она любитъ васъ,—продолжалъ онъ, чувствуя, какъ съ каждымъ словомъ онъ тонетъ, погружается въ воду, которая поднимаетси все выше, выше, доходитъ ему уже до горла. Напрягая всю энергію, всю силу воли, онъ силился овладѣть собой, поборотъ это мучительное головокруженіе и тошноту, подступавшую къ горлу. Только бы теперь не ослабѣть, не упасть на полъ, не забиться въ припадкѣ! Своей узкой бѣлой рукой скрипача онъ на минуту тяжело оперся на столъ, потомъ вплотную подошелъ къ Гуллеру.

— Вотъ, здѣсь стоите вы, Стефанъ Гуллеръ—а здѣсь я, Джіокомо Спинетти... Вѣрно я говорю?—Такъ, хорошо. У васъ въ карманѣ лежитъ шестиствольный револьверъ, а въ ящикѣ вотъ этого столика тоже лежитъ револьверъ, заряженный шестью пулями. Погодите минутку—вотъ онъ. Возьмите его, онъ вашъ. Стрѣляйте изъ любого—который вамъ больше нравится. Пожалуйста. Прошу васъ объ этомъ—и заранѣе выражаю вамъ свою благодарность.

Гуллеръ изумленными глазами глядѣлъ въ это странное, безумное, измученное лицо, на эти длинныя пряди желтыхъ волосъ, падавшія на лобъ,—на этого высокаго стройнаго юношу, стоявшаго передъ нимъ, скрестивъ руки на груди, подставляя грудь подъ пулю.

— За что я люблю этого человѣка?—страдальческимъ шепотомъ спросилъ онъ себя,—этого жалкаго человѣка, который стоитъ предо мной? Въ ушахъ его беззвучно отдались слова студента: «Эта дама принадлежитъ вамъ, потому что она любитъ васъ»... И Стефанъ вдругъ почувствовалъ, что на *этого* человѣка его рука не подымется...

Если вдвоемъ имъ тѣсно въ этомъ мірѣ, если одинъ долженъ уйти,—то пусть жребій падетъ на него, клятвопреступника, котораго постигла заслуженная кара.

— Беру на себя жребій мой. Отецъ небесный—я покоренъ волѣ Твоей...

Онъ сложилъ руки, какъ на молитву, и поднялъ голову.

— Что было, то было,—выговорилъ онъ медленно и съ трудомъ.—Ни вы, ни я ничего не можемъ тутъ измѣнить. Вопросъ только въ томъ—что теперь будетъ. Я хочу знать,—продолжалъ онъ, чувствуя, какъ въ душу его нисходитъ великое торжественное спокойствіе и какъ при этомъ мучительно сжимается его сердце,—я хочу знать, была ли это только игра, или же вы готовы навсегда остаться съ нею.

Отвѣтомъ студента была безжизненная улыбка, которой Гуллеръ въ первый моментъ не понялъ.

—Tiens-tiens,—выговорилъ онъ,—вы хотите подарить мнѣ эту даму?—Стефанъ рѣзко махнулъ головой. Но студентъ, не смущаясь, продолжалъ:—

— Вы заблуждаетесь, любезный г. Гуллеръ,—она не изъ тѣхъ, которыхъ дарятъ. Ахъ, какіе вы жалкіе пустяки говорите! Вы слишкомъ рано пришли, г. Гуллеръ. Повѣрьте, приди вы нѣсколькими часами позже, у насъ съ вами разговоръ былъ бы короткій.

— Тьфу, чортъ!—вырвалось у Гуллера и онъ даже отплюнулся.

Гнѣвъ душилъ его.

— Оставьте эти шутки—иначе я убью васъ, какъ собаку. Эта женщина придетъ къ вамъ. Я васъ спрашиваю еще разъ: примите ли вы ее? Будете вы о ней заботиться?

Студентъ откинулъ голову назадъ. Онъ съ трудомъ ворочалъ языкомъ: въ горлѣ у него совсѣмъ пересохло.

— Будь я проклятъ, если здѣсь есть судья и обвиняемый. Въ концѣ концовъ, мнѣ было бы легче...

— Отвѣчайте!—крикнулъ Гуллеръ. — Отвѣчайте, говорятъ вамъ! Я вправѣ требовать отъ васъ отвѣта,—прибавилъ онъ, еще разъ овладѣвая собой.

— Глупецъ! Пойдите къ ней и поставьте ей тотъ же вопросъ въ нѣсколько иной формѣ. А затѣмъ приходите ко мнѣ и, клянусь Богомъ и дьяволомъ, я готовъ держать отвѣтъ передъ вами...

Голосъ его оборвался. И уже совсѣмъ другимъ тономъ, мягко, ласково, онъ продолжалъ:

— Вы большое дитя, г. Гуллеръ. Не хочетъ она меня... поймите вы наконецъ. Она меня не любитъ—никогда не принадлежала мнѣ. И, если даже принадлежала на минуту,—онъ остановился, словно вдумываясь въ свои слова—хоть убейте меня на мѣстѣ, я не знаю, была ли она хоть одну минуту моей—но даже, если мы допустимъ, что была,—продолжалъ онъ съ несказаннымъ усиліемъ,—даже если мы допустимъ, что была—онъ уронилъ руки вдоль тѣла и стоялъ смиренный, безпомощный, и лицо его свѣтилось какимъ то неземнымъ свѣтомъ—не завидуйте мнѣ—не жалѣйте объ этой одной минутѣ—она выкупаетъ цѣлую жизнь страданій.

Его лицо снова стало мрачнымъ и напряженнымъ.

— О похищеніи,—о кражѣ не можетъ быть и рѣчи,—за-

кончилъ онъ съ внезапной рѣзкостью—гдѣ нѣтъ собственности, тамъ не можетъ быть и кражи.

Стефанъ Гуллеръ понурилъ голову и молча вышелъ...

Нѣкоторое время Джіакомо Спинетти стоялъ неподвижно. Потомъ присѣлъ къ столу, написалъ нѣсколько строкъ, вложилъ письмо въ конвертъ и запечаталъ.

— Фрау Конрадъ!—крикнулъ онъ въ дверь.

Появилась хозяйка.

— Фрау Конрадъ, мнѣ сегодня по всей вѣроятности придется предпринять небольшое путешествіе. Будьте добры, подъ вечеръ снесите это письмо по адресу—прошу васъ.

У женщины все лицо ходило ходуномъ. Она хотѣла что-то сказать—и не могла: слова не шли съ языка.

Только молча кивнула головой и вышла.

Студентъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, провелъ рукою по лбу и снова опустился на стулъ.

Онъ думалъ—мечталъ—тихонько улыбался.

Поглощенный своими мыслями, шелъ Стефанъ Гуллеръ своею дорогой. Городъ давно проснулся—улица шумѣла и кипѣла жизнью—утреннее солнышко свѣтило ему въ лицо. Но онъ дрожалъ отъ холода.

Свѣтъ, воздухъ, звуки—все причиняло ему боль.

Неожиданно онъ очутился—самъ не зная какъ—на Братской улицѣ, передъ домомъ своихъ друзей, а немного погодя и у нихъ. Они ни о чемъ не спрашивали—молча обмѣнялись съ нимъ рукопожатіемъ.

Ему казалось, что онъ уже цѣлые годы не былъ у нихъ. И сами друзья казались ему сегодня совсѣмъ иными, чѣмъ прежде. Волосы на головѣ и бородѣ Іоганнеса совсѣмъ побѣлѣли; въ нихъ теперь едва замѣтенъ былъ рыжеватый оттѣнокъ; блѣдное лицо и блѣдныя, тонкія, женскія руки стали совсѣмъ прозрачными; и носъ казался уже и тоньше. А на крутомъ высокомъ лбу четкимъ рисункомъ выступили голубоватыя жилки. И глаза еще глубже ушли въ орбиты—ихъ кроткій угасшій взглядъ былъ не отъ міра сего.

Дыханіе смерти уже коснулось Іоганнеса.

И философъ, стоявшій съ нимъ рядомъ, сталъ худымъ, какъ скелетъ. Безбородое лицо его вытянулось, щеки ввалились; мяса на нихъ совсѣмъ не было—кожа да кости.

Кто эти древніе старцы, стоящіе передъ нимъ?.. Мужчины это, или женщины?.. или годы сгладили разницу пола?—или, можетъ быть, это только сейчасъ, раннимъ утромъ, въ пер-

выхъ лучахъ весенняго солнца, весь міръ кажется ему измѣнившимся.

Взглядъ Іоганнеса, понимающій, добрый, сочувственный, казалось, проникалъ въ самую глубь его души.

Они ни о чемъ не спрашивали. Они знали и безъ разспросовъ.

Потрясенный, онъ отвернулся.

— Несчетное число разъ отрекается человѣкъ отъ самого себя—и грѣшитъ противъ духа—началъ Іоганнесъ,—но, если онъ возвращается къ духу, мы причисляемъ его къ праведнымъ. И она отпала отъ тѣла твоего—должна была отпасть,—но отъ души твоей она не отпала. И ты, Стефанъ Гуллеръ, подъемлешь сѣкиру и хочешь разыграть роль палача.—Ахъ, милый, зачѣмъ? Мимолетно здѣшнее бытіе—слишкомъ коротка наша жизнь, чтобы мы имѣли время судить. И горе тому, кто беретъ на себя роль судьи. Развѣ въ нѣдрахъ земли спокойно? Развѣ не бродятъ тамъ темныя силы? Развѣ не разростаются пышно сорныя травы, которыхъ никто и нигдѣ не сѣетъ?—Ахъ, Стефанъ Гуллеръ, земля и женщина подобны другъ другу—ихъ богатство—ихъ плотнота—ихъ тайна непостижимы... Милый, милый сынъ, пойми же—пойми! Смирись, бѣдное человѣческое дитя—не поддавайся гордынѣ.

Онъ поцѣловалъ Стефана въ лобъ—въ первый разъ въ жизни, и подтолкнулъ его къ двери.

Что такое *человѣкъ*?—что означаетъ это слово: человѣкъ?—часть ревущаго стада—въ лучшемъ случаѣ, каменщикъ, таскающій камни на постройку.

Человѣчество — гигантское колесо съ несчетными, какъ звѣзды, спицами, приводимое въ движеніе невидимыми силами.

Отдѣльный человѣкъ—крохотный винтикъ въ этой машинѣ.

Когда-нибудь земля дрогнетъ, разсыпится—и съ нею все, что создавалось вѣками.

Человѣкъ, ошеломленный, будетъ хвататься за голову, въ отчаяніи простирать слабыя руки—и ничего не сможетъ схватить, удержать—укрыть—спасти отъ гибели.

Какъ теплый, ласковый весенній дождикъ, падая на твердую, замершую землю, разрыхляетъ ее и будитъ въ ней жажду новой жизни и дѣлаетъ ее годной къ воспріятію этой новой жизни,—такъ въ душѣ Стефана Гуллера постепенно зарождалось сознаніе:

Отдѣльный человѣкъ, со своей дерзновенною вѣрой въ себя,

въ свое «я»—это путникъ, сбившійся съ дороги. Свобода и самоопредѣленіе—не что иное, какъ вздорныя, мертвыя формулы.

Уже въ материнской утробѣ человѣкъ дѣлаетъ то, что онъ *долженъ*, а не то, что онъ хочетъ.

Мы *должны—должны* и *должны*... Этому училъ насъ Господь—училъ Спаситель — училъ человѣкъ, Гейнрихъ Эммануилъ Кантъ.

Отдѣльная личность ничего не можетъ.

Отъ рожденія тянетъ мужчину къ женщинѣ—женщину къ мужчинѣ. И только вовсоединеніе, любовь создаютъ движеніе, созвучіе, ритмъ.

Повинуясь закону любви, человѣкъ становится чародѣемъ, господиномъ, владыкой; подобно Богу, онъ творитъ чудеса — создаетъ людей.

Подъ знакомъ любви встрѣчаются злые и изъ сѣмени ихъ выростаетъ доброе, прекрасное, благородное; соединяются добрые, и сѣмя даетъ недобрый плодъ; ибо все доброе—и все злое въ каждомъ человѣкѣ тѣсно перемѣшаны между собою.

И каждый разъ снова начинается все та же комедія жизни—игра, въ смыслъ которой не проникнуть человѣческому разуму.

Души блуждаютъ —претворяются — преображаются—вступаютъ во все новыя и новыя сочетанія, какъ будто случайно—и однакожъ повинуясь неизмѣнному закону.

Черезъ сколько такихъ превращеній, черезъ сколько тѣлъ должна пройти душа, прежде чѣмъ она пробьется къ истинѣ, свѣту, любви, добротѣ—прежде чѣмъ Богъ съ улыбкой скажетъ ей: «Теперь, милое дитя человѣческое, ты воскресло, стало Богомъ, стало Духомъ...»

Еслибъ онъ поступилъ точно такъ же, какъ Фридрихъ Гуллеръ, отецъ его, что осталось бы съ его душой?

Если отецъ не могъ поступить иначе, зато сыну самимъ Богомъ суждено было пойти дальше—видѣть дальше и глубже.

Ибо смыслъ жизни въ томъ, чтобы каждый съ своей стороны боролся съ злыми силами жизни, очищая и исцѣляя молитвой свою бѣдную душу,—а молитва означаетъ работу надъ собою и преодолѣніе своего я.

Только человѣкъ, вернувшійся къ простотѣ и смиренію, къ живому источнику познанія, сознавшій, что онъ лишь незначительная частица цѣлаго — и потонувшій въ любви,—можетъ стать значительнымъ.

Лишь изъ глубочайшаго униженія расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ наше *я*—за паденіемъ съ высоты слѣдуетъ подъемъ.

Отецъ, со всѣми своими дарованіями и возможностями, былъ еще темный человѣкъ, окутанный непроглядною тьмой, сыну Богъ далъ въ руки факелъ для того, чтобъ онъ могъ двинуть дальше лѣнивую, безсознательную толпу, которая зовется человѣчествомъ, чтобъ онъ могъ повести ее впередъ.

Все, что происходитъ, таинственно подчинено живому, непрестанно дѣйствующему и творящему закону Любви.

— Человѣкъ долженъ выполнять свой долгъ, — еще разъ чуть слышно повторилъ Стефанъ Гуллеръ.—Мой долгъ велитъ мнѣ войти въ точило. Повинуюсь, иду.

— Маленькая Гаиза, я долженъ помочь и тебѣ, и ему.

— Путь свободенъ.

— Смотри, не разбейся.

— Ты мужчина—смири себя, Стефанъ Гуллеръ.

— Еще разъ дай твою руку, маленькая Гаиза!

— Дай мнѣ взглянуть въ твои глаза—въ послѣдній разъ—твоимъ товарищемъ останусь я, покамѣсть Богъ не призоветъ меня къ себѣ.

Что значатъ одна ночь и одинъ день въ жизни человѣка?

Одинъ только день и одну ночь провелъ Стефанъ Гуллеръ внѣ дома—но что онъ пережилъ за это время?

Теперь, когда онъ остановился передъ своимъ домомъ, онъ почувствовалъ, что между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ лежитъ вѣчность—и самый домъ показался ему другимъ—такимъ удивительнымъ, страннымъ... такимъ чужимъ—словно никогда не видалъ его.

Долго стоялъ онъ въ задумчивости, глядя на домъ.

Потомъ, протеръ глаза—и еще разъ вихремъ пронеслись передъ нимъ событія, съ момента возвращенія его изъ Даніи до поѣздки въ полицейское управленіе и отель въ Принцессенштрассе—отъ встрѣчи съ Клэрекомъ до объясненія съ Спинетти и свиданія съ Іоганнесомъ.

Онъ вздрогнулъ и сердце его сжалось. Бѣдная маленькая Гаиза! сколько она должна была выстрадать за это время!..

Онъ отчетливо видѣлъ ее, смертельно блѣдную, лежащую на подушкахъ—и улыбающуюся вымученной улыбкой—ради старика отца, который сидитъ у нея на кровати и все время болтаетъ, силясь утѣшить ее.

Ему почудился голосъ каммервиртуоза:

— Мессенджеры никогда не вѣшаютъ головы—они люди

стойкіе — стиснутъ зубы — скрѣпятся — а подчинить себя не позволятъ.

— Бѣдная маленькая Гаиза!—утѣшься. Стефанъ Гуллеръ не стоитъ у тебя на дорогѣ; онъ твой лучшій товарищъ—братъ твой...

Въ послѣдній разъ онъ любовно и съ тоской поцѣлуетъ твои блестящіе волосы—милая... невыразимо любимая... незабвенная!

Онъ вынулъ часы.

Стрѣлки показывали ровно двѣнадцать.

Долой мечъ судьи! За бортъ его!

Тутъ нѣтъ виноватыхъ.

И судей нѣтъ.

Высоко неся голову, прошелъ онъ черезъ ворота, поднялся по лѣстницѣ.

Повернулъ ключъ въ замкѣ.

Дверь отворилась—и затворилась снова.

Легкій крикъ.

И передъ нимъ стоитъ, босая, въ длинной бѣлой ночной рубашкѣ, Гаиза—худенькія ручки крѣпко обнимаютъ его—запекшіяся губы шепчутъ только одно слово: — Стефанъ!.. Стефанъ!..

Подъ вечеръ приходитъ мальчуганъ и приноситъ запечатанное письмо—Гаизѣ.

— Ахъ, Стефанъ!.. Стефанъ!—жалобно вскрикиваетъ она и, вся дрожа, протягиваетъ ему письмо, а сама закрываетъ лицо руками.

Что тутъ, подъ этой печатью?

Стефанъ Гуллеръ читаетъ:

«Прекрасная дама!

«Послѣднее желаніе—послѣдняя просьба—поцѣлуйте меня мертваго еще разъ въ глаза, которые видѣли Васъ. Я долженъ уйти, прекрасная дама, потому что я не могу дышать безъ Васъ—и въ то же время чувствую, что не имѣю надъ Вами никакой власти. Доброй ночи, прекрасная дама. Иду въ послѣдній путь».

«Джіакомо Спинетти».

— Поди къ нему,—говоритъ Стефанъ Гуллеръ и отворачивается. И его взоръ затуманенъ.

Она подошла къ его постели.

Смерть была милостива и хорошо выполнила свою работу.

Мертвый онъ былъ дивно прекрасенъ.

Лицо кроткое, благородное, просвѣтленное.

Вокругъ тонко очерченныхъ губъ какъ будто еще играла улыбка, прелестная, дѣтски безпечная.

Она нагнулась надъ нимъ, ласково отвела назадъ его волосы и поцѣловала его въ лобъ—въ глаза—въ губы.

Потомъ поднялась съ колѣнъ.

Дверь неслышно отворилась.

Серьезный и твердый, еще разъ взглянулъ на мертваго Стефанъ Гуллеръ—и благоговѣйно склонился.

Кругомъ была глубокая тишина.

Сердца ихъ бились согласно.

И оба знали, что ихъ ждетъ нѣчто тяжкое, неотвратимое, какъ рокъ, и въ то же время несказанно прекрасное...

Онъ выговорилъ едва слышно, но она поняла каждое слово:

— Всѣ тревоги и страхи остались позади, вокругъ насъ и въ насъ все цвѣтетъ. Поди ко мнѣ—я буду тебѣ мужемъ и отцомъ твоихъ дѣтей.

Съ нѣмецкаго перев. З. Журавская.

ФОРМЫ ОБЩИННАГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЯ ВЪ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

Въ Забайкальской области нѣтъ частнаго землевладѣнія, если не считать таковымъ владѣнія кабинета Его Величества—частную собственность Государя Императора. Вся земля, находящаяся въ пользованіи мѣстнаго сельскаго населенія, принадлежитъ не частнымъ лицамъ, а общинамъ, и, слѣдовательно, основной формой землевладѣнія въ области является общинная.

Все Забайкалье по землевладѣнію раздѣляется на три части. Западная часть—къ западу отъ Яблоноваго хребта—считается казенною и находится въ вѣдѣніи управленія государственными имуществами. Восточная часть считается принадлежащей кабинету Его Величества. Границу ея на западѣ составляетъ Яблоновый хребетъ, но сѣвернѣе г. Читы она отходитъ далѣе на западъ, за р. Конду, до р. Витима. Кромѣ того, въ западномъ Забайкальѣ кабинету Его Величества принадлежитъ такъ называемое Петровское имѣніе—значительный участокъ земли вокругъ с. Петровскій заводъ по долинѣ р. Боляги, и въ южной части Забайкалья, среди казачьихъ и инородческихъ земель, находится Адунъ-Челонская кабинетская дача, площадью около 19 тыс. десятинъ. Третьимъ офиціальнымъ собственникомъ земли въ Забайкальѣ является Забайкальское казачье войско, земли котораго занимаютъ пограничную съ Монголіей полосу (Акшинскій и Троицкосавскій уѣзды), Нерчинскій уѣздъ и часть Нерчинско-Заводскаго, а также разсѣяны среди земель кабинетскихъ (въ Читинскомъ уѣздѣ) и казенныхъ (въ Селенгинскомъ уѣздѣ).

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ владѣльцевъ земель въ области имѣются: 1) городскія земли городовъ Баргузина, Селенгинска, Троицкосавска съ Кяхтой и Усть-Кяхтой, Верхнеудинска, Читы, Нерчинска и Акши, 2) монастырскія земли, 3) земли, отведенныя

въ собственность бурятамъ Ачинскаго вѣдомства въ трехъ участкахъ. Послѣднія войдутъ въ кругъ общаго землеустройства ачинскихъ бурятъ и находятся въ нераздѣльномъ пользованіи съ прочими землями, занятыми тѣми же инородцами, такъ что фактически это землевладѣніе считать самостоятельнымъ не приходится. Земли городовъ и монастырей по сравненію съ общей площадью области занимаютъ ничтожное пространство, и поэтому особаго значенія въ экономикѣ края не имѣютъ.

Распредѣленіе земель по владѣніямъ видно изъ слѣдующихъ приблизительныхъ данныхъ (точныхъ данныхъ не имѣется):

Государственныя земли	27 милл. дес.
Земли кабинета Его Величества . .	15 милл. дес.
Земли Казачьяго войска . . .	10—12 милл. дес.
Земли городскія	55.083 дес.
Земли церковныя и монастырскія . . .	7.293 дес.

Фактически большая часть удобныхъ земель занята сельскимъ населеніемъ: крестьянами, инородцами и казаками, но не на правѣ собственности, а на правѣ пользованія. На такомъ же правѣ отводятся земли инородцамъ и крестьянамъ при землеустройствѣ. Исключеніе составляетъ часть инородцевъ бывшихъ Хоринскаго и Ачинскаго вѣдомства, земля которымъ отводится при землеустройствѣ въ собственность; однако, это право собственности связано рядомъ ограниченій, сводящихъ его на нѣтъ и почти уравнивающихъ съ правомъ пользованія.

Въ непосредственномъ пользованіи находится:

у крестьянъ . . .	1,820.939 дес.
« инородцевъ . . .	6.780.677 дес.
« казаковъ . . .	5.334.889 дес.
« кабинета Е. В. .	2.829.961 дес. [1]).

Остальныя государственныя, кабинетскія и казачьи земли являются пустопорожними и у казаковъ составляютъ войсковой запасъ (около 6 милл. дес.).

Часть свободныхъ кабинетскихъ, казенныхъ и казачьихъ войсковыхъ земель составляютъ оброчныя статьи, сдаваемыя въ аренду частнымъ лицамъ и сельскимъ обществамъ. Но въ общемъ, этихъ

---

[1]) «Матеріалы» Высочайше утвержденной подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина комиссіи для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области. Выпускъ 10-й, 7 стр.

арендныхъ статей немного, и онѣ не играютъ замѣтной роли въ мѣстномъ хозяйствѣ.

Мы остановимся исключительно на важнѣйшемъ землепользованіи—крестьянъ, казаковъ и инородцевъ, и вкратцѣ разсмотримъ, въ какія формы выливается у нихъ внутриобщинное землепользованіе.

Не такъ давно земельная община въ Забайкальской области являлась сложною—волостною, т. е. охватывавшею цѣлую волость или станицу. У инородцевъ она захватывала еще большій кругъ—цѣлый родъ или вѣдомство.

Въ настоящее время въ области такихъ большихъ, сложныхъ земельныхъ общинъ фактически не осталось. Какъ пережитокъ, остается лишь право отдѣльныхъ общинъ на пользованіе покосами и выпасомъ въ предѣлахъ землепользованія другихъ общинъ въ засушливые годы.

Однако разрушеніе волостной общины еще не означаетъ уничтоженія сложной общины вообще, т. е. общины, охватывающей нѣсколько селеній. Такого рода общины составляютъ въ Забайкальѣ обычное явленіе, которому суждено въ большинствѣ случаевъ исчезнуть, такъ какъ при землеустройствѣ подобныя общины обычно раздѣляются, и каждое селеніе надѣляется землей отдѣльно, хотя бываетъ и такъ, что общее владѣніе двухъ и болѣе селеній остается и послѣ землеустройства. Часто такая общность землепользованія двухъ и болѣе селеній сохраняется лишь по отношенію къ отдѣльнымъ угодьямъ, напримѣръ, выгона. Это какъ бы осколки, остатки прежней сложной общины.

Сложныя общины болѣе распространены среди казачьяго населенія, у котораго земли обмежованы общей межой для цѣлыхъ станицъ (станица соотвѣтствуетъ крестьянской волости); поэтому хотя фактически землепользованіе отдѣльныхъ поселковъ раздѣлено, но часто встрѣчаются случаи общаго пользованія нѣсколькихъ поселковъ, особенно отдѣльными видами угодій. Доходныя арендныя статьи обычно находятся въ пользованіи всей станицы, т. е. всѣхъ поселковыхъ обществъ, входящихъ въ составъ ея. Какъ примѣръ, укажемъ на Стрѣтенскъ. Это довольно значительный (до 10 тыс. постояннаго населенія), бойкій торговый пунктъ, находящійся въ концѣ Стрѣтенской вѣтви Забайкальской желѣзной дороги и въ началѣ судоходства по р. Шилкѣ и далѣе по Амуру. Стрѣтенскъ расположенъ на земляхъ Стрѣтенской станицы. Усадьбы частными жителями снимаются въ аренду у станичнаго правленія и значительные доходы, выручаемые каждогодно отъ этой аренды, поступаютъ

не въ пользу казаковъ Стрѣтенскаго поселка, а въ пользу всей станицы. Аналогичный фактъ наблюдается въ Полтавской станицѣ, Читинскаго уѣзда, на земляхъ которой расположена часть г. Читы—часть поселка «Дальній Покровъ», находящагося при станціи Чита I-я. Доходы отъ аренды этихъ земель только частью поступаютъ въ пользу Титовскаго поселка, которому онѣ фактически принадлежатъ, а частью идутъ въ пользу всей станицы.

У кочевыхъ инородцевъ земельная община почти всегда захватываетъ нѣсколько улусовъ—«хоттоновъ», подъ которыми подразумѣвается группа хозяйствъ, живущихъ совмѣстно на лѣтникѣ, и соотвѣтственная группа ихъ на зимникахъ, осенникахъ и весенникахъ, гдѣ они живутъ уже болѣе разбросанно. Офиціально подъ улусомъ разумѣется не такая группа хозяйствъ, образующая на лѣтникѣ цѣлую небольшую деревню, а всѣ хозяйства, расположенныя въ опредѣленномъ урочищѣ—въ пади, при рѣкѣ, при озерѣ.

Улусы, имѣющіе отдѣльное отъ другихъ землепользованіе, составляютъ сравнительно рѣдкое явленіе, чаще всего встрѣчающееся тогда, когда данный участокъ земли находится въ видѣ отдѣльной дачи, вдали отъ прочихъ инородческихъ земель и среди земель крестьянскихъ или казачьихъ.

Какъ примѣръ такого улуса съ отдѣльнымъ отъ другихъ землепользованіемъ, назовемъ Авдѣевскій улусъ Угданскаго булука, Хаоцайской волости, Верхнеудинскаго уѣзда. Этотъ улусъ расположенъ на отдѣльномъ участкѣ земли среди крестьянскихъ и казачьихъ земель въ 20 вер. отъ общей дачи Угданскаго булука. Чаще всего отдѣльные улусы пользуются землею сообща, образуя одну сложную общину. Эти общины въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ съ оффиціальными булучными обществами — административной единицей, соотвѣтствующей крестьянскому сельскому обществу. Вѣрнѣе — булучныя общества пріурочены къ такой земельной общинѣ, объединяющей нѣсколько улусовъ. Случается, что въ предѣлахъ одного булучнаго общества имѣется нѣсколько земельныхъ общинъ и, наоборотъ, хотя рѣдко, одна земельная община охватываетъ нѣсколько булучныхъ обществъ. При землеустройствѣ булучное общество чаще всего раздѣляется въ томъ случаѣ, если земельныхъ общинъ въ немъ нѣсколько; по этимъ земельнымъ общинамъ и учреждаются новыя булучныя общества. Наоборотъ, когда община захватываетъ нѣсколько булуковъ, ее раздѣляютъ по булучнымъ обществамъ, и земля надѣляется каждому обществу отдѣльно. Землеустройство, закрѣпляя дѣленіе булучныхъ обществъ на земельныя единицы, способствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленію сложныхъ общинъ, охватывающихъ нѣсколько булуковъ.

Обратнаго явленія—объединенія нѣсколькихъ земельныхъ общинъ при землеустройствѣ—не встрѣчается.

Иногда инородцы ходатайствуютъ, чтобы имъ при землеустройствѣ была отведена земля въ одной межѣ, безъ подраздѣленія по булучнымъ обществамъ и другимъ земельнымъ единицамъ, мотивируя это ходатайство общностью пользованія въ нѣкоторые годы, о которой говорится выше, какъ объ остаткѣ сложной, волостной общины. Такъ напримѣръ, инородцы Барунъ-Харганатской волости, Верхнеудинскаго уѣзда, просили о надѣленіи ихъ землей въ одной межѣ для всей волости; инородцы Ачинской и Цугальской волостей, Читинскаго уѣзда, просили отвести ихъ землю въ общей межѣ для обѣихъ волостей, безъ подраздѣленія по булучнымъ обществамъ. Послѣдніе указываютъ на то, что булучныя общества не соотвѣтствуютъ существующимъ земельнымъ общинамъ, являясь просто административной единицей. Эти ходатайства какъ бы выдвигаютъ вновь вопросъ объ образованіи сложной волостной общины у инородцевъ; они указываютъ какъ будто на стремленіе инородцевъ возстановить разрушившійся или разрушающійся порядокъ. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ, и причина возбужденія подобныхъ ходатайствъ ясна для всякаго, болѣе или менѣе близко знакомаго съ внутренней жизнью инородцевъ. Въ настоящее время забайкальскіе инородцы не представляютъ уже той компактной, однородной по экономическимъ и правовымъ интересамъ массы, какою они были въ сравнительно недавнее время и какою ихъ стараются изобразить офиціальные ихъ представители. Культура капитализма, водворяющаяся въ области со времени проведенія желѣзной дороги, раздѣлила инородцевъ на два слоя съ рѣзко противуположными экономическими и правовыми интересами: одинъ—богатѣевъ, другой—бѣдной народной массы. Какъ показали статистическія изслѣдованія переселенческаго управленія и мѣстнаго отдѣла Географическаго Общества, дифференціація инородческаго населенія за послѣднее десятилѣтіе шла усиленнымъ темпомъ, выдѣляя богатѣевъ съ тысячными табунами скота, обездоливая народную массу и вынуждая ее обращаться къ земледѣлію и постепенно переходить къ осѣдлости.

Намъ лично пришлось натолкнуться на характерный фактъ, указывающій на ту глубокую экономическую рознь, которая уже имѣется среди инородцевъ и которая усиленно скрывается офиціальными представителями ихъ. Инородцы одного булука Харганатской волости черезъ своихъ уполномоченныхъ хлопотали, чтобы имъ при землеустройствѣ было отведено, какъ кочевникамъ, не менѣе какъ по 30 дес. на душу. Между тѣмъ въ самомъ булукѣ шла борьба; одна партія, состоящая преимущественно изъ бѣдноты,

стояла за то, чтобы просить о признаніи ихъ осѣдлыми, переходящими къ земледѣлію, и о надѣленіи ихъ 15-ти десятиннымъ крестьянскимъ надѣломъ, но землей, пригодной для хлѣбопашества. Другая партія—болѣе богатыхъ людей, имѣющихъ много скота,—настаивала на томъ, чтобы просить о надѣленіи булука, какъ населеннаго кочевниками, по 30 дес. земли, пригодной для пастьбы и покоса. Понятно, что власти слышатъ мнѣніе только второй группы, такъ какъ представители ея занимаютъ всѣ выборныя должности у инородцевъ.

Богатѣи боятся лишиться при землеустройствѣ своего привилегированнаго положенія и оказаться стѣсненными въ землепользованіи. Дѣйствительно, средній инородецъ, имѣющій десятка два-три головъ скота, рѣдко нуждается въ перекочевкѣ за предѣлы своей земельной общины; для него не нужно особенно много земли. Онъ въ настоящее время стѣсненъ, и очень сильно, въ землепользованіи; богатѣи захватили лучшіе покосы и вытаптываютъ своими тысячными табунами общественные выгоны. Если надѣлъ будетъ произведенъ по-общинно, то богатѣй много потеряетъ, а выгадаетъ рядовой инородецъ. Теперь богатѣй, вытравивъ своимъ табуномъ степь въ одной общинѣ, перегоняетъ его на земли другой общины или даже уходитъ со своими стадами въ Монголію; тоже будетъ, если земля останется въ нераздѣльномъ пользованіи всей волости. Совсѣмъ иное получится, если земля будетъ надѣлена по общинамъ: за предѣлы общины, къ которой богатѣй принадлежитъ, его даромъ со скотомъ не пустятъ, а потребуютъ съ него аренду; да и въ предѣлахъ своей общины общинники могутъ наложить руку на право захвата покосовъ и на право вытравлять выгоны въ ущербъ другимъ общинникамъ. Вотъ въ чьихъ интересахъ, а не въ интересахъ всѣхъ инородцевъ, возбуждаются ходатайства о возстановленіи волостной земельной общины. Не даромъ инородцы говорятъ, что если земля не будетъ дана въ одной межѣ на всю волость, то кочевому скотоводству придетъ конецъ, подразумѣвая подъ этимъ исчезновеніе громадныхъ, тысячныхъ табуновъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о формахъ землепользованія внутри общины.

Въ статьѣ: «Измѣненія формъ общиннаго землепользованія въ Сибири», помѣщенной въ сборникѣ «Вопросы колонизаціи», нами приняты за основные два типа существующаго въ Сибири общиннаго землепользованія: 1) *вольный* и 2) *уравнительный*.

Вольная форма землепользованія имѣетъ въ своемъ основаніи

право каждаго члена общины пользоваться земельными угодьями, принадлежащими общинѣ, въ произвольномъ количествѣ, неопредѣленное время и въ любомъ мѣстѣ. При вольномъ пользованіи всякій пашетъ, коситъ, пасетъ скотъ, рубитъ лѣсъ, ловитъ рыбу, охотится и т. д., гдѣ хочетъ, и сколько хочетъ, безо всякихъ ограниченій, пользуется занятымъ участкомъ, пока это находитъ нужнымъ, а потомъ переходитъ въ любое незанятое мѣсто.

Такая форма землепользованія возможна только при полномъ земельномъ просторѣ, когда, за занятіемъ членами общины необходимыхъ имъ угодій, остается еще много свободныхъ земель.

Противоположная вольной уравнительная форма землепользованія имѣетъ въ своемъ основаніи право каждаго члена общины на обезпеченіе опредѣленной долей земельныхъ угодій, принадлежащихъ общинѣ—такой долей, которая соотвѣтствуетъ его хозяйственнымъ силамъ и нуждамъ. При этой формѣ землепользованія земельные участки періодически передѣляются, уравновѣшиваются между общинниками на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, главнымъ образомъ—по рабочей силѣ хозяйства или по потребительной потребности его. Дѣлится земля обыкновенно по «душамъ», при чемъ подъ «душой» подразумѣвается пай, опредѣляемый на весьма различныхъ основаніяхъ: или по числу лицъ мужского пола, безъ различія возраста, или по числу «бойцовъ»—мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ, или по другимъ признакамъ. Часто «душа» является простой отвлеченной податной единицей, не имѣющей конкретной сущности [1]).

Уравнительная форма землепользованія есть результатъ извѣстнаго земельнаго утѣсненія, отсутствія въ общинѣ свободныхъ, незанятыхъ земель. Она является на смѣну вольной формы землепользованія тогда, когда земельный запасъ въ общинѣ окончательно истощился, когда дальнѣйшій приростъ населенія вызываетъ потребность въ надѣленіи новыхъ молодыхъ хозяевъ или народившихся членовъ общины—«прибыльныхъ душъ»—за счетъ старыхъ хозяевъ и умершихъ членовъ—«убылыхъ душъ».

Это земельное утѣсненіе начинается не сразу. Переходъ къ нему происходитъ постепенно, по мѣрѣ роста населенія. Поэтому и переходъ отъ вольной формы землепользованія никогда не бываетъ рѣзкимъ, а совершается постепенно, черезъ рядъ промежуточныхъ формъ, сперва болѣе близкихъ къ вольной формѣ, потомъ, къ уравнительной. Этотъ переходъ имѣетъ такъ много стадій, что въ

[1]) Здѣсь, въ противоположность вольному пользованію, характерно то что владѣніе опредѣленнаго лица даннымъ угодьемъ возникаетъ и прекращается только по волѣ общины, а не самого хозяина.

концѣ концовъ, при нормальныхъ условіяхъ, безъ посторонняго вмѣшательства и другихъ случайныхъ причинъ, могущихъ ускорить и обострить его, онъ совершается незамѣтно: одна форма вполнѣ естественно переходитъ въ другую, соотвѣтственно степени увеличенія земельнаго утѣсненія.

Всѣ многоразличныя переходныя формы землепользованія между уравнительной и вольной можно подвести подъ два основныхъ типа: одинъ, болѣе близкій къ вольной формѣ, *заимочный* или *захватный*; другой, приближающійся болѣе къ уравнительной формѣ и незамѣтно переходящій въ нее, *регулируемый* или *регулируемый захватный*.

Захватная форма землепользованія отличается отъ вольной тѣмъ, что при ней уже всѣ пригодныя для той или другой культуры земли захвачены въ пользованіе членами общины и находятся у нихъ въ пожизненномъ или въ наслѣдственномъ пользованіи. Для «прибылыхъ душъ» отводятся выморочные или брошенные владѣльцами участки, а также новыя расчистки. Стремленіе къ сравненію въ этой формѣ землепользованія уже проявляется, но крайне примитивно; оно выражается въ томъ, что брошенныя владѣльцемъ или выморочныя земли поступаютъ въ запасный земельный фондъ общины и идутъ въ надѣлъ «прибылыхъ» душъ или могутъ быть захватываемы желающими.

Въ дальнѣйшемъ захватъ постепенно уступаетъ мѣсто *отводу* земли общиной: ни новымъ «прибылымъ» душамъ, ни старымъ хозяевамъ, имѣющимъ свои захватные участки, не разрѣшается произвольно захватывать или расчищать новыя свободныя угодья, а таковыя *отводятся* имъ общиной по опредѣленной разверсткѣ. Однако этотъ отводъ дѣлается разъ навсегда; отведенный участокъ переходитъ въ наслѣдственное пользованіе также, какъ и захваченные раньше участки, и въ дальнѣйшемъ ничѣмъ не отличается отъ нихъ.

Отъ отвода прямой переходъ къ регулируемой формѣ землепользованія или къ регулируемому захвату. Это—такая форма землепользованія, когда каждый общинникъ пользуется разъ захваченной или отведенной землей, но при этомъ вся излишняя земля, которой онъ почему-либо въ теченіе опредѣленнаго времени не пользовался, поступаетъ въ общину и отводится тѣмъ, у кого земли недостаточно, или «прибылымъ» душамъ. Создаются условія отвода, опредѣляется срокъ и характеръ пользованія. Затѣмъ эти условія естественно переходятъ съ отводимыхъ и на захваченныя земли.

Характернымъ для этой формы землепользованія является, во-первыхъ, опредѣленіе общиной условій пользованія захваченной

землей; во-вторыхъ, поравненіе землепользованія отдѣльныхъ членовъ. Сперва условія пользованія землей очень широки: должно пройти много лѣтъ, чтобы необрабатываемый захваченный участокъ могъ перейти въ распоряженіе общины; затѣмъ этотъ срокъ все болѣе и болѣе сокращается и въ концѣ концовъ сводится къ тому, что если захваченная земля не эксплоатируется владѣльцемъ въ теченіе одного года, то она или отбирается въ общество, или всякому желающему предоставляется право завладѣть ею. Такимъ образомъ захватная форма въ данномъ случаѣ изъ наслѣдственной и пожизненной переходитъ въ форму временнаго пользованія: пользуйся землей, пока она тебѣ нужна, пока ты къ ней прилагаешь свой трудъ.

Поравненіе въ началѣ ограничивается отводомъ оставленныхъ владѣльцемъ излишнихъ земель «прибылымъ» душамъ; потомъ кругъ его дѣйствій постепенно расширяется и въ концѣ концовъ распространяется на всѣ земли. Если, по соображеніямъ общины, данный членъ ея владѣетъ несоотвѣтственно его повинностямъ, хозяйственнымъ силамъ и нуждамъ, большимъ количествомъ земли, а сосѣдъ, наоборотъ, не имѣетъ потребнаго ему количества земли, то у перваго отрѣзается лишняя, по мнѣнію общины, земля и передается второму. Такимъ образомъ, земля по прежнему остается въ пожизненномъ и даже наслѣдственномъ пользованіи хозяина, но отъ нея могутъ быть общиной отрѣзаемы части для поравненія съ другими хозяевами или, наоборотъ, къ ней могутъ быть прирѣзываемы земли отъ другихъ членовъ общины, у которыхъ есть лишняя земля. Послѣ этого переходъ къ уравнительной формѣ землепользованія, при которой частичныя поравненія замѣняются единовременнымъ передѣломъ всей земли, совершается вполнѣ естественно и незамѣтно.

И при уравнительной формѣ землепользованія остается, впрочемъ, частное поравненіе земли, производимое, въ случаѣ убыли или прибыли «душъ» въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, въ промежутки между общими передѣлами, сроки которыхъ здѣсь обычно (для пашни) большіе. Только съ установленіемъ короткихъ сроковъ передѣла исчезаетъ окончательно частичное поравненіе. Поравненіе и отводъ земли—прямая переходная стадія къ передѣламъ.

Изъ приведеннаго видно, насколько постепенно совершается переходъ отъ одной формы землепользованія къ другой. Въ дѣйствительности въ переходныхъ стадіяхъ такъ смѣшаны признаки разныхъ типовъ землепользованія, что часто бываетъ трудно разобраться, къ какому типу можно отнести форму, наблюдаемую, въ данный моментъ, въ той или другой общинѣ. Это необходимо

имѣть въ виду при разсужденіяхъ о формахъ общиннаго землепользованія.

Итакъ, постепенно сибирская земельная община переходитъ къ типу, существующему въ Европейской Россіи—къ передѣльно-душевой формѣ землепользованія. Первобытныя формы сибирскаго землепользованія являются исчезнувшими въ Европейской Россіи прародителями существующей формы землепользованія и въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаютъ особенный интересъ.

Постепенность перехода однѣхъ формъ пользованія земельными угодьями въ другія усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дѣйствительности почти не бываетъ одинаковой формы землепользованія всѣми угодьями, принадлежащими общинѣ: для отдѣльныхъ видовъ угодій примѣняются одновременно различныя формы. Какъ общее правило, наиболѣе отсталыя по схемѣ формы землепользованія дольше сохраняются для угодій малоцѣнныхъ и находящихся въ общинѣ въ большемъ количествѣ; наоборотъ, наиболѣе высокія формы землепользованія, раньше создаются для угодій наиболѣе цѣнныхъ и имѣющихся въ общинѣ въ ограниченномъ количествѣ. Это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что въ каждой данной общинѣ не всѣ угодья находятся въ потребномъ количествѣ: однихъ угодій имѣется избытокъ, другихъ — недостаточно. Затѣмъ по мѣстнымъ хозяйственно-экономическимъ условіямъ одни угодья являются для населенія болѣе необходимыми и болѣе цѣнными, другія — менѣе. Относительно тѣхъ угодій, которыхъ имѣется недостаточное количество, скорѣе наступаетъ въ общинѣ утѣсненіе и, слѣдовательно, скорѣе создается потребность въ переходѣ къ высшимъ формамъ землепользованія. Тоже самое надо сказать о разноцѣнныхъ въ хозяйственномъ отношеніи земельныхъ угодьяхъ: тѣ угодья, которыя болѣе цѣнны и составляютъ основу благосостоянія мѣстнаго населенія, пользуются большимъ спросомъ, поэтому земельное утѣсненіе по отношенію къ нимъ сказывается раньше, чѣмъ по отношенію къ угодьямъ менѣе цѣннымъ, и потребность въ переходѣ къ высшимъ формамъ землепользованія сказывается скорѣе.

Чаще всего въ недостаточномъ количествѣ имѣются въ Забайкальѣ луговые покосы, затѣмъ—пахотныя угодья; выгоны, лѣса и рыболовныя угодья или имѣются пока въ большомъ количествѣ, недостатка въ нихъ не чувствуется, или не имѣютъ большой цѣны, какъ, напримѣръ, рыболовныя угодья въ большей части области.

И вотъ, въ одной и той же общинѣ существуютъ разныя формы землепользованія для каждаго вида угодій: одна — для покосовъ, другая—для пашни, третья—для выгоновъ и лѣсовъ и т. д.,

причемъ первая является самой интенсивной, а слѣдующія все болѣе и болѣе приближаются къ менѣе совершенной формѣ—вольной. Мало того: даже для одного и того же угодья, напримѣръ, для покосовъ или для пашни, не устанавливается одной опредѣленной формы землепользованія, а различныя, въ зависимости отъ цѣнности угодья—близости къ селенію, урожайности, легкости эксплоатаціи и т. п. Весьма часто заливные и поливные луга находятся въ уравнительномъ или захватномъ пользованіи, въ то время какъ суходольные и степные—въ вольномъ; старопашки, лежащія близко отъ селенія, находятся въ уравнительномъ пользованіи, а залежи и мѣстныя расчистки—въ вольномъ или захватномъ и т. п.

Но какъ бы ни были сложны комбинаціи типовъ землепользованія, при внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, всегда можно уловить тотъ типъ, къ которому онѣ приближаются, и ту закономѣрность въ распредѣленіи ихъ по категоріямъ земель, какая нами сейчасъ была отмѣчена.

Прежде чѣмъ перейти къ конкретному описанію формъ землепользованія, существующихъ въ Забайкальской области, остановимся на трехъ кардинальныхъ вопросахъ: 1) можно ли считать вольное и захватное землепользованіе общиннымъ; 2) можно ли считать переходъ отъ вольной формы пользованія къ уравнительной явленіемъ прогрессивнымъ; 3) можетъ ли при существующихъ въ Забайкальѣ условіяхъ совершиться переходъ отъ захватной формы землепользованія къ разрушенію общины—къ подворному пользованію, съ которымъ захватное пользованіе многими смѣшивается.

Основное различіе отъ подворнаго владѣнія землей захватной формы заключается въ томъ, что захватное пользованіе является общиннымъ, а подворное — единоличнымъ. Отсюда—естественный переходъ къ первому вопросу: можно ли считать общиннымъ землепользованіе вольное и захватное, или при такихъ формахъ землепользованія земельной общины еще нѣтъ?

При вольной и захватной формѣ пользованія юридически вся земля принадлежитъ данному обществу, отведена для всего общества. Однако это еще не создаетъ земельной общины. Ее создаютъ, во-первыхъ, психологія жителей, во-вторыхъ, право общины на выморочныя и брошенныя земли и, въ-третьихъ, право аренды и купли-продажи. Психологія жителей, живущихъ совмѣстно въ одной деревнѣ, имѣющихъ множество общихъ интересовъ и дѣлъ, создалась такая, что всякій и при вольномъ, и при захватномъ пользованіи смотритъ на занимаемый имъ участокъ земли не какъ на

свой, а какъ на общественный, имѣющій въ будущемъ, когда у даннаго лица не окажется въ немъ надобности, перейти въ распоряженіе общины. Взглядъ этотъ создался вѣками, и онъ вполнѣ понятенъ, потому что согласенъ съ интересами большинства населенія.

Равное право всѣхъ на захватъ или на вольное пользованіе есть уже право общинное, выгодное для всѣхъ членовъ общины: осуществляясь при избыткѣ земель, оно гарантируетъ каждому члену общины наивыгоднѣйшее приложеніе труда и потребное ему количество земли. Право общины на выморочныя и брошенныя за ненадобностью земли, осуществляемое предоставленіемъ ихъ для захвата или пользованія всѣхъ членовъ общины, есть уже признакъ существованія земельной общины—правда, въ довольно зачаточномъ состояніи, потому что это право осуществляется сравнительно еще рѣдко. Важнымъ признакомъ общиннаго владѣнія при захватной и вольной формахъ землепользованія и существеннымъ отличіемъ этихъ формъ отъ подворнаго владѣнія является отсутствіе у отдѣльныхъ хозяевъ права продавать и сдавать въ аренду свои участки или ограниченіе этого права срокомъ и разными другими условіями. Община сама сдаетъ въ аренду излишнія угодья въ тѣхъ случаяхъ, когда къ тому является возможность. Изъ сказаннаго ясно, что между подворнымъ хозяйствомъ и захватнымъ или вольнымъ лежитъ цѣлая пропасть. Общаго между ними только одно—безсрочное пользованіе разъ занятымъ участкомъ; все остальное—рѣзко отлично.

Обращаемся ко второму вопросу: можетъ ли считаться переходъ отъ вольной формы пользованія къ уравнительной явленіемъ прогрессивнымъ, или нѣтъ?

Какъ показали наблюденія, исторически ходъ измѣненія формъ общиннаго землепользованія идетъ въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны, въ направленіи уменьшенія размѣровъ общины до предѣловъ одного селенія, съ другой — въ направленіи бо́льшаго оплотнѣнія общины, бо́льшаго осуществленія ею своихъ правъ. Первое ведетъ за собою исчезновеніе сложныхъ общинъ, существованіе которыхъ было возможно только при большомъ земельномъ просторѣ, при вольной и отчасти захватной формѣ землепользованія, когда вмѣшательство общины въ распоряженіе землей сводится къ минимуму. Чѣмъ больше община вмѣшивается въ земельныя дѣла ея членовъ, тѣмъ меньше должна быть самая община. Поэтому, съ измѣненіемъ формъ землепользованія, исчезаетъ и сложная земельная община. Что касается до оплотнѣнія общины, то оно ведетъ за собою переходъ отъ тѣхъ формъ землепользованія, въ которыхъ община сводила свое вмѣшательство въ распоряженіе землей до ми-

БИБЛІОТЕКА ГОСУДАРСТВЕННАГО ИСТОРИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

нимума, къ тѣмъ формамъ, когда это вмѣшательство дѣлается бо́льшимъ и достигаетъ своего максимума при уравнительной формѣ.

Итакъ, исторически процессъ идетъ отъ вольной формы землепользованія къ уравнительной. Но прогрессивно ли это явленіе? Прогрессивнымъ надо считать всякое явленіе, которое увеличиваетъ сумму благъ, получаемыхъ людьми, и даетъ возможность существованію бо́льшаго числа людей. Въ данномъ случаѣ переходъ отъ вольнаго пользованія, когда земля эксплоатируется не вся и при томъ крайне экстенсивно, къ уравнительному, когда используется всякій клочекъ земли, создаетъ возможность жить на той же площади бо́льшему числу людей, т. е. является прогрессивнымъ. Сосредоточеніе благъ въ однѣхъ рукахъ уменьшаетъ количество ихъ въ другихъ, если общее количество ихъ ограничено, т. е. создаетъ условія, неблагопріятныя для увеличенія числа людей могущихъ пользоваться этими благами. Въ данномъ случаѣ земля является тѣмъ благомъ, которое имѣется въ строго ограниченномъ размѣрѣ. Пока ея было много, а населенія было мало, возможно было допускать свободный захватъ отдѣльными лицами произвольнаго количества земли. Когда же ея стало меньше, потому что населеніе возросло, то сосредоточеніе земли въ однѣхъ рукахъ ведетъ за собою сокращеніе числа лицъ, могущихъ пользоваться ею. Переходъ отъ вольной и захватной формы землепользованія прекращаетъ возможность сосредоточенія земли у отдѣльныхъ лицъ, даетъ возможность большему числу людей кормиться отъ земли и прикладывать къ ней трудъ. Уравнительная форма землепользованія дѣлаетъ землю, такъ сказать, болѣе ёмкой для населенія, а потому переходъ къ ней надо считать прогрессивнымъ явленіемъ и уравнительную форму землепользованія—высшей, чѣмъ прочія формы, вольную же—самой низшей, архаической, обреченной на исчезновеніе.

Отдѣльныя формы общиннаго землепользованія въ Забайкальской области, во-первыхъ, различны для разныхъ угодій, во-вторыхъ, различны у разныхъ группъ населенія.

Какъ общее правило, у всѣхъ группъ сельскаго населенія Забайкалья покосы являются той именно частью земельныхъ угодій, которая чаще всего встрѣчается въ ограниченномъ размѣрѣ; поэтому относительно формъ землепользованія покосы находятся въ высшей стадіи, чѣмъ прочія угодья. За ними слѣдуютъ пашни. На послѣднемъ мѣстѣ стоятъ выгоны, какъ угодья, чаще прочихъ, находящіяся въ изобиліи, и лѣса, какъ наименѣе цѣнные и имѣвшіеся пока повсюду въ изобиліи.

15 лѣтъ тому назадъ, во время производства изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области комиссіей статсъ-секретаря Куломзина, вольное сѣнокошеніе у инородцевъ было довольно распространеннымъ явленіемъ въ области. Авторомъ 10-го выпуска «Матеріаловъ» этой комиссіи («Формы землепользованія») М. Кролемъ, называется рядъ общинъ, въ которыхъ покосы косятся исключительно вольно. Въ настоящее время, многія изъ названныхъ имъ общинъ, напримѣръ, въ волостяхъ Маньковской, Хаоцайской, Кубдутской, Харганатской,—уже перешли къ другимъ формамъ пользованія покосами, главнымъ образомъ къ захватной. Вольная форма пользованія покосами, по скольку намъ извѣстно, сохранилась только для отдѣльныхъ, менѣе цѣнныхъ и непостоянныхъ покосовъ (т. е. косимыхъ не каждый годъ), находящихся въ изобиліи, напримѣръ, для степныхъ, и нигдѣ она не встрѣчается какъ общее правило, для всѣхъ покосовъ.

Основной, наиболѣе распространенной формой пользованія покосами у инородцевъ области является въ настоящее время уравнительная, затѣмъ—захватная и всѣ переходныя между ними формы.

Въ уравнительномъ пользованіи, съ періодическими (преимущественно—ежегодными) передѣлами находятся главнымъ образомъ болѣе цѣнные заливные, поливные и удобряемые покосы степные же, неогороженные покосы остаются въ вольномъ или захватномъ пользованіи. Такая форма пользованія (уравнительная, одновременно съ захватной и вольной) распространена, напримѣръ, въ западныхъ волостяхъ Селенгинскаго и Верхнеудинскаго уѣздовъ, во многихъ волостяхъ Читинскаго уѣзда. Захватная форма, съ переходами къ регулируемой и съ одновременнымъ существованіемъ вольной для малоцѣнныхъ покосовъ, является менѣе распространенной. Она встрѣчается, напримѣръ, у тунгусовъ Онгоцонской и Кужертаевской волостей, въ части булуковъ Кубдушской и Цугальской волостей. Усадебные покосы и телятники почти повсюду находятся въ захватномъ пользованіи, хотя на нихъ уже начинаетъ накладывать руку община, и мѣстами они уже входятъ въ общій передѣлъ.

Переходъ къ уравнительному пользованію въ большинствѣ общинъ совершился, повидимому, въ самое послѣднее время. Во время производства изслѣдованія комиссіей ст.-секр. Куломзина въ общинахъ кочевыхъ инородцевъ уравнительное пользованіе составляло рѣдкое явленіе; теперь же, наоборотъ, оно наиболѣе часто. Повсюду члену общины предоставляется право сдавать имѣющійся у него въ захватномъ пользованіи или получаемый при передѣлѣ покосъ въ аренду, хотя обычно это право ограничивается

или воспрещеніемъ сдавать покосъ постороннимъ, или воспрещеніемъ сдавать на срокъ болѣе одного года.

У крестьянъ и казаковъ наиболѣе распространенною формою пользованія покосами является уравнительная, преимущественно съ ежегодными передѣлами; только мѣстами, сравнительно рѣдко, сохранилась захватная форма пользованія всѣми покосами. Однако это касается только постоянныхъ покосовъ; случайные же—залежные и степные—часто остаются въ захватномъ или вольномъ пользованіи. Залежь большею частью остается въ пользованіи того, кому принадлежала брошенная пашня, рѣже — поступаетъ въ передѣлъ. Захватное пользованіе покосами сохранялось до послѣдняго времени въ приаргунскихъ селеніяхъ. Въ другихъ мѣстахъ оно дольше всего сохраняется для покосовъ, потребовавшихъ большого труда, напримѣръ, на лѣсныхъ расчистяхъ.

Такимъ образомъ, въ области наиболѣе распространенной формой пользованія постоянными покосами вообще является въ настоящее время уравнительная, а затѣмъ—захватная, при одновременномъ существованіи для непостоянныхъ покосовъ другихъ, менѣе совершенныхъ формъ общиннаго пользованія.

Пользованіе пашнями у кочевыхъ инородцевъ, уже переходящихъ къ осѣдлости,—напр., у бурятъ Барунъ-Харганатской, Оронгайской, Кудробурятской, частію другихъ западныхъ волостей,—повсюду уже отъ вольной формы перешло къ высшимъ, въ зависимости отъ большей или меньшей степени развитія земледѣлія и отъ степени общаго земельнаго утѣсненія. Въ нѣкоторыхъ булукахъ Оронгойской волости, Селенгинскаго уѣзда, на наличную душу мужского пола въ настоящее время приходится всего по 8 дес. удобной земли, т. е. меньше, чѣмъ у окрестныхъ казаковъ и крестьянъ. А рядомъ съ этимъ видимъ въ такихъ волостяхъ, какъ Барунъ-Харганатская, на душу приходится около 30 дес. земли.

Въ общинахъ съ меньшимъ общимъ просторомъ земли преобладающей формой пользованія пахотной землею является регулируемая, съ отводами и поравненіями земли, переходящая въ наиболѣе земледѣльческихъ общинахъ въ уравнительную, по крайней мѣрѣ для наиболѣе цѣнныхъ полянъ—поливныхъ и степныхъ; горныя же пашни и лѣсныя расчисти остаются въ захватномъ или регулируемомъ пользованіи. Таковы, напримѣръ, порядки въ большинствѣ земельныхъ общинъ Оронгайской волости.

Въ общинахъ съ большимъ просторомъ земли преобладаетъ регулируемая форма пользованія пашнями съ отводомъ и поравненіями, причемъ для менѣе цѣнныхъ пашенъ и для тѣхъ, къ расчисткѣ которыхъ приложено много труда, остается захватная форма пользо-

ванія. Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ земледѣліемъ занимаются сравнительно мало и оно не играетъ главной роли въ хозяйствѣ, преобладающей формой пользованія пашнями остается захватная, съ большей или меньшей степенью перехода къ регулируемой.

У инородцевъ осѣдлыхъ, главное занятіе которыхъ составляетъ земледѣліе, преобладающей формой пользованія пашнями является регулируемая, съ большей или меньшей степенью перехода къ уравнительной. Уравнительная встрѣчается сравнительно рѣдко, главнымъ образомъ по отношенію къ болѣе цѣннымъ пашнямъ; въ чистой формѣ захватная форма тоже сохранилась въ немногихъ общинахъ; чаще всего она остается для пашенъ, требующихъ приложенія труда для расчистки (лѣсныя расчисти), при существованіи регулируемой формы для прочихъ пашенъ.

За 15 лѣтъ, прошедшихъ со времени работъ экспедиціи Куломзина, у инородцевъ произошли крупныя измѣненія въ формахъ пользованія пашнями, въ сторону перехода къ высшимъ формамъ. Тогда преобладающей формой пользованія пашнями была захватная, рѣже—регулируемая; теперь—наоборотъ. Исключеніе составляютъ волости съ чисто кочевымъ, неземледѣльческимъ населеніемъ, въ которыхъ никакихъ измѣненій въ формахъ пользованія пашнями за эти лѣтъ 15 не произошло. У крестьянъ формы пользованія пашнями крайне разнообразны, въ зависимости отъ количества пахатныхъ угодій. Наибольшее утѣсненіе видимъ въ части Верхнеудинскаго уѣзда, по р. р. Читѣ, Хилкѣ и Селенгѣ, и въ Селенгинскомъ уѣздѣ. Здѣсь во многихъ общинахъ пахотной земли очень мало, часто—до 2 дес. на 1 душу. Понятно, что при такихъ условіяхъ нужда въ пашняхъ большая, и онѣ имѣютъ здѣсь большую цѣнность; поэтому преобладающей формой пользованія ими является уравнительная или регулируемая, съ поравненіями и отводомъ; только лѣсныя расчистки остаются или въ захватномъ (при регулируемомъ для прочихъ пашенъ) или въ регулируемомъ пользованіи (при уравнительномъ). Въ восточной части Забайкалья нѣтъ такого земельнаго утѣсненія, какъ въ западной. Поэтому наиболѣе распространенной формой пользованія пашнями является регулируемая, въ разныхъ стадіяхъ перехода отъ захватной къ уравнительной, рѣже—захватная и еще рѣже—уравнительная. Лѣсныя расчистки опять-таки повсюду находятся въ низшей стадіи пользованія, чаще—захватной; рѣже встрѣчается отводъ. Большихъ измѣненій въ формахъ пользованія пашнями у крестьянъ за послѣднія 15 лѣтъ, повидимому, не произошло. Въ общемъ картина пользованія, нарисованная изслѣдованіемъ комиссіи Куломзина, остается тою же и для настоящаго времени, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь стало больше слу-

чаевъ уравнительнаго пользованія и почти исчезло вольное и захватное пользованіе главными пахатными угодьями.

У казаковъ формы землепользованія, въ общемъ, распредѣляются такъ же, какъ у крестьянъ: въ восточномъ Забайкальѣ—болѣе отсталыя, въ западномъ—наоборотъ. Причина этого лежитъ въ большемъ многоземельи казаковъ восточнаго Забайкалья, сравнительно съ западнымъ. Однако отличіе казачьяго землепользованія отъ крестьянскаго значительно, благодаря тому, что казаки по обезпеченности землей стоятъ значительно выше крестьянъ. Во время изслѣдованія, произведеннаго экспедиціей Куломзина, въ восточной части Забайкалья преобладающей формой пользованія пашнями у казаковъ была захватная: она существовала почти въ $^{9}/_{10}$ казачьихъ земельныхъ общинъ. Уравнительная форма и переходныя отъ уравнительной къ захватной (регулируемая) встрѣчались какъ исключеніе. Въ западномъ Забайкальѣ тоже преобладала захватная форма, хотя встрѣчались уже и другія формы пользованія пашнями. Въ настоящее время въ значительной части казачьихъ поселковъ восточнаго Забайкалья остается для пахотныхъ угодій захватная форма. Однако болѣе распространеннымъ является не чистый захватъ, а ограниченный отводомъ и даже поравненіями, т. е. захватъ регулируемый, въ большей или меньшей степени приближенія къ захватной или къ уравнительной формѣ. Въ западномъ Забайкальѣ захватная форма въ чистомъ видѣ у казаковъ сохранилась рѣдко, главнымъ образомъ для лѣсныхъ расчистей; наиболѣе распространенной является регулируемая форма въ стадіяхъ, приближающихъ ее къ уравнительной, т. е. съ поравненіями. Передѣлы пашенъ (уравнительная форма) у казаковъ въ западномъ Забайкальѣ становятся довольно распространеннымъ явленіемъ; тоже—во многихъ мѣстахъ восточнаго Забайкалья съ болѣе скученнымъ населеніемъ (напримѣръ, по Шилкѣ). Но повсюду лѣсныя расчисти остаются въ болѣе отсталой формѣ пользованія, чаще—въ захватной, неограничиваемой ничѣмъ, или ограничиваемой отводомъ и болѣе или менѣе продолжительнымъ срокомъ владѣнія. Наиболѣе распространенной формой регулированія пользованія у казаковъ является ограниченіе срока оставленія пашни въ залежи, по истеченіи котораго земля, не распаханная вновь прежнимъ хозяиномъ, или поступаетъ въ общину, или захватывается желающимъ. Поравненіе и передѣлы чаще всего практикуются по отношенію къ наиболѣе цѣннымъ пашнямъ—поливнымъ, рѣже—къ лучшимъ старопашкамъ.

Выгоны у кочевыхъ инородцевъ играютъ главную роль, потому что кочевники бо́льшую часть года держатъ скотъ на выпасѣ; сѣномъ же только прикармливаютъ его, когда становится на выгонѣ

недостаточно ветошнаго корма. По даннымъ послѣднихъ статистическихъ изслѣдованій чисто кочевые инородцы далеко не всѣ заготовляютъ сѣно на зиму. Тѣ инородцы, которые косятъ сѣно, накашиваютъ его ничтожное количество, совершенно недостаточное для правильнаго кормленія скота въ теченіе зимы (напримѣръ 15—30 пуд. на 1 кормежную единицу, равную 1 взрослой лошади). Понятно, что при такихъ условіяхъ не всѣ кочевые инородцы заинтересованы въ пользованіи покосомъ, и нужда въ покосѣ инородцевъ не такъ велика, какъ нужда въ достаточномъ количествѣ и хорошемъ качествѣ выпаса. Поэтому, казалось бы, формы пользованія пастбищами у кочевниковъ должны были бы дальше зайти въ своемъ развитіи, чѣмъ формы пользованія другими угодьями. На дѣлѣ этого нѣтъ. Причина этого лежитъ прежде всего въ значительномъ многоземельи у большинства кочевниковъ-скотоводовъ, а кромѣ того, несомнѣнно, и въ отмѣченномъ статистикой фактѣ значительнаго сокращенія скотоводства у инородцевъ за послѣднія 10—15 лѣтъ, уменьшающаго потребность въ выгонахъ. Понятно, что землеустройство, ограничивъ землепользованіе инородцевъ, вызоветъ у нихъ нужду въ пастбищахъ и побудитъ ихъ къ установленію ограниченій въ свободномъ пользованіи выгонами, чего такъ боятся богатые скотомъ кочевники-богатѣи. Пока стѣсненій въ этомъ отношеніи очень мало, и выгонами пользуются всѣ общинники въ предѣлахъ общины вольно, безо всякихъ ограниченій; какъ мы отмѣтили выше, сохранились даже остатки прежней родовой или волостной общины. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ право въ засушные годы перегонять скотъ за предѣлы своей общины было общимъ явленіемъ. Теперь это далеко не такъ. Кочевье большинства жителей находятся въ строго опредѣленной территоріи.

Одною изъ причинъ, почему общинное пользованіе покосами ушло въ своемъ развитіи далѣе, чѣмъ пользованіе другими угодьями является еще то обстоятельство, что къ лугамъ обычно не прилагается никакого труда, кромѣ труда огораживанія и уборки. Благодаря этому право на захватъ, основывающееся большею частью на томъ, что на данный участокъ земли затрачено домохозяиномъ извѣстное количество труда, для луговъ встрѣчается рѣже, чѣмъ для другихъ видовъ угодій. Другая причина заключается въ томъ, что покосы представляютъ изъ себя угодья съ крайне измѣнчивой, въ зависимости отъ метеорологическихъ условій даннаго года, урожайностью и доходностью. Поэтому цѣнность отдѣльныхъ частей покосовъ каждогодно измѣняется, и для большинства населенія выгоднѣе постоянныя поравненія и передѣлы луговъ по качеству выросшей ѣже травы, чѣмъ захватъ ихъ въ продолжительное пользованіе, съ

рискомъ получить полный неурожай на захваченномъ участкѣ, въ то время какъ на другихъ участкахъ будетъ урожай.

Формы пользованія пашней у инородцевъ различны, въ зависимости, прежде всего, отъ главнаго занятія ихъ: у кочевниковъ, мало или почти не занимающихся земледѣліемъ, нужда въ пашняхъ меньше, а потому пользованіе ими носитъ болѣе первобытный характеръ. Чѣмъ болѣе кочевники переходятъ къ осѣдлости и чѣмъ бо́льшую роль въ ихъ хозяйствѣ начинаетъ играть земледѣліе, тѣмъ болѣе развиваются у нихъ высшія формы пользованія пашнями; у осѣдлыхъ инородцевъ, главнымъ занятіемъ которыхъ является земледѣліе, формы пользованія пашнями болѣе приближаются къ крестьянскимъ. У кочевыхъ инородцевъ, совершенно не занимающихся земледѣліемъ какъ промысломъ, распахивающихъ ничтожные клочки для нуждъ собственнаго потребленія, пользованіе пашнями—вольное, нестѣсненное почти никакими правилами. Только въ одномъ отношеніи является нѣкоторое стѣсненіе: такъ какъ для общины главное значеніе имѣютъ покосы, то часто воспрещается распашка постоянныхъ покосовъ; распашка же выгоновъ не стѣсняется никакими ограниченіями. Кочуютъ въ предѣлахъ своей общины, и только исключительные годы заставляютъ жителей измѣнить привычный путь кочевій и переселиться со скотомъ въ чужія общины. Да еще богатые и вліятельные инородцы по прежнему мало смущаются границами земельныхъ общинъ, перегоняя скотъ изъ одной общины въ другую, хотя съ этой стороны съ каждымъ годомъ создаются все бо́льшія ограниченія, особенно въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ отъ былого земельнаго простора не осталось ничего.

Кромѣ ограниченія права перегона скота въ нормальные годы изъ сосѣдней общины, въ право вольнаго пользованія пастбищами постепенно вводится рядъ другихъ ограниченій: сперва—ограниченіе права набирать для пастьбы чужой скотъ, затѣмъ—вообще ограниченіе числа головъ скота, которое можетъ содержать данное лицо. Перваго рода ограниченіе теперь довольно распространено; второе—пока исключительное, рѣдкое явленіе. Важнымъ ограниченіемъ вольнаго пользованія выгонами у кочевыхъ инородцевъ является вмѣшательство общины въ захватъ выгоновъ отдѣльными общинниками подъ телятники и хошаны, т. е. огороженныя мѣста, предназначенныя для выпаса телятъ или для сбереженія ветоши на зиму. Община прежде всего накладываетъ свою руку на это право, которое, при извѣстномъ утѣсненіи въ покосахъ, является очень чувствительнымъ минусомъ въ пользованіи большинства членовъ общины. Право огораживать телятники ограничивается опредѣленнымъ размѣромъ, а потомъ община начинаетъ

отводить участки подъ телятники и уравнивать ихъ поравненіями. Для телятниковъ создается регулируемая форма пользованія взамѣнъ захватной. Въ общемъ для выгоновъ у инородцевъ преобладаетъ вольная форма, съ переходами къ регулируемой.

У крестьянъ пастбища тоже находятся въ общемъ, нераздѣльномъ пользованіи всей общины; нѣсколько селеній, для уменьшенія городьбы поскотины, часто соединяются въ одну сложную общину, имѣющую общій выгонъ. Пользованіе выгономъ—свободное, хотя появляются такія же, какъ у инородцевъ, ограниченія въ правѣ выпаса. Такъ какъ у крестьянъ выгоны имѣютъ меньшее значеніе, чѣмъ у скотоводовъ-инородцевъ, то вполнѣ понятно, почему, не смотря на то, что у первыхъ площадь выгоновъ значительно меньше, чѣмъ у вторыхъ, формы пользованія ими у крестьянъ мало отличаются отъ формъ пользованія у инородцевъ и въ своемъ развитіи не ушли дальше послѣднихъ.

Тоже самое можно сказать о формахъ пользованія выгонами у казаковъ. Многоземельныя общины казаковъ являются какъ разъ наиболѣе богатыми скотомъ, чисто скотоводческими, слѣдовательно,—приближающимися, по своимъ нуждамъ, къ кочевому инородческому хозяйству и имѣютъ, какъ и послѣднее, большую потребность въ значительной площади выгоновъ. Остальныя казачьи земельныя общины являются земледѣльческими; онѣ бѣднѣе скотомъ и приближаются по своимъ потребностямъ къ крестьянскому хозяйству, т. е. менѣе нуждаются въ большой площади выгоновъ. Поэтому и у казаковъ форма пользованія выгонами пока остается преимущественно вольною, рѣже—съ вышеназванными ограниченіями.

Формы пользованія усадьбами носятъ особый характеръ, такъ какъ усадьба, занятая постройками, не можетъ вступать въ общій передѣлъ. Высшая степень вмѣшательства общины во владѣніе усадьбою можетъ выразиться только въ поравненіяхъ, въ отобраніи излишней усадьбы. Преобладающимъ типомъ пользованія усадьбами у осѣдлыхъ инородцевъ, казаковъ и крестьянъ не такъ давно являлась и во многихъ мѣстахъ и до сихъ поръ является захватная: всякій захватываетъ себѣ усадьбу по своему усмотрѣнію, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ, пользуется ею пожизненно, передаетъ по наслѣдству, можетъ сдавать ее въ аренду и продавать ее. Однако повсюду уже введены или вводятся ограниченія, приближающія форму пользованія усадьбою къ регулируемой: сперва дѣлаются ограниченія права продажи и сдачи въ аренду, потомъ — передачи по наслѣдству, а затѣмъ уже вводятся ограниченія въ право захвата произвольной площади подъ усадьбу; захватъ замѣняется

отводомъ и, наконецъ, какъ наивысшее ограниченія, производятся періодически поравненія и раздѣлы слишкомъ большихъ усадебныхъ мѣстъ. Въ настоящее время чисто захватное пользованіе усадьбами уже не составляетъ общаго правила, а таковымъ является регулируемое пользованіе, съ большей или меньшей степенью перехода къ уравнительной, въ зависимости отъ мѣстоположенія селенія: если расширеніе селенія стѣснено мѣстными топографическими условіями, то ограниченія пользованія усадьбами бо̀льшія, если же селеніе можетъ свободно расширяться, то этихъ ограниченій мало или почти совсѣмъ нѣтъ.

У кочевниковъ-инородцевъ подъ усадьбами надо подразумѣвать мѣста, занятыя постройками и пригонами на зимникахъ, лѣтникахъ, осенникахъ и весенникахъ, гдѣ тѣ и другіе существуютъ. Если кочевники живутъ преимущественно въ подвижныхъ юртахъ, какъ это часто встрѣчается въ степной (безлѣсной) части восточнаго Забайкалья, то строго опредѣленныхъ стойбищъ у нихъ нѣтъ и, слѣдовательно, нѣтъ строго опредѣленныхъ усадьбъ. Право занятія мѣстъ подъ такое стойбище остается вольнымъ: кто гдѣ хочетъ, тамъ и ставитъ свою юрту. Это—вольное пользованіе. Тамъ, гдѣ войлочныя юрты замѣняются деревянными, а тѣмъ болѣе—домами, усадьбы пріобрѣтаются въ опредѣленное пользованіе, и ихъ перенести становится труднѣе. Создается захватное наслѣдственное пользованіе усадьбами, очень рѣдко ограничиваемое отводомъ. За послѣднія 10—15 лѣтъ замѣчается регистрируемое статистическими данными явленіе перехода кочевниковъ бурятъ отъ войлочной юрты къ деревянной, а отъ этой послѣдней—къ домамъ, т. е. отъ болѣе подвижного состоянія въ состояніе болѣе прикрѣпленное къ землѣ. Соотвѣтственно съ этимъ исчезаетъ вольное пользованіе усадебными мѣстами и учащаются факты ограниченія права свободнаго захвата ихъ.

Лѣса рѣшительно у всѣхъ группъ населенія Забайкалья, во время изслѣдованія комиссіи ст.-секр. Куломзина, находились въ вольномъ пользованіи даже не данной общины, а всѣхъ окрестныхъ общинъ. Съ тѣхъ поръ очень многое перемѣнилось въ жизни области. Во-первыхъ, вслѣдствіи проведенія желѣзной дороги явился спросъ на лѣсной матеріалъ, и здѣсь лѣса пріобрѣли цѣнность, которой они ранѣе не имѣли. Во-вторыхъ, спросъ на лѣсные матеріалы вызвалъ усиленную вырубку лѣсовъ вблизи желѣзной дороги и сплавныхъ рѣкъ. Въ-третьихъ, еще больше сократилась площадь лѣсовъ отъ каждогодныхъ лѣсныхъ пожаровъ, часто начинающихся отъ искръ паровозовъ и ежегодно истребляющихъ сотни тысячъ десятинъ лѣса. Въ-четвертыхъ, землеустройство сильно ограничиваетъ поль-

зованіе лѣсами мѣстнаго населенія, такъ какъ при надѣленіи землей отводится всего по 3 дес. лѣса на 1 душу мужскаго пола; излишній же лѣсъ поступаетъ въ распоряженіи казны или кабинета Его Величества, послѣ чего принимаются всѣ возможныя мѣры къ прекращенію вольнаго пользованія остающимися за населеніемъ лѣсами. Все это привело къ тому, что теперь лѣса далеко не находятся въ такомъ неограниченномъ количествѣ у населенія и не такъ малоцѣнны, какъ это было еще недавно. Въ близкомъ будущемъ встаетъ передъ населеніе угроза нужды въ лѣсѣ. Соотвѣтственно этому должны измѣняться формы пользованія лѣсомъ и должна исчезнуть вольная форма. Мѣстами она уже исчезла. Право всякаго рубить, сколько и гдѣ хочетъ, стѣснено ограниченіями: рубить только для себя, но не для продажи, рубить строго опредѣленное количество лѣса и въ опредѣленномъ мѣстѣ и т. п. Словомъ, создается регулируемая форма пользованія лѣсомъ, переходящая постепенно въ уравнительную, когда лѣсъ, предназначенный въ рубку, будетъ дѣлиться «по душамъ» между общинами.

Право сбора кедрового орѣха въ тайгѣ пока ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняется, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ оставленія заповѣдныхъ кедровниковъ, которые для сбора орѣха дѣлятся «по душамъ». Право охоты въ лѣсахъ, озерахъ и рѣкахъ на звѣря и дичь до сихъ поръ тоже ничѣмъ не ограничено. Однако, въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ пушный промыселъ и охота вообще составляютъ главное занятіе жителей, какъ у ороченъ въ Баргузинской тайгѣ, или гдѣ онъ является важнымъ подсобнымъ промысломъ, естественно создались нѣкоторыя ограниченія: всеобщее право охоты по всей тайгѣ замѣнилось раздѣленіемъ тайги на опредѣленныя урочища, предоставляемыя для охоты отдѣльнымъ обществамъ или родамъ ороченъ или другихъ мѣстныхъ жителей и строго оберегаемыя отъ захода въ нихъ чужихъ охотниковъ. Сложная охотничья земельная община разбилась на составныя мелкія единицы.

Пользованіе рыболовными угодьями, какъ показало послѣднее изслѣдованіе, произведенное нами по порученію Амурской экспедиціи, въ большей части Забайкалья вольное: всякій ловитъ рыбу, гдѣ, когда и какими способами хочетъ; однако, это вольное пользованіе остается только тамъ, гдѣ рыболовство носитъ характеръ не промышленый, а чисто потребительный. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рыболовство приняло характеръ промысловый, какъ напр. на Байкалѣ, Селенгѣ, Еравинскихъ озерахъ, Аргуни и Шилкѣ, вольное пользованіе подверглось ряду ограниченій, въ зависимости отъ того значенія въ экономикѣ населенія, какое имѣетъ рыбный промыселъ: гдѣ онъ является главнымъ средствомъ существованія, какъ въ при-

байкальскихъ мѣстностяхъ, тамъ этихъ ограниченій больше, въ прочихъ мѣстностьяхъ—меньше.

Изъ обзора формъ землепользованія, существующихъ въ Забайкальѣ, видно, что здѣсь совершенно отсутствуетъ подворное владѣніе, имѣются же исключительно только разнообразныя формы общиннаго землепользованія.

Можетъ-ли захватная форма землепользованія, при извѣстныхъ условіяхъ — напримѣръ, при изданіи соотвѣтствующаго закона, перейти не въ общинную-уравнительную, а въ частновладѣльческую-подворную?

Вопросъ этотъ является теперь злободневнымъ, и потому пріобрѣтаетъ особенный интересъ. Сходамъ крестьянъ и инородцевъ предоставляется (Положеніе о поземельномъ устройствѣ водворенныхъ въ Забайкальской области крестьянъ и инородцевъ ст. 225, св. зак., т. IX, особ. прил. къ кн. VI, изд. 1902 г. и по прод. 1906 г.), передѣлять угодья, и тамъ, гдѣ существуетъ общинное пользованіе землей, замѣнять таковое участковымъ или подворнымъ (наслѣдственнымъ) по согласію на то не менѣе двухъ-третей домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

Если бы потребность въ подворномъ раздѣлѣ выдвигалась жизнью, еслибы экономическія условія толкали населеніе на этотъ путь, то большинство двухъ третей на сходѣ всегда явилось бы. Однако на дѣлѣ нигдѣ въ Забайкальѣ подворнаго владѣнія землею нѣтъ; всюду остается общинное, въ той или иной формѣ. Даже для такихъ угодій, которыя, казалось бы, наиболѣе приближаются къ типу подворнаго пользованія, какъ усадьбы, въ области совершенно нѣтъ подворнаго владѣнія, а имѣются тоже разной формы общиннаго. И не только не замѣтно стремленія перейти къ подворному, а наоборотъ, община съ каждымъ годомъ увеличиваетъ свое вмѣшательство въ право ея отдѣльныхъ членовъ пользоваться усадебною землею.

Какъ мы видѣли выше, разница между захватной формой землепользованія и подворнымъ владѣніемъ огромная. Возможенъ ли непосредственный переходъ отъ первой ко второй? На этотъ вопросъ отвѣтъ простой: 1) для такого перехода пока нѣтъ экономическихъ условій, иначе попытки къ нему проявились бы; 2) для него необходимо пересоздать всю психологію забайкальца-общинника, сложившуюся не вчера, а рядомъ поколѣній. Конечно, еслибы предоставить отдѣльнымъ лицамъ право выходить изъ общины, съ сохраненіемъ всей находящейся въ ихъ владѣніи земли, наиболѣе богатые общинники, захватившіе большіе и лучшіе участки, охотно воспользовались бы этимъ правомъ; но дѣло въ томъ,

что при выходѣ изъ общины, они не получаютъ всей захваченной ими земли, а столько, сколько придется имъ по разверсткѣ. При захватномъ пользованіи богатые люди владѣютъ обычно большимъ количествомъ земли, чѣмъ имъ возможно получить по числу душъ въ семьѣ. Только при переходѣ къ уравнительному пользованію является ограниченіе этого пользованія. Если бы ограниченіе производилось сразу, то естественнымъ было бы стремленіе многодушныхъ семей выдѣлиться изъ общины, но такъ какъ переходъ отъ захватнаго пользованія къ уравнительному совершается постепенно и почти незамѣтно, то такого стремленія незамѣтно. Пока существуетъ захватная форма пользованія, для болѣе богатыхъ людей невыгодно выдѣляться изъ общины.

Говорятъ, что по своей психологіи сибирякъ—индивидуалистъ, а не общинникъ. На какомъ основаніи это говорится, когда мы не видимъ здѣсь иной формы землепользованія, кромѣ общинной, когда фактовъ перехода къ подворному владѣнію нѣтъ,—трудно сказать. А вѣдь психологія сказывается прежде всего въ фактахъ экономическихъ, хозяйственныхъ и образуется подъ ихъ вліяніемъ. Вся жизнь забайкальца до сихъ поръ складывалась и складывается такъ, что наиболѣе выгодною для большинства формою пользованія землею являлась и является общинная, а отнюдь не подворная, Интересы богатыхъ скотоводовъ и земледѣльцевъ побуждаютъ ихъ стремиться къ возстановленію сложной волостной общины, а ужъ никакъ не къ разрушенію сельской. Если богатые кочевники заявляютъ, что съ раздѣломъ земли по сельскимъ общинамъ падетъ скотоводство и они раззорятся, то что было бы съ ихъ тысячными стадами, если бы инородцы вздумали подѣлить землю подворно? Что сдѣлалъ бы, напр., какой-нибудь, Дылыковъ или Цибыковъ, имѣющій, 3 муж. души, на отведенныхъ ему 90 дес. надѣла (возможный максимумъ—30 дес. на душу), со своими 500 гол. лошадей, 1000 гол. крупнаго рогатаго скота и 1000 гол. овецъ? Тоже можно сказать о богатомъ крестьянинѣ-заимочникѣ. Интересъ богатыхъ, наиболѣе сильныхъ въ экономическомъ отношеніи такихъ хозяйствъ—не въ переходѣ къ подворному владѣнію, а, наоборотъ, въ возвратѣ къ старымъ формамъ владѣнія и пользованія: къ сложнымъ общинамъ, къ захватному и вольному пользованію.

Если въ чьихъ-нибудь интересахъ и можетъ быть подворное владѣніе, то только въ интересахъ окончательно раззорившейся бѣдноты, бросившей землю и ушедшей на заработки; такъ называемыя отсутствующія хозяйства очень охотно выдѣлились бы изъ общины, чтобы сдать полученный участокъ въ аренду или продать его, потому что иначе они не могутъ осуществить

свое право на землю, къ которой не прилагаютъ и не могутъ прилагать труда. Выдѣлъ изъ общины и подворное разверстаніе общиныхъ земель выгодны въ Забайкальѣ какъ разъ тому слою населенія, пока крайне небольшому по числу, который разорвалъ навсегда связь съ землей. Это надо имѣть въ виду при разработкѣ въ законодательномъ порядкѣ вопроса о судьбѣ сибирской общины: если цѣлью разрушенія общины является образованіе экономически сильныхъ хозяйствъ, «ставка на сильныхъ», то такая цѣль въ данномъ случаѣ достигнута не будетъ, а явится, наоборотъ, «ставка на слабыхъ», на обнищавшій деревенскій пролетаріатъ [1]).

Итакъ, существованіе въ Сибири вообще, а въ Забайкальѣ въ частности вольнаго и захватнаго пользованія, во внѣшнихъ проявленіяхъ имѣющаго много общаго съ подворнымъ владѣніемъ, не указываетъ на возможность быстраго созданія въ Сибири и въ Забайкальѣ подворнаго и хуторского владѣнія.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о формахъ землепользованія у переселенцевъ, водворившихся въ Забайкальской области, и о возможности созданія среди нихъ хуторского хозяйства. Въ Забайкальскую область за 3 послѣдніе года, въ теченіе которыхъ шло здѣсь водвореніе переселенцевъ, водворено 3700 душъ обоего пола. Большинство ихъ—изъ южно-русскихъ губерній, т. е. изъ района господства подворнаго владѣнія. Такимъ образомъ, психологіи общинника у многихъ забайкальскихъ переселенцевъ, можно сказать, нѣтъ, а есть, наоборотъ, психологія подворнаго владѣльца. Что же мы видимъ на дѣлѣ? До сихъ поръ на всѣхъ заселенныхъ участкахъ переселенцы пользуются землей на общинныхъ началахъ, при чемъ основными формами пользованія являются пока вольная и захватная, хотя въ нѣкоторыхъ болѣе заселенныхъ поселкахъ для покосовъ уже создана уравнительная форма пользованія. Причина преобладанія двухъ первыхъ формъ та, что большая часть участковъ еще не заполнена, разобрана только часть долей, почему земельный просторъ—полный.

У сосѣднихъ крестьянъ, инородцевъ и казаковъ форма пользованія пашнями преимущественно захватная, лугами—уравнительная; такимъ образомъ переселенцы экономическими условіями даннаго раіона вынуждены обратиться къ существующимъ въ немъ фор-

---

[1]) На сельскохозяйственномъ съѣздѣ, бывшемъ въ Читѣ въ мартѣ этого года, по предложенію членовъ съѣзда представителей отъ казачьяго, крестьянскаго и инородческаго населенія, единогласно рѣшено было снять съ очереди докладъ г. Госькова „О хуторскомъ и отрубномъ хозяйствѣ", въ которомъ авторомъ проводилась мысль о необходимости разверстанія общинныхъ земель въ Забайкальѣ на хутора и отруба въ личное владѣніе.

мамъ землепользованія и должны забыть про подворное владѣніе. Характеренъ для психологіи водворившихся переселенцевъ слѣдующій фактъ. На одномъ изъ участковъ Нерчинскаго подраіона. Талокенскомъ, поселились нѣмцы изъ юго-западной Россіи. На родинѣ они имѣли землю въ вѣчномъ подворномъ владѣніи, или арендовали ее, или, чаще всего, совсѣмъ не имѣли земли, были батраками въ чужомъ хозяйствѣ. Казалось бы, лучшихъ условій для установленія индивидуальнаго пользованія не можетъ быть. Между тѣмъ эти нѣмцы владѣютъ землей на общинныхъ началахъ и о подворномъ пользованіи даже не думаютъ; пользуются всѣми угодьями вольно, только покосы передѣляютъ. Правда, вообще еще не сложилась окончательно у переселенцевъ форма землепользованія и сложится, вѣроятно, не такъ скоро, но уже первые шаги въ этомъ направленіи знаменательны: они идутъ не въ сторону индивидуализаціи хозяйства, а въ сторону созданія общиннаго пользованія.

Какъ характерное явленіе, отмѣтимъ существованіе у переселенцевъ неоффиціальныхъ сельско-хозяйственныхъ артелей: нѣсколько домохозяевъ, болѣе бѣдныхъ, совмѣстно обрабатываютъ землю, имѣютъ общій скотъ, общій инвентарь и т. д. Обобществленіе переселенцевъ идетъ, слѣдовательно, даже дальше земельной общины, распространяясь до организаціи производительныхъ артелей. Послѣднія вполнѣ понятны въ новыхъ, тяжелыхъ для новосела условіяхъ хозяйства. Только сильныя хозяйства могутъ съ успѣхомъ побороть трудности устройства на новыхъ мѣстахъ; поэтому естественно объединеніе маломощныхъ хозяйствъ для совмѣстной работы. Жизнь на новомъ мѣстѣ не только не вырабатываетъ у переселенца индивидуалистическихъ тенденцій, а, наоборотъ, создаетъ общественныя тенденціи и заглушаетъ обратныя имъ.

Вопросъ о возможности образованія въ Забайкальѣ прочныхъ хуторскихъ переселенческихъ участковъ мы не будемъ разсматривать съ чисто технической стороны — со стороны возможности по мѣстнымъ топографическимъ условіямъ образованія большого числа такихъ участковъ: общее мнѣніе спеціалистовъ таково, что здѣсь нельзя образовать много хуторскихъ участковъ. Мы коснемся только возможности заселенія и существованія хуторскихъ хозяйствъ.

Не успѣли еще открыть для переселенія хуторскіе участки, какъ для занятіи ихъ явились уже желающіе. Но кто эти желающіе? Преимущественно—лица, живущія въ области на заработкахъ, сельскимъ хозяйствомъ не занимающіяся. Для нихъ прямой смыслъ пріобрѣсти здѣсь землю, и именно въ хуторскомъ участкѣ, а не въ общинномъ, потому что эксплоатировать землю они въ большинствѣ случаевъ сами не будутъ, а будутъ сдавать ее въ аренду. Участки

будутъ заняты, но элементомъ, который сельскимъ хозяйствомъ не занимается и который на нихъ жить большею частью не будетъ.

Подводя итоги сказанному въ настоящей статьѣ, мы заключаемъ, что земельная община въ Забайкальской области измѣняется въ направленіи къ большему усиленію вліянія общины; разрушается первобытная сложная община; внутриобщинныя земельныя отношенія отъ неопредѣленныхъ, не связанныхъ никакими правилами, переходятъ постепенно къ опредѣленнымъ, уравнительнымъ, при которыхъ вмѣшательство общины въ земельныя отношенія является наиболѣе полнымъ. Подворное владѣніе при настоящихъ условіяхъ въ Забайкальѣ невозможно и введеніе его было бы выгодно не для массы населенія, а только для той части его, которая теперь уже не имѣетъ никакого отношенія къ землѣ, порвала съ нею связь.

Наша статья носитъ конспективный характеръ; затронутый нами вопросъ слишкомъ обширенъ для журнальной статьи и требуетъ для полнаго освѣщенія спеціальной, большой работы. Нашей задачей было хоть отчасти освѣтить его, имѣя въ виду большую важность такого освѣщенія, вслѣдствіе возникновенія проекта распространить на Сибирь, и въ частности—на Забайкалье, законъ о выдѣлѣ изъ общины и вообще оказать воздѣйствіе на разрушеніе сибирской деревенской земельной общины.

В. В. Солдатовъ.

Чита.

ИЗЪ НАУЧНОЙ ЛѢТОПИСИ 1912 ГОДА.

(*Окончаніе*) [1]).

Отбой мендельянцевъ.

Мнѣ уже не разъ приходилось говорить на страницахъ «В. Е.» о менделизмѣ и особенно объ увлеченіяхъ мендельянцевъ, пытающихся придать этому ученію, имѣющему очень ограниченную область примѣненія, какое-то чуть не универсальное значеніе. Особенно этимъ увлеченіемъ заражена небольшая кучка англійскихъ зоологовъ и ботаниковъ—Бэтсонъ и его подголоски, разные Пунеты и Донка-

1) См. мартъ, стр. 317.

стеры, Локи и Кибли [1]). Они, не стѣсняясь, величаютъ сдѣлавшаго за всю жизнь небольшое, но хорошее изслѣдованіе, скромнаго брюнскаго монаха—вторымъ Пастеромъ, вторымъ Ньютономъ, затмившимъ и заслонившимъ собою значеніе Дарвина. Каждый разъ, когда мнѣ приходилось касаться этого вопроса, я указывалъ на то, что ученіе Менделя не только смѣшно даже и сравнивать съ такимъ дѣйствительно универсальнымъ ученіемъ, какъ дарвинизмъ, но что оно даже не играетъ той роли, которую ему приписываютъ въ болѣе ограниченной области ученія о наслѣдственности. А главное, я каждый разъ указывалъ, что менделизмъ самъ по себѣ не въ состояніи разрѣшать тѣхъ задачъ, за которыя берется, и въ концѣ концовъ будетъ вынужденъ обратиться за помощью къ физіологіи и химіи [2]). Такъ и случилось. Рѣчь, произнесенная на послѣднемъ собраніи британской ассоціаціи (Въ Дунди. См. «В. Е.», мартъ, 318), является яркимъ тому доказательствомъ.

Эта рѣчь представляетъ двѣ очень неравномѣрныя части, первую», занимающую,примѣрно, три четверти, посвященную похвальбѣ этой фанатической кучкѣ ученыхъ, считающей себя самымъ выдающимся явленіемъ во всей области современной біологіи, и второй части, посвященной интересному фактическому разсказу о томъ, какъ мендельянцы попали въ тупикъ и какъ химики ихъ изъ него выручили.

Кибль начинаетъ свою рѣчь съ облюбленной его учителемъ Бэтсономъ темы о дѣленіи англійскихъ ученыхъ на викторіанцевъ

---

[1]) Имъ въ послѣднее время особенно повезло у насъ. Московскіе зоологи стали ихъ переводить и при томъ не самого главу—Бэтсона, а его сподручныхъ. А между тѣмъ на русскомъ языкѣ уже десять лѣтъ тому назадъ появилось превосходное изложеніе изслѣдованій *Менделя* («*Очерки по вопросамъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ*». Академика И. П. Бородина. Спб., 1903 г.), когда они еще были новинкой. Новое изданіе этой небольшой книжечки было бы несравненно полезнѣе переводовъ произведеній бэтсоніянцевъ, только знающихъ «jurare in verba magistri». Критическое научное отношеніе нашего ботаника производитъ освѣжающее впечатлѣніе въ сравненіи съ сектантствомъ современныхъ авторовъ не только англійскихъ, но и нѣмецкихъ. Стóитъ указать хотя бы на слѣдующій фактъ. Одинъ изъ наиболѣе модныхъ писателей въ этой области, проф. Бауэръ, взялъ эпиграфомъ своей книги глупо-самонадѣянныя слова, которыми когда-то обмолвился Сакс: «*Слушатели* (а, значитъ, и читатели книги) *хотятъ и должны только знать, какъ слагается наука въ головѣ лектора; совершенно несущественно, такъ или иначе думаютъ другіе*». Наука, какъ дѣло личнаго усмотрѣнія, наука, не считающаяся съ критикой, куда можетъ довести такое самодовольное одичаніе, а между тѣмъ нашелся критикъ, который усматриваетъ въ такомъ отношеніи автора къ своей задачѣ какую-то «angenehme Subjectivität».

[2]) См. ниже.

и новыхъ (должно быть георгіанцевъ, если выдерживать ту же номенклатуру) и доводитъ мысль ученикъ до конца, ставя точки на всѣ і. Викторіанцы — это, видите ли, Лайель, Дарвинъ, Уоллесъ, Гукеръ, Гексли, Галтонъ. Георгіанцы это — но Кибль благоразумно воздерживается отъ перечисленія ничего ни въ отдѣльности, ни въ совокупности не говорящихъ именъ.

Всѣ эти Пунеты, Донкастеры, Локи e tutti quanti предпочитаютъ разумѣть себя подъ собирательнымъ именемъ *мендельянцевъ*. Главная особенность стараго поколѣнія, по мнѣнію Кибля, заключалась въ томъ, что оно бралось за широкія задачи и выражало свои мысли литературнымъ языкомъ. «Наше время, время спеціализаціи, во что бы то ни стало (à outrance)—время воздѣлыванія маленькихъ участочковъ науки (small holdings, small allotments)». «Современное поколѣніе пріобрѣло искусство интенсивнаго добыванія научныхъ истинъ, но разучилось придавать имъ рыночную цѣнность. Въ погонѣ за спеціализаціей мы забыли объ искусствѣ выражать свои мысли. Мы обмѣниваемся «отдѣльными оттисками»,—что за ненавистное слово,—и только очень немногіе изъ насъ умѣютъ объясняться съ обыкновенной культурной публикой. Наши мысли, какъ и мысли иностранныхъ классиковъ переводятся на обыкновенный англійскій языкъ наемными аматерами. Скромность современнаго поколѣнія только вредитъ ему, потому что сегодняшняя наука заключаетъ не менѣе, а гораздо болѣе интереснаго и удивительнаго, чѣмъ полъ-вѣка тому назадъ [1]). Пренебрегая искусствомъ выражаться, мы забываемъ, что поговорка «кто ясно думаетъ, тотъ ясно пишетъ»—вѣрна и въ обратномъ смыслѣ».

Но не будемъ, читатель, ломать себѣ голову надъ этой пестрой смѣсью самоуниженія и самохвальства, этимъ униженіемъ паче гордости и перейдемъ прямо къ заключенію самого Кибля, благо онъ его сводитъ къ нѣсколькимъ словамъ. «При всѣхъ своихъ изящныхъ дарованіяхъ, викторіанцы, справедливую хвалу которымъ я воспѣлъ—проглядѣли, что между ними жилъ Мендель, указавшій на способъ разрѣшенія задачъ, надъ которыми они ломали себѣ голову [2]). Заслуга открытія всего величія дѣла Менделя принадлежитъ нашему поколѣнію, и тѣ изъ насъ, которые не участвовали сами въ этомъ

---

[1]) Ораторъ при этомъ забываетъ, что мендельянцы ведутъ свое лѣтоисчисленіе съ 1900 г., слѣдовательно, 40 лѣтъ онъ прикидываетъ имъ въ придачу.

[2]) Мы далѣе увидимъ, насколько это вѣрно.

открытіи [1]), имѣютъ во всякомъ случаѣ право привѣтствовать тѣхъ, кто его сдѣлалъ и зачесть это открытіе себѣ въ приходъ. Я могу подвести итогъ своему сравненію между викторіанцами и современными натуралистами въ слѣдующихъ словахъ: *на ихъ сторонѣ заслуга болѣе высокой культуры, на нашей—болѣе глубокой проницательности*» [2]).

Здѣсь приходится сдѣлать значительное отступленіе отъ рѣчи Кибля и задаться вопросомъ: что же это, наконецъ, за произведеніе, одно открытіе котораго должно быть вмѣнено новому поколѣнію въ заслугу, превышающую, какъ говоритъ Кибль, всѣ заслуги великихъ біологовъ XIX вѣка, творцовъ современнаго эволюціоннаго ученія. Это сорокъ шесть страницъ малаго формата перваго произведенія Менделя [3]). Въ немъ Мендель изслѣдовалъ помѣси, получаемыя между двумя сортами гороха (желтаго и зеленаго) и вывелъ изъ своихъ опытовъ любопытное правило, которое фанатическіе мендельянцы желали бы обратить въ универсальный законъ наслѣдственности для всѣмъ живыхъ существъ. Должно замѣтить, что основной фактъ, отъ котораго отправлялся Мендель, былъ извѣстенъ еще въ 1720 г. и упоминался у Гертнера, у котораго Мендель, вѣроятно, и почерпнулъ его. Скрещиваніе этихъ двухъ сортовъ гороха замѣчательно въ томъ отношеніи, что продуктъ скрещиванія не

---

[1]) Подъ открытіемъ слѣдуетъ разумѣть библіографическую находку забытаго или, вѣрнѣе, вовсе незамѣченнаго при его появленіи произведенія Менделя. Причиной незаслуженнаго забвенія было появленіе этого изслѣдованія въ почти никому неизвѣстномъ журнальчикѣ, неизвѣстнаго общества въ городкѣ Брюннѣ, въ Моравіи. Незнакомство съ этимъ произведеніемъ неизвѣстнаго автора, помѣщенномъ въ неизвѣстномъ журналѣ, ставятъ въ вину Дарвину и дарвинистамъ. Но справедливѣе было бы приписать ее извѣстному нѣмецкому ученому Негели (въ то время уже антидарвинисту), съ которымъ Мендель былъ въ перепискѣ. Обратись онъ къ Дарвину, тотъ, конечно, позаботился бы, чтобы отмѣтить въ своихъ трудахъ его заслуги, какъ онъ это дѣлалъ въ сотняхъ другихъ случаевъ, и Мендель при жизни былъ бы признанъ остроумнымъ, точнымъ наблюдателемъ, превосходно изучившимъ одинъ спеціальный случай гибридизаціи, вмѣсто того, чтобы уже послѣ смерти быть кононизированнымъ въ геніи кучкой фанатиковъ-поклонниковъ. Заслугу этого библіографическаго открытія (пріурочиваемаго къ 1900 году) принято приписывать тремъ ученымъ—Корренсу, Чермаку и Де-Фризу, причемъ обыкновенно упускается изъ виду, что изслѣдованіе Менделя еще за двадцать лѣтъ ранѣе упоминалось въ очень хорошо извѣстной ботаникамъ книгѣ Фокке—Die Flouzen-Mischlinge, 1881. Фактъ, который, какъ мы увидимъ далѣе, многое объясняетъ въ исторіи возникновенія мендельянства.

[2]) Курсивъ мой.

[3]) Значеніе второго, какъ увидимъ, мендельянцы отрицаютъ.

представляетъ средней, желтовато-зеленой или пятнистой (желтой и зеленой) окраски, а въ первомъ поколѣніи—исключительно желтой, а въ послѣдующихъ или желтой, или зеленой и притомъ въ извѣстныхъ постоянныхъ численныхъ отношеніяхъ. Установленіе этого численнаго отношенія, а равно и его объясненіе и составляетъ заслугу Менделя,—то, что по праву можно назвать менделизмомъ. Это не мѣшаетъ подчеркнуть, такъ какъ мендельянцы, какъ увидимъ, готовы сказать: менделизмъ это то, чему училъ Мендель, и еще многое другое — чуть не вся біологія. Ознакомимся съ этимъ опытомъ надъ горохомъ, какъ наиболѣе обстоятельно изложеннымъ самимъ Менделемъ [1]). На страницахъ этого журнала мы, конечно, можемъ это сдѣлать въ самой сжато-элементарной формѣ. Выразимъ символически результаты опытовъ скрещиванія между желтымъ и зеленымъ горохомъ слѣдующимъ образомъ. Обозначимъ желтую породу буквой *Ж*, а зеленую буквой *З* и станемъ опылять цвѣтокъ породы *Ж* пыльцей породы *З* [2]). Такъ какъ дознано, что цвѣты гороха не способны къ самоопыленію, а тщательный наблюдатель принималъ мѣры, чтобы онъ не опылялся извнѣ (вѣтромъ или насѣкомыми), то ясно, что во всѣхъ процессахъ оплодотворенія произойдетъ соединеніе различныхъ организацій отца и матери. Всѣ продукты будутъ одинаковыми помѣсями, что мы обозначаемъ такъ: *Ж* + *З*.

Но, какъ уже сказано, эти два цвѣта не совмѣщаются—желтый всегда *господствуетъ*. Мендель назвалъ такія побѣждающіе признаки *доминантными*, а побѣждаемые, подчиненные, какъ зеленые, онъ назвалъ *рецессивными*. На основаніи этого, сложный характеръ помѣси *Ж*+*З* не обнаруживается извнѣ. Всѣ будутъ одинако желтыми. Но эта однородность только внѣшняя, кажущаяся; по существу они во всей организаціи двойственны, а слѣдовательно двойственны и ихъ половые продукты: яичко и пыльца. Эта двойственность и обнаруживается при ихъ опыленіи (все равно самоопыленіи или между различными экземплярами той же помѣси *Ж* + *З*).

---

1) Бэтсонъ, а съ его голоса Пунетъ, почему-то отправляются не отъ этого примѣра, а отъ гороховъ разнаго роста — примѣра, какъ это замѣтилъ самъ Мендель и его издатель Чермакъ, гораздо менѣе удачнаго, такъ какъ въ немъ правило Менделя можетъ сталкиваться съ болѣе общимъ правиломъ, установленнымъ *Дарвиномъ* (см. на нашей таблицѣ *дарвинизмъ* съ малымъ *д*) на основаніи его болѣе обширныхъ опытовъ.

2) Или наоборотъ. Въ данномъ случаѣ это безразлично, но въ другихъ случаяхъ *ЖЗ* и *ЗЖ* могутъ быть различны.

Результатъ этого вторичнаго опыленія выразится формулой имѣющей внѣшнее сходство съ знакомой намъ со школьной скамьи формулулой квадрата двучлена $(a+b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$. Такъ и здѣсь получимъ $(Ж+З)^2 = Ж^2 + 2ЖЗ + З^2$. Гдѣ $Ж^2$ будетъ *чистокровная желтая* форма, т. е. она произойдетъ черезъ сліяніе обоихъ половыхъ элементовъ, имѣющихъ характеръ только $Ж$). $2ЖЗ$ будутъ имѣть смѣшанный характеръ (будутъ представлять сліяніе обоихъ половыхъ элементовъ $Ж$ и $З$), но съ виду будутъ, какъ уже объяснено, желтаго цвѣта и, наконецъ, $З^2$ будетъ чистокровная зеленая форма. А въ суммѣ окажется 1 зеленая и 3 желтыхъ. Но эта зеленая будетъ чистокровная; а изъ трехъ желтыхъ только одна будетъ чистокровная, остальные же двѣ желтыхъ будутъ желтыми только съ виду, а въ сущности — смѣшанными, желтозелеными. Это правило, что изъ четырехъ представителей второго поколѣнія три будутъ въ одного родителя, именно въ *доминанта*, а одинъ въ другого, именно *рецессива*, и представляетъ то, что можно назвать закономъ или, вѣрнѣе, правиломъ Менделя. Онъ очень остроумно объяснилъ, что эта закономѣрность только статистическая, зависящая отъ того, что одинаково вѣроятна встрѣча одинаковыхъ и различныхъ оплодотворяющихъ началъ, почему и оправдывается его правило только при большомъ числѣ наблюденій. При ограниченномъ ихъ числѣ можетъ обнаружиться и отступленіе отъ этого отношенія 1 : 3. Въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи съ $2\ Ж\ З$ обнаруживается тоже, что съ $Ж+З$ перваго поколѣнія, т. е. получатся двѣ чистыя (одна желтая, одна зеленая) и двѣ смѣшанныя формы, но желтаго цвѣта, снова въ отношеніи $3Ж+1З$ и такъ далѣе будетъ повторяться. Въ результатѣ первоначальное полное однообразіе приводитъ къ явленію, давно замѣченному садоводами и агрономами,—къ вырожденію, къ возвращенію (реверсіи) къ чистымъ типамъ первой пары.

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію другого вопроса, также вызваннаго результатомъ, давно установленнымъ и наукой, и практикой.

Возникаетъ вопросъ, имѣютъ ли эти факты значеніе универсальнаго закона наслѣдственности, какое желаютъ ему придать мендельянцы, или рядомъ съ тѣмъ случаемъ, который такъ тщательно изучилъ Мендель надъ горохомъ, возможны еще другіе. Оказывается возможенъ и другой случай, при которомъ признаки a и b даютъ среднюю ab, въ которой признаки a и b будутъ совмѣщаться, смѣшиваясь и даже сливаясь, причемъ эта новая средняя форма будетъ неизмѣнно передаваться послѣдующимъ поколѣніямъ. Основательно знакомый съ литературой своего предмета, Мендель допу-

скалъ и этотъ случай и во второмъ своемъ изслѣдованіи надъ Ястребинкой (Hieracium) подтвердилъ его существованіе [1]).

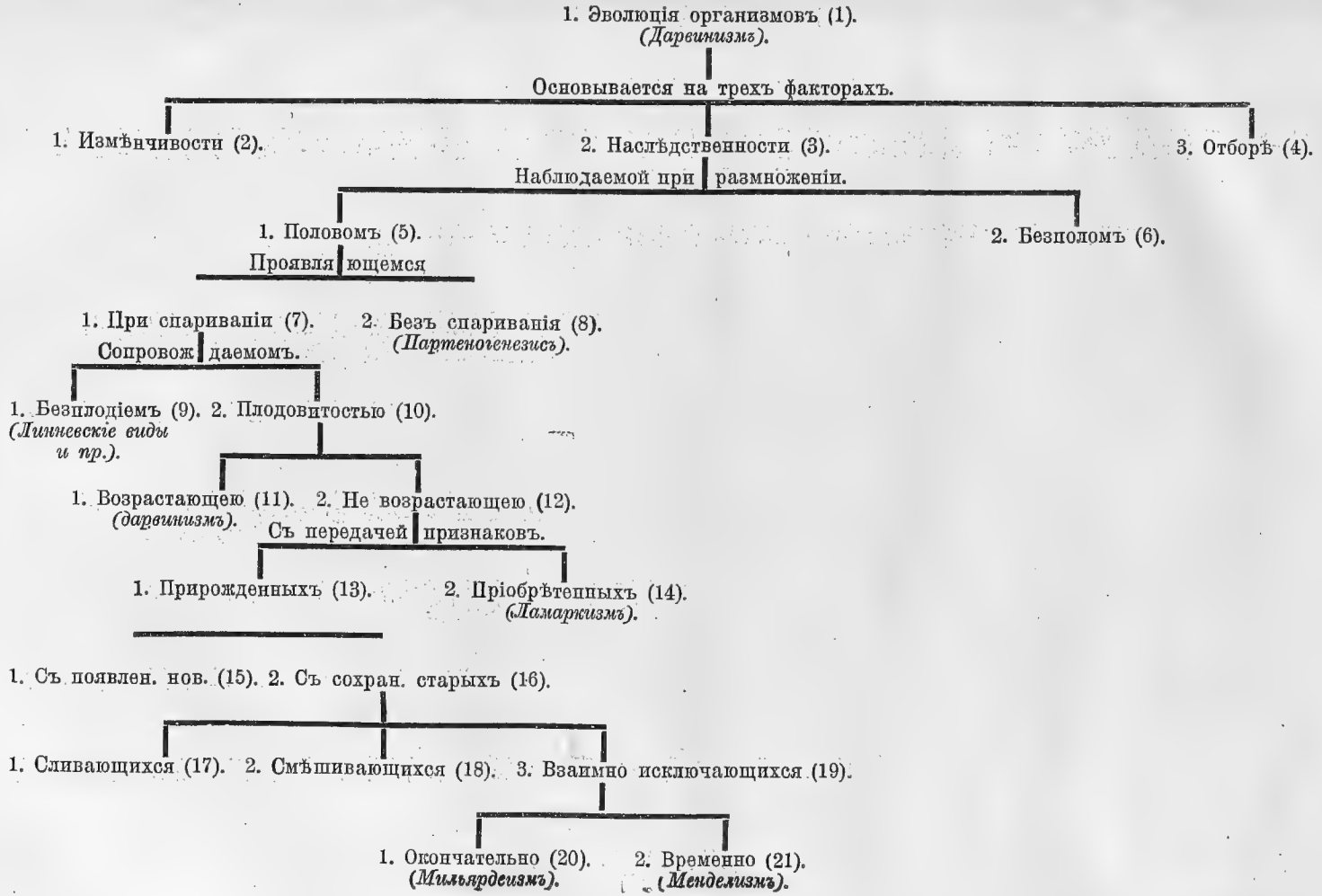
Этимъ онъ еще разъ доказалъ, что не превратился бы изъ серьезнаго изслѣдователя въ фанатическаго Менделіянца. Именно этому второму типу образованія помѣсей нѣкоторые ботаники (какъ напр., Кернеръ) не безъ основанія придавали выдающееся значеніе. По этому же типу происходятъ и помѣси между расами того существа, которое насъ всего болѣе интересуетъ — между расами человѣка. Всякій знаетъ, что помѣсь между бѣлой расой и неграми, мулаты—представляютъ средніе признаки, и со второго поколѣнія не распадаются на бѣлыхъ и черныхъ (какъ у гороха). Такимъ образомъ подъ менделизмомъ въ смыслѣ открытія Менделя мы должны разумѣть изученіе давно извѣстнаго случая помѣси двухъ разновидностей, признаки которыхъ между собою не совмѣщаются и опредѣленіе числовыхъ отношеній между *доминантными* и *рецессивными* формами. Чермакъ такъ и опредѣлялъ открытіе Менделя: «это ученіе о неравнозначности признаковъ по отношенію ихъ унаслѣдованія» [2]).

На основаніи сказаннаго мы можемъ опредѣлить положеніе Менделизма въ общей схемѣ ученія объ органической эволюціи и одного изъ ея основныхъ трехъ факторовъ — наслѣдственности. Мы это сдѣлаемъ въ формѣ прилагаемой таблицы. Она прежде всего показываетъ, можетъ ли быть рѣчь о сравненіи такихъ двухъ величинъ совершенно различнаго порядка, какъ Дарвинизмъ и Менделизмъ: одного, охватывающаго почти все поле, біологіи и другого, касающагося только спеціальнаго случая наслѣдственности. Мы видимъ, что дарвинизмъ опирается на три фактора. Одинъ изъ трехъ—наслѣдственность, представляетъ двѣ основныя категоріи явленій и такъ далѣе. Перемножая послѣдовательно эти подчи-

---

1) Изслѣдованіе это стоило ему большихъ трудовъ (говорятъ, что онъ на немъ даже разстроилъ себѣ зрѣніе). Менделіянцы всячески стараются подорвать значеніе этой работы, увѣряя, что это былъ случай партеногенезиса. Своеобразный партеногенезисъ, въ которомъ обнаруживалось вліяніе отца, такъ какъ Мендель не разъ повторяетъ, что помѣсь имѣла общіе признаки отца и матери.

2) Бэтсонъ, наоборотъ, старается доказать что главное значеніе Менделя не въ томъ, что онъ изучалъ случай скрещиванія признаковъ взаимно исключающихся, а въ томъ, что онъ будто бы открылъ явленіе расщепленія признаковъ (Ségrégation). Но это не вѣрно уже изъ того, что Бэтсону не удалось вклеить это слово въ переводъ Менделя; значитъ въ немъ не нашлось соотвѣтственнаго нѣмецкаго. Не только слово Ségrégation, но и основное понятіе и самые разительные примѣры расщепленія признаковъ помѣсей Бэтсонъ могъ найти у Дарвина.


1. Эволюція организмовъ (1).
(Дарвинизмъ).
Основывается на трехъ факторахъ.
1. Измѣнчивости (2).
2. Наслѣдственности (3).
3. Отборѣ (4).
Наблюдаемой при размноженіи.
1. Половомъ (5).
2. Безполомъ (6).
Проявляющемся
1. При спариваніи (7).
2. Безъ спариванія (8).
(Партеногенезисъ).
Сопровождаемомъ.
1. Безплодіемъ (9).
(Линневскіе виды и пр.).
2. Плодовитостью (10).
1. Возрастающею (11).
(дарвинизмъ).
2. Не возрастающею (12).
Съ передачей признаковъ.
1. Прирожденныхъ (13).
2. Пріобрѣтенныхъ (14).
(Ламаркизмъ).
1. Съ появлен. нов. (15).
2. Съ сохран. старыхъ (16).
1. Сливающихся (17).
2. Смѣшивающихся (18).
3. Взаимно исключающихся (19).
1. Окончательно (20).
(Мильярдеизмъ).
2. Временно (21).
(Менделизмъ).

менныя категоріи фактовъ, какъ мы перемножили бы число томовъ на число главъ въ одномъ томѣ на число параграфовъ въ одной главѣ мы получимъ среднее значеніе одного параграфа по отношенію къ цѣлому труду. Перемноживъ всѣ эти подраздѣленія, мы приходимъ къ заключенію, что Менделизмъ по своему значенію покрываетъ какую-нибудь тысячную долю [1]) того обширнаго поля фактовъ, которое охватываетъ Дарвинизмъ [2]).

Далѣе, если мы сравнимъ значеніе двухъ типовъ образованія помѣсей, того, который принято называть Менделевскимъ (типъ гороха) и другого (также изученнаго имъ у Ястребинки) и характеризующимся образованіемъ наслѣдственной средней формы, то убѣдимся, что этотъ второй типъ и съ научной (эволюціонной), и съ практической (селекціонной) точки зрѣнія представляется болѣе важнымъ. Менделевскій процессъ, въ концѣ концовъ, приводитъ къ *возврату*, къ расщепленію на типы первоначальныхъ производителей и, слѣдовательно, никакого интереса съ точки зрѣнія эволюціи т. е. образованія новыхъ формъ, не представляетъ. Напротивъ того, наслѣдственные средніе типы даютъ начало новымъ формамъ, почему, какъ мы сказали, многіе ученые видятъ въ нихъ источникъ образованія новыхъ видовъ (Кернеръ). Къ такому же выводу приходятъ и самые выдающіеся практики—селекціонисты, какъ Анри Вильморенъ [3]), и пользующійся такой заслуженной славой Бурбанкъ [4]).

Наконецъ, послѣднее и самое важное соображеніе: въ состояніи ли самъ менделизмъ дать какое нибудь объясненіе для своего основного факта—господства и подчиненности признаковъ? Каждый разъ когда на этихъ страницахъ мнѣ приходилось говорить о менделизмѣ, я указывалъ, что самъ по себѣ онъ не въ состояніи

---

1) $3 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 2 \times 3 \times 2 = 1152$.

2) Ставить ему въ укоръ, что онъ не сосредоточился именно на этой $^1/_{1000}$ своей необъятной задачи нѣтъ никакого основанія. А что онъ не упустилъ изъ вниманія, то и этого явленія доказалъ Уоллесъ (см. мой переводъ его статьи *Современное положеніе Дарвинизма* въ приложеніи къ послѣднему тому собранія сочиненій Дарвина, изд. Лепковскаго. Москва 1909 г.). Мендельянцы, ставящіе въ укоръ дарвинистамъ ихъ позднее знакомство съ попавшей въ захолустное изданіе статьей Менделя, сами какъ будто и не слыхали объ этой блестящей критикѣ Уоллеса.

3) Его лекція была въ свое время переведена подъ моей редакціей (*Наслѣдственность у растеній.* Лекція А. Вильморена, съ предисловіемъ К. Тимирязева, Москва, 1894 г.).

4) См. *Горвудъ. Обновленная земля.* Переводъ Тимирязева. Москва 1909.

этого сдѣлать, и будетъ вынужденъ обратиться за помощью къ физіологіи [1]).

Остановимся снова на самомъ удачномъ примѣрѣ, изученомъ, Менделемъ,—на горохѣ. Почему желтый цвѣтъ подавляетъ зеленый? Хотя до сихъ поръ нѣтъ прямого изслѣдованія, но не подлежитъ сомнѣнію, что не желтая окраска уничтожаетъ зеленую, а желтая сама происходитъ изъ первоначальной зеленой вслѣдствіи присутствія третьяго тѣла (вѣроятно, кислоты). Вотъ это-то третье тѣло, не предусмотрѣнное теоріей *аллеломорфныхъ* паръ, унаслѣдованное при скрещиваніи и не допускаетъ сохраненія зеленой окраски у помѣси. Но, какъ я указывалъ, существуетъ и обратный случай,—когда двѣ краски даютъ третью среднюю: желтая и синяя даютъ зеленую. Я имѣю въ виду интересную среднюю помѣсь двухъ люцернъ: посѣвной и серповидной (Medicago sativa + Medicago falcata = Medicago media) [2]). У первой цвѣты синіе, у второй желтые. У средней формы, совершенно не обычная для цвѣтовъ—зеленая окраска. Почему здѣсь это оказывается возможнымъ? Потому что пигменты не оказываютъ здѣсь взаимнаго дѣйствія—они смѣшаны, какъ краски

---

1) Вотъ что я говорилъ еще въ 1909 году: „Въ приведенныхъ скрещиваніяхъ гороха не получается средней окраски, но есть случаи когда скрещиваніе желтыхъ и синихъ цвѣтовъ даютъ зеленую окраску. Конечно все дѣло въ томъ, чтобы объяснить въ частности всѣ эти случаи, и въ послѣднемъ случаѣ объясненіе не представитъ даже затрудненія. Менделъянцы гордятся тѣмъ, что они углубились въ факты наслѣдственности, найдя крайне любопытные числовые законы, но, конечно, будущему предстоитъ проникнуть еще глубже въ этомъ анализѣ и показать, когда возможно сліянія признаковъ, когда это невозможно и, наконецъ, когда въ результатѣ скрещиванія появляются даже новые признаки“ (В. Е. 1909. февраль—*Чарлзъ Дарвинъ*). Позднѣе, въ 1911 (В. Е. *Сезонъ научныхъ съѣздовъ*). „Вообще менделъянцы какъ не физіологи не углубляются въ анализъ явленія, не ищутъ объясненія, почему въ однихъ случаяхъ признаки не смѣшиваются, въ другихъ смѣшиваются, въ третьихъ оказываютъ взаимное дѣйствіе—а пока это не разъяснено ни о какихъ общихъ законахъ наслѣдственности не можетъ быть и рѣчи“; далѣе: „они то именно не ставятъ вопроса, почему зеленый и желтый горохъ не даютъ желто-зеленого, а синіе и желтые цвѣты даютъ зеленые—вопросъ, отвѣтъ на который физіологія вѣроятно не затруднилась бы дать“.

2) Эту интересную среднюю форму, принимаемую ботаниками даже за особый видъ, я имѣлъ случай наблюдать еще въ 1867 году въ симбирскомъ уѣздѣ и съ 1870 года постоянно упоминалъ о ней на лекціяхъ. Кромѣ окраски, она представляетъ и среднюю форму плода: у посѣвной онъ имѣетъ форму пробочника съ плотно сжатыми оборотами, у серповидной онъ имѣетъ форму серпа; у средней форма—нѣсколько (2—3) развернувшихся оборотовъ спирали. Въ ней обнаруживаются и цѣнныя для практиковъ среднія свойства—сочетаніе урожайности первой съ климатической и почвенной нетребовательностью второй.

на палитрѣ художника. Нѣтъ здѣсь и третьяго тѣла, которое вызываетъ желтую окраску гороха и съ присутствіемъ которой не совмѣстима зеленая окраска помѣси. Эти два примѣра показываютъ, что вопросъ о причинѣ совмѣстимости и несовмѣстимости признаковъ можетъ быть разрѣшенъ не мендельянцами съ ихъ хитросплетенными словами вродѣ аллеломорфъ [1]) или бумажными теоріями (вродѣ теоріи присутствія—отсутствія), а тщательными въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ физіологическими изслѣдованіями.

Послѣ этого необходимаго отступленія о менделизмѣ Менделя и мендельянцевъ, возвратимся къ рѣчи Кибля, въ которой (согласно излюбленной формулѣ 3: 1) три четверти посвящено самохвальству и только послѣдняя четверть дѣлу, т. е. изложенію новыхъ и дѣйствительно интересныхъ фактовъ.

То выходящее за границы приличія, самохвальство, которое проявляетъ Кибль въ своемъ вступленіи, представляется еще болѣе поразительнымъ (хотя съ извѣстной точки зрѣнія, можетъ быть, и болѣе понятнымъ), когда узнаемъ его истинный поводъ. Поводъ этотъ заключается въ томъ, что мендельянцы зашли въ тупикъ, должны были признаться, что столкнулись съ фактомъ, ихъ теоріями необъяснимымъ, и за дѣйствительными, фактическими объясненіями должны были обратиться къ тѣмъ самымъ физіологамъ и химикамъ, къ которымъ ихъ глава, Бэтсонъ, въ своей прошлогодней рѣчи—манифестѣ отнесся съ такимъ пренебреженіемъ. [1]).

Въ этомъ и заключается весь интересъ этой рѣчи.

При изученіи одной садовой Примулы (Primula sinensis) представился такой неожиданный случай. Растеніе это извѣстно садоводамъ въ двухъ совершенно постоянныхъ разновидностяхъ—цвѣтной и бѣлой [2]). Казалось бы, это типическій случай пары взаимноисключающихся

---

1) Эта особенность мендельянцевъ еще десять лѣтъ тому назадъ была подмѣчена И. П. Бородинымъ. Онъ говорилъ: „я нарочно употребляю русскіе и притомъ сами собой понятные термины. Въ послѣдніе годы научная литература, особенно благодаря нѣмцамъ, наводнена въ ученіи о помѣсяхъ вереницею новыхъ, неудобоваримыхъ терминовъ, изъ которыхъ можно уже составить порядочный лексиконъ: гетеродинамныя, гомодинамныя анизогонныя, аллеломорфныя, гомеогонныя, генеоклинныя и т. п. прелести сыпятся, какъ изъ рога изобилія". Придуманъ даже особый глаголъ mendeln, который успѣшно рифмуютъ съ pendeln. Но англичане еще превзошли нѣмцевъ. Дѣло дошло до того, что редакція лучшаго англійскаго словаря (Webster's New International) была вынуждена пригласить въ сотрудники Бэтсона, для разъясненія пущеныхъ имъ въ оборотъ новыхъ словъ.

2) См. мою статью *Сезонъ научныхъ съѣздовъ*. В. Е. 1911.

признаковъ, Бэтсоновскихъ *аллеломорфъ* и притомъ подходящій подъ его излюбленную теорію *отсутствія—присутствія* (absence—presence) т. е. наличности одного положительнаго признака—окраски и его отрицанія—бѣлизны. При этомъ цвѣтная оказывается господствующей (доминантной), а бѣлая подчиненной (рецессивной) формой. Но вдругъ оказалось, что этотъ случай не укладывается въ рамки мендельянской схемы. Оказалось, что *рецессивная* бѣлая можетъ превращаться въ *доминантную*, отсутствіе можетъ быть въ то же время присутствіемъ. Рухнули разомъ и *аллеломорфная* пара и теорія *отсутствія—присутствія*. Правда, наши мендельянцы не смущаясь придумываютъ ad hoc новую бумажную гипотезу.

«Мендельянцы объясняютъ себѣ такое поведеніе доминантныхъ бѣлыхъ тѣмъ, что они одновременно обладаютъ и признакомъ цвѣтности и признакомъ подавляющимъ цвѣтность—*гипотезой совершенно новой для біологіи*». Но оставимъ въ покоѣ біологію, скажемъ только, что гипотеза эта равносильна отреченію отъ менделизма, потому что куда же дѣнутся *аллеломорфныя пары*, когда одинъ изъ членовъ пары снова парный, совмѣщающій и свои свойства и свойства своего партнера, когда отсутствіе, въ свою очередь, заключаетъ второе присутствіе?

Факты ясно доказываютъ, что мендельянцы безсильны объяснить ихъ, отправляясь отъ своихъ собственныхъ посылокъ, и должны обратиться за объясненіемъ къ физіологіи и химіи [1]).

Переходимъ, наконецъ, къ тѣмъ интереснымъ фактамъ, которые получились благодаря своевременной помощи химіи. Вопросъ о происхожденіи и судьбѣ пигментовъ въ растеніи связанъ съ болѣе общимъ вопросомъ объ окислительныхъ пигментахъ, вопросомъ, берущимъ начало не отъ мендельянцевъ, а, какъ вынужденъ со-

---

[1]) Дѣло еще усложнилось однимъ обстоятельствомъ, уже окончательно переводящимъ его изъ вѣдѣнія мендельянцевъ въ область экспериментальной физіологіи. Оказалось, что бѣлые цвѣты могутъ превращаться въ цвѣтные—подъ вліяніемъ высокой температуры. Но и это подало Киблю поводъ только къ выходящей за всѣ предѣлы приличія выходкѣ противъ цѣлой области біологіи, во всякомъ случаѣ не менѣе обширной, чѣмъ все ученіе о *наслѣдственности*, и болѣе богатой опытными данными, къ области, изучающей явленія *измѣнчивости*. Вотъ его слова, по своему неприличію не имѣющія себѣ подобнаго въ научной литературѣ.

„Въ до-мендельянскія времена это вліяніе температуры послужило-бы только новымъ украшеніемъ на окнѣ той *лавки старьевщика*, на которомъ нагромождена масса безпорядочныхъ и безсвязныхъ предметовъ, украшенныхъ общимъ ярлыкомъ *„явленія измѣнчивости»*.

Эта фраза только доказываетъ до какого состоянія невмѣняемости доведены мендельянцы тѣмъ положеніемъ, въ которомъ они очутились.

знаться и самъ Кибль, отъ ботаниковъ—физіологовъ и химиковъ,—Шода, Баха и нашего Петербургскаго ботаника, профессора Палладина [1]). Профессоръ Палладинъ выработалъ теорію, по которой окислительные ферменты дѣйствуютъ на безцвѣтное начало пигментовъ (хромогенъ), которое или, попеременно окисляясь и раскисляясь при содѣйствіи фермента, участвуютъ въ процессахъ дыханія, или же при окончательномъ окисленіи можетъ давать начало постояннымъ цвѣтнымъ тѣламъ—пигментамъ. Миссъ Уелдэль первая пыталась примѣнить идеи Палладина къ вопросу о происхожденіи цвѣточныхъ пигментовъ. Шода и Бахъ установили такое представленіе о дѣйствіи окислительныхъ ферментовъ, получившихъ общее названіе *оксидазъ*. Оксидаза не однородна, а состоитъ изъ пары тѣлъ—*пероксидазы* и *оксигеназы*, имѣющей характеръ химическихъ тѣлъ называемыхъ перекисями, почему, при ея отсутствіи, она можетъ быть замѣнена перекисью водорода для полученія реакціи свойственной оксидазѣ. Если въ организмѣ находится только пероксидаза, а оксигеназа отсутствуетъ, то прямо не получится характиристической реакціи оксидазы, но она тотчасъ появляется, если прибавить къ изслѣдуемому тѣлу перекиси водорода.

Благодаря содѣйствію Эдуарда Армстронга [2]) удалось выработать пріемъ микроскопическаго изслѣдованія растительныхъ тканей для обнаруженія присутствія и распредѣленія въ нихъ, главнымъ образомъ въ лепесткахъ, оксидазъ и пероксидазъ, вызывающихъ образованіе пигментовъ. Для этого употреблялись два реактива [3]). Спиртовой растворъ перваго сначала обезцвѣчиваетъ окрашенные лепестки этой Primula Sinensis и, въ случаѣ присутствія оксидазы, окрашивалъ бы ихъ въ фіолетовый цвѣтъ. Въ случаѣ присутствія одной пероксидазы то же фіолетовое окрашиваніе получается лишь послѣ обработки перекисью водорода. Такъ какъ реакція обнару-

1) Къ которымъ онъ могъ бы прибавить Бертрана и японскаго химика Іошиду. О наслѣдственности же химическихъ явленій, первый, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, заговорилъ Арманъ Готье и, помнится, Д. И. Менделѣевъ, реферируя его работу въ Пет. Хим. Обществѣ, называлъ ее одной изъ интереснѣйшихъ за разсматриваемый періодъ.

2) Молодого англійскаго химика, если не ошибаюсь, сына болѣе извѣстнаго химика Генри Армстронга. Оба извѣстны своими изслѣдованіями надъ растительными ферментами и распредѣленіемъ синильной кислоты въ растеніяхъ (ціанофорныхъ растеніяхъ)—обстоятельство, какъ увидимъ, существенное въ настоящемъ вопросѣ.

3) Спиртовой растворъ α. нафтола и бензоидина. Первый даетъ съ оксидазой или пероксидазой съ перекисью водорода фіолетовую окраску, второй—бурую. Первоначально пробуютъ реакцію на оксидазу, а, если ея не оказывается, прибавляютъ перекиси водорода и пробуютъ реакцію на пероксидазу.

живалась только послѣ обработки перекисью, то, значитъ, въ цвѣтныхъ лепесткахъ находится *пероксидаза*: ей обязаны они своей окраской.

Что же наблюдается въ бѣлыхъ лепесткахъ? Сначала были изслѣдованы бѣлые цвѣты, у которыхъ бѣлизна—признакъ *рецессивный*, т. е. такія бѣлыя Примулы, которыя при скрещиваніи съ цвѣтными даютъ помѣсь цвѣтную. Изслѣдованіе этихъ рецессивныхъ бѣлыхъ, какъ и окрашенныхъ, обнаружило присутствіе пероксидазы. И однако цвѣты бѣлые;—значитъ, отсутствіе окраски зависитъ отъ отсутствія другого фактора—безцвѣтнаго хромогена, который въ нормальныхъ растеніяхъ при дѣйствіи пероксидазы превращается въ красящее вещество.

Изслѣдованіе бѣлыхъ цвѣтовъ съ *доминирующимъ* характеромъ, т. е. у тѣхъ растеній, которыя при скрещиваніи съ окрашенными даютъ бѣлые цвѣты—обнаружило совершенно обратный результатъ. Реакціи на пероксидазу нельзя было обнаружить. Этотъ результатъ допускаетъ два толкованія: или пероксидазы нѣтъ вовсе, или она есть, но рядомъ съ нею есть *тормозитель* (inhibitor), который препятствуетъ ей обнаружить свое дѣйствіе. Такіе факты извѣстны; Армстронгъ и Кибль нашли, что синильная кислота (слабый растворъ въ 0,4%) обладаетъ способностью уничтожать задерживающее дѣйствіе [1]) тормозителя.

Это предположеніе было провѣрено и вполнѣ подтвердилось. Бѣлые лепестки *доминантныхъ* бѣлыхъ (какъ только что сказано, не обнаруживающіе реакцію на пероксидазу) были вымочены въ теченіе сутокъ въ слабомъ растворѣ синильной кислоты, тщательно обмыты водою и тогда только изслѣдованы реактивомъ на пероксидазу. На этотъ разъ результатъ получился положительный: реакція на пероксидазу ясно обнаружилась тамъ, гдѣ ея раньше не было. Синильная кислота растормазила тормазителя пероксидазы, и ея присутствіе обнаружилось.

Самое изящное подтвержденіе вѣрности этого толкованія получилось въ слѣдующемъ опытѣ. Взятъ былъ цвѣтокъ Примулы синяго цвѣта съ бѣлыми пятнами на каждомъ лепесткѣ. Когда надъ такимъ цвѣткомъ продѣлывали реакцію на пероксидазу, всѣ цвѣтныя части сначала обезцвѣчивались, а затѣмъ снова окрашивались въ фіолетовый цвѣтъ (цвѣтъ реакціи). Бѣлыя части оставались бѣлыми. Тогда, исходя все изъ того же предположенія, что бѣлизна пятенъ зависитъ не отъ отсутствія пероксидазы, а отъ совмѣстнаго съ нею присутствія тормазителя, былъ сдѣланъ слѣдующій опытъ. Цвѣтокъ

[1]) Сходное, но менѣе энергичное дѣйствіе, оказываетъ и углекислота.

былъ сначала обработанъ, какъ сказано, синильной кислотой, а затѣмъ же подвергнутъ дѣйствію реактива на пероксидазу. На этотъ разъ все сплошь—и синія мѣста и бѣлыя пятна окрасились въ фіолетовый цвѣтъ, цвѣтъ реакціи.

Такимъ образомъ физіологія распутала сложную задачу, передъ которой мендельянцы стали въ тупикъ. Не «Мендельянскій анализъ» [1]) съ его хитросплетенными словами и бумажными теоріями, а анализъ химика разрѣшилъ вопросъ, подчинивъ явленіе волѣ экспериментатора. Если въ Менделевскомъ опытѣ съ горохомъ результатъ просто объясняется не борьбой между желтой и зеленой *аллеломорфной* парой, а присутствіемъ третьяго тѣла (кислоты, съ которой не совмѣстима зеленая окраска), то здѣсь дѣло опять идетъ не о присутствіи и отсутствіи аллеломорфной пары цвѣтности и безцвѣтности, а о гораздо болѣе сложномъ процессѣ, въ которомъ участвуютъ по меньшей мѣрѣ четыре тѣла: *хромогенъ* (можетъ быть еще со своимъ прохромогеномъ), *пероксидаза*, *оксигеназа* и *тормазитель*, опредѣляющіе окраску, и два различныхъ случая безцвѣтности цвѣтка. Какъ бы то ни было, упрощая или усложняя задачу, разрѣшаетъ ее физіологія, а не мендельянство со своими словесными гипотезами. Физіологическая химія, а не менделизмъ, раскрываетъ новую главу, обѣщающую много интереснаго [2]). И тѣмъ не менѣе Кибль счелъ возможнымъ закончить высокомѣрной фразой: «смѣю думать, мнѣ удалось доказать какъ своевременно была бы *entente cordiale* между физіологіей и менделизмомъ». Точно дѣйствительно разговоръ идетъ de puissance à puissance, а не между фанатической кучкой, топчущейся на протяженіи одного небольшого параграфа обширной главы о наслѣдственности, которую физіологія только начинаетъ включать во все-

---

[1]) Кибля и здѣсь не покидаетъ его самохвальство: онъ увѣряетъ, что изслѣдованіе этого явленія было возможно только благодаря тому, что породы были чистыя, благодаря тому, что ему предшествовалъ «Мендельянскій анализъ породы». Но это невѣрно. Какъ самъ Мендель ставитъ первымъ условіемъ своего опыта (съ горохомъ),—чтобы взятыя для опыта растенія „обладали постоянно отличающимися признаками», такъ и Кибль взялся за опытъ надъ Примулами только потому, что ихъ можно получить отъ садоводовъ, «въ чистыхъ породахъ (in a pure strain), постоянныхъ въ своихъ цвѣточныхъ признакахъ». Мендельянцы не хуже поваровъ знаютъ, что pour faire un civet de lièvre il faut prendre un lièvre.

2) Уже обѣщана въ Лондонѣ интересная лекція Э. Армстронга „Объ окраскѣ цвѣтовъ», въ которой факты будутъ, вѣроятно, изложены болѣе обстоятельно, чѣмъ въ рѣчи его мендельянскаго партнера. Въ ожиданіи ея выхода я было даже отложилъ печатаніе этой статьи на мѣсяцъ, но далѣе откладывать уже неудобно.

объемлющую область своихъ изслѣдованій. А мысль о томъ, что мендельянцамъ нужно искать объясненій у физіологовъ еще до Кибля (въ 1910 г.) высказала Миссъ Цельдэль.

Во всякомъ случаѣ менделизмъ, не Менделя, а мендельянцевъ, потерпѣлъ очевидное пораженіе. Никакое высокомѣріе формы не уменьшитъ внутренняго значенія этого воззванія къ помощи физіологовъ и химиковъ черезъ годъ послѣ прошлогодней рѣчи-манифеста ихъ главы Бэтсона [1]), въ которой онъ совѣтовалъ всего ждать отъ «Мендельянскаго анализа» и даже не упоминалъ о химикахъ и физіологахъ и ихъ «*параферналіяхъ*», какъ онъ некогда пренебрежительно называлъ экспериментальную обстановку лабораторныхъ изслѣдованій.

Еще послѣдній вопросъ: откуда могло возникнуть это преувеличенное восхваленіе научной теоріи, къ которой самъ ея авторъ относился съ уравновѣшенной, строго научной критикой, не помышляя придавать ей несоотвѣтствовавшаго ей значенія. Оно объясняется цѣлой совокупностью общихъ условій, совершенно чуждыхъ самой наукѣ и главнымъ образомъ тѣмъ пробужденіемъ національнаго и клерикализма, которыми отмѣчено послѣднее десятилѣтіе истекшаго столѣтія. Спрашивается, почему рядомъ съ *менделизмомъ* не возникло *мильярдеизма* (20 на таблицѣ), этого любопытнаго ученія о *гибридизаціи безъ скрещиванія*? Почему прошелъ почти незамѣченнымъ *дарвинизмъ* (съ маленькимъ *д*, 11 на нашей таблицѣ для отличія отъ Дарвинизма)—это играющее такую громадную роль въ природѣ (и даже, какъ мы видѣли, въ менделизмѣ) явленіе благотворнаго дѣйствія скрещиванія, подтверждаемаго цѣлымъ томомъ спеціальныхъ изслѣдованій Дарвина; почему, наконецъ, въ восьмидесятыхъ годахъ указаніе на дѣятельность Менделя (въ книгѣ Фока) не произвело никакого впечатлѣнія?

Отвѣтъ можетъ быть одинъ: для этого искусственно раздутаго, почти фанатическаго превознесенія труда Менделя не было подходящей почвы. Эту почву создалъ расцвѣтъ въ послѣдніе годы истекшаго столѣтія нѣмецкаго шовинизма и общеевропейскаго клерикализма. Въ Германіи всѣми средствами раздувалась вражда къ Англіи, ко всему англійскому, превознесеніе всего нѣмецкаго, а клерикалы всѣхъ странъ и оттѣнковъ подняли свой кличъ о «банкротствѣ науки», о «смертномъ одрѣ Дарвинизма» [2]).

---

1) В. Е. 1911. «*Сезонъ научныхъ съѣздовъ*».

2) *Vom Sterbelager des Darwinismus.*—Заглавіе памфлета *Деннерта* одного изъ главъ извѣстнаго клерикально-реакціоннаго *Keplerbund-a.*

Для нѣмцевъ съ этимъ двойнымъ настроеніемъ, Мендель былъ сущей находкой. « *Ein Deutscher von echtem Schrot und Korn*»,—такъ рекомендуетъ его своимъ читателямъ его первый нѣмецкій издатель. «И всему этому положилъ основаніе *монахъ—Грегоръ Мендель*»—такъ заключаетъ свою книгу о наслѣдственности Корренсъ [1]). Въ Англіи, конечно, не шовинизмъ, а клерикальная реакція противъ дарвинизма, послѣ долгаго молчанія вновь поднявшая голову, нашла въ Бэтсонѣ одного изъ своихъ вѣрныхъ слугъ [2]).

Мендельянство (еще разъ повторяю не Мендель) только небольшой эпизодъ на фонѣ той новой борьбы, которую такъ вѣрно предсказалъ историкъ, а ранѣе физикъ-физіологъ, Дрэперъ—борьбы между почуявшимъ вновь свою силу клерикальнымъ обскурантизмомъ и наукой.

К. Тимирязевъ.

ГАРАНТІИ ПРАВЪ И НОВАЯ ПРАКТИКА.

I.

Вопросъ о гарантіяхъ законности принадлежитъ къ числу вопросовъ, единогласно и безповоротно рѣшенныхъ наукой. Вдвинуть дѣятельность власти въ строгія и точныя рамки закона, обезпечить надлежащими гарантіями права общества, выборныхъ его представителей и всѣхъ отдѣльныхъ гражданъ—это основная и необходимая задача конституціоннаго строя, conditio sine qua non правового

---

1) Въ свою очередъ, Бэтсонъ (что совершенно необычно для образованнаго англичанина) заботливо защищаетъ Менделя отъ возможности заподозрить его еврейское происхожденіе. Приложенные къ книгѣ Бэтсона три (одного ему показалось мало) портрета Менделя—цѣлая драма человѣческой жизни. Простоватый крестьянскій парень, котораго зажиточный отецъ, вѣроятно, отдалъ въ монастырь для того, чтобы вывести въ господа, на самомъ раннемъ изъ портретовъ—бойкій молодой монахъ, съ огонькомъ въ глазахъ, увлекающійся научнымъ движеніемъ своего времени и командированный своей братіей учиться физикѣ и математикѣ въ вѣнскій университетъ, а на послѣднемъ—это разжирѣвшій, съ потухшимъ взглядомъ настоятель, весь ушедшій въ матеріальную борьбу за привилегіи своей касты, за освобожденіе своего монастыря отъ уплаты законныхъ налоговъ.

2) См. В. Е. 1909 г. *Кембриджъ и Дарвинъ*, также въ сборникѣ «Памяти Дарвина», стр. 66.

государства, ибо иначе является возможность ставить самыя серьезныя, а порой неодолимыя преграды развитію гражданственности и свободы.

Нашъ старый государственный строй, особенно до реформы императора Александра II, былъ чуждъ и враждебенъ идеямъ свободы и какимъ бы то ни было ея гарантіямъ.

Правда, *видимость* законности существовала. «Имперія россійская управляется на твердомъ основаніи существующихъ законовъ»—гласили наши основные законы уже во времена императора Николая I. Но жизнь говорила иное: «твердое основаніе» на дѣлѣ оказывалось миѳическимъ, и самый чудовищный произволъ въ дѣйствіяхъ властей всѣхъ ранговъ, отъ высшаго до низшаго, вносилъ то растлѣніе въ наши порядки и нравы, которое дало поэту полное право сказать о Россіи данной эпохи, что она была «полна всякой мерзости».

Попытки бороться съ произволомъ и охранять хоть какую-нибудь законность отъ времени до времени предпринимались, но оказывались совершенно безуспѣшными, да и не могли быть иными, пока самая суть стараго режима, знавшаго лишь обывателей, а не гражданъ, оставались неизмѣнной. Особенно оригинальной въ этой области оказалась попытка охраненія законности и правды, соединенная въ то же время съ глубокимъ отвращеніемъ къ западнымъ порядкамъ и принятымъ тамъ гарантіямъ. Мы имѣемъ въ виду созданіе совершенно самобытнаго учрежденія, въ видѣ жандармеріи съ «III-имъ отдѣленіемъ» во главѣ. Императоръ Николай I ставилъ этому учрежденію задачей борьбу съ неправдой, утираніе слезъ вдовъ и сиротъ, а инструкція, исходившая отъ шефа жандармовъ Бенкендорфа, предписывала слѣдить за законностью во всѣхъ частяхъ управленія, «наблюдать, чтобы спокойствіе и права гражданъ не были нарушены людьми властными», внимать «гласу страждущаго» и «защищать баззащитнаго».

Извѣстна судьба новаго учрежденія: оно дало начало всевластію у насъ полиціи, развило до крайнихъ предѣловъ сыскъ и произвольныя кары и въ то же время ни на іоту не улучшило управленія въ смыслѣ приближенія его къ законности. Съ наступленіемъ «эпохи великихъ реформъ» повѣяло новымъ духомъ. Въ указѣ 20 ноября 1864 г., при опубликованіи судебныхъ уставовъ, была торжественно признана важность и непоколебимость начала строгой законности; здѣсь прямо и опредѣленно было выражено желаніе «утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

Судебные уставы произвели отдѣленіе власти судебной отъ власти административной, съ признаніемъ полной самостоятельности первой, которая должна была дѣйствовать «безъ всякаго участія властей административныхъ». Наконецъ, тѣ же уставы выдвинули на первый планъ идею гарантій правъ личности отъ произвола, признавъ въ первой же статьѣ устава уголовнаго судопроизводства принципъ: «nullum crimen, nulla poena sine lege» и создавъ принципъ судейской несмѣняемости, судъ присяжныхъ, самоуправляющееся адвокатское сословіе и т. п.

Характерно, что не безспорное и громадное улучшеніе дѣла отечественнаго правосудія, а именно эта, политическая сторона судебной реформы привлекла къ себѣ преимущественное вниманіе и вызвала восторгъ у насъ и за границей. Одна изъ вліятельнѣйшихъ европейскихъ газетъ отмѣтила, что раньше въ Россіи «интересы гражданъ нисколько не были гарантированы» и «господствовалъ произволъ чисто восточный», теперь же «нанесенъ ударъ громадной власти бюрократіи» и должны явиться «начала гражданственности и законности въ управленіи». «На обломкахъ произвола у насъ царитъ теперь законъ»,—ликуя, писалъ поэтъ, выражая убѣжденіе лучшей части общества того времени. Къ сожалѣнію, упованія не оправдались; явилась длительная и упорная реакція, въ результатѣ которой молодые ростки гарантій быстро увяли, а основной лозунгъ: «законность» былъ почти офиціально признанъ стѣснительнымъ для власти.

Первый ударъ нанесло сохраненіе административныхъ расправъ. Высказанная въ нашей печати увѣренность, что мы вступаемъ на совершенно новый путь и что такіе анахронизмы, какъ кары въ административномъ порядкѣ, быстро исчезнутъ, — не оправдалась. Уже въ текстъ судебныхъ уставовъ Государственный Совѣтъ ввелъ примѣчаніе къ цитированной нами 1-ой статьѣ устава угол. судопроизводства; оно гласило, что «административная власть принимаетъ въ установленномъ закономъ порядкѣ мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій». Эти-то мѣры и развились мало-помалу въ цѣлую систему и камня на камнѣ не оставили отъ идеи законности и отъ твердыхъ гарантій правъ личности. И мы видимъ, какъ постепенно все болѣе и болѣе растутъ полномочія администраціи, все шире и шире становится практика наложенія каръ безъ суда, все призрачнѣе и слабѣе становятся нормы, охраняющія права общества и его отдѣльныхъ членовъ, а завершается все это историческими законами 1882 г. о полицейскомъ надзорѣ и 1881 г.—знаменитымъ «Положеніемъ о мѣрахъ къ огражденію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія». Эти законы вводятъ въ си-

стему отступленія отъ нормальнаго правосудія и нормальнаго порядка управленія; они сводятъ почти на нѣтъ какія бы то ни было гарантіи, а потому, какъ не разъ уже отмѣчалъ пишущій эти строки, они съ полнымъ правомъ могутъ быть названы нашей «великой хартіей вольностей на выворотъ».

Если въ началѣ реформъ, выражая убѣжденіе лучшихъ людей своего времени, Катковъ отмѣчалъ, что все, чѣмъ только дорожитъ человѣческое общество, желающее выйти изъ состоянія варварства и безсилія, «предполагаетъ прежде всего идею законности и обезпечивается прежде всего ея развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни», то теперь зазвучали (и между прочимъ изъ устъ того же Каткова) новыя пѣсни на тему о несовмѣстимости «неосторожно» введенныхъ новшествъ съ основами нашего государственнаго строя»; основами же этими на дѣлѣ оказывались идея надзаконности власти и всемогущество бюрократіи.

Да это и понятно: новшества, хоть нѣсколько напоминающія конституціонныя гарантіи, были вдвинуты въ рамки нашего стараго политическаго строя, находились въ противорѣчіи съ самымъ существомъ его и потому неизбѣжно должны были хирѣть, поскольку правительственный курсъ отъ «увѣнчанія зданія» поворачивалъ въ сторону укрѣпленія «исконныхъ и незыблемыхъ» началъ. Поэтому, почти вплоть до 17 октября, возвѣстившаго переходъ къ новому государственному строю, мы видимъ, какъ описанное положеніе дѣлъ, столь гибельное для идеи истинной законности и столь удобное для развитія административнаго произвола, продолжаетъ развиваться и укрѣпляться. Вѣнцомъ его является поразительный законъ 7 іюня 1904 г., прямо уничтожающій даже самый принципъ «nullum crimen, nulla poena sine lege». Этотъ законъ устанавливаетъ полную возможность примѣненія административныхъ каръ къ лицамъ, *не совершившимъ никакого опредѣленнаго преступленія*; нужно лишь, чтобы по мнѣнію администраціи было на лицо «вредное *вообще* для государственнаго порядка или общественнаго спокойствія *направленіе* дѣятельности обвиняемыхъ или политическая ихъ неблагонадежность»...

Казалось, что 17-го октября всѣмъ подобнымъ порядкамъ долженъ наступить конецъ. Мы не будемъ говорить о томъ, что на особыхъ совѣщаніяхъ сами представители высшей бюрократіи вынуждены были признать, что разнаго рода исключительныя положенія никогда не достигали цѣли охраны государственнаго порядка и спокойствія, ложились тяжелымъ гнетомъ на не имѣющіе ничего общаго съ преступностью широкіе общественные круги и создавали практику, питающую произволъ и изобилующую съ одной стороны

курьезами, съ другой—трагическими ошибками. Центръ тяжести лежалъ, конечно, не въ этихъ бюрократическихъ признаніяхъ, а въ томъ, что по самому существу своему конституціонныя начала, провозглашенныя 17-го октября, вносили разрывъ съ нашимъ прошлымъ и клали основу новому, строго правовому строю, несовмѣстимому съ колебаніемъ законности и бытіемъ произвола. Провозглашеніе необходимости незыблемой и дѣйствительной охраны важнѣйшихъ конституціонныхъ правъ гражданъ (печати, собраній, союзовъ и т. д.), созданіе народнаго представительства съ законодательными функціями, предоставленіе этому же представительству дѣйствительнаго контроля надъ законномѣрностью дѣйствій властей,—все это наглядно хоронило старый порядокъ, не признававшій незыблемыхъ правъ и гарантій, все это требовало быстрой отмѣны старыхъ нормъ, пропитанныхъ началами стараго строя и дисгармонирующихъ съ возвѣщеннымъ обновленіемъ.

Мы знаемъ, что по этому пути жизнь страны не пошла. Колесо исторіи поворотилось въ другую сторону. Наступила и тянется длительная реакція, въ теченіе которой не только не было энергичнаго и послѣдовательнаго творчества въ сторону обновленія и созданія новыхъ гарантій, но и старыя оказались поколебленными. «Реформы» были отложены; занялись «успокоеніемъ». Благодаря живучести привычекъ и нравовъ, вѣками сросшихся съ старой системой управленія, все болѣе и болѣе стало обнаруживаться стремленіе назадъ, къ излюбленнымъ старымъ порядкамъ, и съ чрезвычайной виртуозностью была поведена интенсивная борьба, имѣющая цѣлью подъ новымъ флагомъ везти старый грузъ, т. е. всемѣрно приспособить новыя формы къ старому содержанію.

Чтобы дать подробную картину всего этого процесса и освѣтить ее уже накопившимся за эти годы громаднымъ фактическимъ матеріаломъ, нужна была бы не статья, а огромная книга. Поэтому мы сейчасъ можемъ намѣтить лишь отдѣльные штрихи, лишь нѣкоторые пункты.

II.

Начнемъ съ того, что «впредь до выработки соотвѣтствующихъ законовъ въ новомъ законодательномъ порядкѣ», опираясь на соображенія цѣлесообразности, признаны сохранившими силу почти всѣ старые законы, находящіеся въ противорѣчіи съ началами манифеста 17-го октября или съ другими отдѣльными законодательными актами такъ называемаго освободительнаго періода.

Такъ, прежде всего, сохранилъ свою полную силу институтъ административной гарантіи. Казалось бы, изъ начала раздѣленія властей вытекалъ тотъ правильный выводъ, что независимость пред-

ставителей административной власти отъ власти судебной можетъ сохраняться лишь до тѣхъ поръ, пока эти представители держатся въ рамкахъ закона; выходя за эти рамки, они неизбѣжно должны попадать въ сферу господства судебной власти, ибо иначе нарушается какъ принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ, такъ и вытекающее изъ принципа раздѣленія властей право судебной власти быть исключительно компетентной въ опредѣленіи того, что законно, а что нѣтъ.

Къ сожалѣнію, уже при составленіи судебныхъ уставовъ вопросъ былъ рѣшенъ не такъ, хотя въ необходимыхъ предостереженіяхъ недостатка не было. Судебное преслѣдованіе чиновниковъ за преступленія по должности было поставлено въ зависимость отъ согласія начальства обвиняемаго на преданіе его суду. Этотъ порядокъ и послѣ 17-го октября сохранилъ свою силу (законопроектъ, и притомъ двусмысленнаго и компромисснаго характера, былъ выработанъ значительно позже); рѣшающимъ факторомъ здѣсь оставалась воля начальства, и такимъ образомъ сохранялся и укоренившійся произволъ, вредный для дѣла защиты гражданами своихъ попранныхъ правъ, сохранялся просторъ для «прикрытія» и «потушенія» всевозможныхъ злоупотребленій во имя того, чтобы «не выносить сора изъ избы». Понятна громадная опасность для самой идеи законности и для укрѣпленія ея въ жизни.

Всѣ эти тормазы проявляютъ свою силу даже въ тѣхъ случаяхъ, когда представительница судебной власти, прокуратура, стоитъ *за* преданіе виновнаго суду. Когда же прокуратура, солидарно съ начальствомъ обвиняемаго, оказывается *противъ* преданія суду, для потерпѣвшихъ получается абсолютная невозможность защитить свои права, какой бы тяжкій ударъ они ни потерпѣли. Наше право, въ отличіе отъ германскаго и австрійскаго, не знаетъ ни замѣняющаго, ни субсидіарнаго частнаго обвиненія; за исключеніемъ маленькой группы преступленій, допускающихъ примиреніе, у насъ—монополія государственнаго обвиненія.

Конечно, если бы наша прокуратура стояла на должной высотѣ, если бы она входила въ составъ независимыхъ и пользующихся громаднымъ моральнымъ авторитетомъ судебныхъ учрежденій, то и въ вопросѣ объ административной гарантіи, и въ цѣломъ рядѣ другихъ соприкасающихся съ дѣятельностью суда вопросовъ, судебной властью могло бы не мало быть сдѣлано въ тяжелое переходное время. Но извѣстно, что уже задолго до 17-го октября былъ нанесенъ рядъ ударовъ, не оставившихъ въ зданіи судебныхъ уставовъ камня на камнѣ. Произошло печальное приспособленіе новаго суда къ духу стараго режима; поколебалась независимость, была подорвана

несмѣняемость, служеніе великому дѣлу правосудія превратилось въ заурядную службу по судебному вѣдомству, и единственный вполнѣ независимый судъ—судъ присяжныхъ,—былъ совершенно устраненъ отъ всѣхъ дѣлъ, такъ или иначе затрогивающихъ интересы власти. Такимъ образомъ судебное вѣдомство, раньше стоявшее въ гордомъ одиночествѣ среди другихъ необновленныхъ учрежденій, къ моменту перехода къ новому строю уже было постепенно засосано реакціонной пучиной; большинство дѣятелей приспособилось къ новому курсу, и вышедшій изъ моды принципъ строгой законности стали отодвигать на второй планъ политическіе лозунги момента и мѣняющіяся теченія, соотвѣтствующія видамъ правительства.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ бывшаго министра юстиціи Муравьева и въ трудахъ работавшей подъ его предсѣдательствомъ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ очень часто выдвигаются задачи политическаго характера, которыя должны давать тонъ и окраску судебному дѣлу; задачи правосудія, задачи храненія строгой законности теряютъ пріоритетъ. Н. В. Муравьевъ въ качествѣ непререкаемаго начала возвѣщаетъ, что судъ, «какъ органъ правительства, долженъ быть солидаренъ съ другими его органами»... Онъ обязанъ «оберегать не только существующій законный порядокъ, но и *достоинство государства и его правительственной власти всюду, гдѣ это достоинство можетъ быть затронуто въ дѣлахъ судебнаго вѣдомства*». Такимъ образомъ охрана такъ называемаго престижа власти выдвигается впередъ, а идея законности, очевидно должна отступать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда власть выйдетъ изъ рамокъ закона. Услужливая комиссія, подхватывая данный ей тонъ, въ своихъ разсужденіяхъ уже прямо признаетъ необходимой для правительства не только возможность «*вліять*» на составъ судей, но и возможность «*направлять*» дѣятельность всѣхъ, кому «ввѣрена судебная власть въ интересахъ цѣлаго государства»...

Можно было ожидать, что манифестъ 17-го октября уже по самому духу своему положитъ конецъ описанному нами положенію вещей. Мы знаемъ, что этого не случилось. До сихъ поръ не возродились самостоятельность суда и несмѣняемость судей; до сихъ поръ даже въ судебной области принципъ законности далекъ отъ исключительнаго господства, а самая эта область являетъ невеселую картину, уже не разъ освѣщенную съ трибуны Государственной Думы.

Но ни печальное состояніе судебнаго вѣдомства, ни сохраненіе того важнѣйшаго щита для администраціи, которымъ является административная гарантія, не сыграли въ нашемъ обновленномъ

строѣ той выдающейся роли, которая принадлежитъ сохранившимся и при этомъ строѣ исключительнымъ положеніямъ.

И здѣсь, «впредь до выработки новаго закона», изъ года въ годъ возобновлялось въ старомъ порядкѣ и безъ всякаго участія законодательныхъ учрежденій дѣйствіе того или иного вида исключительныхъ положеній, начиная съ военнаго положенія и кончая предоставленіемъ губернаторамъ нѣкоторыхъ особыхъ полномочій. Имѣется немало мѣстностей, которыя ни одного дня при обновленномъ строѣ не знали нормальнаго порядка управленія; есть мѣстности, которыя его не знаютъ непрерывно болѣе четверти вѣка. Соотвѣтствующія вычисленія говорятъ намъ, что мѣстности, на которыя не распространенъ ни одинъ видъ чрезвычайныхъ полномочій администраціи, охватывали въ началѣ истекшаго года территорію съ менѣе чѣмъ пятью милліонами жителей изъ 157 милл. населенія Россіи, т. е. являлись какъ бы оазисами среди пустыни.

Ясно, что при такихъ данныхъ нельзя ссылаться для оправданія на «чрезвычайныя обстоятельства»: чрезвычайныя обстоятельства не могутъ длиться годами и годами же на громадной территоріи пріостанавливать дѣйствіе нормальнаго порядка управленія. Здѣсь явное злоупотребленіе терминологіей, ибо при такомъ пониманіи термина «чрезвычайное» совершенно исчезаетъ понятіе обычнаго и нормальнаго. Администрація при такомъ положеніи вещей систематически привыкаетъ къ началу усмотрѣнія; необходимое для роста и здороваго развитія страны чувство законности получаетъ рядъ систематическихъ ударовъ; рядомъ съ обычнымъ правосудіемъ дѣйствуетъ, оттѣсняя его, правосудіе спеціальное, отправляемое по исключительнымъ законамъ и соединенное съ кошмаромъ смертныхъ приговоровъ и казней, изъ которыхъ *ни одна* не имѣла бы мѣста, если бы судъ происходилъ и кары налагались въ соотвѣтствіи съ нормально дѣйствующими въ Россіи уголовными законами.

Словомъ, получается нѣчто абсолютно не вяжущееся съ началами, провозглашенными 17-го октября. Для всякаго, кому что-нибудь говорятъ уроки прошлаго, ясно, что основныя начала, органически необходимыя въ жизни уважающаго права и свободу гражданъ современнаго правоваго государства, могутъ быть обезпечены лишь тогда, когда имѣются на лицо прочныя гарантіи нормальнаго порядка управленія и когда созданъ такой законъ объ исключительныхъ положеніяхъ, который соотвѣтственно началамъ, освященнымъ наукой и опытомъ запада, можетъ быть примѣняемъ лишь на короткое время, при наличности дѣйствительно чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Практика исключительныхъ положеній стараго образца можетъ любыя права, любой законъ свести

на нѣтъ. Произвольное усмотрѣніе администраціи, столь для нея привычное, всегда является угрозой для развитія надлежащихъ правовыхъ перспективъ и можетъ сдѣлать призрачными всѣ свободы, возвѣщенныя при переходѣ къ новому строю.

Примѣры на лицо, и ихъ масса. Если мы оглянемся на послѣднюю избирательную кампанію, давшую длинный рядъ разнообразныхъ злоупотребленій спеціальными полномочіями, если мы поставимъ себѣ вопросъ, почему во время выборовъ и вообще за послѣдніе годы на пространствѣ огромной Россіи почти не видно и не слышно собраній, необходимыхъ при живомъ біеніи пульса общественной жизни; если мы вспомнимъ массу недопущенныхъ съѣздовъ и лекцій, массу закрытыхъ обществъ и союзовъ, если мы не закроемъ глазъ на положеніе печати, осыпаемой штрафами и другими административными репрессіями, если мы прибавимъ сюда то примѣненіе каръ безъ суда или въ чрезвычайномъ судебномъ порядкѣ, о которомъ мы уже говорили, то, намъ кажется, яснымъ и очевиднымъ сдѣлается тотъ фактъ, что широкая практика исключительныхъ положеній стараго образца находится въ полной дисгармоніи съ задачей дѣйствительнаго обновленія нашей родины и создаетъ неодолимую преграду для ея закономѣрнаго развитія на началахъ свободы и культуры.

III.

Но не только практика исключительныхъ положеній бросаетъ мрачную тѣнь на нашу правовую жизнь; эта практика дополняется другими, весьма печальными явленіями, также расходящимися съ новыми началами государственной жизни, провозглашенными 17 октября.

Какъ извѣстно, установленіе *законодательной* Государственной Думы сопровождалось расширеніемъ избирательныхъ правъ населенія и демократизаціей избирательнаго закона по сравненію съ закономъ, относившимся къ законосовѣщательной Булыгинской Думѣ, причемъ предуказывалось дальнѣйшее расширеніе и дальнѣйшая демократизація. Въ дѣйствительности же, безъ всякаго участія новыхъ законодательныхъ учрежденій, былъ созданъ новый избирательный законъ 3-го іюня, который сдѣлалъ громадный шагъ назадъ, значительно урѣзавъ избирательныя права населенія и ввелъ цѣлый рядъ ограниченій, совершенно идущихъ въ разрѣзъ съ идеей демократизаціи.

Далѣе, 17-го октября были провозглашены конституціонныя начала свободы печати, собраній, союзовъ и т. д.; эти начала должны были получить твердыя и незыблемыя гарантіи. И опять таки «впредь до выработки въ законодательномъ порядкѣ» страна получила, вмѣсто возвѣщенныхъ свободъ, изданныя бюрократическимъ путемъ «временныя правила», которыя, какъ учитъ нашъ историческій опытъ, являются самыми прочными и длительными формами нашего законодательства. По существу въ этихъ правилахъ дается не послѣдовательное проведеніе новыхъ началъ, а противорѣчивый и непослѣдовательный компромиссъ стараго съ новымъ, съ явнымъ наклономъ въ сторону стараго и съ замѣтной тенденціей новыми словами и терминами прикрывать старое содержаніе. Примѣры здѣсь безчисленны. Для собраній и союзовъ указанъ какъ будто бы *явочный* порядокъ, но вчитайтесь внимательнѣе, всмотритесь, какъ узки и неясны предѣлы узаконенной свободы и какъ, наоборотъ, широко административное усмотрѣніе,—и вы увидите, что по существу сохранился старый *разрѣшительный* порядокъ. Предварительная цензура для печати въ общемъ уничтожена; для изданія періодическаго органа нужно только заявленіе – и въ тоже время полностью сохранены старыя правила о типографіяхъ, находящихся по прежнему въ громадной зависимости отъ администраціи; въ результатѣ—возможность не только оказывать давленіе на прессу, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ уничтожать ея существованіе.

Но и на этомъ не оканчиваются злоключенія нашей юной гражданской свободы. При обновленномъ строѣ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣлъ и получилъ небывалую широту институтъ такъ называемыхъ «разъясненій», путемъ которыхъ вскрывался «истинный смыслъ» того или иного закона, и зачастую—такой смыслъ, о которомъ до сихъ поръ никто не подозрѣвалъ. Можно было, наблюдая со стороны, подумать, что власти у насъ рѣшительно прониклись началами скептической философіи, учившей, что слѣдуетъ сомнѣваться во всемъ, даже въ томъ, что на первый взглядъ ясно и очевидно.

Изъ массы примѣровъ выберемъ нѣсколько болѣе яркихъ. Долгіе годы въ русскихъ университетахъ свободно работала приватъ-доцентура; забота о ея развитіи составляла одну изъ немногихъ свѣтлыхъ чертъ устава 1884-го года. Приватъ-доценты неоднократно объявляли и читали курсы параллельные профессорскимъ, и этотъ порядокъ въ теченіе почти тридцати лѣтъ признавали законнымъ самые разнообразные по взглядамъ и пріемамъ управленія министры народнаго просвѣщенія, начиная съ И. Д. Делянова и до А. Н. Шварца. Но какъ только совершился поворотъ въ сторону назначенія профессоровъ (которымъ грозила опасность объявленія парал-

лельныхъ и успѣшно конкуррирующихъ съ ними курсовъ)—немедленно со стороны министерства послѣдовалъ циркуляръ съ «разъясненіемъ» закона, гдѣ однимъ почеркомъ пера уничтожалась многолѣтняя практика, и параллельные приватъ-доцентскіе курсы хоронились какъ несоотвѣтствующіе закону.

Здѣсь дѣло касалось стараго закона; но не лучше была судьба новаго. Возьмемъ извѣстные законы объ университетской автономіи и развитіи выборнаго начала для профессуры; они явно шли въ разрѣзъ съ духомъ и буквой университетскаго устава 1884 г., который въ свое время разгромилъ и автономію, и выборное начало. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ явилось «разъясненіе», что старыя нормы, стоящія въ непримиримомъ противорѣчіи съ новымъ закономъ, отнюдь не отмѣнены; новый законъ при кодификаціи попалъ *въ примѣчаніе* къ старымъ статьямъ, а практика развернула длинную ленту назначеній (между прочимъ—и лицъ забаллотированныхъ), переводовъ «для пользы службы» и т. п. Автономію, какъ оказывается, «разъяснили» такъ основательно, что упоминать о ней сейчасъ приходится лишь съ горькой улыбкой. Ее постигла та же участь, что и свободу собраній и союзовъ, которую не только аналогичнымъ образомъ разъяснили, но самый текстъ провозгласившаго ее закона упрятали при кодификаціи въ примѣчаніе къ статьѣ, воспрещающей «безпокоить жителей набатнымъ звономъ»...

Въ числѣ другихъ организацій, имѣющихъ широкое общественное значеніе, разъяснительная дѣятельность не оставила вниманіемъ адвокатуру и свободу ея слова на судѣ.

У насъ, правда, не существовало особой нормы, которая прямо устанавливала бы иммунитетъ адвокатскаго слова, столь важный и желательный въ интересахъ свободы защиты. Но характерно, что во все время существованія судебныхъ уставовъ, вплоть до момента провозглашенія обновленнаго строя, *фактически* этотъ иммунитетъ существовалъ, ибо (за исключеніемъ рѣдкихъ и не особенно важныхъ дѣлъ объ оскорбленіи отдѣльныхъ лицъ) мы не знаемъ случаевъ преслѣдованія адвоката за рѣчь на судѣ.

Положеніе адвокатуры, особенно въ политическихъ процессахъ, часто оказывалось труднымъ и щекотливымъ. Извѣстнаго рода пресса неоднократно за рѣчи въ этихъ процессахъ обвиняла адвокатуру въ апологіи преступленій и, въ частности, политическаго убійства, въ чтеніи съ трибуны лекцій по революціонизму, въ подрывѣ авторитета властей, въ сочувствіи террору и т. п. Недовѣріе власти къ адвокатурѣ влѣдствіе этого расло, но никакихъ спеціальныхъ карательныхъ мѣръ все же не предпринималось. Сохранялось то право свободнаго слова на судѣ, безъ котораго, по вѣрному и вѣскому за-

мѣчанію Спасовича, самая защита легко можетъ сдѣлаться неполной, притворной и унизительной.

Честь иной постановки вопроса принадлежитъ нашимъ обновленнымъ временамъ. Давъ широкое «разъясненіе» своимъ спеціальнымъ полномочіямъ, одинъ изъ губернаторовъ наложилъ въ административномъ порядкѣ штрафъ на присяжнаго повѣреннаго за рѣчь, произнесенную на судѣ. Это невѣроятное вмѣшательство въ судебное дѣло, подрывая самыя основы независимаго правосудія, создавало такія условія, при которыхъ въ мѣстахъ, находящихся внѣ нормальнаго порядка управленія, свободное слово адвокатуры стало бы совершенно невозможнымъ. Правда, эта административная кара была отмѣнена, но извѣстный осадокъ все же остался, ибо отмѣна явно незаконнаго распоряженія послѣдовала не сразу, а лишь послѣ дружнаго протеста общей и спеціальной прессы. Никакого опредѣленнаго принципіальнаго разъясненія не послѣдовало и никакихъ непріятныхъ послѣдствій для смѣлаго экспериментатора его «опытъ» не имѣлъ.

Но уцѣлѣвшій отъ административнаго воздѣйствія иммунитетъ адвокатскаго слова не уцѣлѣлъ въ сферѣ судебной, какъ показало дѣло присяжнаго повѣреннаго Гиллерсона и данныя по этому дѣлу разъясненія.

Впервые въ Россіи адвокатъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ политическомъ преступленіи и осужденъ за рѣчь, сказанную на судѣ, при чемъ эта рѣчь въ засѣданіи была благополучно доведена до конца и не вызвала никакихъ проявленій дисциплинарной власти предсѣдателя, который, очевидно, не усмотрѣлъ въ рѣчи никакого беззаконія. Высшая инстанція, куда былъ обжалованъ обвинительный приговоръ, дала такое разъясненіе, которое принципіально отвергло у насъ какой бы то ни было иммунитетъ адвокатскаго слова на судѣ. Разъясняя, не пожелали принять во вниманіе, что адвокатъ, по закону, профессіональному долгу и совѣсти обязанный выяснить передъ судомъ *все*, что можетъ говорить въ пользу подсудимаго или въ обоснованіе предъявленнаго въ уголовномъ судѣ иска, находится въ особыхъ условіяхъ, благодаря которымъ ему *необходимъ* максимумъ свободы слова, ибо безъ нея существенные факты могутъ не получить надлежащаго освѣщенія, и самая защита окажется такимъ образомъ кастрированной.

За разъясненіемъ правъ адвокатуры мы должны отмѣтить разъясненіе правъ печати.

Мы знаемъ уже, что за провозглашеніемъ принципа свободы печати не было издано закона, который укрѣпилъ бы эту свободу и, устанавливая ея предѣлы, въ то же время далъ бы ей прочныя

гарантіи. Явились лишь «временныя правила», весьма далекія отъ дѣйствительной свободы и весьма щедрыя на установленіе преступленій печати и каръ, налагаемыхъ за эти преступленія, при чемъ эта криминальная часть временныхъ правилъ при кодификаціи была внесена въ старое уложеніе о наказаніяхъ, а не въ новое уголовное уложеніе. Въ новомъ уголовномъ уложеніи существуетъ цѣлый рядъ весьма строгихъ статей, которыя составлялись еще при существованіи цензуры, и потому, какъ прямо указывалось редакторами уложенія въ ихъ объясненіяхъ, имѣли въ виду печать нелегальную, подпольную. И, какъ ни ясно это положеніе дѣлъ, все же и здѣсь послѣдовали «разъясненія», что статьи новаго уложенія вполнѣ примѣнимы къ печати, дѣйствующей легально и открыто. Въ результатѣ—возможность судить преступленія печати и по старому, и по новому уложенію, возможность выбирать по вкусу и желанію тотъ или другой путь, ведущій, при одинаковомъ существѣ дѣла къ весьма неодинаковымъ послѣдствіямъ.

Таковы «разъясненія» общаго характера; но имѣются не менѣе важныя частныя разъясненія.

Введеніе у насъ представительныхъ учрежденій естественно повлекло за собой признаніе права печати давать отчеты о засѣданіяхъ этихъ учрежденій и воспроизводить рѣчи, произносимыя тамъ съ трибуны. Это право, вытекая изъ самой природы, сущности и задачъ народнаго представительства, является общепризнаннымъ въ наукѣ и практикѣ запада и никакихъ сомнѣній не вызываетъ. Но у насъ и здѣсь явилось сомнѣніе, а вслѣдъ за нимъ разъясненіе.

Разъяснено, что лишь *полное* воспроизведеніе всего происходившаго въ засѣданіи даетъ указанную въ законѣ гарантію отъ привлеченія къ суду; изложеніе же съ сокращеніями и воспроизведеніе отдѣльныхъ рѣчей или ихъ частей есть уже субъективизмъ, заключающій въ себѣ возможность тенденціознаго подбора матеріала, и потому такого рода изложеніе, даже если оно сдѣлано съ буквальной точностью, не исключаетъ возможности привлеченія къ суду.

Ясно, что при непосильной для огромнаго большинства газетъ и журналовъ затраты на печатаніе полныхъ стенографическихъ отчетовъ, «разъясненіе совершенно подорвало право печати свободно оглашать все происходящее въ нашихъ представительныхъ учрежденіяхъ. Имѣется уже на лицо и первая ласточка: привлеченіе по 129 ст. газетъ «Лучъ» и «Правда» за напечатаніе декларации с.-д. фракціи Государственной Думы, прочтенной съ трибуны чле-

номъ Думы Малиновскимъ въ отвѣтъ на декларацію премьеръ-министра.

Коснулась, наконецъ, разъяснительная дѣятельность даже такой области, какъ область правъ избирателей и правъ депутатовъ.

Законъ далъ населенію избирательное *право* и установилъ *тайное* голосованіе, чтобы устранить возможность давленій на избирателя и охранить *свободное* пользованіе правомъ голоса. Конечно, это не предотвратило разныхъ обходовъ и злоупотребленій, которыя имѣли мѣсто, начиная уже съ первой избирательной кампаніи; съ каждой дальнѣйшей кампаніей эти злоупотребленія росли, въ минувшую же кампанію они достигли громадныхъ размѣровъ и практиковались открыто. Для духовенства избирательное право было превращено въ избирательную повинность; съ угрозами, иногда вполнѣ откровенно изложенными въ особыхъ циркулярахъ, мѣстныя духовныя власти требовали отъ подчиненнаго имъ клира обязательной явки на выборы и голосованія за кандидатовъ изъ правого лагеря; члены клира, попавшіе въ выборщики, но признанные сомнительными или нежелательными, не получали «благословенія» на явку въ избирательное собраніе и, такимъ образомъ, фактически лишались полномочій; на мѣста, для надзора и дисциплины, посылались особые руководители и дирижеры, фамиліи которыхъ иногда прямо печатались въ газетахъ, настолько открыто они выполняли свою миссію.

А между тѣмъ, охраняя свободу выборовъ и предвидя, что съ помощью различныхъ манипуляцій можно путемъ давленія фактически превратить тайное голосованіе въ открытое, законодатель создалъ уголовный законъ (ст. 328[1]), который гласитъ, что всякій, кто «угрозою, насиліемъ надъ личностью, злоупотребленіемъ властью или отлученіемъ отъ общенія... воспрепятствуетъ избирателю или выборщику свободно осуществлять право выборовъ... наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ». Наказаніе повышается, если виновный дѣйствовалъ при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Какъ же примирить это охраняемое закономъ свободное осуществленіе избирательнаго права съ вышеприведенными фактами?

Оказывается, что и здѣсь имѣли мѣсто «разъясненія». Были сдѣланы указанія на то, что законы о выборахъ не могутъ упразднить особую церковную дисциплину и право высшихъ членовъ клира наставлять и направлять низшихъ. Конечно, эта софистика, отдающая іезуитизмомъ, должна быть признана совершенно несостоятельной: въ дисциплинарномъ порядкѣ нельзя дѣйствовать, сводя на нѣтъ обязательный для всѣхъ законъ, а особенно законъ,

грозящій карами за всякое злоупотребленіе властью именно въ данной области; иначе общій законъ потеряетъ всякій смыслъ и значеніе, и подъ фирмою пастырскаго руководства и осуществленія дисциплинарной власти сдѣлаются возможными безграничный произволъ и самое откровенное давленіе.

Все это мы и видѣли теперь, благодаря допущеннымъ «разъясненіямъ».

Обратимся теперь къ вѣнцу разъяснительной политики: къ разъясненію предѣловъ свободы депутатскаго слова.

До конца 1911 г. существованіе этой свободы не вызывало ни у кого никакихъ сомнѣній. Въ декабрѣ этого года появилось извѣстіе, привлекшее къ себѣ вниманіе какъ общей, такъ и спеціальной прессы: совѣтъ министровъ постановилъ дать ходъ жалобѣ депутата Гололобова на депутата Кузнецова и направить это дѣло по принадлежности въ первый департаментъ Государственнаго Совѣта. Кузнецовъ былъ привлеченъ за клевету, въ виду словъ, сказанныхъ имъ по адресу Гололобова по поводу дѣла объ убійствѣ въ Екатеринославѣ доктора и депутата Караваева, т. е. привлеченъ за *рѣчь*, сказанную *въ стѣнахъ Государственной Думы*, въ одномъ изъ ея *засѣданій*.

Послѣ долгихъ перипетій, одною изъ которыхъ было разсмотрѣніе дѣла первымъ департаментомъ Государственнаго Совѣта, послѣдовало сенатское разъясненіе относящихся сюда законовъ. Сенатъ призналъ, что членъ Государственной Думы можетъ быть привлеченъ къ уголовной отвѣтственности за произнесенную въ Думѣ рѣчь какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется дѣяніе, преслѣдуемое лишь по частной жалобѣ (оскорбленіе, клевета и т. п.), такъ и *во всѣхъ другихъ случаяхъ* нарушенія путемъ рѣчи какого-либо уголовнаго закона.

Постановляя это рѣшеніе по дѣлу огромной общественной и принципіальной важности, сенатъ пошелъ на встрѣчу той точкѣ зрѣнія, которую проводило въ данномъ вопросѣ министерство юстиціи. Всѣ серьезныя и многочисленныя возраженія, своевременно вызванныя ею въ печати, были отброшены; громадная ихъ часть даже обойдена молчаніемъ. По существу своимъ новымъ разъясненіемъ сенатъ нанесъ самый серьезный ударъ свободѣ слова въ нашемъ народномъ представительствѣ.

Не забудемъ, прежде всего, что споръ шелъ не о преступленіяхъ членовъ Думы, родственныхъ служебнымъ преступленіямъ. По ст. 22-ой учр. Гос. Думы, «привлеченіе къ отвѣтственности» членовъ Думы допускается, но оно можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда на лицо «*преступныя дѣянія*», совершенныя ими «при испол-

неніи или по поводу исполненія обязанностей» члена Думы. Сопоставляя эту статью со ст. 14-ой того же учрежденія, гдѣ сказано, что «члены Думы пользуются *полной свободой сужденій и мнѣній* по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, мы видимъ, что «сужденія», а слѣдовательно, и рѣчи членовъ Думы *противополагаются* «преступнымъ дѣяніямъ», о которыхъ говоритъ ст. 22-ая. Эта послѣдняя, очевидно, имѣетъ въ виду не рѣчи, а дѣянія членовъ Думы, аналогичныя съ преступленіями по должности лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ. Въ виду текста этой статьи, никто не сомнѣвался въ томъ, что депутатъ, продающій свой голосъ, выдающій врагамъ родины ввѣренныя ему тайны, учиняющій подлоги въ доставленныхъ въ Думу документахъ и т. п., *можетъ и долженъ быть привлеченъ къ уголовной отвѣтственности.*

Здѣсь вопросъ былъ ясенъ, и въ разъясненіи закона не было никакой надобности.

Всей своей тяжестью новое разъясненіе упало не сюда, а на рѣчи, произносимыя въ стѣнахъ Государственной Думы, въ ея засѣданіяхъ вообще и при осуществленіи права запросовъ въ частности. По существу это разъясненіе упразднило 14 ст. и сдѣлало самое бытіе этой статьи совершенно непонятнымъ. Дѣло въ томъ, что свободу сужденій и мнѣній, не затрагивающихъ сферы, охраняемой уголовнымъ закономъ, имѣютъ *всѣ* граждане Россіи, а потому оговаривать эту свободу въ законѣ спеціально для членовъ Думы, очевидно, не имѣло бы никакого смысла. Поэтому столь же очевидно, что особая статья, и притомъ говорящая о *полной* свободѣ сужденій и мнѣній, не могла и не можетъ имѣть другого значенія кромѣ того, что ею у насъ въ Россіи установленъ и признанъ тотъ *иммунитетъ депутатскаго слова*, который необходимъ по самой идеѣ свободнаго народнаго представительства, а потому признается съ точки зрѣнія конституціоннаго права одной изъ основныхъ гарантій, не допускающихъ никакихъ изъятій, ибо иначе широкое и свободное осуществленіе депутатомъ своего долга можетъ встрѣтить серьезныя препятствія.

Для борьбы съ злоупотребленіемъ словомъ на трибунѣ (будетъ ли это преступный призывъ, или посягательство на частныя права) и наука, и практика запада выработали рядъ способовъ, которыми можно было бы воспользоваться и у насъ. Да и самая опасность злоупотребленій не такъ велика: иммунитетъ дается не слову перваго встрѣчного, а слову представителей и избранниковъ народа, къ которымъ нужно подходить съ презумпціей извѣстнаго довѣрія. Колебать, изъ опасенія возможныхъ злоупотребленій, самую

идею иммунитета, создавать путемъ болѣе чѣмъ спорнаго разъясненія возможность преслѣдованія въ судебномъ (хотя бы и исключительномъ) порядкѣ за рѣчь, сказанную съ думской трибуны,—значило бы, по вѣрному нѣмецкому выраженію, «вмѣстѣ съ водой изъ ванны выплеснуть и ребенка». Надъ головами депутатовъ виситъ теперь Дамокловъ мечъ; открыта дорога для придирокъ и злоупотребленій, и вмѣстѣ съ этимъ создана опасность для той свободы слова, которая должна быть полной именно въ общественныхъ интересахъ, именно для того, чтобы народные представители могли твердо и увѣренно выполнять свою высокую миссію.

Перспективы думской работы при наличности приведеннаго «разъясненія» сгущаются и покрываются темной дымкой. Одна изъ важнѣйшихъ конституціонныхъ гарантій оказывается подорванной.

IV.

Нашъ краткій обзоръ законченъ. Мы видѣли, что попытки насажденія законности и введенія хоть нѣкоторыхъ гарантій правъ населенія терпѣли неизмѣнно крушеніе до тѣхъ поръ, пока власть желала сохранить незыблемыми наши самобытные историческіе устои.

17-го октября положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Созданіе не законосовѣщательныхъ, а законодательныхъ учрежденій, предоставленіе имъ контроля надъ закономѣрностью дѣйствій властей и провозглашеніе свободы слова, собраній, совѣсти и т. д.,—все это не явилось плодомъ самобытнаго творчества и не имѣло у насъ традиціонныхъ корней. Въ отступленіе отъ самобытныхъ началъ здѣсь воспроизводились основные принципы конституціоннаго строя, провозглашался переходъ къ строго-правовому порядку, гарантированному вездѣ, гдѣ признана важность безпрепятственнаго развитія свободы и культуры.

Подъ вліяніемъ наступившей реакціи основы новаго государственнаго строя не были воплощены въ жизнь. Началось движеніе назадъ; развилось стремленіе объять необъятное и соединить несоединимое. Рядъ лѣтъ ушелъ на господство лозунга: «сперва успокоеніе, потомъ реформы»; поэтому реформъ, необходимыхъ для дѣйствительнаго обновленія родины, предпринято не было. Продленіе практики исключительныхъ положеній, въ соединеніи съ сохраненіемъ административной гарантіи, двойственный и тяготѣющій къ старому порядку характеръ всевозможныхъ «временныхъ правилъ» и, наконецъ, система безчисленныхъ и безбрежныхъ «разъясненій» со

стороны призванныхъ и непризванныхъ, высшихъ и низшихъ, часто шедшая въ разрѣзъ съ закономъ и притомъ глубоко тенденціозная въ смыслѣ отрицанія новыхъ началъ государственнаго строя и воскрешенія старыхъ,—все это подрывало вѣру въ торжество законности, упраздняло всѣ важнѣйшія гарантіи правъ гражданъ и такимъ образомъ, колебля юридическіе и моральные устои политической и общественной жизни, взвращало одновременно эгоистическую и обывательскую психологію, ложилось гнетомъ на всякую общественную иниціативу и придавливало общественную энергію. Получилась та вредная для страны и недопустимая двойственность, при которой руководящій курсъ и практика управленія оказались въ дисгармоніи съ духомъ и смысломъ провозглашенныхъ новыхъ началъ государственнаго строя. Понятно, такое положеніе дѣлъ отразилось и на работѣ законодательныхъ учрежденій, особенно со времени реформированія Думы закономъ 3-го іюня. Здѣсь явилось законодательствованіе изо дня въ день, а не та могучая творческая работа, безъ которой невозможны ни развитіе силъ нашего во многомъ отставшаго отечества, ни вліятельное его положеніе въ средѣ современныхъ культурныхъ народовъ.

Этой работѣ конца-краю нѣтъ, ибо, повторяемъ, мы отстали во многихъ областяхъ. Возьмемъ область финансовъ—и мы увидимъ массу косвенныхъ налоговъ, всей своей тяжестью падающихъ на малоимущіе классы, винную монополію, широко разбросившую свою сѣть и стремящуюся къ извлеченію возможно большихъ доходовъ изъ того зла алкоголизма, которое покойный Д. А. Дриль такъ справедливо назвалъ «великимъ горемъ народнымъ»; увидимъ забронированность массы кредитовъ отъ воздѣйствія народнаго представительства и пр., и пр.

Въ области гражданско-правовыхъ отношеній мы имѣемъ до безобразія устарѣвшій X-ый томъ свода законовъ и громадную пеструю надстройку сенатскихъ толкованій, составившуюся по частямъ, изъ отдѣльныхъ кусковъ, не связанныхъ никакимъ общимъ планомъ, и порою весьма мало соотвѣтствующую тексту закона.

Въ области уголовно-правовой у насъ полный хаосъ, въ видѣ частичнаго дѣйствія «новаго» уголовнаго уложенія, которое уже во многомъ устарѣло и не согласуется съ началами обновленнаго строя, и продолжающагося дѣйствія стараго уложенія о наказаніяхъ, которое даже офиціально уже не разъ было прямо признано «тормазомъ въ дѣлѣ осуществленія настоящаго правосудія».

Въ области остального публичнаго права отрицательныя явленія, освѣщенныя нами въ настоящей статьѣ, служатъ могучимъ тормазомъ дѣлу прогресса Россіи, вызывая необходимость энергич-

наго законодательнаго творчества, которое положило бы конецъ этимъ явленіямъ.

Предсѣдатель 4-й Государственной Думы въ своей рѣчи, которая произвела громадное впечатлѣніе и привлекла къ себѣ особое вниманіе и друзей, и враговъ, поставилъ въ качествѣ очередныхъ задачъ нашего народнаго представительства «устраненіе въ условіяхъ повседневной народной жизни проявленій недопустимаго произвола» и «укрѣпленіе основъ представительнаго строя на конституціонныхъ началахъ», при чемъ вторая изъ указанныхъ задачъ была названа «первой и непреложной».

Доказать, что обѣ названныя задачи дѣйствительно являются первыми и непреложными—это и было цѣлью нашей статьи. Прибавимъ только, что работа для выполненія этихъ задачъ не терпитъ промедленія.

Пока мы стоимъ на мѣстѣ или пятимся назадъ, другіе народы безпрепятственно и неуклонно подвигаются впередъ, укрѣпляя и развивая тѣ начала свободы и культуры, внѣ которыхъ немыслимо развитіе свободнаго государства.

Новая исторія продемонстрировала силу этихъ началъ самымъ наглядным образомъ. Въ нѣсколько десятилѣтій маленькая Японія пошла по конституціонному пути, испытанному народами иной расы и иной культуры, и превратилась въ большую, мощную державу. Главный членъ юнаго балканскаго союза, Болгарія, сорокъ лѣтъ назадъ была турецкой провинціей, изнывавшей подъ игомъ гнета и безправія, бѣдности, страданій и темноты народной. Если мы спросимъ себя, какое чудо ее переродило, дало ей такія силы, такое національное воодушевленіе и подняло ее такъ высоко, то мы можемъ отвѣтить лишь одно: это чудо называется правомъ и культурой, которыя свободно развивались на опредѣленномъ конституціонномъ пути, не знавшемъ ни остановокъ, ни явной или прикрытой реакціи, если не считать кратковременной стамбуловщины, не оставившей послѣ себя почти и слѣда.

Учтемъ все это, и мы увидимъ, что и передъ нашимъ отечествомъ лежитъ лишь одинъ путь, ведущій къ дѣйствительному укрѣпленію и процвѣтанію. Имя этому пути — послѣдовательное проведеніе въ жизнь посредствомъ напряженнѣйшей работы основныхъ началъ права и свободы. Отказъ отъ политики «успокоенія» и нераздѣльнаго съ нею, изъ года въ годъ подтверждаемаго господства исключительныхъ положеній разныхъ видовъ и наименованій, возстановленіе гармоніи между стремленіями народа и начинаніями власти,—вотъ что, двинетъ насъ впередъ, къ осуществленію великихъ

историческихъ задачъ и въ минуты грозныхъ испытаній поможетъ твердо и спокойно смотрѣть въ неизвѣстное будущее.

Проф. М. Чубинскій.

ПИСЬМО ИЗЪ АЛЖИРА.

— Мы облагодѣтельствовали арабовъ. Мы имъ дали правосудіе и установили порядокъ. Конечно, мы держимъ въ рукахъ этихъ людей. Иначе нельзя. Случись убійство француза гдѣ-нибудь въ глубинѣ страны, мы немедленно пошлемъ въ тюрьму шейка. «Будешь сидѣть, пока найдутъ убійцу»,—говорятъ ему. И убійца всегда находится. Да, безъ строгости тутъ нельзя. Это для пользы населенія же; но этихъ людей мы осчастливили.—Такую мысль развивалъ мнѣ французъ-колонистъ, хозяинъ маленькаго трактирчика съ громкимъ названіемъ, выстроеннаго на развалинахъ Карѳагена. Трактирчикъ стоитъ на склонѣ Бирсы, на томъ самомъ мѣстѣ, вѣроятно, гдѣ много вѣковъ назадъ тянулся рядъ таверенъ, съ плоскихъ крышъ которыхъ хозяева и женщины выглядывали карѳагенскія триремы, возвращавшіяся въ портъ. Моряки въ высокихъ черныхъ скуфьяхъ, въ свою очередь, выглядывали таверны, потому что во время долгаго плаванья истомились по женщинамъ, по сладострастнымъ пляскамъ и по густому вину, сваренному съ медомъ и пряностями. Вѣроятно, если въ то время какой-нибудь заѣзжій грекъ обѣдалъ въ тавернѣ, хозяинъ-карѳагенянинъ тоже развивалъ свой взглядъ, что республика облагодѣтельствовала варваровъ, которыхъ подчинила себѣ. Хозяинъ-французъ высказывалъ мнѣ упомянутый взглядъ, когда показывалъ свой погребъ. Признаться, меня этотъ погребъ очень заинтересовалъ. Устроенъ онъ былъ въ старой цистернѣ временъ пуническаго Карѳагена. Кладка стѣнъ поражала своею монументальностью и прочностью. Такъ какъ цистерна была глубиной аршинъ въ 15, то хозяинъ устроилъ помостъ изъ досокъ на разстояніи аршинъ 10 отъ пола, прорубилъ двери въ саженной стѣнѣ, проковырялъ дыру въ сводѣ, и послѣ этого старинный водоемъ превратился въ хранилище для мѣстнаго скверная вина.

Взглядъ, подобный тому, который развивалъ мнѣ хозяинъ, я нашелъ потомъ въ литературѣ, изданной въ Алжирѣ и въ Тунисѣ французами. «Мусульмане, населявшіе Тунисъ и Алжиръ до пришествія французовъ, находились въ послѣдней стадіи паденія. Въ теченіе вѣковъ населеніе постепенно уменьшалось. Земля поросла бурьяномъ и кустарникомъ, а въ странѣ всюду царила анархія и полный произволъ. Въ 1830 году населеніе Алжиріи едва достигало двухъ милліоновъ. Въ 1881 году въ Тунисѣ было менѣе милліона жителей. Въ настоящій моментъ мы видимъ населеніе въ шесть милліоновъ въ странѣ, которая легко могла бы прокормить 18 милліоновъ. Мало по малу мы установили всюду порядокъ и правосудіе. Мы вырыли гавани, провели дороги и проложили желѣзнодорожную сѣть» [1]). Французы «принесли туземцамъ возможность осуществленія своихъ наиболѣе завѣтныхъ желаній. Арабы получили: *безопасность*, тогда какъ раньше жизнь ихъ находилась въ вѣчной опасности, *порядокъ*, тогда какъ раньше царствовала нескончаемая анархія, *правосудіе*, тогда какъ прежде у нихъ грабили все то, что наиболѣе дорого человѣку, наконецъ—*свободу*, тогда какъ раньше стонали подъ ярмомъ произвола. Подъ властью турецкихъ султановъ и беевъ алжирцы и тунисцы терпѣли страшное угнетеніе. Французы, завоевавши край, освободили народъ. И если послѣдній не сразу оцѣнилъ это, то теперь, вѣроятно, понялъ значеніе пришествія французовъ. Прежде земледѣльцы работали не для себя, а для губернатора, для *байлика* (правительства) или для разбойниковъ разнаго наименованія. Населеніе предпочитало ружье плугу и пастушескую жизнь земледѣльческой. Теперь Алжиръ и Тунисъ превратились въ страны для колонистовъ. Населеніе здѣсь не имѣетъ больше оружія и большихъ стадъ, а лошади превратились въ предметъ роскоши, доступный только богатымъ людямъ. Въ прежнее время торговля ограничивалась только обмѣнами нѣсколькихъ мѣстныхъ продуктовъ, такъ какъ ее парализовала необезпеченность. Теперь существуетъ значительный вывозъ мѣстныхъ продуктовъ въ Европу, а еще значительнѣе ввозъ европейскихъ фабрикатовъ въ африканскую колонію. Тунисъ и Алжиръ находятся въ соприкосновеніи съ европейской промышленностью и принимаютъ въ ней участіе. Трудъ обогатилъ многихъ, а всѣ поняли всю важность образованія, принесеннаго французами. Вотъ почему съ каждымъ днемъ растетъ число туземцевъ, посылающихъ своихъ дѣтей во французскія школы. На что, въ самомъ дѣлѣ, могло раньше пригодиться образованіе? Умѣнье владѣть ружьемъ, управленіе

[1]) *Jules Saurin*, «L'Oeuvre française en Tunisie». P. VII.

плугомъ или способность присматривать за стадами имѣли гораздо большее значеніе, чѣмъ наука. Какую пользу можетъ принести въ настоящее время умѣнье владѣть ружьемъ или воевать въ мирной общинѣ? Неоспоримо лучшимъ оружіемъ для арабовъ является теперь умѣнье говорить по французски и грамота (французская)» [1]).

На чемъ основываются горделивыя претензіи подобнаго рода? Любознательный туристъ, путешествующій по Тунису и Алжиру with an oppen mind, какъ говорятъ англичане, убѣждается, что французы вымостили улицы въ большихъ городахъ, проложили отличныя шоссейныя и плохія желѣзныя дороги, построили школы, въ которыхъ арабчата обучаются относиться съ презрѣніямъ къ своему родному языку, соорудили гостиницы, вмѣсто «фондуковъ», кинематографы, вмѣсто балагановъ, гдѣ показывались наивныя и безстыдныя похожденія «Карагуза» (Карагёза), центральныя каторжныя тюрьмы, вмѣсто туземныхъ каталажекъ. Французы завели всюду хорошую полицію всякаго рода, охраняющую всякими правдами и неправдами интересы европейцевъ, хотя при этомъ постоянно страдаютъ интересы туземцевъ. Побѣдители не соорудили ни одного монументальнаго сооруженія, которые могли бы хотя отчасти сравниться съ грандіозными постройками, оставленными здѣсь римлянами. Водопроводъ близъ Карѳагена, мостъ въ Константинѣ, термы въ Тимгадѣ, арки въ Ламбелѣ и Аннурѣ стоятъ вотъ уже 18—20 вѣковъ. Что останется черезъ 1000 лѣтъ отъ всего того, что соорудили теперь французы въ Тунисѣ и Алжирѣ? Куча мусора, самое большее. Французы сдѣлали такъ, что *имъ* удобно жить теперь въ любомъ углу Алжира и Туниса; и напрасно стали бы мы искать признаковъ, доказывающихъ, что туземное населенія «облагодѣтельствовано». При бѣяхъ съ земледѣльцевъ, напр., взымалась десятина, *лемза*. Въ урожайный годъ бей получалъ много, а въ плохой—мало. Французы нашли, что налогъ, уплачиваемый натурой, представляетъ собою слишкомъ примитивную форму фискальнаго обложенія. Они перевели *лемзу* на деньги, принявъ за основу самый лучшій урожай. Теперь арабъ долженъ платить завоевателямъ, «облагодѣтельствовавшимъ» его, налоги деньгами, которыхъ очень мало. Эти налоги выплачиваются шейками, которыя при этомъ никогда не забываютъ себя. Путешественникъ видитъ, что нѣкоторыя кварталы въ Тунисѣ, Алжирѣ и Константинѣ похожи вполнѣ на «маленькій Парижъ». Тутъ гостиницы съ лифтами, модные магазины, высокіе дома, электрическое освѣщеніе, автомобили на улицахъ. Но въ тѣхъ же большихъ городахъ туристъ видитъ другія вещи. И стоитъ ему изъ Туниса

[1]) «*Ismael Namet.* Les Musulmans français du Nord de l'Afrique». Стр. 294—295

или Алжира переѣхать въ провинцію, какъ онъ увидитъ передъ собою X или XI вѣка. Что касается глухихъ городовъ, какъ напр. Сида Окба или др., то туземное населеніе ведетъ тамъ жизнь настоящихъ троглодитовъ. Тутъ ужъ дѣйствительно ничто не измѣнилось за 1000 лѣтъ, развѣ только нищета увеличилась. Мурбы безъ оконъ, слѣпленныя изъ засохшихъ комьевъ глины, оборванное населенье, питающееся чѣмъ то несказуемымъ и спящее на полу, дѣти, покрытыя язвами, вой, нечистота—таковы впечатлѣнія, оставляемыя мусульманскимъ провинціальнымъ городомъ въ Тунисѣ и Алжирѣ. «Востокъ!—Вы не знаете, что это такое!—восклицаетъ Луи Бертранъ.—Востокъ—c'est l'ordure! C'est le vol, la bassesse, la fourberie, la cruoté, le fanatisme, la sottise!» («это—нечистоты, воровство, низость, мошенничество, жестокость, фанатизмъ, глупость»). Любопытно, что тотъ же авторъ не находитъ словъ для восхваленія культурнаго вліянія французовъ. Завоеватели вырыли артезіанскія колодцы и отвоевали у пустыни большія площади земли; но туземцы, повидимому, несклоны благословлять за это пришельцовъ, по той простой причинѣ, что не только отвоеванныя у пустыни участки не принадлежатъ арабамъ, но даже тѣ хорошія земли, которые находились въ рукахъ туземцевъ, теперь находятся въ чужихъ рукахъ.

Культурное вліяніе Европы сказывается въ поголовномъ развращеніи всего населенія такихъ мѣстъ, усиленно посѣщаемыхъ туристами, какъ Бискра. Трудно представить себѣ даже до какого безстыднаго обнаженія доходятъ культурные европейцы, попадая въ такія мѣста. Культура успѣла только навести тонкій слой лака на человѣка, жившаго на землѣ въ дикомъ состояніи въ продолженіи многихъ сотенъ тысячъ лѣтъ. При первомъ случаѣ этотъ тонкій слой лака сходитъ и во всей примитивности выступаетъ троглодитъ. Образованные гордые своею культурностью французы, англичане и нѣмцы, какъ мужчины, такъ и женщины, отправляются напр., въ Бискрѣ смотрѣть такія зрѣлища, которыя свидѣтельствуютъ о послѣдней степени униженія и скотоподобности людей, участвующихъ въ нихъ. У меня нѣтъ никакой возможности дать читателямъ хотя бы отдаленное представленіе объ этихъ зрѣлищахъ. Трудно сказать, кто является большимъ дикаремъ: несчастные ли, соглашающіеся демонстрировать униженіе и паденіе, дальше котораго итти некуда, или сытые, и богатые зрители, расказывающіе потомъ о видимомъ, какъ о чемъ то смѣшномъ и очень забавномъ...

II.

«Пришли мнѣ нѣсколько хорошихъ банокъ мѣстныхъ колоритовъ»—просилъ когда-то Теофилъ Готье своего пріятеля Жерара-де-Нерваля, отправлявшагося въ Алжиръ. И черезъ нѣсколько недѣль, вмѣсто «bons pots de couleur locale», Жераръ-де-Нервиль прислалъ Готье письмо, въ которомъ говоритъ, между прочимъ: «Прежній востокъ донашиваетъ старое платье и доживаетъ послѣдніе дни въ обрушивающихся дворцахъ. Съ минуты на минуту можно ждать, что востокъ забудетъ свои прежніе нравы. Какъ султанъ въ сказкѣ, онъ можетъ мечтать теперь: «Горе мнѣ! Судьба натянула лукъ и пустила стрѣлу мнѣ въ сердце». Теофилъ Готье и Жераръ-де-Нерваль представляютъ собою два основныхъ типа наблюдателей востока. Съ одной стороны мы видимъ писателей, ищущихъ на востокѣ сценъ изъ Библіи и 1001 ночи. При сильномъ желаніи можно видѣть *все* тамъ, гдѣ ничего нѣтъ. Такимъ образомъ являются тѣ талантливые или безталанные, но всегда шаблонные очерки, въ которыхъ есть и палящее солнце, и мудрые, важные шейхи, закутанные въ плащи, и прекрасныя обольстительныя женщины, съ ногтями, выкрашенными іенной, и глазами, подведенными «колемъ», надушенныя жасминомъ и мускусомъ, и зеленые «мушараби», скрывающіе таинственныхъ затворницъ, и яркіе кайруанскіе ковры, и золото, и наргиле, и ревнивые мужья, и не знаю еще что. Такіе очерки, при примитивной опытности, очень легко писать, имѣя вмѣсто фактическаго матеріала подъ рукой пачку открытокъ, Библію, хорошій переводъ 1001 ночи и толковый путеводитель, заглянувъ въ который можно было бы узнать, что «джама» означаетъ мечеть, «джебель» — гора, «ксуръ»,—укрѣпленную деревню, «хамамъ», — баню и т. д. Все это вѣдь «couleur locale», «1001 ночь», въ которой одни и тѣ же образы повторяются безпрерывно; (напр. сравненіе женскаго лица съ мѣсяцемъ рамаданомъ, бровей съ арабской буквой «нинъ», начертаніе которой напоминаетъ, приблизительно, опрокинутую скобку ⌣, женскаго стана — съ камышинкой, растущей изъ амфоры и т. д. является такимъ же неистощимымъ складомъ матеріала для созданія новыхъ восточныхъ очерковъ, какъ когда-то колизей для сооруженія новыхъ домовъ. При самомъ примитивномъ навыкѣ можно по этому рецепту писать путевые очерки по Палестинѣ, Сиріи, Египту, Алжиріи и Тунису. И если авторъ обладаетъ хоть нѣкоторымъ талантомъ, очерки будутъ прочитаны съ большимъ удовольствіемъ.

Наблюдатели другой категоріи отрицаютъ совершенно, что востокъ интересенъ и красоченъ. «L'Orient! Vous ne savez pas ce que c'est!—восклицаютъ они.—C'est l'ordure!» (Востокъ! Вы не знаете, что это это такое. Это—навозная куча). «Восточные базары наполнены арабскими и турецкими товарами, изготовленными въ Бирмингамѣ. Вѣнѣ и Берлинѣ, притомъ еще скверно. Couleur locale существуетъ только въ воображеніи писателей. Востокъ — вонючъ, грязенъ, жалокъ, бѣденъ и *неинтересенъ*. Въ настоящее время, онъ представляетъ собою громадную, уродливую, грязную кишащую насѣкомыми заплату изъ домотканной верблюжины, нашитую на скверное европейское платье, купленное въ дешевомъ вѣнскомъ конфекціонѣ».

Если писатели, видящіе востокъ сквозь призму «1001 ночи» фантазируютъ, то неправы также и отрицатели его. И теперь еще сколько-нибудь отрицательный наблюдатель можетъ вывести съ востока сотни bons pots de couleur locale», собранные именно тамъ, гдѣ и отрицатели «ничего не видятъ, кромѣ заплаты на готовомъ европейскомъ платьѣ». Эта мысль мнѣ приходила въ голову, когда я бродилъ по улицамъ Туниса, Бискры, Константины и Алжира.

Тунисъ. Проходятъ щеголеватые французскіе офицеры, босоногіе кабилы въ изодранныхъ «гандурахъ», негры, толстые, изнѣженные, рыхлые «мавры», представляющіе собою амальгаму изъ трусовъ цѣлаго ряда европейскихъ, азіатскихъ и африканскихъ народовъ, толстыя еврейки въ бѣлыхъ шароварахъ, въ высокихъ черныхъ шлыкахъ, арабы въ бѣлыхъ бурнусахъ съ вѣткой жасмина за ухомъ, офицеры декоративной арміи бея. Туристы съ синими и красными путеводителями въ рукахъ останавливаются постоянно, что-бы поглядѣть на ткачей, портныхъ, сапожниковъ, златошвеекъ, шорниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и переплетчиковъ, работающихъ тутъ же на улицѣ, въ крошечныхъ мастерскихъ, напоминающихъ ниши. Въ другихъ нишахъ сидятъ, поджавъ ноги, нотаріусы, общественные писцы, пирожники, приготовляющіе какія-то не особенно аппетитныя лакомства, облѣпленныя мухами. Лѣнивый востокъ оказывается иногда труженикомъ, не легко вырабатывающимъ нѣсколько грошей, необходимыхъ ему для дневного пропитанія. Проходитъ, шатаясь, старый арабъ, сгибающійся подъ тяжестью громаднаго рыночнаго шкафа съ зеркальной дверью. Рядомъ идетъ толстая ливантійка, одѣтая по европейски, и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы носильщикъ, шатающійся отъ старости и тяжести шкафа, не повредилъ бы какъ-нибудь грузъ. Вотъ мчится арабъ, размахивающій поношенной «гандурой» и выкликаетъ ея стоимость: «фрэнкъ! фрэнкъ!» Это аукціонеръ. Проходятъ закутанныя женщины, стуча

деревянными сандальями на высокихъ каблукахъ. У этихъ женщинъ одна рука обмотана цвѣтнымъ платочкомъ, являющимся своего рода вывѣской. Это — продавщицы любви. Изъ подъ черной волосяной сѣтки-маски глядятъ старыя, уродливыя, татуированныя лица. Деньги тутъ дороги, а покупательная способность кабиловъ, прибывающихъ въ Тунисъ изъ деревень, измѣряется однимъ или двумя су. У высокой стѣны, обдѣланной изразцами (тутъ—мечеть) на тротуарѣ сидитъ парень лѣтъ 30, въ фескѣ съ длинной кистью и въ грязномъ бурнусѣ. Передъ парнемъ маленькая цыновка, покрытая слоемъ тонкаго песка. Рядомъ лежатъ какія то истрепанныя, замасленныя книжки, на которыхъ, въ видѣ пресъ-папье, стоитъ баночка съ чернилами. Передъ парнемъ сидятъ два араба. Одинъ—лѣтъ сорока, оборванный, босой, повидимому, деревенскій житель. Лицо его, свидѣтельствующее о значительной примѣси негритянской крови, выражаетъ напряженное стремленіе понять какую то очень трудную мысль. Парень въ фескѣ требуетъ что то рѣшительнымъ тономъ, не допускающимъ возраженія. Деревенскій житель лѣзетъ въ карманъ, достаетъ длинный, тощій кошелекъ съ кольцами, долго копается въ немъ и вытаскиваетъ два су. Парень въ фескѣ беретъ ихъ, подкидываетъ на ладони и бросаетъ потомъ на песокъ. Затѣмъ онъ раскрываетъ растрепанную книгу, читаетъ что то и принимается чертить пальцемъ на пескѣ. Лицо деревенскаго жителя выражаетъ мучительное стремленіе понять что-то очень трудное. Онъ задаетъ вопросъ. Парень въ фескѣ горячится, кричитъ что то, стучитъ рукой по книжкѣ и опять принимается чертить грязными пальцами по песку. Это—гадальщикъ, предсказывающій судьбу и и подающій совѣтъ людямъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи. Другой кліентъ—древній старикъ. Лицо его изрыто морщинами, глаза потускнѣли и слезятся. Когда онъ говоритъ, то видны два зеленыхъ клыка. Онъ тоже внимательно слѣдитъ за объясненіями гадальщика и не сводитъ глазъ съ рисунковъ, которые тотъ чертитъ на пескѣ. И велика должна быть живучая сила старика, если у него еще есть желаніе заглянуть въ будущее. Что онъ можетъ видѣть тамъ, кромѣ той процессіи, которая въ это время проходитъ по улицѣ? Шесть оборванныхъ арабовъ волокутъ на плечахъ носилки на четырехъ подставкахъ и выводятъ нѣчто въ высшей степени заунывное и однозвучное. На носилкахъ лежитъ что то длинное, завернутое въ тряпки. Это уносятъ на кладбище мусульманина, свершившаго все земное. И унылое, однообразное пѣнье погребальнаго братства находится въ полной гармоніи съ сѣрой жизнью того, трупъ котораго лежитъ на носилкахъ.

Темнѣетъ. На небѣ загораются яркія звѣзды. И кажется, что

то таинственные цвѣты невѣдомаго края, лепестки которыхъ трепещутъ отъ дуновенія вѣчности. Высоко надъ плоскими крышами бѣлыхъ домовъ летаютъ зигзагами безчисленныя летучія мыши, представляющія, повидимому, собою couleur locale Туниса. Въ европейскомъ кварталѣ освѣтились витрины громадныхъ магазиновъ. Нарядная, пестрая толпа бродитъ по тротуару, поглядывая въ окна лавокъ и ресторановъ. Въ арабскомъ кварталѣ наполнились безчисленныя кафе. Съ тротуара видна большая комната съ громадной изразцовой печью у входа, у которой арабъ въ тюрбанѣ варитъ кофе въ крошечныхъ жестяныхъ кувшинчикахъ. На полу, устланномъ цыновками и на невысокихъ нарахъ сидятъ, поджавъ ноги, арабы и мавры. Они молчатъ, играютъ въ карты, причемъ хлопаютъ козырями, какъ у насъ кучера, тянутъ наргиле и... слушаютъ грамофонъ, выводящій, правда, арабскія пѣсни. Но европейцы идутъ не въ эти кафе, а въ другія, гдѣ можно видѣть «арабскіе танцы». Чтобы попасть туда, надо пройти по улицѣ, представляющей собою своеобразный рынокъ. Въ Тунисѣ и вообще на востокѣ всѣ лавки представляютъ маленькія ниши, выходящія прямо на улицу. Въ такой нишѣ едва помѣщается лотокъ съ зеленью, прилавокъ съ платками, шкафчикъ съ духами, столъ съ туфлями, шитыми золотомъ и т. д. Въ такой же нишѣ—лавочкѣ продается и любовь. Съ тротуара въ нишѣ видна постель и жестяная лохань. Все обнажено до крайности. У порога ниши неподвижно сидятъ женщины, накрашенныя, уродливыя, страшныя, напоминающія отвратительныхъ мексиканскихъ идоловъ. Покупатели—арабы, мавры и матросы всѣхъ національностей, останавливаются на тротуарахъ, осматриваютъ неподвижныхъ идоловъ и идутъ дальше. Эта откровенность и неприкрытость, представляютъ собою символъ арабскаго пониманія любви, во всякомъ случаѣ, какъ оно изображено въ литературѣ, доступной намъ, европейцамъ. Въ полномъ французскомъ переводѣ «1001 ночи», напр., приведено нѣсколько сотъ арабскихъ стихотвореній и пѣсенъ. Всѣ они—любовныя, всѣ говорятъ только о тѣлѣ. Каждая пѣсня содержитъ много образовъ, но всѣ они касаются только разныхъ частей тѣла любимой женщины. Быть можетъ, пѣсни много теряютъ въ переводѣ, но онѣ утомляютъ европейца своею примитивностью и своимъ однообразіемъ.

Вотъ двери кафе, гдѣ исполняются арабскіе танцы. Толстый мавръ въ голубой «гандурѣ» сидитъ на тротуарѣ и продаетъ билеты. У закрытыхъ дверей стоятъ оборванцы, жаждущіе хоть на мгновеніе увидать внутренность залы, каждый разъ, когда распахиваются двери, чтобы впустить посѣтителя. Я попадаю въ низкую комнатух оклеенную красными обоями съ золотыми полосами, какъ въ русскихъ

провинціальныхъ трактирахъ. На стѣнѣ два зеркала: одно въ золотой рамѣ, другое—въ черной. Оба зеркала тусклы и въ пятнахъ. Рядомъ съ зеркаломъ портреты бея и итальянскаго короля. Висятъ еще засиженныя мухами олеографіи, изображающія большой пріемъ при Наполеонѣ III, полногрудую даму въ вечернемъ туалетѣ и охоту на льва. Послѣдняя картина, очевидно, турецкаго или персидскаго происхожденія. У охотника тюрбанъ золотой, а левъ такой длинный и такой коротколапый, что похожъ на таксу. Противоположный отъ двери уголъ занятъ высокой эстрадой, обитой войлочнымъ ковромъ. На ней семь исполнителей: четверо мужчинъ и три женщины. Одинъ мужчина въ европейскомъ платьѣ, но въ фескѣ, съ соннымъ, испитымъ лицомъ сидитъ за клавикордами, другой, въ тюрбанѣ и въ короткой синей куркѣ, обшитой шнурками, бьетъ рукой, выкрашенной іеной, по зеленой «дурбанѣ». Рядомъ—жирный, лоснящійся молодой мавръ въ тюрбанѣ и въ «гандурѣ», закинувъ голову голоситъ какую-то пѣсню, выбивая тактъ на тамбуринѣ. Роль четвертаго исполнителя непонятна. Три женщины сидятъ на скамьѣ, закинувъ ногу на ногу и голосятъ въ унисонъ съ жирнымъ парнемъ. Въ ушахъ остается впечатлѣніе чего то скрипучаго, царапающаго.

— Что онѣ поютъ?—спрашиваю я у проводника.

— Ce sont des bêtises!—отвѣчаетъ онъ, сверкнувъ зубами.—C'est une chanson d'amour.

Изъ дальнѣйшаго объясненія я узнаю, что терминъ «bêtises» употребленъ не въ отношеніи къ темѣ пѣсни, а къ формѣ ея, которая, дѣйствительно, оказалась крайне откровенной. До такой степени откровенной, что ни на одномъ европейскомъ языкѣ невозможно передать пѣсню литературно. Вѣроятно, тѣ европейцы, которые жили въ началѣ четвертичнаго періода и оставили удивительные рисунки на стѣнахъ альтамирской пещеры (близъ Сантандера, въ Испаніи), то же выражали свое томленіе по самкѣ или самцѣ въ такой формѣ; но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло много десятковъ тысячъ лѣтъ.

Двѣ женщины на эстрадѣ въ широкихъ шелковыхъ шароварахъ, падающихъ до ступни, какъ юбка, а третья—въ голубомъ платьѣ, покрытомъ кисеей съ блестками. У этой женщины типичное, вульгарное, ничего не выражающее, набѣленное и нарумяненное лицо. Другая женщина очень толстая, лѣтъ тридцати. По объясненію гида, это примадонна кафе, лучшая танцовщица и главная красавица. Чтобы быть возможно толще, т. е. возможно привлекательнѣе въ глазахъ зрителей арабовъ, она, по объясненію проводника, усиленно питается «кускусомъ» (поджаренная въ салѣ мука). Третья танцовщица поражала своею совершенно исключительною красотою.

Въ другой обстановкѣ эта женщина явилась бы вѣроятно властительницей думъ, источникомъ вдохновенія, радости и отчаянья для многихъ. Здѣсь она только танцовала некрасивый и непріятный танецъ, состоящій въ конвульсивныхъ поддергиваніяхъ животомъ. Въ «зрительной залѣ», набитой туристами, туристками и туземцами, коренастый арабъ покурилъ бензоемъ. Душистый, одурманивающій дымъ, приносящій, по мнѣнію арабовъ, счастье, наполнилъ низкую комнату. Интереснѣе всего были зрители арабы, молодые и старые, съ цвѣтками жасмина или левкоя за ухомъ. Арабы закоченѣли, до такой степени зачаровало ихъ вихлянье толстой красавицы, откармливающейся кускусомъ.

III.

Couleur locale, конечно, не исчезъ на востокѣ, который по прежнему колоритенъ, красоченъ, оригиналенъ, хотя совершенно не похожъ теперь на традиціонныя описанія, навѣянныя «1001 ночью». Но внимательный, присматривающійся къ окружающей жизни, туристъ вдумывающійся въ нее, сравнивающій разныя явленія и читающій хотя бы ту туземную литературу, которая появляется на французскомъ языкѣ, скоро откроетъ нѣчто неизмѣримо болѣе интересное, чѣмъ «un bon pot de couleur locale». Прежде всего его поразитъ въ Алжирѣ и Тунисѣ то, что, не смотря на насажденіе французами европейской культуры, положеніе туземцевъ не только не улучшилось, а какъ будто даже ухудшилось. На югѣ отъ Сфакса лежитъ малоизслѣдованная и очень любопытная страна Матмара, населенная троглодитами. Они живутъ въ такихъ же пещерныхъ городахъ, какъ и XXV вѣковъ назадъ; но при сколько нибудь внимательномъ изслѣдованіи мы найдемъ нравы трогладитовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ французская культура особенно принялась. Столицей сѣверной Сахары, напр., считается Блекра. Тутъ находимъ школы, прекрасныя гостиницы, клубы, казино, еженедѣльную газету. Между тѣмъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ «Парижа пустыни», въ оазисѣ Сиди Окба или даже въ Старой Бискрѣ мы находимъ безъ измѣненія нравы VII вѣка. Ко всему этому присоединяется еще та удручающая нищета, становящаяся еще болѣе выпуклою на этомъ роскошномъ пейзажѣ. Кто виноватъ въ этой страшной одичалости населенія и въ этой невѣроятной нищетѣ? Первымъ отвѣтомъ является: «Коранъ».

— Вы услышите этотъ отвѣтъ отъ каждаго колониста; вы найдете его въ большинствѣ книгъ, написанныхъ французами и посвященныхъ странѣ. «Не надо скрывать истину,—говоритъ Луи Бертранъ,—

Исламъ, какъ религія, не потерялъ еще ни пяди завоеванной территоріи. Можно даже сказать, что его завоеванія все еще продолжаются. Онъ и теперь является такимъ же властителемъ умовъ, какъ и въ наиболѣе блестящіе моменты своей исторіи. Точнѣе было бы сказать, что теперь вліяніе его еще сильнѣе». Религія властвуетъ всецѣло надъ магометаниномъ и контролируетъ его мельчайшіе поступки. До сихъ поръ міровоззрѣніе и міропониманіе мусульманина создается *исключительно* кораномъ. «И теперь еще «хаджи» объясняютъ своимъ ученикамъ, что Аллахъ, дабы поддержать землю въ пространствѣ, создалъ ангела, стоящаго на громадной скалѣ. А эта скала, въ свою очередь, держится на спинѣ и рогахъ быка. Согласно корану, падающія звѣзды—это огненныя стрѣлы, которыми ангелы поражаютъ эфритовъ (адскихъ духовъ)... Добрый мусульманинъ *обязанъ* вѣрить не только въ Бога и въ божественную миссію Магомета, но также въ существованіе ангеловъ и демоновъ, въ страшный судъ, въ пришествіе антихриста... Мусульманинъ долженъ считать коранъ боговдохновленной книгой» [1]). Коранъ сковалъ умъ, породилъ фанатизмъ и навсегда отрѣзалъ мусульманскій міръ отъ европейской цивилизаціи. Таково мнѣніе, которое вы слышите отъ каждаго француза въ Тунисѣ и въ Алжирѣ. Вашъ собесѣдникъ приведетъ въ видѣ доказательства ту неохоту, съ которой арабы посылаютъ своихъ дѣтей во французскую школу. Онъ забудетъ только прибавить, что въ этихъ школахъ, созданныхъ по европейскому образцу, арабчата привыкаютъ смотрѣть съ презрѣніемъ на свой родной языкъ и научаются стыдиться его.

Слова «мусульманскій фанатизмъ» стали общимъ мѣстомъ, повторяемымъ безпрерывно всюду людьми, толерантность которыхъ подъ большимъ сомнѣніемъ. Поверхностное даже ознакомленіе съ фактами показало бы намъ, что утвержденіе, будто кораномъ обусловливается фанатизмъ и отсталость народа, совершенно ошибочно. Вообще, трудно доказать, что *какой нибудь* культъ содѣйствовалъ смягченію или ожесточенію нравовъ въ данной странѣ, по той простой причинѣ, что народъ создаетъ культъ, а не культъ народъ. Съ теченіемъ времени, когда подъ вліяніемъ многихъ причинъ мѣняются нравы, народъ измѣняетъ свой культъ, оставляя старое названіе для него или находя новое. Знакомство съ фактами обнаруживаетъ *терпимость* мусульманъ. «Религіозная терпимость, проповѣдуемая кораномъ и проявленная арабами въ началѣ періода ихъ завоеваній, въ особенности развилась впослѣдствіи,—говоритъ Измаилъ Гаметъ.—Даже наиболѣе предубѣжденные писатели, какъ

[1]) „Le Mirage Oriental“ p. d: 396—398.

напр., католическіе священники, единодушно признаютъ въ своихъ книгахъ либерализмъ мусульманъ. Такъ, напр., аббатъ де Брольи въ своемъ трудѣ Problèmes et conclusions de l'histoire des religions восхваляетъ искренность, прямоту и просвѣщенность послѣдователей Магомета: Абу-Бекра и Омара. По словамъ аббата, эти завоеватели проявили болѣе широкіе взгляды, чѣмъ тѣ императоры и правители, съ которыми боролись. Въ своемъ «Voyage religieux en Orient» аббатъ Мишонъ говоритъ слѣдующее: «Крайне грустно констатировать тотъ фактъ, что магометане преподали христіанамъ урокъ религіозной терпимости, хотя послѣдняя должна была бы вытекать непосредственно изъ ученія нашей вѣры». Никто такъ не изучилъ арабовъ, какъ Буркгардтъ. И вотъ этотъ путешественникъ говоритъ, что они являются азіатскимъ народомъ, проявляющимъ наибольшую степень религіозной терпимости. Испанскій наблюдатель Рафаэль Контрерасъ, констатируя религіозную терпимость мусульманъ, говоритъ, что они предоставляли христіанамъ полную свободу исповѣдывать свой культъ, воспрещая только религіозную пропаганду. Говоря о святомъ Іеронимѣ, пострадавшемъ въ XVI вѣкѣ въ Алжирѣ, Контрерасъ замѣчаетъ: «По всей вѣроятности, въ мусульманскихъ странахъ совершенно не было бы христіанскихъ мучениковъ, если бы послѣдніе не стремились обличать Магомета, какъ обманщика, а мусульманскую вѣру, какъ выдумку дьявола» [1]). Коранъ относится крайне сурово къ язычникамъ, но по отношенію къ еврейской и христіанской вѣрамъ проявляетъ большую терпимость. «Изъ исторіи мы знаемъ,—продолжаетъ Измаилъ Гаметъ,—что магометанскія завоеватели возвели религіозную терпимость въ политическую систему. Какъ только Амру Ибнъ Эль Аси овладѣлъ въ VII вѣкѣ греческой крѣпостью въ Чигитѣ, онъ немедленно заключилъ съ правителемъ Мокавкасомъ договоръ, въ силу котораго христіанамъ предоставлена была полная религіозная свобода. Черезъ нѣсколько лѣтъ другой арабскій завоеватель Абдалла Бенъ Саадъ проникъ въ Нубію и тамъ заключилъ

[1]) Коранъ, какъ извѣстно, съ большимъ уваженіемъ относится къ основателю христіанства, называя его великимъ пророкомъ Вотъ съ другой стороны, какъ говоритъ одинъ изъ средневѣковыхъ католическихъ писателей о Магометѣ. «Во времена императора Ираклія жилъ коварный обманщикъ Магометъ, прикинувшійся пророкомъ, для чего велъ строгую жизнь. Онъ обманулъ Аравію и другія восточныя страны. Чтобы увѣковѣчить свое имя и поддержать свою власть, Магометъ сочинилъ дьявольскую книгу и повелѣлъ своимъ приближеннымъ всюду распространять чуму, содержащуюся въ ней. Огнемъ и мечемъ заставляли людей вступать въ бѣсовскую секту. Ученіе ея болѣе опасно, чѣмъ обольщеніе Антихриста». (Цитир. графомъ де Кастри въ его книгѣ «L'islam. Impressions et études» стр. 275.

подобный же договоръ съ якобитами Донголы. Договоръ этотъ сохранилъ силу до XV вѣка. Этимъ объясняется, почему нубійцы, абиссинцы и копты—теперь христіане. Когда арабы проникли въ Кабилію, они не настаивали на томъ, чтобы берберы массами переходили въ магометанство. Завоеватели не трогали христіанскихъ церквей, и въ XI вѣкѣ на сѣверѣ Африки было сорокъ семь городовъ съ каѳедральными соборами» [1]). Кабилы перешли въ исламъ изъ христіанства. Этотъ народъ, мѣнявшій на протяженіи 22 вѣковъ 12 разъ вѣру и каждый разъ фанатически отстаивавшій ее, въ высшей степени интересенъ. Кабилы поклонялись Аштаритѣ, затѣмъ перешли въ іудейство, потомъ они приняли христіанство, переходя изъ одной секты въ другую. Трудолюбивый, настойчивый и упрямый народъ искалъ все такую вѣру, которая давала бы свободу и землю. Христіанство обѣщало это на томъ свѣтѣ. И вотъ явился культъ, выставившій два тезиса: «Принявшій исламъ не можетъ быть рабомъ. Каждый мусульманинъ имѣетъ право на ту землю, которую обрабатываетъ своими трудами». И фанатическія донатисты, якобиты и несторіанцы оставили церковь и стали ревностными мусульманами.

Когда арабы овладѣли Испаніей, они предоставили христіанскому населенію бо́льшіе права, чѣмъ тѣ, которыми оно пользовалось при визиготахъ. Христіане могли свободно строить церкви и исполнять свои обряды... Религіозная терпимость проявлялась такъ широко, что даже чебры (огнепоклонники), проклятые кораномъ, могли свободно исповѣдывать свою вѣру. О религіозной терпимости арабовъ въ Испаніи говоритъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что первыми министрами въ Гренадѣ и Кордовѣ бывали иновѣрцы (напр. Самуилъ Га-Леви у калифа Габбуса). Что коранъ не являлся препятствіемъ для развитія знанія, доказывается умственнымъ расцвѣтомъ калифатовъ въ Испаніи. Коранъ проповѣдывалъ не только религіозную терпимость, но и равенство народовъ. «Ни коранъ, ни преданія не запрещаютъ смѣшанныхъ браковъ между мусульманами и иновѣрцами»,—говоритъ Измаилъ Гаметъ.—Законъ требуетъ только, чтобы всѣ дѣти, родившіяся отъ подобныхъ браковъ, были мусульманами... Въ Африкѣ, какъ и въ Испаніи, арабы доказали, что у нихъ совершенно нѣтъ кастовыхъ или расовыхъ предубѣжденій. Это именно проповѣдуется кораномъ. Представители высшей арабской аристократіи вступаютъ въ бракъ съ христіанами, евреями и неграми. Вотъ почему мы видимъ теперь несомнѣнныхъ

[1]) *Ismael Hamet*, «les Musulmans français du Nord de l'Afrique» стр. 72—77.

потомковъ пророка съ сильной примѣсью негритянской крови. Дози говоритъ, что арабы первые практически осуществляли благородный лозунгъ, выставленный французской революціей: «свобода, равенство, и братство» [1]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что Коранъ отнюдь не означаетъ ни фанатизма, ни умственнаго застоя. Не въ вѣрѣ кроется причина страшной отсталости арабскаго населенія на сѣверномъ берегу Африки.

Не знаю, есть ли въ испанскихъ святцахъ такой угодникъ, какъ San Pascual Bailon, но испанскіе крестьяне твердо вѣруютъ въ него. Bailon по русски означаетъ Плясунъ. Народъ надѣляетъ Паскуаля странной миссіей: онъ постоянно пляшетъ передъ Господомъ Богомъ, когда тотъ возсѣдаетъ на престолѣ, слушая чтеніе книги судебъ. И когда Санъ Паскуаль слышитъ, что кому нибудь суждено счастье, онъ пляшетъ, восклицая безпрерывно: «Mos! Mos! Mos!» (больше, больше, больше!). Когда же святой слышитъ, что кому нибудь предначертано несчастье, онъ тоже пляшетъ и тоже восклицаетъ: «Mos! Mos! Mos!» Эта испанская легенда припоминается мнѣ на сѣверномъ берегу Африки, когда я присматриваюсь къ положенію арабовъ и когда брожу по развалинамъ безчисленныхъ пуническихъ, римскихъ и византійскихъ городовъ, какъ Карѳагенъ, Дуга, Ламбесса, Тимгадъ и Анупа. Есть и были народы, поражающіе насъ своими несчастьями. И Санъ Паскуали не только восклицаютъ и восклицали при этомъ «Mos! Mos! Mos!», но подыскиваютъ и подыскивали даже звѣриную философію, доказывающую, что несчастье—законное явленіе. Потомъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, народы, которые причиняли другимъ несчастье, сами терпѣли ихъ. Города этихъ народовъ лежатъ теперь въ развалинахъ въ Тунисіи и въ Алжиріи и служатъ, какъ говоритъ пророкъ, убѣжищемъ для гіенъ и шакаловъ. Бедуины, захватившіе сѣверную Африку, успѣли только образовать новый этническій сплавъ; но они не имѣли достаточно времени, чтобы выработать самостоятельную культуру, какъ въ Багдадѣ или въ Испаніи, напр. Приходилось безпрерывно бороться сперва съ туземцами, потомъ съ европейцами. Потомъ явились европейцы завоеватели. И если трудящемуся населенію было плохо при беяхъ, врядъ ли ему стало лучше теперь, при французахъ, хотя *внѣшняя* культура значительно повысилась. Культура за культурой слѣдовала на сѣверномъ берегу Африки: пуническая, римская, византійская, арабская, французская. Культура за культурой гибла, потому что она подражала Сана Па-

1) *Dozy*, «Les Musulmans d'Espagne», t. I, p. 4.

скуалю и оправдывала насилье. И каждая новая культура слѣпо повторяла ошибки старой. Карѳагенская культура держалась на подчиненіи туземнаго населенія, которое возстало, какъ только явились римляне. Римляне создали культуру, о мощности которой говорятъ развалины Тимгада и Дуги. Она погибла не вслѣдствіе пришествія новаго культа (въ Анунѣ, Тимгадѣ и Дугѣ храмы Юпитера Капитолійскаго мирно стоятъ рядомъ съ развалинами церквей), а потому, что угнетаемое населеніе присоединилось при первой возможности къ непріятелю. И теперь французы идутъ по слѣдамъ пуновъ, римлянъ, византійцевъ и турокъ. Арабы не хотятъ считать себя облагодѣтельствованными. Вотъ на какія мысли наводятъ туриста въ Алжирѣ и Тунисѣ факты.

Діонео.

Бискра, 25 марта.

«С.-ГОТАРДСКАЯ КАПИТУЛЯЦІЯ».

(Письмо изъ Швейцаріи).

«Потеря хотя бы малой части нашей независимости—это слишкомъ дорогая плата за фарфоровые часы», такъ мѣтко резюмировалъ адвокатъ Рапенъ, соціалистическій депутатъ Лозанны, общее настроеніе населенія Ваадтланда на «генеральномъ совѣтѣ» 20 марта нов. ст. Прекрасные фарфоровые часы, о которыхъ тутъ упоминается, милостиво преподнесъ Союзному совѣту Вильгельмъ II прошлымъ лѣтомъ, въ бытность свою на маневрахъ швейцарской милиціи. Вильгельмъ II, какъ видно, остался чрезвычайно доволенъ вассальною покорностью Швейцаріи, покорностью, такъ ярко отразившеюся въ С.-Готардской конвенціи.

Правда, тогда же, въ августѣ, президентъ федераціи, г. Форреръ, принимая отъ императора эти самые фарфоровые часы, съ большимъ чувствомъ національнаго достоинства заявилъ буквально слѣдующее: «Мы питаемъ твердую рѣшимость защищать противъ всякаго насилія нашу независимость, наше высшее благо». Но увы, эту «рѣшимость» приходится теперь считать чисто риторической. И тотъ же самый г. Форреръ проявилъ еще болѣе твердую

рѣшимость защищать въ парламентѣ «роковую» С.-Готардскую конвенцію противъ неслыханнаго въ Швейцаріи, пожалуй, уже лѣтъ 40, народнаго движенія, движенія «чудовищнаго», по выраженію одного изъ швейцарскихъ старожиловъ, историка А. Фази.

Удивительное, въ самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе производятъ на сторонняго наблюдателя эти независимыя фразы со стороны нынѣшнихъ правителей Швейцаріи, партіи «свободомыслящихъ» радикаловъ, которые съ 1874 г., со времени новой, централистической конституціи, не встрѣчали себѣ сколько-нибудь существенной оппозиціи (въ нынѣшнемъ парламентѣ, изъ 189 депутатовъ, 114 правительственныхъ радикаловъ, помимо другихъ группъ, идущихъ тоже большей частью за правительствомъ). Партія эта неизмѣнно выставляетъ «высшимъ благомъ» націи—независимость; во имя этого «высшаго блага» облагаетъ народъ все высшею данью на дорогія затѣи милитаризма 46 милл. франк. въ 1912 г., противъ 29 милл. въ 1906 г., т. е. соотвѣтственно, 12,5 франк. на голову населенія и 8,6 фр. (въ Россіи въ тѣ же годы—10,4 фр. и 9,4 фр. на голову), и это при дешевой милиціонной системѣ. Въ интересахъ той же независимости и того же милитаризма сооружены дѣйствительно грозныя укрѣпленія на самой маковкѣ С.-Готарда, стоившія тоже не малыхъ милліоновъ. И вотъ это же властное большинство, руками своего излюбленнаго Союзнаго Совѣта, среди полнаго мира, безъ боя, четырьмя маленькими параграфами—§§ 7,8,9 и 12—новой конвенціи, сдаетъ на капитуляцію этотъ же С.-Готардъ, вѣковой оплотъ швейцарской свободы! Какъ хотите, зрѣлище удивительное, какъ будто даже необъяснимое.

Въ дѣйствительности, однако,—дѣло понятное. Годъ назадъ я уже писалъ [1]), что ключъ къ этой (готовившейся лишь еще тогда) сдачѣ С.-Готарда безъ бою лежитъ въ томъ, такъ сказать, стратегическомъ, обходномъ движеніи, которое втеченіе десятилѣтій, протекшихъ со времени прорытія туннеля и именно благодаря этому прорытію, совершилъ мощный капиталъ новой Германіи за спиною сравнительно малосильной экономически Швейцаріи. Выкупъ въ казну, «освободивъ» С.-Готардъ, въ то же время приноситъ съ собою конвенцію, завершающую стратегическій обходъ. Въ моемъ письмѣ приведены и соотвѣтствующіе документы и цифры. Можно было предвидѣть тогда, что этотъ вопросъ будетъ имѣть для страны характеръ критическій. Теперь кризисъ наступилъ.

Вся Швейцарія превращается въ кипящій политикою котелъ, и мѣстные дѣятели пророчатъ, что для ближайшихъ лѣтъ—покон-

[1]) «В. Е.», февр. 1912 г.

чено съ тѣмъ долголѣтнимъ затишьемъ, которое казалось чуть не отъ природы характернымъ для Швейцаріи, по сравненію съ прочими, терзаемыми соціальною и политической борьбой странами... Впрочемъ, разскажу по порядку, какъ разыгрывались на моихъ глазахъ разныя перипетіи движенія—покамѣстъ, можетъ быть, лишь перваго акта драмы, гдѣ народъ выступаетъ борцомъ противъ своихъ же избранниковъ, за свои суверенныя права.

Напомню прежде всего, что международные трактаты, въ силу конституціи 1874 г., не подлежатъ непосредственной компетенціи народа, т. е. не могутъ идти на его референдумъ. Они состоятъ въ вѣдѣніи союзнаго совѣта, и даже національ (союзный парламентъ) вмѣстѣ съ верхней палатой, имѣетъ лишь право утвержденія или неутвержденія акта цѣликомъ, но не измѣненія тѣхъ или иныхъ статей. Ввиду этого, заключенная союзнымъ совѣтомъ 13 окт. 1909 г. конвенція о Готардѣ нуждалась лишь въ ратификаціи націоналя: парламенты Германіи и Италіи давно уже ее утвердили. Союзный совѣтъ, однако, 3 года оттягивалъ это дѣло, и причиной его медлительности было какъ разъ это сердитое народное движеніе. Выразилось послѣднее въ 200 собраніяхъ по всей странѣ, изъ которыхъ 180 рѣшительно высказались противъ конвенціи. 12 мая 1912 года «комитетъ дѣйствія противъ готардскаго договора» передалъ союзному собранію петицію, покрытую 124,750 подписями (впослѣдствіи число возросло свыше 130 тыс.) гражданъ, имѣющихъ право избирательнаго голоса, съ требованіемъ отвергнуть договоръ. Число подписей—почти еще небывалое. Только 2 народныхъ иниціативы—1908 г., въ пользу запрещенія абсента, и 1909, въ пользу пропорціональнаго представительства, собрали больше подписей (167 тыс. и 142 тыс.); только одинъ референдумъ, 1882 г., противъ законопроекта о т. наз. союзномъ «школьномъ фохтѣ» (секретарѣ) далъ больше подписей—180 тыс. Даже референдумъ противъ крайне непопулярнаго въ массахъ таможеннаго тарифа въ 1903 г. былъ двинутъ въ ходъ только 117 тыс. подписей. Слѣдовательно, не могло быть ни малѣйшихъ сомнѣній въ рѣшительномъ нежеланіи народа идти по пути, указываемому правителями. Такъ или иначе, приходилось, наконецъ назначить срокъ обсужденія договора въ парламентѣ. Германія и Италія торопили союзный совѣтъ, заявивъ, что согласны ждать не далѣе 1 мая настоящаго года. Съ стѣсненнымъ сердцемъ союзный совѣтъ назначилъ конецъ марта.

Тѣмъ временемъ обнаружились пренепріятные отзвуки народнаго волненія уже въ ближайшихъ къ правительству кругахъ. Именно, спеціально назначенная комиссія парламента, тщательно подготовленная правительствомъ—вѣдь оно хозяйничаетъ съ по-

мощью своего вѣрнаго большинства, какъ хочетъ—стала проявлять неожиданную строптивость, и, наконецъ, большинствомъ 8 изъ 15 голосовъ, высказалась *противъ* договора. Въ этотъ моментъ (февраль) союзный совѣтъ—фактъ тоже совершенно исключительный—нашелъ себя вынужденнымъ повліять на комиссію нарочитымъ «дополнительнымъ посланіемъ» къ посланію 1909 г., рекомендовавшему принятіе договора. «Дополнительное посланіе» однако осталось безъ вліянія: комиссія постановила лишь «принять его къ свѣдѣнію». Оппозицію же въ народѣ посланіе это не только не умиротворило—довело до крайняго ожесточенія. Въ самомъ дѣлѣ, если первое посланіе носило характеръ почти извиняющійся, признавало сдѣлку «не блестящей» и ссылалось на крайне невыгодныя биржевыя конъюнктуры въ моментъ выкупа и предъявленія претензій «субсидировавшими С.-Готардъ державами», то «дополнительное посланіе», совершенно бросая эту позицію, единственно возможную при безспорно-крупныхъ и односторонникъ уступкахъ и привилегіяхъ въ пользу Германіи и Италіи, прямо рисуетъ конвенцію блестящимъ финансовымъ дѣломъ для Швейцаріи. Такъ, на основаніи отчетовъ дирекціи казенныхъ ж. дорогъ, чистый доходъ отъ Готарда, со времени выкупа въ 1909 г., вычисляется въ 8,94%—13,27%, по отношенію къ первоначальному акціонерному капиталу (50 милл. фр.)—результатъ неожиданный, ибо въ прежнее время при Готардской К°, дивидендъ ни разу не дошелъ до 8% и рѣдко, только въ годы промышленныхъ подъемовъ, превышалъ 7%. А періодъ 1909—1912 гг. вѣдь, наоборотъ,—періодъ промышленнаго угнетенія, частью кризиса.

Розовыя перспективы рисуются въ «дополнительномъ посланіи» и для будущаго. Какимъ образомъ минорное настроеніе союзнаго совѣта 1909 г. смѣнилось мажорнымъ въ 1913,—это секретъ «высшей политики». Противники договора указываютъ, что ни союзный совѣтъ, ни управленіе дорогъ намѣренно не принимаютъ въ разсчетъ массы необходимыхъ издержекъ по амортизаціи долга, сдѣланнаго въ моментъ выкупа (на 87 милл. фр. 4% облигацій), по пополненію недостающихъ статей запаснаго капитала, по улучшенію дороги; да и самый разсчетъ % на акціонерный капиталъ никуда не годится, разъ дорога при выкупѣ обошлась не въ 50 милл., а въ 206 милл. фран. Высокій чистый доходъ полученъ искусственно, лишь отнесеніемъ всѣхъ «лишнихъ» издержекъ 5-го, готардскаго, округа на счетъ бюджета *всѣхъ* казенныхъ дорогъ—пріемъ, объясняемый лишь желаніемъ провести договоръ въ парламентѣ во что бы то ни стало. Но особенно всѣхъ возмущало то обстоятельство, что союзный совѣтъ тутъ прямикомъ принималъ

тотъ самый утрированно-оптимистическій разсчетъ, какой дѣлали правительства Германіи и Италіи въ 1909 г., съ цѣлью оказать давленіе на Швейцарію. Такимъ образомъ, союзный совѣтъ, какъ выражались здѣсь, «сжигалъ за собою корабли», ставя Швейцарію, въ случаѣ непринятія договора, въ крайне невыгодное для новыхъ переговоровъ положеніе. Возмущенные патріоты здѣсь готовы были видѣть игру союзнаго совѣта въ руку Германіи, противъ собственнаго народа. Надо видѣть то чрезвычайное почтеніе, которымъ, вообще говоря, окружаются здѣсь федеральныя власти, какъ со стороны друзей, такъ даже и политическихъ своихъ противниковъ, чтобы вполнѣ оцѣнить, до чего швейцарцы выведены изъ равновѣсія этимъ злополучнымъ Готардомъ.

«Дополнительное посланіе» послужило новымъ возбуждающимъ средствомъ. Центральный комитетъ дѣйствія въ Бернѣ выпустилъ, въ отвѣтъ на посланіе, свою брошюру, гдѣ, въ критикѣ посланія, соединили силы видные знатоки дѣла изъ разныхъ партій: радикалъ, федеральный судья и извѣстный ученый В. Россель; демократъ (консерваторъ), редакторъ Штудеръ, и соціалистъ, директоръ финансовъ города Берна—Густавъ Мюллеръ. Потомъ комитетъ далъ пароль къ массовымъ манифистаціямъ, чрезвычайно своеобразнымъ. Пришла въ голову идея воскресить старинную форму швейцарскаго народоправства—т. наз. «генеральные совѣты» или, по нѣмецки, Landsgemeinden. Какъ извѣстно, эти мірскіе сходы, эти вѣча сохранились и сейчасъ въ малыхъ кантонахъ въ качествѣ непосредственно-законодательствующаго учрежденія. Но въ большихъ кантонахъ давно вымерли. И вотъ сейчасъ борьба живыхъ силъ современности ихъ снова вызываетъ на свѣтъ изъ архивовъ исторіи.

Идея «генеральныхъ совѣтовъ» пошла изъ Женевы, изъ рядовъ консервативной партіи. Въ высшей степени интересно, что именно эта партія, дорожащая традиціями прежней швейцарской «аристократіи» (старинныхъ буржуазныхъ олигархій) вообще является двигателемъ въ Готардской компаніи. Это понятно, пожалуй, по цѣли движенія, какъ проявленіе національнализма, всегда консервативнаго; но представляется довольно неожиданной и форма движенія—мобилизація широкихъ демократическихъ массъ, и его непосредственные плоды—требованіе дальнѣйшей демократизаціи союзной конституціи. Тутъ отчетливымъ образомъ выступаетъ весь характеръ культурнаго европейскаго консерватизма, такъ далеко отстоящаго отъ каннибальскихъ вождѣленій нашего «дикаго барина» изъ Бессарабіи, либо нашихъ реакціонныхъ «курянъ, свѣдомыхъ кметей».

Починъ осуществленію »генеральныхъ совѣтовъ» сдѣлалъ Ваадтскій кантонъ. 20 марта н. с. со всѣхъ концовъ этого обширнаго

винодѣльческаго и сыровареннаго кантона, стеклись въ Лозанну, на площадь св. Франциска, до 15 тысячъ гражданъ, настойчиво и довольно сердито требовавшихъ отъ своихъ 16 представителей въ Національѣ (большею частью радикаловъ) отказать въ ратификаціи договора «во имя достоинства, независимости и суверенитета» Швейцаріи. И всѣ участники Ваадтскаго вѣча пѣли, съ участіемъ оркестра барабановъ: «Vaudois, un nouveau jour se leve!», пѣсню, съ которой 100 лѣтъ тому назадъ Ваадтъ освободился отъ долгой тираніи Берна, и другую пѣсню общешвейцарскую:

De l'étranger méprisons les courroux,
Devant Dieu seul fléchissons les genoux!

Словомъ, запыленныя толпы земледѣльцевъ, пришедшихъ въ Лозанну, снова оживляли ея улицы полузабытымъ шумомъ острой политической агитаціи.

Менѣе остро, но не менѣе внушительно, прошелъ «генеральный совѣтъ» въ Женевѣ, 23 марта н. с., въ самый день Пасхи. Здѣсь, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, безпокойный элементъ народа менѣе былъ примѣтенъ: соціалисты не желаютъ идти объ руку съ «національстами», почему рабочее населеніе отсутствовало, а крестьяне, главная опора радикаловъ, отнеслись къ дѣлу пассивно. Зато своеобразное зрѣлище представляли тысячи «приличныхъ» протестантовъ, въ цилиндрахъ, въ котелкахъ, или въ студенческихъ бархатныхъ кэпи, голубыхъ, бѣлыхъ,—со свѣже-выбритыми подбородками, съ характерною швейцарской квадратностью фигуры и какою-то обрубленностью черепа. Люди, въ другихъ случаяхъ, призванные, кажется, отъ роду къ охраненію тишины и порядка... Зато и «генеральный совѣтъ» тутъ былъ исчерпанъ, кажется, въ $^1/_2$ часа, и публика разрѣшала себѣ только краткіе патріотическіе возгласы по сигналу. Оркестръ музыки исполнялъ гимны. Старая кальвинистская сдержанность, дисциплина... Зато въ Невшателѣ на «генеральномъ совѣтѣ» дѣло дошло чуть ли не до избіенія нѣкоего нѣмца, рѣшившагося, словно нарочно, крикнуть: «Долой Швейцарію!»

Не смотря на дни Пасхи, протестанты порѣшили собраться въ понедѣльникъ, 24 марта, на всешвейцарскую Landsgemeinde въ Бернѣ. Бернскій комитетъ дѣйствія рѣшилъ расклеить объ этомъ плакаты по всѣмъ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, но дирекція дорогъ поступила, какъ всѣ бюрократіи въ мірѣ имѣютъ обычай поступать: запретила расклейку плакатовъ. Когда же Комитетъ обратился съ запросомъ по этому поводу, то получилъ тоже истинно-бюрократическій отвѣтъ: движеніе, молъ, направлено, *по убѣжденію*

дирекціи, ко вреду казенныхъ дорогъ;—такъ что запретъ вполнѣ законенъ. Правду говоря, дирекція не могла бы придумать лучшей иллюстраціи къ протестамъ этихъ дней, протестамъ, обвинявшимъ именно бюрократію въ пренебреженіи къ голосу народа.

Съ раннимъ поѣздомъ 24 числа устремились волны суверенъаго народа отъ периферіи страны къ ея центру. Наши, женевскіе два поѣзда доставили въ Бернъ 1500 человѣкъ, въ томъ числѣ двѣ патріотическія корпораціи студентовъ «Цофингенцевъ» и «Изящную литературу», и оркестръ музыки. Я сидѣлъ въ вагонѣ и слушалъ, какъ пожилой, но весьма къ лицу одѣтый господинъ, одинъ изъ извѣстныхъ женевскихъ дѣятелей, не уставая агитировалъ своихъ, тоже пожилыхъ сосѣдей, по виду, фабрикантовъ, собственниковъ магазиновъ либо дѣловыхъ конторъ. Они ѣхали въ Бернъ протестовать, но все еще сомнѣвались, нельзя ли дѣло покончить, щадя престижъ Союзнаго Совѣта, т. е. не отвергая конвенціи. Нельзя ли упросить, напр., Германію...

— О, да, конечно! усмѣхался агитаторъ, сверкая камнямя булавки на нѣжно-сѣромъ съ голубизной галстукѣ. Конечно, попробуйте-ка упросить крокодила: отпуститъ ли онъ свою жертву?

Онъ ловко сыпалъ предъ ними фактами и цифрами и красиво жестикулировалъ, въ своемъ толстомъ, сѣромъ англійскомъ костюмѣ. Слушатели молчали, помахивая лишь головами. Молодежь съ другихъ скамеекъ иногда громкими восклицаніями поддерживала острыя словечки агитатора. Когда проѣхали дождливый берегъ Лемана и, проскочивъ чрезъ туннель, попали вдругъ на высокія плато, въ снѣжное и лѣсное царство Фрибургскаго кантона, всѣ почувствовали вскорѣ аппетитъ. Появились бутерброды, бѣлое вино, которое всѣ попросту, по-республикански, пили изъ общаго стаканчика: привычка альпійскихъ экскурсій. Мало-по-малу и молчаливые принялись рѣшительно протестовать.

Повидимому, агитаторы были заранѣе разсажены по вагонамъ. Здѣсь считаютъ нужнымъ неотступно и лично каждаго убѣждать до конца, не полагаясь на волю судьбы и настроенія. На станціяхъ насъ всюду встрѣчали группы со знаменами, пѣли патріотическія пѣсни, кричали: «Долой конвенцію!» Наши вагоны отвѣчали тѣмъ же. Въ Бернѣ, прямо изъ вагона, съ городской музыкой впереди, пріѣзжихъ повели въ «Казино», городской концертный залъ, гдѣ предстоялъ, затѣмъ, обѣдъ. Все было предвидѣно, приготовлено; ни сумятицы, ни проволочекъ, ни недостатка мѣстъ. И, не смотря на ливній снова въ Бернѣ проливной дождь, всѣ манифестаціи прошли, какъ по писанному—гладко, красиво, внушительно.

Покуда, съ новыми поѣздами, собирались отовсюду «конфеде-

раты» (какъ зовутъ себя обыкновенно швейцарцы), у меня было достаточно времени осмотрѣть Бернъ, подъ защитой зонта. Эта крохотная столица еще далеко не стерла съ себя, подъ глянцемъ современной культуры, первоначальной «медвѣжьей» физіономіи. Улицы со сводчатыми проходами по сторонамъ, съ неуклюжими, но въ то же время изящными скульптурными фонтанами посрединѣ, старинные кварталы внизу, по р. Аару, соборъ, гдѣ на входныхъ вратахъ—рельефъ Страшнаго Суда, со множествомъ папъ и королей въ геоннѣ огненной и добрыми буржуа—на пути въ царство небесное. Впрочемъ, изъ стараго Берна мнѣ особенно понравился одинъ памятный камень, вдѣланный въ баллюстраду надъ нижнимъ городомъ: здѣсь, на память слабымъ потомкамъ, записано, какъ нѣкій бернскій студентъ богословія, лѣтъ 300 назадъ, спрыгнулъ съ этого самаго обрыва, верхомъ на лошади (указана и точная высота—что-то 30 локтей) и остался, чудомъ Господнимъ, цѣлъ; потомъ много лѣтъ счастливо пасторствовалъ въ Бернѣ. Смѣлый и крѣпкій былъ народъ—старые бернцы! Оттого и хранило небо ихъ независимость.

Отобѣдавши, какъ слѣдуетъ (швейцарецъ не измѣняетъ своимъ правиламъ ни при какихъ обстоятельствахъ), пошли кортежемъ на Landsgemeinde, въ городской манежъ. Участвовало тутъ тысячъ 25, цифра огромная, если принять во вниманіе, что въ Бернѣ всѣхъ жителей лишь 90 тысячъ. Многіе должны были снаружи, подъ зонтами, дожидаться конца собранія.

Въ рѣчахъ повторялись, конечно, всѣ аргументы, за три года достаточно перемолотые толчеей многочисленныхъ собраній. Предсѣдатель собранія, бернскій нотаріусъ Грейерцъ, тщательно подчеркивалъ патріотичность и безпартійность всенароднаго вѣча: въ самомъ дѣлѣ, представлены были французскіе и нѣмецкіе кантоны, итальянскій Тессинъ и «романскій» Граубюнденъ, говорили на трехъ языкахъ—консерваторы, протестанты и католики, радикалы и соціалисты. Пѣли высокопатріотическія пѣсни, то и дѣло призывали Господа на помощь своему дѣлу. «Мы не противъ Союзнаго Совѣта, а только—противъ конвенціи». Точно также любезно раскланивались и съ Германіей, и Италіей: «Намъ вашего не нужно, а вы нашего не троньте». Одинъ лозанскій поэтъ даже заключилъ всѣ эти лояльные мотивы въ весьма горячую стихотворную рѣчь, гдѣ «St.-Gothard» рифмовалъ съ «notre saint devoir»... Тѣмъ не менѣе протестъ оставался достаточно рѣзкимъ по сути своей, и союзные совѣтники, надо полагать, плохо спали и въ предыдущую ночь, и въ слѣдующую.

Знаменщики стали размахивать союзными и кантональными знаменами—обычай, всегда здѣсь вызывающій огромный энтузіазмъ.

Раздались крики: «Къ Союзному дворцу!» (т. е. къ парламенту). Выстроились всѣ передъ манежемъ, по 4 въ рядъ, и отправились вдоль по древнимъ улицамъ Берна. Тутъ замѣтно было, что преобладаетъ, 1) самая солидно-буржуазная публика, во главѣ со студенческими корпораціями, 2) знамена романскихъ кантоновъ, и въ особенности Женевы. Впрочемъ этотъ составъ «генеральнаго совѣта» не вполнѣ можетъ быть принятъ за указатель: петиція подписана на 60% больше нѣмецкими кантонами. Скорѣй надо думать, что въ послѣднихъ, правда, буржуазія мало затронута движеніемъ (ей нерѣдко выгодна конвенція); но тѣмъ сильнѣе тамъ затронута рабочая масса, которая однако не имѣла ни средствъ, ни времени отправляться въ Бернъ. Менѣе же всего были представлены т. наз. здѣсь «кантоны—готардисты», т. е. лежащіе по пути германо-италіанскаго транзита черезъ С.-Готардъ: Базель, Ааргау, четыре лѣсныхъ кантона, Тессинъ. Они вѣдь получали, благодаря § 8 конвенціи объ «особо-благопріятствуемой жел.-дорожной линіи» (крупное пониженіе «горнаго» тарифа и запрещеніе Швейцаріи *на вѣчныя времена* назначать тарифы по другимъ линіямъ дешевле Готарда) заманчивыя перспективы экономическаго развитія. И вотъ, прямые потомки тѣхъ «конфедератовъ», что клялись на лугу Грютли, готовы отдать свои суверенныя права за чечевичную похлебку. Финансовый разсчетъ теперь посильнѣй прадѣдовскихъ клятвъ...

Я поспѣшилъ впередъ кортежа и, взобравшись на ступени Союзнаго Дворца, могъ наблюдать сверху всю пеструю картину манифестаціи. Погода прояснилась, и было удивительно красиво: первыя прибывшія группы—студенческія—обошли кругомъ площадь передъ парламентомъ и стали въ центрѣ ея; всѣ послѣдующія повторяли это же движеніе, завиваясь вѣнкомъ вокругъ первой группы, и живой водоворотъ людей, знаменъ и блестящихъ мѣдныхъ трубъ мѣрнымъ движеніемъ заполнилъ, наконецъ, всю площадь. Ритмическая плавность всѣхъ этихъ сложныхъ эволюцій невольно напоминала, что именно изъ Швейцаріи происходитъ авторъ «ритмической гимнастики», Ж. Далькрозъ. Балконы, окна, крыши кругомъ площади усѣялись любопытными бернцами, не видавшими давно ничего подобнаго.

Союзный Дворецъ былъ пустъ и нѣмъ: только завтра начиналась сессія; тѣмъ не менѣе вся масса собравшихся обратилась лицомъ къ нѣмому зданію, похожему на храмъ со своимъ мощнымъ куполомъ и со своимъ гербомъ-крестомъ на куполѣ. Пропѣли снова рядъ патріотическихъ гимновъ и пѣсенъ. Потомъ нотаріусъ Грейерцъ взобрался на подножье каріатиды у входа и пригласилъ трижды прокричать «ура» въ честь родины. Потомъ всѣ тихо разо-

шлись. Мнѣ пришлось идти рядомъ съ группой желѣзнодорожныхъ служащихъ, уносившихъ въ «Народный домъ» знамя своего союза. «Какъ же вы это выступаете противъ своей дирекціи?» спросилъ я знаменщика.—«Мы, правда, служащіе, но прежде всего мы—граждане», былъ отвѣтъ.

На обратномъ пути въ вагонѣ говорили: «теперь Національ предупрежденъ».

— «А что, если все же онъ ратификуетъ договоръ, не смотря на предупрежденіе?»—«Тогда—война!»

Война! распояшемтесь, друзья!

процитировалъ собесѣдникъ одну ходячую пѣсенку, при общемъ одобрительномъ хохотѣ.

На другой день, 25 марта, открылась сессія парламента. Я не стану подробно излагать преній, тѣмъ болѣе, что мнѣ, къ сожалѣнію, и не пришлось тамъ присутствовать лично. Впрочемъ, можно сказать, что за три года агитаціи, при швейцарской основательности во всѣхъ дѣлахъ, были уже безъ остатка исчерпаны всѣ «за» и «противъ» конвенціи. Оставалось лишь чисто практически подсчитать силы и подвести итогъ. Безъ сомнѣнія, результатъ не казался правительству особо вѣрнымъ, ибо оно употребило рядъ мѣръ экстреннаго давленія на парламентъ. Началось съ того, что уже въ самый моментъ открытія засѣданій правительство роздало по рукамъ свѣже-испеченную ноту германскаго посланника въ Бернѣ. Въ нотѣ Германія стремилась успокоить расколыхавшійся швейцарскій народъ увѣреніемъ, что она отнюдь не намѣрена посягать на его суверенныя права во внутренней, желѣзнодорожной политикѣ и не станетъ злоупотреблять §§-ми, дающими «субсидировавшимъ державамъ» верховный контроль надъ этой политикой. Словомъ, заявляла Германія, мы стоимъ совершенно на одной точкѣ зрѣнія съ Союзнымъ Совѣтомъ. Послѣдній, съ своей стороны, прибавилъ къ нотѣ заявленіе о полнѣйшей солидарности съ германскимъ посланникомъ.

Какимъ-то домашнимъ, патріархальнымъ духомъ вѣетъ отъ этой благодушной, совмѣстной ноты. Отсюда видно, до какой степени просто привыкъ, въ самомъ дѣлѣ, управлять Союзный Совѣтъ въ атмосферѣ многолѣтней «тиши да глади»... Вотъ вамъ, молъ, «самъ» германскій посланникъ насъ поддерживаетъ. Противникамъ нетрудно было, конечно, указать, что это-то и худо, что поддерживаетъ: ему, значитъ, выгодна конвенція, въ чемъ никто и не сомнѣвался. Обѣщаніе же посланника—чисто-платоническое, а не юридическое, ибо конвенція принята была Германскимъ парламентомъ, а не правительствомъ, да и Италія ничуть не поддерживаетъ

германскаго обѣщанія. Зато германская нота дала желанный поводъ голосовать за конвенцію всегдашнимъ партизанамъ Союзнаго Совѣта, а такихъ, конечно, много. Многіе прямо высказывались въ парламентѣ, что нельзя теперь уже отвергнуть конвенцію, какова бы она ни была, ибо—въ какое бы тогда положеніе былъ поставленъ Союзный Совѣтъ, ее подписавшій въ 1909 г.? Мысль о возможности смѣны правительства имъ и въ голову не приходила: въ Швейцаріи этотъ обычай парламентарнаго правленія неслыханъ. Министры (какъ и депутаты) здѣсь сидятъ на своемъ мѣстѣ десятки лѣтъ, пока ихъ не смѣнитъ смерть или другая force majeure.

Въ дѣйствительности, первый же ораторъ оппозиціи, докладчикъ большинства комиссіи, Планта [1]) сразу же и окончательно разбилъ правительство. Одинъ изъ лучшихъ здѣшнихъ юристовъ, онъ обнаружилъ крайнюю юридическую неумѣлость агентовъ Швейцаріи на Готардской конференціи мая 1909 г. Вмѣсто того, чтобы уступками въ тарифахъ и т. п. купить у Германіи и Италіи окончательный *отказъ* отъ вмѣшательства въ дѣла С.-Готарда (правомъ вмѣшательства онѣ отчасти обладали по отношенію къ прежней К°, ими субсидированной), агенты Швейцаріи, въ томъ числѣ г. Форреръ, наоборотъ, растерялись предъ напускнымъ гнѣвомъ «великихъ державъ» за выкупъ Готарда «безъ позволенія» и—въ самомъ дѣлѣ, смѣшное и нелѣпое обстоятельство—купили у нихъ признаніе суверенаго права на выкупъ цѣною *потери суверенитета* надъ собственными тарифами! А сверхъ того, уже вовсе безвозмездно, уступили и сейчасъ уже въ тарифахъ, и, въ силу особаго «добавочнаго протокола», дали германскимъ фирмамъ преимущество передъ швейцарскими въ поставкахъ по улучшенію Готарда. Протоколъ этотъ особенно поднялъ на дыбы швейцарскихъ капиталистовъ, ввиду предстоящей «электрификаціи» Готарда... И все это—на томъ якобы юридическомъ основаніи, что въ старыхъ договорахъ о Готардѣ, 1869 и 1878 г., ничего не сказано о правѣ Швейцаріи на выкупъ. Какъ будто это суверенное право страны не подразумѣвается само собою — не говоря уже о томъ, что оно тщательно оговорено въ статутахъ бывшей Готардской К°.

Несостоятельность швейцарской дипломатіи была до того ясна, что и само правительство могло защищаться въ парламентѣ лишь самымъ слабымъ образомъ. Главный виновникъ конвенціи, г. Форреръ все ссылался на то, что дипломатія, это — особое, весьма тонкое искусство, гдѣ «самое главное — любезность»;

[1]) Онъ — крупнѣйшій землевладѣлецъ Швейцаріи и представитель одной изъ древнѣйшихъ фамилій кантона Граубюнденъ, восходящей, какъ говорятъ, до эпохи римскихъ императоровъ.

не могли же молъ мы грубо выдвигать свой суверенитетъ. Да сверхъ того, обстоятельства выкупа были самыя мрачныя: европейская (т. е. германская) биржа шумѣла по поводу «экспропріаціи», понизила швейцарскія бумаги, какъ ненадежныя и проч. Словомъ опять старый, извиняющійся тонъ. Зато новый (съ прошлаго года) членъ правительства г. Шультгессъ, наоборотъ, взялъ мажорный тонъ «Дополнительнаго посланія» (онъ—его авторъ) и, умалчивая о всѣхъ политическихъ вопросахъ, старался снова прельстить глазъ швейцарскаго капиталиста великими и богатыми выгодами новой конвенціи. Въ его рѣчи наивно-ярко отразился современный жрецъ золотого тельца, для котораго все, кромѣ барышей, равно нулю. Надо прибавить, что въ министры онъ попалъ въ качествѣ «представителя интересовъ швейцарской промышленности», а до того состоялъ директоромъ крупнѣйшей здѣсь фабрики электрическихъ машинъ Броунъ и Бовери, въ швейцарскомъ Баденѣ, которая, въ свою очередь,—лишь филіальное отдѣленіе огромнаго электрическаго трёста «Всеобщая К° электричества», обнимающаго большую часть этой отрасли индустріи въ Германіи, Франціи, Швейцаріи и Австріи (также въ Россіи; къ ней же примыкаетъ извѣстный Сименсъ и Гальске). Это обстоятельство освѣщаетъ «точку зрѣнія» министра Шультгесса съ «экономической стороны.

Изъ выступленій ораторскихъ упомяну еще лишь особо тяжкую для Союзнаго Совѣта бомбардировку г. А. Фрея, крупнаго промышленника, вице-президента швейцарскаго общества Торговли и Промышленности, одного изъ главныхъ столповъ партіи радикаловъ. Въ качествѣ лучшаго знотока финансово-торговыхъ вопросовъ, онъ является участникомъ и фактическимъ творцомъ всѣхъ торговыхъ договоровъ Швейцаріи за послѣдніе 2 десятка лѣтъ (кромѣ Готардскаго). Это именно онъ назвалъ новую Готардскую конвенцію—«капитуляціей»; онъ заявилъ, что такой односторонне-невыгодной конвенціи еще не заключалъ ни одинъ народъ, даже послѣ военнаго пораженія. Франкфуртскій, напр., договоръ послѣ франко-прусской войны, вынуждая Францію дать Германіи права «особо-благопріятствуемой державы», даетъ взаимно и Франціи такія же. Швейцарія же среди полнаго мира, не получая ничего взамѣнъ, *навѣки* обязуется экономическимъ вассальствомъ, становится чѣмъ то вродѣ европейской колоніи, Hinterland, для Германіи—по образцу того, чѣмъ долго была, напр., для Австріи Сербія.

Словомъ, моральное пораженіе Союзнаго Совѣта было полное. Тѣмъ не менѣе, договоръ, въ заключеніе, поименнымъ голосованіемъ 4 апрѣля н. с. былъ принятъ, хотя и ничтожнымъ, по здѣшнему масштабу, большинствомъ—108 противъ 77 голосовъ. Побѣда

досталась правительству лишь благодаря непрестаннымъ мѣрамъ «воздѣйствія»—или т. наз. «Bauernfang» (ловля пѣшекъ) втеченіе одинадцати дней засѣданій. Была прочитана въ срединѣ преній еще одна экстра-нота Германіи, гдѣ послѣдняя обѣщалась пойти даже на третейскій судъ, если Швейцарія найдетъ извѣстные пункты договора угрожающими своимъ интересамъ. Затѣмъ, обильно расточались обѣщанія разныхъ льготъ отдѣльнымъ кантонамъ: пониженіе мѣстныхъ тарифовъ, субсидіи новымъ туннелямъ—конкурентамъ Готарда, и т. п. Наконецъ, открыто говорятъ объ интимныхъ обѣдахъ и *личныхъ* обѣщаніяхъ отдѣльнымъ депутатамъ. Вѣрно то, что часть депутатовъ, все время бранившихъ конвенцію, даже читавшихъ ранѣе противъ нея рефераты, голосовала за нее. Можно считать, что не пріобрѣти Союзный Совѣтъ этимъ путемъ 16 лишнихъ «пѣшекъ», онъ получилъ бы шахъ и мать.

Взрывъ негодованія былъ отвѣтомъ на рѣшеніе Національ, особенно въ романскихъ кантонахъ, какъ наименѣе заинтересованныхъ въ выгодахъ, предоставленныхъ конвенціей германскому капиталу. Въ тотъ же день въ Лозаннѣ и Женевѣ произошли бурныя манифестаціи, и намъ, россіянамъ, уже казалось, что безъ нагайки дѣло не обойдется. Однако нѣтъ, кромѣ незначительныхъ пререканій съ полиціей, все прошло благополучно. Носили, подъ звуки похороннаго марша, покрытое крепомъ швейцарское красное знамя съ бѣлымъ крестомъ—въ знакъ траура по швейцарской независимости. Въ Женевѣ укутали крепомъ всю статую Л. Фавра, строителя С.-Готардскаго туннеля. Въ Лозаннѣ произошелъ маленькій конфликтъ съ германскимъ консуломъ, требовавшимъ удаленія траурнаго швейцарскаго знамени изъ витрины магазина въ домѣ, гдѣ онъ живетъ. Хозяинъ магазина, однако, не позволялъ полиціи этого сдѣлать.

Но особо бурныя манифестаціи были направлены противъ мѣстныхъ «измѣнниковъ», т. е. депутатовъ Національ, голосовавшихъ «за». Въ Женевѣ это были радикалы, Шарбонне и Рипшель; другіе же радикалы подъ единодушнымъ напоромъ женевскаго негодованія, отказались отъ своего прежняго мнѣнія и голосовали «противъ». Цѣлые три дня мы встрѣчали по улицамъ манифестаціи, особенно противъ Шарбонне, докладчика отъ меньшинства комиссіи Національ. Манифестанты шли и всѣ заразъ отрывисто скандировали, на мотивъ «лампіоновъ», одинъ и тотъ же, оглушительный двухъ-стопный анапестъ:

De-mis-sion! Shar-bon-net!

т. е. «въ отставку Шарбонне!» : онъ состоитъ и кантональнымъ министромъ Женевы. Ходили и подъ окна его дома, устроили

кошачій концертъ, пробовали проникнуть и въ домъ; но домъ былъ наглухо запертъ всѣми ставнями и охранялся невидимо цѣлымъ отрядомъ тайной полиціи. Распространился слухъ, что «виновнику торжества» былъ предложенъ Союзнымъ Совѣтомъ высокій постъ на союзныхъ дорогахъ, и, хотя это печаталось въ газетахъ, Шарбонне не опровергалъ.

Въ Лозаннѣ такой же участи подвергся нѣкій депутатъ Бонжуръ. Ему 15 товарищей-депутатовъ отъ Ваадтланда прямикомъ предложили сложить полномочія, по случаю рѣшительнаго расхожденія съ избирателями. И Шарбонне, и Бонжуръ протестовали въ печати противъ «давленія» на ихъ свободу мнѣній.

Пошли въ ходъ затѣмъ снова «генеральные совѣты» съ еще большимъ числомъ участниковъ, съ болѣе жаркимъ настроеніемъ. На Женевскомъ совѣтѣ, напр., ораторы заявили о «потерѣ ихъ довѣрія» Союзнымъ совѣтомъ—вещь, по здѣшнимъ нравамъ, до крайности рѣзкая. А одинъ юноша, котораго впрочемъ не пустили на кафедру, добивался поставить на голоса резолюцію—создать, на основаніи § 5 союзной конституціи, Комитетъ Общественнаго Спасенія, ввиду отчаянности положенія.

Но, конечно, сама конституція даетъ средства, менѣе сильныя для рѣшенія вопроса. Народъ не обладаетъ непосредственнымъ правомъ голоса въ международныхъ договорахъ, но онъ можетъ самъ себѣ *дать* это право! Поэтому сейчасъ же изъ Лозанны пустили въ ходъ «инициативу» объ измѣненіи конституціи въ соотвѣтствующемъ смыслѣ, и инициатива, уже, говорятъ, собрала десятки тысячъ подписей. Съ другой стороны, подъ давленіемъ соціалъ-демократической партіи, расширенный «Комитетъ дѣйствія противъ Готардскаго договора», на своемъ заключительномъ съѣздѣ въ Берлинѣ рѣшилъ оживить комиссію по R. P. (пропорціональному представительству для выборовъ въ Національ), оставшуюся еще съ послѣдняго референдума 1910 года. Эта, болѣе радикальная конституціонная кампанія обѣщаетъ быть и болѣе успѣшной, ввиду того, что соберетъ, конечно, больше сторонниковъ. Замѣчу, что референдумъ 1910г. отвергнулъ R. P. сравнительно незначительнымъ большинствомъ, именно 25 тыс. на 505 тыс. голосовавшихъ, между тѣмъ, какъ такой же референдумъ 1900 г. далъ еще большинство въ 75 тыс. противъ R. P. Можно думать, что теперь, когда выяснились такъ больно для Швейцаріи всѣ грѣхи стараго Majorz'а, фактически бросившаго страну въ безцеремонное распоряженіе иностраннаго капитала,—можно думать, что теперь большинство за R. P. окажется весьма значительнымъ. Это, конечно, при условіи, если окажутся достаточно упорными въ своей оппозиціи тѣ, большей частью, консервативные,

а нерѣдко, въ соціальномъ отношеніи, и тупо-реакціонные круги, которые, игрою борьбы капиталистическихъ интересовъ, такъ неожиданно вытолкнуты теперь въ застрѣльщики политической демократіи.

Тогда, безъ сомнѣнія, и опасность отъ «пагубной» готардской конвенціи будетъ мало-по-малу сведена на нѣтъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что уже и сейчасъ швейцарскій народъ успѣлъ показать, что его не такъ-то легко поработить и подкупить богатымъ сосѣдямъ, хотя бы наилучшими фарфоровыми часами.

А. Дивильковскій.

БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И АЛБАНСКІЙ ВОПРОСЪ.

— René Puaux. De Sofia à Tchataldja. Paris, 1913. Стр. 267.
— Balcanicus. Le problème albanais, la Serbie et l'Autriche-Hongrie. Paris 1913. Стр. 84.

Военный корреспондентъ газеты «Temps», Ренэ Пюо, находился съ самаго начала кампаніи при болгарской арміи и добросовѣстно слѣдилъ за событіями въ тѣхъ предѣлахъ, какіе были доступны иностраннымъ наблюдателямъ. Какъ французъ, чувствительный къ военнымъ подвигамъ и заслугамъ, онъ проникся необыкновеннымъ уваженіемъ къ болгарскому народу, проявившему великія національныя качества—хладнокровное, ни предъ чѣмъ не останавливающееся мужество, сознательный, самоотверженный героизмъ, упорную смѣлость и выдержку, въ соединеніи съ скромною дѣловитостью и разсчетливостью. Ренэ Пюо съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что болгарскіе военные дѣятели большею частью прошли французскую школу и примѣняли на войнѣ правила и пріемы французской военной тактики, тогда какъ турки слѣдовали нѣмецкимъ образцамъ и имѣли нѣмецкихъ руководителей, дѣйствовавшихъ по указаніямъ извѣстнаго прусско-турецкаго генерала фонъ деръ-Гольца. Военное торжество Болгаріи означало косвенно побѣду французскаго военнаго искусства надъ германскимъ; впрочемъ, нѣкоторое значеніе приписывается авторомъ и русскому вліянію, слѣды котораго сохранились даже въ обмундировкѣ болгар-

ской арміи. Взгляды и впечатлѣнія Ренэ Пюо должны были несомнѣнно соотвѣтствовать основнымъ политическимъ идеямъ той умѣренно-республиканской и отчасти офиціозной газеты, представителемъ которой онъ являлся на Балканахъ. Поэтому въ его очеркахъ и корреспонденціяхъ съ театра войны нельзя встрѣтить ничего особенно новаго или оригинальнаго, ничего такого, что имѣло бы характеръ разоблаченій. Тѣмъ не менѣе въ нихъ содержатся кой-какія любопытныя подробности, и книга Пюо вообще не лишена интереса.

Излагая вкратцѣ исторію образованія балканскаго союза, авторъ приводитъ нѣкоторыя свѣдѣнія и разъясненія, сообщенныя ему сербскимъ посланникомъ въ Софіи, г. Спалайковичемъ. Этотъ дипломатъ—по отзыву Пюо, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, какихъ ему случалось встрѣчать въ Европѣ,—воспитанникъ парижскаго университета, секретарь посольства въ Петербургѣ, впослѣдствіи довѣренное лицо министра Миловановича въ Бѣлградѣ, былъ истиннымъ вдохновителемъ сербско-болгарскаго соглашенія, подписаннаго 28 февраля (13 марта) 1912 года. Планъ этого союза созрѣлъ вслѣдъ за объявленіемъ войны между Италіей и Турціей. Европа проглядѣла эту новую военно-политическую комбинацію; она не предвидѣла также, что небольшія балканскія государства, къ которымъ она привыкла относиться съ покровительственнымъ высокомѣріемъ, способны выставить армію въ семьсотъ тысячъ человѣкъ съ 1500 орудіями. Въ сентябрѣ 1911 года сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ, покойный Миловановичъ, обратился къ Россіи, Франціи и Англіи съ секретнымъ циркуляромъ, въ которомъ указывалъ на неизбѣжность крупныхъ событій на Балканахъ въ связи съ начавшеюся турецко-итальянской войною. Русскій посланникъ въ Бѣлградѣ, г. Гартвигъ, считавшійся дѣятельнымъ сторонникомъ балканской федераціи, обращалъ съ своей стороны вниманіе министра С. Д. Сазонова на измѣнившееся положеніе дѣлъ; но въ Петербургѣ не вѣрили въ серьезность сообщаемыхъ свѣдѣній и слуховъ. Миловановичъ поручилъ посланнику Спалайковичу немедленно начать въ Софіи переговоры о союзѣ; вернувшійся изъ-за границы болгарскій министръ-президентъ Гешовъ, извѣстный своимъ принципіальнымъ миролюбіемъ и своею старою склонностью къ туркофильству, легко и быстро далъ себя убѣдить доводами сербскаго дипломата, тѣмъ болѣе, что уже раньше успѣлъ столковаться съ Миловановичемъ въ вагонѣ желѣзной дороги, на пути изъ Будапешта въ Бѣлградъ. Согласіе царя Фердинанда было обезпечено; о заключеніи союза было тотчасъ дано знать въ Петербургъ, а оттуда сообщили въ Парижъ и Лондонъ. Въ апрѣлѣ къ союзу при-

соединилась Грецiя. Сильное безпокойство вызывалось въ Софiи и Бѣлградѣ политическими проектами и намѣренiями Австро-Венгрiи. Вѣнскiй кабинетъ хлопоталъ тогда о предоставленiи автономiи отдѣльнымъ турецкимъ провинцiямъ и особенно объ устройствѣ будущей «великой Албанiи», которая служила бы надежнымъ оплотомъ австрiйскаго владычества на Балканахъ.

Пропаганда австрiйскаго вліянiя въ Албанiи ведется главнымъ образомъ черезъ посредство католическаго духовенства. Албанскiе католики подчинены тремъ архiепископамъ, имѣющимъ свои резиденцiи въ Скутари, Дураццо и Ускюбѣ (Скопье); внѣ этой епископской организацiи стоитъ старинное бенедиктинское аббатство св. Александра въ Ороши, потерявшее съ 1888 года свой монастырскiй характеръ и сдѣлавшееся центромъ самостоятельной епархiи среди миридитовъ. Подъ контролемъ этихъ четырехъ духовныхъ учрежденiй находится около 75 тысячъ албанскихъ католиковъ. Сверхъ того, большую роль играетъ въ Албанiи францисканскiй орденъ съ его шестнадцатью монастырями въ разныхъ мѣстахъ страны; монахи и священники— большею частью изъ албанцевъ, прошедшихъ школу въ скутарiйской iезуитской семинарiи и довершившихъ свое образованiе въ одномъ изъ австрiйскихъ богословскихъ факультетовъ. Въ качествѣ официальной покровительницы албанскихъ католиковъ, Австро-Венгрiя выдаетъ крупныя суммы на содержанiе мѣстнаго католическаго духовенства; каждый албанскiй священникъ получаетъ отъ нея ежегодную субсидiю въ шестьсотъ кронъ. Такъ какъ Италiя съ своей стороны издавна сохраняла и поддерживала значительныя торговыя и политическiя связи съ албанскимъ побережьемъ, то вѣнскiй кабинетъ долженъ былъ признать за нею соотвѣтственное право участiя въ дѣлахъ Албанiи, и въ этомъ смыслѣ между обѣими союзными державами состоялось въ 1903 году соглашенiе, по которому южная часть страны входитъ въ кругъ преобладающаго вліянiя Италiи. Съ тѣхъ поръ австрiйскiе виды на Албанiю выступали все съ большею опредѣленностью и настойчивостью, подготовляя созданiе новой могущественной преграды естественному развитiю славянскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Вопросу объ Албанiи спецiально посвящена книжка, авторъ которой скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ «Балканца» (Balcanicus). Бывшiй итальянскiй министръ иностранныхъ дѣлъ Титтони говорилъ въ парламентѣ, въ маѣ 1904 года, что «Албанiя сама по себѣ не имѣетъ большого значенiя: ея важность заключается въ ея гаваняхъ и ея побережьѣ, обладанiе которыми означало бы для Австрiи или Италiи безспорное господство на Адрiатическомъ морѣ. Этого не могла бы допустить Италiя для Австрiи, такъ-же точно, какъ и

Австрія для Италіи. Въ случаѣ еслибы одна изъ двухъ державъ пыталась завладѣть этой областью, другая должна была бы воспротивиться этому всѣми способами». Численность населенія Албаніи опредѣляется приблизительно въ милліонъ или въ полтора милліона человѣкъ; изъ нихъ огромное большинство, не менѣе семидесяти процентовъ, составляютъ мусульмане; затѣмъ идутъ православные, преимущественно въ южной Албаніи и отчасти также на сѣверѣ; наконецъ католиковъ считается около ста тридцати тысячъ или не болѣе пятнадцати процентовъ. Чистота расы далеко не сохранилась въ сѣверныхъ округахъ; примѣсь сербской крови тамъ весьма значительна. Многіе албанскіе мусульмане — въ дѣйствительности сербы; они говорятъ часто на сербскомъ языкѣ, который до новѣйшаго времени оставался господствующимъ въ этой части страны. Насильственное распространеніе ислама турками продолжалось вплоть до начала прошлаго столѣтія. Въ Скутари, какъ разсказываетъ въ своей брошюрѣ бывшій австрійскій консулъ Теодоръ Иппенъ, весь аристократическій классъ былъ истребленъ въ XVIII вѣкѣ Мехмедъ-беемъ-Бушатли, выходцемъ изъ Бушата на Дринѣ, принявшимъ коранъ и получившимъ званіе паши; старинныхъ мѣстныхъ родовъ не осталось въ городѣ, и ихъ замѣнили большею частью представители черногорскихъ семействъ, привлеченные честолюбіемъ и ожиданіемъ выгодъ; водворившись въ Скутари, они мѣняли религію и пріобрѣтали привилегированное положеніе. И въ самомъ дѣлѣ—заключаетъ австрійскій дипломатическій агентъ—главныя фамиліи Скутари происходятъ отъ тѣхъ-же предковъ, какъ и семьи черногорскихъ племенъ. Разумѣется, эти свѣдѣнія сообщались еще въ то время, когда австрійцы не предвидѣли своего позднѣйшаго жгучаго спора съ Черногоріей изъ-за Скутари.

По отзывамъ иностранныхъ наблюдателей и путешественниковъ, преимущественно австрійскихъ, коренные албанцы остаются первобытными дикарями, неспособными къ культурѣ; обычай кровавой мести, систематическіе разбои и междоусобія держатъ страну въ состояніи хронической анархіи и исключаютъ мысль о національномъ единствѣ, какъ основѣ албанской автономіи. Знаменитый герой Албаніи, Георгій Скандербегъ, жившій въ XV-мъ вѣкѣ, былъ сербомъ по матери; онъ всю жизнь воевалъ съ турками, но не оставилъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, кромѣ лишь нѣкоторыхъ развалинъ около Дибры, и имя его очень рѣдко упоминается въ народныхъ пѣсняхъ. Албанскіе вожди возставали противъ турецкой власти не во имя національной свободы и независимости, а ради сохраненія своихъ привилегій; такъ и въ 1909 году ихъ делегаты въ Салоникахъ требовали не только свободы отъ воинской повин-

ности, отъ налоговъ и судебныхъ учрежденій, но и запрещенія иновѣрцамъ и сербамъ носить оружіе. Албанцы охотно мирились съ турецкимъ владычествомъ и становились вѣрными слугами султана, когда получали возможность свободно распоряжаться въ своихъ вилайетахъ, устраивать погромы и избіенія сербовъ, отнимать у нихъ имущество и т. п.

Дважды въ теченіе трехъ столѣтій Скутари и сѣверныя мѣстности Албаніи находились въ рукахъ сербовъ; тамъ существуютъ еще сербскія церкви и старинныя королевскія виллы въ окрестностяхъ Скутари. Въ одной сербской народной пѣснѣ основаніе города Скутари приписывается сербамъ. Въ разныя эпохи этотъ городъ былъ иллирійскимъ, греческимъ, римскимъ, византійскимъ, венеціанскимъ, сербскимъ и турецкимъ, но никогда онъ не былъ албанскимъ. Если имъ недолго владѣли Бушатли, то только въ качествѣ турецкихъ пашей, а не албанцевъ. Скутари никогда и не былъ столицей Албаніи. Скандербегъ, какъ извѣстно, имѣлъ свое пребываніе въ Кроѣ, къ югу отъ Алессіо. Во времена Византійской имперіи Скутари принадлежалъ къ округу, главнымъ городомъ котораго былъ Дураццо; въ римскую эпоху скутарійская мѣстность входила въ составъ провинціи Далмаціи, заключавшей въ себѣ, кромѣ нынѣшней Далмаціи, Черногорію, Боснію съ Герцеговиною и часть Сербіи, но не Албанію. По своему географическому положенію Скутари естественно связанъ съ Черногоріей, владѣющею уже половиною Скутарійскаго озера и правымъ берегомъ рѣки Бояны. Вся область Скутари пропитана сербскою народностью, и смѣшеніе сербовъ съ албанцами начинается тамъ съ VII вѣка. «Сербы—говоритъ Balcanicus—вновь заняли теперь земли, нѣкогда имъ принадлежавшія. Они потеряли ихъ четыре столѣтія тому назадъ, въ борьбѣ противъ турокъ; они дождались возмездія и путемъ борьбы опять завладѣли этими мѣстами. Въ этой борьбѣ албанцы находились на сторонѣ турокъ. По какому же праву должны перейти къ нимъ завоеванныя сербами земли? Племенной принципъ не играетъ тутъ никакой роли. Притомъ, ссылаясь на него, албанцы могли бы требовать распространенія своей территоріи на сѣверъ до Каттаро и на югъ до Аѳинъ, ибо и тамъ есть албанцы.

Въ Италіи проживаетъ около 80 тысячъ албанцевъ, изъ которыхъ многіе усвоили итальянскій языкъ и итальянскіе нравы; предки ихъ покинули родину въ концѣ XV вѣка, послѣ того, какъ турки захватили всю западную часть Балканскаго полуострова вмѣстѣ съ албанскимъ побережьемъ. Въ Греціи албанцевъ гораздо больше—до 250 тысячъ, но тамъ они не ведутъ такой дѣятельной агитаціи въ пользу албанской автономіи, какъ въ Италіи. Итальянцы

употребляли громадныя усилія для упроченія и расширенія своихъ торговопромышленныхъ интересовъ въ Албаніи; они основывали для албанцевъ итальянскія школы и успѣшно соперничали съ австрійскимъ вліяніемъ даже въ области религіозной пропаганды. Австрійскіе патріоты высказывались тогда противъ албанской автономіи, и выразителемъ этого взгляда явился главный редакторъ офиціальнаго журнала «Die oesterreichische Rundschau», Леопольдъ Хлумецкій. Австро-Венгрія имѣла совсѣмъ другіе планы, которыхъ она и не скрывала; освѣдомленные писатели доказывали, что албанцы жаждутъ перейти подъ австрійскую власть и что это было бы для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ. Албанія составляла одну изъ необходимыхъ частей австрійской политической программы на ближнемъ Востокѣ. «Наша политика—пояснялъ Хлумецкій—должна обезпечить намъ такое положеніе, чтобы только мы одни призваны были къ смертному ложу больного человѣка, ибо намъ предстояло бы не самимъ участвовать въ дѣлежѣ наслѣдства, а взять на себя опеку надъ наслѣдниками, находящимися въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ». А такъ какъ по австрійскому проекту Албанія навсегда обречена быть несовершеннолѣтнею, то и опека надъ нею легко превратилось бы въ прочное и постоянное владѣніе, подобно тому, какъ это случилось съ Босніею и Герцеговиною. Во время боснійскаго кризиса, въ зимніе мѣсяцы 1908—1909 гг., по свидѣтельству извѣстнаго д-ра Фридьюнга, графъ Эренталь велъ секретные переговоры съ албанскими вождями; на случай войны съ Сербіей онъ обѣщалъ имъ деньги и оружіе на тридцать тысячъ человѣкъ и гарантировалъ имъ автономію ихъ страны. Новѣйшіе военные успѣхи балканскихъ союзниковъ заставили Австро-Венгрію круто измѣнить свою тактику относительно Албаніи и потребовать образованія особаго албанскаго государства въ возможно болѣе широкихъ границахъ, подъ общимъ покровительствомъ Европы.

На языкѣ дипломатіи, по дѣламъ и вопросамъ балканской политики давно уже принято подъ Европою разумѣть Австро-Венгрію. Кабинеты великихъ державъ, не исключая и Россіи, стали заботливо повторять искусственные, явно придуманные доводы въ пользу австрійскихъ домогательствъ, выдаваемыхъ почему-то за безповоротныя рѣшенія всей Европы. Стремленія и разсчеты, лежащіе въ основѣ этихъ домогательствъ, хорошо разобраны въ книжкѣ сербскаго политическаго дѣятеля, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ «Balkanicus».

Л. Слонимскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Крикливая любовь къ балканскимъ славянамъ и подлинное отношеніе къ «братьямъ-славянамъ» внутри Россіи.—Репрессіи, кары и пресѣченія, примѣняемыя къ украинцамъ и полякамъ.—Уравненіе въ репрессіяхъ всѣхъ народностей.—Гоненія на газеты.—Закрытіе библіотекъ.—Изъ области бодрящихъ фактовъ.—Городскіе выборы и побѣды на нихъ обновленцевъ.—Открытіе въ селахъ средне-учебныхъ заведеній.—Киргизская гимназія.—Давленіе сверху и отпоръ снизу.

За время балканской войны такъ много и съ такимъ шумомъ говорилось о славянахъ и о всеславянскомъ единеніи, что иное доброе и наивное сердце въ серьезъ могло повѣрить, будто бы вся Россія, съ офиціальныхъ верховъ до народныхъ низовъ, пламенѣетъ братской любовью къ славянамъ.

Но пока гремѣли рѣчи на славянскихъ банкетахъ, пока прорывались демонстраціи съ воинственными криками: «Долой Австрію!» (Австрію, утѣсняющую братьевъ-славянъ) и пока правительство искало для своихъ сообщеній самыя мягкія ноты, чтобы убѣдить общество въ своей нелицемѣрной любви къ балканскимъ славянамъ,—въ это время среди тѣхъ братьевъ-славянъ, которые давно уже обречены на историческое содружество съ Россіей и которые живутъ среди насъ въ тѣсномъ и взаимномъ переплетеніи всѣхъ интересовъ, шла обычная жизнь, полная нелѣпостей, ущемленій и оскорбленій національнаго чувства. Кіевскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ: «За послѣднее время подольской «Просвѣтѣ» запрещено устройство хоровыхъ спѣвокъ; кіевскому клубу «Родина» запрещено устройство докладовъ и рефератовъ на украинскомъ языкѣ; въ полтавскомъ обществѣ «Боянъ» запрещено принимать участіе мѣстному гимназическому регенту и т. д. Регистрація новыхъ украинскихъ обществъ встрѣчаетъ систематическій отказъ. Такъ, въ Одессѣ отказано въ регистраціи украинскому драматическому обществу «Кобзарь», въ Кіевѣ отказано въ регистраціи «украинскому художественно-артистическому обществу». Въ Полтавѣ начальникъ желѣзнодорожнаго жандармско-полицейскаго управленія запрещаетъ продавать на вокзалѣ украинскія газеты. Въ г. Каневѣ, Кіевской губ., исправникъ вызываетъ къ себѣ подписчиковъ украинскихъ газетъ и подъ угрозой «непріятностей» вынуждаетъ ихъ отка-

зываться отъ полученія газетъ. Каменецъ-подольскому вольно-пожарному обществу запрещено поставить извѣстную пьесу «Борці за мрії», безусловно дозволенную къ представленію. Въ Глуховѣ, Черниговской губ. воспитанникамъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній запрещено посѣтить концертъ бандуристовъ. Въ Юзовкѣ изъ афиши украинской труппы о пьесѣ «Доки сонце зійде» полиція вычеркнула слова: «Відомого українськаго драматурга і батька українського театру», относившіяся къ автору пьесы Кропивницкому. Директоръ александрійской учительской семинаріи г. Левицкій, запретивъ ученикамъ брать изъ городской библіотеки украинскія книги, сталъ обходить ученическія квартиры, чтобы удостовѣриться, въ точности ли исполняется его распоряженіе. Разумѣется, «нелегальщина» была обнаружена, и директоръ въ одинъ изъ ближайшихъ дней счелъ нужнымъ послѣ утренней молитвы обратиться къ ученикамъ съ рѣчью. «Господа!—сказалъ онъ. У нѣкоторыхъ изъ васъ конфисковалъ я малорусскую литературу. Вѣдь было запрещено брать въ библіотекѣ книги подобнаго содержанія. Вы начали брать ихъ снова. Я вторично составилъ списокъ и послалъ въ общественную библіотеку. Другихъ книгъ, кромѣ означенныхъ въ спискѣ, вы читать не должны... Меня, господа, крайне удивляетъ, что побуждаетъ васъ читать эту литературу. Вѣдь вы достаточно знаете этотъ малорусскій языкъ: вы съ материнскимъ молокомъ впитали его въ себя. Зачѣмъ вамъ стремиться къ большему? Этого достаточно для васъ въ домашнемъ обиходѣ. Эта литература и все украинофильское движеніе представляетъ изъ себя не болѣе, какъ результатъ болѣзненности его представителей. Повѣрьте, я *самъ* нѣкогда увлекался и носилъ сѣрую шапку. Но теперь за одинъ вашъ отвратительный акцентъ я, увидите, сдѣлаю выпускъ въ три человѣка. Прошу васъ, господа, еще разъ бросьте этотъ языкъ—это хамство!»

Разсужденіями г. Левицкій однако не ограничился и для того, чтобы «впредь неповадно было», лишилъ нѣсколько учениковъ, уличенныхъ въ сочувствіи «украинофильству» казенной стипендіи.

Въ другой корреспонденціи изъ Кіева сообщаются дополнительные штрихи объ отношеніи администраціи къ «братьямъ-славянамъ»—полякамъ. «Особо слѣдуетъ выдѣлить антипольскія репрессіи, принявшія въ послѣднее время массовый характеръ. За «тайныя» польскія школы подвергнуты административнымъ взысканіямъ три лица, въ томъ числѣ настоятель коростышевскаго костела, ксендзъ Л. Мацѣпскій, арестованный на одинъ мѣсяцъ. «Обществу польскихъ женщинъ» воспрещено устройство доклада о гигіенѣ ребенка. «Польскому кружку при кіевскомъ коммерческомъ институтѣ» воспрещено употреблять на своихъ собраніяхъ польскій языкъ,

вопреки утвержденному уставу кружка, предусматривающему свободное употребленіе польскаго языка на собраніяхъ кружка».

Факты эти, къ сожалѣнію, не случайные. Это небольшой букетъ изъ того печальнаго цвѣтника національнстической политики, которая съ упрямой настойчивостью изъ года въ годъ насаждается среди живущихъ съ нами народностей (въ частности, среди единокровныхъ народностей: малороссовъ, бѣлоруссовъ, поляковъ).

И рядомъ съ этимъ, какимъ страннымъ рисуется энтузіазмъ по адресу балканскихъ славянъ, какимъ диссонансомъ звучатъ крики противъ Австріи, какой лицемѣрной или, по меньшей мѣрѣ, легкомысленной представляется крикливая любовь казенныхъ и полуказенныхъ патріотовъ къ зарубежнымъ славянамъ!

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ можетъ служить то, что русское общество все-же неповинно въ ошибкахъ правительства. Это, надо надѣяться, осязательно чувствуется среди смѣшаннаго населенія, и органическая, совмѣстная жизнь національностей смягчаетъ ошибки внутренней политики, которая безъ этого отпора могла-бы принести неисчислимыя губительныя послѣдствія.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что администрація въ своихъ репрессіяхъ довольно безпристрастна. Публичную или печатную рѣчь она почти въ одинаковой мѣрѣ не любитъ, будь эта рѣчь на польскомъ, украинскомъ или господствующемъ великорусскомъ языкѣ. Обиженнымъ собратьямъ великоруссы могутъ съ горькой усмѣшкой сказать: «Предъ лицомъ репрессій мы съ вами равны»! и указать на такія, напримѣръ, сообщенія. «Послѣдній мѣсяцъ,—пишетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Кіева,—ознаменовался здѣсь рядомъ новыхъ репрессій, направленныхъ главнымъ образомъ противъ мѣстной прогрессивной печати, а также противъ другихъ проявленій мѣстной общественной и культурной жизни. На редакторовъ четырехъ газетъ за мѣсяцъ наложено въ общей сложности шесть административныхъ взысканій на сумму 950 руб. съ замѣной арестомъ на 10 мѣсяцевъ. Впрочемъ, въ одномъ случаѣ редакторъ подвергнутъ трехмѣсячному аресту безъ замѣны штрафомъ (редакторъ «Провинціальнаго Голоса», издающагося въ Умани). Большинство взысканій наложено за статью объ «амнистіи» 21-го февраля и за замѣтки, посвященныя памяти еврея А. Дорфа, покончившаго самоубійствомъ, вслѣдствіе утери права жительства въ Кіевѣ».

Въ другой корреспонденціи изъ того-же города говорится нѣсколько подробнѣе о такихъ-же уравнительныхъ репрессіяхъ. «Истекшій мѣсяцъ ознаменовался въ общественной жизни Кіева и Кіевской губерніи длиннымъ рядомъ новыхъ преслѣдованій и за-

прещеній. На этотъ разъ репрессіи коснулись главнымъ образомъ лекцій, рефератовъ и вечеровъ. Запрещены лекціи: писателя Ф. Сологуба—объ «Искусствѣ нашихъ дней», А. И. Шингарева—«О Государственной Думѣ», А. И. Колмогорова—по вопросамъ педагогики (на выставкѣ дѣтскихъ книгъ), Янины Пшецловской—по этикѣ. Клубу «Родина» запрещено устройство реферата на украинскомъ языкѣ: «О сущности прогресса». Обществу равноправія польскихъ женщинъ запрещенъ семейный вечеръ, на которомъ предполагался рефератъ г-жи Озембль-Сторовской на тему: «Мои впечатлѣнія изъ поѣздки въ Англію». Запрещенъ вечеръ памяти Т. Г. Шевченко въ куреневской народной чайной. Кромѣ систематическаго запрещенія лекцій, мѣстная администрація съ прежнимъ усердіемъ налагала взысканія на печать. Издательница еженедѣльнаго журнала «Огни» оштрафована на 100 руб. съ замѣной арестомъ на одинъ мѣсяцъ за статьи о Карлѣ Марксѣ, избіеніи заключенныхъ и еврейскомъ вопросѣ. Редакторъ выходящей въ Бердичевѣ газеты «Южная Молва» оштрафованъ на 300 руб. съ замѣной арестомъ на два мѣсяца за перепечатку изъ столичныхъ газетъ воззванія забастовочнаго комитета уволенныхъ студентовъ военно-медицинской академіи. Конфискованы двѣ изданныя въ Кіевѣ брошюры: одна—на украинскомъ языкѣ (переводъ книги Л. Брукера «Партія и профессіональные союзы») и другая—на русскомъ («Вопросы современной европейской жизни» Б. Гуревича). Послѣдняя брошюра издана кіевскимъ обществомъ друзей мира и составлена изъ доклада, читаннаго въ общемъ собраніи членовъ Общества».

Въ гоненіяхъ на лекціи, на газеты, на книгу уравнена и объединена сейчасъ въ буквальномъ смыслѣ вся Россія. О штрафахъ, конфискаціяхъ и всяческихъ воздѣйствіяхъ на провинціальную печать приходится въ телеграммахъ читать ежедневно. Губернаторы сражаются съ газетами, какъ съ личными врагами, и въ преслѣдованіяхъ печатнаго слова болѣе, кажется, энергичны, чѣмъ въ какихъ либо другихъ мѣропріятіяхъ.

Даже далекая и пустынная Сибирь не можетъ пожаловаться, что въ этомъ отношеніи о ней забыли. Корреспондентъ изъ Новониколаевска подсчитываетъ: «1912 годъ для сибирской прессы былъ не легкимъ годомъ. Всего за годъ было оштрафовано 23 газеты на общую сумму 10,550 руб. По губерніямъ и областямъ эти штрафы распредѣлялись въ такомъ порядкѣ: Томская губернія на 7 изданій—20 штрафовъ, въ 4050 р., причемъ «Сибирская Жизнь» въ Томскѣ подвергалась штрафамъ 8 разъ на 1900 р., а газеты въ Новониколаевскѣ—на 1,600 р.; Иркутская на 7 изданій—11 штрафовъ на 3000 р.; Акмолинская область—2 изданія, 3 штрафа на

1800 р., изъ нихъ впрочемъ 1000 р. приходится на петропавловскую газету «Ишимскій Край», оштрафованную по постановленію мирового судьи за нарушеніе правилъ о печати, выразившееся въ помѣщеніи замѣтокъ на татарскомъ языкѣ; Приморская—4 изданія, 5: штрафовъ на 900 р.; Амурская—2 изданія, 2 штрафа на 300 р. и Манчьжурія (г. Харбинъ)—одно изданіе, одинъ штрафъ въ 500 р. Такъ какъ многія изданія, матеріально необезпеченныя, крупныхъ штрафовъ вносить не могли, то редакторамъ приходилось отбывать арестъ, и изданія или временно пріостанавливались, или прекращались «до болѣе благопріятныхъ условій». Конфискація за годъ была примѣнена къ 9-ти газетамъ; изъ нихъ въ Томской губ. два изданія 5 разъ, въ Иркутской три изданія 5 разъ, въ Тобольской два изданія—по одному разу, въ Приморской области и Енисейской губ. два изданія—по одному разу. Въ общемъ администрація къ этому способу «воздѣйствія» на печать прибѣгаетъ съ меньшей охотой, такъ какъ конфискація нумеровъ газетъ судебными властями въ большинствѣ случаевъ отмѣняется. Въ теченіе года подвергнуты въ административномъ порядкѣ аресту безъ замѣны штрафомъ редакторы слѣдующихъ газетъ: «Сибирской Жизни» въ Томскѣ (на два мѣсяца), «Алтая» въ Бійскѣ, Томской губ. (на одинъ мѣсяцъ), «Юга Тобола» въ Курганѣ, Тобольской губ., «Молодой Сибири» (на три мѣс.) и «Голоса Сибири» въ Иркутскѣ и «Новой Жизни» въ Харбинѣ (на три мѣс.). Пріостановлены изданія тоже въ административномъ порядкѣ: въ Иркутскѣ—двѣ газеты и въ Харбинѣ двѣ».

Большое и усердное гоненіе воздвигнуто по многимъ губерніямъ на библіотеки и библіотечки. Изъ Екатеринослава пишутъ «Русскимъ Вѣдомостямъ»: «Въ земскихъ библіотекахъ Новомосковскаго и Славяносербскаго уѣздовъ начался «отборъ» книгъ. И безъ того довольно убогія, земскія библіотечки, подвергаются дальнѣйшему сокращенію. Заподозрѣвается все, что не носитъ офиціальной печати. Особенно страшными оказываются популярныя книги по земельнымъ вопросамъ и небольшія книжки «Универсальной библіотеки». Это не значитъ, конечно, что изъ библіотечекъ изъемлется «политика» и всякаго рода книги съ тенденціознымъ направленіемъ. Казенныя или полуказенныя изданія по землеустройству остаются въ полной неприкосновенности. Не изъемлется и литература, попадающая въ библіотеки чрезъ губернаторскую канцелярію. И земцы также приложили руку къ производящейся „чисткѣ“. Въ Новомосковскомъ уѣздѣ ея инціатива принадлежитъ земцамъ. Съ изгнаніемъ лучшихъ книгъ по беллетристикѣ и научно-популярной литературѣ на библіотечныхъ полкахъ останется только мало кому нужный хламъ, а на столахъ—«Сельскій Вѣстникъ».

Въ такомъ-же родѣ корреспонденція изъ с. Усть-Цыльмы, Архангельской губерніи. «Прошлымъ лѣтомъ архангельскій губернаторъ, осматривая библіотеки Печерскаго у., выражалъ свое неудовольствіе состояніемъ ихъ. Въ с. Усть-Цыльмѣ было указано на нахожденіе въ библіотекѣ книгъ Короленко и Григоровича, въ одномъ изъ селъ, расположенныхъ выше по Печерѣ—Кнута Гамсуна. Вскорѣ затѣмъ вытребованы были въ Архангельскъ каталоги всѣхъ библіотекъ. Просмотръ каталоговъ длился почти 5 мѣсяцевъ. Только на-дняхъ они возвращены въ библіотеки, а вмѣстѣ съ ними присланъ списокъ книгъ, предлагаемыхъ губернаторомъ къ изъятію изъ библіотекъ. Въ этотъ списокъ вошли: по политической экономіи—Желѣзновъ, Богдановъ, Базаровъ и Степановъ, по кооперація — Макаровъ: «Крестьянское кооперативное движеніе въ Зап. Сибири», Пекарскій, по беллетристикѣ—М. Горькій, Л. Андреевъ, Чириковъ, Купринъ и др. Изъ читальни изъяты всѣ прогрессивныя газеты и журналъ «Нива». Теперь затребованы книги съ записями выдачъ».

Въ Курской губерніи съ печальнымъ усердіемъ дѣйствуетъ губернаторъ Муратовъ, доведшій передъ этимъ до оцѣпенѣлаго состоянія Тамбовскую губернію. «Борьба съ крамолой въ Курской губерніи,—говоритъ мѣстный корреспондентъ,—продолжается. Теперь сметается съ лица земли Общество содѣйствія начальному образованію въ Курской губерніи, просуществовавшее пятнадцать лѣтъ, устроившее десятки народныхъ библіотекъ въ сельскихъ мѣстностяхъ губерніи, образцовую «Семеновскую» библіотеку въ Курскѣ, снабжавшее сотни народныхъ аудиторій и библіотекъ картинами и книгами. 28-го марта, между 6-ю и 7-ю часами вечера, десяти лицамъ были доставлены приглашенія губернатора Муратова явиться къ 8-ми час. въ Семеновскую библіотеку. Собравшись по столь экстренному предложенію, эти лица узнали, что они созваны въ качествѣ членовъ правленія Общества содѣйствія начальному образованію. Эти десять лицъ входили въ составъ правленія года четыре тому назадъ, а съ тѣхъ поръ пятеро изъ нихъ изъ правленія выбыли. Созваннымъ лицамъ г. Муратовъ заявилъ, что ему доставлены изъ одной библіотеки Обоянскаго уѣзда, принадлежащей Обществу,—нѣсколько книгъ, которыя онъ, губернаторъ, считаетъ «вредными, развращающими народъ и возстанавливающими его противъ правительства и существующаго государственнаго строя». Такими преступными книгами оказались: «Плоды просвѣщенія», «Поликушка» Л. Н. Толстого; «За что?», «Въ голодный годъ» Короленко; «Разсказъ о семи повѣшенныхъ» Андреева; «Углекопы» Зола; «Долой оружіе» Берты Суттнеръ; «Права гражданъ въ Англіи и С.-А. Соеди-

ненныхъ Штатахъ» Фортунатова; «Основныя понятія о правѣ» Гольцева; «Присяжнымъ повѣреннымъ» Елпатьевскаго; «Рабство въ древнемъ Римѣ» А. Ш.; «Страна, правительство и народъ въ Швеціи» Богдановича; «Государственные доходы и расходы» Яснопольскаго; «О мировыхъ судьяхъ и земскихъ начальникахъ» Титова. Эти «крамольныя» книги были въ числѣ другихъ (155 названій), разосланы Обществомъ въ 1912 году. При выборѣ книгъ для разсылки правленіе всегда сообразовалось съ запретительными каталогами. Представители правленія заявили губернатору, что ни одной изъ инкриминированныхъ имъ книгъ въ этихъ спискахъ не значится На это г. Муратовъ возразилъ, что означенныя книги тѣмъ не менѣе «преступны» и что каждый неослѣпленный человѣкъ не можетъ не признать ихъ вредными, познакомившись съ ихъ содержаніемъ. Ему, губернатору, нѣтъ дѣла до запретительныхъ каталоговъ; если эти книги въ нихъ не внесены, значитъ, допущена оплошность, и онъ позаботится, чтобы она была исправлена. Лицамъ, которыя желаютъ просвѣщать народъ,—указалъ губернаторъ,—слѣдуетъ быть хорошо знакомыми съ содержаніемъ разсылаемыхъ книгъ и не допускать разсылки «развращающихъ по содержанію изданій». Г. Муратовъ произвелъ затѣмъ обзоръ дѣлопроизводства Общества. Въ заключеніе былъ составленъ протоколъ, и тутъ же, на мѣстѣ, съ цѣлью незамедлительно пресѣчь распространеніе «Плодовъ просвѣщенія» и тому подобныхъ изданій губернаторъ подписалъ слѣдующую бумагу, адресованную предсѣдателю Общества, д-ру В. И. Долженкову (члену первой и второй Государственныхъ Думъ): «Прибывъ сегодня въ помѣщеніе Семеновской библіотеки и выяснивъ путемъ осмотра книгъ и документовъ, что дѣятельность Общества по разсылкѣ въ народныя библіотеки враждебныхъ правительству и государственному строю книгъ представляется вредной и опасной, на основаніи ст. 35-й закона 4-го марта 1906 г., имѣю честь увѣдомить васъ, что дѣйствія Общества мною пріостанавливаются, а объ окончательномъ закрытіи его будетъ предложено губернскому объ обществахъ и союзахъ присутствію. Губернаторъ Муратовъ». Въ случаѣ закрытія Общества все его имущество, его библіотеки, капиталъ въ 25 тыс. руб. и т. д. переходятъ, по уставу, къ губернскому земству,—современному курскому «марковскому» земству. Погибаетъ еще одна организація, много уже послужившая и еще обѣщавшая послужить дѣлу просвѣщенія».

Въ значительной степени разгромлены народныя библіотеки въ Вятской губерніи (закрыты 3 тысячи библіотечекъ), идутъ жалобы объ утѣсненіяхъ библіотекъ изъ Воронежской губерніи. Не очень ладно въ этомъ отношеніи почти во всѣхъ губерніяхъ.

Такимъ образомъ великорусская народность съ полнымъ сочувствіемъ можетъ протянуть руку окружающимъ народностямъ. Всѣ нарѣчія уравнены въ репрессіяхъ. И можетъ быть, горечь одинаковыхъ обидъ помогаетъ нѣкоторому сближенію сожительствующихъ народностей. Всѣмъ приходится терпѣть и пережидать, пока эти внѣшнія, временныя путы ослабнутъ и отпадутъ, освободивъ національную самобытность для естественнаго расцвѣта.

Хотѣлось-бы изъ сложной, перепутанной, мглистой и въ общемъ безрадостной жизни провинціи выловить рядъ бодрящихъ фактовъ, чтобы убѣдиться съ очевидной наглядностью, что все-же жизнь страны не находится въ столбнякѣ (теоретически говоря, жизнь, конечно, ни на минуту не останавливается). И на этотъ выжидательный взглядъ кое-что начинаетъ выплывать на поверхность жизни. Нѣкоторые утѣшительные признаки, напримѣръ, выявили происшедшіе нынѣшней весной въ разныхъ городахъ выборы въ общественное самоуправленіе. Изъ Минска пишутъ: «4-го апрѣля состоялись здѣсь городскіе выборы. Избранъ полный комплектъ гласныхъ. Составъ новой думы—погрессивный. Избрано 40 гласныхъ, въ томъ числѣ 11 присяжныхъ повѣренныхъ, 9 врачей и 8 инженеровъ. Правый лагерь, какъ польскій, такъ и русскій, потерпѣлъ полное фіаско. Изъ кандитатовъ «истинно-русскаго» лагеря прошли въ гласные лишь три, которыхъ городской предвыборный комитетъ призналъ полезными для городскаго дѣла, безотносительно къ ихъ политическихъ воззрѣніямъ».

Въ такомъ-же оптимистическомъ духѣ корреспонденція изъ Тамбова: «Только-что закончилась городская избирательная кампанія, ознаменовавшаяся пораженіемъ партіи стародумцевъ. Впервые во время только-что закончившейся кампаніи были организованы въ Тамбовѣ предвыборныя собранія, на которыхъ была произведена оцѣнка дѣятельности городской думы и городской управы, и избиратели шли на выборы сорганизовавшись. Выборы гласныхъ происходили въ два пріема,—3-го и 10-го февраля,—такъ какъ въ одинъ день не могли быть закончены. Въ первый же день выяснилось, что партія стародумцевъ окончательно разбита. Стародумцы рѣшили тогда сорвать выборы и добиться назначенія недостающаго числа гласныхъ административной властью, каковое назначеніе, согласно Городоваго Положенія, должно было состояться изъ числа старыхъ гласныхъ. Однако и въ этой попыткѣ, разоблаченной мѣстной печатью, они потерпѣли полное фіаско, и выборы состоялись. За два дня было избрано 28 человѣкъ (вмѣсто 41), т. е. то количество,

которое нужно было избрать для признанія выборовъ состоявшимися».

Корреспондентъ изъ Новочеркасска съ энтузіазмомъ сообщаетъ о выборахъ мѣстнаго городского головы: «Состоялись выборы городскаго головы въ новое самоуправленіе г. Новочеркасска, въ которомъ только что введено Городовое Положеніе. И здѣсь побѣдила оппозиціи. Какъ ни сильна въ Новочеркасскѣ консервативная чиновничья партія, сто лѣтъ державшаяся за свой допотопный городовой комитетъ, однако побѣдили молодыя силы. Первымъ городскимъ головой избранъ представитель молодой интеллигенціи, инженеръ Дроновъ. Предстоятъ выборы состава управы. Въ побѣдѣ оппозиціи уже никто не сомнѣвается».

Значительное оживленіе вызвали городскіе выборы въ Саратовѣ. «Избирательная борьба по выборамъ въ городскую думу, — сообщаетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—никогда еще, кажется, не была такой оживленной, какъ въ настоящемъ году. Въ прошлые выборы въ борьбѣ участвовало двѣ группы, — стародумцы и новодумцы. Теперь, съ повышеніемъ интереса къ городскимъ вопросамъ, на сцену выступилъ рядъ новыхъ группъ: мусульмане, старообрядцы, окраинцы и прогрессисты. Это — показатель роста интереса къ общественнымъ вопросамъ. Съ другой стороны, въ этомъ заключалась и значительная опасность для исхода избирательной кампаніи, вмѣсто одного оппозиціоннаго центра получился рядъ оппозиціонныхъ группъ, дѣйствія которыхъ, не будучи координированы, могли дать отрицательные результаты. Эту опасность почувствовали и руководители группъ; ее усмотрѣлъ и рядовой избиратель, настойчиво потребовавшій на предвыборныхъ собраніяхъ объединенія всѣхъ оппозиціонныхъ группъ. Объединеніе состоялось, и во главѣ избирательной борьбы всталъ комитетъ изъ представителей всѣхъ оппозиціонныхъ группъ».

Въ результатѣ, если не полная, то довольно значительная побѣда новодумцевъ.

Такъ какъ выборы по городамъ происходятъ въ узкихъ рамкахъ стараго избирательнаго закона, и, слѣдовательно, большой перетасовки силъ и радикальнаго обновленія въ городскихъ самоуправленіяхъ ожидать нельзя, а съ другой стороны, и работа новыхъ гласныхъ должна происходить при тѣхъ-же ограниченіяхъ, усѣченіяхъ и пресѣченіяхъ муниципальной иниціативы, какъ и прежде,—то успѣхи нынѣшнихъ выборовъ слѣдуетъ привѣтствовать съ большими оговорками. Но все-же кое-что, несомнѣнно, совершается въ глубинѣ жизни. А если вспомнить о побѣдахъ прогрессистовъ на выборахъ въ Петербургѣ и Москвѣ, то оживляющаяся

картина муниципальной жизни въ Россіи пріобрѣтаетъ довольно широкіе размѣры.

Если ужъ подбирать утѣшительные факты, то вотъ еще два-три. «Рязанская Жизнь» отмѣчаетъ стремленіе, охватившее крестьянъ Рязанской губерніи, открывать въ селахъ средне-учебныя заведенія. «Открыта гимназія въ с. Спасъ-Клепикахъ. Въ селѣ Бѣломутѣ, Зарайскаго уѣзда, гдѣ нѣкогда жилъ въ качествѣ мѣстнаго землевладѣльца извѣстный поэтъ и общественный дѣятель 40-хъ и 60-хъ годовъ, другъ А. И. Герцена, Н. П. Огаревъ, на дняхъ сельскій сходъ единогласно постановилъ ходатайствовать о преобразованіи министерскаго училища имени Копылова въ гимназію. Училище это помѣщается въ прекрасномъ двухъэтажномъ зданіи, построенномъ на средства покойнаго мѣстнаго жителя Копылова. Зданіе это вполнѣ свободно можетъ помѣстить въ своихъ стѣнахъ гимназію. Верхне-бѣлоомутское общество отпускаетъ на содержаніе гимназіи по 350 руб. въ годъ и 3.000 руб. единовременно. Интересно, что въ одинъ и тотъ же день въ сосѣднемъ селѣ Ловцахъ былъ составленъ такой же приговоръ съ ходатайствомъ объ открытіи и въ с. Ловцахъ гимназіи. Раздаются разговоры объ открытіи гимназіи въ с. Ижевскомъ и с. Тумѣ».

«Костромская Жизнь» сообщаетъ, что крестьяне Шульгинской волости, Костромскаго уѣзда также постановили ходатайствовать объ открытіи въ селѣ Шульгѣ мужской гимназіи. Въ приговорѣ между прочимъ говорится, что одного начальнаго образованія недостаточно для дальнѣйшаго развитія духовныхъ и экономическихъ силъ населенія волости.

Какъ-бы въ дополненіе къ этому просится слѣдующая корреспонденція изъ Оренбурга: «У проживающихъ въ г. Актюбинскѣ Тургайской области киргизъ явилось желаніе открыть киргизскую гимназію для своихъ дѣтей-мальчиковъ. До послѣдняго времени киргизы считались темной массой, дикимъ народомъ. Если раньше они и учили своихъ дѣтей, то только въ низшихъ русскихъ и киргизскихъ школахъ, и желаніе имѣть свою гимназію является фактомъ довольно знаменательнымъ. По словамъ киргизъ, гимназія имъ необходима для того, чтобы дѣти могли имѣть доступъ въ высшія учебныя заведенія. Тургайскій губернаторъ Эверсманъ, считаясь съ такимъ ходатайствомъ киргизъ, возбудилъ предъ попечителемъ оренбургскаго учебнаго округа и министерствомъ народнаго просвѣщенія вопросъ о скорѣйшемъ открытіи для киргизскаго населенія г. Актюбинска и Актюбинскаго уѣзда казенной киргизской гимназіи съ 8-ю классами».

Къ бодрящимъ штрихамъ жизни можно отнести и слѣдующій

маленькій фактъ изъ быта терскаго казачества. «На послѣднемъ общемъ собраніи членовъ «Общества любителей казачьей старины»,—говоритъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—заслушанъ докладъ о созданіи казачьяго органа печати, необходимаго для освѣщенія нуждъ станичной жизни, въ виду крайней трудности помѣщенія статей станичныхъ авторовъ въ существующихъ офиціальныхъ «Терскихъ Вѣдомостяхъ». Собраніе въ принципѣ одобрило предположеніе о спеціально казачьей газетѣ и поручило совѣту общества разработать этотъ вопросъ детально, послѣ чего о результатахъ своей работы вновь доложить общему собранію».

Итакъ, сверху гонятъ книгу, запугиваютъ прессу, тормозятъ народное просвѣщеніе, а снизу выростаетъ все настоятельнѣе и шире стремленіе къ школѣ, книгѣ, печатному слову. Въ такихъ колебаніяхъ, отливахъ и приливахъ протекаетъ нынѣшняя провинціальная жизнь. Конечно, впереди неисчислимо много еще всяческихъ обидъ, безсильной горечи, разныхъ репрессій, одергиваній и запугиваній, но, кажется, не нужно быть особеннымъ оптимистомъ, чтобы чувствовать, что общій ходъ жизни постепенно выдвигаетъ страну къ свѣтлой шири, отбрасывая въ сторону уродства, ошибки и узкое своекорыстіе нынѣшней внутренней политики.

И. Жилкинъ.

ПОХОДЪ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ ПРОТИВЪ СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.

Во второй половинѣ марта Государственный Совѣтъ обсуждалъ законопроектъ первостепенной важности, но почему то мало остановившій на себѣ общественное вниманіе. Рѣчь шла не больше, не меньше какъ о томъ, чтобы положить конецъ произволу нашихъ администраторовъ и сдѣлать для нихъ обязательными законы Имперіи.

Если пресловутая децентрализація, понимаемая въ смыслѣ интервью нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ, когда либо осуществится, то, при ослабленіи зависимости мѣстныхъ благоустроителей отъ центральнаго правительства, Россія распадется на «пашалыки», по образцу дореформенной Турціи. Немудрено, поэтому, что въ моментъ оживленія этихъ заданій знаменитаго дворянина Павлова, также понимавшаго децентрализацію въ смыслѣ усиленія власти губернаторовъ, въ консервативныхъ кругахъ мало популярной оказа-

лась мысль покончить съ административной гарантіей чиновниковъ, предоставивъ прокурорскому надзору, а не одному прямому начальству, право возбуждать преслѣдованіе въ случаѣ преступныхъ дѣяній, совершенныхъ при самомъ отправленіи должности и подвергнуть такія дѣла разбирательству обыкновенныхъ судовъ съ присяжными засѣдателями.

Какъ ни скроменъ касавшійся этого законопроектъ, принятый Государств. Думой, но и онъ показался черезчуръ смѣлымъ для большинства членовъ Государственнаго Совѣта. Онъ настолько обезвреженъ ими, что о серьезной отвѣтственности чиновниковъ за «должностныя преступленія» едва ли можно будетъ говорить въ Россіи и послѣ того, какъ законопроектъ сдѣлается закономъ. Достаточно сказать, что административная гарантія удержана, что чиновника можно привлечь къ отвѣту за должностное преступленіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда лицамъ, опредѣлившимъ его на службу, откроютъ признаки преступленія въ его поведеніи. Прокуроръ,—какъ значится въ проектѣ, измѣненномъ комиссіей законодательныхъ предположеній,—получивъ свѣдѣнія о преступномъ дѣяніи, совершенномъ служащимъ, сообщаетъ о семъ, съ препровожденіемъ переписки, на распоряженіе начальства или установленія, отъ котораго зависитъ возбужденіе противъ служащаго уголовнаго преслѣдованія (ст.ст. 1983—1089 и 1092, п. I).

Когда подумаешь, что такимъ образомъ закончилось,—будемъ надѣяться не надолго, — движеніе въ пользу установленія у насъ должностной отвѣтственности чиновниковъ въ уголовномъ порядкѣ, движеніе, начало которому было положено еще въ комиссіи, собранной подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Муравьева въ 1894 г., и что въ такомъ попятномъ движеніи рѣшающую роль сыгралъ Государственный Совѣтъ,—то трудно не подчиниться хотя бы временно охватившему общество пессимизму по отношенію къ дѣятельности нашихъ законодательныхъ палатъ и верхней въ частности. Въ Муравьевской комиссіи слышались, правда, тѣ же соображенія, какіе члены правой, за одно съ докладчикомъ Дейтрихомъ, повторяли на всѣ лады съ трибуны Госуд. Совѣта: будто опасеніе быть привлеченнымъ къ отвѣтственности за всякое ошибочное дѣйствіе не можетъ не стѣснять свободы должностныхъ лицъ. Но тѣмъ не менѣе, на ряду съ сохраняемой административной гарантіей, Муравьевской комиссіей предоставлено было прокурорскому надзору дѣятельное участіе въ возбужденіи дѣлъ о преступленіяхъ, совершенныхъ при исполненіи должности; комиссія предполагала—предоставить частнымъ лицамъ право приносить жалобу прокурорскому надзору и слѣдственной власти, а прокурорскому надзору право входить съ начальствомъ въ

сношенія о назначеніи административнаго разслѣдованія или предварительнаго слѣдствія. Въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, когда являлось основаніе полагать, что обвиняемое должностное лицо скроется, прокуроръ своею властью, одновременно съ увѣдомленіемъ начальства, получалъ право возбуждать предварительное слѣдствіе. Наконецъ, дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ, влекущія за собою лишеніе правъ, предположено было разсматривать при участіи присяжныхъ засѣдателей особаго состава, съ повышеннымъ образовательнымъ и имущественнымъ цензомъ.

Труды Муравьевской комиссіи были внесены въ 1901 г. на разсмотрѣніе Госуд. Совѣта, но въ 1905 г. возвращены обратно министерству юстиціи.

12-го декабря 1904 г. изданъ былъ указъ Сенату: «принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона... неисполненіе его неизбѣжно должно влечь за собою законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность. Въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій способы достиженія правосудія».

Комитетъ министровъ въ 1904-5 г.г. останавливался на мысли, что каждое служебное преступленіе подрываетъ довѣріе къ власти и роняетъ ее въ общественномъ мнѣніи. Проявляющееся же иногда у начальствующихъ лицъ стремленіе—отрицать или уменьшать виновность своихъ подчиненныхъ, сводя всю отвѣтственность за ихъ незаконныя дѣйствія къ дисциплинарнымъ внушеніямъ, не подлежащихъ вѣдѣнію суда, можетъ вызвать въ населеніи представленіе о безсиліи закона и безнаказанности его нарушителей.

Когда 14 марта 1909 г. министръ юстиціи въ соотвѣтствіи съ основными мыслями, высказанными въ только что приведенномъ мною указѣ, внесъ въ Госуд. Думу законопроектъ объ измѣненіи порядка производства дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ,— имъ предложено было, чтобы жалобы и заявленія частныхъ лицъ были обращаемы или къ прокурору того судебнаго установленія, которому подсудно дѣло, или же къ начальству, уполномоченному на возбужденіе противъ служащаго уголовнаго преслѣдованія, при этомъ жалобы и заявленія, поступающія къ прокурору, должны были бы сообщаться имъ на распоряженіе того же начальства. При этомъ предполагалось, что если отъ присутственныхъ мѣстъ въ теченіе мѣсяца не послѣдуетъ сообщенія прокурору постановленія о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія или объ обращеніи къ разрѣшенію дѣла въ дисциплинарномъ порядкѣ, — то прокуроръ имѣетъ право въ мѣсячный срокъ возбудить пререканія съ названнымъ начальствомъ. Пререканія эти должны были разрѣшаться соединеннымъ присутствіемъ перваго и уголовнаго

кассаціоннаго департамента. Министръ предложилъ также распространить на важнѣйшую категорію дѣлъ этого рода правила о подсудности ихъ суду присяжныхъ, именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда виновному грозитъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Сдѣлано это было въ расчетѣ, что вводимый порядокъ усилитъ уголовную репрессію за преступленія. Процентъ осужденныхъ судомъ сословныхъ представителей за послѣднее время понижается. Относительная репрессія суда сословныхъ представителей не превышаетъ репрессіи суда присяжныхъ засѣдателей. А между тѣмъ устраненіе присяжныхъ отъ разсмотрѣнія дѣлъ о преступленіяхъ по должности содѣйствовало до извѣстной степени замѣчаемому нынѣ упадку довѣрія къ дѣйствіямъ власти со стороны мѣстнаго населенія.

Госуд. Дума въ свою очередь признала, что административную гарантію чиновниковъ желательно, если не совсѣмъ отмѣнить, то значительно сузить, сохранивъ право начальства возбуждать уголовное преслѣдованіе съ предоставленіемъ такого же права на возбужденіе преслѣдованія прокурорскому надзору. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнила характеръ того учрежденія, коему предоставлено право разрѣшать пререканія начальства съ прокуроромъ, приблизивъ его къ населенію и усиливъ судебный характеръ присутствія. Она остановилась на судебной палатѣ и признала за нею право разрѣшенія жалобъ и протестовъ въ случаяхъ прекращенія дѣла особыми присутствіями окружнаго суда.

Когда изъ Госуд. Думы законопроектъ перешелъ на обсужденіе комиссіи Госуд. Совѣта, началось попятное движеніе. Что касается до административной гарантіи, то въ комиссіи раздались голоса за ея сохраненіе; отмѣна ея, говорили члены правой, будетъ имѣть послѣдствіемъ умаленіе авторитета администраціи и возможность вторженія представителей судебнаго вѣдомства въ область управленія. Нельзя между тѣмъ упускать изъ виду,—значится въ докладѣ комиссіи Государственному Совѣту (стр. 56-я),—что примѣненіе начала административной гарантіи въ дѣлѣ преданія суду не только осуждено научной литературой, но въ настоящее время не сохранилось болѣе ни въ одномъ изъ европейскихъ законодательствъ. Поэтому, въ концѣ концовъ, комиссія высказалась за сохраніе въ этомъ отношеніи постановленій проекта, одобреннаго Государственной Думой.

По вопросу о судѣ присяжныхъ большинство членовъ комиссіи высказалось въ слѣдующемъ смыслѣ: не усматривая никакой необходимости къ измѣненію не возбуждающаго нареканія порядка рѣшенія дѣлъ о преступныхъ по службѣ дѣяніяхъ, при участіи сословныхъ представителей, комиссія держится того мнѣнія, что передача нѣкото-

рыхъ дѣлъ такого рода въ вѣдѣніе окружнаго суда съ участіемъ сословныхъ представителей въ значительной мѣрѣ облегчила бы дѣятельность судебныхъ палатъ безъ всякаго ущерба для правосудія. Составъ особыхъ присутствій окружнаго суда могъ бы образовываться: изъ предсѣдателя суда либо его товарища, трехъ членовъ суда, мѣстныхъ уѣзднаго предводителя дворянства и городского головы и одного изъ волостныхъ старшинъ. Вѣдѣнію особыхъ присутствій окружнаго суда подлежали бы преступныя дѣянія, за которыя въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, если обвиняемыми являются служащіе не выше VII-го класса или занимающіе по выборамъ городскимъ, земскимъ и сословнымъ должности не выше VII-го класса. Меньшинство комиссіи, въ числѣ 6 человѣкъ, признало возможнымъ возстановить по отношенію къ должностнымъ преступленіямъ дѣятельность суда присяжныхъ, и рѣшило поддерживать предложенія, сдѣланныя въ этомъ отношеніи Госуд. Думой.

Въ общемъ засѣданіи Госуд. Совѣта, къ немалому смущенію сторонниковъ осуществленія благихъ пожеланій указа 1904 г., за отмѣну административной гарантіи высказались только члены академической группы. Что касается до докладчика — члена Госуд. Совѣта Дейтриха, то онъ во всемъ поддерживалъ постановленія, принятыя большинствомъ комиссіи, признавалъ судъ присяжныхъ глумленіемъ надъ судомъ и заявлялъ, что судъ сословныхъ представителей имѣетъ за себя великую историческую заслугу, такъ какъ ликвидировалъ всю революцію.

Вмѣсто того, чтобы вступиться за свой собственный законопроектъ, г. министръ юстиціи счелъ нужнымъ выступить противъ его защитниковъ и примкнулъ къ заключеніямъ докладчика комиссіи. А въ сущности все то, что было сказано членами академической группы, не расходилось рѣзко съ той точкой зрѣнія, которую самъ министръ высказывалъ въ первомъ фазисѣ прохожденія черезъ законодательныя палаты внесеннаго имъ законопроекта.

Проф. Гриммъ указывалъ на преобладающую роль, какую имѣетъ административная власть въ государственной жизни, на ея огромныя и растяжимыя полномочія, которыя составляютъ, по его утвержденію, непроницаемую твердыню, однимъ изъ фортовъ которой является административная гарантія, заключающаяся въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ злоупотребленій и даже прямыхъ нарушеніи закона—преданіе суду зависитъ отъ начальства. Создалось, говорилъ онъ, положеніе, на почвѣ порядка полицейскаго государства, по которому не власть существуетъ для народа, а народъ для власти. Соотвѣтственно

этому въ Россіи до сихъ поръ держится идеологія, которая видитъ опасность въ преданіи суду лицъ, облеченныхъ сколько-нибудь обширными полномочіями, и въ судебномъ разборѣ дѣлъ о должностныхъ преступленіяхъ. Законодательнымъ учрежденіямъ надлежитъ создать реальную отвѣтственность должностныхъ лицъ; она является главнымъ условіемъ огражденія правового строя. Пока этого нѣтъ—можно сказать, что ничего нѣтъ, потому что самыя благія намѣренія законодателя разбиваются о формальную безнаказанность лицъ, исполняющихъ законъ. Комиссія уничтожила, по словамъ проф. Гримма, даже предположеніе самаго министра юстиціи объ участіи суда присяжныхъ въ разсмотрѣніи нѣкоторой категоріи дѣлъ о должностныхъ лицахъ. Дѣйствія комиссіи не являются случайными; они представляютъ собой опредѣленную систему, заключающуюся въ расширеніи предѣловъ административныхъ гарантій и въ расширеніи правъ губернаторской власти въ дѣлахъ преданія суду. Въ настоящее время, закончилъ Гриммъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы взять ту твердыню, противъ которой направленъ настоящій законопроектъ, но я надѣюсь, что въ осадѣ внутренняго Андріанополя дѣло свободы и права, въ концѣ концовъ, возьметъ верхъ.

Отъ той же академической группы пишущимъ эти строки высказана была мысль, что гражданская отвѣтственность чиновниковъ проведена въ западныхъ государствахъ въ несравненно большей степени, чѣмъ у насъ, такъ какъ на основаніи судебныхъ уставовъ 1864 г. вознагражденіе за вредъ и убытки мыслимо только въ трехъ случаяхъ: въ случаѣ доказанной медленности, нерадѣнія или неосмотрительности чиновниковъ (уставъ гражд. судопр. ст. 1316-я). Что же касается до уголовной отвѣтственности, то административная гарантія чиновниковъ почти сводитъ ее на нѣтъ. Доказывая первое положеніе, я настаивалъ на томъ, что возмѣщеніе вреда и убытковъ достигается на западѣ—въ однихъ государствахъ, какъ въ Англіи, Бельгіи, Италіи, Голландіи, Даніи, Норвегіи—правомъ потерпѣвшаго обратиться къ обыкновеннымъ судамъ съ искомъ, столько же противъ чиновника, сколько и противъ частнаго лица; а въ томъ случаѣ, если вредъ и убытки явились послѣдствіемъ преступленія по должности, то начать уголовное преслѣдованіе противъ виновнаго въ обыкновенныхъ судахъ.

Въ другихъ государствахъ, въ которыхъ, какъ во Франціи, существуетъ административная юстиція, возмѣщеніе вреда и убытковъ приходится искать въ особыхъ судебно-административныхъ учрежденіяхъ, какъ совѣты префектуръ и госуд. совѣтъ, одно изъ пяти отдѣленій котораго (section du contentieux) не всегда постановляетъ окончательныя рѣшенія, перенося наиболѣе сложныя дѣла

въ соединенное засѣданіе этой секціи и двухъ членовъ отъ каждаго изъ прочихъ отдѣленій совѣта. Многія дѣла, которыя въ Россіи признаются безспорными, какъ напр., тѣ, которыя связаны съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ или переборомъ налоговъ, во Франціи подлежатъ разбирательству по иску заинтересованныхъ сторонъ въ вышеуказанномъ порядкѣ. Въ Германіи и Австріи, гдѣ также существуютъ административные суды, они обставлены такими гарантіями несмѣняемости ихъ членовъ, которые даютъ заинтересованнымъ лицамъ увѣренность, что всѣ ихъ закономъ охраняемые интересы будутъ приняты во вниманіе и причиненный имъ ущербъ дѣйствіями чиновниковъ будетъ возмѣщенъ самимъ агентомъ или государствомъ.

Повидимому, самъ министръ юстиціи, какъ слѣдуетъ изъ доклада, не прочь признать, что начало отвѣтственности государства за убытки, причиненные его агентами, постепенно проникло не только въ литературу, но и въ законодательство отдѣльныхъ западныхъ государствъ. Если онъ и отклоняетъ такую отвѣтственность для Россіи, то по соображеніямъ, не имѣющимъ юридическаго характера. По его мнѣнію, провозглашеніе начала отвѣтственности государства повлекло бы за собой весьма значительное увеличеніе исковъ со стороны пострадавшихъ частныхъ, лицъ; возложеніе же отвѣтственности по этимъ искамъ на государственную казну представлялось бы едвали допустимымъ. Такимъ образомъ, принципъ, въ силу котораго всякій защищенный правомъ интересъ долженъ быть удовлетворенъ возмѣщеніемъ вреда и убытковъ потерпѣвшему, колеблется здѣсь только въ видахъ государственной экономіи.

Что касается до уголовной отвѣтственности чиновника, то я указывалъ, что она поколеблена въ самомъ своемъ основаніи сохраненіемъ административной гарантіи, благодаря которой возбужденіе преслѣдованія возлагается на ближайшее начальство, опредѣлившее на службу то должностное лицо, которое обвиняется въ преступленіи или проступкѣ.

Административная гарантія заимствована нами изъ Франціи, гдѣ въ эпоху революціи и борьбы съ консервативнымъ направленіемъ высшихъ судебныхъ палатъ или парламентовъ выдвинуто было впервые ученіе о томъ, что администрація не должна быть стѣсняема вмѣшательствомъ суда. Хотя Монтескье и училъ, что власть должна останавливать власть, но въ преніяхъ, возникшихъ въ августѣ 1790 г. высказано было, что «судьи не могутъ никакимъ образомъ противиться дѣйствіямъ административныхъ органовъ, ни привлекать къ отвѣтственности передъ собою чиновниковъ за порядокъ отправленія ими своихъ функцій».

Всякому, занимающемуся государственнымъ или администра-

тивнымъ правомъ хорошо извѣстно, что институтъ административной отвѣтственности сложился во Франціи съ эпохи консульской конституціи. Ея 75 ст. установила во Франціи тотъ порядокъ, въ силу котораго нельзя было начать преслѣдованія противъ служащихъ за преступленія, совершенныя ими по должности, не заручившись предварительно согласіемъ высшаго коллегіально-административнаго органа—государственнаго совѣта. Эта статья подъ разными нумерами воспроизводилась во всѣхъ послѣдующихъ конституціяхъ и была отмѣнена лишь при третьей республикѣ. Она уцѣлѣла и по настоящій день только въ Италіи, которая заимствовала ее изъ Наполеонова законодательства.

М. А. Стаховичъ обратилъ вниманіе не столько на разборъ законопроекта, сколько на общую характеристику той судьбы, какая ждетъ въ Государственномъ Совѣтѣ даже скромныя начинанія правительства. Привожу содержаніе его рѣчи на основаніи отчета, даннаго въ «Русскомъ Словѣ».

М. А. Стаховичъ вспоминаетъ знаменитую сцену изъ «Власти тьмы» между Анюткой и Митричемъ, когда оба они, лежа на печкѣ, слышатъ, что за стѣной происходитъ убійство ребенка. Анютка говоритъ: «Лучше умереть ребенкомъ. Душа дитяти пойдетъ прямо въ ангелы, а то выростешь и изгадишься». На это благодушный циникъ, но опытный въ жизни Митричъ говоритъ: «Еще какъ изгадишься. Пакостницы эти бабы. Ситнаго имъ пирога съ горохомъ».

— Это мѣсто,—говоритъ М. А. Стаховичъ,—ярко, съ болѣзненной назойливостью встаетъ въ умѣ, когда случается внимательно отнестись къ такъ-называемому серьезному законодательству. Когда ему предшествуетъ историческій обзоръ, и когда начинаешь въ него внимательно вчитываться,—невольно всякій разъ испытываешь это переживаніе, связанное съ ростомъ, когда появляется на свѣтъ проектъ, какъ ангелъ Божій, чистый и возвышенный, кромѣ умильнаго сочувствія ничего не вызывающій, а потомъ наглядно наблюдаешь, что, какъ только онъ входитъ въ земныя условія законодательной работы, такъ думаешь, какъ Анютка, что лучше умирать ребенкомъ, или явно испакостишься.

Посмотрите, — продолжалъ М. А. Стаховичъ, — на ту ссылку на указъ 12-го декабря, гдѣ ближе всѣхъ стоявшій и лучше всѣхъ слышавшій и понимающій намѣренія Царя комитетъ министровъ категорически говоритъ, что появляющееся у начальствующихъ лицъ стремленіе отрицать или уменьшать виновность своихъ подчиненныхъ, сводя ихъ дѣйствія къ дисциплинарнымъ нарушеніямъ, не подлежащимъ вѣдѣнію суда, можетъ вызывать въ населеніи представленіе о безсиліи закона и о безнаказанности его наруши-

телей. Той же чистотой и правдой осѣнены вслѣдъ за этимъ всѣ первые шаги, сопутствующіе появленію на свѣтъ этого начинанія. Подпись министра юстиціи прибавляетъ уже нѣчто земное къ этому душевному, но еще совершенно твердо устанавливаетъ и отстаиваетъ тѣ же гарантіи для осуществленія первоначальныхъ цѣлей. Тамъ совершенно планомѣрно установлены и также категорически убѣдительно доказываются всѣ преимущества суда присяжныхъ надъ другими видами отправленія правосудія. Тамъ говорится о назначеніи прокурора, какъ отвлеченной власти закона. Тамъ есть то, что чувствовали и понимали и чему радовались всѣ въ 1904 г. Есть ясная и опредѣленная цѣль, что всякое нарушеніе должно быть передъ лицомъ государства установлено и удовлетворено, и что не только должностное лицо, которое дѣлаетъ беззаконіе, обязано вознаградить за убытки, но нужно возстановить и нарушенный законъ и доказать, что законъ нарушать никто не смѣетъ. Затѣмъ проходитъ четыре года. Эта Анютка вырастаетъ. Нельзя сказать, чтобы себѣ на пользу. Новый выработанный проектъ того же министра юстиціи уже несетъ на себѣ слѣды пребыванія въ обстановкѣ земной жизни. Думская комиссія возвращается къ первоначальнымъ предположеніямъ министра юстиціи, но комиссія сама себѣ придумываетъ извиненія. Предсѣдатель думской комиссіи возражаетъ на то, что для сохраненія участія прокурора и для обезпеченія его отъ соблазна не достаточно героизма. Нужно обязать прокурора возбуждать вопросъ о всѣхъ нарушеніяхъ закона. Комиссія всецѣло раздѣляетъ этотъ взглядъ, но она должна этого не дѣлать для того, чтобы обезпечить жизненность этому закону, и когда депутатъ Маклаковъ кричитъ: «Почему, почему»?—Антоновъ ему говоритъ: «Да законъ, вѣдь, не кончается въ Думѣ». Въ стенографическомъ отчетѣ Думы сказано: «Голоса депутатовъ:—Ахъ, да. Понимаемъ. Вѣрно»...

Предсѣдатель.—Я прошу васъ не касаться этого предмета и не критиковать дѣйствій Государственнаго Совѣта.

Стаховичъ.—Я ссылаюсь на стенограмму Думы.

Предсѣдатель.—Я воспрещаю дальнѣйшее сужденіе по этому предмету.

Стаховичъ.—Я ссылаюсь...

Предсѣдатель.—Я съ вами спорить не буду и прошу васъ подчиняться данному мною указанію.

Стаховичъ. — Да я объ этомъ кончилъ.... Итакъ, мой выводъ тотъ, что въ Государственной Думѣ самыя основныя положенія чаяній страны, по моему мнѣнію, все больше и больше пакостятся, если можно сохранить терминологію Анютки. И вотъ, когда взглянешь, до какой убѣдительности доходятъ теперь тѣ возраженія, о ко-

торыхъ даже не упоминалось при возникновеніи закона, то, правда, доходишь до того наивнаго, но и страшнаго сомнѣнія: что лучше, чтобы законопроектъ умиралъ въ дѣтскомъ возрастѣ, едва появившись на свѣтъ, или чтобы онъ выходилъ въ томъ испакощенномъ видѣ, до котораго его доводитъ судьба.

Рѣчь М. А. Стаховича пришлась весьма не по вкусу министру юстиціи. Онъ съ большимъ раздраженіемъ и ироніей отзывался объ упрекахъ Д. Д. Гримма и М. М. Ковалевскаго, весьма задѣтый критикой правительственнаго проекта и указаніемъ на ту легкость, съ которой министръ юстиціи отказывается въ Государственномъ Совѣтѣ отъ того, что онъ защищалъ въ Государственной Думѣ.

Въ рѣчи Д. Д. Гримма министръ юстиціи усматривалъ личный упрекъ въ отсутствіи настоящаго творчества и по этому поводу говорилъ:

— Когда я выслушивалъ эти упреки, то невольно оказывался въ положеніи лица, имѣющаго право спросить: да гдѣ же творчество лицъ упрекающихъ? По этому поводу тремя говорившими до меня членами Государственнаго Совѣта указывались недостатки законопроекта, заключающіеся, будто бы, въ томъ, что въ области гражданской отвѣтственности казна не поставлена отвѣтчикомъ за неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ. Весь культурный міръ, говорилось намъ, стоитъ на этомъ началѣ, а, между тѣмъ, скромные творцы этого законопроекта такого положенія не приняли. Долженъ сказать, что культурный міръ до настоящаго времени совершенно не стоитъ на томъ началѣ, которое здѣсь называли всемірнымъ. Утвержденіе, что весь культурный міръ преклоняется передъ этимъ положеніемъ, должно быть отнесено къ величайшимъ недоразумѣніямъ тѣхъ, кто обладаетъ искреннимъ и настоящимъ творчествомъ. Не могу не указать и на то, что ссылка относительно административной гарантіи, о которой было сказано, будто она отвергнута во всемъ культурномъ мірѣ, тоже представляется до извѣстной степени построенной на значительномъ недоразумѣніи. Профессоръ Гриммъ говорилъ о томъ, что административная гарантія представляетъ пережитокъ полицейскаго государства, а профессоръ Ковалевскій, говорившій послѣ него, удостовѣрялъ, что это есть измышленіе французской революціи, т. е. того времени, когда крушили полицейское государство. Далѣе намъ говорятъ, что въ настоящее время съ этой гарантіей покончили. Говорятъ, что Франція отказалась отъ гарантіи въ 1870 году, но при этомъ умолчали, что, несмотря на провозглашеніе отмѣны административной гарантіи, она на практикѣ и по сегодняшній день во Франціи суще-

ствуетъ. Поэтому говорить, что административная гарантія есть положеніе, отвергнутое всѣмъ культурнымъ міромъ, конечно, можно только обладая особымъ искусствомъ настоящаго творчества. Такъ же неосновательно и приписанное комиссіи законодательныхъ предположеній стремленіе возвысить губернаторскую власть. Однако, ораторы, мною названные, ссылаясь на условія нашего времени и на опасенія, высказывавшіяся въ Думѣ по отношенію къ будущему обсужденію законопроекта въ Совѣтѣ, сопоставили эти условія съ твердыней, называя ее своего рода Адріанополемъ, и, рисуя въ своемъ воображеніи безнадежность разрушить эту твердыню, заявляли, что они готовы помириться на болѣе скромномъ. Но чего они желаютъ,—для меня остается совершенно неизвѣстнымъ. Я, господа, заканчиваю просьбой не смущаться не только упреками, которые вы здѣсь слышали, но и указаніями на то, будто нашъ законопроектъ, если онъ будетъ принятъ, представитъ по сравненію съ культурнымъ міромъ нѣчто совершенно отсталое, ибо указанія эти и не обоснованы, и въ значительной мѣрѣ фактически невѣрны.

Едва успѣлъ И. Г. Щегловитовъ сойти съ трибуны, какъ на нее вошелъ я, и потомъ Д. Д. Гриммъ, и мы дали министру юстиціи урокъ, мораль котораго слѣдующая: въ пылу полемики нельзя раздражаться, а въ раздраженіи полемизировать и разбивать... самого себя.

Съ документами въ рукахъ я доказывалъ, что иронія г. министра юстиціи должна относиться именно къ нему самому.

— Чтобы вы не ушли отсюда,—говорилъ я,—съ убѣжденіемъ, будто мною высказано не то, что отвѣчаетъ истинѣ, я позволю себѣ изъ доклада привести два-три отрывка. Вотъ одинъ изъ нихъ, гдѣ содержится мнѣніе министра юстиціи объ институтѣ административной гарантіи. Этотъ институтъ, по мнѣнію министра юстиціи, представляетъ нарушеніе основныхъ началъ отдѣленія судебной власти отъ административной, такъ какъ, при безусловномъ примѣненіи административной гарантіи, она присваиваетъ административнымъ органамъ не свойственныя имъ административныя функціи. Я цитировалъ докладъ и доказывалъ далѣе, что всѣ приводившіяся въ моей первой рѣчи утвержденія вполнѣ совпадаютъ съ точкой зрѣнія министра юстиціи. Закончилъ я слѣдующими словами: «Нимало не сомнѣваюсь, что министръ юстиціи руководствовался высшими соображеніями, — желаніемъ содѣйствовать прохожденію законопроекта. Предъ этой цѣлью я преклоняюсь, но все-таки факты остаются фактами, и напомнить о нихъ я считалъ своей обязанностью».

Д. Д. Гриммъ съ своей стороны, указывалъ, что министру

юстиціи не слѣдуетъ безъ нужды принимать всегда по своему адресу упреки, особенно тѣ, которые относятся къ другимъ.

— Министръ юстиціи, — говорилъ онъ, — въ своей рѣчи упрекнулъ меня или обвинилъ въ томъ, что я упрекнулъ его въ отсутствіи творчества, и спросилъ, гдѣ же наше собственное творчество. По существу тутъ недоразумѣніе. Я говорилъ, что Дума въ тѣхъ поправкахъ, которыя она приняла, не проявила собственнаго творчества, но если бы я и обвинилъ вѣдомство въ отсутствіи творчества, то мнѣ представляется, что ставить по этому поводу вопросъ о томъ, гдѣ же наше собственное творчество, по меньшей мѣрѣ, странно. Я не министръ юстиціи. Я понимаю, что если бы на мнѣ лежала обязанность внести проектъ, то меня можно было бы упрекнуть въ отсутствіи творчества. Но я осуществляю здѣсь свое право — право члена палаты, который призванъ критиковать то конкретное предложеніе, которое внесено въ данномъ случаѣ. Что касается вопроса объ отвѣтственности казны, то я долженъ сказать, что вопросъ о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ казну привлекать къ отвѣтственности за правонарушенія должностныхъ лицъ, совсѣмъ не зависитъ отъ вопроса о томъ, повсемѣстно ли осуществлена эта отвѣтственность.

Ближайшее засѣданіе почти цѣликомъ ушло на пренія по вопросу: слѣдуетъ ли сохранить судъ присяжныхъ при разбирательствѣ дѣлъ о должностныхъ преступленіяхъ, или нѣтъ. Ст. 1074 въ редакціи большинства комиссіи гласитъ, что дѣла о должностныхъ преступленіяхъ, грозящихъ лишеніемъ правъ, разсматриваются въ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ и въ уголовномъ касаціонномъ департаментѣ сената съ участіемъ сословныхъ представителей. Меньшинство комиссіи (С. С. Манухинъ, бар. Э. Ф. Гойнингенъ-Гюне, С. М. Лукьяновъ, А. А. Сабуровъ, Н. С. Таганцевъ и И. А. Шебеко) предлагаетъ статью эту принять въ редакціи Г. Думы, установившей участіе присяжныхъ засѣдателей въ дѣлахъ о должностныхъ преступленіяхъ.

П. Н. Дурново выступалъ въ защиту предложенія большинства комиссіи. По его мнѣнію, послѣ принятія этого предложенія властолюбивое стремленіе нѣкоторыхъ прокуроровъ вмѣшиваться въ дѣйствія каждаго станового пристава, или, иначе выражаясь, не въ свое дѣло, утратитъ обидную для администраціи юридическую назойливость; передача-же дѣлъ, касающихся должностныхъ преступленій, суду присяжныхъ засѣдателей грозила-бы вполнѣ реальной опасностью государственной службѣ. Высказываясь за сохраненіе суда сословныхъ представителей для должностныхъ преступленій, ораторъ отмѣчаетъ, что эти дѣла не менѣе важны, чѣмъ тѣ дѣла, когда

крестьяне, безъ явнаго возстанія, выгонятъ землемѣра съ межи, или когда бабы, по своему неразумію, вытолкнутъ изъ избы судебнаго пристава, пришедшаго описывать ихъ домашній скарбъ. А между тѣмъ эти дѣла подвѣдомственны суду сословныхъ представителей. Г. Дурново полагаетъ, что вообще теперь своевременно подумать объ измѣненіи подсудности въ связи съ тѣмъ, что въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ населеніе, поставляющее присяжныхъ, уже не таково, какимъ оно было прежде. По мнѣнію меньшинства комиссіи, оно выросло въ общемъ развитіи, но г. Дурново сомнѣвается, чтобы этотъ ростъ былъ цѣннымъ вкладомъ въ общую сумму тѣхъ качествъ, которыми долженъ обладать безпристрастный судъ, призванный къ оцѣнкѣ служебныхъ дѣйствій. Дешевыя газеты проникаютъ во всѣ глухія деревни, и въ нихъ народъ читаетъ злобныя, полныя клеветы сказанія о недостойной служебной дѣятельности поставленныхъ правительствомъ властей. По словамъ П. Н. Дурново, эти сказанія большею частью пишутся людьми, совершенно несвѣдущими, которые толкуютъ по своему, вкривь и вкось, тенденціозно всякое распоряженіе правительства, разрушая все то, чему народъ вѣритъ; они сѣютъ въ народѣ сѣмена недовѣрія и всеобщаго отрицанія. Мало того, то же самое въ большей или меньшей степени происходитъ въ самыхъ авторитетныхъ собраніяхъ, и въ народѣ постепенно, но неизбѣжно нарождается отрицательное отношеніе къ властямъ. Въ связи съ такимъ положеніемъ, введеніе суда присяжныхъ грозитъ разрушеніемъ нашей государственной службы во всей ея совокупности. Правда, составъ этой службы не представляетъ какого-либо совершенства, но въ данное время Россія не можетъ дать ничего другого, и на нашей обязанности лежитъ сохранить будущимъ поколѣніямъ то, что у насъ есть.

Министръ юстиціи Щегловитовъ указывалъ, что П. Н. Дурново въ защиту своей мысли установилъ два положенія. Первое—необходимость оградить государственную службу и ея интересы, второе—касалось печати, которая, сѣя извѣстнаго рода недоброжелательное отношеніе къ власти въ населеніи, тѣмъ самымъ и въ средѣ присяжныхъ засѣдателей, если бы они были призваны къ разрѣшенію дѣлъ о преступленіяхъ по службѣ, породитъ пристрастное и лицепріятное отношеніе. Первое соображеніе г. Дурново, по словамъ г. Щегловитова, опровергается продолжительнымъ существованіемъ по дѣламъ о преступленіяхъ по службѣ суда съ участіемъ сословныхъ представителей.

— Имѣющаяся у меня,—говоритъ г. министръ, — статистика судебныхъ дѣлъ о преступленіяхъ по службѣ, захватывающая періодъ съ 1906 по 1911 гг. свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ ростѣ дѣлъ

о преступленіяхъ по службѣ, ростѣ, который выражается такимъ образомъ, что дѣла этого рода въ нѣкоторыхъ судебныхъ палатахъ ушестерились численно, въ другихъ упятерились, но менѣе увеличенія этихъ дѣлъ въ четыре раза ни въ одномъ округѣ судебной палаты не замѣчается. И если признать убѣдительными доводы П. Н. Дурново, то нужно удивляться, какъ судъ съ участіемъ сословныхъ представителей не спасъ судебную статистику отъ чрезвычайнаго роста дѣлъ, возникающихъ по поводу преступленій по службѣ. Можно было бы ожидать, казалось, что существованіе суда сословныхъ представителей поведетъ къ тому, что число дѣлъ о преступленіяхъ по службѣ уменьшится, между тѣмъ мы видимъ обратное. Что касается второго довода П. Н. Дурново —о тлетворномъ вліяніи, которое можетъ оказывать печать на мѣстное населеніе, то,—по мнѣнію министра,—это тлетворное вліяніе въ равной мѣрѣ можетъ распространяться на всѣхъ призываемыхъ къ отправленію правосудія, и опасаться непремѣнно, что оно будетъ болѣе сильно сказываться на присяжныхъ засѣдателяхъ есть во всякомъ случаѣ доводъ, не подкрѣпленный достаточными доказательствами. По этимъ соображеніямъ два главныхъ довода г. Дурново представляются г. министру неубѣдительными.

Въ дальнѣйшемъ г. Щегловитовъ указываетъ на тѣ чрезвычайно тяжелыя условія, въ которыхъ въ настоящее время находится судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, которому приходится рѣшать дѣла, начиная съ представляющихъ чрезвычайную государственную важность и кончая дѣлами о многобрачіи. Этотъ судъ—своеобразный судъ, извѣстный только въ Россіи. Онъ былъ учрежденъ спеціально для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, и, по словамъ министра, расширять кругъ его компетенціи, присоединяя дѣла о должностныхъ преступленіяхъ, значитъ и въ будущемъ затруднять дѣятельность этого суда, не давая ничего ни для интересовъ правосудія, ни для интересовъ той гражданской службы, которые были вывинуты на первый планъ въ рѣчахъ сторонниковъ сословнаго суда. Министръ юстиціи указываетъ на огромную обремененность сословныхъ судовъ дѣлами о должностныхъ преступленіяхъ. Въ петербургской судебной палатѣ, напримѣръ, въ 1906 году было всего 31 дѣло о преступленіяхъ по службѣ, а въ 1911 г. 100 дѣлъ. Въ московской судебной палатѣ 79 дѣлъ въ 1906 г., возрастаетъ до 350 въ 1911 году и т. д. Кромѣ того, сословные представители, состоящіе изъ предводителей дворянства, городскихъ головъ и волостныхъ старшинъ, какъ это замѣчается на практикѣ всѣхъ судебныхъ палатъ, стремятся къ замѣщенію себя лицами, имѣющими право по закону ихъ замѣщать, въ виду обремененности первыхъ непосред-

ственными обязанностями. И такимъ образомъ сословные представители, по мнѣнію г. Щегловитова, едва ли могутъ играть ту роль, которую имъ приписываютъ защитники сословнаго суда. Онъ напоминаетъ далѣе, что въ 1905 и 1906 г. сословные суды отличались сплошными оправдательными приговорами по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Вслѣдствіе этого утвержденіе, что этотъ судъ является строгимъ охранителемъ порядка и интересовъ государственности, по словамъ оратора, ведетъ къ забвенію недавняго прошлаго, а къ забвенію мы склонны. Необоснованными являются также утвержденія, что сословные представители представляютъ гарантію строгаго, а не того снисходительнаго отношенія, которое будто бы проявляли присяжные засѣдатели къ участи подсудимыхъ по дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ. И. Г. Щегловитовъ указываетъ далѣе, что въ стремленіи большинства комиссіи изъять дѣла о служебныхъ преступленіяхъ изъ вѣдѣнія судовъ присяжныхъ засѣдателей и въ передачѣ ихъ сословнымъ представителямъ замѣтно, однако, недовѣріе именно къ сословнымъ представителямъ. Дѣло въ томъ, что комиссія предлагаетъ въ окружные суды съ сословными представителями вводитъ 4 коронныхъ судей и 3 сословныхъ представителей. Это во всякомъ случаѣ не указываетъ на проявляемое къ сословнымъ представителямъ довѣріе. Ненормальнымъ представляется также оратору и желаніе большинства комиссіи сдѣлать постояннымъ временный законъ 18 марта 1906 г., допустившій участіе сословныхъ представителей въ окружныхъ судахъ для дѣлъ о погромахъ. Ораторъ переходитъ далѣе къ рѣзкой критикѣ П. Н. Дурново суда съ присяжными засѣдателями. Онъ считаетъ, что въ законодательствѣ должна существовать какая-нибудь послѣдовательность. Нельзя вчера признавать присяжныхъ заслуживающими довѣрія, а сегодня этого довѣрія ихъ лишать, такъ какъ это будетъ свидѣтельствовать лишь о такомъ законодательномъ шатаніи, которое въ серьезныхъ вопросахъ едва ли допустимо. И. Г. Щегловитовъ приводитъ цѣлый рядъ законовъ, которые расширяли компетенцію суда съ присяжными засѣдателями, и особенно подчеркиваетъ недавній законъ о выдѣленіи Холмской губерніи и о распространеніи на нее судовъ съ присяжными засѣдателями. Этотъ законъ, по мнѣнію министра юстиціи, долженъ свидѣтельствовать о довѣріи къ присяжнымъ засѣдателямъ.

— Въ концѣ концовъ,—говоритъ министръ,—данный вопросъ сводится къ тому, что лучше: судъ коронный или судъ присяжныхъ? Это вопросъ старый, породившій массу споровъ въ литературѣ и неразрѣшенный понынѣ на Западѣ. Ссылки на Германію, которая стремится избѣгать введенія судовъ съ присяжными засѣдателями и замѣнить ихъ судами шефеновъ, министръ юстиціи считаетъ необо-

снованными, такъ какъ это стремленіе Германіи весьма понятно, если вспомнить, что судъ присяжныхъ она заимствовала изъ Франціи, а послѣ побѣдоносной войны 1870 г. желаетъ освободиться отъ всего французскаго. Но сосѣдка Германіи—Австрія, которую также трудно заподозрить въ симпатіи къ французскимъ учрежденіямъ, не пошла слѣдомъ за своей союзницей, а не далѣе какъ въ сентябрѣ прошлаго года на съѣздѣ судей австрійскихъ, венгерскихъ, германскихъ, итальянскихъ и даже болгарскихъ, отвергли предложеніе Германіи замѣнить суды присяжныхъ судами шефеновъ.

— Лично я,—продолжаетъ министръ,—повторяю еще разъ, что считаю самымъ правильнымъ возстановленіе подсудности преступленій по должности суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. По пути расширенія компетентности присяжныхъ засѣдателей наше законодательство идетъ неуклонно, и мнѣ казалось бы совершенно непослѣдовательнымъ нынѣ отступать отъ этого естественнаго движенія впередъ. Если же останавливаться на недовѣріи къ суду съ присяжными, то я сказалъ бы, что этотъ вопросъ нужно обсуждать въ другомъ масштабѣ и въ другомъ освѣщеніи. Его нужно было бы поставить во весь ростъ, предложивъ на обсужденіе совершенное упраздненіе суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Выступать же противъ этого суда только по одной категоріи дѣлъ и сохранять для дѣлъ, затрагивающихъ интересы личностей, для меня представляется глубоко неправильнымъ. Всѣ изложенныя мною соображенія,—заканчиваетъ г. Щегловитовъ,—побуждаютъ меня высказаться по вопросу о подсудности за тѣ постановленія законопроекта, которыя были одобрены Г. Думой.

Вслѣдъ за министромъ защиту суда присяжныхъ пришлось взять и автору настоящей статьи. Я отмѣтилъ тотъ фактъ, что отрицательное и положительное отношеніе къ суду присяжныхъ было высказано одинаково съ консервативной точки зрѣнія. Оказывается, что, отправляясь отъ однихъ и тѣхъ же точекъ зрѣнія, министръ юстиціи и г. Дурново приходятъ къ различнымъ выводамъ. П. Н. Дурново обратилъ наше вниманіе на то, что истинно консервативные принципы требуютъ возможно меньшихъ измѣненій въ судебномъ строѣ и измѣненій возможно рѣдкихъ. А министръ юстиціи, отправляясь отъ тѣхъ же соображеній, доказалъ, что по этой именно причинѣ и нужно сохранить судъ присяжныхъ въ дѣлахъ о должностныхъ преступленіяхъ, какъ это и рѣшено было Судебными уставами 1864 г., отъ которыхъ законъ 1889 г. сдѣлалъ лишь временное отступленіе. По единогласному признанію англійскихъ историковъ и юристовъ судъ присяжныхъ позволилъ Англіи прожить столѣтіе, не колебля ни своихъ общественныхъ, ни своихъ политическихъ устоевъ. Можно

ли утверждать, что это не великая заслуга съ точки зрѣнія консервативныхъ идеаловъ? Но это не единственная его заслуга. Благодаря суду присяжныхъ и тому довѣрію, какое онъ внушаетъ среднему англійскому обывателю къ правильности приговора, «постановленнаго 12-ю лицами, взятыми изъ сосѣдства», вкоренилась въ англійскомъ характерѣ та черта, какую консерваторы всего міра должны уважать. Какая эта черта? Почтительное преклоненіе передъ состоявшимся судебнымъ рѣшеніемъ и проистекающее отсюда высокое уваженіе къ юстиціи, которое сказывается даже въ мелочахъ повседневной жизни, ну, хотя бы въ томъ, что въ комнатѣ, отведенной судьямъ въ англійскомъ литературномъ клубѣ «Атеней», считаютъ нужнымъ говорить не иначе, какъ шопотомъ.

Судъ присяжныхъ столько же сдѣлалъ для охраненія государственнаго порядка, сколько и для прогресса права въ тѣсномъ общеніи съ юридическимъ сознаніемъ народа. Самые недостатки, признаваемые за судомъ присяжныхъ, одновременно являются его достоинствами. Если присяжные иногда систематически отказывались постановлять обвинительный приговоръ, отрицая для этого самый фактъ преступленія, то дѣлали они это вполнѣ сознательно, указывая тѣмъ самымъ на необходимость реформы запоздалаго, черезчуръ жестокаго законодательства. Ихъ оправдательные приговоры служили для парламента побудительнымъ мотивомъ къ реформѣ, къ пересмотру старыхъ нормъ и къ выработкѣ новыхъ, болѣе отвѣчающихъ современному правовому сознанію. Недаромъ, поэтому, судъ присяжныхъ считался и считается воспитателемъ англійскаго народа. Господа, по этому поводу можно было бы сказать еще очень многое, но не въ присутствіи Н. С. Таганцева. Я позволю себѣ повторить то, что онъ слышалъ еще съ кафедры Гейдельбергскаго университета изъ устъ своего учителя Миттермайера. Книгу Миттермайера мы читали еще на студенческой скамьѣ, какъ читали ее еще до насъ составители судебныхъ уставовъ 1864 г. Въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ Миттермайера сложились въ ихъ умѣ тѣ основныя начала, которыя проведены въ судебныхъ уставахъ 1864 г., обезсмертившихъ имя Александра II-го. Та точка зрѣнія, съ какой творцы этихъ уставовъ смотрѣли на судъ присяжныхъ, удержана была судебными дѣятелями Россіи въ теченіе всей второй половины прошлаго столѣтія. Въ 1894 г., въ послѣдніе дни этого года происходило въ СПБ. совѣщаніе предсѣдателей судебныхъ палатъ и прокуроровъ. Это совѣщаніе, между прочимъ, призвано было высказаться по вопросу о томъ,—насколько удовлетворительно дѣйствуетъ въ Россіи судъ присяжныхъ. Не безынтересно отмѣтить, что предсѣдатели палатъ признали, что изъ сотенъ дѣлъ, которыя

рѣшались присяжными въ теченіе года, весьма ничтожный процентъ подалъ поводъ къ сомнѣніямъ на счетъ правильности постановленныхъ приговоровъ. Если память мнѣ не измѣняетъ, то только по отношенію къ 28 приговорамъ возникли такого рода сомнѣнія. Развѣ это не блестящая аттестація одной изъ важнѣйшихъ сторонъ суда, его безпристрастія, его неподкупности, особенно, если имѣть въ виду, что присяжные засѣдатели вербуются изъ среды простонародія, изъ среды малообезпеченнаго крестьянства, которому въ то время одно кассаціонное рѣшеніе (1872) отказало даже въ той помощи, какую ранѣе оказывали земскія собранія. Другое, очень важное рѣшеніе этихъ лучшихъ знатоковъ вопроса о томъ, какъ функціонируетъ въ Россіи судъ присяжныхъ, таково: громадное большинство собравшихся, изъ 25 человѣкъ—18, вынесли рѣшеніе, что судъ присяжныхъ дѣйствуетъ образцово въ Россіи. Позвольте прочесть отрывокъ изъ постановленій. Большинство членовъ—18-ть—по вопросу объ удовлетворительной дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, высказалось такимъ образомъ: «Этотъ судъ представляетъ собою лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія большей части серьезныхъ дѣлъ, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости». Прокуроры судебныхъ палатъ высказались въ такомъ смыслѣ: «Такія дѣла, какъ Мельницкихъ, или какъ дѣло Овсянникова, могли быть рѣшены въ обвинительномъ смыслѣ только присяжными. По дѣламъ Мценскаго банка судьи, сомнѣваясь въ томъ, совладаютъ ли присяжные со своей задачей, сами проектировали отвѣты на поставленные присяжнымъ вопросы. Эти отвѣты совпали съ вердиктомъ». «Судъ присяжныхъ при сравненіи съ коронным,—заявляютъ старшіе предсѣдатели судебныхъ палатъ—болѣе репрессивенъ и устойчивъ». «Процентъ оправдательныхъ приговоровъ въ палатахъ, говорили они, колеблется между 20 и 50; такихъ рѣзкихъ колебаній вовсе не усматривается въ приговорахъ присяжныхъ». А между тѣмъ, присяжные судятъ наиболѣе тяжкія преступленія, гдѣ зачастую, не только для доказательства виновности, но даже для установленія состава преступленія, нужны особыя усилія слѣдственной власти. Присяжные вовсе не разсматриваютъ дѣлъ о формальныхъ преступленіяхъ, гдѣ, собственно, виновность никакого вопроса возбуждать не можетъ, они, по статьѣ 511 устава уголовнаго судопроизводства, вѣдаютъ и дѣла, возникающія по частному обвиненію, въ которыхъ обвиненіе вообще слабо и неумѣло поддержанное, очень часто, на судебномъ слѣдствіи, оказывается не обоснованнымъ, и предполагаемый преступникъ часто не болѣе, какъ

жертва семейнаго самодурства, или семейной имущественной распри. Наоборотъ, обвинительные приговоры, постановляемые безъ присяжныхъ, часто сводятся къ минимальнымъ наказаніямъ. Приговоры присяжныхъ по однимъ и тѣмъ же дѣламъ иногда не однохарактерны, но безусловно одинаковыхъ дѣлъ въ жизни не бываетъ, и различіе мѣстностей и племенъ Имперіи необходимо должно сказаться въ нѣкоторомъ различіи рѣшеній по вопросамъ болѣе или менѣе близкимъ. По дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ, предсѣдатели судебныхъ палатъ доказывали рѣшительное преимущество того порядка, который существовалъ до 1889 г., надъ тѣмъ, который завелся съ этого года. Они доказывали, что такъ называемые сословные представители, какъ замѣна присяжныхъ,—явленіе, вызывающее къ себѣ скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное отношеніе. И такъ какъ объ этомъ было говорено очень много двумя несомнѣнными консерваторами, рѣшительно противорѣчившими другъ другу, то небезполезно привести справку изъ бумагъ совѣщанія 1894 г. Тогда вопросъ этотъ ставился съ тою же остротою, какъ и теперь, и получилъ рѣшеніе нѣсколько неожиданное для многихъ изъ здѣсь присутствующихъ участниковъ комиссіи законодательныхъ предположеній.

«Надлежащіе сословные представители отъ дворянства и городовъ — отвѣтили прокуроры и старшіе предсѣдатели судебныхъ палатъ,—всемѣрно уклоняются отъ исполненія своихъ судебныхъ обязанностей, замѣняя себя въ порядкѣ обратной постепенности совершенно неподходящими лицами, въ родѣ секретарей дворянскихъ депутатскихъ собраній и членовъ городскихъ управленій по надзору за торговлей». Вотъ одна весьма печальная черта этого суда сословныхъ представителей. Другая, не менѣе отрицательная,— это его дороговизна. И въ доказательство приводился такой, напр. фактъ: въ Казанскомъ округѣ издержки по одному дѣлу съ сословными представителями дошли до 1600 р., а въ Московскомъ округѣ издержки по другому дѣлу возросли до 6.000 р. Всего этого разумѣется, мало еще для осужденія суда сословныхъ представителей; но прислушайтесь къ слѣдующимъ заявленіямъ предсѣдателей судебныхъ палатъ. «Пріобщаемые къ составу палатъ временные члены почти никогда не вносятъ въ дѣло самостоятельныхъ взглядовъ и сужденій». Старшій предсѣдатель сперва Кіевской, а потомъ Московской судебной палаты указалъ, что на массу дѣлъ пришлось лишь одно, въ которомъ временные члены образовали стойкую защиту своихъ взглядовъ и обнаружили единство мнѣній. Другой предсѣдатель палаты говорилъ, что временные члены относятся весьма пассивно къ своимъ обязанностямъ, напримѣръ, по дѣ-

ламъ о служебныхъ преступленіяхъ. «Входя въ совѣщательную комнату для разрѣшенія дѣла, представитель дворянства справляется, какое самое малое наказаніе за судимое преступленіе, и съ размѣрами его соображаетъ и выводъ свой о виновности. Представители же города спрашиваютъ у предсѣдателя, нельзя ли оправдать подсудимаго; волостные же старшины, на вопросъ объ ихъ мнѣніяхъ, обращаются въ свою очередь къ предсѣдателю съ вопросомъ: «какъ прикажете». Поэтому въ сущности дѣло рѣшаютъ коронные судьи.

Я полагаю, что мнѣнія предсѣдателей судебныхъ палатъ и прокуроровъ, мнѣнія отрицательныя по отношенію къ сословнымъ судьямъ, могутъ выдержать сравненіе, хотя бы съ тѣмъ мнѣніемъ, которое въ прошломъ засѣданіи мы слышали изъ устъ докладчика, сказавшаго, что судъ присяжныхъ есть глумленіе надъ правосудіемъ, а, наоборотъ, судъ сословныхъ представителей далъ возможность ликвидировать революцію. Удостовѣряю, что точка зрѣнія, представленная г. докладчиковъ, не есть точка зрѣнія, которая пользовалась бы широкимъ признаніемъ въ нашей юридической литературѣ. Я тщетно искалъ-бы отзвука тѣмъ доктринамъ, крайне разрушительнымъ по отношенію къ суду присяжныхъ, которыя были выражены нашимъ докладчикомъ. Могу поручиться, что въ пользу суда присяжныхъ высказывается цѣлый рядъ весьма авторитетныхъ судебныхъ и научныхъ дѣятелей, напримѣръ, сенаторъ Фойницкій, еще недавно профессоръ уголовнаго судопроизводства въ Петербургскомъ университетѣ, тотъ изъ профессоровъ нашего факультета, къ которому можно примѣнить слова Пушкина: «его легко смѣнить, но замѣнить трудно». Многіе изъ присутствующихъ, вѣроятно, знакомы съ его взглядами; однохарактерныя мысли высказываетъ и болѣе молодой представитель науки уголовнаго права, профессоръ Чубинскій. «Судъ присяжныхъ,—говоритъ онъ,—обвиняется въ неустойчивости; но отъ этихъ голословныхъ обвиненій ничего не останется, если мы обратимся къ статистическимъ даннымъ, находящимся въ работѣ г. Бобрищева-Пушкина. Работа озаглавлена: «Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ». Эти данныя показываютъ, что хотя другіе суды выносятъ незначительно меньшій процентъ оправдательныхъ приговоровъ, но зато сила репрессіи присяжныхъ чужда колебаній, свойственныхъ, напримѣръ, суду съ сословными представителями, и притомъ постепенно и равномѣрно повышается, тогда какъ у болѣе репрессивнаго суда замѣчается наклонность къ нѣкоторому пониженію. По мнѣнію г. Дейтриха, пишетъ авторъ, судъ присяжныхъ не умѣетъ пользоваться доказательнымъ матеріаломъ. Г. Бобрищевъ-Пушкинъ, разсмотрѣвъ и разобравъ тысячи разнообразныхъ вердиктовъ, доказалъ относи-

тельно русскихъ присяжныхъ, что они, даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, умѣютъ составить и выразить въ вердиктѣ здравое и вполнѣ самостоятельное мнѣніе. Главнымъ свойствомъ русскаго суда присяжныхъ является отсутствіе формализма, осторожное отношеніе къ дѣлу, разумное пользованіе доказательствами вообще и косвенными уликами въ частности, а также чрезвычайно цѣлесообразное отношеніе къ рецидивистамъ, съ одной стороны, и малолѣтнимъ преступникамъ, съ другой. Послѣдній дефектъ русскаго суда присяжныхъ его обвинители видятъ въ частомъ произнесеніи оправдательныхъ вердиктовъ при полной доказанности преступленія. Г. Бобрищевъ-Пушкинъ установилъ, что неосновательное оправданіе при формальныхъ преступленіяхъ—понятно; присяжные карaютъ ихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда усматриваютъ особенности, придающія имъ характеръ общественнаго зла; при другихъ же преступленіяхъ неправосудные вердикты кажутся такими только издали, въ глазахъ же лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, эти вердикты, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, являются послѣднимъ словомъ справедливости. Итакъ, русскіе присяжные, вопреки г. Дейтриху, пишетъ профессоръ Чубинскій, стоятъ на высотѣ своихъ задачъ; особенно же драгоцѣнное свойство присяжныхъ заключается въ томъ, констатированномъ г. Бобрищевымъ-Пушкинымъ фактѣ, что въ основаніи ихъ правовыхъ воззрѣній лежатъ высокіе этическіе принципы, стремленіе рѣшать каждое дѣло не по шаблону, а сообразно его конкретнымъ особенностямъ... «Я не привелъ пока мнѣнія того ученаго юриста, который сидитъ въ нашей средѣ и руководилъ преніями особаго совѣщанія 1894 г., — это мнѣніе глубокоуважаемаго мною и, вѣроятно, многими и многими изъ васъ, А. Ф. Кони. Онъ съ удовольствіемъ могъ подвести итогъ всѣмъ разсужденіямъ, и итогъ этотъ былъ тотъ, что большинство предсѣдателей судебныхъ палатъ и прокуроровъ высказалось за необходимость не только сохраненія и упроченія суда присяжныхъ, но и за расширеніе его функцій. Я счастливъ былъ, услышавъ сегодня изъ устъ министра юстиціи, что намъ необходимо не замѣнять присяжныхъ засѣдателей сословными судьями, а, наоборотъ, возстановить ту юрисдикцію, которая была создана для нихъ еще Царемъ-Освободителемъ. Я заканчиваю, присоединяя мой голосъ къ мнѣнію тѣхъ пяти знаменитыхъ юристовъ, теоретиковъ и практиковъ, которые въ нашей комиссіи подали голосъ за предоставленіе окружному суду, вмѣстѣ съ присяжными засѣдателями, разсмотрѣніе дѣлъ и по должностнымъ преступленіямъ.

Моя рѣчь была послѣдней, сказанной въ пользу суда присяжныхъ. Говорившій вслѣдъ за мною докладчикъ комиссіи, Дейтрихъ, и

бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Макаровъ порѣшили его судьбу, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ дѣламъ о должностныхъ преступленіяхъ.

Докладчикъ Дейтрихъ сказалъ, что каждое дѣло требуетъ своего спеціалиста, и чтобы отправлять самую трудную обязанность—судьи—мало быть только грамотнымъ и имѣть 25 лѣтъ. Въ дѣлахъ о должностныхъ преступленіяхъ государство заинтересовано не только въ наказаніи за преступленіе противъ общества, но и за нарушеніе противъ той власти, которая была дана должностному лицу. Чтобы судить такія дѣла, необходимо знать условія службы, а для присяжныхъ вопросы служебной дисциплины будутъ стоять на второмъ планѣ. Далѣе В. Ф. Дейтрихъ касается общаго вопроса о судѣ присяжныхъ и доказываетъ, что этотъ судъ органически боленъ, потому что иначе нельзя объяснить того, что въ Москвѣ былъ оправданъ женоубійца. И на дняхъ еще два женоубійцы были оправданы въ Петербургѣ. Критика министра юстиціи суда съ сословными представителями представляется недостаточно обоснованной. Почему министръ юстиціи полагаетъ, что сословные представители, участвуя въ соединенномъ присутствіи судебной палаты, наравнѣ съ коронным судомъ, «непремѣнно дѣлаются глупыми и не могутъ высказать своего сужденія», а когда тѣ же лица будутъ сидѣть на скамьяхъ присяжныхъ засѣдателей, то они окажутся «умными и великолѣпно будутъ рѣшать свои дѣла». Если такіе судьи изъ сословныхъ представителей скверны, то нельзя было бы, казалось, сохранять этотъ институтъ для сужденія о дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ въ особыхъ присутствіяхъ Сената. Вообще, если судъ съ сословными представителями не соотвѣтствуетъ своему назначенію, то странно его оставлять для разбора такихъ дѣлъ, какъ о бунтахъ, о погромахъ, о «герценштейновскихъ иллюминаціяхъ» и т. д. Если судъ этотъ дурной, то нужно прежде всего внести законопроектъ объ изъятіи изъ юрисдикціи сословныхъ представителей и передать ихъ присяжнымъ засѣдателямъ. Но такого законопроекта нѣтъ, мы его не видимъ и, надо надѣяться, никогда не увидимъ.

А. А. Макаровъ заявилъ себя сторонникомъ суда присяжныхъ, но въ данномъ случаѣ высказывается категорически за принятіе предложенія большинства комиссіи. «Я не могу не признать,—говоритъ онъ,—что самый прекрасный судъ можетъ обладать недостатками болѣе или менѣе значительными по спеціальнаго рода судебнымъ дѣламъ, вполнѣ удовлетворяя своему назначенію по цѣлой массѣ другой категоріи дѣлъ. Опытъ разсмотрѣнія дѣлъ о должностныхъ преступленіяхъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей былъ уже сдѣ-

ланъ; однако, послѣ 23 лѣтъ признано было дальнѣйшее продолженіе этого порядка нежелательнымъ. Что касается суда сословныхъ представителей, то ни въ объяснительной запискѣ, ни въ журналѣ комиссіи законодательныхъ предположеній нѣтъ слѣдовъ о категорическихъ указаніяхъ на негодность такого суда. Тѣмъ не менѣе И. Г. Щегловитовъ въ общемъ собраніи счелъ возможнымъ высказаться противъ него. Приведенныя имъ доказательства, однако, не убѣдили г. Макарова. Онъ не видитъ серьезныхъ основаній для передачи дѣлъ о судебныхъ преступленіяхъ суду присяжныхъ тѣмъ болѣе, что еще нужно доказать, что сознаніе общественное присяжныхъ засѣдателей настолько въ настоящее время развилось, что они въ состояніи отречься отъ частныхъ интересовъ и могутъ вполнѣ сознательно судить такія дѣла, гдѣ является крупное нарушеніе общественныхъ началъ, принципа государственной службы. Вѣдь каждый изъ насъ еще прекрасно помнитъ печальные 1905—1906 года, когда, по словамъ министра юстиціи, было констатировано пониженіе репрессіи судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Это уменьшеніе процента репрессіи совпадаетъ съ моментомъ общей разрухи, которая въ то время существовала. Прибавимъ къ этому, что судебныя мѣста были въ это время завалены дѣлами, а предварительныя слѣдствія производились неопытными судебными слѣдователями. При такихъ условіяхъ процентъ репрессій не только не малъ, но даже очень великъ. Если мы обратимся къ общественнымъ явленіяхъ нашихъ дней, или къ близкимъ къ текущему времени событіямъ, то врядъ ли можно ожидать, что въ нашемъ общественномъ сознаніи понятіе о законности и преступности было твердо и непоколебимо. Вспомните, то недалекое время, когда осужденіе за пресловутое выборгское воззваніе считалось чуть ли не явно неправосуднымъ, и когда всякій обвинительный приговоръ по дѣлу о бунтѣ противъ Верховной власти признавался чуть ли не преступленіемъ, превышеніемъ власти и актомъ несудебнымъ. Вотъ почему я признаю, что условія, вызвавшія передачу дѣлъ о должностныхъ преступленіяхъ въ судъ сословныхъ представителей, сохранились и въ настоящее время.

Голосованіе произведено было записками. Большинствомъ 99 противъ 48 принято предложеніе большинства комиссіи.

Такимъ образомъ,—надѣюсь, только на время,—рѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о передачѣ присяжнымъ рѣшающаго слова по преступленіямъ, совершеннымъ должностными лицами при отправленіи ихъ обязанностей. Получился въ концѣ концовъ такой законъ, который едва ли въ состояніи будетъ вкоренить въ русскихъ обывателяхъ увѣренность, что администра-

тивному произволу положенъ конецъ. Чиновниковъ, какъ общее правило, будутъ отдавать подъ судъ начальники, участвовавшіе въ опредѣленіи ихъ на службу, а судить — смѣшанныя присутствія изъ четырехъ, къ счастью, коронныхъ судей и 3-хъ представителей отъ дворянскаго, купеческаго и крестьянскаго сословія. Только въ отношеніи гражданской отвѣтственности сдѣланъ значительный шагъ впередъ уже тѣмъ, что, по принятому Госуд. Совѣтомъ рѣшенію, она не ограничивается одними случаями медленности, нерадѣнія и неосмотрительности должностныхъ лицъ.

Какъ отнесется къ законопроекту Госуд. Дума, высказавшаяся противъ начала преемственности законодательныхъ работъ и объявившая, что законопроекты, къ ней поступающіе изъ Госуд. Совѣта, будутъ разсматриваться ею, какъ возникшіе по его иниціативѣ? А что если преданность суду присяжныхъ, который не далѣе, какъ въ будущемъ году вправѣ будетъ праздновать 50-тилѣтіе своего существованія, и отрицательное отношеніе одинаково къ административной гарантіи чиновниковъ и къ суду сословныхъ представителей вызоветъ въ депутатахъ желаніе настоять на своемъ?

Я предвижу возможность такого исхода, но не считаю его желательнымъ, хотя бы уже потому, что возможность требовать вреда и убытковъ у служащихъ, нарушившихъ своими дѣйствіями охраняемый закономъ интересъ, до нѣкоторой степени обезпечена новымъ законопроектомъ. Разумѣется, этого еще далеко не достаточно, чтобы помириться съ его несовершенствомъ. При нѣкоторой настойчивости Думы и желаніи членовъ Совѣта не свести свою работу къ дѣятельности Данаидъ, наполнявшихъ водою бездонную бочку, можетъ получиться въ концѣ концовъ нѣчто менѣе уродливое, чѣмъ только что родившійся въ собраніи Совѣта проектъ якобы призванный къ насажденію законности въ средѣ русскихъ администраторовъ. Будемъ надѣяться, что пожеланія такъ опредѣленно высказанныя въ Указѣ Сенату 1904 г., о принятіи дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію полной силы закона,—будутъ приняты въ расчетъ нашими законодателями.

Максимъ Ковалевскій.

ПѢСНИ-ПАМФЛЕТЫ XVI ВѢКА.

(Изслѣдованіе С. Шамбинаго М. 1913).

Знатокъ и изслѣдователь русской эпической поэзіи С. К. Шамбинаго, авторъ нѣсколькихъ интересныхъ статей по отдѣльнымъ былиннымъ сюжетамъ, въ этомъ новомъ трудѣ подвергаетъ детальному анализу такія эпическія пѣсни, въ которыхъ онъ видитъ пѣсни-памфлеты XVI в., именно пѣсни о Кострюкѣ-Мастрюкѣ и пѣсни о Василіи Буслаевѣ.

Во «Вступленіи» (1—24) авторъ опредѣляетъ свое отношеніе къ пѣсенному матеріалу вообще, различая въ немъ двѣ группы. Къ первой, называемой имъ *канонической*, авторъ относитъ «старины», собранныя Рыбниковымъ и Гильфердингомъ въ Олонецкой губерніи, ко второй—архангельскія «старины», записанныя въ самомъ концѣ прошлаго и начала текущаго столѣтія г.г. Марковымъ, Ончуковымъ и Григорьевымъ. Указавъ, на основанія замѣтокъ Рыбникова и Гильфердинга, на то, что уже въ въ 60 и 70 годахъ былевая традиція иногда страдала въ устахъ отдѣльныхъ «сказителей» отъ внесенія «личной стихіи», отъ стремленія импровизировать, отъ желанія получить лишнюю плату за сказываніе былинъ и т. п., авторъ находитъ въ архангельскомъ былинномъ репертуарѣ, записанномъ въ недавнее время, въ гораздо большей степени, чѣмъ въ «каноническомъ», вліяніе этихъ условій, неблагопріятныхъ для точности былинной традиціи. Особенно погубнымъ для нея представляется развитіе грамотности. Былины изъ печатныхъ изданій т-ва Сытина, журналъ «Родина» и друг., которыя иногда собиратели (Григорьевъ) находили въ крестьянскихъ избахъ, переходятъ въ народъ и снова могутъ попасть въ запись собирателей [1]).

Находя цѣнными нѣкоторыя наблюденія г. Шамбинаго надъ эволюціей былинной традиціи въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ и полезными его указанія на необходимую осторожность при возстановленіи основныхъ редакцій былинъ, мы считаемъ неудачнымъ названіе «канонической», прилагаемое имъ къ первой группѣ, т. е. къ былинному репертуару, записанному въ 60-хъ годахъ въ Олонецкой губерніи.

---

[1]) Такіе случаи мы могли бы указать.

Понятіе «канонъ» представляетъ нѣчто прочно установленное, имѣющее, такъ сказать, догматическій характеръ. Оно совсѣмъ не приложимо къ устнымъ народнымъ произведеніямъ, подверженнымъ при исполненіи постояннымъ и неизбѣжнымъ измѣненіямъ. Если мы просмотримъ варіанты какого нибудь былиннаго сюжета у олонецкихъ сказителей, то едва-ли найдемъ меньшее число редакцій, чѣмъ у архангельскихъ «сказителей» или «старинщиковъ». Какъ въ той, такъ и въ другой губерніи одни пѣвцы обладаютъ лучшей, другіе худшей памятью, одни болѣе другіе, менѣе склонны къ импровизаціи, одни болѣе, другіе менѣе ярко проявляютъ свое «я», т. е. свои личные вкусы, навыки и проч. Можно говорить о хорошихъ и плохихъ сказителяхъ какъ олонецкихъ, такъ и архангельскихъ, можно настаивать на осторожности въ пользованіи былинными текстами въ научныхъ изслѣдованіяхъ, но было бы странно прилагать названіе «каноническихъ» къ былинамъ, напр., извѣстнаго *олонецкаго* сказителя Щеголенка, у котораго Святогоръ служитъ у купца Садко, Василій Буслаевъ смѣшивается съ Вольгой, Илья Муромецъ съ Еруслановъ Лазаревичемъ. Однако, находя неудачнымъ терминъ «каноническій» въ примѣненіи къ былинамъ, мы все же думаемъ, что архангельскія старины, записанныя въ недавнее время, представляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ позднѣйшую мѣстную эволюцію и содержатъ больше отступленій отъ традиціи, искаженій, подновленій, контаминацій, чѣмъ былины, записанныя ранѣе, въ 60-хъ годахъ въ той же губерніи (Розановымъ, Никольскимъ), также въ Олонецкой (Рыбниковымъ, Гильфердингомъ) и въ Томской губерніи (Гуляевымъ).

Въ концѣ «Вступленія» г. Шамбинаго высказываетъ предположенія, что у насъ въ XVI в. могли существовать пѣсни-памфлеты, которыхъ расцвѣтъ отмѣчаетъ Бѣкель (Psychologie der Volksdichtung) въ этомъ вѣкѣ въ западной литаратурѣ. Вообще, говоритъ Бѣкель, историческія пѣсни не изображаютъ объективно историческихъ событій; онѣ прежде всего партійныя пѣсни (Parteilieder). Опираясь на это неоспоримое и не новое мнѣніе, г. Шамбинаго переходитъ къ содержанію своего изслѣдованія.

Авторъ разбираетъ подробно извѣстные ему варіанты пѣсни о Кострюкѣ-Мастрюкѣ (число которыхъ могло бы быть значительно пополнено) и даетъ историческій комментарій къ этой пѣсни, представляющей дѣйствительно памфлетъ на женитьбу Ивана Грознаго на иностранкѣ, черкешенкѣ Марьѣ Темрюковнѣ, не пользовавшейся симпатіей народа. Антипатія къ новой царицѣ, считавшейся злою, переходитъ и на ея брата Кострюка-Мастрюка, изображаемаго пѣсней неудачнымъ нахвальщикомъ борцомъ, посрамленнымъ рус-

скими борцами. Съ другой стороны, въ противоположность Кострюку новому царскому шурину, пѣсня даетъ симпатическую роль первому шурину, Никитѣ Романовичу, о которомъ С. К. Шамбинаго напрасно говоритъ [1]), будто о немъ «сохранилось чрезвычайно мало офиціальныхъ извѣстій» [2]). Характеръ памфлета въ достаточной степени разъясненъ историческимъ комментаріемъ автора, хотя съ нѣкоторыми замѣчаніями его нельзя согласиться, а другія представляются недосмотромъ. Такъ нѣтъ достаточно основаній видѣть въ эпитетѣ «маленькій», прилагаемомъ къ одному изъ борцовъ, поборовшихъ Кострюка, «результатъ психологическаго процесса—измѣненіе имени опричника Малюты Скуратова» [3]), или объяснять отчество Маринки *Кайдаровна* изъ отчества отца царицы Марьи Темрюка *Айдаровича* [4]). Невѣрно и утвержденіе автора, будто прозвище Марьи «Пятигорка» часто *упоминается* нѣкоторыми пѣснями [5]). Былины знаютъ только формы: Семигорка, Златыгорка, Латыгорка, Латымирка, Владимирка.

Въ дальнѣйшемъ г. Шамбинаго выдѣляетъ изъ варіантовъ пѣсенъ о Кострюкѣ—девять такихъ, въ которыхъ говорится о пріѣздѣ на Русь крымской царицы Купавы татарской. Разборъ этихъ варіантовъ приводитъ автора къ выводу, что они представляютъ особую пѣсню объ отбитомъ наѣздѣ. Она разсказываетъ о томъ, «какъ крымская поляница (имени нѣтъ) съ войскомъ и богатыремъ Кострюкомъ подходятъ къ Москвѣ и располагаются станомъ. Крымцы держатся вызывающе, выставляютъ грозныя требованія. Ихъ приходъ наводитъ на Москву ужасъ, но дѣло оборачивается такъ, что крымцамъ самимъ приходится уйти со срамомъ. Въ Москвѣ у царя—радость по случаю освобожденія». [6]) По мнѣнію г. Шамбинаго, эта пѣсня, представляющая отголосокъ набѣга крымскаго хана 1572 года и существовавшая прежде отдѣльно, контаминировалась съ пѣсней о царской женитьбѣ, чѣмъ и объясняется перенесеніе въ нее Кострюка. Въ имени одного изъ борцовъ, поборовшихъ Кострюка, *Михалка, Михаила Ивановича*, г. Шамбинаго находитъ отголосокъ имени воеводы, прославившагося пораженіемъ Девлетъ-Гирея,—князя Михаила Ивановича Воротынскаго. Останавливаясь въ другой статьѣ подробно на этомъ толкованіи г. Шамбинаго, здѣсь замѣчу только, что въ девяти варіантахъ съ крымской царицей я вижу не отдѣльную

---

[1]) Стр. 66.
[2]) См. о немъ у г. *Касенка* въ книгѣ «Начало Романовыхъ» стр. 31—42.
[3]) Стр. 69.
[4]) Стр. 60.
[5]) Тамъ же.
[6]) Стр. 88.

пѣсню, контаминировавшуюся съ пѣсней о царской женитьбѣ, а дальнѣйшую эволюцію послѣдней, воспринявшую дѣйствительно нѣкоторые отголоски крымскихъ набѣговъ 1571 и 1572 годовъ. Сомнительной мнѣ представляется и связь имени одного изъ борцовъ *Михалка* или *Михаила Ивановича* (при наличности многихъ другихъ именъ въ варіантахъ) съ именемъ побѣдителя татаръ кн. Михаила Воротынскаго, хотя я согласенъ съ авторомъ въ томъ, что «о князѣ Воротынскомъ дѣйствительно были пѣсни».[1]) Г. Шамбинаго основательно находитъ память о Михаилѣ Воротынскомъ въ пѣснѣ «Царь въ Серпуховѣ» (пѣсни Кирѣевскаго, VI, стр. 190—191), но неосновательно называетъ *ее единственной*. Кромѣ разобраннаго имъ варіанта изъ с. Павлова Нижегородской губерніи, въ печати извѣстны еще два варіанта, записанные одинъ у Терскихъ, другой у Астраханскихъ казаковъ.[2]) Первый могъ бы быть особенно интересенъ для г. Шамбинаго, такъ какъ называетъ подозрѣваемаго Иваномъ Грознымъ въ измѣнѣ *княземъ* Михайломъ, не смѣшивая его съ Максимомъ Краснощековымъ, какъ павловскій варіантъ, и упоминаетъ хана *Крымскаго* (впрочемъ съ легкимъ искаженіемъ въ «Рымскаго»).

Въ этой же части своей работы г. Шамбинаго даетъ комментарій пѣснѣ о крымскомъ набѣгѣ, записанной въ 1619—1620 г. для англичанина Ричарда Джемса. Приводя историческія свѣдѣнія объ упоминаемомъ пѣсней Диви-мурзѣ, авторъ, къ сожалѣнію, не воспользовался извѣстіемъ 2-ой новгородской лѣтописи подъ 1572 (уже давно привлеченнымъ Ѳ. И. Буслыевымъ и Л. Н. Майковымъ), которое объяснило бы, почему въ пѣснѣ Диви-мурза проситъ крымскаго царя пожаловать его Новгородомъ. Иронія пѣсни заключается въ томъ, что Диви-мурза дѣйствительно попалъ въ Новгородъ, но не въ качествѣ владѣтеля, а въ позорной роли знатнаго плѣнника, привезеннаго туда на показъ царю Ивану Васильевичу, бывшему тогда въ Новгородѣ.

Вторая часть изслѣдованія г. Шамбинаго посвящена разбору былинъ о Василіи Буслаевѣ, въ которыхъ онъ различаетъ два сюжета: «Пѣсню о разгромѣ Новгорода» и «Пѣсню о нераскаянной кончинѣ» (стр. 115—266). Разсмотрѣвъ т. наз. «каноническіе» варіанты, авторъ выводитъ изъ нихъ планъ, по которому, приблизительно, была построена основная пѣсня (стр. 140), даетъ соотвѣтственно плану ея схему (стр. 141—142) и, оставляя для дальнѣй-

[1]) Стр. 111.

[2]) См. Сборн. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XV (1893 г.), отд. I, стр. 331; Былины и пѣсни Астраханскихъ казаковъ. А. А. Догадина. 1911. Вып. I, стр. 5.

шаго личныя имена былины, останавливается лишь на отчествѣ Василія. Это отчество *Буслаевичъ* онъ объясняетъ изъ *Буеславича* и предполагаетъ, что имя отца *Буслай* или *Буславъ* отвлечено отъ *прозвища* сына, отличавшагося буйствомъ. Однако, хотя такое прозвище Васьки для гипотезы г. Шамбинаго (о которой ниже) и удобно, но производство имени Буславъ изъ Буеслава весьма сомнительно. Акад. А. И. Соболевскій съ большей вѣроятностью выводитъ Буслава изъ Богуслава [1]) (съ опущеніемъ г=h), изъ имени бывшаго въ значительномъ употребленіи какъ у русскихъ, такъ и у чеховъ и поляковъ. Изъ лѣтописи извѣстенъ новгородскій бояринъ *Богуславъ*; отчество *Богуславича* носитъ Василій въ одной былинѣ (изъ Олонецк. губ.) и въ сказкѣ Чулкова, а имя *Буеславъ* неизвѣстно въ славянскомъ именословѣ.

Разсмотрѣвъ въ дальнѣйшей главѣ мнѣнія своихъ предшественниковъ по изслѣдованію старинъ о Василіи Буслаевѣ—Костомарова, Пассека, Жданова,—г. Шамбинаго отмѣчаетъ, что покойный академикъ Ждановъ, сопоставившій начало одной былины о рожденіи Василіи Буслаева, (причемъ дѣло обошлось не безъ волшебства) съ разсказомъ кн. Курбскаго о разводѣ в. кн. Василія Ивановича съ Соломоніей и о вторичномъ бракѣ его съ Еленой Глинской, былъ очень близокъ къ рѣшенію вопроса о личности Василія Буслаева [2]). «Какъ плодъ чародѣйства рождается въ Москвѣ жестокій Иванъ Васильевичъ,—въ Новгородѣ буйный Василій Буслаевичъ»—заключилъ Ждановъ, дѣлая свое сопоставленіе. Г. Шамбинаго пошелъ дальше по пути сопоставленій Ивана Грознаго съ Василіемъ Буслаевымъ и пришелъ къ заключенію, что Василій Буслаевичъ маска, надѣтая на лицо царя Грознаго, что былина о немъ—памфлетъ на разгромъ Новгорода, произведенный этимъ царственнымъ извергомъ въ 1570 году. Для обоснованія этой оригинальной мысли авторъ проводитъ параллели между былинными данными и историческими свидѣтельствами нѣкоторыхъ лѣтописей, кн. Курбскаго, Герберштейна, Hoff'a (кн. 1582 г.) и др. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ такихъ сопоставленій.

Въ началѣ *одного* олонецкаго варіанта какая-то «бабища матерая» упрекаетъ тоскующаго по отсутствію дѣтей Буслава Сеславьеча въ томъ, что онъ не могъ дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ: износу дѣтищу не было-бъ. Она велитъ ему пойти къ Авдотьѣ Васильевнѣ... и понесетъ дѣтище любимое, сильнаго, могучаго богатыря (т. е. Василія Буслаевича). Эти мало понятныя слова искаженнаго отрывка былины г. Шамбинаго понимаетъ въ связи съ раз-

[1]) Для формы сложенія срв. имя Богумилъ и Богомилъ.

[2]) Стр. 166.

водомъ в. к. Василія Ивановича съ неплодной Соломоніей и бракъ его съ Еленой Глинской, давшей ему сына. «Стало быть,—говоритъ онъ—у Буслава ранѣе уже была жена, съ которой онъ, не дождавшись отъ нея дѣтища, поступилъ такъ, что вызвалъ укоризну какой-то матерой бабищи [1]). Такое чтеніе между строкъ едва ли можетъ придать прочность новой гипотезѣ. Для нея, между прочимъ, неудобна личность матери Василія Буслаева, матерой вдовы Амельфы Тимофеевны. Она играетъ очень большую роль въ былинѣ—совѣтуетъ сыну набрать дружину, засаживаетъ его въ погребъ, удерживаетъ расходившагося буяна и проч., а между тѣмъ не можетъ быть объяснена, какъ псевдонимъ какой-нибудь исторической личности, связанной съ Иваномъ Грознымъ и разгромомъ Новгорода. Остается устранить это живое лицо, объявивъ ее символомъ. «Она,—говоритъ г. Шамбинаго [2]),—не реальный персонажъ, а символъ сдерживающей силы, благопріятствующей Новгороду» [3]). Въ объясненіи другого, женскаго персонажа былины—дѣвки Чернавки,—помогающей дружинѣ Василія Буслаевича биться съ новгородцами и освобождающей его изъ заключенія, г. Шамбинаго колеблется между символическимъ и историческимъ толкованіемъ: «если символизировать этотъ поэтическій образъ, то «дѣвка, можетъ выражать злого генія Ивана, въ сильной мѣрѣ способствующаго разжиганію въ немъ буйства, слѣдовательно,—помогающаго новгородскому разгрому. Въ постоянномъ эпитетѣ «Чернавка», думается мнѣ, сохранилось представленіе о черкасской княжнѣ, пятигоркѣ Марьѣ Темрюковнѣ, которая, по общему убѣжденію, способствовала развитію злыхъ наклонностей своего мужа» [4]). Не говоря уже о рискованности послѣдняго сопоставленія, замѣтимъ, что, придавая въ данномъ случаѣ особое значеніе эпитету *Чернавка*, г. Шамбинаго забылъ, что таже «дѣвка Чернавка» встрѣчается въ другихъ былинныхъ сюжетахъ (о Чурилѣ, о Садкѣ).

Исходя изъ мысли, что былина о Васькѣ Буслаевѣ памфлетъ, рисовавшій царя Ивана съ отрицательной стороны [5]), авторъ говоритъ, что такая пѣсня, конечно, должна была воспользоваться какимъ-либо псевдонимомъ. Не придавая значенія упоминанію Никоновской лѣтописи о новгородскомъ посадникѣ Васькѣ Буслаевѣ (подъ 1171 годомъ), г. Шамбинаго предполагаетъ, что отчество царя

---

1) Стр. 140. «Эхъ ты..., говорила она ему, не могъ дотерпѣть трехъ мѣсяцевъ: погодилъ бы немного, и отъ первой жены родилось бы дѣтище, и ему износу не было бы» (стр. 166).

2) Стр. 138.

3) Стр. 138.

4) Стр. 188.

5) Стр. 186.

Ивана «Васильевичъ» могло дать матеріалъ для образованія псевдонима [1]). Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, псевдонимъ былъ придуманъ, чтобъ замаскировать ненавистнаго новгородцамъ царя Ивана: слѣдовательно, ранѣе года разгрома Новгорода (1570) имя Василія Буслаева не существовало, а между тѣмъ оно упомянуто Никоновской лѣтописью, доводящей описаніе историческихъ событій только до 1559 года. Надъ вопросомъ, откуда могъ быть внесенъ въ текстъ этого политическаго сборника подъ 1171 г. посадникъ Васька Буслаевъ и какова могла быть цѣль этого внесенія неизвѣстнаго исторіи посадника авторъ не задумывается. Какія же, однако, параллели приводитъ г. Шамбинаго между историческими свидѣтельствами о разгромѣ Новгорода и народной пѣсней о томъ, т. е. былиной объ избіеніи новгородцевъ Васильемъ Буслаевымъ? Авторъ (стр. 179—186), излагая нѣкоторыя детали событій изъ новгородской 3-й лѣтописи, содержащей повѣсть объ этомъ событій, сопоставляетъ въ восьми пунктахъ разсказъ лѣтописный съ былиннымъ. 1. Царь Иванъ, по наущенію хищниковъ, вдругъ опалился на новгородцевъ, послалъ сначала дружину, затѣмъ поѣхалъ самъ. Эта дружина, т. е. *опричники* бьютъ и грабятъ новгородцевъ. Въ пѣснѣ—Василій отправляется (откуда?) неожиданно въ Новгородъ, чтобы произвести избіеніе. 2. Гнѣвъ царя, главнымъ образомъ, направленъ на духовенство—игуменовъ, монаховъ, которыхъ придаютъ смерти въ первую очередь. Царь сурово обошелся съ архіепископомъ Пименомъ, вышедшимъ ему на встрѣчу на Волховскомъ мосту. Это сопоставляется съ жестокимъ обращеніемъ Василія съ «соборнымъ» старцемъ «пилигримищемъ», вышедшимъ ему на встрѣчу съ упрекомъ. 3. Сигналъ къ начатію разгрома дается царемъ Иваномъ на пиру у архіепископа. На пиру происходитъ и завязка пѣсни. 4. Избіеніе новгородцевъ производится въ два пріема: опричниной, такъ какъ Ивана нѣтъ въ городѣ; затѣмъ грабежи и убійства продолжаются во главѣ съ царемъ, вернувшимся съ разгрома окрестностей. Эти два момента, по мнѣнію г. Шамбинаго, сохранены въ пѣснѣ: дружина Василія сначала бьется одна, такъ какъ удалецъ засаженъ матерью въ погребъ; затѣмъ Василій освобождается и вмѣстѣ съ дружиной окончательно одолѣваетъ новгородскихъ мужиковъ. 5. И въ «повѣсти», и въ пѣснѣ центръ избіенія новгородцевъ Волховскій мостъ. По словамъ Hoff'a, Волховъ до того былъ переполненъ трупами, что у моста образовалась запруда, и вода въ этомъ мѣстѣ окрасилась кровью» [2]). Въ одномъ варіантѣ пѣсни, послѣ избіенія мужиковъ «князья новгородскіе» просятъ Василія велѣть «обрать тѣла убитыя»,

[1]) Стр. 187.
[2]) Стр. 183.

говоря, что «въ рѣченькѣ Волховѣ на цѣлую версту вода съ кровью смѣсилася» [1]). 6. Избіеніе новгородцевъ Иваномъ сопровождалось широчайшимъ грабежомъ. Авторъ здѣсь припоминаетъ, что пѣсня о поѣздкѣ Василія Буслаева во Святую Землю говоритъ о немъ: «съ молоду бито много, граблено». 7. Обращеніе царя къ (оставшимся въ живыхъ) новгородцамъ о прекращеніи избіенія и о своемъ уходѣ совершилось такъ же неожиданно, какъ и приходъ его въ Новгородъ. Лѣтописная повѣсть, согласно съ духомъ времени, видитъ въ погромѣ новгородцевъ кару небесную за грѣхи и въ уходѣ Ивана—милость Господню. Въ 2-хъ варіантахъ пѣсни укрощеніе ярости Василія Буслаева приписывается заступничеству Богородицы. 8. Царь Иванъ созываетъ трепещущихъ мужиковъ новгородскихъ и объявляетъ свою волю—посадить надъ ними старѣйшаго. Исходъ пѣсни говоритъ, что «мужики покорились», били челомъ Василію, заплатили дань. Помимо этихъ далеко не убѣдительныхъ сопоставленій г. Шамбинаго отмѣчаетъ, что буйныя выходки подростка Васьки Буслаева на улицахъ Новгорода, его «богатырскія шуточки», калѣчившія ребятъ, напоминаютъ извѣстный разсказъ кн. Курбскаго о неистовыхъ выходкахъ молодого Ивана съ его сверстниками на московскихъ «стогнахъ и торжищахъ» [2]). Наборъ Васькой дружины буяновъ, среди которыхъ особенно отмѣчается *маленькій* Потаня (сопоставляемый съ Малютой Скуратовымъ), авторъ комментируетъ свидѣтельствами о наборѣ Иваномъ опричниковъ, которые являются такими же врагами земщины, какъ шайка удальцовъ, набранныхъ Васькой Буслаевымъ противъ новгородскихъ гражданъ.

Отъ комментарія пѣсни о разгромѣ Новгорода г. Шамбинаго переходитъ въ послѣдней главѣ къ истолкованію второй былины о Василіи Буслаевѣ—о его паломнической поѣздкѣ во Святую Землю и смерти. Не соглашаясь, вполнѣ основательно, съ мнѣніемъ Жданова, видѣвшаго въ варіантѣ К. Данилова слѣды ушкуйничества Василія Буслаева, авторъ истолковываетъ пѣсню о нераскаянной кончинѣ Василія, какъ поэтическую композицію, посвященную разработкѣ сюжета о кончинѣ Ивана Грознаго [3]). Для доказательства этой мысли онъ припоминаетъ современные смерти Грознаго разсказы и слухи (предзнаменованія, предсказанія), а также смущавшія современниковъ обстоятельства царской кончины безъ церковнаго напутствія, за шахматной игрой, и, перейдя къ разбору былины, отмѣчаетъ, что «пѣсня о нераскаянной кончинѣ, вводя въ зачинъ формулу

---

1) Стр. 185.
2) Стр 168.
3) Стр. 249.

хожденія въ Св. Землю, „оттѣняетъ этимъ свое юмористическое построеніе, состоящее въ несоотвѣтствіи намѣренія героя съ его дальнѣйшими (кощунственными) поступками [1]). Разбирая детали былины—встрѣчу Василія съ черепомъ человѣческимъ, предостерегающимъ его, съ камнемъ, прыгая чрезъ который Васька сложилъ свою буйную голову,—г. Шамбинаго дѣлаетъ рядъ основательныхъ замѣчаній о сходствѣ пѣсни съ синодичными образами и поученіями, о вліяніи на былину стиха въ Голубиной книгѣ и о причинахъ связи ея со стихомъ [2]). Композиція и время сложенія *основной* пѣсни представляется ему въ такихъ очертаніяхъ. «Поэтъ, желая выразить впечатлѣніе, произведенное внезапной смертью Ивана Грознаго, имѣлъ въ виду представить въ поэтическомъ отвлеченіи назидательную укоризну по поводу достойнымъ образомъ завершившейся грѣшной жизни. Формой для своего повѣствованія онъ воспользовался синодичной, начавъ разсказомъ о поучающемъ черепѣ. Смерть царя была изображена иносказательно введеніемъ мотива камня преткновенія. Если возникновеніе Синодика, какъ народной книги, слѣдуетъ относить не ранѣе, какъ къ самому концу XVI в., то и пѣсня о нераскаянной кончинѣ получаетъ довольно точное хронологическое опредѣленіе, какъ отражающая модные и популярные мотивы литературы конца XVI, и самаго начала XVII вѣка» [2]). Что касается формулы покаяннаго хожденія, то, по мнѣнію автора, она «является риторическимъ пріемомъ, и вся пѣсня очень далека, отъ описанія какой бы то ни было паломнической поѣздки» [3]). Неукладывающійся въ схему пѣсни, замаскировывающей нераскаянную кончину Грознаго, эпизодъ купанья Василія Буслаева въ Іордани, по мнѣнію г. Шамбинаго, «введенъ позже, съ цѣлью представить Василія дѣйствительнымъ паломникомъ, нарушившимъ установленный обычай—купанья въ Іорданѣ въ рубашкахъ [4])». Такимъ путемъ устраненія неудобныхъ эпизодовъ (роли матери Василія Буслаева, его купанья въ Іорданѣ) г. Шамбинаго старается тѣснѣе связать былинныя данныя съ предполагаемыми имъ историческими.

Познакомившись съ содержаніемъ новой книги г. Шамбинаго, скажемъ нѣсколько словъ о полученномъ нами впечатлѣніи отъ этой, во всякомъ случаѣ, интересной работы. Основная мысль второй половины изслѣдованія представляется намъ совершенно не убѣдительной уже потому, что авторъ не разъяснилъ, въ интересахъ ка-

---

[1]) Стр. 258.
[2]) Стр. 263.
[3]) Стр. 65.
[4]) Тамъ-же.

кой партіи могъ бы быть сложенъ предполагаемый имъ памфлетъ по поводу жестокой расправы Ивана Грознаго съ Новгородцами въ 1570 году. Какая партія въ Новгородѣ могла бы юмористически изобразить ужасы погрома родного города, погрома, который, по свидѣтельству лѣтописи, длился «до пяти седмицъ и больше», при чемъ ежедневно погибало по 1000—1500 человѣкъ и тотъ день бывалъ благословенъ, когда убивалось только по 500—600 человѣкъ, —въ видѣ свалки Васьки Буслаева и его шайки съ новгородскими мужиками? Умѣстенъ ли шутливый разсказъ объ этомъ ужасномъ бѣдствіи родного города? Если авторъ памфлета хотѣлъ заклеймить Ивана Грознаго, то потерпѣлъ полное фіаско: отъ личности буяна Васьки Буслаева получается впечатлѣніе, совершенно не соотвѣтствующее личности Грознаго, царя-мучителя. Какой смыслъ въ настолько замаскированномъ памфлетѣ, что въ немъ нельзя узнать главнаго лица, противъ котораго онъ направленъ, безъ тѣхъ пріемовъ,—реставраціи, устраненій неудобныхъ лицъ и эпизодовъ,—къ которымъ прибѣгаетъ комментаторъ? Для чего было автору памфлета затемнять его внесеніемъ матери Васьки Буслаева, дѣвки Чернавки, запиранія буяна въ погребъ и т. п? Все это вопросы, на которые мы не находимъ отвѣта въ книгѣ г. Шамбинаго. Но, не находя пріемлемой его гипотезу, я лично думаю, что авторъ правъ, указывая на слѣды XVI-го вѣка, сильно чувствующіеся въ той редакціи былины, которая для насъ представляется основой и возстановляется изъ наличныхъ варіантовъ. Но это, конечно, не значитъ, что ранѣе редакціи XVI-го вѣка не было другой, для насъ недостижимой, и что *основная* пѣсня была сложена не ранѣе этого вѣка. Думаемъ по прежнему, что типъ Василія Буслаева и пѣсни о немъ существовали еще въ періодѣ политической независимости Новгорода. Можетъ быть, правъ и Шамбинаго въ томъ, что погромъ Новгорода при Иванѣ Грозномъ могъ отложиться на нѣкоторыхъ былинныхъ картинахъ. Такъ картина «наквашеннаго» кровью Волхова могла отразиться въ былинѣ о боѣ Васьки Буслаева съ новгородскими мужиками на Волховскомъ мосту; можетъ быть, суровая расправа Грознаго съ архіепископомъ Пименомъ повліяла на эпизодъ расправы со старчищемъ соборнымъ и т. п. Полной убѣдительности въ этомъ нѣтъ, но такого рода комментарій къ былиннымъ картинамъ представляется мнѣ пріемлемымъ и не останется безъ слѣда въ дальнѣйшей разработкѣ исторіи былины.

Разставаясь съ новой книгой г. Шамбинаго, вносящей для истолкованія «старинъ» и новый историческій матеріалъ, и новыя точки зрѣнія, не можемъ, въ заключеніе, не замѣтить, что его работа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производитъ, къ сожалѣнію, впечат-

лѣніе поспѣшности, чѣмъ, вѣроятно, и объясняются странные недосмотры. Такъ, на стр. 97 авторъ, согласно съ исторіей, упоминаетъ, что во время второго набѣга крымскаго хана Девлетъ-Гирея въ 1572 г. царь Иванъ былъ въ Новгородѣ, а на стр. 111 оказывается, что въ это же время царь съ опричиной былъ въ Серпуховѣ. Такъ, убіеніе Иваномъ Грознымъ его сына включено въ число событій, происшедшихъ въ періодъ отъ 1566 — 1577 г. (стр. 186), между тѣмъ какъ убійство произошло въ 1582 г. Такъ изъ словъ автора (на стр. 60) можно вывести, что имя «Пятигорка» извѣстно въ былинахъ, что фактически невѣрно, и нѣк. др. Наконецъ, при бо́льшей внимательности авторъ могъ бы для первой части (пѣсни о Кострюкѣ и «Царь въ Серпуховѣ»), воспользоваться бо́льшимъ числомъ извѣстныхъ въ печати варіантовъ.

Всев. Миллеръ.

ПИСЬМА ЧЕХОВА.

Томъ II (1888—1889). Томъ III (1890—1891). Съ иллюстраціями. Изданіе М. П. Чеховой. Москва. 1912 и 1913.

Изданіе переписки Чехова ведется нынѣ его сестрою; оно тщательно проредактировано, собрано много доселѣ неизвѣстныхъ писемъ, уже извѣстныя даны въ полномъ видѣ, свѣренныя съ подлинниками; текстъ оживляютъ многочисленныя иллюстраціи и портреты.

Второй томъ обнимаетъ только два года жизни писателя—1888 и 1889—но они очень важны въ біографіи Чехова, какъ годы перелома въ его жизни и развитіи. Теперь писатель окончательно отошелъ отъ мелкой сатирической печати, и является, съ одной стороны, сотрудникомъ «Новаго Времени» и Суворина (для котораго работаетъ даже въ медицинскомъ отдѣлѣ «Русскаго Календаря»), съ другой стороны—сотрудникомъ уже и толстыхъ журналовъ, именно, «Сѣвернаго Вѣстника». Онъ переписывается дружески и съ Суворинымъ, и съ однимъ изъ редакторовъ «Сѣв. В.», поэтомъ Плещеевымъ, сближается съ В. Г. Короленкомъ, и въ концѣ 1889 г. въ перепискѣ съ Суворинымъ уже звучатъ ноты нѣкотораго отчужденія отъ главы «Новаго Времени». Кромѣ того, въ эти годы былъ

поставленъ на сценѣ Александринскаго театра въ Петербургѣ и вызвалъ пеструю разноголосицу оживленныхъ преній въ публикѣ и печати чеховскій «Ивановъ». Наконецъ, въ это же время Чеховъ получилъ пушкинскую премію за свои разсказы, и всѣмъ этимъ онъ окончательно вошелъ въ литературу. Онъ еще нѣкоторое время продолжаетъ считать себя прежде всего врачемъ, а потомъ уже литераторомъ (въ одномъ письмѣ называетъ медицину своей законной женою, а литературу—любовницей), но въ концѣ концовъ стала ненужной и вывѣска на двери: «Докторъ А. П. Чеховъ».

Письма III-яго тома завершаютъ этотъ періодъ, когда Чеховъ сталъ признаннымъ писателемъ первой величины. Это—конецъ его молодости, переломъ къ зрѣлымъ годамъ. Письма этого тома относятся, главнымъ образомъ, къ крупнымъ внѣшнимъ фактамъ жизни Чехова—къ поѣздкамъ на Сахалинъ и заграницу.

Извѣстно, какъ разочарована была читающая публика книгою Чехова о Сахалинѣ, представляющею суховатый разсказъ о видѣнномъ и узнанномъ. Письма въ значительной мѣрѣ объясняютъ, въ чемъ было дѣло. Чеховъ знаетъ и говоритъ: «мы сгноили въ тюрьмахъ милліоны людей зря, безъ разсужденія, варварски; мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали, размножали преступниковъ и все это сваливали на тюремныхъ красноносыхъ смотрителей. Теперь вся образованная Европа знаетъ, что виноваты не смотрители, а всѣ мы». Но поѣздка была, видимо, предпринята не въ интересахъ каторжниковъ, которыми нужно было почему либо заняться по его душевному убѣжденію и инстинкту, а болѣе или менѣе случайно, хотѣлось написать диссертацію, испытать свои силы въ этомъ, манила загадочной необычностью и поѣздка, и таинственная каторга. Серьезно приготовляясь къ путешествію, Чеховъ, по его словамъ, изъ книжекъ, прочитанныхъ по необходимости, «узналъ многое такое, что слѣдуетъ знать всякому подъ страхомъ 40 плетей, и чего я имѣлъ невѣжество не знать раньше. *Къ тому же* полагаю, поѣздка—это непрерывный полугодовой трудъ, физическій и умственный, а для меня это необходимо, такъ какъ я хохолъ и сталъ уже лѣниться. Надо себя дрессировать... Пусть поѣздка не дастъ мнѣ ровно ничего, но неужели все таки за всю поѣздку не случится такихъ двухъ-трехъ дней, о которыхъ я всю жизнь буду вспоминать съ восторгомъ или горечью?» (III, 20). Подчеркнутое нами *къ тому же*, въ дѣйствительности едва ли не играло первой роли въ этой удивившей всѣхъ поѣздкѣ.

Переѣздъ чрезъ Сибирь описанъ въ длинныхъ, очень живыхъ

и картинныхъ письмахъ, которые просятся въ разсказъ или, по крайней мѣрѣ, въ географическую хрестоматію.

Не смотря на всѣ тягости длиннаго переѣзда чрезъ Сибирь на лошадяхъ, въ весеннюю распутицу и разливы рѣкъ, поѣздка оставила по себѣ отличное впечатлѣніе. «Многое я видѣлъ и многое пережилъ, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не какъ для литератора, а просто какъ для человѣка. Енисей, тайга, станціи, ямщики, дикая природа, дичь, физическія мучительства, причиняемыя дорожными неудобствами, наслажденія, получаемыя отъ отдыха—все вмѣстѣ взятое такъ хорошо, что и описать не могу. Уже одно то, что я больше мѣсяца день и ночь былъ на чистомъ воздухѣ—любопытно и здорово; цѣлый мѣсяцъ ежедневно я видѣлъ восходъ солнца отъ ночи и до конца». (III, 99).

Сахалинъ въ письмахъ описанъ менѣе подробно. Своею работою на Сахалинѣ онъ былъ очень доволенъ, матеріала имъ собраннаго «хватило бы на три диссертаціи», видѣлъ *все*, произвелъ перепись всего каторжнаго населенія. «На Сахалинѣ нѣтъ ни одного каторжнаго или поселенца, который не разговаривалъ бы со мной... Былъ у всѣхъ знаменитостей (по громкимъ процессамъ). Присутствовалъ при наказаніи плетьми, послѣ чего ночи три-четыре мнѣ снились палачъ и отвратительная кобыла. Бесѣдовалъ съ прикованными къ тачкамъ... а въ итогѣ я разстроилъ себѣ нервы и далъ себѣ слово больше на Сахалинъ не ѣздить» (137—138).

Итогъ впечатлѣній Чехова отъ дальневосточной окраины совершенно безнадежный. Сахалинъ представляется ему «адомъ». «О Приморской Области и вообще о нашемъ восточномъ побережьи съ его флотами, задачами и тихо-океанскими мечтаніями, скажу только одно: вопіющая бѣдность! Бѣдность, невѣжество и ничтожество, могущія довести до отчаянія. Одинъ честный человѣкъ на 99 воровъ, оскверняющихъ русское имя»... (III, 145).

Съ Сахалина Чеховъ вернулся въ Россію кругомъ Азіи. Это путешествіе было не менѣе занимательно разнообразіемъ и красочностью впечатлѣній. Испытывая себя, онъ между прочимъ купался въ океанѣ, бросаясь на полномъ ходу парохода съ носу и ловя веревку брошенную съ кормы, при чемъ однажды увидѣлъ неподалеку себя акулу съ ея лоцманами. Особенно поразилъ его земной «рай», Цейлонъ.

Дома, по возвращеніи, показалось скучно, и вскорѣ Чеховъ ѣдетъ за границу, впечатлѣнія которой были не менѣе въ своемъ родѣ сильны. Только за границей, въ Вѣнѣ онъ понялъ, напр., что «архитектура въ самомъ дѣлѣ искусство. И здѣсь это искусство попадается не кусочками, какъ у насъ, а тянется полосами въ нѣсколько

верстъ» (III, 197). «Замѣчательнѣе Венеціи я въ своей жизни городовъ не видѣлъ. Это сплошное очарованіе, блескъ, радость жизни» (199). «Русскому человѣку, бѣдному и приниженному, здѣсь, въ мірѣ красоты, богатства и свободы не трудно сойти съ ума (200).

Послѣ всего этого, Чеховъ особенно остро воспринимаетъ нудную скуку и сѣрую обывательщину русской жизни. Молодость его кончилась. Впереди работа и работа. Онъ, по принятой на себя обязанности, заканчиваетъ свой Сахалинъ, но уже это—«тягучее кропотливое дѣло, не стоющее, какъ овчинка, выдѣлки: изъ за какой нибудь одной паршивой строки приходится цѣлый часъ рыться въ бумагахъ и перечитывать всякую скуку. Писать о климатѣ, или по обрывкамъ составлять историко-критическій очеркъ каторги—какая это скука, Боже мой». (III, 239). «Пишу свой Сахалинъ и скучаю, скучаю» (274).

Сутолока столичной жизни, которая стала его невыносимо тяготить, «...мѣшаютъ мнѣ ужасно,—жалуется онъ въ одномъ письмѣ: Ходятъ, ходятъ, безъ конца ходятъ ко мнѣ всякаго званія люди и безъ конца разговариваютъ»... (159, III). Вокругъ него создалось съ упроченіемъ его литературной славы, какъ видно, также не мало завистливаго недоброжелательства. «Меня окружаетъ густая атмосфера злого чувства, крайне неопредѣленнаго и для меня непонятнаго. Меня кормятъ обѣдами и поютъ мнѣ пошлые дифирамбы и въ то же время готовы меня съѣсть. За что? Чертъ ихъ знаетъ. Если бы я застрѣлился, то доставилъ бы этимъ большое удовольствіе девяти десятымъ своихъ друзей и почитателей. И какъ мелко выражаютъ свое мелкое чувство»... Приведя нѣсколько примѣровъ, А. П. замѣчаетъ «Все это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая то плѣсень» (письмо сестрѣ, янв. 1891, 166).

«Ахъ, подруженьки, какъ скучно! Если я врачъ, то мнѣ нужны больные и больница; если я литераторъ, то мнѣ нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровкѣ, съ мангусомъ (звѣрекъ, привезенный съ Сингапура). Нуженъ хоть кусочекъ общественной и политической жизни, хоть маленькій кусочекъ, а эта жизнь въ четырехъ стѣнахъ безъ природы, безъ людей, безъ отечества, безъ здоровья и аппетита—это не жизнь, какой то... и больше ничего (III, 295).

Это жажда дѣятельности побудила его принять участіе въ голодной кампаніи 1891-92 г. На собираемыя имъ средства была организована помощь голодающимъ въ участкѣ земскаго начальника Егорова въ нижегородской губерніи. «Изображаю изъ себя благотворительную даму, которая всѣмъ уже надоѣла» (111, 332),—гово-

ритъ онъ въ одномъ письмѣ. Но все это мало его удовлетворяло. «Ахъ, свободы, свободы,—восклицаетъ онъ. Если я буду проживать не больше двухъ тысячъ въ годъ, что возможно только въ усадьбѣ, то я буду абсолютно свободенъ отъ всякихъ денежно-приходныхъ соображеній. Буду тогда работать и читать, читать... Однимъ словомъ мармеладъ, а не жизнь»!—Третій томъ и кончается на томъ, что Чеховъ устраивается въ своей усадьбѣ, Мелиховѣ.

Всюду пробивается чеховское настроеніе элегической грусти ред ъ лицомъ непостижимой тщеты всѣхъ человѣческихъ метаній и исканій. «Когда я вижу на террасѣ—пишетъ онъ съ дачи, гдѣ нашелъ больную женщину-врача:—слѣпую, которая смѣется, шутитъ или слушаетъ, какъ ей читаютъ мои «Сумерки», мнѣ уже начинаетъ казаться страннымъ не то, что докторша умретъ, а то, что мы не чувствуемъ своей собственной смерти и пишемъ «Сумерки». точно никогда не умремъ» (II, 98—99). «Пишущимъ людямъ, особливо художникамъ, пора уже сознаться, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь, какъ когда-то сознался Сократъ и какъ сознавался Вольтеръ». (II, 101– 102).

Но большой умъ и трезвый художникъ, дисциплинированный естествознаніемъ и серьезнымъ его изученіемъ (въ медицинѣ), онъ не способенъ искать прибѣжища и успокоенія своему міровому пессимизму въ самообольщеніяхъ и сомнѣніяхъ въ наукѣ. Послѣдній принялъ тогда подъ свою защиту Суворинъ, онъ превозносилъ «Ученика» Бурже, какъ обличеніе и доказательство «банкротства науки». Возраженія Чехова необыкновенно живы, страстны, и прямы, и романъ Бурже онъ энергично осуждаетъ, какъ «претенціозный походъ противъ матеріалистическаго направленія. Подобныхъ походовъ я, простите, не понимаю. Они никогда ничѣмъ не оканчиваются и вносятъ въ область мысли только ненужную путаницу. Противъ кого походъ и зачѣмъ? Гдѣ врагъ и въ чемъ его опасная сторона? Прежде всего матеріалистическое направленіе не школа и не направленіе въ узкомъ газетномъ смыслѣ; оно не есть нѣчто случайное, преходящее; оно необходимо и неизбѣжно и не во власти человѣка. Все, что живетъ на землѣ, матеріалистично по необходимости... Существа высшаго порядка, мыслящіе люди—матеріалисты тоже по необходимости. Они ищутъ истину въ матеріи, ибо искать ее больше имъ негдѣ, такъ какъ видятъ, слышатъ и ощущаютъ они одну только матерію. По необходимости они могутъ искать истину только тамъ, гдѣ пригодны ихъ микроскопы, зонды, ножи... Воспретить человѣку матеріалистическое направленіе равносильно запрещенію искать истину. Внѣ матеріи нѣтъ ни опыта, ни знаній, значитъ нѣтъ и истины». (II, 355—356). Это довольно

длинное письмо, горячо защищающее матеріалистическое или—сказать точнѣе—позитивное направленіе, мышленія дополняется слѣдующими, въ которыхъ Чеховъ говоритъ объ отношеніи къ наукѣ искусства и о значеніи научной дисциплины мысли для мало образованной русской публики, падкой на дешевое и лѣнивое всеотрицаніе, въ томъ числѣ при случаѣ и науки. «Я хочу, чтобы люди не видѣли войны тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Знанія всегда пребывали въ мирѣ. И анатомія, и изящная словесность имѣютъ одинаково знатное происхожденіе, однѣ и тѣ же цѣли, одного и того же врага—чорта, и воевать имъ положительно не изъ-за чего. Борьбы за существованіе у нихъ нѣтъ. Если человѣкъ знаетъ ученіе о кровообращеніи, то онъ богатъ; если къ тому же выучиваетъ еще исторію религіи и романсъ «Я помню чудное мгновенье», то становится не бѣднѣе, а богаче—стало быть, мы имѣемъ дѣло только съ плюсами. Потому геніи никогда не воевали, и въ Гете рядомъ съ поэтомъ прекрасно уживался естественникъ» (II, 367).

Всегдашній поклонникъ успѣховъ науки, Чеховъ съ увлеченіемъ пишетъ тому же Суворину позднѣе: «Одна хирургія сдѣлала столько, что оторопь беретъ. Изучающему теперь медицину время, бывшее 20 лѣтъ тому назадъ, представляется просто жалкимъ. Милый мой, если бы мнѣ предложили на выборъ что нибудь изъ двухъ: «идеалы» ли знаменитыхъ шестидесятыхъ годовъ, или самую плохую земскую больницу настоящаго, то я не задумываясь, взялъ бы вторую» (III, 153).

Съ виду безпечно-лѣнивый, въ дѣйствительности отличный работникъ, Чеховъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше раздраженъ нѣкоторыми чертами русской жизни и русской интеллигенціи. Здѣсь находимъ, напр., многократно цитированный его протестъ «противъ слизняковъ и мокрицъ, которыхъ мы называемъ интеллигентами. Вялая, апатичная, лѣниво философствующая, холодная интеллигенція, которая никакъ не можетъ придумать для себя приличнаго образца для кредитныхъ бумажекъ, которая не патріотична, унила, безцвѣтна, которая пьянѣетъ отъ одной рюмки и посѣщаетъ пятидесятикопѣечный ....., которая брюзжитъ и охотно отрицаетъ *все*, такъ какъ для лѣниваго мозга легче отрицать, чѣмъ утверждать», и т. д. (II, 449).

«Хорошъ Божій свѣтъ. Одно только не хорошо: мы. Какъ мало въ насъ справедливости и смиренія, какъ дурно мы понимаемъ патріотизмъ. Пьяный, истасканный забулдыга мужъ любитъ свою жену и дѣтей, но что толку отъ этой любви? Мы, говорятъ въ газетахъ, любимъ нашу великую родину, но въ чемъ выражается эта любовь? Вмѣсто знаній—нахальство и самомнѣніе паче мѣры,

вмѣсто труда — лѣнь и свинство, справедливости нѣтъ, понятіе о чести не идетъ дальше «чести мундира», мундира, который служитъ обыкновеннымъ украшеніемъ нашихъ скамей для подсудимыхъ. Работать надо, а все остальное къ черту. Главное — надо быть справедливымъ, а остальное все приложится». (III, 146).

Оба тома переписки Чехова чрезвычайно богаты матеріаломъ для характеристики его отношеній къ кругу друзей и литературному міру, для возможнаго проникновенія въ таинственный міръ глубинъ его художественнаго творчества.

Очень долго Чехова преслѣдовала, по собственному его признанію, мысль: «Я дуракъ и самонадѣянный человѣкъ, или же въ самомъ дѣлѣ я организмъ, способный быть хорошимъ писателемъ» (II, 199). Всегда его душѣ присуще настоящее «святое недовольство», когда онъ обозрѣваетъ массу написанныхъ имъ «... очерковъ, фельетоновъ, глупостей, водевилей, скучныхъ исторій, многое множество ошибокъ и несообразностей, пуды исписанной бумаги, академическая премія, житіе Потемкина—и при всемъ томъ нѣтъ ни одной строчки, которая въ моихъ глазахъ имѣла бы серьезное значеніе. Была масса форсированной работы, но не было ни одной минуты серьезнаго труда». Онъ испытываетъ самъ къ себѣ чувство жалости и чувство особой зависти къ чужимъ трудамъ: «Мнѣ надо учиться, учить все съ самаго начала, ибо я, какъ литераторъ, круглый невѣжда; мнѣ надо писать добросовѣстно, съ чувствомъ, съ толкомъ, писать не по пяти листовъ въ мѣсяцъ, а одинъ листъ въ пять мѣсяцевъ» (II, 451). Въ концѣ концовъ беретъ верхъ чувство увѣренности и надежды: «при всемъ моемъ желаніи взглянуть на себя и на Короленко окомъ пессимиста и повѣсить носъ на квинту, я все-таки не унываю ни одной минуты» (II, 396).

---

[1]) Въ приложеніи къ III тому напечатанъ не вошедшій въ собраніе сочиненій Чехова фельетонъ, подписанный псевдонимомъ Кисляевъ и представляющій любопытный pendant къ вылазкамъ Чехова противъ претенціозно скучной, шаблонно либеральной и лѣнивой, неспособной къ работѣ части русской интеллигенціи. „А между тѣмъ, вѣдь, я могъ бы учиться и знать все; если бы я совлекъ съ себя азіата, то могъ бы изучить и полюбить европейскую культуру, торговлю, ремесла, сельское хозяйство, литературу, музыку, живопись, архитектуру, гигіену; я могъ бы строить въ Москвѣ отличныя мостовыя, торговать съ Китаемъ и Персіей, уменьшить процентъ смертности, бороться съ невѣжествомъ, развратомъ и со всякою мерзостью, которая такъ мѣшаетъ намъ жить; я могъ бы быть скромнымъ, привѣтлымъ, веселымъ, радушнымъ; я бы могъ искренно радоваться всякому чужому успѣху такъ какъ всякій, даже маленькій успѣхъ есть уже шагъ къ счастію и правдѣ.—Да, я могъ бы! Могъ-бы! Но я гнилая тряпка, дрянь, кислятина, я—московскій Гамлетъ. Тащите меня на Ваганьково!

Въ письмахъ обоихъ томовъ рельефно обрисовано то основное, что было въ Чеховѣ и что заставляло его—нѣсколько брезгливо—сторониться всѣхъ партійныхъ и кружковыхъ дѣленій литературы того времени. Ему присуще какое-то чутье того факта, что художнику можетъ быть тѣсно въ рамкахъ общественно-политическихъ временныхъ подраздѣленій людей на кружки, что художнику свойственнѣе интересоваться болѣе глубокими психологическими различіями людей и болѣе глубокимъ нравственнымъ ихъ содержаніемъ, нежели то или иное ихъ, часто формальное и поверхностное, credo.

Чеховъ ищетъ для себя, какъ для художника, опоры въ иной плоскости, нежели та, въ которой идетъ борьба общественно-политическихъ кружковыхъ мнѣній. «Неужели вы, — спрашиваетъ онъ въ одномъ письмѣ Суворина (по поводу «Скучной исторіи»)—такъ цѣните вообще какія бы то ни было мнѣнія, что только въ нихъ видите центръ тяжести, а не въ манерѣ высказыванія ихъ, не въ ихъ происхожденіи и проч.? Значитъ и «Disciple» Бурже публицистика? Для меня, какъ автора, всѣ эти мнѣнія по своей сущности не имѣютъ никакой цѣны. Дѣло не въ сущности ихъ; она перемѣнчива и не нова. Вся суть въ природѣ этихъ мнѣній, въ ихъ зависимости отъ внѣшнихъ вліяній и проч. Ихъ нужно разсматривать, какъ вещи, какъ симптомы, совершенно объективно, не стараясь ни соглашаться съ ними, ни оспаривать ихъ» (II, 416). «Художникъ долженъ быть не судьей своихъ персонажей и того, о чемъ говорятъ они, а только безпристрастнымъ свидѣтелемъ. Я слышалъ безпорядочный, ничего не рѣшающій разговоръ двухъ русскихъ людей о пессимизмѣ (рѣчь о разсказѣ «Огни») и долженъ передать этотъ разговоръ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ слышалъ, а дѣлать оцѣнку ему будутъ присяжные» (то есть читатели, II, 101). Онъ неоднократно возвращается къ положенію, что художникъ только ставитъ вопросы, рѣшеніе которыхъ внѣ сферы его творчества, и только тогда онъ можетъ достичь настоящей внутренней свободы, безъ которой невозможно и самое творчество, если оно не превращается въ ремесло очень скучное и безполезное.

«*Чувство личной свободы*», говоритъ онъ, подчеркивая эти слова:—это чувство стало разгораться во мнѣ только недавно. Раньше его у меня не было; его замѣняли съ успѣхомъ мое легкомысліе, небрежность и неуваженіе къ дѣлу», и далѣе слѣдуетъ изліяніе, въ которомъ чувствуется нѣчто глубоко личное. «Что писатели дворяне брали у природы даромъ, то разночинцы покупаютъ цѣною молодости. Напишите-ка разсказъ о томъ, какъ молодой человѣкъ, сынъ крѣпостного, бывшій лавочникъ, пѣвчій, гимназистъ

и студентъ, воспитанный на чинопочитаніи, цѣлованіи поповскихъ рукъ, поклоненіи чужимъ мыслямъ, благодарившій за каждый кусокъ хлѣба, много разъ сѣченный, ходившій по урокамъ безъ калошъ, дравшійся, мучившій животныхъ, любившій обѣдать у богатыхъ родственниковъ, лицемѣрившій и Богу, и людямъ безъ всякой надобности, только изъ сознанія своего ничтожества—напишите, какъ этотъ молодой человѣкъ выдавливаетъ изъ себя по каплямъ раба и какъ онъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, чувствуетъ, что въ его жилахъ течетъ уже не рабская кровь, а настоящая человѣческая...» (II, 283).

Повидимому, такое же развитіе прошелъ и самъ Чеховъ. Завершеніе этого развитія можно видѣть въ уже неоднократно цитированномъ заявленіи въ письмѣ Плещееву: «Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ или консерваторомъ. Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индифферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и—только и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ.

Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ; я вижу ихъ въ наукѣ, литературѣ, среди молодежи... Поэтому я одинаково не питаю особаго пристрастія ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ (террористамъ?—*Ч. В—ій*), ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святое святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновенье, любовь и абсолютнѣйшая свобода, свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ» (II, 407—408). И онъ, дѣйствительно, ее держался. Какъ гармонируютъ, напр., съ этимъ строки написанныя по поводу смерти министра Толстого: «Я слышу, какъ радуются смерти Толстого, и мнѣ эта радость представляется большимъ звѣрствомъ. Не вѣрю я въ будущее тѣхъ христіанъ, которые, ненавидя жандармовъ, въ то же время привѣтствуютъ чужую смерть и въ смерти видятъ ангела-избавителя. Вы не можете себѣ представить, до чего выходитъ противно, когда этой смерти радуются женщины» (II, 354).

Въ этихъ и аналогичныхъ строкахъ живо чувствуется великая мысль, что большимъ и свободнымъ художникомъ, дѣйствительно, можетъ быть только человѣкъ большаго нравственнаго чутья и сердца.

Въ своихъ отзывахъ о замѣчательныхъ людяхъ литературы Чеховъ обрисовывается неизмѣнно независимымъ человѣкомъ,

смѣло и откровенно высказывающимъ свое мнѣніе, какъ бы оно ни расходилось съ общепринятыми. Ему непонятны и чужды «Живыя цифры» Глѣба Успенскаго, такъ трогавшія В. Г. Короленка, къ которому такъ и тянется Чеховъ этого періода. Чехову чуждъ и непріятенъ Достоевскій, холоденъ и искусственъ кажется Гончаровъ, хотя въ немъ онъ признаетъ въ десять разъ больше таланта, чѣмъ у себя, и т. д., но онъ внѣ себя отъ восторга, перечитывая Гоголя, и пр.

«Замѣчательны отзывы о Толстомъ. «Крейцерова соната» сперва сильно поразила Чехова. «Неужели вамъ не понравилась Крейцерова соната?—спрашиваетъ онъ Плещеева предъ своею поѣздкою:—Я не скажу, чтобы это была вещь геніальная, вѣчная — тутъ я не судья, но, по моему мнѣнію, въ массѣ всего того, что теперь пишется у насъ и заграницей, едва ли можно найти что нибудь равносильное по важности замысла и красотѣ исполненія. Не говоря уже о художественныхъ достоинствамъ, которыя мѣстами поразительны, спасибо повѣсти за одно то, что она до крайности возбуждаетъ мысль. Читая ее, едва удерживаешься, чтобы не крикнуть: «Это правда», или: «это нелѣпо!» (Ш, 5—6).

Но вскорѣ видимъ уже иное: «до поѣздки «Крейцерова соната» была для меня событіемъ, а теперь она мнѣ смѣшна и кажется безтолковой. Не то я возмужалъ отъ поѣздки, не то съума сошелъ—чортъ меня знаетъ»! (Ш, 151).

«Увы, никогда я не буду толстовцемъ,—читаемъ далѣе—Въ женщинахъ я прежде всего люблю красоту, а въ исторіи человѣчества культуру, выражающуюся въ коврахъ, рессорныхъ экипажахъ и остротѣ мысли. Ахъ, поскорѣе бы сдѣлаться старичкомъ и сидѣть бы за большимъ столомъ» (Ш, 277).

«Смерть подбираетъ людей понемножку. Знаетъ свое дѣло. Напишите пьесу: старый химикъ изобрѣлъ элексиръ безсмертія—15 капель на пріемъ и будешь жить вѣчно; но химикъ разбилъ стклянку съ элексиромъ изъ страха, что будутъ жить вѣчно такіе стервецы, какъ онъ самъ и его жена. Толстой отказываетъ человѣчеству въ безсмертіи, но, Боже мой, сколько тутъ личнаго. Я третьяго дня читалъ его «послѣсловіе» (къ «Крейцеровой сонатѣ»). Убейте меня, но это глупѣе и душнѣе, чѣмъ «Письма къ губернаторшѣ» (Гоголевскія «Выбранныя мѣста»), которыя я презираю. Чортъ бы побралъ философію великихъ міра сего! Всѣ великіе мудрецы деспотичны, какъ генералы, и невѣжливы и неделикатны, какъ генералы, потому что увѣрены въ безнаказанности. Діогенъ плевалъ въ бороды, зная, что ему за это ничего не будетъ; Толстой ругаетъ докторовъ мерзавцами и невѣжничаетъ съ великими вопросами, потому что онъ тотъ

же Діогенъ, котораго въ участокъ не поведешь и въ газетахъ не выругаешь. Итакъ, къ чорту философію великихъ міра сего. Она вся, со всѣми юродивыми послѣсловіями и письмами къ губернаторшѣ, не стоитъ одной кобылки изъ «Холстомѣра» (III, 279—280).

Въ этихъ откликахъ Чехова на старую литературу чувствуется человѣкъ уже совершенно иного поколѣнія, которое будетъ создавать новую литературу, новые литературные вкусы.

Но мѣсто, постепенно отвоевываемое Чеховымъ, давалось ему не легко. Какъ всякій новаторъ, онъ встрѣчаетъ на своемъ пути господство рутины и годами сложившейся кружковой мысли. Эта черта всякой профессіональной обособленной жизни очень его раздражаетъ, и во второмъ и частью третьемъ томѣ разсѣяны иногда крайне рѣзкія и не всегда справедливыя нареканія на людей литературы. «Во всѣхъ нашихъ толстыхъ журналахъ царитъ кружковая, партійная скука. Душно! Не люблю я за это толстые журналы и не соблазняетъ меня работа въ нихъ. Партійность, особливо, если она бездарна и суха, не любитъ свободы и широкаго размаха» (II,15—16). «Всѣ нервны и ревнивы,—характеризуетъ онъ отношенія писателей къ своей средѣ (20), и за немногими исключеніями всѣ литераторы—«бездарны и сунулись въ литературу только потому, что литература представляетъ собой широкое поприще для подхалимства, легкаго заработка и лѣни» (59). Чехову претятъ самые разговоры о профессіональной солидарности писателей: «Чтобы помочь своему коллегѣ, уважать его личность и трудъ, чтобы не сплетничать на него и не завистничать, чтобы не лгать ему и не лицемѣрить передъ нимъ — для всего этого нужно быть не столько молодымъ литераторомъ, сколько вообще человѣкомъ» (82). Эта воинствующая вражда къ кружковщинѣ (противъ которой, сказать между прочимъ, выступало тогда энергично и «Новое Время», само представляя своеобразный и замкнутый «кружокъ», чего не замѣчалъ тогда Чеховъ, зачарованный сиреною-Суворинымъ), эта вражда заставляетъ Чехова высказать такой отзывъ о «Русской Мысли», гдѣ вскорѣ дружески принятый Гольцевымъ, печаталъ рядъ крупныхъ своихъ произведеній: «тамъ сидятъ не литераторы, а копченые сиги, которые столько же понимаютъ въ литературѣ, какъ свиньи въ апельсинахъ. Къ тому же библіографическій отдѣлъ ведетъ тамъ дама. Если дикая утка, которая летитъ въ поднебесьи, можетъ презирать свойскую, которая копается въ навозѣ и лужахъ и думаетъ, что это хорошо, то такъ должны презирать художники и поэты копченыхъ сиговъ. Сердитъ я на Р. М. и на всю московскую литературу!».

Вообще, онъ не устаетъ бичевать скудость литературы и

искусства, то обзывая художниковъ «священнодѣйствующей обезъяной» (209, отзывъ о литературно-художественномъ собраніи въ Москвѣ), то разражаясь такой филиппикой: «русскіе беллетристы глупѣе читателя, герои ихъ блѣдны и ничтожны, третируемая ими жизнь скудна и неинтересна. Русскій писатель живетъ въ водосточной трубѣ, ѣстъ мокрицъ, любитъ халдъ и прачекъ, не знаетъ онъ ни исторіи, ни географіи, ни естественныхъ наукъ, ни религіи родной страны, ни администраціи, ни судопроизводства... однимъ словомъ, черта лысаго не знаетъ. Въ сравненіи съ Бурже онъ гусь лапчатый и ничего больше» (368). Театръ, какъ онъ создался въ тѣхъ же условіяхъ духовной нищеты литературы, «это сыпь, дурная болѣзнь городовъ. Надо гнать эту болѣзнь метлой, но любить ее— это нездорово» (214), или въ другомъ мѣстѣ: «публика, какъ она ни глупа, все-таки въ общемъ умнѣе, искреннѣе и благодушнѣе К... актеровъ и драматурговъ» (215).

Не менѣе раздражаютъ его и претенціозные критики:

«Всѣ разговоры о «художественности» меня только утомляютъ и кажутся мнѣ продолженіемъ все тѣхъ же схоластическихъ бесѣдъ, которыми люди утомляли себя въ средніе вѣка... Если критика, на авторитетъ которой вы ссылаетесь, знаетъ то, что мы съ вами не знаемъ, то, почему она до сихъ поръ молчитъ, отчего не открываетъ намъ истины и непреложные законы? Если бы она знала, то, повѣрьте, давно бы ужъ указала намъ путь, и мы знали бы, что намъ дѣлать, и Фофановъ не сидѣлъ бы въ сумашедшемъ домѣ, Гаршинъ былъ бы живъ до сихъ поръ, Баранцевичъ не хандрилъ бы, и намъ бы не было такъ скучно и нудно, какъ теперь, и васъ не тянуло бы въ театръ, а меня на Сахалинъ. Но критика солидно молчитъ, или же отдѣлывается праздной, дрянной болтовней. Если она представляется вамъ вліятельной, то это только потому, что она глупа, нескромна, дерзка и криклива, потому что она пустая бочка, которую поневолѣ слышишь» (III, 33).

Помимо этихъ общихъ данныхъ о настроеніяхъ Чехова, какъ литератора, въ его перепискѣ разсѣяно множество данныхъ объ отдѣльныхъ его произведеніяхъ, объ отношеніи Чехова къ своимъ героямъ, о томъ, какъ принимались и понимались публикою и друзьями его произведенія, какъ онъ работалъ надъ ними, добиваясь наиболѣе краткаго и содержательнаго выраженія своихъ наблюденій и думъ и т. д. Особенно много мѣста отведено «Иванову» въ письмахъ Суворину и другимъ. Неоднократно упоминается и о романѣ, который писалъ Чеховъ въ тѣ годы. Этотъ романъ приводитъ въ недоумѣніе, какъ М. Чехова, автора біографическаго очерка, предпосылаемаго по частямъ перепискѣ, такъ и другихъ

лицъ, писавшихъ о Чеховѣ. Считаютъ, что романъ этотъ уничтоженъ. Между тѣмъ, фрагменты его давно напечатаны самимъ Чеховымъ. На стр. 236 (II) объ этомъ романѣ мы читаемъ: «Назвалъ я его такъ: «Разсказы изъ жизни моихъ друзей» и пишу его въ формѣ отдѣльныхъ законченныхъ разсказовъ, тѣсно связанныхъ между собою общностью интриги, идеи и дѣйствующихъ лицъ. У каждаго разсказа особое заглавіе». Но именно въ этой формѣ даны Чеховымъ позднѣе напечатанные и связанные единствомъ дѣйствующихъ лицъ и настроенія очень извѣстные разсказы: «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ» и «О любви», съ одними и тѣми же разсказчиками эпизодовъ своей жизни Иваномъ Ивановичемъ, учителемъ Буркинымъ и помѣщикомъ Алехинымъ. Что это дѣйствительно не что иное, какъ «романъ» 1888—89 г.г., подтверждается и такими косвенными соображеніями, какъ то, что въ письмахъ Чехова этого періода неоднократно упоминается нѣкій педагогъ, по обязанностямъ службы неоднократно посѣщавшій квартиру Чеховыхъ для наблюденій за однимъ гимназистомъ, жившимъ въ ней и повидимому послужившій прототипомъ «человѣка въ футлярѣ».

Такъ, помимо богатаго біографическаго матеріала, данныхъ для личной характеристики писателя и его творчества, письма Чехова въ цѣломъ представляютъ далеко еще не во всей полнотѣ отмѣченное нами рѣдкое богатство переживаній и настроеній, мысли и чувства, фактовъ и наблюденій изъ міра литературы, общественности, разнообразныхъ «человѣческихъ документовъ». Близкіе Чехова ничѣмъ лучше не могли почтить память его, какъ изданіемъ этой переписки. Она даетъ все болѣе и болѣе обаятельный и полный жизни образъ писателя и въ то же время богатый матеріалъ для литературнаго критика и историка.

Ч. Вѣтринскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— «Горе отъ ума», комедія. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Жандровская рукопись. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. Изд. Л. Э. Бухгейма. М. 1912. Стр. LXX+151. Ц. 3 руб.

Несмотря на энергичные хлопоты, Грибоѣдову не удалось получить цензурнаго разрѣшенія на напечатаніе полностью «Горе отъ ума». При его жизни были опубликованы лишь отрывки изъ комедіи въ изданномъ въ 1825 году Булгаринымъ альманахѣ «Русская Талія», при чемъ текстъ былъ значительно искаженъ цензурою. Такимъ образомъ, мы не располагаемъ авторскимъ печатнымъ текстомъ, при изданіи комедіи приходится обращаться къ другимъ источникамъ, вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ вопросъ, какой же изъ нихъ долженъ быть положенъ въ основу текста? Этотъ вопросъ, усложненный тѣмъ, что надъ «Горемъ отъ ума» Грибоѣдовъ работалъ продолжительное время и текстъ, пройдя эволюцію, имѣлъ нѣсколько редакцій,—до сихъ поръ не былъ разрѣшенъ и выясненъ въ полной мѣрѣ. Для изслѣдованія текста прежде всего важна единственная дошедшая до насъ Грибоѣдовская рукопись комедіи, подаренная имъ Бѣгичеву и хранящаяся теперь въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ. Эта рукопись, извѣстная подъ названіемъ—Музейный автографъ, представляетъ собою раннюю редакцію, относимую къ 1823 г. Позднѣйшія редакціи сохранились лишь въ спискахъ, изъ которыхъ важны два, какъ просмотрѣнные и исправленные самимъ Грибоѣдовымъ и тѣмъ самымъ авторизованные. Первый списокъ—Жандровская рукопись, относимая къ 1824 г., находится также въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, второй—Булгаринскій списокъ 1828 г. хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Музейный автографъ былъ тщательно изслѣдованъ и напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ 1903 г. Булгаринскій списокъ неоднократно воспроизводился въ печати. Жандровская рукопись была извѣстна изслѣдователямъ Грибоѣдова, но полностью опубликовывается впервые Н. К. Пиксановымъ. Напечатана она очень тщательно, съ буквальной точностью, съ соблюденіемъ языка, орѳографіи и пунктуаціи оригинала; варіанты даны не отдѣльно отъ текста, а занесены на немъ, что требовало примѣненія особаго, довольно труднаго, техни-

ческаго типографскаго способа и на много усложняло работу редактора; написанное Грибоѣдовымъ—не только цѣлыя страницы, фразы, отдѣльныя слова, но и буквенныя исправленія,—набраны другимъ шрифтомъ, чѣмъ весь текстъ, слова и буквы, зачеркнутыя авторомъ, зачеркнуты и въ текстѣ изданія и т. п. Благодаря этому, предъ нами ясно вырисовываются всѣ поправки, сдѣланныя Грибоѣдовымъ при просмотрѣ списка. Находящіяся въ рукописи 4 страницы, написанныя цѣликомъ рукою Грибоѣдова, воспроизведены впервые въ изданіи при помощи фотографіи. Кромѣ того, данъ снимокъ съ одной страницы, писанной переписчикомъ, на которой Грибоѣдовымъ сдѣланы поправки. Способомъ, примѣненнымъ Н. К. Пиксановымъ, уже пользовались при воспроизведеніи текстовъ, но онъ впервые примѣненъ къ изданію столь обширной рукописи. Этотъ способъ, имѣя свои недостатки, напримѣръ, не предохраняя отъ опечатокъ, какъ бы ни была тщательна корректура, уступая фототипическому,—гораздо лучше употребляемаго обычно описательнаго, такъ какъ даетъ болѣе ясное представленіе о рукописи, позволяетъ наглядно слѣдить за эволюціей текста. У насъ еще только начинается работа надъ текстомъ писателей XIX вѣка, еще не выработаны окончательно методы печатанія. Въ виду этого, выпущенное Н. К. Пискановымъ изданіе Жандровской рукописи, интересное въ методологическомъ отношеніи, заслуживаетъ вниманія не только изучающихъ Грибоѣдова, но и вообще изслѣдователей текстовъ.

Съ Жандровской рукописью было свѣрено изданіе комедіи, выпущенное Н. Тибленомъ въ 1862 г., но очень небрежно. Изучавшимъ текстъ «Горе отъ ума» въ 70-хъ годахъ И. Д. Гарусову и А. Н. Веселовскому подлинникъ Жандровской рукописи не былъ доступенъ. По словамъ И. А. Шляпкина, она была использована въ редактируемомъ имъ изданіи сочиненій Грибоѣдова, вышедшемъ въ 1889 г., но сличеніе приводимыхъ редакторомъ варіантовъ изъ этой рукописи съ оригиналомъ обнаруживаетъ, что большинство ихъ взято не изъ Жандровской рукописи. В. Е. Якушкинъ, изслѣдовавшій и издавшій очень тщательно Музейный автографъ, сдѣлавшій нѣсколько цѣнныхъ сопоставленій ранняго текста съ Жандровской рукописью и замѣчаній о значеніи ея, допустилъ по отношенію къ ней не научный пріемъ: онъ обращался къ подлиннику лишь въ тѣхъ мѣстахъ, которыя исправлены рукою Грибоѣдова, въ остальныхъ же случаяхъ, положившись на И. А. Шляпкина, пользовался его не точнымъ и не достовѣрнымъ текстомъ.

Такимъ образомъ, Жандровская рукопись была недостаточно изучена, о ней сообщались невѣрныя свѣдѣнія, не было вполнѣ выяснено ея значеніе для изслѣдованія текста «Горя отъ ума», не

отведено ей опредѣленнаго мѣста среди другихъ текстовыхъ источниковъ. Эта очередная задача изученія Грибоѣдова теперь выполнена Н. К. Пиксановымъ, который съ большою внимательностью и тщательностью изслѣдовалъ Жандровскую рукопись въ связи съ текстами Музейнаго автографа и другихъ списковъ, вскрылъ рядъ ошибокъ предыдущихъ работниковъ, разсмотрѣлъ печатные тексты комедіи, начиная съ солидныхъ изданій, кончая популярнымъ изданіемъ «Всеобщей Библіотеки»,—въ общемъ давъ въ обширной вступительной статьѣ къ изданію цѣнное текстовое изслѣдованіе, значительно проясняющее запутанный и недостаточно изученный вопросъ о текстѣ комедіи.

Опредѣляя значеніе Жандровской рукописи. Н. К. Пиксановъ совершенно правильно указываетъ на цѣнность ея въ томъ отношеніи, что она, будучи авторизована въ большей степени, чѣмъ Булгаринскій списокъ, потверждаетъ полную достовѣрность этого источника, который долженъ лечь въ основу текста «Горя отъ ума». Этотъ выводъ существененъ, такъ какъ разрушаетъ довольно распространенное мнѣніе о недостовѣрности Булгаринскаго списка, который несправедливо былъ скомпрометированъ И. Д. Гарусовымъ. Это мнѣніе неблагопріятно отражалось на изданіяхъ «Горя отъ ума», вызывало крупныя ошибки: сомнѣваясь въ достовѣрности Булгаринскаго списка, нѣкоторые редакторы давали сводный текстъ, вставляя въ позднѣйшую редакцію этого списка мѣста изъ ранней редакціи Музейнаго автографа, отвергнутыя Грибоѣдовымъ при передѣлкѣ комедіи. Такой неправильный, недопустимый съ научной точки зрѣнія, текстъ былъ напечатанъ Ю. Э. Озаровскимъ въ 1905 г., и принятъ, съ незначительными измѣненіями Московскимъ Художественнымъ театромъ.

Допуская возможность того, что послѣ пересмотра Булгаринскаго списка «Грибоѣдовъ пересматривалъ вновь свое твореніе и сдѣлалъ на рукописи какія-либо отмѣтки», Н. К. Пиксановъ, анулируетъ это замѣчаніе и говоритъ далѣе: «впрочемъ, съ глубокой увѣренностью можно утверждать, что существенныхъ измѣненій текстъ тогда не испытывалъ и *не могъ* уже испытать». Онъ приходитъ къ выводу, что мы располагаемъ не только вполнѣ достовѣрнымъ авторскимъ, но и *дефинитивнымъ* въ полномъ смыслѣ этого слова текстомъ. Почти полная тождественность окончательнаго текста Жандровской рукописи 1824 г. съ Булгаринскимъ спискомъ 1828 г. свидѣтельствуетъ, что текстъ комедіи прочно зафиксировался въ художественномъ сознаніи Грибоѣдова, отлился въ окончательную форму, что онъ замкнулъ кругъ творческихъ усилій. Наконецъ, трудно предположить, чтобы Грибоѣдовъ, не внося какихъ либо существенныхъ измѣненій въ текстъ на протяженіи 4 лѣтъ,

отдѣляющихъ Жандровскую рукопись отъ Булгаринскаго списка, тѣмъ самымъ прочно зафиксировавъ текстъ, въ оставшіяся послѣ просмотра послѣдняго списка немногіе мѣсяцы жизни, когда онъ несъ тяжелую и отнимающую много времени службу, — снова обратился бы къ комедіи и сдѣлалъ бы въ ея текстѣ исправленія и измѣненія. Хотя эти соображенія говорятъ за выводъ Н. К. Пиксанова, за то, что мы дѣйствительно располагаемъ *дефинитивнымъ* въ полномъ смыслѣ этого слова текстомъ «Горя отъ ума», но полной увѣренности въ томъ, что поэтъ послѣ 1828 г. уже не вносилъ измѣненій въ текстъ, у насъ, за отсутствіемъ фактическихъ данныхъ, всетаки, нѣтъ, и въ виду этого, въ силу осторожности, присущей научной работѣ, необходимо было снабдить оговоркой заключеніе о наличности дефинитивнаго текста «Горя отъ ума».

А. Фоминъ.

— Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. Гершензона. Т. I. Москва, 1913. Изд. «Путь». Цѣна за 2 тома 5 рублей.

Предисловіе редактора поясняетъ прежде всего, почему онъ не называетъ собранія сочиненій и писемъ Чаадаева полнымъ: утрачены или остаются подъ спудомъ не только большая доля частныхъ писемъ Чаадаева и «отрывки», находившіеся въ распоряженіи редакціи «Вѣстника Европы» въ семидесятыхъ годахъ, но—что важнѣе—и нѣкоторыя изъ его «философическихъ писемъ», можетъ быть, даже основныя. Въ настоящее изданіе вошли всѣ произведенія и письма Чаадаева, появлявшіяся въ печати, а также разысканныя редакторомъ; включены также «показанія» Чаадаева на допросахъ 1826 и 1836 г.г. и его завѣщаніе. Главнымъ обогащеніемъ изданія являются мистическій дневникъ Чаадаева, воспроизводимый съ подлинника, и «Отрывки», печатаемые съ копіи, хранящейся въ рукописномъ отдѣленіи Ак. Наукъ. Кромѣ того собрано довольно много частныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ, писемъ Чаадаева. Изъ 185 номеровъ, составляющихъ текстъ изданія, 91 печатаются въ первый разъ, не считая варіантовъ, которые войдутъ во второй томъ, и 24 писемъ и документовъ разныхъ лицъ, которые, также впервые, приведены въ примѣчаніяхъ: это—письма Н. И. Тургенева, И. Д. Якушкина, письмо неизвѣстнаго, содержащее возраженія на философическое письмо Чаадаева, письма Шеллинга, Самарина, Погодина и др. Кромѣ того, 8 писемъ Чаадаева, раньше опубликованныхъ только въ русскомъ переводѣ, воспроизводятся впервые въ подлинникѣ, т. е. по французски.—Уже эти внѣшнія

данныя говорятъ, какъ много поработалъ редакторъ, авторъ извѣстной книги о Чаадаевѣ, надъ собраніемъ его сочиненій. Оно производитъ впечатлѣніе исключительной тщательности и любовнаго вниманія, и явится, вѣроятно, на очень долгое время исчерпывающимъ предметъ, какъ со стороны полноты, такъ и со стороны обстоятельнаго коментарія, датировки, поясненія лицъ и событій, упоминаемыхъ въ письмахъ, и т. п. Письма, воспроизводимыя съ подлинниковъ, особенно раннія письма на русскомъ языкѣ, читаются, однако, не вполнѣ бѣгло, вслѣдствіе того, что редакторъ сохранилъ въ точности ихъ крайне капризную и неустойчивую орѳографію. Кажется, не было бы надобности сохранять въ неприкосновенности такія начертанія словъ, какъ «необыкновѣнный», «отъ куды», «розказъ», «вприотчемъ», «писмѣнный», «совѣршенно», «піешъ» и т. п. Всѣмъ этимъ рѣжетъ глазъ и пестритъ каждая страница и строка: явныя неправильности вполнѣ достаточно было бы оговорить въ примѣчаніяхъ, сохранивъ въ текстѣ лишь характерное и точную послѣдовательность словъ, конструкцію фразъ, которая и придаетъ рѣчи Чаадаева—музыку и характерный, нѣсколько архаическій, тонъ.

— Кн. В. Ѳ. Одоевскій. Русскія ночи. Подъ редакціей С. А. Цвѣткова. Изд. «Путь». Москва, 1913. Цѣна 2 руб.

«Русскія Ночи» князя Одоевскаго принадлежатъ къ числу произведеній, постоянно упоминаемыхъ во всѣхъ работахъ по исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ, но извѣстныхъ большинству только изъ вторыхъ рукъ. Въ полномъ видѣ онѣ появились въ собраніи сочиненій Одоевскаго 1844 года и затѣмъ еще ни разу не перепечатывались, если не считать отдѣльныхъ главъ, воспроизведенныхъ въ книжечкахъ «Дешевой Библіотеки» Суворина. Новое изданіе повторяетъ полностью изданіе 1844 года, съ присоединеніемъ предисловія и примѣчанія Одоевскаго, которыя онъ предназначалъ для подготовлявшагося имъ новаго собранія сочиненій (оно не состоялось за смертію автора). Кромѣ того, въ текстъ «Русскихъ ночей» новый редакторъ ввелъ сдѣланныя самимъ авторомъ поправки и дополненія. Предисловіе къ несостоявшемуся собранію и примѣчаніе къ «Русскимъ ночамъ» равно интересны и живы. Въ своеобразной, лишь нѣсколько устарѣлой формѣ, они говорятъ о томъ, что и доселѣ является неразрѣшеннымъ, о вѣчномъ стремленіи каждаго человѣческаго духа къ созданію цѣльнаго міровоззрѣнія. Отвѣчая на обвиненія въ случайномъ и пестромъ энциклопедизмѣ своей дѣятельности, Одоевскій напоминаетъ, что его юность протекла «въ ту эпоху, когда метафизика была такою же

общею атмосферою, какъ нынѣ политическія науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствамъ которой возможно было бы строить (мы говорили—конструировать) всѣ явленія Природы, точно такъ, какъ теперь вѣрятъ въ возможность такой соціальной формы, которая бы вполнѣ удовлетворяла всѣмъ потребностямъ человѣка». Основное, что было въ стремленіяхъ Одоевскаго и другихъ любомудровъ 20-хъ и тридцатыхъ годовъ, стремленіе къ единству міропониманія, отраженіе тенденцій» вѣка, который если не нашелъ, то, по крайней мѣрѣ, ищетъ возсоединенія всѣхъ раздробленныхъ частей знанія». «Пока еще не образовалась наука общечеловѣческая, необходимо, чтобы каждый человѣкъ, отбросивъ схоластическія пеленки, образовалъ для себя, для круга своей дѣятельности, соразмѣрно пространству своего разумѣнія, свою особую науку, науку безымянную, которую нельзя подвести ни подъ какую цѣльную рубрику» (12). Примѣчаніе даетъ еще нѣсколько характерныхъ поясненій и любопытныхъ признаній кн. Одоевскаго, важныхъ для истиннаго пониманія его «Русскихъ ночей». Отвѣчая на упреки въ подражаніи Гофману, Одоевскій поясняетъ, что когда задумывалъ свое произведеніе, онъ еще не зналъ «Серапіоновыхъ братьевъ» Гофмана, съ которыми совпадаетъ форма «ночей». Первоначальной мечтой автора, находившагося подъ вліяніемъ чтенія Платона, было созданіе цѣльной системы, разрѣшающей въ формѣ драмы, съ дѣйствующими лицами—философами міра отъ элеатовъ до Шеллинга, задачу человѣческой жизни. Съ теченіемъ времени и мысли, эта мечта, конечно, значительно сузилась, и, какъ поясняетъ Одоевскій, «вмѣсто Ѳалеса, Платона и проч. на сцену явились современные тогда типы: кондильякистъ, шеллингіанецъ и наконецъ мистикъ (Фаустъ), всѣ трое —въ струѣ русскаго духа; послѣдній подсмѣивается надъ тѣмъ и другимъ направленіемъ, но и самъ не высказываетъ своего рѣшенія, можетъ быть потому, что оно для него такъ же не существуетъ, какъ для другихъ,—но который удовлетворяется символизмомъ» (20). Въ «Русскихъ ночахъ» и развернуты были княземъ Одоевскимъ вѣчныя проблемы человѣческой жизни, въ былой постановкѣ ихъ; формулировка и отвѣты могутъ насъ нисколько не удовлетворять, но въ его произведеніи чувствуется и захватываетъ самое это тяготѣніе къ даннымъ вопросамъ. Едва ли не лучшее опредѣленіе историческаго значенія этихъ разсказовъ, фантазій и философическихъ размышленій, дано въ концѣ «примѣчанія» самимъ авторомъ: «Въ «Русскихъ ночахъ» читатель найдетъ довольно вѣрную картину той умственной дѣятельности, которой предавалась московская молодежь 20-хъ и 30-хъ годовъ, о чемъ почти не сохранилось другихъ свѣ-

дѣній. Между тѣмъ, эта эпоха имѣла свое значеніе; кипѣли тысячи вопросовъ, сомнѣній, догадокъ—которые снова, но съ большею опредѣленностью возбудились въ настоящее время; вопросы чисто философскіе, экономическіе, житейскіе, народные, нынѣ насъ занимающіе, занимали людей и тогда, и много, много выговореннаго нынѣ и прямо, и вкривь, и вкось, даже недавній славянофилизмъ, все это уже шевелилось въ ту эпоху, какъ развивающійся зародышъ. Новому поколѣнію не худо знать, какъ понимались эти вопросы поколѣніемъ, ему предшествовавшимъ, какъ и съ чѣмъ оно боролось и чѣмъ страдало;—какъ вырабатывались и хорошіе, и плохіе матеріалы, доставшіеся на трудъ новымъ дѣятелямъ. Исторія человѣческой работы принадлежитъ человѣчеству» (21—22). Здѣсь необходима только небольшая поправка. Дѣйствительно, когда кн. Одоевскій писалъ эти строки, духовная жизнь поколѣнія 20-хъ и 30-хъ годовъ не была изучена и освѣщена такъ, какъ сдѣлано это теперь. Но «Русскія Ночи» доселѣ не утратили своего значенія, какъ живое и всѣмъ доступное по формѣ введеніе въ эту жизнь.—Изданіе шрифтомъ и заголовками напоминаетъ изданія тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ и заслуживаетъ полной признательности. Къ сожалѣнію, оно не свободно отъ досадныхъ опечатокъ, и могло бы быть выпущено по болѣе дешевой цѣнѣ.

— П. Е. Щеголевъ. Историческіе этюды. Спб. изд. «Шиповникъ». 1913. Ц. 3 р. Стр. 442.

Въ сборникѣ г. Щеголева мы находимъ серію его статей, появившихся въ историко-литературныхъ изданіяхъ не очень давняго времени. Всѣ онѣ, за исключеніемъ первой: «А. Н. Радищевъ въ 1789 году», основаны на архивныхъ данныхъ, которыя авторъ для отдѣльнаго изданія частью пересмотрѣлъ и дополнилъ. Весьма внимательный и вдумчивый изслѣдователь, г. Щеголевъ въ каждомъ изъ своихъ этюдовъ устанавливаетъ новые, иногда весьма существенные факты для изученія предмета, статья о Радищевѣ говоритъ о журналѣ «Бесѣдующій гражданинъ», въ которомъ сотрудничалъ авторъ знаменитаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», и убѣдительно доказываетъ, что Радищевъ не принималъ участія въ «Почтѣ Духовъ» Крылова. Три статьи о дѣтствѣ Гоголя представляютъ собою въ сущности начало весьма обширной и детальной біографіи Гоголя, основанное на изученіи семейнаго архива Гоголей. Можно пожалѣть, что эта біографія не продолжена авторомъ. Помимо тщательно разсмотрѣннаго и освѣщеннаго фактическаго матеріала, читатель находитъ здѣсь весьма существенныя и инте-

ресныя соображенія о психологическихъ чертахъ души Гоголя, какія раскрываются намъ при изученіи среды его дѣтства и его раннихъ лѣтъ. Таковы указанія на раннее развитіе въ Гоголѣ, вопервыхъ, привычки—«проектировать содержаніе своихъ писемъ въ душѣ своего читателя», развитіе огромнаго самоуваженія и повышенной объективной оцѣнки собственной личности и своихъ переживаній, наконецъ развитіе страсти къ игрѣ: «изъ неразличимости переживаній жизненныхъ и переживаній въ игрѣ вырастало художественное творчество Гоголя».—Слѣдующая статья посвящена судьбѣ Семена Олейничука, вольно-отпущеннаго изъ крестьянъ, который на 51 году жизни попалъ въ руки полиціи и за нахожденіе при немъ черновой рукописи, содержавшей яркое осужденіе крѣпостнаго права, посаженъ въ 1849 г. въ Шлиссельбургскую крѣпость, по Высочайшему повелѣнію, безо всякаго суда. Судить его было не за что, карали за то, что онъ могъ бы совершить... Въ крѣпости онъ и умеръ въ 1852 г.

Олейничукъ былъ однимъ изъ типическихъ представителей крѣпостной интеллигенціи, не забывшей о своемъ происхожденіи и братьяхъ-крѣпостныхъ, и суховатый пересказъ его судьбы краснорѣчивъ во всей своей краткости.

Остальныя пять статей сборника г. Щеголева всѣ относятся къ изысканіямъ въ области дѣлъ декабристовъ, начиная съ «перваго декабриста» Владимира Раевскаго, и кончая замѣткой о «женахъ декабристовъ». Все это равно интересно и живо, и сквозь простую рѣчь г. Щеголева вездѣ сквозитъ опредѣленное настроеніе историка, съ чутко развитымъ чувствомъ гражданскаго долга и интереса. Привѣтствуя появленіе этихъ неизмѣнно интересныхъ «этюдовъ», мы, ужъ не знаемъ въ который разъ, принуждены повторить нашъ обычный упрекъ авторамъ и издателямъ книгъ историческаго и историко-литературнаго содержанія: къ книгѣ не приложено указателя именъ, обычная русская оплошность, неделикатность, по отношенію къ тѣмъ, кто будетъ пользоваться книгой не для бѣглаго только просмотра.

Ч. В—скій.

— В. А. Бутенко. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи. Спб. 1913. Томъ I (1814—1820).

Читатели «Вѣстника Европы» уже могли познакомиться съ одною, правда, очень небольшою частью этой книги по статьѣ о такъ называемой «безподобной палатѣ», помѣщенной у насъ въ мартовской книжкѣ,—статьѣ, соотвѣтствующей одной изъ главъ труда г. Бутенка. И вся книга въ цѣломъ, заслуживаетъ вниманія чита-

телей и по своей темѣ, и по достоинствамъ ея разработки. Несмотря на обширную литературу по эпохѣ реставраціи, многое въ исторіи этой эпохи остается мало разработаннымъ и даже иногда едва только затронутымъ, а между тѣмъ эпоха очень интересна, и знакомство съ нею имѣетъ для русскаго читателя особый интересъ, такъ какъ и мы переживаемъ реакцію, нѣкоторыми своими чертами напоминающую времена реставраціи во Франціи. Авторъ изъ исторіи этой эпохи взялъ для своего изслѣдованія только одинъ вопросъ, именно возникновеніе и развитіе во Франціи либеральной партіи, и разработалъ его, въ значительной мѣрѣ, на основаніи неизданнаго, рукописнаго матеріала, найденнаго имъ, главнымъ образомъ, въ парижскомъ Національномъ архивѣ. Благодаря новому матеріалу, положенному въ основу книги, содержаніе ея отличается значительною свѣжестью. Другое достоинство автора—полный объективизмъ изложенія. Г. Бутенко противополагаетъ научно-историческое пониманіе господствовавшему раньше партійно-политическому, что заставляетъ его критически относиться къ показаніямъ и сужденіямъ прежнихъ историковъ реставраціи вообще и тогдашняго либерализма въ частности. Большимъ достоинствомъ книги является также ея изложеніе, отличающееся литературностью при всей учености автора, заключающейся въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, очень цѣнныхъ по массѣ выдержекъ изъ архивныхъ документовъ. Нѣкоторые изъ такихъ документовъ помѣщены, кромѣ того, въ приложеніяхъ, къ числу которыхъ нужно отнести еще три, прекрасно исполненныя въ краскахъ, карты выборовъ въ палату депутатовъ въ первые годы реставраціи. Нельзя не пожелать труду г. Бутенко успѣха, а главное — чтобы второй томъ не заставилъ себя долго ждать. Къ вышедшему пока въ свѣтъ первому тому мы еще вернемся въ недалекомъ будущемъ.

— Е. В. Тарле. Континентальная блокада. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона (съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ). Москва. 1913.

Исторія знаменитой наполеоновской континентальной блокады до сихъ поръ остается разработанной очень мало, не смотря на свое громадное значеніе въ исторіи эпохи. Въ континентальной блокадѣ нужно различать политическую и экономическую стороны. Первая изъ нихъ всегда привлекала къ себѣ вниманіе историковъ, хотя и не въ достаточной мѣрѣ, тогда какъ сторона экономическая оставалась въ тѣни, и въ этомъ, собственно, заключался главный

пробѣлъ въ исторіографіи наполеоновской эпохи, вообще, впрочемъ, мало изслѣдованной въ экономическомъ отношеніи. Проф. Тарле своимъ трудомъ, въ значительной мѣрѣ, восполняетъ этотъ пробѣлъ, за что историческая наука не можетъ не быть ему благодарна. Матеріалъ, положенный въ основу книги, собирался авторомъ въ цѣломъ рядѣ западно-европейскихъ архивовъ. Онъ работалъ и въ нѣсколькихъ архивахъ Франціи (въ національномъ и четырехъ провинціальныхъ), въ архивахъ Лондона, Гааги, Гамбурга, не говоря уже о нѣсколькихъ большихъ библіотекахъ, въ которыхъ знакомился и съ печатнымъ матеріаломъ. Въ результатѣ получился большой томъ съ очень богатымъ фактическимъ содержаніемъ и весьма интересными выводами. Первая часть труда проф. Тарле посвящена внутреннимъ французскимъ отношеніямъ. Въ ней онъ прежде всего разсматриваетъ отношеніе правительственной власти къ промышленнымъ интересамъ Франціи въ эпоху консульства и имперіи, равно какъ основныя тенденціи тогдашнихъ представителей торгово-промышленнаго міра. Авторъ подробно слѣдитъ за тѣмъ, какъ постепенно создалась запретительная политика Наполеона, нашедшая полное свое выраженіе въ континентальной блокадѣ. Особыя главы знакомятъ насъ, кромѣ того, съ формами и состояніемъ французской промышленности за все это время и съ заработною въ ней платою. Вторая часть труда посвящена обзору экономическихъ отношеній между имперіей Наполеона и другими континентальными странами въ эпоху блокады. Въ отдѣльныхъ, хорошо документированныхъ главахъ разсматриваются отношенія имперіи къ Италіи, къ княжеству Бергу, къ ганзейскимъ городамъ, къ другимъ нѣмецкимъ странамъ, къ Голландіи, къ Швейцаріи, къ Испаніи и Португаліи, къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, къ Иллирійскимъ провинціямъ и къ Россіи. Наконецъ, въ третьей части подробно разсматривается состояніе французской промышленности въ эпоху блокады, причемъ особыя главы посвящены промышленному кризису 1810—1811 гг. и отношеніямъ послѣднихъ лѣтъ имперіи. Таково содержаніе труда проф. Тарле, который долженъ обратить на себя вниманіе не только у насъ, но и за границей.

К.

— Масонскіе труды И. В. Лопухина. 1) Духовный рыцарь. 2) Нѣкоторыя черты о внутренней церкви. Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка. Выпускъ I. Изданіе В. Ѳ. Саводника. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Наша литература о русскомъ масонствѣ небогата. Масонскія зданія въ большинствѣ случаевъ до сихъ поръ не опубликованы,

представляютъ изъ себя большую библіографическую рѣдкость и хранятся въ императорской публичной библіотекѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ, въ библіотекѣ Академіи наукъ и въ рукахъ частныхъ лицъ. Саводникъ поставилъ своей задачей изданіе масонскихъ матеріаловъ. Онъ занятъ подготовкой для изданія матеріаловъ характерныхъ для Московскихъ масоновъ, объединявшихся вокругъ Шварца и Новикова. Первый выпускъ матеріаловъ посвященъ И. В. Лопухину. Какъ человѣкъ, Лопухинъ представлялъ изъ себя натуру цѣльную, у котораго слово не расходилось съ дѣломъ, и глубоко религіозную. Дѣятельность его была главнымъ образомъ филантропическая, онъ никому не отказывалъ изъ обращавшихся къ нему за помощью. Когда началось преслѣдованіе масоновъ въ 1792 году, Лопухинъ былъ назначенъ въ ссылку, но оставленъ въ Москвѣ ради престарѣлаго отца. Въ матеріалахъ мы находимъ рядъ статей, объединенныхъ подъ общими заглавіями: «Духовный рыцарь» и «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви». Съ «Духовнаго рыцаря» Лопухина было сдѣлано два нѣмецкихъ перевода, и они пользовались въ Германіи большимъ уваженіемъ. Написанный въ началѣ по французски духовный рыцарь былъ изданъ по русски тайно и раздавался только членамъ ложи. И «Духовный рыцарь» и «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви» перепечатаны съ послѣднихъ изданій, причемъ сохранено правописаніе и даже шрифтъ конца XVIII столѣтія. Произведенія эти пишутся Лопухинымъ въ моментъ особаго вдохновенія. Вотъ какъ онъ о нихъ разсказываетъ: сочиненіе «Духовный рыцарь» написано меньше, нежели въ сутки и безъ всякаго приготовленія. «Вдругъ родилась у сочинителя мысль написать его—и планъ составился въ такой формѣ. Это случилось во время прогулки. Сочинитель спѣшилъ возвратиться домой и сряду нѣсколько часовъ писалъ, почти не переставая... Геній добрый, конечно, внушилъ сіе сочиненіе: ибо въ немъ все побуждаетъ къ Богопознанію, къ добродѣтели и къ лучшему исполненію всѣхъ обязанностей». Въ «Духовномъ рыцарѣ» мы находимъ подробное описаніе ритуала при введеніи въ ложу. Здѣсь описанъ и костюмъ вводимаго въ ложу, и обстановка, необходимая при введеніи, всѣ обряды и бесѣды, которыя велись передъ принятіемъ въ ложу. Что же касается статей, объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви», то по нимъ можно судить о мірозерцаніи Лопухина и близкаго къ нему кружка Московскихъ масоновъ. Съ первыхъ же строкъ Лопухинъ старается подтвердить свою лойяльность. Такъ въ катихизисѣ находимъ: «истинный франкмасонъ долженъ Царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому». Франкмасонство относится отрица-

тельно къ просвѣтительной литературѣ XVIII вѣка. «Дѣйствительныя орудія посредственныя и проповѣдямъ къ богопротивной сей церкви суть: оные модные философы, которые тщатся доказывать, что душа смертна; что самолюбіе должно быть основаніемъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ; что христіанство фанатизмъ; и сіе утверждаютъ они для невѣждъ примѣрами фанатиковъ, называющихся христіанами... Сіи то вредные пустоловы, прелестными для плоти писаніями своими, много содѣйствовали къ порожденію буйнаго стремленія къ мнимому равенству и своеволію въ противность порядка Небеснаго и земного благоустройства, и въ противность Божественному велѣнію царя чтить и повиноваться властямъ предержащимъ (Римл. VIII). Сей духъ круженія воцарился въ погибающей Франціи». Цѣль франкмасоновъ—это борьба со всѣмъ низменнымъ въ натурѣ человѣка. Проповѣдуется любовь не только къ ближнимъ, но и къ врагамъ: «Члена Христова характеризируетъ любовь». Любить Бога паче всего и ближняго какъ самаго себя или еще болѣе, по примѣру св. Павла, который желая даже быть анафема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа ради своихъ братій. Рим. IX, 3.—Всѣ произведенія Лопухина проникнуты мистицизмомъ, стремленіемъ къ самоусовершенствованію и самоуглубленію. Таинство Ордена можетъ быть извѣстно только тому, который хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣмъ и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцовъ, совсѣмъ тѣмъ могъ бы терпѣливо сносить, и не помогая себѣ, жесточайшую боль; и быть въ готовности на завтра умереть безъ роптанія; также, чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи способами производить богатства, превосходящія богатства всего міра; и имѣя средства бесѣдовать съ ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно Воли источника Свѣта... Однимъ словомъ, ни чѣмъ бы не желалъ наслаждаться и на все рѣшился бы, если бы оно потребно было для исполненія Воли Небеснаго своего Владыки». Одни и тѣ же мысли повторяются Лопухинымъ нѣсколько разъ. Въ подтвержденіе ихъ приводится много текстовъ изъ Евангелія и посланій апостольскихъ. Масоны мало писали сами и ограничивались главнымъ образомъ переводами съ иностраннаго, поэтому произведенія Лопухина особенно цѣнны для насъ, какъ выраженіе взглядовъ русскаго масонства. А. Т.

— К. Военскій. Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 года. Томъ III. Спб., 1912. Стр. LIV+498. Цѣна 5 руб.

Новый томъ обширнаго труда, выпускаемаго неутомимымъ изслѣдователемъ эпохи Отечественной войны, К. А. Военскимъ, по-

священъ событіямъ 1812 г. въ Бѣлоруссіи, въ частности Могилевской губ. Какъ и въ предыдущихъ томахъ (имѣвшихъ своимъ предметомъ Литву, западныя губерніи и Прибалтійскій край), военно-историческимъ даннымъ здѣсь отведено второстепенное мѣсто; главное же вниманіе удѣлено матеріаламъ, имѣющимъ болѣе широкое значеніе. Къ первой категоріи относятся напечатанные въ настоящемъ томѣ (стр. 5—132) документы военно-ученаго архива, собранные въ 30-хъ гг. по программѣ, выработанной А. И. Михайловскимъ-Даниловскимъ; они заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія, доставленныя различными должностными лицами, и записки современниковъ о военныхъ событіяхъ въ Могилевской губ., объ учрежденномъ французами управленіи и т. п. Выдающійся интересъ представляетъ впервые нынѣ опубликованное К. А. Военскимъ (стр. 163—263), хранящееся въ синодальномъ архивѣ дѣло о могилевскомъ архіепископѣ Варлаамѣ (Шишацкомъ), который, по занятіи непріятелемъ 8 іюля 1812 г. Могилева, принесъ присягу Наполеону I и побудилъ къ тому-же членовъ духовной консисторіи и духовенство своей епархіи. Указомъ 5 декабря 1812 г. Имп. Александръ I удалилъ Варлаама отъ управленія могилевскою епархіею и одновременно повелѣлъ синоду произвести, черезъ рязанскаго архіепископа Ѳеофилакта, разслѣдованіе о дѣйствіяхъ его во время непріятельскаго нашествія. Въ результатѣ слѣдствія, которое велось съ большою энергіею и быстротою, состоялся всеподданнѣйшій докладъ синода, Высочайше утвержденный 1 мая 1813 г. архіепископа Варлаама, «яко оказавшагося явнымъ клятвопреступникомъ, а потому нетерпимаго въ семъ санѣ, лишивъ архіепископства и священства, а притомъ отобравъ знаки ордена св. Анны первой степени, оставить только въ монашескомъ чинѣ» 29 іюня 1813 г., въ Черниговѣ, въ каѳедральномъ соборѣ, въ присутствіи монастырскихъ настоятелей и градского духовенства, совершенъ былъ надъ Варлаамомъ обрядъ лишенія сана: онъ былъ введенъ въ соборъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, которое по прочтеніи приговора съ него было снято и замѣнено монашескимъ одѣяніемъ; одновременно съ тѣмъ его обязали подпискою, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, «впредь не только архіереемъ, но ниже іеромонахомъ не именоваться и не писаться, и благословенія рукою никому не преподавать». Затѣмъ онъ былъ отправленъ въ Новгородско-Сѣверскій монастырь, гдѣ спустя десять лѣтъ и скончался. Напечатанное нынѣ слѣдственное дѣло о Варлаамѣ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на руководившія могилевскимъ архіепископомъ побужденія и устраняетъ высказавшіяся въ литературѣ объясненія, будто онъ преслѣдовалъ корыстныя цѣли или имѣлъ честолюбивые замыслы—сдѣлаться православнымъ патріархомъ Бѣлоруссіи, по

присоединеніи ея къ Польшѣ. Въ дышащемъ искренностью показаніи, данномъ архіеп. Ѳеофилакту, Варлаамъ писалъ: «Месть раздраженнаго противу меня врага, конечно, бы излилась и на мою паству, и я бы невольною сдѣлался причиною злоключенія для тѣхъ, за коихъ, въ нужномъ случаѣ, душу свою положить долженъ. По сему-то уваженію рѣшился я обязательства вѣрноподданнаго, по наружности, нарушить, дабы въ самомъ дѣлѣ тѣмъ паче ихъ выполнить, сохраняя въ спокойствіи и тишинѣ врученную мнѣ отъ Монарха моего церковь. Что же я въ мнѣніи своемъ не обманулся, то повидимому доказываютъ Божіи храмы, къ которымъ вражеская рука не прикоснулась, и весь православный народъ съ его духовенствомъ, которымъ за вѣру ихъ никакого ни отъ кого оскорбленія не учинено» (стр. 231). И въ этомъ именно стремленіи Варлаама—во что бы то ни стало, хотя бы цѣною внѣшняго, «по наружности», нарушенія долга «сохранить въ спокойствіи и тишинѣ», уберечь отъ разоренія ввѣренную ему церковь и паству, повидимому, кроется психологическое объясненіе его рокового шага. По сравненію съ злополучнымъ архіепископомъ, не отрекавшимся отъ содѣяннаго и стоически перенесшимъ обрушившуюся на него катастрофу, жалкое впечатлѣніе производитъ другой могилевскій дѣятель—мѣстный губернскій прокуроръ А. Вакаръ, который, не успѣвъ выѣхать изъ города до занятія его французами, если и не принесъ формальной присяги Наполеону I, все же далъ подписку: «въ томъ, что я не буду вреднымъ, подписуюсь». Назначенный на ту-же должность губернскаго прокурора при французскомъ управленіи, онъ не выполнялъ ее лишь вслѣдствіе благопріятно сложившихся для него обстоятельствъ: своей болѣзни, а затѣмъ бѣгства французовъ. Въ книгѣ К. А. Военскаго находимъ извлеченные изъ сенатскаго архива рапорты Вакара и нѣкоторые документы, относящіеся къ возбужденному о немъ дѣлу (стр. 134—160). Чтобы предотвратить или хотя бы ослабить грозившую ему расплату, Вакаръ немедленно по вступленіи русскихъ войскъ въ Могилевъ возобновилъ исполненіе своихъ прежнихъ обязанностей и сталъ забрасывать министра юстиціи рапортами, въ которыхъ ярко описываетъ свои ревностныя заботы о возновленіи русскаго управленія и – безпощадно обвиняетъ *другихъ* въ измѣнѣ долгу вѣрноподданнаго при нашествіи французовъ; что же касается своего собственнаго проступка, Вакаръ упоминаетъ о немъ слегка, какъ о чемъ-то маловажномъ, не стоющемъ вниманія, ограничиваясь ссылками на сочиненіе «господина профессора Василія Кукольника», «согласующееся съ преданіемъ барона Пуффендорфа о естественномъ и народовъ правѣ». Тактика Вакара, повидимому, возымѣла дѣйствіе: онъ отдѣлался только увольненіемъ отъ службы.

Въ видѣ особаго приложенія (стр. 269—461) составителемъ напечатаны матеріалы изъ архива министерства народнаго просвѣщенія, касающіеся иностранцевъ, находившихся въ 1812 г. на службѣ по этому министерству. Характеризуя крайнюю подозрительность, съ которою правительство по случаю войны относилось къ этимъ лицамъ, документы эти вмѣстѣ съ тѣмъ содержатъ любопытныя данныя о количествѣ иностранцевъ — профессоровъ и преподавателей въ Россіи начала XIX в., ихъ распредѣленіи по отдѣльнымъ высшимъ и др. учебнымъ заведеніямъ, роли ихъ въ тогдашнемъ ученомъ мірѣ и т. д. Сдѣланный нами бѣглый обзоръ достаточно показываетъ, какое обиліе интересности матеріаловъ заключаетъ новый трудъ К. А. Военскаго, весьма цѣнный для всякаго, кто изучаетъ эпоху 1812 г.

С. Г.

— Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. Опасность промышленнаго труда. Основные выводы изъ статистики профессіональнаго травматизма. СПБ. 1913 г. Ц. 1 р.

Новый, интересный трудъ д-ра Н. А. Вигдорчика, основанный главнымъ образомъ на данныхъ имперскаго страхового бюро въ Германіи, посвященъ статистикѣ профессіональнаго травматизма—вопросу, который, благодаря закону о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, становится на очередь и у насъ.

Подробный анализъ всѣхъ моментовъ, такъ или иначе оказывающихъ вліяніе на возникновеніе несчастнаго случая—и механическихъ и біологическихъ (полъ и возрастъ рабочаго), и физіологическихъ — причемъ заслуживаетъ вниманіе самый методъ разработки матеріала — приводитъ автора къ слѣдующимъ выводамъ. Наибольшую опасность — какъ индивидуальную, такъ и общественную—представляютъ какъ разъ тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ машина занимаетъ второстепенное мѣсто. Наибольшій рискъ для каждаго отдѣльнаго рабочаго представляютъ извозная, строительная, горная промышленности, внутреннее судоходство и каменоломни. Среди различныхъ производственныхъ моментовъ опять таки не машина занимаетъ первое мѣсто, а такіе моменты, какъ обрушиваніе и паденіе, перевозка и переноска тяжестей. Сокращеніе рабочаго дня является одной изъ важныхъ мѣръ въ дѣлѣ предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Съ каждымъ часомъ работы коэффиціентъ травматизма увеличивается. Ночной отдыхъ не возстановляетъ вполнѣ силъ рабочаго, ибо каждый слѣдующій день недѣли оказывается для него опаснѣе предыдущаго. Не возстановляются вполнѣ силы рабочаго и въ теченіе воскреснаго и праздничнаго отдыха. Если 40-лѣтній

рабочій подвергается въ среднемъ вдвое большему количеству несчастныхъ случаевъ, чѣмъ 20-лѣтній, то это въ значительной степени зависитъ отъ прогрессирующаго переутомленія рабочихъ въ теченіе ихъ жизни, отъ «хроническаго отравленія трудомъ».

Распредѣленіе несчастныхъ случаевъ въ зависимости отъ вины заинтерисованныхъ лицъ показываетъ, что даже съ точки зрѣнія самихъ предпринимателей, производящихъ эту оцѣнку, на вину рабочихъ падаетъ значительно меньше половины несчастныхъ случаевъ. Въ дѣйствительности же то, что квалифицируется какъ вина рабочихъ, представляетъ собою вліяніе другихъ, болѣе глубокихъ факторовъ, независящихъ отъ воли рабочихъ. Вліяніе алкоголизма доказывается увеличеніемъ числа несчастныхъ случаевъ въ первые два дня недѣли. Объ этомъ—же свидѣтельствуетъ высокій коэффиціентъ травматизма въ пивоваренной промышленности, а также уменьшеніе этого коэффиціента при успѣшномъ примѣненіе противо-алкогольныхъ мѣропріятій.

В. Б—ъ.

— Происхожденіе человѣка. Настольная книга по воспитанію дѣтей. Предисловіе проф. А. Н. Нечаева и вступительная статья женщины-врача Л. В. Писаревой. Москва.

Культурное общество не одной Россіи, но и другихъ цивилизованныхъ странъ обратило въ послѣднее время особенное вниманіе на предметъ, которымъ оно ранѣе совершенно почти пренебрегало—вопросъ полового просвѣщенія юношества. Печальныя моральныя и физическія послѣдствія преждевременнаго половаго созрѣванія и извращеннаго направленія полового инстинкта молодежи заставили воспитателей сбросить съ себя путы стараго воззрѣнія на половую жизнь человѣка, какъ на что-то срамное, что должно быть официально укрываемо отъ вниманія подрастающихъ поколѣній, а на дѣлѣ передаваемо въ руки случайныхъ ихъ просвѣтителей, разъясняющихъ дѣтямъ и юношамъ эти вопросы съ точки зрѣнія, менѣе всего заслуживающей одобренія воспитателей. Вопросы полового воспитанія, однако, пока интересуютъ наше общество больше платонически, имѣется очень мало наблюденій относительно практическаго выполненія этого дѣла, и воспитатели останавливаются въ недоумѣніи передъ тѣмъ, какіе пріемы слѣдуетъ употребить для того, чтобы съ наибольшимъ успѣхомъ выполнить поставленную ими себѣ задачу. Воспитатели не чувствуютъ себя свободными въ этомъ дѣлѣ, потому что сами еще не освободились отъ стѣсненія, связаннаго съ представленіями о половыхъ отношеніяхъ, и боятся неловкими объясненіями пробудить въ дѣтяхъ еще спящіе половые инстинкты.

Книжка, указанная въ заголовкѣ этой замѣтки, имѣетъ задачей придти на помощь родителямъ и воспитателямъ въ деликатномъ дѣлѣ полового просвѣщенія молодежи. Она издана союзомъ имени художника Альбрехта Дюрера въ Германіи, признававшимъ этотъ вопросъ входящимъ въ сферу его компетенціи, потому что половое прозрѣніе человѣка задѣваетъ не только понятія, но и чувства, передъ нами находится не только «естественно-научный предметъ», но и «одна изъ самыхъ тонкихъ и благородныхъ эстетическихъ задачъ, какія могутъ встрѣтиться въ жизни человѣка». Книга составлена на основаніи опроса родителей и воспитателей и основана на ихъ личномъ опытѣ. Она состоитъ изъ 45 статей, заключающихъ и разсужденія, и случаи бесѣдъ на половыя темы съ дѣтьми и молодыми людьми разнаго возраста. Книга эта какъ бы проводитъ двѣ идеи: что цѣломудренное, такъ сказать, отношеніе человѣка къ своимъ половымъ потребностямъ является результатомъ не спеціально половаго, а всего вообще его воспитанія; и что лучшимъ средствомъ первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ тайной дѣторожденія служатъ такія разъясненія, которыя возбуждаютъ не только понятія, но и чувства преклоненія ребенка передъ любящей и любимой матерью, ростившей его въ своемъ тѣлѣ и съ страданіями родившей на свѣтъ.

Разсматриваемый здѣсь сборникъ статей окажетъ, конечно не малую услугу русскимъ воспитателямъ и родителямъ.

В. В

— Bibliothèque de philosophie scientifique. Henri Poincaré. Derniéres pensées. Paris. E. Flammarion. 1913.

Въ извѣстной фламмаріоновской библіотекѣ научной философіи вышелъ четвертый—и послѣдній томикъ философскихъ статей Анри Пуанкаре. Если исключить двѣ послѣднія статьи: «La morale et la science» и «L'union morale», то всѣ остальныя касаются тѣхъ разнообразныхъ вопросовъ точнаго знанія и философіи его, которыми любилъ заниматься покойный ученый. Двѣ статьи посвящены вопросу о пространствѣ и времени (послѣднее въ связи съ новыми теоріями, внесенными принципомъ относительности), двѣ другія—вопросу объ отношеніи между математикой и логикою, еще двѣ—физикѣ (о гипотезѣ кваннъ и объ отношеніяхъ между матеріей и эеиромъ) и, наконецъ, первая статья, содержащая докладъ Пуанкаре на болонскомъ философскомъ конгрессѣ, трактуетъ объ эволюціи законовъ. Читая эти, полныя оригинальныхъ идей и написанныя великолѣпной французской прозой, статьи, съ невольнымъ

сожалѣніемъ думаешь, что это «послѣднія мысли» того, кого такъ удачно одинъ изъ учениковъ назвалъ «мыслящимъ мозгомъ» человѣчества. Нѣкоторыя изъ статей сборника—«Эволюція законовъ», «Пространство и время»—появились уже въ русскихъ переводахъ. Надо надѣяться, что въ скоромъ времени появиться переводъ и всей книги, и такимъ образомъ будетъ завершено, дѣло ознакомленія русскаго читателя съ оригинальными философскими концепціями геніальнаго математика. П. Ю.

— Geschichte der Frankfurter Zeitung. Frankfurt a. M., 1911.

Передъ нами лежитъ съ большимъ вкусомъ изданный томъ въ 1141 страницу убористой печати. Его содержаніе—отрывокъ изъ исторіи міровой культуры. Передъ глазами читателя развертывается исторія газеты. Онъ видитъ, какъ изъ спеціальнаго Frankfurter Geschеftsbericht, впервые вышедшаго въ 1856 г., постепенно развилась со временная Frankfurter Zeitung, одна изъ лучшихъ и наиболѣе вліятельныхъ газетъ нашего времени. Какихъ только перемѣнъ не было! И названія мѣнялись, и даже въ другой городъ приходилось переносить изданіе... Многое было пережито за 55 лѣтъ жизни. На исторіи газеты сказывались міровыя событія, политическая жизнь всего міра, міровая хозяйственная конъюнктура. Эта связь газеты съ міровой жизнью красной нитью проходитъ во всей ея исторіи. Но исторія Frankfurter Zeitung—исторія *нѣмецкой* газеты. И это вовсе не случай, что общій характеръ газеты въ Германіи рѣзко отличается отъ англійской или французской газеты. «Der Deutche liebt die Kritik, er wünscht gründliche Prüfung, ihm genügt nicht die nackte Angabe einiger Daten oder gar nur ein Schönklingendes Drumherumreden» (стр. 18). Нѣмецкая газета отличается серьезнымъ, положительнымъ характеромъ; она не проходитъ мимо факта, отдѣлываясь отъ него бѣглой замѣткой: она посвящаетъ ему статью, написанную спеціалистомъ. Исторія «Франкфуртской Газеты» показываетъ намъ, какъ газета въ свое время откликалась на явленія быстро текущей жизни, рисуетъ намъ взаимодѣйствіе газеты и жизни. Вся исторія газеты раздѣлена на рядъ періодовъ, для каждаго дана общая характеристика, очерчено внутреннее и внѣшнее положеніе Германіи и большинства странъ, экономическое положеніе, и на этомъ фонѣ обрисовывается дѣятельность газеты и ея внутренняя жизнь. Интересно приложеніе, помѣщенное въ концѣ книги, дающее свѣдѣнія о современной организаціи газеты. Можно пожалѣть только о томъ, что даже «Frankfurter Zeitung» не сочла возможнымъ познакомить со своей финансовой организаціей и не опубликовала своего бюджета.

И. И. Левинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дипломатія и балканскій кризисъ.—Вопросъ о Скутари.—Австро-Венгрія и «честь Европы».—Оффиціальное сообщеніе о русской политикѣ.—Источники военныхъ тревогъ въ Европѣ.—Рѣчь германскаго канцлера.

Какъ и слѣдовало ожидать, дипломатія великихъ державъ запуталась въ сѣтяхъ австрійской политики и попала въ крайне затруднительное и отчасти комическое положеніе, благодаря своему чрезмѣрному довѣрію къ воинственнымъ угрозамъ и запугиваніямъ Австро-Венгріи. Съ 22-го марта (4-го апрѣля нов. ст.) началась блокада береговъ Черногоріи международною военною эскадрою, подъ командой британскаго адмирала Сесиля Бернея, съ цѣлью заставить черногорцевъ отказаться отъ осады и взятія Скутарійской крѣпости. На предъявленное адмираломъ требованіе подчиниться единодушной волѣ Европы Черногорія отвѣтила, что она разсматриваетъ присутствіе военнаго флота въ ея водахъ, какъ нарушеніе нейтралитета, и что, до подписанія мира съ Турціею, она не можетъ измѣнить свой способъ дѣйствій. Черногорцы продолжали воевать съ турками подъ Скутари, тогда какъ броненосцы великихъ державъ дежурили на рейдѣ Антивари, наблюдая за немногими проходившими судами. Австрійскіе патріоты и солидарные съ ними публицисты другихъ странъ возмущались такимъ невниманіемъ маленькой Черногоріи къ Европѣ и настаивали на принятіи болѣе энергическихъ мѣръ воздѣйствія; но что могла сдѣлать международная эскадра противъ воинственныхъ горцевъ, не имѣющихъ никакихъ кораблей и никакой внѣшней торговли? Бомбардировать Антивари или Дульциньо—значило бы разрушить находящіеся тамъ итальянскіе и австрійскіе склады, повредить интересамъ иностранныхъ подданныхъ и иностраннаго мореходства, безъ замѣтнаго ущерба для Черногоріи. На глазахъ европейскихъ представителей черногорцы употребляли всѣ усилія, чтобы овладѣть осажденной крѣпостью; ихъ энергія не ослабѣла и послѣ удаленія вспомогательнаго сербскаго отряда, оставившаго имъ только свою осадную артиллерію. Главныя позиціи около Скутари — Тарабошъ и Брдица — были взяты штурмомъ, а самый городъ сдался послѣ секретныхъ переговоровъ между уполномоченными короля Николая и турецкимъ комендантовъ Эссадомъ-пашой, въ ночь на 10 (23) апрѣля.

Извѣстіе о вступленіи черногорскихъ войскъ въ Скутари было встрѣчено взрывомъ негодованія въ офиціальныхъ сферахъ Австро-Венгріи; вѣнскій кабинетъ тотчасъ заявилъ, что необходимо во что бы то ни стало добиться отъ Черногоріи очищенія города, согласно принятому Европою безповоротному рѣшенію, и что въ случаѣ надобности австро-венгерское правительство прибѣгнетъ къ самостоятельному вооруженному вмѣшательству, для избѣжанія дальнѣйшихъ колебаній и проволочекъ. Вѣнскія газеты ежедневно печатали громоносныя статьи о «неслыханномъ издѣвательствѣ» ничтожнаго славянскаго королевства надъ всѣми великими державами, о дерзкомъ упорствѣ короля Николая, поощряемомъ повидимому извнѣ, и объ обязанности Австро-Венгріи сломить это упорство ради сохраненія достоинства и авторитета Европы. Австрійскіе офиціозы подняли такой шумъ по поводу поруганной будто бы «чести Европы», что невольно возникалъ вопросъ: почему въ данномъ случаѣ одна Австро-Венгрія такъ отчаянно волнуется и хлопочетъ отъ имени всей Европы? Какимъ образомъ «честь Европы» очутилась вдругъ подъ спеціальной охраной и на исключительной отвѣтственности вѣнскаго кабинета? Ни одна изъ великихъ державъ, кромѣ Австро-Венгріи, не усмотрѣла ничего обиднаго для своей чести и достоинства въ занятіи Скутари черногорцами, хотя всѣ предвидѣли нѣкоторыя политическія осложненія вслѣдствіе энергическихъ протестовъ Австро-Венгріи. Разсудительные дипломаты Франціи и Англіи готовы были признать, что паденіе Скутари представляетъ собою новое обстоятельство, которымъ существенно измѣняется самая постановка скутарійскаго вопроса, и что традиціонное уваженіе европейскихъ кабинетовъ къ «совершившимся фактамъ» обязательно для Европы и по отношенію къ Черногоріи; но воинственная настойчивость Австро-Венгріи сразу измѣнила успокоительную точку зрѣнія остальныхъ державъ и побудила ихъ категорически потвердить прежнее требованіе объ отказѣ черногорцевъ отъ Скутари.

Рѣшительный тонъ австрійской дипломатіи производилъ какое-то гипнотизирующее дѣйствіе на умы, а постоянныя ссылки на волю и честь Европы давали совершенно неправильное освѣщеніе событіямъ. Даже въ нашей прогрессивной печати высказывались мнѣнія, совпадающія какъ будто съ австрійскими, и черногорцамъ приписывалась не подобающая имъ роль нарушителей общаго европейскаго мира. Нѣкоторые находили вообще ненормальнымъ и недопустимымъ, чтобы маленькая страна, напоминающая по размѣрамъ своей территоріи и по количеству населенія одинъ изъ нашихъ небольшихъ уѣздовъ, могла противиться всей Европѣ и создавать для

нея опасность войны. Въ дѣйствительности конечно, малое государство имѣетъ такія же права на соблюденіе и защиту своихъ интересовъ, какъ и большое,—подобно тому, какъ и отдѣльныя лица въ государствѣ признаются равноправными, несмотря на существующія различія въ ихъ сословномъ и матеріальномъ положеніи. Именно потому, что Черногорія—страна маленькая и ничтожная, не слѣдовало предъявлять ей неисполнимыя требованія, противорѣчащія обычной ея національной психикѣ и предполагающія сознательное самоотверженіе во имя чуждыхъ черногорцамъ заботъ объ общемъ мирѣ и согласіи Европы. Великія державы могли съ самаго начала запретить маленькой Черногоріи воевать съ Турціею; онѣ могли также заранѣе удержать ее отъ военныхъ дѣйствій противъ Скутари, предупредивъ о томъ, что этотъ городъ долженъ принадлежать Албаніи. Но сохранивъ нейтралитетъ и допустивъ не только осаду Скутари, а цѣлый рядъ кровавыхъ битвъ для овладѣнія этой крѣпостью, дипломатія не имѣла уже нравственнаго права брать на себя рѣшеніе о передачѣ осажденнаго города будущему албанскому государству и требовать отъ воюющихъ добровольнаго исполненія этого рѣшенія. Психологія войны имѣетъ свои особенности, съ которыми нельзя не считаться. О томъ, чтобы въ военное время воюющіе внезапно измѣнили планъ и цѣли своихъ дѣйствій по указаніямъ постороннихъ, хотя и великихъ, державъ,—не можетъ быть и рѣчи на практикѣ; еще труднѣе допускать мысль, что побѣдители способны добровольно отказаться отъ плодовъ своихъ тяжелыхъ жертвъ и усилій, изъ одного уваженія къ иностранной дипломатіи. Чѣмъ меньше и незначительнѣе страна, ведущая войну, тѣмъ болѣе жизненные интересы поставлены для нея на карту, и тѣмъ естественнѣе ожидать отъ нея односторонніхъ увлеченій и порывовъ, исключающихъ хладнокровную оцѣнку чужихъ совѣтовъ, хотя бы и самыхъ авторитетныхъ. Великая держава, имѣющая сложные и разнообразные интересы, можетъ еще иногда подчиниться обстоятельствамъ и отступить отъ занятой позиціи, чтобы не рисковать войною,—какъ это было съ Россіей во время послѣдней турецкой кампаніи, когда русскія войска остановились предъ Константинополемъ подъ вліяніемъ англійскихъ угрозъ; но маленькая страна, которой въ сущности и терять нечего, не имѣетъ поводовъ заботиться объ Европѣ, а въ частности Черногорія хорошо знаетъ, что ея независимость вполнѣ обезпечена отъ какихъ-либо посягательствъ. Легко было предвидѣть заранѣе, что черногорцы не уйдутъ отъ Скутари, на сдачу котораго они разсчитывали со дня на день, и что они не покинутъ его послѣ капитуляціи, вопреки всѣмъ заграничнымъ настояніямъ и угрозамъ. Странно было связывать честь и достоинство

Европы съ несвоевременно заявленными и несправедливыми по существу домогательствами, которыхъ нельзя было бы осуществить иначе какъ только силою.

Очевидно, честь Европы была тутъ рѣшительно не при чемъ. Европа была только удобной ширмой для Австро-Венгріи, которая вскорѣ обнаружила свои истинныя притязанія. Оказалось, что Албаніи грозила опасность пріобрѣсть автономію помимо австрійскаго протектората. Скутарійскій комендантъ, Эссадъ-паша, сдавшій городъ подъ условіемъ свободнаго выхода своихъ войскъ съ ружьями и полевой артиллеріей, принялъ на себя устройство порядка и управленія въ Албаніи, по особому соглашенію съ правительствомъ короля Николая. Будучи албанцемъ по происхожденію и располагая большими личными средствами, Эссадъ-паша открыто выступилъ кандидатомъ на постъ албанскаго правителя; онъ распустилъ турецкую часть своей арміи и оставилъ при себѣ только двѣнадцать тысячъ вѣрныхъ ему албанцевъ. Говорили, что онъ обязался, во-первыхъ, сохранить Скутари за Черногоріей, и во-вторыхъ, включить Албанію въ составъ балканской федераціи. Планы и дѣйствія Эссада-паши спутали всѣ австрійскіе разсчеты и возбудили лихорадочную тревогу въ Вѣнѣ. Не только Скутари могло уйти отъ Албаніи, но и сама Албанія стала уходить отъ австрійской опеки. Чтобы предупредить эту неудачу, Австро-Венгрія вступила въ переговоры съ Италіею относительно совмѣстной военной оккупаціи Албаніи. Италія должна была занять южную часть страны съ городомъ Валоной, а австрійцы—сѣверную, съ городомъ Скутари. Впрочемъ, скутарійскій вопросъ отошелъ какъ-то въ сторону и потерялъ свое значеніе, когда судьба самой Албаніи оказалась спорною. Насчетъ Скутари принято было уже повторять австрійскіе аргументы въ родѣ того, что это чисто-албанскій городъ по составу своего населенія, и что для обезпеченія этого города за Албаніею сдѣланы въ другихъ мѣстахъ значительныя уступки въ пользу Сербіи. Правда, черногорцы брали Скутари, какъ первоклассную турецкую крѣпость, угрожающую границамъ Черногоріи, а не какъ мирный городъ, населенный по преимуществу албанцами; они не имѣли также въ виду, что пріобрѣтеніе этой крѣпости черногорцами можетъ быть замѣнено предоставленіемъ другихъ мнимо-албанскихъ городовъ сербамъ; но принципъ племенной албанской автономіи, столь усердно противопоставляемый военному праву Черногоріи, тотчасъ уступаетъ мѣсто принципу захвата и раздѣла, когда сами албанцы пробуютъ по своему устроить свою автономію. Предположенная австро-итальянская экспедиція въ Албанію не оправдывалась бы ни правомъ войны, ни требованіями чести и достоинства Европы; это

было бы уже откровенное завоевательное предпріятіе, съ которымъ никакъ не могли примириться остальныя великія державы. Дипломаты «тройственнаго согласія» опять прибѣгли къ своей обычной тактикѣ, чтобы парализовать отдѣльное выступленіе Австро-Венгріи и Италіи: они рѣшили присоединиться къ ихъ проекту и предложить совмѣстное занятіе Албаніи международными военными отрядами для водворенія въ странѣ новаго порядка вещей. Въ то же время употреблены были особыя энергическія усилія, чтобы уговорить черногорскихъ правителей отказаться отъ Скутари для успокоенія воинственныхъ австрійскихъ патріотовъ, и эта цѣль была наконецъ достигнута: 22-го апрѣля (5-го мая) получено было въ Лондонѣ офиціальное заявленіе Черногоріи о согласіи ея передать вопросъ о судьбѣ Скутари на рѣшеніе великихъ державъ. Само собою разумѣется, что взамѣнъ обѣщаны были черногорцамъ соотвѣтственныя компенсаціи, какъ территоріальныя, такъ и финансовые. Австро-Венгрія пока лишилась подходящаго предлога для военнаго вмѣшательства, но ея правящіе военно-клерикальные круги довели себя до такого искусственнаго возбужденія и успѣли вызвать такое тревожное чувство въ общественномъ мнѣніи, что разсчитывать на поворотъ австрійской политики въ сторону разумнаго миролюбія было бы слишкомъ рискованно. Вызывающая тактика угрозъ и воинственныхъ приготовленій доставила вѣнскому кабинету рядъ крупныхъ политическихъ побѣдъ, которыя могутъ только утвердить его дипломатію въ принятомъ ею направленіи.

Лондонское совѣщаніе пословъ, неутомимо работавшее надъ поддержаніемъ внѣшняго согласія Европы по дѣламъ ближняго Востока, принесло несомнѣнно большія услуги дѣлу общаго мира. Много сдѣлалъ для примиренія выступавшихъ противорѣчій и разногласій британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, всегда спокойный и хладнокровный сэръ Эдуардъ Грей. Политика Австро-Венгріи, такъ настойчиво и послѣдовательно пугающая всѣхъ войною, не могла нигдѣ пользоваться сочувствіемъ. Общество и печать высказывались противъ нея болѣе или менѣе рѣзко не только въ Англіи и во Франціи, но, въ Италіи и отчасти даже въ Германіи. Лондонскій «Times» весьма недвусмысленно давалъ понять австрійцамъ, что ихъ упорная игра съ огнемъ можетъ кончиться для нихъ печально. «Если Австро-Венгрія рѣшится поднять мечъ противъ Черногоріи,—говорится въ передовой статьѣ этой газеты отъ 1-го мая,—то она приметъ на себя страшную отвѣтственность за нарушеніе мира Европы. Какія послѣдствія повлечетъ для нея и другихъ это нарушеніе мира,—никто предвидѣть не можетъ. Далеко не всѣ думаютъ, что она имѣетъ шансы получить отъ войны какія-либо вы-

годы, и хорошо извѣстно, что неудача на полѣ битвы можетъ подвергнуть ее совершенно исключительнымъ бѣдствіямъ. Одно только безспорно,—что такой конфликтъ вызвалъ бы кровопролитіе и разрушеніе въ болѣе грозныхъ размѣрахъ, чѣмъ какая-либо изъ прежнихъ войнъ. Ни одна держава не можетъ смотрѣть на эту опасность съ легкимъ сердцемъ; ни одинъ монархъ или государственный дѣятель, умѣющій цѣнить человѣческую жизнь и сочувствовать человѣческимъ страданіямъ, не станетъ обращаться къ такому способу дѣйствій, не имѣя къ тому исключительно важныхъ основаній и повелительныхъ, неотвратимыхъ причинъ... Каковы бы ни были побужденія и намѣренія Австро-Венгріи, въ случаѣ ея непосредственнаго отдѣльнаго вмѣшательства въ балканскія дѣла, она безъ нужды возьметъ на себя неминуемый рискъ огромныхъ бѣдствій. Она подвергнетъ себя этой тяжкой отвѣтственности по такимъ мотивамъ, которыхъ ни одинъ разсудительный человѣкъ не признаетъ задѣвающими ея чувство чести или ея жизненные интересы. Она дѣлаетъ это ради нѣсколькихъ акровъ земли—и притомъ земли, которая ей не принадлежитъ и которую она, по собственному ея заявленію, не думаетъ вовсе пріобрѣсти. Мы можемъ только глубоко сожалѣть о такомъ настроеніи Австро-Венгріи!!».

Разсуждая объ отвѣтственности Австро-Венгріи за ея опасную политику, было бы однако несправедливо упускать изъ виду два весьма существенныхъ обстоятельства. Во-первыхъ, тѣ шумливые и предпріимчивые военно-политическіе дѣятели, которые окружаютъ наслѣдника австрійскаго престола, эрцгерцога Франца-Фердинанда, имѣютъ возможность самостоятельно выступать и дѣйствовать отъ имени Австро-Венгріи только въ силу особыхъ историческихъ условій, не могущихъ разсчитывать на долговѣчность. Народы, входящіе въ составъ имперіи Габсбурговъ, вовсе не раздѣляютъ чувствъ и стремленій небольшой горсти честолюбцевъ, толкающихъ правительство на путь войны. Воинственные призывы и напыщенные мнимо-патріотическіе возгласы офиціозныхъ и продажныхъ газетъ имѣютъ очень мало общаго съ дѣйствительнымъ общественнымъ мнѣніемъ главныхъ составныхъ частей монархіи. Ни австрійскіе нѣмцы, ни мадъяры не думали серьезно воевать изъ-за Скутари или Албаніи; и тѣ, и другіе съ одинаковою тревогою слѣдили за военными приготовленіями и угрозами, не понимая ихъ смысла и цѣли. О милліонахъ австрійскихъ славянъ нечего и говорить,—они единодушно и рѣшительно протестовали противъ замысловъ вѣнской придворной дипломатіи. Во-вторыхъ, политика Австро-Венгріи не была бы столь смѣлою и вызывающею, еслибы она не находила поощренія и поддержки въ Берлинѣ. Германское правительство нѣсколько разъ, въ самые

напряженные моменты балканскаго кризиса, заявляло торжественно, что оно стоитъ безусловно на сторонѣ Австро-Венгріи во всѣхъ ея начинаніяхъ и предпріятіяхъ на ближнемъ Востокѣ. И это чувство неразрывной солидарности съ австрійской придворно-военной партіею высказывается съ наибольшей энергіею представителями однородныхъ германскихъ кружковъ, отъ которыхъ въ концѣ концовъ зависитъ вся внѣшняя политика имперіи. Канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ и имперскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ фонъ-Яговъ являются лишь выразителями политическихъ взглядовъ императора Вильгельма II, а эти взгляды соотвѣтствуютъ идеямъ эрцгерцога Франца-Фердинанда и его приближенныхъ. Народныя массы Германіи стремятся только къ прочному миру и только во имя этого мира терпѣливо несутъ на себѣ бремя непосильныхъ вооруженій, тогда какъ для правителей эти вооруженія составляютъ самостоятельную цѣль въ качествѣ единственнаго надежнаго оплота ихъ могущества и авторитета. Односторонній милитаризмъ, господствующій при берлинскомъ дворѣ, находитъ сочувственный отголосокъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ усиливается еще клерикально-аристократическими вліяніями, и такимъ образомъ, создается та искусственная воинственная атмосфера, отъ которой страдаютъ всѣ культурныя народы Европы.

Наша дипломатія за послѣднее время навлекала на себя много нареканій и упрековъ, далеко не всегда справедливыхъ, а нерѣдко даже совершенно неосновательныхъ. Новые славянофилы изъ октябристовъ и крайнихъ правыхъ требовали немедленнаго выступленія въ походъ противъ Австро-Венгріи и жестоко нападали на русскую политику за ея чрезмѣрное миролюбіе. Другіе находили, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ грѣшило чрезмѣрною впечатлительностью по отношенію къ австрійскимъ требованіямъ и проектамъ, ослабляя этимъ свою собственную позицію, которая вообще оставалась неясною для русской публики, какъ и для заграничнаго общественнаго мнѣнія. По поводу этихъ разнообразныхъ укоровъ и возраженій, напечатано было въ нашихъ газетахъ, въ концѣ марта, весьма пространное официальное сообщеніе, изъ котораго мы приводимъ здѣсь наиболѣе существенныя мѣста:

«Обезпеченіе за побѣдителями, насколько возможно, результатовъ ихъ побѣдъ—такова главная цѣль, которую ставило передъ собою русское правительство, какъ только стали выясняться успѣхи союзниковъ. Иначе говоря, надлежало создать прежде всего условія, при коихъ оказалась бы возможной локализація балканской войны. Трудными и сложными переговорами указанная задача осуществилась. Только благодаря невмѣшательству другихъ державъ, балканскія государства могли безпрепятственно достигнуть такихъ успѣховъ, которые могли казаться имъ самимъ маловѣроятными до начала

военныхъ дѣйствій. Нужно отдать себѣ отчетъ во всей сложности международнаго положенія и столкновеній разнорѣчивыхъ интересовъ, чтобы оцѣнить по достоинству значеніе и размѣры услуги, оказанной въ этомъ отношеніи Россіей балканскимъ государствамъ.

«Локализація войны могла быть достигнута лишь при соблюденіи слѣдующихъ двухъ условій: 1) отказа великихъ державъ отъ извлеченія ими изъ войны какихъ-либо особыхъ преимуществъ, территоріальныхъ и иныхъ; 2) отказа съ ихъ стороны отъ какихъ-либо единоличныхъ выступленій. Изъ этихъ двухъ условій отрицательнаго характера вытекало признаніе слѣдующаго положительнаго принципа: пересмотръ условій, созданныхъ фактомъ войны, и согласованіе ихъ съ тѣми интересами великихъ державъ, отъ которыхъ послѣднія не могутъ отказаться, можетъ быть дѣломъ только всего европейскаго концерта, рѣшеніемъ, которое вынесено было бы отъ лица не отдѣльныхъ государствъ, а всей Европы. Съ другой стороны, ограниченіе отдѣльныхъ выступленій могло обусловиться только солидарнымъ признаніемъ обязательной силы за рѣшеніями, исходящими отъ лица всей Европы. Предполагалось, что авторитетъ подобныхъ рѣшеній достаточенъ для того, чтобы съ нимъ считались балканскія государства, ибо всякое непризнаніе этого авторитета естественно влекло за собой властное его утвержденіе. Иного толкованія трудно было ожидать отъ собранія представителей великихъ державъ, которые не могутъ ставить свои постановленія наряду съ пожеланіями, высказываемыми на общественныхъ собраніяхъ.

«При такихъ условіяхъ и въ такихъ цѣляхъ было собрано совѣщаніе пословъ въ Лондонѣ. Согласіе участвовать въ немъ было, несомнѣнно, связано съ самопожертвованіемъ со стороны тѣхъ державъ, которымъ представлялся случай и возможность провести свои личные виды и интересы, но которыя отказались отъ этого ради высшей цѣли—сохраненія мира и въ силу того сочувствія, которое широко стяжали себѣ балканскія государства въ общественномъ мнѣніи всей Европы. Въ настоящее время лондонское совѣщаніе выполнило одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ, выпавшихъ на его долю, и состоявшую въ опредѣленіи сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ границъ Албаніи.

«Въ вопросѣ этомъ сталкивались два противоположныхъ интереса: съ одной стороны—Черногоріи и Сербіи, естественно стремившихся расширить предѣлы новыхъ своихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и нашедшихъ свою защиту въ Россіи, и съ другой—интересы албанскіе, отстаивавшіеся Австріей и Италіей. Защита послѣдними образованія самостоятельной албанской провинціи могла представиться неожиданной или необоснованной только для тѣхъ, кто мало знакомъ съ общимъ международнымъ положеніемъ и направленіемъ политики обѣихъ державъ за послѣднюю четверть вѣка.

«Интересъ сохраненія status quo на побережьи Адріатическаго моря представлялся для Австріи и Италіи настолько жизненнымъ, что въ оцѣнкѣ его значенія не могло возникать сомнѣнія. Съ другой стороны, соблюденіе этого status quo вызывало отстаиваніе другого тѣсно связаннаго съ нимъ начала—жизнеспособности будущей албанской провинціи. Отсюда и вытекало стремленіе обѣихъ державъ къ возможному расширенію сухопутныхъ границъ Албаніи, въ предѣлы коей вошло бы однородное албанское населеніе.

«Права побѣдителей приходили въ столкновеніе съ указаннымъ выше интересомъ, выставлявшимъ, въ свою очередь, право племенной цѣлости Албаніи. Если столкновеніе это порождало споръ, то, во всякомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы перевѣсъ въ немъ оказался на сторонѣ теоретическаго начала албанскаго единства. Къ Черногоріи и Сербіи отходятъ многіе города и области, въ племенномъ составѣ коихъ немало чистыхъ албанцевъ. Едва ли можно упрекнуть великія державы за то, что онѣ не дали разгорѣться этому спору въ острый антагонизмъ.

«Послѣ долгихъ и упорныхъ переговоровъ былъ достигнутъ компромиссъ. Какъ всегда бываетъ, послѣдній явился результатомъ взаимныхъ уступокъ. При этомъ, отстоявъ Призрѣнъ, Ипекъ, Дьяково, Дибру въ интересахъ славянъ, Россія сочла нужнымъ согласиться на присоединеніе къ Албаніи города Скутари. Уступка эта была сдѣлана во имя сохраненія мира, нарушеніе коего изъ-за указаннаго вопроса представлялось явно несообразнымъ въ глазахъ Россіи и Европы».

Далѣе, въ связи съ вопросомъ о Скутари, «сообщеніе» указываетъ на неправильныя дѣйствія короля Николая и на «отношенія, въ которыя онъ себя поставилъ къ Россіи» съ самаго начала кризиса. «Прежде всего король пренебрегъ принятымъ на себя обязательствомъ, въ случаѣ объявленія войны, предупредить о семъ Россію и получить на то ея согласіе: ни предупрежденія, ни испрошенія согласія съ его стороны не воспослѣдовало». Намъ представляется однако, что король Николай поставилъ бы наше правительство въ очень неловкое положеніе, еслибы спрашивалъ его согласія на объявленіе войны. Очевидно, наше правительство ни въ какомъ случаѣ не могло бы дать это согласіе, если само не имѣло въ виду участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Упоминаемое въ сообщеніи «обязательство», которое принялъ на себя король Николай, едва ли могло относиться къ тому случаю, когда Черногорія должна была дѣйствовать въ союзѣ съ другими балканскими государствами, безъ всякаго прямого или косвеннаго участія Россіи. Въ сообщеніи излагаются затѣмъ обстоятельства и соображенія относительно Скутари, имѣющія теперь только историческое значеніе, но отчасти характеризующія точку зрѣнія нашей дипломатіи:

«Когда вопросъ о Скутари былъ рѣшенъ на совѣщаніи въ Лондонѣ, Императорское правительство сочло долгомъ поставить о томъ въ извѣстность черногорское правительство и указать на безплодность дальнѣйшихъ жертвъ и кровопролитія при осадѣ города, который безповоротно присужденъ Албаніи. Король получилъ личное дружеское предупрежденіе, въ коемъ указывалось на тяжелую отвѣтственность, принимаемую имъ въ случаѣ дальнѣйшаго упорства и безплодныхъ жертвъ, съ нимъ сопряженныхъ. Ему преподанъ былъ затѣмъ настойчивый совѣтъ избѣгнуть обвиненія въ преслѣдованіи личныхъ цѣлей, ради коихъ черногорскій народъ обрекается на безплодное кровопролитіе. Всѣ эти предостереженія пока не имѣли успѣха. Черногорскій король явно строитъ свои разсчеты на томъ, чтобы вовлечь Россію и великія державы въ европейскую войну.

«Разъ принявъ участіе въ рѣшеніи, признавшемъ, что Скутари отойдетъ къ Албаніи, Императорское правительство не могло противиться тѣмъ мѣрамъ, кои выдвигаются на очередь, послѣ того, какъ король Николай отказался подчиниться рѣшенію великихъ державъ. Мѣры эти въ настоящее время выразились въ блокадѣ черногорскаго и части албанскаго побережья. Императорское правительство не теряетъ надежды, что черногорское правительство во время остановится въ своихъ настояніяхъ и что для самолюбія его окажется достойный выходъ въ подчиненіи волѣ Европы, поддержанной внушительной морской силой. Въ этомъ случаѣ правительству короля Николая не придется раскаяться, и Европа сумѣетъ найти средства облегчить положеніе черногорскаго народа, тяжесть коего усугубляется непосильными жертвами, коими ознаменовалась осада Скутари».

По своему основному миролюбивому тону, сообщеніе, нашего министерства иностранныхъ дѣлъ должно было удовлетворить прогрессивную часть русскаго общества. «Правительство—какъ справедливо напоминаетъ «сообщеніе»—не можетъ забывать своей от-

вѣтственности прежде всего передъ русскимъ народомъ. Оно должно бережно взвѣшивать свои рѣшенія, чтобы ни одна капля русской крови не была пролита, иначе какъ если интересы родины того потребуютъ». Въ то-же время нисколько не умаляется важность историческихъ связей, соединяющихъ Россію съ ея «младшими братьями»—«славянскими и православными народами» Балканскаго полуострова. Но эти связи, по словамъ «сообщенія», «исключаютъ враждебное отношеніе къ другимъ государствамъ и народностямъ. Племенное различіе не ведетъ непремѣнно къ племенному антагонизму, и едва ли дѣло мира выиграетъ отъ противоположенія одной расы другой. Въ сознаніи своей внутренней правоты и силы Россіи не приходится переходить отъ тревоги къ угрозамъ, ибо это не есть проявленіе народной силы». Въ этихъ заключительныхъ словахъ можно видѣть косвенный отвѣтъ на нѣкоторыя замѣчанія германскаго канцлера въ имперскомъ сеймѣ по вопросу о возможномъ будущемъ столкновеніи между расами германскою и славянскою.

Новые военные законопроекты, внесенные германскимъ правительствомъ въ имперскій сеймъ, увеличиваютъ мирный составъ германской арміи сразу на 136 тысячъ человѣкъ—на 20% мирнаго состава 1913 года, причемъ увеличеніе ежегоднаго контингента составитъ 30%. На осуществленіе различныхъ перемѣнъ связанныхъ съ предположенной реформою, потребуется единовременно милліардъ марокъ, сверхъ ежегодныхъ крупныхъ расходовъ. Проектъ выработанъ какъ-то внезапно и производитъ впечатлѣніе крайне поспѣшной, недостаточно продуманной мѣры. Мотивировка поражаетъ непривычной для нѣмцевъ легковѣсностью, обставленной однако весьма грозными разсужденіями.

Въ своей длинной вступительной рѣчи въ имперскомъ парламентѣ, 7-го апрѣля, канцлеръ Бетманнъ-Гольвегъ, сослался на то, что еслибы произошла война, при которой славяне противопоставлены были бы германцамъ, послѣдніе очутились бы въ худшемъ положеніи сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, ибо въ системѣ европейскаго равновѣсія мѣсто Турціи занято отчасти южно-славянскими государствами. Въ связи съ успѣхами балканскихъ союзниковъ оживилось панславистское движеніе въ Россіи, крайне опасное будто бы для Австро-Венгріи и косвенно также для Германіи; а это обостреніе расовыхъ инстинктовъ, какъ думаетъ канцлеръ, придаетъ особую силу и важность совершившейся перемѣнѣ на ближнемъ Востокѣ. Третій и послѣдній аргументъ—шовинистская литература во Франціи, питающая воинственныя надежды среди патріо-

товъ и поддерживающая чувства недовѣрія и вражды къ Германіи. Таковы всѣ доводы въ пользу немедленныхъ колоссальныхъ затратъ на увеличеніе германской арміи. Ничего другого канцлеръ придумать не могъ. Онъ вынужденъ былъ въ то же время признать, что съ Россіею и ея правительствомъ Германія находится въ хорошихъ сосѣдскихъ и дружественныхъ отношеніяхъ, и это заявленіе было подчеркнуто въ палатѣ рукоплесканіями. «Прямой противоположности интересовъ между нами и Россіею—продолжалъ онъ—я не знаю. Германія и Россія могутъ работать надъ укрѣпленіемъ и развитіемъ своей хозяйственной и культурной жизни, безъ всякихъ взаимныхъ споровъ. Добрыя взаимныя отношенія могутъ только содѣйствовать этому развитію». Точно также и съ Франціею сохраняются мирныя отношенія; равнымъ образомъ устанавливается дѣловая дружба и съ Англіею. Противъ кого же теперь экстренно вооружается Германія? «Мы предлагаемъ вамъ этотъ законопроектъ—сказалъ между прочимъ канцлеръ,—не потому, что мы желаемъ войны, а потому, что мы желаемъ мира, и въ случаѣ войны, желаемъ быть побѣдителями». То же самое, конечно, было желательно для нѣмцевъ и въ прошломъ году, и однако тогда могущество германской арміи считалось вполнѣ достаточнымъ.

Указаніе Бетманна-Гольвега на новыя балканскія державы, усиленіе которыхъ ухудшаетъ будто бы положеніе Германіи, противорѣчитъ общеизвѣстнымъ фактамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ эти государства пріобрѣли самостоятельность, они не только не были союзниками Россіи и не дѣйствовали съ нею заодно, но часто даже находились съ нею въ офиціальномъ разладѣ. Румынія давно уже фактически примкнула къ тройственному союзу и заключила, по слухамъ, военную конвенцію съ Австро-Венгріею. Сербія въ теченіе десятковъ лѣтъ входила въ кругъ австрійскаго вліянія; Болгарія за все двадцатипятилѣтіе царствованія Фердинанда Кобургскаго развивалась внѣ всякаго воздѣйствія Россіи и поддерживала съ ней довольно холодныя отношенія, а политика болгарская большею частью сообразовалась съ австрійскою, какъ это видно было и при провозглашеніи болгарской независимости во время боснійскаго кризиса. Остается развѣ одна неизмѣнная фаворитка Россіи, маленькая Черногорія,—да и та перестала обращать вниманіе на совѣты русской дипломатіи послѣ того какъ присоединилась къ балканскому союзу: не даромъ въ послѣднемъ офиціальномъ сообщеніи сдѣлана столь рѣзкая, необычная для дипломатическаго документа, оцѣнка поведенія короля Николая. Балканскія государства могли бы оказаться союзниками Россіи только въ одномъ мало вѣроятномъ случаѣ,—еслибы Австро-Венгрія напала на эти государства и заставила бы насъ заступиться

за ихъ самостоятельное существованіе. При нормальномъ ходѣ вещей Германія и Австро-Венгрія сумѣютъ извлечь свои выгоды изъ усиленія Сербіи и Болгаріи, и не будутъ имѣть повода опасаться чрезмѣрной близости этихъ державъ съ Россіею. Наши патріоты всегда заботились у насъ о томъ, чтобы отталкивать культурныя славянскія народности отъ русскихъ дѣлъ и интересовъ, и своими затхлыми тенденціями они значительно облегчали задачу австро-нѣмецкихъ дѣятелей на Балканскомъ полуостровѣ.

Обсужденіе военныхъ законопроектовъ въ германскомъ парламентѣ вращалось, по обыкновенію, около различныхъ толкованій высокихъ патріотическихъ чувствъ и идей, въ защитѣ которыхъ умѣренные прогрессисты не отставали отъ націоналъ-либераловъ и консерваторовъ; только соціалъ-демократы вносили нѣкоторое оживленіе своими сравнительно смѣлыми оппозиціонными рѣчами, а одинъ изъ ораторовъ, Либкнехтъ, пытался не безъ успѣха разоблачить закулисную дѣятельность знаменитой фирмы Круппа, близко заинтересованной въ постоянномъ ростѣ вооруженій Германіи и другихъ великихъ державъ. Щекотливые вопросы, поднятые Либкнехтомъ, обратили вниманіе нѣмецкаго общества на одну изъ тѣхъ пружинъ, которыя направляютъ политическую жизнь Германіи на ложный и разорительный путь милитаризма. Съ одной стороны, привилегированный военный классъ, съ готовыми полководцами во главѣ, а съ другой—могущественныя фирмы, работающія по заказамъ военнаго вѣдомства, заставляютъ правительство періодически предъявлять все новыя и новыя требованія военныхъ затратъ и усилій, въ ожиданіи будущей грандіозной войны, которая никогда не возникнетъ и не можетъ возникнуть при господствѣ здраваго человѣческаго смысла въ международныхъ дѣлахъ.

Опасный международный кризисъ, угрожавшій общему миру культурныхъ націй, отодвинулъ на задній планъ одинъ изъ крупнѣйшихъ эпизодовъ мирной борьбы бельгійскаго рабочаго класса за политическую равноправность—замѣчательный и въ общемъ успѣшный опытъ всеобщей забастовки, какъ орудія борьбы противъ несправедливаго господства клерикально-буржуазной партіи. О значеніи и послѣдствіяхъ этой забастовки, продолжавшейся около недѣли, съ 14 (1-го) апрѣля, придется поговорить въ слѣдующемъ нашемъ обозрѣніи.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Упреки обновленцамъ петербургской городской думы.—Трудности, которыхъ не знали стародумцы.—Интерпретація «Россіи».—Октябристскій проектъ устава о печати.—Отвѣтственность издателей.—«День колоса ржи», безчисленные «дни» цвѣтковъ и «день воздушнаго флота».—Л. А. Полонскій и М. А. Газенкампфъ†.

«Обновленцы» петербургской городской думы стали мишенью яростныхъ нападокъ, такъ называемой, бульварной прессы и ехидныхъ намековъ доносительнаго характера реакціонныхъ политическихъ изданій. Возражать доносительству, конечно, нельзя,—какъ нельзя говорить на одномъ языкѣ съ г. Глинкой изъ «Земщины», съ г. Дубровинымъ изъ «Русскаго Знамени», или съ гг. Пуришкевичемъ и Замысловскимъ изъ Государственной Думы. Нельзя спорить и съ княземъ Мещерскимъ. Все, что касается самоуправленія, для него до очевидности просто и, по его утвержденію, имъ давно разрѣшено. Бѣда лишь въ томъ, что его не слушаютъ и что рекомендуемый имъ рецептъ пользуется, какъ онъ сознается съ грустью, «неизмѣннымъ неуспѣхомъ».

«Странное явленіе»—занесъ въ свой дневникъ 19-го апрѣля издатель «Гражданина»:—«покойный Плеве очень старательно работалъ надъ составленіемъ новаго городового положенія для С.-Петербурга, и со времени его введенія началась немедленно агонія петербургскаго самоуправленія, не взирая на то, что существенныхъ недостатковъ въ этомъ новомъ положеніи нельзя было указать». Такимъ образомъ, отправной посылкой своихъ сужденій князь Мещерскій принимаетъ фактъ, для него безспорный: дѣйствующій въ Петербургѣ законъ объ общественномъ управленіи 1903 г., надъ составленіемъ котораго «старательно работалъ» Плеве, есть вѣнецъ государственной мудрости. И если этотъ законъ не далъ ни оздоровленія Петербурга, ни чистой воды, ни благоустроенныхъ мостовыхъ,—то «выходъ одинъ: покончить съ комедіей петербургскаго городскаго самоуправленія». А покончить—продолжаетъ онъ—«нетрудно»:—«стоить только устроить городское управленіе изъ способныхъ и честныхъ людей, избранныхъ правительствомъ, и поручить ему веденіе хозяйства Петербурга, при участіи извѣстнаго количества представителей города, по выбору, и это управленіе сдѣлать от-

вѣтственнымъ передъ правительствомъ, а къ концу года созывать городскую думу, изъ избранныхъ членовъ, для выслушиванія отчета по управленію городомъ».

Словомъ, надо подарить Петербургу такое «самоуправленіе», какимъ предшественникъ Плеве, Д. С. Сипягинъ, въ 1901 году предполагалъ осчастливить девять западныхъ губерній, а современемъ — и всю земскую Россію. Чтобы въ дѣлахъ города все шло хорошо, городскими деньгами должны распоряжаться чиновники, а дума нужна лишь для того, чтобы «выслушивать» отчетъ чиновниковъ, отвѣтственныхъ передъ правительствомъ и отъ нея независимыхъ. Кто мыслитъ такъ, съ тѣми вести серьезный разговоръ неприходится. Князю Мещерскому, возмущающемуся, между прочимъ, тѣмъ, что петербургское самоуправленіе «не можетъ даже устраивать проѣздныхъ мостовыхъ», и противополагающему безкорыстіе чиновниковъ «липкости» рукъ гг. Медвѣдевыхъ, Дандре и Романовыхъ, можно лишь задать два вопроса. Знаетъ ли онъ, что обязанность содержать въ исправности мостовыя лежитъ въ Петербургѣ не на городѣ, а на домовладѣльцахъ, и что этой обязанности съ особымъ упорствомъ не исполняетъ крупнѣйшій, по цѣнности и по числу зданій, домовладѣлецъ—казна, т. е. чиновники, «отвѣтственные передъ правительствомъ» и абсолютно недосягаемые для воздѣйствій со стороны города? Знаетъ ли онъ также, что въ Петербургѣ уже два года существуетъ правительственная канализаціонная комиссія, содержимая на счетъ города, что предсѣдатель и правительственные члены комиссіи получаютъ изъ городской кассы огромные оклады, составляющіе въ сложности 64 тыс. рублей въ годъ, а представители города несутъ обязанности безвозмездно, что время дѣятельности комиссіи еще не наступило и что когда поэтому городская дума отказалась платить жалованье предсѣдателю и членамъ существующей только на бумагѣ комиссіи, то ея постановленіе было правительственной властью отмѣнено?

Упреки рядовыхъ обывателей, находящіе отраженіе въ «Петербургскомъ Листкѣ» и въ «Петербургской Газетѣ», имѣютъ исходной точкой, само собою разумѣется, не разсужденія кн. Мещерскаго И если отбросить тѣ грубыя формы, въ которыя облекаютъ обѣ газеты эти упреки, и то намѣренное смѣшеніе правды съ неправдой, которое дѣлается для сенсаціоннаго украшенія слога репортерскихъ замѣтокъ, то нельзя не признать, что упреки заслуживаютъ самаго полнаго вниманія. Стародумцамъ ли принадлежитъ въ городской думѣ большинство или обновленцамъ,—обывательской массѣ, въ сущности, совершено безразлично. Если же эта масса, наперекоръ избирательному закону, такъ настойчиво и послѣдовательно стре-

милась свалить стародумцевъ, то исключительно потому, что ни о состояніи, ни о пріемахъ веденія петербургскаго городского хозяйства уже много лѣтъ нѣтъ и не можетъ быть двухъ мнѣній. Прошло четыре мѣсяца послѣ обновленія состава думы и остался всего одинъ пятый, послѣ котораго наступятъ три мѣсяца каникулъ,—измѣненій же ни въ чемъ не произошло. Обывателямъ нѣтъ дѣла до того, что обновленцы получили въ наслѣдство отъ стародумцевъ болѣе восьмисотъ неразсмотрѣнныхъ дѣлъ. Имъ нужна здоровая вода, уличное благоустройство, упорядоченіе больницъ. Въ этомъ же отношеніи не только ничто не сдвинулось съ мѣста, но стороннему наблюдателю не видно и первыхъ къ тому шаговъ. Въ александроневской части опять лопнула городская сточная труба. Опять нечистоты проникли въ подвалы. И опять нельзя было найти ни раіоннаго техника, ни завѣдующаго частью члена управы. Такой фактъ не раздражать обывателей не можетъ.

Но этотъ же фактъ показываетъ, что въ дѣлахъ хозяйственныхъ непосредственное и потому чрезвычайно большое значеніе имѣютъ исполнительные органы. А по положенію 1903 г., надъ которымъ «старательно работалъ Плеве», исполнительнымъ органамъ петербургскаго городского самоуправленія придано, въ отличіе отъ другихъ городовъ, даже значеніе сугубое. Городской голова, управа и подчиненныя ей исполнительныя коммиссіи обладаютъ въ немалой степени самостоятельностью, въ смыслѣ далеко неполной зависимости отъ думы. Правда, думѣ принадлежитъ право избирать на всѣ городскія должности. Правда, обновленцы обязаны избирать людей, которые одинаково съ ними проникнуты всѣмъ тѣмъ, во имя чего городское населеніе не возобновило полномочій гласныхъ-стародумцевъ. Но одно дѣло избрать городского голову, членовъ управы, предсѣдателей и членовъ исполнительныхъ коммиссій, и совершенно другое—вступить избраннымъ въ исполненіе обязанностей. Для этого необходимо ихъ утвержденіе. Почти два мѣсяца назадъ дума избрала городского голову. Еще раньше она избрала шесть членовъ управы и цѣлый длинный рядъ комиссій. Никто изъ избранныхъ еще не утвержденъ. Мало того: ни о комъ нѣтъ отвѣта. Администрація наводитъ справки и думаетъ. Она болѣе трехъ мѣсяцевъ думаетъ, утверждать или не утверждать предсѣдателемъ городской канализаціонной коммиссіи А. И. Гучкова и болѣе двухъ мѣсяцевъ наводитъ справки, можетъ ли быть предсѣдателемъ городской училищной комиссіи П. А. Потѣхинъ, много лѣтъ занимавшій эту должность. Тѣмъ временемъ старые исполнительные органы фактически развалились, а новыхъ нѣтъ. Комиссіи въ засѣданія не собираются. Въ управѣ работаютъ четыре члена, неподлежащіе переизбранію. Остальные—

не работники: они не выбраны въ гласные, не переизбраны въ управу и со дня на день ждутъ увольненія.

На первыхъ же порахъ активной дѣятельности въ городской думѣ обновленцы лицомъ къ лицу оказались передъ тѣмъ, чего не знали стародумцы. Внося законопроектъ о принудительномъ оздоровленіи Петербурга, П. А. Столыпинъ далъ въ объясненіяхъ уничтожающую характиристику стародумцевъ и ихъ хозяйничанья. Не жалѣлъ онъ красокъ и въ рѣчи, которую говорилъ въ Государственной Думѣ. И, однако, ни самъ П. А. Столыпинъ, ни его предшественники, ни его преемникъ, никогда не встрѣчали препятствій къ утвержденію на главныхъ, по крайней мѣрѣ, должностяхъ избранниковъ стародумскаго большинства. Въ городскую думу внесена чрезвычайно любопытная справка «о случаяхъ неутвержденія министромъ внутреннихъ дѣлъ избранныхъ думою гласныхъ городской думы на должности въ исполнительныхъ органахъ». Всего съ 1904 года такихъ случаевъ было 20. Но изъ нихъ въ 15 неутвержденіе было направлено противъ излюбленнаго стародумцами совмѣстительства икасалось отказа утвердить членами разнообразныхъ комиссій лицъ, занимавшихъ другія должности. Все это были отказы мотивированные. Министръ внутреннихъ дѣлъ обыкновенно сообщалъ, что признаетъ невозможнымъ, чтобы одно лицо «безъ ущерба для дѣла» могло одновременно быть членомъ нѣсколькихъ комиссій, и всякій разъ, какъ только избранный слагалъ званіе члена другихъ комиссій, онъ получалъ утвержденіе. Затѣмъ въ одномъ случаѣ не былъ утвержденъ сенаторъ, избранный предсѣдателемъ училищной комиссіи, такъ какъ это избраніе состоялось вопреки сенатскому разъясненію. И только въ четырехъ случаяхъ министръ использовалъ, въ отношеніи стародумцевъ, право не утверждать избранныхъ безъ объясненія причинъ. Два такихъ случая были по комиссіи благотворительности, одинъ—по пожарной комиссіи и одинъ—по комиссіи по постройкѣ охтенскаго моста. Хотя мотивы остались неизвѣстными, но имена не утвержденныхъ слишкомъ ясно говорятъ, что соображенія министра не имѣли ничего общаго съ политикой.

Совершенно иное заранѣе объяснила обновленцамъ въ Петербургѣ и прогрессистамъ въ Москвѣ «Россія». Москва уже знаетъ, что князь Львовъ, избранный въ декабрѣ, не утвержденъ городскимъ головою; не утвержденъ и второй московскій кандидатъ. Въ предвидѣніи этого «Россія» писала о какой то рѣчи князя Львова, будто бы сказанной въ угоду «партійнымъ дѣятелямъ». Въ той же самой статьѣ (2-го марта) по адресу петербургскихъ обновленцевъ офиціозъ не ограничивался намеками, а

говорилъ совершенно опредѣленно, такъ какъ трактовалъ о совершившемся фактѣ: о неутвержденіи безъ объясненія причинъ гг. Шнитникова и Маргуліеса, избранныхъ членами больничной комиссіи. Съ легкостью медвѣдя и съ деликатностью городового, «казенныя перья» иронизировали надъ «лѣвыми газетами», выступившими «съ рядомъ весьма неосновательныхъ упрековъ по адресу правительства». «Разъ были выборы, но избранные не утверждены, слѣдовательно правительство не предоставляетъ органамъ общественнаго самоуправленія ни малѣйшей самостоятельности. Разъ не утверждены лица, политическая дѣятельность которыхъ особенно нравится лѣвымъ изданіямъ, то произволъ правительства изображается въ особо мрачныхъ краскахъ». Такъ «казенныя перья» воспроизводили аргументы своихъ противниковъ. И въ дальнѣйшемъ полетѣ фантазіи они рисовали слѣдующую картину. «Городскимъ головой Петербурга, положимъ, избираютъ члена Думы Петровскаго, у котораго въ квартирѣ скрывается бѣжавшій съ мѣста ссылки Свердловъ, или же этого Свердлова, а его товарищемъ избираютъ кого-либо изъ присяжныхъ повѣренныхъ съ тюремнымъ цензомъ...»

На гг. Романова, Медвѣдева и Дандре,—недавнихъ столповъ петербургскихъ стародумцевъ,—судъ наложилъ клеймо взяточниковъ. Но ихъ тюремный цензъ—другого рода. Нельзя допускать къ самоуправленію не ихъ. Институтъ утвержденія избранныхъ имѣетъ иныя задачи и въ иномъ заключается его цѣнность. Они, по словамъ «Россіи»—«въ освобожденіи городской работы отъ элементовъ, характеръ дѣятельности которыхъ ни для общества, ни для власти не представляетъ ни малѣйшей загадки». Но какъ же быть, когда другіе «элементы» тоже не представляютъ въ городской работѣ «ни малѣйшей загадки»?.. Нападающимъ на петербургскихъ обновленцевъ нужно помнить прошлое русскаго земства. Лѣвые земцы всегда находились въ условіяхъ, неизмѣримо болѣе тяжелыхъ, чѣмъ правые, ибо характеръ дѣятельности тѣхъ и другихъ никогда ни для кого не представлялъ «загадки». Отъ лѣвыхъ земцевъ земскую работу систематично «освобождали». Имъ приходилось работать въ постоянной борьбѣ за идею самоуправленія. И, однако, создали земское дѣло именно они—земская оппозиція. Пока обновленцы будутъ вѣрны идеѣ самоуправленія,—они не станутъ стародумцами. Городское дѣло, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, будетъ двигаться медленно. Но оно двинется. Примѣръ земства—тому порукой...

Вопросъ о новомъ законѣ для печати, повидимому, близокъ, если не къ разрѣшенію, то къ обсужденію въ законодательныхъ

учрежденіяхъ. Въ газеты стали уже проникать совершенно опредѣленныя извѣстія, какъ объ основныхъ положеніяхъ, такъ и о нѣкоторыхъ деталяхъ министерскаго законопроекта. Послѣдній съѣздъ объединенныхъ дворянъ, съ своей стороны, также немало потрудился надъ изобрѣтеніемъ мѣръ наиболѣе вѣрнаго и наиболѣе полнаго «защемленія» «свободнаго» печатнаго слова въ тиски. Составили свой проектъ и октябристы. Для его обсужденія передъ Пасхою нѣсколько разъ приглашались и собирались представители петербургскихъ, по словамъ «Новаго Времени», «прогрессивныхъ» газетъ. Такимъ образомъ, проектъ октябристовъ будетъ внесенъ въ Думу со штемпелемъ одобренія сотрудниковъ «Новаго Времени», «Свѣта», «Вечерняго Времени» и «Петербургской Газеты», которые не устояли передъ искушеніемъ назвать себя и свои органы «прогрессивными».

По содержанію, октябристскій проектъ представляетъ, въ общемъ, воспроизведеніе дѣйствующихъ законодательныхъ правилъ о повременной и неповременной печати. А потому положительная его сторона, заключается не въ томъ, что въ него занесено, а въ томъ, чего въ немъ нѣтъ. Въ немъ нѣтъ ни перенесенія отвѣтственности съ редакторовъ на издателей, ни трехчасового срока послѣ представленія газетнаго номера въ цензуру,—срока, въ теченіе котораго газета не можетъ быть выпущена изъ типографіи. При такомъ содержаніи проекта, естественно, правда, спросить его авторовъ: зачѣмъ они потратили и трудъ, и время? Но кто же ждетъ въ условіяхъ переживаемой современности, что въ результатѣ разрѣшенія поднятаго законодательнаго вопроса о печати положеніе печати станетъ легче? А разъ этого нельзя ждать, то и сохраненіе существующаго, подъ видомъ созданія новаго, составляетъ заслугу. Для печати, ежедневно подвергаемой штрафамъ въ административномъ порядкѣ, ежедневно конфискуемой и насчитывающей цѣлую армію авторовъ и редакторовъ, сидѣвшихъ долгіе мѣсяцы въ крѣпости и пожизненно лишенныхъ политическихъ правъ,—сохраненіе существующаго представляетъ, конечно, заслугу своеобразную, во всякомъ случаѣ, не въ обычномъ пониманіи слова. Но когда ожидается дальнѣйшее развитіе мѣръ «защемленія», безъ всякой надежды въ обратномъ направленіи, то поневолѣ происходитъ перетасовка понятій. И, пожалуй, «Новое Время» имѣло основаніе назвать своихъ делегатовъ, какъ и делегатовъ родственныхъ ему изданій, откликнувшихся на приглашеніе октябристовъ, представителями «прогрессивныхъ» газетъ. Кто въ своихъ политическихъ вожделеніяхъ не во всемъ идетъ въ ногу съ объединенными дворянами,—тотъ уже, по нынѣшнимъ временамъ, «прогрессивенъ».

Какъ и дѣйствующія правила 1905 и 1906 гг., проектъ октябристовъ пестритъ словомъ судъ. Единственный органъ карательнаго воздѣйствія на печать—судъ. Проектъ говоритъ, что даже дѣла о нарушеніи посредствомъ печати обязательныхъ постановленій, изданныхъ въ порядкѣ охраны, подлежатъ вѣдѣнію суда. Но вѣдь судъ можетъ быть различный. Судъ можетъ быть и военно-полевой. Какъ извѣстно, по проекту новаго закона объ исключительныхъ положеніяхъ, который составила комиссія третьей Думы, нормальнымъ органомъ юстиціи для печати по политическимъ преступленіямъ предположенъ даже не судъ сословныхъ представителей, а военный. Это—во-первыхъ. А, во-вторыхъ, не только въ органѣ, налагающемъ на печать кары, лежитъ суть вопроса. Она лежитъ, главнымъ образомъ, въ конструкціи уголовнаго закона, опредѣляющаго составъ дѣяній, и въ размѣрѣ каръ. Конструкціи же этой и карательныхъ для печати ставокъ проектъ октябристовъ не затрагиваетъ. Составители проекта, подобно объединеннымъ дворянамъ, видимо считаютъ, что въ этомъ отношеніи для печати все обстоитъ благополучно и ничто не требуетъ измѣненій. А, между тѣмъ, и указъ 21 февраля призналъ противное. Лицамъ, учинившимъ по 21-ое февраля дѣянія, предусмотрѣнныя ст. 128, 129 и 132 уголовнаго уложенія, въ общемъ правилѣ, даровано лишь сокращеніе сроковъ наказанія; лицъ же, учинившихъ тѣ же дѣянія посредствомъ печати, повелѣно «отъ суда и наказанія освободить» вовсе. Такимъ образомъ, въ актѣ, равносильномъ закону, уже имѣется признаніе несправедливости распространенія на «преступниковъ пера» общихъ опредѣленій о преступномъ возбужденіи,—т. е. именно о томъ, за что печать такъ жестоко расплатилась и расплачивается. Въ проектъ, задающійся малѣйшимъ хотя бы улучшеніемъ правового положенія печати, это авторитетное признаніе должно быть заложено, какъ краеугольный камень. Безъ него слово «судъ» не можетъ имѣть и тѣни того значенія, которое съ нимъ связывается.

Цѣль, преслѣдуемая установленіемъ по министерскому проекту института отвѣтственныхъ издателей, не требуетъ особенныхъ поясненій. Издатель есть лицо, вложившее въ изданіе капиталъ. Предполагается, что издатель лишь условно заинтересованъ идейной стороной изданія и что главный его интересъ—въ матеріальномъ успѣхѣ. Предполагается далѣе, что онъ будетъ гораздо болѣе суровымъ внутреннимъ цензоромъ, чѣмъ редакторъ, и гораздо болѣе покладистымъ въ отношеніи требованій и «добрыхъ совѣтовъ» со стороны администраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, учитывается трудность фиктивнаго издательства, сравнительно съ опытомъ доказанной легкостью фиктивнаго редакторства. Дѣйствительно, для

мами зубныхъ врачей и провизоровъ, евреи, лишенные права на капиталиста щитъ въ лицѣ подставного издателя неизбѣжно связанъ съ имущественнымъ рискомъ и, къ тому же, весьма крупнымъ,—поскольку чрезвычайно крупное предпріятіе представляетъ собой въ настоящее время каждое издательское дѣло и особенно изданіе ежедневной политической газеты.

Этихъ житейскихъ соображеній никто не скрываетъ. А что пользованіе ими несообразно съ юридической логикой,—можетъ ли это служить убѣдительнымъ аргументомъ? Если уже въ порядкѣ разъяснительнаго правотворчества сената не разъ сажали на скамью подсудимыхъ издателей повременныхъ изданій, предъявляя имъ обвиненія въ распространеніи сочиненій, какъ въ преступномъ дѣяніи sui generis,—то почему въ порядкѣ законодательномъ не перенести на нихъ полной отвѣтственности хотя бы за то, чего они сами не читали, не обязаны были, а, пожалуй, по малограмотности, и не могли читать? Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ разсказывали, какъ просто начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати удалось ярко лѣвую провинціальную газету обратить въ столь же ярко правую. Газета имѣла большой успѣхъ. Издатель наживалъ деньги, но въ политическихъ направленіяхъ онъ не разбирался. Его призвали въ Петербургъ и объявили, что газета за вредное направленіе будетъ закрыта. Издатель взмолился. Чтобы миновать бѣды, ему рекомендовали взять редакторомъ такого-то писателя. Онъ, конечно, согласился. Ему было рѣшительно все равно, кто и что пишетъ въ газетѣ. Онъ думалъ, что, что-бы ни писали,—газета будетъ давать прежній доходъ. Но въ томъ-то и дѣло, что такихъ издателей болѣе не осталось. Точнѣе сказать, ихъ не осталось въ лѣвой прессѣ. Штрафы и иныя пріятныя послѣдствія, связанныя съ изданіемъ прогрессивной газеты, давно измѣнили типъ издателя. Послѣ-конституціонный издатель лѣвой газеты не можетъ не быть идейнымъ человѣкомъ. А если такъ, то средство обойти новый законъ жизнь найдетъ.

«Обходъ» закона, противъ чего въ различныхъ областяхъ сейчасъ ведется настойчивая борьба, создаетъ не столько преступная воля людей, сколько самъ законъ. Жизнь сильнѣе закона. И если законъ не считается съ жизнью и желаетъ во что бы то ни стало сломать ея реальные запросы, то неизбѣжно окажутся пути, по которымъ жизнь, подобно ручью, обойдетъ преграждающее ея теченіе препятствіе. Такъ обойденъ законъ о земельномъ цензѣ, и такъ, съ помощью болотныхъ цензовъ, получили доступъ въ мировые судьи и въ земскіе гласные лица, земельная собственность которыхъ отнюдь не свидѣтельствуетъ о ихъ имущественной обезпеченности. Такъ обходятъ законъ, дипло-

образованіе, сдавленные въ чертѣ осѣдлости и обреченные въ ней на вымираніе отъ голода. Такъ явились на свѣтъ подставные редакторы. Такъ явятся — подставные издатели. Къ услугамъ издателей настоящихъ найдутся безъ всякаго сомнѣнія формы низведенія къ нулю имущественнаго и личнаго риска.

Усердіе не по разуму и зависть могутъ рѣшительно все на свѣтѣ извратить. Новое тому доказательство—чуть не ежедневные сборы пятачковъ и гривенниковъ подъ видомъ продажи цвѣтковъ, «красныхъ яичекъ» и всякаго рода значковъ. На шестой недѣлѣ поста сборы производились въ Петербургѣ четыре дня кряду. Наконецъ, 18-го апрѣля былъ «день воздушнаго флота» — продавались мѣдныя изображенія воздушныхъ шаровъ и аэропланов и оловянныя медали. Газетныя объявленія и плакаты приглашали жертвовать «на великое дѣло созданія всероссійскаго народнаго воздушнаго флота» всѣхъ тѣхъ, «кому дороги честь, слава и величіе Россіи, кто дорожитъ ея культурнымъ развитіемъ и военной мощью».

Первый починъ замѣны старыхъ формъ благотворительныхъ сборовъ продажею цвѣтка принадлежалъ обществу борьбы съ бугорчаткой. Туберкулезъ—одна изъ ужаснѣйшихъ язвъ жизни большихъ городовъ. Въ Петербургѣ не найдется семьи, которая не насчитывала бы среди своихъ близкихъ или больныхъ туберкулезомъ, или преждевременно, отъ туберкулеза, ушедшихъ въ могилу. Бугорчатка не знаетъ разницы между дворцами и подвалами. Дѣло помощи такъ естественно было вынести изъ залъ концертовъ и свѣтскихъ базаровъ на улицу, на фабрики, въ канцеляріи, въ фешенебельные рестораны и трактиры съ «черной половиной», въ трамваи. Такъ естественно было, во имя борьбы съ бугорчаткой, соединить на одинъ день всѣ классы населенія, и всѣмъ—богатымъ и бѣднымъ, банкирамъ и чернорабочимъ, сановникамъ и писцамъ — напомнить бѣлымъ цвѣткомъ объ общественномъ долгѣ. И опытъ удался блестяще. Сборъ, при ничтожныхъ расходахъ, далъ многіе десятки тысячъ рублей.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя былъ «день колоса ржи». Неурожай 1911 года сказался другою язвою русской жизни, язвою деревни—голодамъ. На голодъ общественныя организаціи всегда откликались у насъ съ особенной отзывчивостью. Борьба съ голодомъ, правда, есть не столько задача общественной, сколько государственной иниціативы. Для этой цѣли существуютъ особые капиталы и особыя же правительственныя учрежденія—центральныя, губернскія и уѣздныя. Но государство, въ лицѣ нашей правительственной власти, и прежде смотрѣло на голодъ, и теперь смотритъ, подъ особымъ

угломъ зрѣнія. Голода оно не знаетъ, а знаетъ лишь «нѣкоторый недостатокъ продовольствія». Помогая, — оно преслѣдуетъ задачи посторонняго свойства, диктуемыя опасеніемъ избаловать голодающихъ даровой и безвозвратной помощью. Дѣло помощи оно подчиняетъ полицейскому предупрежденію проникновенія въ деревню «вредныхъ» мыслей. Уже болѣе двадцати лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, когда даже земскія учрежденія были признаны недостаточно благонадежными для завѣдыванія народнымъ продовольствіемъ въ годы хронически повторяющагося голода и когда продовольственное дѣло было отъ нихъ отнято. А для частныхъ лицъ и организацій устройство столовыхъ и раздача пайковъ всегда было и останется дѣломъ полузапретнымъ. На право подавать голодающимъ милостыню требуется разрѣшеніе, и столовыя возникаютъ не тамъ, гдѣ въ нихъ есть нужда и гдѣ есть люди, готовые отдавать время, трудъ и деньги, а тамъ, гдѣ эти люди могутъ получить сертификатъ полицейской благонадежности.

При такихъ условіяхъ, борьба съ голодомъ стала однимъ изъ нашихъ крупнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ. Всякій разъ голодъ привлекаетъ тѣмъ сильнѣе общественное вниманіе, чѣмъ энергичнѣе власть противодѣйствуетъ общественнымъ начинаніямъ. И «день колоса ржи» былъ, конечно, не чуждъ политическаго значенія. Правительство это ясно подчеркнуло: въ казенныя мѣста входъ сборщикамъ былъ воспрещенъ. Несмотря на то, однако, что духъ политическаго протеста, давнымъ давно вскормленнаго и настойчиво питаемаго, не разъ и не два обнаруживалъ свое напряженіе,— успѣхъ «дня» превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. «Колосъ ржи» украшалъ извозщиковъ, дворниковъ, метельщиковъ улицъ, фабричныхъ рабочихъ и вмѣстѣ съ ними—членовъ Государственной Думы и публику автомобилей и первыхъ рядовъ театральныхъ креселъ. Въ Петербургѣ было собрано почти двѣсти тысячъ рублей. Въ Москвѣ—еще больше.

Примѣръ общества борьбы съ бугорчаткой и «дня колоса ржи», показавшій, что можно въ одинъ день собирать десятки и сотни тысячъ рублей, вскружилъ головы безконечному множеству благотворительныхъ обществъ и учрежденій. Каждое благотворительное учрежденіе преслѣдуетъ благую цѣль и дѣлаетъ благое дѣло. Но средства достиженія цѣли всегда и во всемъ должны стоять въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, для чего и во имя чего прибѣгаютъ къ данному средству. Благое дѣло — призрѣніе увѣчныхъ воиновъ, или забота о безпріютныхъ дѣтяхъ, или организація выѣздовъ «каретъ скорой помощи». Но когда, общество содержащее пріютъ на двадцать дѣтей, желаетъ перейти изъ наемнаго помѣ-

щенія въ собственное и для этого объявляетъ «день василька» или другого цвѣтка или значка, то получается нѣчто вродѣ попытки стрѣлять изъ двѣнадцатидюймоваго орудія по воробьямъ. Постройка дома для даннаго пріюта объявляется всенароднымъ дѣломъ. Во имя этого «дѣла»—безспорно хорошаго, но столь же безспорно маленькаго — предлагается всему двухмилліонному населенію Петербурга объединиться подъ символомъ «василька», «незабудки» или «краснаго яичка». Для призыва помочь маленькому дѣлу на улицы выходятъ тысячи сборщиковъ и сборщицъ съ тысячами кружекъ,—тогда какъ въ сущности, это есть дѣло небольшого, тѣсно замкнутаго кружка добрыхъ людей, согласившихся направлять свою дѣятельность внутри маленькаго и строго ограниченнаго уголка народной нужды.

И практическія слѣдствія злоупотребленія большимъ средствомъ для достиженія небольшой цѣли не замедлили обнаружиться. Чѣмъ чаще стали повторяться дни цвѣтковъ, тѣмъ меньшими сдѣлались сборы. А расходы на организацію «дней» увеличились. Въ кассу благотворительныхъ учрежденій, какъ чистый доходъ, уже поступаютъ не 97% собранныхъ денегъ, какъ было въ день колоса ржи, а всего процентовъ 30—40. Одно изъ недавно организовавшихъ «день» обществъ собрало восемь тысячъ рублей, а израсходовало на значки, кружки и проч. пять тысячъ. Общество имѣетъ своей задачей чрезвычайно скромное благотворительное дѣло. Денежные его обороты ничтожны. Для него и три тысячи рублей—цѣлый капиталъ. И устроителя «дня» довольны. А что они способствовали тому, что отъ сборщиковъ стали отворачиваться и что «дни» цвѣтковъ уже вызываютъ общественное недоумѣніе, готовое перейти въ раздраженіе,—ихъ это видимо не заботило и не заботитъ. Дискредитированы «дни» или нѣтъ—имъ все равно: «мы» получили для «нашихъ» бѣдныхъ три тысячи рублей.

Злоупотребленіе большимъ способомъ для достиженія небольшой цѣли низвело дни цвѣтковъ на степень обычныхъ пріемовъ полученія денегъ благотворительными учрежденіями. Эти пріемы—концерты, базары, маскарады, балы—давно уже утратили всякую соразмѣрность въ соотношеніи между затратами и результатомъ. И каждый покупающій десятирублевый билетъ въ какой-нибудь громко рекламируемый «небывалый» маскарадъ съ благотворительной цѣлью отлично знаетъ, что изъ его денегъ едва одинъ рубль пойдетъ на дѣла благотворенія, а что девять—израсходованы авансомъ, чтобы отъ него этотъ одинъ рубль получить. Но покупающему десятирублевый билетъ въ маскарадъ, всетаки, предлагаютъ за девять

рублей получить болѣе или менѣе пряное удовольствіе; опускающій же въ кружку пять копѣекъ и знающій, что изъ его пятачка пойдетъ на дѣло всего двѣ коцѣйки, не получаетъ за большую долю своего пожертвованія рѣшительно ничего. Чѣмъ чаще появляются на улицахъ продавцы цвѣтковъ, тѣмъ, естественно, менѣе находится охотниковъ жертвовать деньги при условіи, что болѣе половины пожертвованнаго рубля должны идти на покрытіе издержекъ по организаціи сбора.

Обычные пріемы благотворительныхъ учрежденій давно стали рѣзко искусственными и въ другомъ отношеніи. Для концертовъ нужны исполнители, для лекцій—лекторы. Сезонъ концертовъ сдѣлался временемъ тяжелой страды для музыкантовъ, пѣвцовъ, танцовщиковъ и разсказчиковъ. Ихъ неотступно просятъ участвовать въ «добромъ дѣлѣ». Отказъ—вызываетъ косые взгляды. Для «дней цвѣтковъ» таланты не нужны. Но нужны сборщики,—нужны тысячи людей, готовыхъ долгіе часы ходить съ кружкой по городу. И въ день «колоса ржи» недостатка въ сборщикахъ не было, какъ никогда не бывало недостатка въ артистахъ въ концертахъ въ пользу голодающихъ. Въ день «колоса ржи» искать сборщиковъ не приходилось. Они являлись сами. И не было ни одной пропавшей кружки. Устроителямъ дней сбора на тотъ или другой пріютъ, на то или другое хорошее, но маленькое дѣло сборщиковъ приходится разыскивать. А за невозможностью найти достаточное число такихъ сборщиковъ, какихъ видѣли Петербургъ и Москва въ день колоса ржи, пришлось не быть разборчивыми. Въ итогѣ, послѣ каждаго «дня» въ газетахъ стали появляться окончательно убивающія «день» замѣтки: столько-то кружекъ «не доставлено», столько-то кружекъ принесены «со сломанными замками», столько—возвращено «пустыхъ», во дворѣ такого-то дома найдена разломанная кружка.

Но послѣднее слово сказалъ «день народнаго воздушнаго флота». Созданіе воздушнаго флота—дѣло не маленькое. Напротивъ, какъ къ нему ни относиться,—оно дѣло большое. Только оно не дѣло общественной иниціативы, во-первыхъ, и ничего общаго не имѣетъ съ благотворительностью, во-вторыхъ. Устроилъ «день» Императорскій всероссійскій аэроклубъ—учрежденіе спортивное, и то, впрочемъ, всего лишь на половину. Въ своихъ воззваніяхъ клубъ заявлялъ, что «всероссійскій народный воздушный флотъ» «въ мирное время долженъ служить для обученія военныхъ летчиковъ и летчиковъ-добровольцевъ, а въ военное время поступаетъ въ распоряженіе военнаго и морского вѣдомствъ». Свою «обществен-

ную» заслугу и свое право на пятачки клубъ мотивировалъ тѣмъ, что на принадлежащихъ ему аэропланахъ «обучились полетамъ 34 пилота, изъ нихъ 17 офицеровъ арміи и флота безвозмездно». На какой же предметъ приглашалъ Императорскій всероссійскій аэроклубъ нести народные пятачки? Очевидно, не на новое культурное завоеваніе человѣческаго генія и не на завершеніе побѣды человѣка надъ воздухомъ. Очевидно, даже не на развитіе новаго вида спорта. Аэроклубъ взывалъ о жертвахъ на усиленіе средствъ государственной обороны и на «безвозмездное» обученіе полетамъ офицеровъ. При посредствѣ аэроклуба, слѣдовательно, выходило 18-го Апрѣля «въ кусочки» государство,—какъ зло, но вѣрно было сказано въ одной газетѣ. Государство съ трехмилліарднымъ бюджетомъ и съ милліардомъ ежегодныхъ расходовъ на военную оборону стояло, подобно голодающимъ, съ протянутой рукой и ждало подаяній.

И «Россія» не преминула раскрыть до конца истинный смыслъ и истинное значеніе «дня воздушнаго флота». «Интересъ общества къ вопросамъ государственной обороны — писала газета—слѣдуетъ горячо привѣтствовать»... «Военная наука и боевой опытъ выяснили уже свойства самолетовъ и воздушныхъ кораблей»... «Успѣхи русскаго летанія помогаютъ военному вѣдомству въ развитіи военнаго воздухоплаванія»... «Самолетъ, какъ военный снарядъ, соотвѣтствуетъ лихости русскаго характера и вырабатываетъ смѣлыхъ развѣдчиковъ, заслуги которыхъ въ военное время имѣютъ большое значеніе»... Послѣ этого можно, пожалуй, дождаться однодневныхъ сборовъ на перевооруженіе артиллеріи или на постройку стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ: «военная наука и боевой опытъ» гораздо полнѣе «выяснили» свойства пушекъ и значеніе во время войны желѣзныхъ дорогъ.

Какъ и «день колоса ржи», «день воздушнаго флота» тоже не чуждъ былъ политики, но, конечно, въ него заложена была политическая тенденція совершенно другого порядка. Это былъ одинъ изъ моментовъ въ системѣ всероссійской милитаризаціи, которая, по выраженію офиціоза, «такъ ненавистна всѣмъ нашимъ лѣвымъ». «Днемъ воздушнаго флота» закрѣплялось дальнѣйшее порабощеніе общественности государственностью,—вѣрнѣе не государственностью, даже, а правительствомъ даннаго состава. «Потѣшными» и воздушнымъ флотомъ общественность направляется въ русло служенія тѣмъ задачамъ милитаризаціи, вокругъ которой объединились покойный П. А. Столыпинъ, націоналисты и А. И. Гучковъ, создавшій комиссію государственной обороны третьей Государственной Думы. «Россія» ставитъ,

какъ принципъ, что «подготовка будущихъ воиновъ должна производиться не только правительствомъ, но и обществомъ». И отсюда, вспоминая «нашихъ» предковъ, «завѣщавшихъ намъ въ огромныхъ войнахъ великіе образцы самопожертвованія», дѣлаетъ выводъ: «поэтому народъ, жертвующій средства на воздухоплаваніе, на полки развѣдчиковъ и потѣшныхъ, на морскія прогулки, есть народъ, понимающій свои государственныя обязанности».

Да, наши предки завѣщали «великіе образцы самопожертвованія»; но они ихъ завѣщали «въ огромныхъ войнахъ». Въ минуту государственной опасности и сейчасъ, несомнѣнно, польются народныя пожертвованія. Но одно дѣло — государственная опасность и совершенно иное — «безвозмездное» обученіе полетамъ офицеровъ. Не аэроклубъ, а государство должно ихъ обучать полетамъ, — и не на народныя подаянія, а на собираемыя съ населенія налоги. Общественность имѣетъ свои задачи и свои источники полученія средствъ, государство—свои. Мы имѣемъ живой примѣръ созданія на пожертвованія средствъ государственной обороны. Этотъ примѣръ—Добровольный флотъ. Что знаетъ общество о Добровольномъ флотѣ? Общественное это учрежденіе или казенное?.. Печать казенщины явно лежала на «днѣ воздушнаго флота». Въ другіе «дни» строго воспрещено гимназистамъ ходить съ кружками, а въ этотъ — запрета не было. Такъ и въ славянскихъ манифестаціяхъ главную и наиболѣе экспансивную массу «народа» составляли студенты-академисты, юнкера и ученики гимназій. Итогъ «дня воздушнаго флота», по первымъ свѣдѣніямъ, не превысилъ пятнадцати тысячъ рублей, при десяти тысячахъ расхода.

Всего два мѣсяца назадъ мы привѣтствовали Леонида Александровича Полонскаго, такъ много отдавшаго силъ «Вѣстнику Европы» и такъ много сдѣлавшаго, въ свое время, для журнала, по случаю вступленія въ девятый десятокъ лѣтъ жизни. Теперь приходится отмѣтить его кончину. Тяжело и давно хворавшій, покойный почти до смерти оставался на посту журналиста. Въ послѣдніе годы польскій писатель въ немъ пересилилъ русскаго. Петербургская польская колонія съ болью и тягостной грустью проводила его на мѣсто послѣдняго упокоенія.

Скончался другой сотрудникъ «Вѣстника Европы» — правда, болѣе или менѣе случайный—Михаилъ Александровичъ Газенкампфъ. М. А. былъ однимъ изъ заслуженныхъ военныхъ генераловъ и умеръ, занимая должность помощника главнокомандующаго войсками гвардіи

и петербургскаго военнаго округа. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ профессоромъ военной администраціи въ Николаевской академіи генеральнаго штаба и пріобрѣлъ научное имя особенно своимъ трудомъ: «Военное хозяйство въ нашей и иностранныхъ арміяхъ». Оставивъ профессуру, онъ былъ окружнымъ интендантомъ и позже—астраханскимъ военнымъ губернаторомъ. Во время войны 1877—1878 гг. покойный молодымъ офицеромъ состоялъ при штабѣ главнокомандующаго дунайской арміей. Свои наблюденія онъ систематично заносилъ въ дневникъ. Этотъ интересный и содержательный «Дневникъ» былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1906 г.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. А. Исаевъ. Левъ Толстой среди мудрецовъ. Спб., 1913. Стр. 95. Ц. 50 к.

Внимательное изученіе сборника «Кругъ чтенія» дало проф. Исаеву матеріалъ для интереснаго этюда, облегчающаго пониманіе и оцѣнку основныхъ идей Толстого. Авторъ критически относится къ Толстому, какъ мыслителю, но критика его отличается научною осторожностью и обдуманностью. Въ своемъ сборникѣ, какъ и въ другихъ своихъ твореніяхъ, — говоритъ Исаевъ, — Толстой «является великимъ художникомъ: нѣкоторые изъ его разсказовъ таковы, что, прочитавъ ихъ, хочется читать ихъ снова и снова»; но большинство его афоризмовъ значительно ниже мыслей другихъ писателей, которымъ отведено мѣсто въ «Кругѣ Чтенія». Подробный анализъ содержанія сборника приводитъ автора къ заключенію, что трудъ, принятый на себя Толстымъ, какъ собирателемъ изреченій мудрецовъ и составителемъ сборника — «истинно великій трудъ», къ которому «русское общество должно отнестись съ самой глубокой благодарностью». Для читателей и почитателей «Круга чтенія» этюдъ проф. А. А. Исаева можетъ служить полезнымъ литературно-критическимъ пособіемъ или комментаріемъ.

А. М. Гвирцманъ. Соціологія Уорда и ея отношенія къ соціологическимъ построеніямъ Маркса. Спб., 1913. Стр. 200. Ц. 1 р. 30 к.

Изслѣдованіе г. Гвирцмана составляетъ второй выпускъ «Трудовъ экономическаго семинарія подъ руководствомъ М. И. Туганъ-Барановскаго при юридическомъ факультетѣ Спб. университета» и напечатанаго по рекомендаціи соціолога Евг. В. де-Роберти и съ одобренія проф. Туганъ Барановскаго. Въ весьма добросовѣстной работѣ молодого автора разбираются «нѣкоторые существенные моменты современнаго развитія соціологіи и ихъ связь съ тенденціями развитія экономической науки»; но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы разсужденія г. Гвирцмана были достаточно ясны для обыкновеннаго читателя. «Резюмируя теперь схематически все выше найденное, — говорится, наприм., въ одномъ мѣстѣ — получаемъ: соціальныя силы, синергія соц. силъ, ихъ равновѣсіе, соціальныя структуры, или соціально-механическія организаціи,— совокупность ихъ, также имѣющая характеръ структуры — общество, соціальный порядокъ, наличная всеобщность принципа синергіи соц. силъ,— принципа, какъ необходимаго условія всякаго даннаго относительно-устойчиваго соц. явленія, и eo ipso, самаго соціальнаго порядка,—такова въ основныхъ чертахъ статистическая картина міра общественности, какъ она можетъ быть набросана при современномъ состояніи отвлеченной соціальной науки». Хотя все это «резюмэ» напечатано курсивомъ (стр. 129)—вѣроятно для большей ясности, — но признаемся откровенно, что мы тутъ ничего не понимаемъ, и пожалуй, большинство читателей находится въ такомъ же положеніи. Избытокъ «учености» есть тоже недостатокъ, хотя недостатокъ и поправимый, особенно для начинающаго автора.

А. Ященко. Теорія федерализма. Опытъ синтетической теоріи права и государства. Юрьевъ, 1912 г. Стр. 841. Цѣна 4 руб.

Объемистая книга проф. А. Ященко заключаетъ въ себѣ очень много, даже слишкомъ много внѣшнихъ признаковъ и принадлежностей учености, — до того, что

даже свѣдѣнія о славянскихъ народахъ приводятся лишь со словъ французскихъ и англійскихъ авторовъ, причемъ извѣстный сербскій дѣятель Гарашанинъ превращается въ Гараханина (стр. 742). Но результаты этой учености и заключительные выводы всего обширнаго изслѣдованія проф. Ященко оказываются довольно скудными. Относительно балканской федераціи авторъ повторяетъ обычное мнѣніе нашихъ націоналистовъ, что «при благожелательной и дружественный поддержкѣ Россіи, славянскіе народы должны очень скоро понять, что русскій языкъ и русская культура есть единственная и дѣйствительно объединяющая общеславянская сила». Автономія Финляндіи, какъ «односторонняя уступка суверенной русской власти», можетъ быть отмѣнена во всякое время, при «измѣнившихся обстоятельствахъ»; новый законъ объ общеимперскомъ законодательствѣ заполнилъ «чрезвычайно пагубный пробѣлъ» и «вполнѣ точно опредѣлилъ юридическое положеніе Финляндіи, какъ инкорпорированной самоуправляющейся провинціи Россіи». У насъ самоуправленіе признается желательнымъ, если оно «разумно и цѣлесообразно», т. е. если оно удобно и желательно съ точки зрѣнія правительственной власти; самоуправленіе «должно не ослаблять, а усиливать государственное цѣлое, не разъединять людей, а соединять ихъ, сближать въ общей солидарной работѣ; поэтому нужно высказаться противъ политической децентрализаціи по племеннымъ, провинціально-національнымъ признакамъ (стр. 787), а такъ какъ судьями въ вопросѣ о томъ, что ослабляетъ или усиливаетъ государственное цѣлое, являются на практикѣ губернаторы и министры, то въ итогѣ получается лишь пресловутая губернаторская децентрализація, о которой говорилось въ извѣстномъ франко-русскомъ министерскомъ интервью. Ради полученія подобныхъ выводовъ не стоило писать и печатать ученый трактатъ въ 840 страницъ.

Л. С.

Собраніе сочиненій Макса Нордау. Томъ I. Стр. 418. Томъ II. Стр. 364. Москва, 1913 г. Цѣна каждаго тома 1 руб.

Первые два тома выпускаемаго московскою издательскою фирмою В. М. Саблина собранія сочиненій Макса Нордау, заключаютъ въ себѣ его извѣстное «Вырожденіе» («Entartung»). Не менѣе поверхностный, чѣмъ даровитый нѣмецкій фельетонистъ, онъ поставилъ здѣсь своею цѣлью — дать «научную критику, сдѣлать попытку изслѣдовать модныя направленія въ искусствѣ и литературѣ и доказать, что ихъ происхожденіе коренится въ *вырожденіи* ихъ авторовъ и что ихъ почитатели увлекаются произведеніями болѣе или менѣе сильно выраженнаго моральнаго помѣшательства, слабоумія и сумашествія». Появленіе въ 1892 г. «Entartung» вызвало много шума заграницею и у насъ, и если книга имѣла успѣхъ, то это было скорѣе succès de scandale. «Научность» критическаго метода Нордау крайне проблематична, его философскія и соціальныя воззрѣнія донельзя плоски; чуждый малѣйшаго пониманія новыхъ явленій въ искусствѣ и литературѣ, онъ все безъ разбору подводитъ подъ одну рубрику «вырожденія»,— причемъ тутъ же у него попадаютъ не только Ибсенъ, но даже и Левъ Толстой. Если 20-лѣтняя давность, истекшая со времени выхода въ свѣтъ «Вырожденія», даетъ возможность болѣе спокойнаго отношенія къ критическимъ софизмамъ и парадоксамъ автора, то она отнюдь не повысила цѣнности его произведенія. Переводъ въ общемъ недуренъ и внѣшность изданія удовлетворительна.

С. Г.

Критическое пособіе. Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 лѣтъ. Сост. Л. О. Вейнбергъ. Т. I. Цѣна 1 р. 25 коп. Т. II. Цѣна 1 р. Т. III. Цѣна 1 р. 50 коп. М. 1913.

«Пособіе» предназначено для учащихся, и составитель останавливался лишь на такихъ статьяхъ, которыя бы отличались литературной формой и въ то же время служили голосомъ опредѣлившагося въ общественномъ сознаніи художественно психологическаго и историко-общественнаго пониманія литературныхъ явленій». Критерій этотъ слишкомъ общъ и неясенъ и самъ по себѣ сразу обличаетъ полную растерянность составителя въ вопросахъ исторіи литературы и критики. Нѣтъ попытки даже внѣшне связать отдѣльныя явленія. Самый же главный недостатокъ сборника — абсолютное отсутствіе какой-нибудь программы и цѣли, связующей нити, безъ которой сборникъ представляетъ собою кучу вырѣзанныхъ изъ разныхъ авторовъ статей. Особенно повезло въ этомъ отношеніи Овсянико-Куликовскому, изъ котораго предпріимчивый составитель вырѣзалъ добрую сотню страницъ. Въ сборникъ вошли статьи Жуковскаго, Гоголя, Кирѣевскаго, Бѣлинскаго, Дружинина, Григорьева, Писа-

рева, Добролюбова, Чернышевскаго, Страхова, Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Вл. Соловьева, Громеки, Михайловскаго, Овсянико-Куликовскаго, Мережковскаго, Волынскаго, Айхенвальда, Лернера и Ключевскаго, но выборъ матеріала, который долженъ охватить періодъ отъ Карамзина до Чехова, до крайности капризенъ и кромѣ вреда сборникъ ничего принести учащимся не можетъ. Г. Вейнбергъ говоритъ о какихъ-то своихъ «педагогическихъ соображеніяхъ», но они остаются его тайной.

Записки графа Николая Егоровича Комаровскаго. М. 1912.

Среди множества мелочей семейной и служебной жизни покойнаго автора мемуаровъ попадаются довольно интересныя подробности великосвѣтскаго и придворнаго быта временъ Александра II. Хорошо обрисованъ извѣстный артистъ-дилетантъ, покровитель молодыхъ Рубинштейновъ, графъ М. Ю. Віельгорскій; мелькаютъ имена Ив. Кирѣевскаго, Хомякова, Тютчева. Тоскливымъ дворянскимъ жалобамъ автора на формы и ненавистное освободительное движеніе изрядно противорѣчитъ невольно раскрываемая имъ дѣйствительность, которой онъ такъ горячо сочувствовалъ. Господинъ, который откомандовавъ тремя кавалерійскими полками, сталъ во главѣ женскаго образованія» и, любя танцы, поставилъ на небывалую высоту въ подвѣдомственныхъ учебныхъ заведеніяхъ «танцовальное дѣло», фигура весьма типичная. Семейныя и педагогическія условія, въ которыхъ лелѣялись государственные дѣятели этого сорта, очень живо выясняются на страницахъ записокъ. Очень интересенъ записанный авторомъ разсказъ его отца о знаменитомъ іезуитскомъ пансіонѣ при церкви св. Екатерины.

Уединенный домикъ на Васильевскомъ. Разсказъ А. С. Пушкина, по записи В. П. Титова. Спб. 1913. Цѣна 50 к.

Записанная со словъ Пушкина, вѣрнѣе по памяти, однимъ изъ случайныхъ слушателей Пушкина, повѣсть объ уединенномъ домикѣ хранитъ нѣкоторые слѣды настоящаго пушкинскаго творчества, заключающіяся въ фабулѣ, ситуаціяхъ, характерахъ. Ущербъ при передачѣ, несомнѣнно, потерпѣли стиль и композиція. Есть данныя предполагать, что Пушкинъ далеко не обработалъ разсказа, а только развивалъ замыселъ въ свободной импровизаціи. Г. Ѳ Сологубъ, въ послѣсловіи, высказываетъ надежду на «возстановленіе чисто-пушкинскаго текста этого разсказа, очищеніе его отъ всего, внесеннаго Титовымъ» (записавшимъ его). Такая попытка не имѣла бы подъ собою почвы, такъ какъ никакого «пушкинскаго текста», повидимому, никогда не было, и Титовъ, прослушавъ разсказъ, «нѣсколько времени спустя положилъ съ памяти на бумагу». Разсказъ изданъ изящно, но дорого; онъ, къ тому же, былъ еще раньше перепечатанъ съ полной точностью въ «Сѣверныхъ Запискахъ».

Вл. Ладыженскій. «Дома». Разсказы. Издательск. тов-во писателей. Спб. 1913. Цѣна 1 руб.

Недаромъ посвятилъ г. Ладыженскій свой сборникъ «свѣтлой памяти А. П. Чехова». По основному тону жизнеотношенія, по манерѣ письма, по структурѣ фразы г. Ладыженскій очень похожъ на Чехова, и это-то сходство служитъ автору во вредъ и невольно вызываетъ читателя на невыгодныя для г. Ладыженскаго сопоставленія. Мало общаго и нѣтъ «главнаго». И то, да не то. Рядомъ съ Чеховымъ г. Ладыженскій кажется лишнимъ и непужнымъ. Что у одного нѣжно, то у другого топорно; что у одного глубоко и прозрачно, у другого мелко и мутно. Большая это неудача для писателя — быть грубой копіей, не имѣть своего лица и на вдохновенную пѣсню отзываться унылымъ подголоскомъ.

В. Князевъ. Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки С.-Петербургской губерніи. Изд. М. Г. Корифельда. Спб. 1913. Цѣна 1 р. 50 коп.

Частушка, въ наши дни почти повсюду смѣнившая старую народную пѣсню, обратила на себя вниманіе еще лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ назадъ, вниманіе большею частью недоброжелательное и несочувственное. Она не только не выдерживала ни съ какой стороны сравненія съ прежней народной пѣсней, такой содержательной и величавой, но несла съ собою мутную струю неустоявшейся, жалкой души городского пролетаріата, пахла, если можно такъ выразиться, сивухой и ночлежнымъ домомъ... Съ теченіемъ лѣтъ частушка прояснилась, облагородилась, приняла въ свое вѣдѣніе весь

обиходъ народной жизни. Ея появленіе, распространіе и усложненіе знаменуетъ нѣкій кризисъ въ народномъ пѣснотворчествѣ, обличаетъ въ немъ иное новое отношеніе къ лирикѣ и музыкѣ, и съ этимъ краснорѣчивымъ фактомъ нельзя не считаться. Г. Князевъ совсѣмъ не изслѣдователь, и напрасно пытается имъ быть, его заключенія подчасъ довольно наивны, пріемы собиранія матеріала плохо разработаны, но онъ собралъ богатый матеріалъ и часть его систематизировалъ и издалъ. Передъ нами—1621 частушка. Ими охватывается быть современной петербургской деревни во всевозможныхъ его проявленіяхъ, и мало-мальски вдумчивому наблюдателю народной жизни этотъ сборникъ скажетъ много. Отъ прежней пѣсни частушка отличается чрезвычайной быстротой воспріятія; она впечатлительна, какъ газета, и родитъ свой мгновенный откликъ на всякій звукъ жизни. Поэтому въ ней меньше задатковъ жизнеспособности, и, въ связи съ бѣдностью ея формы, на нее приходиться смотрѣть какъ на переходное явленіе. Тѣмъ желательнѣе записываніе и печатаніе частушекъ.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Авсѣенко, В. Г. Сочиненія. Т. XI. Былое и небылое. Т. XII. Силуэты. Спб., 1913 г. Цѣна XI т. 1 р. 75 коп.; цѣна XII т. 1 р. 50 коп.

Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. Вып. II. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Амфитеатровъ, Александръ. Аглая. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Андреевъ, Л. Прекрасныя собинянки. Спб., 1913 г.

Андреевъ, Леонидъ. Собраніе сочиненій. Т. 14-ый. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Аннинъ. Подруги. Сцена въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Москва, 1913 г. Цѣна 30 коп.

Анофріева, В. Т. Исторія развитія и дѣятельности потребительск. об-ва при фабрикѣ т-ва Княжской мануфактуры Саввы Морозова, Сынъ и К°. Москва, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Архангельскій, П. Къ вопросу о происхожденіи русской общины. Казань, 1913 г.

Архангельскій, А. С. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Литература Московскаго государства. Казань, 1913 г. Цѣна 4 руб. 50 коп.

Арцыбашевъ, М. Т. VI. У послѣдней черты. Романъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Баранцевичъ, К. С. Сочиненія. Т. 6-ой. Послѣдняя воля. Т. 7-ой. Побѣда. Т. 8-ой. Раба. Т. 9-ый. Мужъ. Спб., 1913 г. Цѣна каждаго тома 1 руб. 25 коп.

Бернетъ, Ф. Г. I. Сара Кру. II. Воръ Эдифи. Спб., 1913 г. Цѣна 25 коп.

Брюсовъ, Валерій. Собраніе сочиненій. Т. I. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Брюсовъ, Валерій. Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ и драм. сценъ. 1908 — 1912. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Будищевъ, Ал. Дали туманныя. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Бутенко, В. А. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи. Т. I. 1814 — 1890. Спб., 1913 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Видгорчикъ, Н. А. Что долженъ знать каждый участникъ больничной кассы. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Виппперъ, Р. Древній востокъ и эгейская культура. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Вихляевъ, П. А. Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. Вып. 3-ій. Москва, 1913 г.

Гедшеръ, Э. Около желѣза и золота. Спб., 1913 г. Цѣна 20 коп.

Гаманъ, Рихардъ. Эстетика. Пер. Н. В. Самсонова. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Гессе, Германъ. Окольные пути. Разсказы. Пер. А. Ф. Даманской. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Глаголь, Сергѣй. Очеркъ исторіи искусства въ Россіи. Москва, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Гобино, графъ. Вѣкъ возрожденія. Историческія сцены. Пер. Н. Горбова. Москва, 1913 г. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Голенищевъ-Кутузовъ, Дм. «Русская Правда» и Византія. Иркутскъ, 1913 г., Цѣна 50 коп.

Голландская, Елеонора. Разсказъ. Т. II. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Гольдштейнъ, І. М. Русско-Германскій торговый договоръ и слѣдуетъ ли Россіи быть «колоніей» Германіи. Москва, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Даннеманнъ. Исторія естествознанія. Одесса, 1913 г. Цѣна 3 руб.

Дріанъ. Плѣнники моря. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Дымовъ, О. Солнцеворотъ и Ню. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Езерскій, Ѳ. В. Всемірное значеніе алфавита транскрипціи на всѣ вѣка для всѣхъ народовъ. Спб., 1913 г.

— Транскрипція названій географическихъ мѣстностей и инородныхъ языковъ. Спб., 1913 г.

— Универсальный географическій алфавитъ. Спб., 1913 г.

Замотинъ, И. И. Ѳ. М. Достоевскій въ русской критикѣ. Часть первая. 1846—1881. Варшава, 1913 г. Цѣна 2 руб.

Загряцковъ, М. Б. Земельная политика городского самоуправленія въ Германіи. Т. I. Строительное право, какъ факторъ городского землеустройства. Москва, 1913 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Іевлевъ, М. А. Къ млечному пути. Стихотворенія и поэмы. Спб., 1913 г., Цѣна 1 руб.

Кабановъ, Н. О здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Нижній-Новгородъ, 1913 г. Цѣна 35 коп.

Каганъ, В. О преобразованіи многогранниковъ. Одесса, 1913 г. Цѣна 35 коп.

Колоссовскій, А. В. Современное состояніе вопроса о предсказаніи погоды. Одесса, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Козельскій, О. Призраки. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Корренсъ, К. Новые законы наслѣдственности. Пер. съ нѣм. А. Ф. Вѣржбицкаго, Москва, 1913 г. Цѣна 80 коп.

Кравченко, Н. Н. Идея международноправовой регламентаціи фабнаго труда въ ея историческомъ развитіи до берлинской конференціи 1890 г. Томскъ, 1913 г. Цѣна 2 руб.

Кузнецовъ, Н. А. Опыты по исторіи политическихъ идей въ Англіи (XV—XVII вв.). Владивостокъ, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Собраніе сочиненій. Т. III. Бурный потокъ (На улицѣ). Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Хлѣбъ. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Медвѣдковъ, А. П. Краткая исторія русской педагогики. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Муйжель, В. В. Собраніе сочиненій. Т. VII и X. Спб., 1913 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 коп.

Мюллеръ, Максъ. Шри Парамазамза, его жизнь и ученіе. Пер. съ англ. И. Ф. Наживина. Москва, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Невзоровъ, Н. П. По пути къ правовому государству. Москва, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Невѣдомскій, М. П. и Рѣпинъ И. Е. Куинджи. Спб., 1913 г.

Николай Михайловичъ, Великій Князь. Письма высочайшихъ особъ къ графинѣ А. С. Протасовой. Спб., 1913 г.

Оксъ, Викторъ. Ла и Джо. Спб., 1913 г. Цѣна 12 коп.

Пименова, Э. Канада, страна великихъ озеръ. Спб., 1913 г. Цѣна 35 коп.

Погодинъ, Петръ. Стихи. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Позднякова, Н. С. Облетѣвшія мысли. Москва, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Полевой, П. Н. Сочиненія. Подъ ред. П. В. Быкова. Т. Ш. Братья-соперники. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Постниковъ, А. П. Учебникъ физики. Часть II. Москва, 1913 г. Цѣна Цѣна 1 руб. 25 коп.

Прыжовъ, И. Нищіе на Святой Руси. Казань, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Пушкинъ, А. С. Уединенный домикъ на Васильевскомъ. Разсказъ. По записи В. П. Титова. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Радловъ, Э. Л. Философскій словарь. Москва, 1913 г. Цѣна 2 руб.

Рейснеръ, М. А. Къ общественному мнѣнію! (Мое дѣло съ В. Л. Бурцевымъ). Спб., 1913 г.

Ремизовъ, Алексѣй. Подорожіе. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Родэнъ, А. Искусство. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Ромэръ, Ѳ. Э. Сочиненія. Т. I. Дилетантъ. Романъ. Т. II. Нерѣшенныя задачи. Романъ. Т. III. Подъ разными флагами. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна каждаго тома 1 руб. 25 коп.

Рудичъ Вѣра. Ступени. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Саловъ, И. А. Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Грачевскій крокодилъ. Повѣсти и разсказы. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Сахаровъ, А. А. Основной курсъ международнаго языка «Эсперанто». Москва, 1913 г. Цѣна 5 коп.

Свѣтловъ, В. Я. Сочиненія. Т. V. Темный блескъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Селихановичъ, Александръ. Психологія нравственныхъ переживаній. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 30 коп.

Симаковъ, В. И. Нѣсколько словъ о деревенскихъ припѣвкахъ-частушкахъ. Спб., 1913 г. Цѣна 10 коп.

Скорняковъ, Л. Н. Дѣятельность крестьянскаго поземельнаго банка въ Кіевской губерніи за 28 лѣтъ (1883—1910 гг.). Кіевъ, 1913 г. Цѣна 1 руб.

С—въ, Степанъ. Профессоръ Бугровъ. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Сьрошевскій, В. Сыны неба. Спб., 1913 г. Цѣна 25 коп.

Тернель, Этель. Юные австралійцы. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Тотоміанцъ, В. Ѳ. Теорія, исторія и практика потребительской кооперації. Изд. 3-ье. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Тюринъ, С. Московское центральное бюро профессіональныхъ союзовъ. Москва, 1913 г. Цѣна 85 коп.

Тэнъ, Ипполитъ. Путешествіе по Италіи. Т. I. Неаполь и Римъ. Пер. П. П. Перцова. Москва, 1913 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Флоберъ, Г. Полное собраніе собраніе сочиненій. Т. II Саламбо. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Фурье, Е. Геометрическія головоломки и паралогизмы. Одесса, 1913 г. Цѣна 30 коп.

— Очерки исторіи элементарной геометріи. Одесса, 1913 г. Цѣна 30 коп.

Цаликовъ, А. Х. Кавказъ и Поволжье. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Черемновъ, А. Стихотворенія. Т. 1-ый, Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Чулковъ, Георгій. Сочиненія. Т. IV. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шалландъ, Л. А. Иммунитетъ народныхъ представителей. Юридическое изслѣдованіе. Т. II. Юрьевъ, 1913 г. Цѣна 3 руб.

Шишковъ, Н. А. Начала общественной жизни. Спб., 1913 г. Цѣна 15 коп.

Щеголевъ, П. Е. Историческіе этюды. Спб. 1913 г. Цѣна 3 руб.

Эрбергъ, Конст. Цѣль творчества. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Эренбургъ, И. Будни. Стихи. Парижъ, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Ѳедоровъ, А. М. Бадера, Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Агрономическій журналъ Книги I и II. Харьковъ, 1913 г.

Альманахъ изд-ва «Шиповникъ». Книга 20-ая. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Библіографія Валерія Брюсова. 1889—1912. Москва, 1913 г.

Вербочки. Весенній альманахъ для дѣтей младшаго возраста. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Вопросы алкоголизма. Подъ ред. В. М. Бехтерева. Вып. I. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. IV. Языкъ, какъ творчество. Происхожденіе языка. Проф. А. Л. Погодинъ. Ред. Б. А. Лезинъ. Харьковъ, 1913 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Въ борьбѣ за жизнь. По Бенгаръ Бергу. Спб., 1913 г. Цѣна 40 коп.

Голубая книжка. Сказки М. Горькаго, Саши Чернаго и К. Милля. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Извѣстія об-ва финансовыхъ реформъ. № 6. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Кустарная промышленность и сбытъ кустарныхъ издѣлій. Сост. А. А. Рыбниковъ, кромѣ IV гл. III части, котор. сост. А. С. Орловъ. Москва, 1913 г.

Матеріалы по исторіи современнаго противоалкогольнаго движенія въ Россіи. Вып. I. Спб., 1912 г. Цѣна 5 коп.

Новеллы итальянскаго возрожденія, избранныя и переведенныя П. Муратовымъ. Часть III. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Сборникъ Историко-Филологическаго об-ва при институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. VIII. Нѣжинъ, 1912—1913 г.

Совѣщаніе дѣятелей по городскому хозяйству въ Спб. 1—7 дек. 1912 г. Спб. 1913 г.

Союзъ молодежи. Сборникъ. Москва, 1913 г.

Справочная книга для сельскихъ товариществъ. Харьковъ, 1913 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Труды по постоянной коммисіи по вопросу объ алкоголизмѣ и мѣрахъ борьбы съ нимъ. Подъ ред. М. Н. Нижегородцева. Вып. XI—XII. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб.

Фіорды. Сборникъ 12-ый. Желтая смерть. Разсказы изъ быта датскихъ евреевъ. М. Гольдшидта. Пер. А и П. Ганзенъ. Спб. 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Цѣны на рабочія руки въ сель-

скомъ хозяйствѣ Черниговской губ. Черниговъ, 1912 г.

Экспортъ заграницу продуктовъ горной и горнозаводской промышленности юга Россіи. Вып. IV. Харьковъ, 1913 г.

Южно-русское общество взаимнаго страхованія отъ неплатежей, какъ средство борьбы съ неплатежами. Одесса, 1913 г.

Грушевський, Михайло. Історія України-Руси. Том VIII, частина I. Київ.Львів, 1913. Ціна 2 р.

Шашкевич, Макрій. Писання. Видав Михайло Возняк. У Львові. 1912 г.

Записки Наукового товариства імени Шевченка. Т. CXII. У Львові, 1912 г.

Baudoin-de Courtenay, I. W «Kwestyi Zydowskiej» Warszawa, 1913 г.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: А. С. Посниковъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

ПОПРАВКИ.

Въ апрѣльской книжкѣ «В. Е. замѣчены слѣдующія опечатки.

Въ статьѣ Э. Хусида:

На стр. 336, 4 стр. сверху, напечатано: «*нашей техники*», надо читать: «*нашей психики*».

На стр. 338, 10 стр. сверху, напечатано: «*невольно*», надо читать: «*повально*».

Въ рецензіи В. В.:

На стр. 395, въ заглавіи книги, напечатанно «*Язвинъ*», надо читать: «*Ямзинъ*»; тоже и въ текстѣ рецензіи.

Въ статьѣ В. В. «Корни народничества 70-хъ годахъ»

На стр. 161, стр. 15—16, напечатано: «*задалъ вопросъ, дѣйствительно-ли направлено*»; надо читать: «*задалъ вопросъ, имѣются ли объективныя основанія для того, чтобы направленіе*».

Красоту

придаетъ нѣжное, чистое лицо, розовый юный видъ, бѣлая, бархатная кожа и ослѣпительно красивый цвѣтъ лица

Все это достигается настоящимъ

Мыло „Конекъ"

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ.
Требуйте только красную упаковку.
Кусокъ 50 К. Можно получать вездѣ.
Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ,
Малая Конюшенная № 10.

МНѢНІЕ НАУКИ

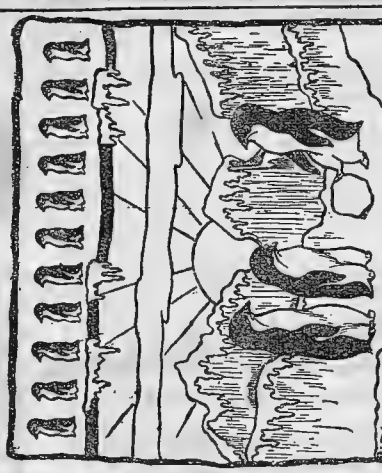
О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!



L'EAU NEIGEUSE
(СНѢЖНАЯ ВОДА).
ЗАМѢНА КРЕМОВЪ!
Идеально ОСВѢЖАЮЩЕЕ средство для обтиранія лица. НЕ САЛИТЪ, дѣлаетъ кожу НѢЖНОЙ, сглаживаетъ МОРЩИНЫ.
фабрики Т-ва „Э. Пёлеръ и К°"
въ Москвѣ".

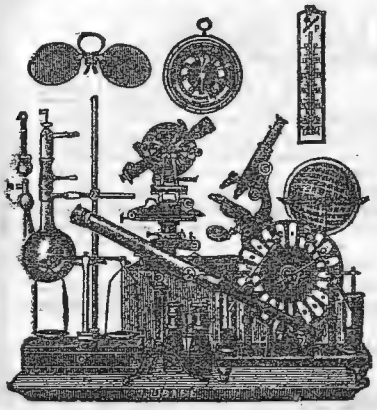
КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ
АЙВАДА (Aywad's Water Wings)
ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ.
СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ и ЛЕЖАТЬ на ВОДѢ.

СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛѢЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.
ПОДДЕРЖИВАЮТЪ НА ПОВЕРХНОСТИ ДО **9 ПУДОВЪ.**
Цѣна **1** р. **70** к., пересылка **35** к., въ Сибирь **65** к.

СКЛАДЪ У
И. ГЛАЗУНОВА, **Москва,**
Столешниковъ, № 8.

Поставщикъ Высочайшаго Двора
МЕХАНИКЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
О. ШВАБЕ,
Москва, Кузнецкій мостъ.
Фабрика геодезическихъ инструментовъ.



Астролябіи, теодолиты, нивеллиры, мензулы, кипригеля и т. п.
Громадный выборъ инструментовъ для черченія и рисованія.
Полное оборудованіе химическихъ лабораторій всѣми новѣйшими аппаратами и принадлежн. Коллекціи, препараты и принадлежности для преподаванія зоологіи, ботаники, минералогіи и естествовѣдѣнія.
Полное оборудованіе физическихъ кабинетовъ.
Медицинскіе и ветеринарные инструменты.
Адресъ для телегр.: Хирургоптику.
Телефонъ № 2.37-34.

Оригинальная ♣ ♣ ♣ Новость.
ДУХИ «съ живымъ цвѣткомъ».
Натуральн. ландышъ.
ПРОДАЕТСЯ въ МАГАЗИНѢ
Т. д. О. ЗУББЕРТЪ и К°.
Москва, Петровскій пассажъ.
Тамъ же получены Модныя Гребенки для головн. убор.
Первокласси. французск. фабрики по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Вышла IV книга

ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРЫ

ЖАТВА.

Содержаніе: **Арсеній Альвингъ, Анна Ахматова, Павелъ Зоревъ**—стихи. **Евгеній Курловъ** — Князь міра (повѣствованіе). **А. И. Купринъ**—Жидкое солнце (новый разсказъ). **А. Бартеневъ, Николай Бернеръ, К. Кова** — Литературная критика. **Е. Наумовъ**—Театръ. **А. Выѣзжевъ**—Живопись.

Цѣна отдѣльной книги—1 р. 80 коп. Во всѣхъ книжн. магаз. продолжается подписка на 1913 годъ. Въ первой книгѣ 1913 года будетъ напечатана новая повѣсть **Георгія Чулкова**—Сатана.

Адресъ редакціи и конторы **ЖАТВЫ:**

Москва, Арбатъ 18.

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ.

1 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Средне-учебное заведеніе заочно.

25 ТОМОВЪ по 250—300 СТРАНИЦЪ.

РАСХОДУЯ ПО 1 Р. 50 К. ВЪ М—ЦЪ, НИКАКИХЪ БОЛЬШЕ РАСХОДОВЪ! УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ не ТРЕБУЕТСЯ! всякій можетъ серьезно и основательно, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей-спеціалистовъ и по новѣйшимъ педагогическимъ методамъ пройти полный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, подготовиться къ любому экзамену по разнымъ предметамъ на званіе учителя-цы городскихъ, уѣздныхъ, начальныхъ и сельскихъ училищъ, аптекарск. ученика, вольноопредѣл. 1-го и 2-го разр., на классн. чинъ и т. п.

При редакціи учреждено постоянное бюро, которое руководитъ занятіями и провѣряетъ присылаемыя учениками работы безплатно.

Вышло изъ печати 24 выпуска. Для подробнаго ознакомленія съ изданіемъ „ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ" выпуски высылаются съ наложен. платежомъ по 1 р. 50 к. за каждый.

АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ. Предназначается для всякаго коммерческаго дѣятеля. Въ курсъ входитъ бухгалтерія, коммерч. корресп., коммерч. ариѳм., экономич. и юридич. науки, торговля, техника веденія торг.-пром. заведеній и мн. др.

15 томовъ по 250 стр. Цѣна за каждый томъ 2 руб. Вышло изъ печати 4 тома. Каждый томъ высыл. нал. плат. за 2 р. 20 к.

АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ. Новая оригинальн. система, дающая возможность легко и основательно безъ помощи учителя пройти курсъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языка. Курсъ кажд. яз. состоитъ изъ 10 томовъ. Вышло 9 томовъ изъ курса каждаго языка. Цѣна за кажд. томъ 1 р., налож. пл. высыл. за 1 р. 20 к.

Въ нашихъ изданіяхъ принимаютъ участіе: прив.-доц. ГАБРИЛОВИЧЪ, проф. МИГУЛИНЪ, преп. СПБ. Полит. Инст. ПЕРНЭ, проф. РЕЙСНЕРЪ, прив.-доц. ТОТОМІАНЦЪ, д-ръ соц. наукъ ШЛЕЦЕРЪ и мн. др. препод. высш., средн. учебн. зав. СПБ.

Подробные проспекты вышеупом. изданій, отзывы печати и учениковъ высылается безплатно.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „**БЛАГО**" С.-Петербургъ, Невскій просп. **88-85.** НУЖНЫ ЭНЕРГИЧНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ.

Торговый Домъ

„Модный Міръ"

ЖУРНАЛЫ

...МОДЪ...

и ВЫКРОЙКИ

ГОТОВЫЯ и НА ЗАКАЗЪ

МАНЕКЕНЫ. ● ● ● ●

● ● ● ● ПЛИССЕРОВКА.

Каталогъ № 60 высылается безплатно.

Москва, Голофтѣевскій пассажъ.

Торговый знакъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ въ Россіи МАГАЗИНЪ

спеціально **РЫБО**ЛОВНЫХЪ принадлежностей.

ТОРГОВАГО ДОМА

„*С. Д. Малиновскій*",

МОСКВА, РОЖДЕСТВЕНКА, 8.

Роскошно иллюстрированный, ясно и толково составленный **ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ** съ объясненіемъ всѣхъ способовъ уженья и примѣненія снастей высылается **БЕЗПЛАТНО.**

НОВЫЯ КНИГИ собственнаго изданія:

1) „**УЖЕНЬЕ РЫБЫ**", И. Комарова. Цѣна безъ пересылки 1 р.
2) „**ЛОВ...Я СОМОВЪ НА КВОКЪ**", М. Ушакова. Цѣна безъ пересылки 35 к.
3) Брошюра бр. Гарди, катушки „SILEX" и англійск. „**МЕТОДЫ УЖЕНЬЯ СПИННИНГЪ**" (переводъ съ англійск.). Цѣна безъ пересылки 35 к.

Музыкальная Торговля

В. БЕССЕЛЬ и К°.

Поставщики Двора Его ИМПЕРАТОРСКАГО Величества

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 54. **Телефонъ 53-61.**

МОСКВА, Петровка, 12. **Телефонъ 32—27.**

Большой выборъ нотъ всевозможныхъ изданій какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Требованія г.г. иногородныхъ исполняются **аккуратно** и съ **первой** отходящей почтой. По желанію съ налож. платежомъ.

Каталоги собственныхъ изданій высылаются **безплатно.**

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.
АМЕРИКАНСКОЙ ОБУВИ
WALK-OVER

ПОЛУЧЕНЫ НОВОСТИ
ЛѢТНЕЙ ОБУВИ.
Ф. МАДЕРЪ.
МОСКВА, Столешниковъ пер., 9.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ
БУХГАЛТЕРІИ И. А. ШМИТЪ,
преподавателя бухгалтеріи и кандидата коммерческихъ наукъ КОММЕРЧЕСКО-ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.
МОСКВА, *Б. Лубянка, д. 13, В, Трындина.*
УСЛОВІЯ оъ иллюстрир. учебн. планомъ высыл. безплатно. Спеціально ПОДГОТОВКА НА МѢСТА въ конторы торгов., банков., фабричн., жел. дор. и др. Принимаются лица всякаго возр. и образов. Для служащихъ и учителей льготн. усл. Рекомендація конторщ. и бухгалтер. безвозмездно. Награда отъ правительства за 15-лѣтн. успѣшн. практ. дѣятельность. ОБЩЕЖИТІЕ. Пріемъ ежедневно.
Телеф. 255-70.
Требовать безпл. программу.

ФИРМА ВЫСШИХЪ УДОСТОЕНА НАГРАДЪ.

по 4 р. 1 р.50к. 2р.50к. 9 р. по 85 к. 2 р.50 к. по 60 к. по р. 50 к.
ТОРГОВО-ФАБРИЧН. Т-ВО СПБургъ. И. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ Садовая 29.
ОТДѢЛЕНІЯ: 1) Невскій, Гостин. дворъ 15. 2) Садовая 35. 3) Невскій 57.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВСѢХЪ МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕН. И ГРАММОФОНОВЪ.
ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМЪ

ACTIS
ФОТО-КАМЕРЫ
ТОЧНОЙ РАБОТЫ
КРАУСА
БИНОКЛИ
МИКРОСКОПЫ
Е. КРАУСЪ - ул. Гоголя 5 -
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
КАТАЛОГЪ № 100 БЕЗПЛАТНО.

КОРСЕТЫ
НОВѢЙШ. ИЗЯЩ. ФАСОНОВЪ
послѣднія модели ПАРИЖА
громадный выборъ готоваго товара и матеріаловъ для
ПРІЕМА ЗАКАЗОВЪ.
французскіе вязаные корсеты „ПЛАСТИКЪ"
НАБРЮШНИКИ
ГРУДОДЕРЖАТЕЛИ
всѣ принадлежности дамской гигіены
Новый иллюстр. каталогъ безплатно
С.П.Б.
Литейный 45 В. прот. Бассейной
МАРКУСЪ ЗАКСЪ
Телеф. № 238-40.

НОВОСТИ къ ЛѢТУ!

Дачныя, дорожныя и для СПОРТА

легкіе англійскіе пиджаки . . . . . отъ 7 р.
съ жилетами въ цвѣтъ пиджака . . . . „ 12 „
съ брюками (полный костюмъ) . . . . „ 18 „

Костюмы для спорта. Англійскія бѣлыя брюки.
Англійскія пальто.

ЦВѢТНЫЯ СѢТЧАТЫЯ СОРОЧКИ.

Вестоны, куртки, жилеты, кушаки, полужилеты, фуражки и др. предм.

Н. МИХѢЕВЪ.

Невскій, 32, телеф. 458-39, противъ Думы.

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Я. ЗИМИНА** вдова и **С. НИКИФОРОВЪ.**

Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго, домъ № 15.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ○ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ○ Шомпольныя двухствол. отъ 12 р. ○ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ○ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ○ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ○ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ○ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патроновъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

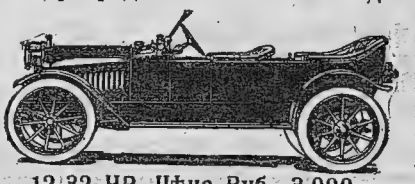
АМЕРИКАНСКІЕ АВТОМОБИЛИ

Сильны, прочны, экономны.

Hupmobile

Безшумны, изящны, недороги.

На международной выставкѣ Стандъ № 5.

Краткое  **описаніе:**

12/32 HP. Цѣна Руб. 3.000— съ полнымъ снаряженіемъ.

4 цил. 83×140 м/м., блокъ, закрытые клапана, внѣосное расположеніе рабочаго вала, магнето Бошъ, карбюраторъ „Зенитъ“, сифономъ, смазка подъ давленіемъ, сцѣпленіе дисками, перемѣна скоростей переставн. шестернями (3 скор.), рычаги скоростей и ручного тормоза посреди коляски (у лѣвой руки), передача карданомъ, разгруженный дифференціалъ, оба тормоза на задн. кол., шины 810×90.

Русско - Американское Торговое Т-во

С.-Петербургъ, Казанская пл., 1—3. ——— Тел. 143—02.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ къ именинамъ и праздникамъ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

ЯПОНСКІЙ массивный ЖЕМЧУГЪ

рѣдкостной красоты, замѣчательно прочный, небьющійся, имѣетъ чудный блескъ, цвѣтъ, вѣсъ и всѣ преимущества настоящаго.

Необходимъ каждой дамѣ, какъ роскошное украшеніе и дополненіе туалета.

Незамѣнимъ въ особенности къ открытымъ платьямъ.

Имѣется всѣхъ оттѣнковъ: бѣлый, желтоватый и розоватый.

Цѣна за колье любого оттѣнка **8 руб.** съ замкомъ „Дубле“; **10 руб.** съ золотымъ замкомъ 56 пробы.

Требованія адресовать: **С.-Петербургъ, Литейный, 45W ювелиру С. М. ВОЛОСЪ.**

(Фирма существуетъ съ 1873 г.).

Высылаются немедленно по первому требованію наложеннымъ платежемъ, безъ задатка. Пересылка и упаковка въ Евр. Россіи за счетъ фирмы.

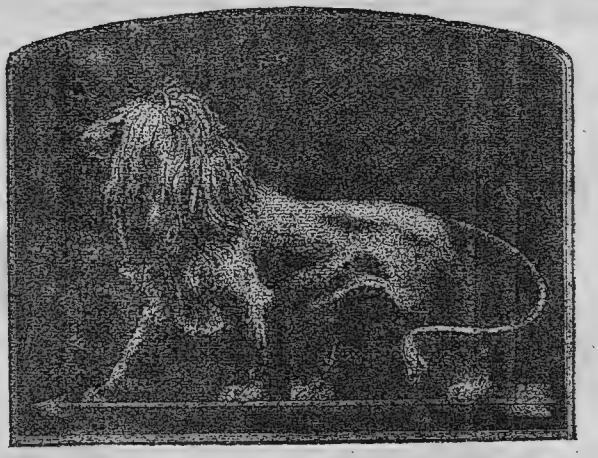
Иллюстрированный каталогъ высылается по требованію безплатно.

1—3

Автомобили
Грузовики
Автобусы

Французскаго первокласснаго завода

ПЕЖО



ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
С.-Петербургъ, Кронверкскій пр. 13, уголъ Каменноостровскаго
Фабричный складъ
для Москвы и центральной Россіи:
Москва, Камергерскій пер., 1.
Т-ва П. ПОПОВЪ и К°.

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЪ, АГРАМАНТЪ

ФАБРИК.
Бр. БАЛАКИНЫ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, ПРОТ. ГОСТ. ДВОР.
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИН. КАНАЛЪ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ И СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ“

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
Москва, Новинскій бул., д. 103.

Ближайшее участіе принимаютъ:
С. Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

С. БУЛГАКОВЪ—Очерки по исторіи экономическихъ ученій. Выпускъ 1. Изд. автора. Ц. 1 р. 50 к.

И. ЗЕЙПЕЛЬ.—Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. Перев. съ нѣм. съ предисл. С. Н. Булгакова. Ц. 2 р.

Вл. КАРПОВЪ.—Основныя черты органическаго пониманія природы. Ц. 80 к.

Кн. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ.—Русскія ночи. (Съ дополнен. и поправк. по рукописямъ). Ц. 2 р.

Вл. СОЛОВЬЕВЪ.—Владиміръ Святой и христіанское государство и отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. Пер. съ фр. Г. Рачинскаго съ предисл. кн. Евг. Трубецкого. Ц. 75 к.

Кн. Евг. ТРУБЕЦКОЙ.—Міросозерцаніе Вл. Соловьева. Въ 2-хъ т. Изд. авт. Ц. 4 р.

П. Я. ЧААДАЕВЪ.—Сочиненія и письма. Въ 2-хъ т. съ портр. подъ ред. Гершензона. Ц. за 2 т. 5 р.

Свящ. С. ЩУКИНЪ.—Сборникъ статей. (Около церкви и др.). Ц. 1 р.

Продаются во всѣхъ извѣстн. книжн. маг. Высылаются нал. плат. Проспектъ по требов. безплатно.

ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТОРА

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКА

Б. В. ЧЛЕНОВА

Москва, Мясницкая, домъ № 29, Александрова. Телефонъ № 51-59.

Устройство центральнаго отопленія и вентиляціи всѣхъ системъ

съ гарантіей за отличное дѣйствіе и экономическій расходъ топлива.

Устройство увлажненія и сушиленъ.

Смѣты и предварительные проекты—безплатно.

Кв. Брейтигамъ.

Захарьевская, 8. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Телефонъ 603.

Адресъ для телеграммъ: Мерседесъ — С.-Петербургъ.

Единственный представитель для СПБ. и СПБ. губ.

ОБЩЕСТВА МОТОРОВЪ ДАЙМЛЕРЪ

МЕРСЕДЕСЪ.

ГРУЗОВИКИ. ОМНИБУСЫ.

Даймлеръ

разныхъ силъ и типовъ.

Механическая ремонтная мастерская.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, № 39.